

БРЕТТ
ТАРТТ

ГЭВРИЭЛЬ
КОНРОЙ

Библиотечка
ТРИКЛЮЧЕНИЙ
продается отдельно.

Будущее

Труды

вечный

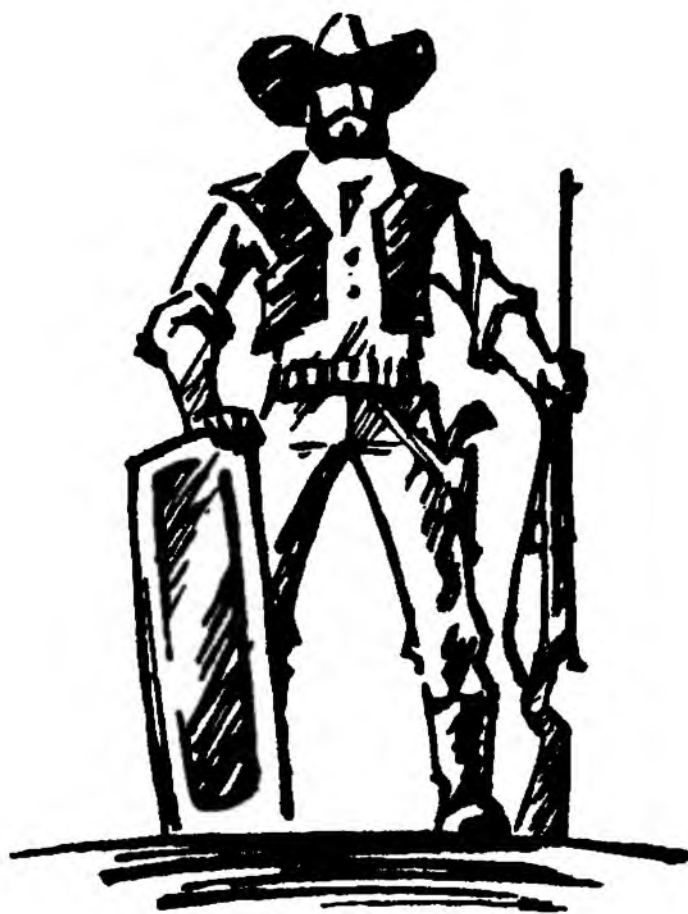
продолжается...

Scan Kreyder - 09.06.2015
STERLITAMAK

WNO
S

Библиотека
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
продолжается...

Дренсис
БРЕШ ГАРТ

**ГЭБРИЭЛЬ
КОНРОЙ**

**ТЕНКОУЛ
БЛОССОМ**

**САЛЛИ
ДАУС**

МОСКВА
· ДИАМАНТИ ·
1994

**ББК 84.7 США
Г 21**

Перевод с английского:
А. Старцева («Гэбриель Конрой»)
Б. Томашевского («Тэнкфул Блоссом»)
Н. Вольпин («Салли Даус»)

*Иллюстрации С. Соколова
Оформление серии Е. Соколова*

*Редактор Т. Кудина
Тех. редактор Т. Жихарева
Корректор О. Благова*

**Выпуск издания осуществлен фирмой «Диамант»
совместно с ПКФ «Печатное дело»
ЛР № 062749 от 18 июня 1993 г.**

Гарт Брет
Г 21 Гэбриель Конрой. Роман. Тэнкфул Блоссом.
Салли Даус. Повести. Пер. с англ. /Ил. С. Соколо-
ва. — М.: ДИАМАНТ. 1994. — 560с., илл. (Серия
«Библиотека приключений продолжается...»)

Г $\frac{47030010100-004}{6Ф 8(03)-94}$

ББК 84.7 США

ISBN 5-87056-073-x

© А. Старцев — перевод
«Гэбриель Конрой», 1994
© Н. Вольпин — перевод
«Салли Даус», 1994
© Разработка серии,
состав, оформление —
КФ «Печатное дело», 1994

Сдано в набор 10.03.93. Подписано к печати 16.05.94. Фор-
мат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Усл. печ. л. 29,4.
Усл. кр.-отг. 29,4. Уч.-изд. л. 28,57. Гарнитура Таймс. Печать вы-
сокая. Тираж 26 000 экз. «С»—004. Заказ № 76

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного
Знамени ИП «Техническая книга» Комитета Российской Федерации
по печати. 198052, С.-Петербург, Измайловский пр., 29

**ГЭВРИЭЛЬ
КОНРОЙ**

КНИГА ПЕРВАЯ
НА ПОРОГЕ

Глава I
ВОВНЕ

Бело. Кругом бело. Даже если вы взберетесь на самую высокую из здешних вершин, чтобы глянуть на юг,— а окрестность открывается оттуда на добрые пятьдесят миль,— то и тогда не увидите ничего, кроме снега. Снег засыпал яры и ущелья, одел белым саваном каньоны, преобразил водораздел в подобие чудовищного могильника, укрыл основания сосен-гигантов и с верхушками упрятал молодые сосенки и лиственницы, облил белой глазурью берега чашеобразных озер, таких тихих сейчас и недвижных, и простерся — словно застывший волнистый океан — вплоть до самой линии горизонта. 15 марта 1848 года калифорнийская Сьерра была под белым покровом, а снег все валил и валил.

Он шел уже десять суток. Он падал на землю изящными ледяными кристаллами, мокрыми губчатыми хлопьями, прозрачными легкими пушинками. Из свинцовых туч

он шел ровно и медленно, с багряно-черного неба валился плотной массой, а когда по небу проносились разорванные облака, они выбрасывали снег длинными струями, словно белые копья. Он падал беззвучно. Леса задыхались от снега, ветви деревьев изнемогали под его тяжестью; он захватил, пропитал, взял в полон и небо и землю; он укутал, устлал мягким ковром гулкие утесы и звенящие эхом склоны гор, обрекши их на безмолвие. Самый резвый порыв ветра, самый яростный вихрь не мог теперь вызвать ни жалобы, ни вздоха от скованного снегом, окаменевшего леса. Сук не хрустнет, хворост не затрещит. Перегруженные снегом ветви сосен и елей отламывались от стволов и падали на землю в молчании. Безмерная, бескрайняя, необъятная тишина!

Ни малейшее дыхание жизни, ни малейшее движение не нарушали строго очерченный облик этого заколдованного пейзажа. Вверху не было привычной игры света и тени: сгущающаяся тьма бури сменялась ночной тьмой. Внизу — ни птицы над белой пустыней, ни зверя — в черном лесу. Если и обитали когда в этих пространствах живые существа, они давно ушли прочь — в низины. Нигде — ни пробитой тропы, ни следа. Если и был здесь отпечаток ноги человека или животного, его стер, замел падающий снег. Пустыня просыпалась каждое утро девственной и безмятежной; миллионы крохотных танцоров успевали отполировать за ночь снежную гладь. Но все же в самом центре пустыни, в главном форте этой суровой крепости виднелся знак человеческого труда.

Несколько срубленных деревьев лежало у самого входа в каньон, свежие стружки были лишь слегка припорошены снегом. Эти деревья были свалены для того, чтобы вернее открыть взору другое дерево, к стволу которого было прикреплено грубое изображение человеческой руки, указующей на каньон. Под изображением руки был накрепко прибит квадратный кусок парусины со следующей надписью:

«ВНИМАНИЕ!

Партия переселенцев под водительством капитана Конроя заблудилась в снежную бурю и разбила лагерь в этом каньоне. Продовольствие кончилось. Умираем голодной смертью.

Вышли из Сент-Джо 8-го октября 1847 года.

Вышли из Солт-Лейк 1-го января 1848 года.

Прибыли сюда 1-го марта 1848 года.

Потеряли половину лошадей, переправляясь через Плату.
Бросили повозки 20-го февраля.

ПОМОГИТЕ!

Вот наши имена: Джоэл Маккормик, Питер Дамфи, Поль Деварджес, Грейс Конрой, Олимпия Конрой, Мэри Дамфи, Джейн Брэкет, Гэбриель Конрой, Джон Уокер, Генри Марч, Филип Эшли».

Внизу было приписано помельче карандашом:

«Мама умерла 8-го ноября в Суитгуотере.

Мини умерла 1-го декабря в Эхо-Каньоне.

Джейн умерла 2-го января в Солт-Лейк.

Джеймс Брэкет пропал без вести 3-го февраля.

ПОМОГИТЕ!»

Жалобы страдальцев обычно не претендуют на изящество стиля или законченность формы: сомневаюсь, однако, чтобы какие-либо риторические ухищрения могли придать этому объявлению еще большую выразительность. Поэтому я привожу его в точности, как оно висело на дереве в день 15 марта 1848 года, полузакрытое тонкой пленкой мокрого снега, под выбеленной снегом, словно отмороженной, рукой, указующей окостеневшим перстом — как если бы то был перст самой смерти — в сторону рокового каньона.

В полдень буря поутихла, и восточная сторона неба чуть посветлела. Стали различимы суровые очертания дальних вершин, и, словно запавший от бескормицы, белый рог горы заблестел. Кто-то двигался по заснеженному склону, двигался медленно, с огромным трудом, двигался столь странным образом, что не сразу можно было решить, человек это идет или зверь. То он поднимался на ноги, то припадал на четвереньки, иногда устремлялся вперед, словно пьяный, утративший чувство равновесия, но при всем том строго сохранял принятое направление: он шел к каньону.

Вскоре сомнения рассеялись: то был человек. Исхудалый до невозможности, оборванный, укутанный в ветхую бизонью шкуру, но все же человек, и к тому же решительного характера. Молодой человек, хотя плечи его ссутулились, а ноги едва ходили, хотя горе и заботы избородили его лоб преждевременными морщинами и проложили складки в углах застывшего рта; молодой, хотя страдания

и голод прогнали с его лица юношескую беспечность, оставив лишь ярость и отчаяние.

Подойдя к дереву у входа в каньон, он счистил снег с парусинового плаката, а потом привалился к стволу и простоял несколько минут неподвижно. В отрешенной этой позе сквозило нечто такое, что говорило о крайнем изнеможении еще красноречивее, нежели лицо его и движения, и было трудно объяснимо даже при создавшихся обстоятельствах. Чуть-чуть отдохнув, он двинулся дальше, подстегивая свою нервную энергию, спотыкаясь, падая, останавливаясь, чтобы поправить соскальзывавшие с ног лыжи-самоделки из еловой коры, и вновь устремляясь вперед с лихорадочностью человека, который страшится, как бы не изменила ему его крепкая воля, последний его оплот.

На расстоянии мили от дерева, где каньон, сужаясь, постепенно поворачивал к югу, из отверстия в снегу поднимался слабый кудрявый дымок. Когда молодой человек подошел поближе, он увидел свежие следы; у невысокого холмика, откуда тянулся дым, снег был утопан. Тут он остановился, а если точнее сказать, прилег у входа в снеговую пещеру и что-то крикнул слабым голосом. Ответ прозвучал еще слабее. В отверстии показалась голова; из пещеры вылез человек, закутанный в лохмотья; за ним второй, третий, четвертый; скоро восемь человеческих существ, мужчин и женщин, окружили лежавшего на снегу вестника. Они сидели, припав к земле, как звери; на зверей они походили и полным отсутствием чувства приличия и стыда.

Они были так худы, так измучены, на их прозрачных от истощения лицах царил такая безнадежность, человеческое в них — вернее, то, что осталось человеческого, — пробуждало столь сильную жалость, что, глядя на них, трудно было не заплакать. Скотское же в них, пробужденное выпавшими на их долю лишениями, тупость, зверство, отсутствие мысли в лице выглядело столь нелепо, что поневоле рождался смех. Это были деревенские жители, принадлежавшие в большинстве к тому социальному слою, который черпает самоуважение не в нравственной силе и не в силе интеллекта, а лишь в общественном положении и во владении собственностью. Как только страдание уравнило их, они отбросили стыд и совесть: за душой у них не осталось ничего, что могло бы заменить утраченные материальные блага. Они были детьми, но без детского честолюбия и духа соревнования; они были мужчинами и женщи-

нами, но лишенными спокойной важности зрелого возраста. Все, что возвышало их над животным состоянием, было потеряно в снегах. Утрачены были даже видимые различия пола и возраста: шестидесятилетняя старуха ссорилась, дралась и сквернословила с ухватками заправского буяна; страдавший цингой юноша хныкал, стонал и падал в обморок подобно истерической девице. Так глубоко они пали, что вестник, вызвавший их из снежной пещеры, сколь ни был сам он дик с виду и подавлен душевно, казался теперь существом из другого мира.

Все эти люди были не в себе, сознание их помутилось, но одна женщина, как видно, вовсе лишилась рассудка. Она держала небольшое одеяло, сложенное так, словно в нем был укутан младенец (ребенок умер у нее на руках несколько дней тому назад), и баюкала сверток с трогательной верой в свою странную выдумку. Еще прискорбнее было то, что ее бред не пробуждал в окружающих ни малейшего отклика, ни раздражения, ни сочувствия; они просто его не замечали. Когда через несколько минут женщина попросила не шуметь, чтобы не разбудить ребенка, они устремили на нее равнодушные взоры. Только рыжеволосый мужчина, жевавший клок бизоньей шкуры, злобно ощерился на несчастную, но тут же позабыл о ней и снова погрузился в жвачку.

Вестник немного помедлил, скорее для того, чтобы собраться с силами, нежели выжидая внимания своих беспокойных слушателей. Потом произнес одно-единственное слово:

— Ничего!

— Ничего? — Они откликнулись в один голос, но с разной интонацией, отражавшей особенности темперамента каждого: один свирепо, другой угрюмо, третий тупо, четвертый безнадежно. Женщина, баюкающая свернутое одеяло, рассмеялась и прошептала несуществующему ребенку:

— Он сказал: ничего!

— Да, ничего, — повторил вестник. — Вчерашний снегопад опять занес дорогу. Сигнальный огонь на холме погас; кончилось горючее. Я повесил объявление у водораздела... еще раз замечу, Дамфи, и я прошибу твою мерзкую башку.

Дело в том, что женщина с младенцем попыталась пообщаться поближе, и рыжеволосый мужчина грубо оттолкнул ее и ударил; он был ее мужем и таков был, очевидно, обычай их семейной жизни. Женщина словно не заметила ни мужнего гнева, ни колотушек — равнодушные, с каким

эти люди принимали оскорбления и удары, было устрашающим — и, подползши к вестнику, спросила с надеждой в голосе:

— Значит, завтра?

Выражение на лице молодого человека смягчилось, и он ответил ей, как отвечал уже восемь дней подряд:

— Завтра наверняка.

Она отползла прочь, бережно придерживая свой сверток, и исчезла в пещере.

— Сдается мне, что от тебя мало толку. Сдается мне, что ты ни гроша не стоишь, — заявила скрипучим голосом одна из женщин, уставившись на вестника. — Почему никто из вас сам не пойдет на разведку? Почему вы доверяете свою жизнь и жизнь ваших жен этому Эшли?

Голос женщины становился громче и громче, пока не перешел в рев. Генри Конрой, истерический юноша, сидевший рядом с ней, поднял дикий испуганный взгляд и, словно опасаясь, как бы его не втянули в ссору, поспешил ретироваться по примеру миссис Дамфи.

Эшли пожал плечами и возразил, обращаясь не столько к говорившей, сколько к группе в целом:

— Спасение — только в одном... И для меня и для вас... И вы это отлично знаете. Остаться здесь — верная гибель. Надо идти вперед, чего бы это ни стоило.

Он поднялся и медленно зашагал прочь, туда, где в нескольких десятках метров вверх по каньону возвышался еще один снежный холмик. Вскоре он исчез из виду.

Только он ушел, сидевшие кружком сварливо загомонили:

— Отправился к старому доктору и к девчонке. На нас ему наплевать.

— От этих двоих нужно избавиться.

— Да, от сумасшедшего доктора и от Эшли.

— Чужаки, — и тот и другой.

— С них все и пошло!

— Только подобрали его, и сразу не стало удачи.

— Но ведь капитан сам позвал старого доктора в Суитутере и взял его в долю, а Эшли внес свой пай продовольствием.

Это сказал Маккормик. Где-то в глубинах его ослабшего сознания еще брезжило чувство справедливости. Голод не притупил его разума до конца. Кроме того, он с нежностью вспоминал о вкусной еде, внесенной Эшли в общий котел.

— Ну и что с того? — вскричала миссис Брэкет. — Разве не от него все наши беды? Мой муж — в могиле, а этот чужак, этот хорек здравствует, как ни в чем не бывало.

Хотя голос ее звучал по-мужски, логика была чисто женской. И все же в атмосфере глубокого физического и умственного упадка, в том сумраке, который предшествует смерти от истощения и голода, такого рода логика часто бывает притягательной. Все они поддались ей и излили свои высокие чувства в едином аккорде: «Будь он проклят!»

— Что же с ним сделать?

— Будь я мужчиной, я сказала бы.

— Прирезать.

— Убить и... — Конец фразы миссис Брэкет произнесла шепотом, обращаясь исключительно к мистеру Дамфи; и другие так его и не услышали. Эти же двое продолжали беседовать между собой, доверительно качая головами, как два непарных, но равно мерзких на вид китайских болванчика.

— Поглядите, сколько у него сил, а ведь он непривычен к труду, как мы с вами, — сказал Дамфи. — Ручаюсь, у него что-нибудь да имеется.

— Что именно?

— Имеется что *покушать!* — Буквами не передать силу выражения, вложенную в последнее слово. — Пойдем-ка за ним.

— И убьем его, — внесла свое предложение добросердечная миссис Брэкет.

Охваченные энтузиазмом, все поднялись на ноги, проковыляли несколько шагов и тут же повалились на снег. Но и тогда у них не нашлось капли самоуважения, чтобы устыдиться своего неудавшегося замысла. Дамфи один поплелся дальше.

— Что это был за сон, который ты начал рассказывать? — спросил мистер Маккормик. Он устроился в снегу поудобнее, позабыв, как видно, начисто о том, что собирался делать минуту назад.

— Про обед в Сент-Джо? — откликнулся тот, к кому он обратился с вопросом. Этот человек был наделен гастрономической фантазией, которая стала для его сотоварищей источником блаженства и муки одновременно.

— Да, да!

Все подошлись к рассказчику, и даже отошедший было Дамфи застыл на месте.

— Так вот, — сказал мистер Марч, — на первое подали бифштекс с луком. Огромный бифштекс, сочный-пресоч-

ный; он просто плавал в луковой подливке.— У слушателей потекли слюнки, а мистер Марч с инстинктом прирожденного рассказчика, словно запомнил только что сказанное, повторил снова:— ... просто плавал в луковой подливке. Потом подали печеную картошку.

— В тот раз ты сказал жареную. С нее капал жир,— прервала его миссис Брэкет.

— Кто захотел жареную, тому дали жареную. Но печеная сытнее, она с кожурой. Потом подали колбасу и кофе. А под конец — блинчики.

При этом волшебном слове слушатели захохотали, быть может, не достаточно весело, но зато дружно и с готовностью.

— Давай дальше!

— Под конец подали блинчики!

— Ты уже сказал об этом,— прорычала миссис Брэкет, впадая в неистовство.— Дальше давай, будь ты проклят!

Творец лукулловского пиршества почувствовал надвигающуюся опасность и огляделся, ища Дамфи. Но того и след простыл.

Глава 2

ВНУТРИ

Жилище, в которое спустился Эшли, было ниже уровня снежного покрова, наподобие гренландского «иглу». Стало оно таким не по замыслу своих строителей, но волей обстоятельств. Снег, падая день за днем, все сильнее заносил вход в хижину, все плотнее оседал белой лесенкой на ее стенах; а сил у обитателей домика становилось все меньше, пока наконец они не оставили для связи с внешним миром только узкое отверстие наружу. Воздух в хижине был спертым, удушающим, но зато здесь было тепло; холод для истощенного организма страшнее тьмы и духоты.

Огонь, тлевший в печурке, бросал на стены слабый отблеск. В полутьме на полу можно было различить четыре фигуры: возле огня лежали молодая девушка и ребенок трех или четырех лет, покрытые одним одеялом; ближе к двери двое мужчин — каждый сам по себе. Всех четырех легко можно было счесть за мертвецов — столь глубокой была их дремота.

Наверное, подобные опасения возникли и у Эшли; помедлив у входа, он молча подошел к девушке, опустился на колени и коснулся рукой ее лица. Прикосновение было легким, но прервало ее забытие. Не знаю, что за магнетизм таился в пальцах молодого человека, но девушка села, схватила его за руку и, еще не раскрыв глаза, промолвила:

— Филип!

— Тише, Грейс! — Он поднес ее руку к губам, поцеловал, потом предостерегающе кивнул в сторону спящих. — Не так громко. Я должен тебе многое сказать.

Девушка не отрываясь смотрела на него и, казалось, почерпала в том блаженство.

— Ты вернулся, — прошептала она, чуть улыбаясь. В ее взгляде можно было прочесть, что это для нее важнее всего на свете. — Ты мне только что снился, Филип.

— Милая Грейс, — он еще раз поцеловал ей руку. — Послушай, дорогая, что я тебе скажу. Я вернулся, но без новостей. Никакого просвета, никакой надежды на помощь. Я думаю, Грейс, — тут он зашептал еще тише, чтобы слова его не достигли ничьих ушей, — что мы забрели далеко к югу от главного пути. Только чудо или несчастье, подобное нашему, может привести сюда других людей. Мы одни, без всякой помощи, в неведомом краю, который покинули даже индейцы и дикие звери. Мы можем надеяться лишь на собственные силы, а сил у нас мало, — он бросил на спящих взгляд, не лишенный некоторого цинизма, — ты знаешь это не хуже моего.

Она сжала его руку, словно относя упрек и к себе и прося извинения, но ничего не сказала.

— Мы утратили не только физические силы, но и внутреннюю дисциплину, — продолжал он. — Со дня смерти твоего отца у нас нет руководителя. Я знаю, милая Грейс, что ты хочешь сказать, — возразил он в ответ на ее протестующий жест, — но даже если бы ты и была права, даже если бы я годился на место твоего отца, они все равно не захотели бы меня слушать. Что ж, может быть, оно и к лучшему. Пока мы будем все вместе, при нас останется и главная опасность, опасность, исходящая от нас самих.

Произнося эти последние слова, Филип бросил на нее пристальный взгляд, но она, как видно, не поняла его значения.

— Грейс, — сказал он, набравшись духу, — когда умирающие от голода люди волею судьбы брошены все вместе, нет такого преступления, на которое каждый из них не по-

шел бы, чтобы спасти свою жизнь; чем меньше надежды на спасение, тем упорнее они цепляются за нее. Ты, верно, сама читала об этом в книгах. Господи боже! Да что с тобой, Грейс?

Если она и не читала этого в книгах, то прочитала на лице, которое показалось в ту самую минуту в дверном отверстии; в лице этом было так мало человеческого, оно пробуждало столь страшные мысли, что девушке не потребовалось дальнейших разъяснений; это был знакомый ей человек — Питер Дамфи, но в то же время то был хищный зверь, приготовившийся к прыжку. Застенчивость и женское чутье пересилили у Грейс чувство страха; не признавшись Филипу, чего она испугалась, она спрятала лицо у него на груди и прошептала:

— Я все поняла.

Когда она подняла голову, Дамфи не было.

— Успокойся, Грейс. Я не хочу пугать тебя, но хочу, чтобы ты поняла всю тяжесть нашего положения, пока у нас еще есть силы, чтобы спастись. Путь к спасению — только один; ты знаешь, о чем я говорю; страшный путь, но разве не страшнее оставаться здесь и ждать гибели? Еще раз прошу тебя: доверься мне. Когда я говорил с тобой в последний раз, у меня было гораздо меньше надежды, чем сегодня. С тех пор я разведаль дорогу, я начал ориентироваться в расположении гор. Мы пройдем. Вот все, что я хотел тебе сказать.

— А сестра? А брат?

— Нести с собой малютку нам не по силам, да она и не вынесет тягостей пути. Твой брат должен остаться с ней; его сила и бодрость послужат ей опорой. Нет, Грейс, мы должны идти одни. Пойми, что наше спасение — это и их спасение. Они продержатся здесь, пока мы не вернемся за ними, а вчетвером мы не осилим трудностей пути. Я пошел бы и один, но я не в силах оставить тебя, милая Грейс.

— Если ты оставишь меня, я умру,— сказала она простодушно.

— Я знаю,— ответил он тоже без всякой аффектации.

— Но не лучше ли обождать? Помощь может прийти в любую минуту, даже завтра.

— Завтра мы будем слабее сегодняшнего. Силы наши убывают с каждым днем.

— А старый доктор?

— Он скоро будет там, где уже не нуждаются в помо-

щи,— грустно сказал молодой человек.— Тсс, он просыпается.

Один из закутанных в одеяло мужчин зашевелился. Филипп подошел к очагу, подбросил сучьев и разгреб угли. Вспыхнувшее пламя осветило лицо старика; его лихорадочно блестящие глаза были устремлены на Филиппа.

— Зачем вы роетесь в очаге? — ворчливо спросил он с легким иностранным акцентом.

— Раздуваю огонь.

— Не троньте его.

Филипп, не споря, отошел в сторону.

— Подойдите,— сказал старик.

Филипп приблизился к нему.

— Можно не задавать вопросов,— сказал старик, пристально поглядев в глаза молодому человеку.— Ответы написаны у вас на лице. Все та же история. Я знаю ее наизусть.

— Ну и что?

— Ничего,— устало сказал старик.

Филипп снова отошел.

— Вы закопали ящик и рукописи?

— Да.

— Надежно?

— Надежно.

— А как вы обозначили место?

— Пирамидой из камней.

— А немецкие и французские объявления?

— Прибил их везде, где мог, по краям старой дороги.

— Отлично.

Когда Филипп повернулся, чтобы идти, циническое выражение на его лице словно усилилось. Не дойдя до двери, он остановился, вытащил из-за пазухи увядший цветок с поникшими лепестками и вручил его старику.

— Вот вам второй экземпляр того цветка, что вы разыскивали.

Старик приподнялся на локтях, схватил цветок и принялся разглядывать его, задыхаясь от волнения.

— Да, тот самый цветок,— сказал он с глубоким вздохом облегчения.— А вы... вы говорите, что нет новостей...

— Разрешите узнать, в чем же новость? — спросил Филипп с легкой усмешкой.

— Новость в том, что я прав, а Линней, Дарвин и Эшшольц ошиблись. Сделано важнейшее открытие. Так называемая альпийская фиалка совсем не то, чем ее считали до сих пор... Совершенно самостоятельный вид!..

— Важная новость для людей, умирающих с голоду,— с горечью сказал Филип.

— Это еще не все,— продолжал старик, не обращая внимания на скептическое замечание Филипа.— Этот цветок не мог вырасти в полосе вечных снегов. Он зародился в теплой земле, под благодатным дыханием солнца. Если бы вы не сорвали его, он вырос бы и отцвел, как ему повелела природа. Это значит, что через два месяца там, где вы нашли его, да и здесь, где я сейчас лежу, будет расти трава. Мы — ниже уровня вечных снегов.

— Через два месяца! — воскликнула молодая девушка, нервно сжимая руки.

— Через два месяца! — сумрачно повторил молодой человек.— Через два месяца мы будем далеко отсюда или же нас не будет совсем.

— Допускаю,— сказал старик сухо.— Но если вы точно выполнили все, что касается безопасности моих коллекций и рукописей, они не пропадут и в свое время станут достоянием науки.

Эшли отвернулся с жестом нескрываемой досады, а старик бессильно опустил голову. Сделав вид, что он хочет приласкать ребенка, Эшли снова приблизился к Грейс, что-то сказал ей почти неуловимым шепотом и удалился через дверное отверстие. Когда он ушел, старик приподнял голову и позвал слабым голосом:

— Грейс!

— Что, доктор Деварджес?

— Подойди ко мне.

Она поднялась и приблизилась к нему.

— Зачем он подходил к очагу, Грейс? — спросил Деварджес, бросая на девушку подозрительный взгляд.

— Не знаю.

— Ты обо всем ему рассказываешь. Об этом ты тоже ему рассказала?

— Нет, сэр.

Деварджес пристально поглядел на нее, как если бы читал все ее тайные мысли, потом, как видно успокоившись, сказал:

— Пора остудить его в снегу.

Молодая девушка стала разрывать тлеющую золу, пока не обнаружила там камень величиной с куриное яйцо; камень был раскален добела и в полутьме светился. Двумя обгорелыми палочками она с некоторым трудом извлекла

его из очага и положила в снег, нанесенный ветром у порога, после чего вернулась к изголовью Деварджеса.

— Грейс!

— Да, сэр.

— Ты решила уйти?

Девушка ничего не ответила.

— Не говори — нет. Я подслушал ваш разговор. Допускаю, что это правильное решение. Но не в этом суть. Правильное ли, нет ли, ты уйдешь с ним все равно. Скажи, Грейс, что ты знаешь об этом человеке?

Ни почти что дочерняя любовь к доктору Деварджесу, рожденная многодневным общением, ни сблизившие их страдания, ни нависшая угроза смерти, ничто не приглушило в Грейс инстинктивной независимости женской натуры. Она тотчас оборонила себя щитом и стала слабой рукой парировать удары умирающего противника.

— Все мы знаем, сэр, какой он верный друг. Бескорыстный друг. Сколь многим все мы обязаны его отваге, его выдержке, его уму!

— Вздор! Еще что?

— Не знаю, что сказать... Разве только, что он всегда был предан вам. Я думала, что и вы его любите. Ведь это вы привели его к нам,— добавила девушка не без коварства.

— Да, я повстречал его в Суитуотере. Но я не знаю ни кто он, ни откуда он взялся. Тебе он что-нибудь рассказывал?

— Он бежал от злого отчима. К нему дурно относились в семье. Он отправился на Запад, решил поселиться один, среди индейцев или же попытать счастья в Орегоне. Он очень гордый — вы знаете это, сэр. Он не похож на нас, он джентльмен, как и вы, образованный человек.

— Да, здесь он образованный человек!.. Не отличает лепестка от тычинки! — проворчал Деварджес.— Пусть будет так. Скажи лучше, после того как вы с ним убежите, обещает он на тебе жениться?

На мгновение впалые щеки девушки зарделись румянцем; она растерялась, но тут же вновь овладела собой.

— Не жестоко ли так шутить, сэр, и в такую минуту? — кротко возразила юная лицемерка.— От нашего успеха зависит жизнь моего любимого брата, малютки сестры, жизнь погибающих женщин. Ни у кого, кроме нас двоих, не хватит сил пройти этот путь; без моей помощи ему будет труднее; ведь мне требуется гораздо меньше пищи для поддержания сил, чем ему. Я верю в нашу удачу; мы вернемся немедля, вернемся с подмогой. Нет, сэр, сейчас не

время шутить. На карте жизнь наших спутников и ваша — тоже.

— Что до меня,— бесстрастно сказал старик,— я завершил расчеты с жизнью. Когда вы вернетесь, если только вы вернетесь вообще,— меня не будет в живых.— Судорога боли прошла по его лицу. С минуту он не шевелился, как бы набираясь сил. Когда он снова заговорил, голос его звучал слабее и глуше:— Подойди поближе, дитя, я должен тебе еще кое-что сказать.

Грейс колебалась. Разговор вселил в нее какой-то страх перед этим человеком. Она оглянулась на спящего брата.

— Он не проснется,— сказал Деварджес, следя за ней взглядом.— Снотворное еще действует. Принеси мне то, что ты вынула из золы.

Грейс принесла камень; он стал синевато-серым и походил теперь на кусок шлака. Старик взял его в руки, внимательно оглядел и сказал Грейс:

— Теперь потри его об одеяло, и покрепче.

Грейс повиновалась. Поверхность камня чуть заиграла белым блеском.

— Блестит, как серебро,— задумчиво сказала девушка.

— Это слиток серебра,— ответил Деварджес.

Грейс невольно выпустила камень из рук и отступила назад.

— Возьми,— сказал старик,— я отдаю его тебе. Я нашел его год тому назад в ущелье, когда обследовал горную цепь, идущую отсюда на запад. Там много серебра, целая сокровищница, ты слышишь меня, Грейс? Жила проходит в синеватой породе; помнишь, как выглядел камень, когда мы вчера его клали в огонь? Я опишу тебе это место, расскажу, как его найти. Я передаю тебе свое право на серебро — право первооткрывателя. Возьми его; владей моим богатством.

— Нет, нет! — поспешно возразила девушка.— Оставьте его себе. Вы будете жить, оно вам еще пригодится.

— Нет, Грейс. Я не взял бы его даже если б мне суждено было остаться в живых. Я был богат, очень богат, и богатство не принесло мне счастья. Эти залежи серебра мне ни к чему. Сорная трава, которая растет рядом с ним, кажется мне теперь большим сокровищем. Прими мой подарок. В мире, в котором мы живем, богатство дает почет, положение в обществе. Прими мой подарок. Ты станешь такой же независимой и гордой, как твой возлюбленный. Ты будешь вечно прекрасной в его глазах, ибо твоя красо-

та будет оправлена в серебряную раму и твоя добродетель получит серебряный пьедестал. Прими мой подарок: он — твой.

— Но у вас же есть родные, друзья, — возразила девушка, отступая прочь от светящегося камня в почти суеверном ужасе. — Есть другие, имеющие больше прав...

— Никто не имеет больше прав, чем ты, — торопливо прервал ее старик, переводя слабеющее дыхание. — Считай это наградой, если хочешь. Или взяткой твоему возлюбленному, чтобы он выполнил, что обещал, и спас мои коллекции и рукописи. Если хочешь, считай это искупительной жертвой; быть может, я знал когда-то другую молодую девушку, которой такой подарок спас бы жизнь. Словом, думай что хочешь, но прими мой дар.

Последние слова он произнес шепотом. Сероватая бледность разлилась по его лицу, дыхание стало прерывистым. Грейс хотела разбудить брата, но Деварджес коснеющей рукой воспретил ей это. Собрав силы, он приподнялся на локте, вытащил из кармана конверт и вложил ей в руку.

— Вот здесь... план местности, описание руды... все — твое... скажи, что ты согласна... скорее, Грейс, скорее..

Он сник. Грейс нагнулась, чтобы приподнять ему голову, но в этот момент кто-то заслонил собою дверное отверстие. Быстро оглянувшись, она снова увидела лицо Дамфи.

На этот раз она не вскрикнула, но, словно разом набравшись решимости, повернулась к Деварджесу и сказала:

— Я согласна.

Она снова оглянулась, с вызовом в глазах; Дамфи исчез.

— Спасибо, — сказал старик.

Губы его продолжали шевелиться, но слов нельзя было разобрать. Глаза словно подернулись пленкой.

— Доктор Деварджес! — позвала Грейс шепотом.

Старик не отвечал. «Он умирает», — мелькнуло в голове у девушки, и внезапный, неведомый доселе страх овладел ею. Живо поднявшись, она бросилась к брату и попыталась разбудить его. Он только застонал во сне. В отчаянии она огляделась вокруг, потом подбежала к дверному отверстию:

— Филип!

Никакого ответа. Через длинный узкий ход она выбралась наружу. Уже стемнело, и в нескольких футах от хижины ничего не было видно. Она торопливо оглянулась назад, а потом, как видно совсем потерявши голову, ринулась во тьму. В ту же минуту две фигуры вышли из тени и

скользнули в хижину. Это были миссис Брэкет и мистер Дамфи.

Их можно было принять за двух крадущихся хищных зверей — так осторожны, дерзки и в то же время опасливы были их движения. То они передвигались на ногах, то падали на четвереньки. Они метались по хижине, сталкивались в полутьме, награждали друг друга тумаками и плевыми, шныряли по углам, рылись в гаснущих углях, в остывшей золе, перебрасывали одеяла и бизоньи шкуры, оглядывали и обнюхивали все, что попадало им под руку. Признав свое поражение, они злобно воззрились один на другого.

— Сожрали, будь они прокляты! — хрипло прошептала миссис Брэкет.

— Не похоже было на съестное, — возразил Дамфи.

— Ты же сам видел, как девчонка вынула эту штуку из огня?

— Да.

— И потерла об одеяло?

— Да.

— Болван! И ты не разглядел, что у нее в руках?

— А что?

— Печеная картошка!

Дамфи был ошеломлен.

— А зачем ей было тереть печеную картошку об одеяло? Ведь сойдет хрустящая кожура! — спросил он.

— Господа не привыкли жрать в кожуре, — с проклятием ответила миссис Брэкет.

Дамфи все еще был под впечатлением сделанного открытия.

— Он сказал ей, что знает место, где есть еще, — прошептал он с жадностью.

— Где?

— Я не расслышал.

— Болван! Ты должен был ухватить его за глотку, вытряхнуть из него душу, — прошипела миссис Брэкет в бесильной ярости. — В блохе и в той больше отваги. Дай мне только добраться до девчонки. Тсс! Это что?

— Он шевелится, — сказал Дамфи.

В то же мгновение оба вновь превратились в застигнутых врасплох зверей, озабоченных только тем, чтобы унести поскорее ноги. Они боялись встать с места. Старик повернулся на бок и что-то прошептал в забытьи. Потом позвал:

— Грейс!

Показавши своему спутнику знаком, чтобы он молчал, женщина склонилась к старику:

— Это я, родной.

— Скажи ему, чтобы ничего не забыл. Пусть помнит свое обещание. Пусть скажет тебе, где яма.

— Где, родной?

— Он скажет тебе. Он знает.

— Я слушаю, родной.

— При входе в Моньюмент каньон. В ста футах севернее одиноко стоящей сосны. На глубине в два фута под пирамидой из камней.

— Да.

— Волки почуют.

— Да.

— Камни — защита от хищных зверей.

— Да, конечно.

— От когтей и клыков...

— Да.

— От голодных зверей.

— Да, родной.

Блуждающий взор старика вдруг погас, как задутая свеча. Нижняя челюсть отвисла. Он умер. А над его мертвым телом сидели скорчившись мужчина и женщина, испуганные, но ликующие. На их лицах играла улыбка, первая улыбка с того рокового дня, когда они вступили в каньон.

Глава 3

ГЭБРИЕЛЬ

Наутро обнаружилось, что в лагере не стало пяти человек. Доктор Деварджес умер. Филип Эшли, Грейс Конрой, Питер Дамфи и миссис Брэкет бесследно исчезли.

Смерть старика едва ли кого взволновала или опечалила, но бегство четверых вызвало у оставшихся приступ бесильной ярости. Беглецы, как видно, разведали путь к спасению и ушли, никому ничего не сказав. Буря негодования нарастала: имущество беглецов было тотчас конфисковано, а жизнь объявлена вне закона. Были предприняты некоторые шаги — общим числом не более двадцати, — чтобы преследовать изменников.

Только один человек знал, что Грейс ушла с Филипом,— это был Гэбриель Конрой. Когда он проснулся на рассвете, то нашел клочок бумаги, пришпиленный к одеялу; на нем было написано карандашом:

«Боже, благослови дорогого брата и сестренку и сохрани им жизнь, пока мы с Филипом не придем назад».

Рядом лежало немного еды; как видно, Грейс собирала прощальный подарок, экономя его из своего скудного рациона. Гэбриель немедленно присоединил эти крохи к своему запасу.

Потом он принялся нянчить сестренку. При своей природной жизнерадостности Гэбриель был еще наделен особым умением развлекать детей, скорее даже не умением, а талантом. Этот молодой человек имел все данные, чтобы стать первоклассной нянькой или сиделкой. Физическая сила сочеталась в нем с нежностью, густой рокочущий голос рождал доверие, руки были умелыми и твердыми, к широкой груди невольно хотелось припасть. Так уж повелось с самого начала их изнурительного похода, что матери поручали его заботам своих детей, старухи умирали у него на руках, и каждый, кто в чем-либо нуждался, шел к нему за помощью. Никому не приходило в голову благодарить Гэбриеля, да и сам он не ждал ни от кого благодарности. Даже не помышляя, что творит добро, он не придавал своим поступкам ни малейшего значения. Как это и бывает в подобных случаях, остальные думали, что ему виднее, и ценили его доброту не больше, чем он сам. Мало того, принимая услуги Гэбриеля, они взирали на него при этом с некоторым снисходительным сожалением.

— Олли,— сказал он, слегка подбрасывая сестренку на руках,— что ты скажешь, если я подарю тебе хорошую куколку?

Олли широко раскрыла свои голодные глазенки и кивнула, выражая полное согласие и удовольствие.

— Красивую куколку с мамой,— продолжал Гэбриель.— Мама будет нянчить куколку, как настоящего ребеночка, а ты будешь ей помогать. Хочешь?

Предложение нянчить куколку вдвоем, видимо, заинтересовало Олли. Это была новинка.

— Тогда братец Гэйб тебе ее достанет. А Грейси куда-нибудь уйдет от нас; иначе не будет места для мамы с куколкой.

Олли сперва запротестовала, но потом, любопытная, как все женщины, даже когда они умирают с голоду, захо-

тела поглядеть на новую куклу. Из благоразумия она все же спросила:

— А кукла не голодная?

— Эта кукла никогда не бывает голодной,— заверил ее Гэбриель.

— Вот как! — откликнулась довольная Олли.

Тотчас же наш хитрец разыскал несчастную миссис Дамфи.

— Вы совсем извелись со своей малюткой,— сказал он, погладив сверток у нее на руках и потрепав за щечку воображаемого младенца.— По-моему, детям лучше, когда они вместе. Боже мой, как похудела ваша крошка. Надо что-нибудь придумать. Пойдемте-ка с ней к Олли; девочка вам немного подсобит. Побудьте у нас до завтра.

Завтрашний день был для миссис Дамфи пределом, за который не переступало ее воображение.

Пока что вместе со своим свертком она перебралась в хижину Гэбриеля, и Олли получила требуемое развлечение. Возможно, что человек более утонченный и наделенный более ярким воображением не решился бы на столь трагическую инсценировку; Гэбриель же был доволен, что разрешил стоявшие перед ним трудности. Олли не спрашивала, куда ушла Грэйс, и была вместе с миссис Дамфи занята делом. Сменяя одна другую, они нянчили свертутое одеяло. Девочка, готовя себя для Будущего, забыла о Настоящем; несчастная мать погружалась в воспоминания о Прошлом. Не думаю, чтобы кто-либо еще сумел без содрогания наблюдать, как Олли и миссис Дамфи урывали крохи от своей еды для несуществующего ребенка, но Гэбриель, как я уже сказал, был режиссером этого представления, а чтобы оценить зрелище по достоинству, нужно находиться в зрительном зале.

В полдень скончался истерический юноша, двоюродный брат Гэбриеля. Гэбриель навестил соседей, чтобы подбодрить их. Ему отчасти удалось это; во всяком случае, он вдохновил их златоуста на новые увлекательные рассказы. В четыре часа дня, когда Гэбриель отправился к себе, мертвое тело все еще оставалось непогребенным.

Темнело. Втроем они коротали время у очага, когда с миссис Дамфи вдруг что-то приключилось. Она выронила сверток, руки ее бессильно упали, взгляд остановился. Гэбриель окликнул ее, потом потряс за плечо, но женщина не слышала его призыва. Олли зарыдала.

Плач девочки пробудил миссис Дамфи. По-прежнему

не двигаясь, она заговорила, но каким-то странным, не своим голосом.

— Слышите? — Гэбриель сделал знак Олли, и та замолкла. — Они едут!

— Кто? — спросил Гэбриель.

— Спасители.

— Где же они?

— Далеко, очень далеко. Только еще выезжают. Я вижу их: двенадцать мужчин на лошадях, навьюченных припасами. Их ведет американец; остальные все иностранцы. Они едут к нам, но они еще далеко. Ох, как далеко!

Гэбриель сидел, устремив взгляд на женщину, ни словом не прерывая ее. Она замолкла; можно было подумать, что она умерла. Потом заговорила снова:

— Солнце светит, птички поют, трава зеленеет на дороге. Но они еще далеко. Ох, как далеко!

— Знаете вы кого-нибудь из них? — спросил Гэбриель.

— Нет.

— А они знают нас?

— Нет.

— Почему же они едут сюда и откуда известно им, что мы здесь?

— Тот, кто ведет их, видел нас.

— Видел?

— Да, во сне.

Гэбриель присвистнул и поглядел на сверток с воображаемым младенцем. В речах безумной женщины могло быть нечто сверхъестественное или провидческое, — это Гэбриель допускал, но чтобы неведомый ему мужчина, не страдающий к тому же от голодного бреда, тоже оказался провидцем — это уж слишком! Все же, собрав весь свой оптимизм и природное добродушие, он спросил:

— Каким путем они поедут?

— Сперва по цветущей долине, потом берегом сияющей на солнце реки. Они перевалят через горы и вступят в другую долину, которая обрывается круто вниз к бурному потоку. Вот он рядом, бежит по камням. Взгляните на эту долину! Вон там, за снежным пиком! Вся в цветущей зелени! В каплях дождя! Ну поглядите же! Вон там!

Она указала пальцем на север, где лежали грозные снега.

— А сами вы не можете отправиться туда? — спросил практически мыслящий Гэбриель.

— Нет.

— Почему?

— Я должна обождать свою малютку. Она придет за мной сюда. Она будет искать меня.

— Когда она придет?

— Завтра.

Это столь полюбившееся ей слово она вымолвила в последний раз. Ее малютка пришла за ней вскоре после полуночи, пришла озаренная светом, которого не заметил Гэбриель. Отблеск его вспыхнул в гасущих глазах несчастной безумной матери, когда она, привстав, простерла исхудалые руки навстречу своему дитяти — и упала мертвой.

Взяв с пола свернутое одеяло, Гэбриель положил его на грудь покойнице. Потом побежал в соседнюю хижину.

По причине, оставшейся нам неизвестной, он только лишь заглянул в хижину, а внутрь не вошел. Он никогда никому не рассказывал, что он там увидел; назад он шел шатаясь, белый как мел, с остановившимися от ужаса глазами. Одна только мысль владела им — бежать, бежать прочь от проклятого места. Он нырнул в свою хижину, схватил в охапку перепуганную, плачущую Олли и с отчаянным воплем: «Боже, спаси нас!» — пропал во тьме.

Глава 4

ПРИРОДА УКАЗЫВАЕТ ПУТЬ

К северу от каньона лежал крутой водораздел, похожий на могильник. Два путника медленно карабкались по его запавшему белому склону. К концу дня они перевалили через гребень и сделали остановку; два черных силуэта обрисовались на фоне закатного неба. То были Филип и Грейс.

Как ни была Грейс изнурена голодом и путешествием, личико ее, порозовевшее сейчас в лучах заходящего солнца, светилось прелестью. Дурно сидевшее мужское платье преобразило ее в мальчика, но не могло полностью скрыть очарование ее фигуры. Филипу отчетливо были видны длинные ресницы, осенявшие темные глаза девушки, и безукоризненный овал ее лица; он мог даже разглядеть парудругую веснушек на ее чуть вздернутой верхней губе. Отчасти, чтобы прийти на помощь Грейс, отчасти, чтобы проявить нежность, он обнял ее за талию. Потом поцеловал ее. Возможно, что поцелуй был чисто машиальным. Тем не

менее Грейс, с характерной для женской природы практичностью, немедля задала ему вопрос, который задавала уже не раз:

— Ты любишь меня, Филип?

И Филип, с готовностью, которую в этих случаях проявляют мужчины, ответил, как отвечал и ранее:

— Люблю.

Молодой человек изнемогал от голода и тревоги. Они шли уже четыре дня. На второй день путешествия они отыскали под снегом несколько сосновых шишек с нетронутыми семечками; потом ограбили дупло, где белка хранила свои запасы. На третий день Филип словил и самое хозяйку дупла; они пообедали ею. К вечеру в тот же день Филип увидел утку, летевшую вверх по ущелью. Он не сомневался, что утка держит путь к какому-нибудь горному водоему, а потому, прежде чем сбить ее, тщательно приметил направление ее полета. Они повернули, куда летела утка; а наутро съели свою путеводительницу.

Сейчас Филип снова терялся в догадках. Взобравшись с таким трудом на острый гребень водораздела, они не увидели ничего, кроме бесчисленных белых валов, неумолимо простиравшихся до самого горизонта. Ничто не говорило о близости реки или озера. Откуда же взялась эта птица, куда направляла свой полет? Филип уже стал мучительно думать, не сменить ли им направление пути, когда неожиданное происшествие освободило его от необходимости самостоятельно решать этот вопрос.

Пытаясь проникнуть взором за пределы снежной равнины, Грейс подошла к самому краю утеса и вдруг почувствовала, что камень под нею кольшется. Рванувшись вперед, Филип успел обнять ее за плечи: но в ту же минуту массивный карниз рухнул в пропасть; девушка повисла на руке Филипа. От сотрясения сдвинулась с места и гранитная плита, на которой стоял сам Филип. Не успел он сделать даже шага, как плита дрогнула и заскользила вниз, увлекая за собой их обоих. По счастью, эта огромная лавина из камня и льда обогнала их в падении и основательно пропахала крутой склон горы, круша торчащие утесы и оставляя после себя ровную, хоть и почти что отвесную дорогу.

Падая, Филип даже не пытался уцепиться за край рушащейся скалы; это вызвало бы камнепад, который погубил бы их наверняка. Пока он еще управлял собою, он спрятал лицо Грейс на своей груди и обнял ее что было сил; так он знал, что, даже теряя сознание, будет охранять ее в паде-

нии по проложенному лавиной пути. В полузабытьи он чувствовал, как свет в его глазах сменяется тьмой, слышал треск ломающихся сучьев, ощущал уколы хвои на руках и на лице. Потом падение словно приостановилось, мир завертелся вокруг него, голова его невольно приняла участие в этом кружении, и тогда — только тогда — он вкусил полный покой забвения.

Когда Филип пришел в себя, в горле у него жгло; он задыхался. Открыв глаза, он увидел склонившуюся над ним Грейс, бледную, встревоженную; она растирала ему снегом виски и руки. По ее круглой щечке струйкой стекала кровь.

— Ты ранена, Грейс? — спросил Филип, с трудом ворочая языком.

— Нет, мой милый, храбрый Филип. Я так счастлива, что ты жив.

Сказав это, она страшно побледнела и прислонилась к дереву. Даже верхняя губка ее, обласканная лучами солнца, стала белой как мел.

Но Филип не видел ее. В изумлении он озирался по сторонам. Он лежал посреди камней и поломанных сосновых веток. Он слышал шум бегущей воды; в ста футах от него текла река. Филип взглянул вверх, откуда струился багряный свет заходящего солнца. Покалеченные сосны поддерживали на своих ветвистых лапах пробитую камнем снежную кровлю. Красные лучи играли и на поверхности потока, проникая через случайные отверстия в этом удивительном своде, закрывшем реку от солнца.

Теперь он понял, куда утка направляла свой полет! Понял, почему они с Грейс так и не увидели реку! Понял, куда подевались птицы и звери и почему снежная пустыня не сохранила их следов! Сомнения не было, они с Грейс вышли на дорогу!

С криком восторга он вскочил на ноги.

— Грейс, мы спасены.

Грейс ответила ему радостным взглядом, но радость ее относилась главным образом к тому, что он жив и здоров.

— Как ты не понимаешь, Грейс, ведь — это дорога, проложенная самой природой. Не тот путь, что мы с тобой искали, но вполне надежный путь; река приведет нас в долину.

— Да, я знаю, — сказала Грейс.

Филип удивленно поглядел на нее.

— Я видела долину сверху, когда тащила тебя прочь от камнепада. Вон с того места.

Она указала на скалу, торчащую над проломом в снежной кровле. На скале примостился свалившийся сверху огромный камень.

— Ты тащила меня, дитя?

Легкая улыбка засветилась на лице девушки.

— Ты не представляешь, какая я сильная,— сказала она и подтвердила свои слова, упав в глубокий обморок.

Филип кинулся к ней. Потом стал нащупывать на боку фляжку, которую свято хранил в течение всех своих бедствий; фляжки не было. Он огляделся; фляжка валялась на снегу, пустая.

Впервые отчаяние исторгло стон у Филипа. При звуке его голоса Грейс открыла свои кроткие глаза. Она увидела, что ее возлюбленный стоит, глядя на порожнюю фляжку, и улыбнулась.

— Я вылила все тебе в рот, милый,— сказала она.— Ты был так бледен, я боялась, что ты умираешь. Прости, милый.

— Я был оглушен — и только, но что с тобой, Грейс?

— Мне уже лучше,— ответила она и попыталась встать, но тут же, негромко вскрикнув, снова упала на землю.

Филипа уже не было рядом с ней. Он взбирался вверх на скалу, по пути, который она ему указала. Когда он вернулся, лицо его сияло.

— Я видел долину, Грейс. До нее — две-три мили, не больше. Мы дойдем засветло и там заночуем.

— Боюсь... что мы не дойдем,— грустно сказала Грейс.

— Почему же не дойдем? — спросил нетерпеливо Филип.

— Потому что... у меня... сломана нога.

— Грейс!

Она снова лежала без чувств.

Глава 5

ИЗ ЛЕСУ — В СУМРАК

По счастью, Грейс ошибалась. У нее не была сломана нога, а всего лишь сильно растянуты связки; тем не менее от боли она не могла стоять. Филип снял с себя рубашку, порвал на бинты и, намочив их в ледяной воде, перевязал девушке распухшую щиколотку. Он подстрелил перепелку, потом еще одну утку, расчистил место для ночлега, развел костер и угостил Грейс вкусным горячим ужином. Голо-

дная смерть больше не грозила им, опасности остались позади; самое худшее, что могло их ждать, это — несколько дней вынужденного промедления.

За последние два-три часа заметно потеплело. В полночь порыв сырого ветра зашевелил сосны у них над головой; что-то глухо застучало по снежной кровле. Шел дождь.

— «Весна отправилась в поход!» — прошептал Филип.

Но Грейс было не до стихов, даже из уст любимого человека. Она уронила голову ему на плечо и сказала:

— Ты должен идти один, милый. Оставь меня здесь.

— Грейс!

— Да, Филип. Я дождусь тебя здесь. Я ничего не боюсь. Мне здесь настолько лучше, чем... им.

Почувствовав на руке слезы, Филип поморщился. Быть может, совесть у него была не совсем спокойна, быть может, он услышал укор в тоне девушки, быть может, вспомнил, что она говорит ему об этом уже не в первый раз. Молодой человек решил, что пора прибегнуть к тому оружию, которое он любил именовать «здравым смыслом». Оценивая свои душевные качества, Филип всегда считал себя пылкой, импульсивной натурой, человеком великодушным до безрассудства, которогоранит от полной гибели лишь способность к здравому суждению.

С минуту он молчал, собираясь с мыслями. Разве не верно, что, рискуя собственной жизнью, он вырвал эту девушку из объятий смерти? Разве не заботился он о ней в течение их опасного путешествия, принимая на себя все тяжести пути! А какое счастье он дал ей, полюбив ее! Разве сама она не признавалась ему в этом? Как беспомощна сейчас эта девушка, и с какой готовностью он медлит здесь ради нее. Наконец, разве не ждет ее с ним пока еще, правда, туманное, но, конечно же, блистательное будущее? А она сейчас, когда спасение уже совсем близко, хнычет о двух умирающих людях, которым все равно — разве что случится чудо! — суждено умереть раньше, чем она к ним вернется. Филип немало гордился своей способностью к самоанализу; когда он расходился с кем-нибудь во мнениях, то всегда считал долгом поставить себя на место своего противника (нечего говорить, что он оказывался в этом случае довольно сговорчивым противником!). Сейчас он ставил себя на место Грейс и ясно видел, что всякая другая ради такой любви и ради такого будущего забыла бы обо всем на свете. То, что девушка продолжает упорствовать, говорит ли-

бо о ее нравственной отсталости, либо о каких-то других природных недостатках.

Строить такого рода отвлеченные схемы очень легко, в особенности если оградить себя от всяких возражений. Подобное случается не только в горах Сьерры и не только с людьми, страдающими от физического истощения.

Помолчав, Филип сказал довольно сухо:

— Давай объяснимся, Грейс, и постараемся получше понять друг друга, прежде чем мы двинемся дальше или же повернем обратно. Минуло пять суток с тех пор, как мы покинули снеговую хижину. Если бы даже мы точно знали дорогу назад, то все равно не смогли бы попасть туда раньше, чем еще через пять суток. К тому времени там все решится. Если помощь еще не пришла, можно считать, что они погибли безвозвратно. Мои слова могут показаться тебе жестокими, Грейс, но они не более жестоки, чем сама жизнь. Если бы мы остались там, то наверняка не сумели бы ничем им помочь; разве только разделили бы их участь. Я разделил бы судьбу твоего брата; ты — твоей сестры. То, что мы остались живы, — наше счастье, никак не наша вина. Как видно, нам суждено было спастись. Все могло повернуться и по-иному; мы погибли бы в пути; их спасли бы люди, случайно пришедшие в каньон. И они тоже тогда решительно ничем не смогли бы нам помочь.

Логические выкладки Филипа не производили на Грейс никакого впечатления: бедняжка думала лишь о том, что скажи он ей это раньше, она ни за что не покинула бы своих родных. Полагаю, что читатели-мужчины легко поймут, сколь крепкой была позиция Филипа и сколь бессильна была Грейс поколебать ее.

Она испуганно глядела на своего спутника. Быть может, слезы туманили ее взор, но ей казалось, что речи Филипа отодвинули его куда-то далеко-далеко. Она почувствовала себя покинутой. Ей хотелось броситься к нему в объятия, как прежде, но ее сковывало чувство стыда, неизвестное ранее.

Филип заметил ее замешательство и, как видно, почувствовал неладное. Он отодвинулся.

— Не будем решать, как спасти других, пока не спаслись сами, — сказал он с горечью. — Пройдет несколько дней, пока ты сможешь ходить, а ведь мы еще даже не знаем толком, где мы находимся. Сейчас тебе лучше всего уснуть, — добавил он помягче. — А утром подумаем, что делать дальше.

Грейс уснула в слезах. Ах, бедная Грейс! Не такого объяснения она ждала, когда мечтала откровенно поговорить с Филипом о себе, об их будущем. Она хотела рассказать о тайне доктора Деварджеса; поведать Филипу все, все до последнего слова, даже те сомнения, которые Деварджес высказывал на его счет. В ответ Филип поделился бы с ней своими планами. Вместе они вернулись бы в лагерь со спасательной партией. Все признали бы Филипа героем. Гэбриель с радостью отдал бы за него сестру, и все были бы так счастливы! А сейчас те, кого они покинули в лагере, наверно, умерли, проклиная ее и Филипа... А Филип?.. Он даже не поцеловал ее, не пожелал ей «доброй ночи». Вот он сидит угрюмый, прислонившись к дереву.

Мутный свинцовый рассвет с трудом пробился через снежную кровлю. Лил дождь, вода в реке поднялась и все продолжала прибывать. Мимо неслись заснеженные льдины, поломанные сучья, смытый с гор лесной мусор. Порой проплывало дерево, вырванное с корнями; длинные разветвленные корни торчали вверх, как мачты корабля. Вдруг Филип, сидевший с поникшей головой, вскочил, что-то громко крича. Грейс подняла усталый взор.

Он указывал пальцем на плывущее дерево, которое ударилось о берег и, закрутившись, стало рядом с ними, как у причала.

— Грейс! — сказал Филип, загораясь прежним энтузиазмом. — Природа снова протягивает нам руку помощи. Если мы спасемся, то только по ее милости. Сперва она привела нас к реке, теперь прислала за нами корабль. Собирайся!

Девушка не успела еще ответить, как Филип весело схватил ее в охапку, перенес на приставшее к берегу дерево и усадил между двух корневищ. Рядом он положил ружье и мешок с припасами, а потом, подобрав длинный сук, прыгнул сам на корму импровизированного корабля и оттолкнулся от берега. С минуту дерево помедлило, потом течение подхватило его, и оно устремилось вниз по реке, как живое.

Вначале, пока бурлящий поток мчался меж близко сошедшихся берегов, лишь огромным напряжением сил Филипу удавалось держать свой корабль на середине течения. Грейс сидела, затаив дыхание, и любовалась кипучей энергией своего возлюбленного. Немного погодя Филип закричал:

— Взгляни-ка на это бревно! Здесь должен быть поселок.

Рядом с ними плыло свежесотесанное сосновое бревно. Луч надежды перебил грустные мысли Грейс. Если здесь так близко живут люди, быть может, те, в лагере, уже спасены. Она не доверила своим мыслям Филипу, а он, занятый делом, больше ни разу к ней не обращался.

Девушка радостно встрепенулась, когда Филип обернулся наконец и, балансируя при помощи своего шеста, стал пробираться к ней по шаткому кораблю. Подойдя, он сел рядом и, впервые со вчерашнего вечера взявши ее руку, ласково сказал:

— Грейс, дитя мое, я должен с тобою поговорить.

Грейс возликовала; сердечко ее заколотилось; в первый момент она даже не в силах была поднять свои густые ресницы, чтобы взглянуть ему в лицо. Не замечая ее волнения, Филип продолжал:

— Пройдет еще несколько часов, и мы с тобой покинем пустыню и снова вступим в цивилизованный мир. Мы приедем в поселок, там нас встретят мужчины, быть может, и женщины. Все это будут чужие люди; не родные, которые знают тебя с детства, не друзья, с которыми ты провела долгие недели, совместно деля страдания; нет, посторонние, чужие люди.

Грейс поглядела не него, но ничего не сказала.

— Ты сама понимаешь, Грейс, что, не зная нас с тобой, они могут вообразить все, что угодно. Ты молодая девушка, я — молодой человек; и мы — вдвоем. Твоя красота, милая Грейс, послужит поводом для ложных предположений; все их охотно примут за истину; а то, что было с нами на самом деле, сочтут неправдой. И потому нам лучше обо всем молчать. Я поеду со спасательной партией один, тебя же оставлю здесь, в надежных руках, до своего возвращения. Но ты не будешь Грейс Конрой, ты примешь мою фамилию.

Горячий румянец залил щеки Грейс: приоткрыв губы, она с замиранием сердца ждала, что он скажет дальше.

— Я выдам тебя за свою сестру. Ты будешь Грейс Эшли.

Девушка побледнела, опустила ресницы, закрыла лицо руками. Филип терпеливо ждал ответа. Когда Грейс опустила руки, лицо ее было спокойным, даже бесстрастным. Верхняя губка горделиво поднялась, на щеках снова заиграл румянец.

— Ты совершенно прав.

В ту же минуту над их головой засияло солнце, неся с собой свет и тепло. Их корабль, миновав крутую излучину, выбрался на простор, и они поплыли по широкому водному полю меж отлогих зеленых берегов, залитых полуденным солнцем. Впереди, за ивовой рощицей, меньше чем в миле от них, виднелась дощатая хижина; дымок из трубы медленно таял в недвижимом воздухе.

Глава 6

СЛЕДЫ

Вот уже две недели солнце, свершив каждодневный путь в безоблачном небе, уходило за недвижную гряду Моньюмент Пойнта. Но ни разу за все четырнадцать дней ничто не нарушало призрачной белизны занесенных снегом утесов, и белые валы, как бы пораженные насмерть в своем стремительном беге, по-прежнему господствовали на всем необозримом пространстве. Было первое апреля, ветерок нес с собою дыхание ранней весны, а во всей угрюмой пустыне не было никого, кто мог бы ему порадоваться.

И все же, пристально взглядевшись, можно было заметить некоторые скрытые от глаз перемены. Белый бок горы словно запал еще глубже; кое-где снег осел и наружу вылезли серые утесы; сугробы стояли по-прежнему, но они утратили былую округлость; кое-где ледяные глыбы сползли вниз по склону, обнажив сверкающий на солнце гранит. Кости скелета начинали проглядывать сквозь истлевающую плоть. Это была последняя гримаса гиппократовой маски, которую напяливала на себя Природа. Перемены, впрочем, были безмолвными, тишина оставалась нерушимой.

Но вот долину смерти огласил звон шпор и человеческие голоса. По ущелью, преодолевая сугробы и ледяные барьеры, двигались вереницей всадники и навьюченные мулы. Громкий стук подков и людская молвь пробудили в горах долго дремавшее эхо, сбили с утесов и с деревьев облачки снежной пыли, а под конец вызвали из какой-то ледяной пещеры существо столь дикого вида, худое, взъерошенное, нелепое, что принять его за человека было никак нельзя. Это существо сперва ползло по снегу, хоронясь за встречными скалами, как перепуганный зверь; потом за-

легло за деревом, как видно, поджидая приближающуюся кавалькаду.

Впереди ехали два всадника. Один был сумрачен, молчалив, погружен в свои думы. Второй — живого характера, беспокоен, речист. Прервал молчание первый; слова его падали медленно, словно он говорил не о том, что видел вокруг, а о чем-то ином, запечатлевшемся в его памяти.

— Уже близко. Я видел их где-то здесь. Знакомые места.

— Дай-то бог, чтобы вы были правы, — живо подхватил второй. — Если мы и сегодня не покажем людям хоть что-нибудь толковое, они попросту удерут с этой призрачной охоты. Увы, это так!

— Где-то здесь я видел мужчину и женщину, — продолжал первый, как будто не слыша ответа спутника. — Сейчас мы подъедем к сложенной из камней пирамиде. Если нет, считайте, что мое сновидение — мираж, а сам я — старый болван.

— Предъявите нам хоть что-нибудь, — сказал второй, рассмеявшись, — клочок бумаги, старое одеяло, поломанное дышло. Колумб долгое время держался на одном единственном обрывке водоросли. Но что это они там ра зыскали? Господи боже! Да ведь за скалой что-то движется!

Словно повинуюсь неведомому зову, всадники сбились в кучу; даже те из них, что громче всех роптали и еще минуту назад называли экспедицию пустой затеей и блажью, сейчас замерли от волнения. Поджидавший их за деревом неведомый зверь вышел из убежища и, обнаружив свое людское обличье, хрипло крича и нелепо жестикулируя, направился прямо к ним.

Это был Дамфи.

Первым пришел в себя руководитель экспедиции. Пришпорив коня, он подскакал к Дамфи.

— Кто вы такой?

— Человек.

— Что с вами?

— Умираю с голоду.

— А где другие?

Дамфи окинул всадника подозрительным взглядом и спросил:

— О чем это вы толкуете?

— Где остальные? Вы что, один?

— Да, один.

— Как вы сюда попали?

— Вам что за дело? Я умираю с голоду. Дайте мне поесть и попить.

Дамфи изнемог и опустился на четвереньки.

Среди подъехавших всадников послышались сочувственные возгласы.

— Да накормите вы его! Разве не видите, он не то что говорить,— стоять не может. Где же доктор?

Младший из руководителей экспедиции прекратил споры.

— Оставьте его, я займусь им сам. Пока моя помощь нужнее ему, чем ваша.

Он наклонился к Дамфи и влил ему в рот немного коньяку. Дамфи закашлялся, потом поднялся на ноги.

— Так как же вас зовут? — ласково спросил молодой врач.

— Джексон,— ответил Дамфи, смерив его наглым взглядом.

— Откуда вы?

— Из Миссури.

— Как вы сюда попали?

— Отстал от партии.

— А они?

— Ушли вперед. Дайте мне поесть.

— Заберите его в лагерь и там поручите Санчесу. Он знает, что делать,— приказал доктор, обращаясь к одному из всадников.— Итак, Блент,— обратился он к своему товарищу,— ваша репутация спасена. Должен заметить, впрочем, что из обещанных вами девяти экземпляров мы имеем пока что лишь один. К тому же весьма низкого качества,— добавил он, провожая взглядом удалявшегося Дамфи.

— Я буду счастлив, доктор, если дело этим и ограничится,— сказал Блент.— Готов вернуться хоть сейчас. Но внутренний голос твердит мне, что надо ехать дальше. Этот человек пробуждает самые страшные опасения... Что там еще?

Подъехал всадник, держа в руках лист бумаги, оборванный по углам, словно он был прибит гвоздями, а потом сорван.

— Объявление... На дереве... Не могу прочитать,— сказал недавний вакеро¹.

¹ Пастух (исп.).

— Да и мне не прочесть,— сказал Блент, поглядев на объявление.— Кажется, написано по-немецки. Позовите Глора.

Подъехал долговязый швейцарец. Блент передал ему объявление. Тот внимательно прочитал его.

— Здесь указано, где искать закопанное в земле имущество. Ценное имущество.

— Где же?

— Под пирамидой из камней.

Доктор и Блент обменялись взглядом.

— Веди нас! — сказал Блент.

Они ехали молча около часа. Когда, по прошествии этого времени, всадники достигли уступа, за которым каньон круто поворачивал в сторону, Блент громко вскрикнул.

Впереди лежала куча камней; ранее, как видно, они были уложены в определенном порядке, но кто-то их раскидал. Снег и земля кругом были изрыты. На снегу валялись рукописи, раскрытый портфель с зарисовками птиц и цветов, застекленный ящик с коллекцией насекомых — стекло было разбито — и растерзанные чучела птиц. Невдалеке виднелась какая-то груда лохмотьев. Подъехав к ней поближе, один из всадников, что-то воскликнув, соскочил с коня.

Это был труп миссис Брэкет.

Глава 7

СЛЕДЫ ТЕРЯЮТСЯ

Женщина умерла с неделю назад. Она была неузнаваема, черты лица искажены, руки и ноги сведены судорогой. Молодой врач, склонившись, тщательно осмотрел труп.

— Умерла от голода? — спросил Блент.

Доктор ответил не сразу. Он взялся за чучела птиц; одно из них понюхал и даже слегка лизнул. Помолчав, он сказал:

— Нет. Отравлена.

Люди, склонившиеся над мертвым телом, разом отпрянули.

— По-видимому, несчастный случай,— бесстрастно продолжал врач.— Изголодавшаяся женщина набросилась

на эти чучела. А они были опрысканы крепким раствором мышьяка, чтобы защитить их от насекомых. Женщина пала жертвой заботливости ученого. Среди всадников прошел ропот негодования и ужаса.

— Выходит, эти чертовы птицы были ему дороже людей, — заявил разъяренный швейцарец.

— Отравил женщину, чтобы спасти дичь, — добавил другой.

Доктор улыбнулся. Деварджесу было бы рискованно встретиться сейчас с этими людьми.

— Если жрец науки еще здесь, — сказал он тихо Бленту, — ему нужно где-нибудь отсидеться хотя бы несколько часов.

— Вы о нем что-нибудь слышали?

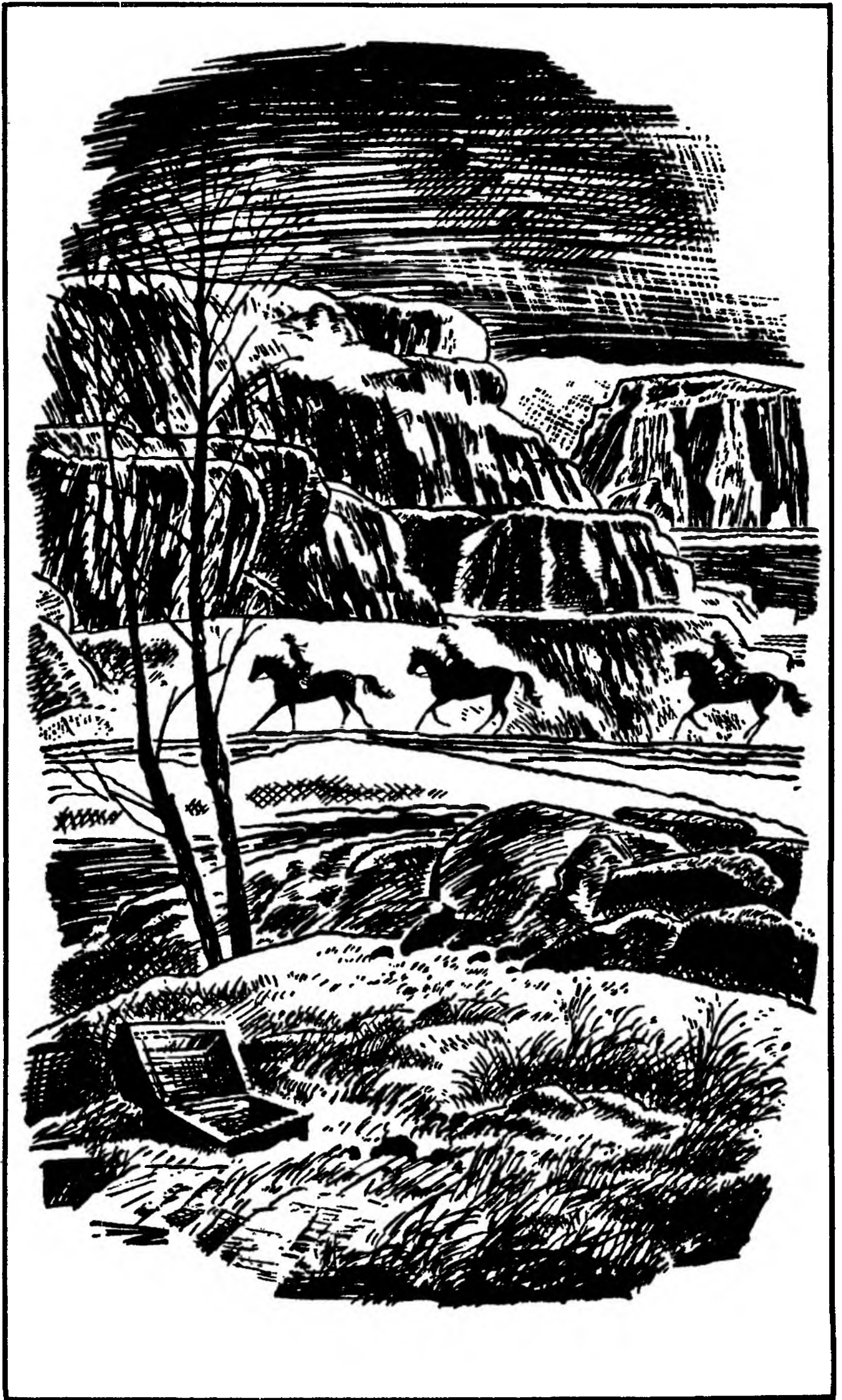
— Европейский ученый, у себя на родине довольно известный. Я где-то встречал его имя, — ответил доктор, проглядывая подобранные рукописи, — Деварджес. Он пишет здесь, что сделал важное открытие; как видно, придает своей коллекции большое значение.

— Может быть, следовало бы подобрать ее и привести в порядок? — спросил Блент.

— Сейчас некогда этим заниматься, — возразил доктор. — Каждая минута дорога. Сперва люди, наука потом, — полушутливо добавил он, и все пустили коней рысью.

Коллекции и рукописи, плоды многомесячного самоотверженного труда ученого, его неусыпных забот и тревог, свидетельство его бескорыстного энтузиазма и торжество научной мысли, остались лежать в снегу. Подувший из ущелья ветер разметал их по сторонам, как бы выказывая тем свое презрение, а солнце — уже довольно жаркое — накалив металлические части застекленного ящика и портфеля, погрузило их еще глубже в подтаявший снег, словно стремясь похоронить навеки.

Объехав долину по краю, где сползший со склонов снег обнажил дорогу, они добрались за несколько часов до дерева, стоявшего у входа в роковое ущелье. Объявление висело по-прежнему, но деревянная рука, указывавшая, где находятся обитатели снеговых хижин, изменила по прихоти ветра свою позицию и теперь зловеще направляла вытянутый палец вниз, прямо в землю. Сугробы у входа в каньон были все еще глубоки, и участникам экспедиции пришлось спешиться, чтобы продолжать свой путь. Словно по взаимному уговору, все шли молча, медленно ступая друг

за другом, придерживаясь за камни по склону каньона, когда мокрый снег под ногами становился ненадежным, пока не увидели наконец деревянную трубу, а за нею часть кровли, торчавшую из-под снега. Подойдя поближе, они остановились и обменялись взглядом. Руководитель экспедиции склонился к отверстию трубы и что-то прокричал.

Ответа из хижины не последовало. Каньон подхватил крик человека и немного погодя откликнулся эхом. Затем снова воцарилась тишина, прерываемая только падением сосульки с утеса да шуршанием снежных оползней. Тишину нарушил Блент. Он обогнул хижину и, чуточку помешкав у входа, вошел внутрь. Через мгновение он появился вновь, бледный и сумрачный, и поманил доктора. Тот тоже спустился в хижину. Мало-помалу за ними последовали и остальные. Когда они вышли наружу, то положили на снег три мертвых тела: потом вернулись и вынесли разрубленные остатки четвертого. Покончив с этим, все долго стояли в молчании.

— Должна быть и вторая хижина, — сказал Блент.

— А вон и она, — сказал кто-то, указывая на торчавшую невдалеке трубу.

На этот раз дело обошлось без предварительных раздумий и никто не пытался кричать в трубу. Надежды больше не было. Направившись прямо к дверному отверстию, все спустились внутрь, потом вышли, стали в кружок и принялись что-то взволнованно обсуждать. Они так углубились в спор, что не заметили, как рядом появился незнакомый человек.

Глава 8

СЛЕДЫ ПОЧТИ НЕРАЗЛИЧИМЫ

То был Филип Эшли! Да, Филип Эшли, похудевший еще более, с запавшими глазами, измученный долгим путем, но по-прежнему исполненный нервной энергии. Филип, оставивший Грейс четыре дня тому назад в семействе гостеприимного траппера-метиса в Калифорнийской долине. Сумрачный, озлобленный Филип, неохотно пустившийся в это путешествие, но верный обещанию, данному Грейс, и суровым требованиям совести. Да, Филип Эшли! Он стоял

возле хижины, озирая спорящих равнодушно-циническим взглядом.

Первым заметил его доктор и тут же кинулся к нему с радостным криком.

— Пуанзет! Артур! Откуда ты взялся?

Узнав доктора, Эшли залился густой краской.

— Тише! — вырвалось у него почти против воли. Потом, торопливо оглядев стоявших вокруг людей, он промолвил смущенно, с очевидным замешательством: — Я оставил свою лошадь вместе с вашими у входа в каньон.

— Понятно, — живо сказал доктор, — ты приехал, как и мы, чтобы спасти этих несчастных. Увы, все мы опоздали. Да, опоздали.

— Опоздали? — повторил вслед за ним Эшли.

— Да. Одни мертвы, другие покинули лагерь.

По лицу Эшли пробежало неизъяснимое выражение. Доктор ничего не заметил, он в этот момент что-то шепотом объяснял Бленту. Потом, сделав шаг вперед, сказал:

— Капитан Блент, разрешите представить вам лейтенанта Пуанзета, моего старого сотоварища по Пятому пехотному полку. Мы не виделись два года. Как и мы, он прибыл сюда, чтобы оказать помощь несчастным. Таков его характер.

Речь и манеры Филипа ясно показывали, что он человек хорошо воспитанный и образованный. После сердечной рекомендации молодого доктора все отнеслись к нему с полной симпатией. Почувствовав это, Филип поборол смущение.

— Так кто же все-таки эти люди? — спросил он более уверенным тоном.

— Все они названы в объявлении, которое мы нашли прибитым к дереву. Поскольку оставшиеся в живых ушли, никто с точностью не знает теперь, кто эти мертвецы. По личным вещам доктора Деварджеса мы установили, где он находился. Он похоронен в снегу. В той же хижине мы нашли тела Грейс Конрой и ее маленькой сестренки.

Филип глянул на доктора:

— Как вы узнали, что это Грейс Конрой?

— Там нашлось платье с ее метками.

Филип вспомнил, что Грейс переделалась в костюм умершего младшего брата.

— Значит, только по меткам? — спросил он.

— Нет. Доктор Деварджес оставил список обитателей

своей хижины. Двое исчезли: брат Грейс Конрой и еще один человек по имени Эшли.

— Куда же они могли деться? — глухо спросил Филип.

— Сбежали! Чего еще ждать от таких людей? — ответил доктор, презрительно пожимая плечами.

— Что значит «таких людей»? — внезапно вспылил Филип.

— О чем ты спрашиваешь, дружище? — отвечал доктор. — Разве ты их не знаешь? Помнишь, как они проходили через наш форт? Попрошайничали, чего не удавалось выклянчить — крали, и еще жаловались в Вашингтон, что воинские власти не оказывают им содействия. Затевали свары с индейцами, потом улепетывали, а нам доставалось расхлебывать кашу. Вспомни-ка этих мужчин, костлявых, больных всеми хворями на свете, нахальных, распущенных! А эти женщины! Немытые, воняющие табаком, каждая с выводком детей, старухи в двадцать лет!

Филип хотел было противопоставить нарисованной картине грациозный образ Грейс, но почему-то из его замысла ничего не получалось. За последние полчаса природное тяготение Филипа к «чистому обществу» возросло во сто крат. Он поглядел на доктора и сказал:

— Да, ты прав.

— Разумеется, — откликнулся доктор. — Чего от них ждать? Люди, признающие одну лишь физическую силу, лишены всякой морали. Здесь каждый думал только о себе, сильный обижал слабого, творились убийства, бог знает что еще.

— Вполне возможно, — торопливо согласился Филип. — Ну, а эта девушка, Грейс Конрой? Что о ней известно?

— Ее нашли мертвой. В руках она держала одеяло, в котором, наверное, была завернута ее малютка сестра. Эти скоты вырвали ребенка из рук умирающей женщины. Ну, хватит об этом. Расскажи лучше, Артур, как ты сюда попал. Твоя часть стоит поблизости?

— Нет, я уволился из армии.

— Вот как! Значит, ты здесь один?

— Один.

— Ну и ну! Мы все это подробно обсудим, когда вернемся. Ты поможешь мне писать отчет. Наша экспедиция имеет вполне официальный характер, хоть и направлена сюда, — представь! — чтобы проверить ясновидческий дар нашего уважаемого Блента. Проверка окончилась в его

пользу, хотя других крупных достижений нашей экспедиции пока нет.

Доктор вкратце изложил Филипу всю историю экспедиции, начиная с привидевшегося Бленту сна о партии эмигрантов, гибнущих от голода в горах Сьерры, и вплоть до их с Филипом сегодняшней встречи. Рассказ был выдержан в духе легкомысленно-цинического юмора, который так часто в былые дни скрашивал их унылые трапезы в офицерской столовой. Вскоре оба собеседника дружно хохотали. Люди из состава экспедиции, занятые погребением мертвых и разговаривавшие между собой торжественным шепотом, услышав, как два благовоспитанных джентльмена юмористически трактуют эти события, устыдились напущенной на себя серьезности и стали, в свою очередь, пошучивать довольно крепко и без особого изящества. Щепетильный Филип нахмурился, доктор расхохотался. Оба друга направились к выходу из каньона и оттуда поехали рядом.

То, что Филип хранил глухое молчание о себе и об обстоятельствах своей жизни, было вполне в его характере и потому не вызвало ни удивления, ни подозрения у его друга. Доктор был счастлив, что встретил Филипа и может теперь снова общаться с человеком своего круга и воспитания; остальное его мало интересовало. Он гордился своим приятелем и был весьма доволен впечатлением, которое Филип произвел на этих грубых, необразованных людей, с которыми доктор — в силу демократического обычая, господствующего на неосвоенных окраинах страны, — должен был общаться как равный с равными. Филип же с юных лет привык, что его друзья гордятся им. Он даже ставил себе в заслугу, что редко использует это обстоятельство в личных интересах. Сейчас он подумал, что если поведаст доктору, что был одним из обитателей Голодного лагеря и доверит ему историю своего бегства с Грейс, тот наверняка восхитится его отвагой. От подобных мыслей пробудившиеся было угрызения совести стали быстро затихать.

Дорога шла через Моньюмент Пойнт, мимо раскиданной пирамиды. Филип уже проезжал здесь по пути в каньон и сделал из разыгравшейся трагедии некоторые полезные для себя выводы. Он счел, что теперь свободен от обязательств, которые дал покойному ученому. Все же, чтобы развеять оставшиеся небольшие сомнения, он спросил:

— Насколько ценны эти рукописи и коллекции? Нужно ли их спасать?

Доктор уже давно тосковал по достойной аудитории,

перед которой мог бы блеснуть своим скептическим взглядом на жизнь.

— Хлам! — сказал он небрежно. — Остайся бедняга жив, быть может, коллекции игодились бы ему, дали бы повод потщеславиться. А так я не вижу в них ничего, о чем стоило бы сожалеть.

Тон этих замечаний напомнил Филипу безапелляционный тон самого доктора Деварджеса, и он сумрачно усмехнулся. Когда всадники подъехали поближе, они увидели, что и природа усвоила циническую точку зрения по обсуждаемому вопросу. Металлический ящик едва виднелся изпод снега, ветер далеко разметал листки рукописи, и теперь едва ли кто смог бы догадаться, что раскиданные камни были когда-то сложены в правильную пирамиду.

Глава 9

СЛЕДЫ ИСЧЕЗЛИ НАВСЕГДА

Палящее майское солнце уже разогрело глинобитные стены Сан-Рамонского пресидио¹, зажгло ярким пламенем красную черепицу на крыше, накалило задний двор и заставило мулов и вакеро из только что прибывшего каравана отступить в тень длинной балюстрады, когда секретарь почтительно потревожил команданте², вкушавшего в низенькой отгороженной комнатке рядом с караульным помещением свою обычную сиесту. За все тридцать лет это был первый случай, чтобы команданте потревожили в часы дневного отдыха. «Язычники!» — было первой его мыслью, и рука потянулась к верному толедскому клинку. Но, увы, как раз сегодня повар забрал на кухню толедский клинок, чтобы переворачивать тортильяс³, и дон Хуан Саль-

¹ Укрепленные пункты с гарнизонами, учрежденные испанскими колонизаторами в XVIII столетии для подавления местного индейского населения. После американо-мексиканской войны и захвата Калифорнии американцами в 1848 году пресидио утратили свое военное и административное значение. (Прим. переводчика.)

² Командующий гарнизоном (*исп.*).

³ Майсовые лепешки.

ватьерра удовольствовался тем, что строго спросил секретаря, что случилось.

— Сеньорита... американка... хочет видеть вас немедленно.

Дон Хуан снял черный фуляр, которым он имел обыкновение повязывать свою седую голову, и принял сидячее положение. Но не успел он полностью перевоплотиться в официальное лицо, как дверь медленно отворилась и в комнату вошла молоденькая девушка.

На девушке было грубое поношенное платье с чужого плеча; ее кроткие глаза запали, а длинные ресницы были важны от слез; печаль выбелила ей щеки и проглядывала в горькой складке совсем юных губ, но при всем том девушка была так хороша, так по-детски невинна, так беспомощна, что команданте сперва вытянулся перед ней во весь свой рост, а потом склонился в глубоком поклоне, почти что коснувшись рукою пола.

Как видно, благоприятное впечатление было взаимным. Увидав долговязого старика с благородной осанкой и сразу приметив серьезные, добрые глаза команданте, освещавшие верхнюю половину его лица (в нижней господствовали черные с проседью усы), юная посетительница преодолела свою робость, всплеснула руками, с плачем кинулась вперед и упала на колени у его ног.

Команданте попытался было ласково поднять ее, но девушка осталась стоять на коленях.

— Нет, нет, выслушайте меня. Я бедная, одинокая девушка. Несчастливая, бездомная! Месяц тому назад я оставила свою умирающую от голода семью в горах и отправилась искать помощи. Мой... брат... пошел со мной. Бог смилостивился над нами; после долгих изнурительных странствий мы пришли в хижину траппера; он накормил нас, дал нам приют. Филип... мой брат... пошел обратно в горы, чтобы спасти остальных. Он не вернулся. О сударь, он мог погибнуть, быть может, все они погибли. Один бог знает! Уже три недели, как он ушел, целых три недели! О, как тяжело быть столько времени одной среди чужих людей. Траппер пожалел меня, сеньор. Он сказал, чтобы я пошла к вам просить помощи. Сможете ли вы мне помочь? О да, я знаю, вы поможете. Вы разыщете их, моих друзей, мою маленькую сестренку, моего брата!

Выждав, пока девушка окончит свою речь, команданте ласково поднял ее и усадил в кресло рядом с собой. Потом он обернулся к секретарю, и тот ответил на его немой вопрос несколькими торопливыми фразами по-испански. С

глубоким разочарованием девушка увидела, что ее речь осталась непонятой. Когда она повернулась к секретарю, через которого ей надлежало беседовать с команданте, в ее глазах промелькнула ожесточенность, новая черта характера, прежде совсем ей несвойственная.

— Вы американка?

— Да,— коротко ответила девушка. Как это бывает порою с женщинами, она почувствовала к секретарю-переводчику инстинктивную непреодолимую антипатию с первого взгляда.

— Сколько вам лет?

— Пятнадцать.

Коричневая рука команданте поднялась сама собою и погладила кудрявую головку.

— Как зовут?

Девушка смутилась и взглянула на команданте.

— Грейс,— ответила она, а потом, чуть помедлив и глядя с вызовом прямо в лицо секретарю, добавила:— Грейс Эшли.

— Назовите кого-нибудь из тех лиц, с кем вы путешествовали, мисс Грэшли.

Грейс задумалась.

— Филип Эшли, Гэбриель Конрой, Питер Дамфи, миссис Джейн Дамфи,— сказала она.

Секретарь открыл бюро, вынул какой-то печатный документ, развернул его и углубился в чтение. Затем, сказав: «Виспо»¹, вручил его команданте. «Виено»,— промолвил и команданте, бросая на Грейс ласковый взгляд.

— Спасательная партия, вышедшая из Верхнего пресидио, обнаружила лагерь американцев в Сьерре,— сообщил секретарь унылым голосом.— Здесь указаны их имена.

— Ну да! Конечно! Это наш лагерь!.. — радостно воскликнула Грейс.

— Не знаю,— сказал секретарь с сомнением в голосе.

— Наш! Конечно, наш! — настаивала Грейс.

Секретарь снова прочитал бумагу и сказал, глядя на Грейс в упор:

— Здесь нет имени мисс Грэшли.

Кровь прихлынула к щекам Грейс, она опустила глаза. Потом подняла умоляющий взгляд на команданте. Если бы старик понимал, что она говорит, она, ни минуты не ко-

¹ Отлично (исп.)

леблясь, бросилась бы ему в ноги и призналась бы в своем невинном обмане. Но объясняться через секретаря ей было не в состоянии. Поэтому она несмело попыталась отстоять свою позицию.

— Возможно, что моего имени нет случайно,— сказала она.— Поищите имя Филипа, моего брата.

— Да, Филип Эшли здесь есть,— сумрачно сказал секретарь.

— Значит, он жив и здоров, не правда ли? — вскричала Грейс, позабыв от радости только что пережитый стыд.

— Его не нашли,— сказал секретарь.

— Не нашли? — повторила Грейс с широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Его не оказалось на месте.

— Ну да,— сказала Грейс с нервным смешком.— Ведь он ушел со мной. Но потом он вернулся, пошел назад.

— В день тридцатого апреля Филипа Эшли там не было.

Девушка заломила руки и застонала. Все ее прежние страхи отступили перед новым ужасным известием. Обернувшись к команданте, она бросилась на колени.

— Простите меня, сеньор, у меня не было в мыслях ничего дурного, клянусь вам! Филип не брат мне, он мой друг, нежный, любящий друг. Он просил меня принять его фамилию,— бедный мой друг, увижу ли я его когда-нибудь?! — и я вняла его просьбе. Нет, я не Эшли. Не знаю, что написано в вашей бумаге, но там должны быть имена моего брата Гэбриеля, моей сестренки, многих других. Ради бога, сеньор, ответьте, живы они или нет? Ответьте мне... потому, что я... я — Грейс Конрой.

Секретарь успел тем временем сложить свою бумагу. Теперь он снова развернул ее, поглядел еще раз, уставился на Грейс, потом, отметив ногтем какое-то место в документе, передал его команданте. Мужчины переглянулись, команданте заканшлялся, встал с кресла и отвернулся, избегая умоляющего взгляда Грейс. Когда секретарь по приказу команданте вручил ей бумагу, девушка почувствовала, что холодеет от ужаса.

Трепещущими пальцами она стиснула документ. Это было какое-то объявление на испанском языке.

— Я не знаю вашего языка,— сказала она, топнув в испуге маленькой ножкой.— Что здесь сказано?

По знаку команданте секретарь встал и развернул бумагу. Сам команданте глядел в открытое окно. Пробитое в

стене необыкновенной толщины, оно походило на амбразуру. Струившийся в него солнечный свет падал прямо на Грейс, освещая ее изящную головку, слегка наклоненную вперед, полуоткрытые губы и молящие глаза, обращенные к команданте. Секретарь привычно откашлялся и с апломбом многоопытного лингвиста принялся за перевод:

«У В Е Д О М Л Е Н И Е

Его превосходительству, командующему гарнизоном Сан-Фелипе.

Имею честь сообщить вам, что спасательная экспедиция, снаряженная на основании сведений, представленных доном Хосе Блуэнтон из Сан-Геронимо, чтобы оказать помощь партии эмигрантов, терпящей бедствие в горах Сьерра-Невады, обнаружила в каньоне к востоку от Канада-дель-Диабло следы названных эмигрантов, свидетельствующие о прискорбной истории их лишений, страданий и конечной гибели в снегах. В приложенном ниже письменном документе, оставленном несчастными путешественниками, приводятся их имена и рассказана история их похода, возглавлявшегося капитаном Конроем.

В снегу были обнаружены пятеро погибших путешественников; опознать удалось двоих. Тела были погребены с соблюдением надлежащей гражданской и религиозной церемонии.

Наши солдаты проявили отвагу, выдержку, патриотизм, неутомимость и высокую дисциплинированность, характерные для духа мексиканской армии. Также заслуживает самой высокой оценки поступок дона Артура Пуанзета, отставного лейтенанта американской армии, который, будучи сам путешественником в чужом краю, бескорыстно предложил экспедиции свои услуги.

Несчастные путешественники погибли от голода, хотя в одном случае следует подозревать действие...»

Переводчик на мгновение запнулся, но тут же, демонстрируя глубокое презрение к трудностям английского языка, продолжал:

«... действие мушиного яда. С прискорбием сообщаем, что среди погибших находится знаменитый доктор Поль Деварджес, естествоиспытатель и собиратель чучел птиц и животных, хорошо известный ученому миру».

Секретарь сделал паузу, оторвал взор от бумаги и, глядя прямо в лицо Грейс, произнес тихо и раздельно:

«Опознаны были тела Поля Деварджеса и Грейс Конрой».

— Нет! Нет! — в ужасе воскликнула Грейс, всплескивая руками.— Это ошибка. Зачем вы так пугаете меня, бедную, одинокую, беззащитную девушку? Вы хотите наказать меня, господа, за то, что я поступила дурно и солгала вам. Смилуйтесь надо мной... О боже!.. Филип, где ты? Спаси меня!

Она поднялась, закричала громко и отчаянно, обхватила голову своими худенькими ручками, потом простерла их к небу и рухнула как подкошенная.

Команданте склонился над девушкой.

— Позовите Мануэлу,— торопливо сказал он, поднимая на руки бесчувственную Грейс и резким, несвойственным ему жестом отклоняя попытку секретаря прийти ему на помощь.

В комнату вбежала горничная-индианка; она помогла команданте уложить девушку на кушетку.

— Бедное дитя,— сказал команданте. Мануэла между тем, ласково склонившись к Грейс, распустила ей шнуровку.— Бедное дитя, без отца, без матери.

— Бедная женщина,— промолвила вполголоса Мануэла,— одна, без мужа.

КНИГА ВТОРАЯ
ЧЕРЕЗ ПЯТЬ ЛЕТ

Глава 1

ГНИЛАЯ ЛОЩИНА

Гнилая Лощина переживала небывалый расцвет. Думаю, что даже сам основатель поселка, окрестивший его в приступе пьяного безрассудства этим злосчастным именем, останься он жив, непременно признал бы сейчас свою неправоту. Увы, задолго до того, как Лощина вступила в период расцвета, он пал жертвой чрезмерного разнообразия алкогольных напитков в барах Сан-Франциско. «Тянул бы Джим, как бывало, чистое виски и, глядишь, разбогател бы на этой жиле, что шла под его хижинной», — так сказал один из мудрецов Гнилой Лощины. Но Джим поступил по-иному. Намыв золота на первую тысячу долларов, он отправился немедленно в Сан-Франциско и там пустился во все тяжкие, запивая коньяк шампанским, а джин — немецким пивом, пока не завершил свой краткий блистательный путь на больничной койке. Гнилая же Лощина не только пережила своего крестного отца, но и преодолела небла-

гоприятные предзнаменования, заложенные в ее имени. Сейчас поселок имел собственную гостиницу, почтовую станцию, парочку салунов и один ресторан без подачи алкогольных напитков; а еще два квартала одноэтажных деревянных домов на главной улице, несколько десятков хижин, лепившихся по горным откосам, и свежие пни на только что расчищенных лесных участках. Невзирая на свою юность, Лощина была обременена преданиями, традициями, воспоминаниями. Любопытствующие могли посетить первую палатку, которую собственноручно поставил Джим Уайт; в ставнях салуна «Качуча» зияли пулевые отверстия: именно здесь Бостон Джо и Гарри Уорс бились с Томсоном из поселка Ангела; с чердака салуна «Эмпориум» все еще торчало круглое бревно, на котором с год назад был повешен, без лишних формальностей, один из видных граждан Лощины после краткого обсуждения вопроса, откуда он взял своих мулов. А неподалеку стоял неказистый амбар, примечательный тем, что в нем однажды заседали делегаты, пославшие в установленном порядке почтенного Бланка представлять Калифорнию в высших законодательных учреждениях страны.

Сейчас шел дождь, не тот нормальный цивилизованный дождь, который льется сверху вниз, как это искони заведено в здешних горных местах, нет, какой-то бесхарактерный, нерешительно морозящий дождик, готовый в любой момент отречься от собственного естества и выдать себя за туман. Поставить цент на такой дождь и то было бы безрассудством. Поскольку он умудрялся сочиться не только сверху, но и снизу, то нижние конечности бездельников мужского пола, собравшихся у квадратной печки в лавке Бриггса, дымились от испаряющейся влаги.

Здесь собрались сейчас все те, кто по недостаточной утонченности вкуса, а может, и просто из-за нехватки наличных денег, избегали салунов и игорных домов. Гости жевали сухари из бочонка, принадлежавшего щедрому Бриггсу, и набивали трубки из ящика с табаком, принадлежавшего ему же, скромно полагая, что их общество в какой-то мере компенсирует хозяину понесенный материальный ущерб.

Все молча курили; изредка кто-нибудь, откашлявшись, плевал на раскаленную печку. Внезапно дверь, ведущая во внутренние помещения, отворилась, и на пороге появился Гэбриель Конрой.

— Ну как он, Гейб? — спросил один из куривших.

— Ни хорошо, ни худо,— отвечал Гэбриель.— Пока придет доктор, смени ему компресс, Бриггс. Я и сам бы вернулся через час, да Стива нужно навестить, а к нему от моей хижины добрые две мили.

— Он сказал, что без тебя никому прикоснуться к себе не позволит,— возразил мистер Бриггс.

— Ничего, притерпится,— задумчиво ответил Гэбриель.— И Стимсон так говорил, когда ему было плохо, а потом ничего, обтерпелся. Я так и не зашел к нему до самых похорон.

Все признали правоту этих слов, даже Бриггс, хотя он и остался недоволен. Гэбриель направился к выходу, но его снова кто-то окликнул:

— Послушай, Гейб, помнишь тех эмигрантов в палатке, у которых хворал ребенок? Он умер ночью.

— Вот как,— печально сказал Гэбриель.

— Тебе не мешало бы зайти подбодрить их. А то мать убивается.

— Непременно зайду,— сказал Гэбриель.

— Я знал, что тебе захочется зайти, да и мать будет рада, что я тебя послал,— заявил все тот же доброхот, устраиваясь у печки с видом человека, который пошел на крупные жертвы, чтобы выполнить свой моральный долг.

— И всегда ты о всех печешься, Джонсон! — сказал восхищенный Бриггс.

— А как же,— отвечал Джонсон с подобающей случаю скромностью.— Мы, калифорнийцы, не должны бросать своих ближних в беде. Вот я внес свою лепту и теперь спокоен: Гейб о них позаботится.

Пока тянулся этот разговор, неприметный филантроп Гнилой Лощины захлопнул за собой дверь и пропал во тьме. Он выполнял принятые поручения с таким тщанием, что только к часу ночи подошел к своему жилищу на склоне горы. Это была хижина, сбитая из грубо обтесанных сосновых бревен, столь примитивная с виду, что ее лишь с трудом можно было характеризовать как создание рук человеческих. Крыша из древесной коры сплошь поросла диким виноградом; в щелях птицы давно свили гнезда; белка забила прямо на конек и там грызла свои желуди без страха и без упрека.

Гэбриель осторожно вытащил деревянный колышек, служивший дверным засовом, и вошел в дом своим мягким, неслышным шагом. Раскопав в очаге тлеющий уголек, он зажег свечу и огляделся. Парусиновое полотнище

разделяло комнату на две части; разрез в занавеске заменял дверь. На грубо сколоченном сосновом столе лежала одежда, принадлежавшая, как видно, девочке лет семи-восьми; платице, сильно поношенное, а кое-где и порванное; совсем ветхая нижняя юбка из белой фланели, заплаганная красными лоскутами, и пара чулок, заштопанных и перештопанных так основательно, что от их первоначального состава едва ли что-нибудь сохранилось. Гэбриель сперва бросил общий меланхолический взгляд на эти наряды; потом принялся тщательно осматривать вещь за вещью. Скинув куртку и сапоги и приняв таким образом домашний вид, он достал стоявшую на полке шкатулку и уже начал было разыскивать нужные ему швейные принадлежности, как его прервал детский голосок с той стороны занавески:

— Это ты, Гэйб?

— Я.

— Знаешь, Гэйб, я устала и легла спать.

— Знаю, — сухо отозвался Гэбриель, вытаскивая торчавшую в нижней юбке иголку с ниткой. Кто-то уже принялся было чинить юбку, но, как видно, очень быстро утратил терпение, и дыра так и осталась незашитой.

— Ах, Гэйб, это такое старье!

— Старье?! — повторил Гэйб с укором в голосе. — То же скажешь! Конечно, поношенно малость, зато какие отличные вещи! Вот эта юбочка, например. — Гэбриель поднял юбку и поглядел на красные заплатки с гордостью художника, обозревающего созданный им шедевр. — Эта юбочка, Олли, крепче, чем новая.

— Она была новой пять лет тому назад, Гэйб!

— Ну и что? — спросил Гэбриель, нетерпеливо обращаясь к невидимой собеседнице. — Что с того?

— Я выросла за это время.

— Выросла! — пренебрежительно откликнулся Гэбриель. — А разве я не выпустил складку, разве не вставил в корсаж кусок мешковины в добрых три пальца шириной? Я вижу, ты решила разорить меня на платье!

Олли рассмеялась за занавеской. Однако суровый штопальщик не отозвался на ее смех. Тогда в импровизированную дверь просунулась курчавая головка, и вслед за тем стройная девочка в коротенькой ночной рубашонке подбежала к Гэбриелю и принялась ластиться к нему, пытаясь забраться под самую жилетку.

— Поди прочь! — сказал Гэбриель, сохраняя суровость

в голосе, но самым жалким образом утрачивая строгость на лице.— Поди прочь! Тебе смешно! Я не шажу сил, только бы разодеть тебя в шелк и бархат, а ты купаешься во всех канавах и пляшешь в колючем кустарнике. Ты совсем не бережешь свои вещи, Олли. Не прошло ведь и десяти дней с тех пор, как я заклепал и, так сказать, полудил твоё платье, и вот — погляди на него!

Гэбриель негодуя потряс платьем перед самым носом Олли. Между тем девочка, упершись макушкой прямо в грудь Гэбриеля и обретя таким образом точку опоры, стала совершать вращательные движения. намереваясь, как видно, пробуравить путь к его сердцу.

— Ты ведь не сердишься на меня, Гэйб? — взмолилась она, перебираясь с одного колена Гэбриеля на другое, но не отнимая головы от его груди.— Ты ведь не сердишься?

Не достаивая ее ответом, Гэбриель торжественно чинил нижнюю юбку.

— Кого ты видел в городе? — спросила ничуть не обескураженная Олли.

— Никого,— сухо отозвался Гэбриель.

— Не верю,— заявила Олли, решительно потрянув головкой,— от тебя пахнет мазью и мятной примочкой. Ты был у Бриггса и у тех новичков в Лощине.

— Верно,— сказал Гэбриель.— Нога у мексиканца болит поменьше, а малютка скончалась. Напомни мне утром, я пороюсь в маминых вещах, может быть, разыщу что-нибудь для бедной женщины.

— Ты знаешь, Гэйб, что говорит о тебе миссис Маркл? — спросила Олли и посмотрела на брата.

— Понятия не имею,— сказал Гэбриель, демонстрируя полнейшее равнодушие. Как обычно, притворство его не имело никакого успеха.

— Она говорит, что о тебе никто не заботится, а ты заботишься обо всех. Она говорит, что ты убиваешь себя для других. Она говорит, что нам нужно иметь хозяйку в доме.

Гэбриель прервал работу и отложил недоштопанную юбку в сторону. Потом, взяв сестренку одной рукой за кудрявую макушку, а другой за подбородок, он повернул к себе ее плутовское личико.

— Олли,— начал он торжественно,— помнишь ты, как я унес тебя из снеговой хижины в Голодном лагере и тащил на закорках много миль подряд, пока мы не вышли в долину? Помнишь, как мы прожили две недели в лесу, как я рубил деревья, промышлял нам с тобой пропитание, ло-

вил дичь, удил рыбу? Скажи, Олли, обошлись мы тогда без хозяйки в доме или, может быть, нам не хватало хозяйки? А когда мы с тобой поселились здесь, кто выстроил эту хижину? Быть может, это был не я, а какая-нибудь хозяйка? Если так, Олли, я готов признаться, что во всем не прав, а миссис Маркл права.

На минутку Олли смутилась, но тут же с чисто женской хитростью начала новое наступление.

— Мне кажется, Гэйб, что миссис Маркл любит тебя.

В испуге Гэбриель поглядел на сестренку. В этих вопросах, которые хоть кого поставят в тупик, женщины, как видно, разбираются с младенческого возраста.

— Тебе пора спать, Олли, — сказал он, не найдя другого способа заставить девочку замолчать.

Но Олли еще не хотелось уходить, и она переменяла тему разговора.

— Ты знаешь, этот мексиканец, которого ты лечишь, вовсе не мексиканец, а чилиец. Так говорит миссис Маркл.

— Не все ли равно? Для меня он мексиканец, — равнодушно отозвался Гэбриель. — Уж очень он любит обо всем расспрашивать.

— Опять про нас расспрашивал?.. Про нашу историю? — спросила девочка.

— Да, хочет знать все, что случилось с нами в Голодном лагере. Когда я рассказал ему про бедную Грейс, он просто сам не свой сделался. Задал сразу тысячу вопросов, какая она была, да что с ней случилось, а как узнал, что она пропала без вести, то огорчился не меньше нашего. Никогда еще я не встречал человека, Олли, который так интересовался бы чужими бедами. Со стороны можно подумать, что он мучился вместе с нами в Голодном лагере. Про доктора Деварджеса тоже спрашивал.

— А про Филипа спрашивал?

— Нет, — коротко отрезал Гэбриель.

— Гэбриель, — сказала Олли, внезапно меняя тон. — Было бы гораздо лучше, если бы ты не рассказывал чужим людям о нашей истории.

— Почему? — удивленно спросил Гэбриель.

— Потому что об этом лучше молчать. Гэйб, милый, — продолжала девочка, и верхняя губка у нее задрожала. — Мне кажется иногда, что люди нас в чем-то подозревают. Этот мальчик из эмигрантского семейства не захотел со мной играть. Дочка миссис Маркл сказала, что мы там, в

горах, делали что-то нехорошее. А мальчик сказал, что я дрянь... Назвал меня канни... калибанкой.

— Как он тебя назвал? — спросил Гэбриель.

— Калибанкой! Он говорит, что мы с тобой...

— Замолчи! — прервал ее Гэбриель, и гневный румянец выступил на его загорелом лице. — Как увижу этого мальчишку, непременно отлуплю.

— Нет, ты послушай, Гэбриель... — настаивала на своем Олли.

— Пора спать, Олли, а то пол у нас холодный и ты со своими глупыми разговорами непременно схватишь простуду, — строго сказал Гэбриель. — А дочка миссис Маркл препустая девчонка. Водит тебя по канавам, ты рвешь там платья, а я полночи сижу за починкой.

С этим напутствием Олли направилась за парусиновую занавеску; Гэбриель же снова принялся за шитье. Нитка у него то запутывалась, то рвалась, и каждый стежок был воображаемой оплеухой, которую он отпускал эмигрантскому мальчишке. Так дело шло, пока снова не раздался голос Олли:

— Послушай, Гэйб!

— Что еще? — в отчаянии спросил Гэбриель, бросая работу.

— Тебе не кажется иногда, что Филип... съел... Грейс?

Гэбриель вскочил и исчез за занавеской. В этот момент дверь тихо отворилась, и в хижину вошел незнакомец. Окинув быстрым взглядом полуосвещенную комнату, он застыл на пороге. Из-за занавески были слышны голоса. Незнакомец помедлил, потом негромко кашлянул.

Гэбриель тут же появился, готовый обрушить свое раздражение на непрошеного гостя, но когда взгляделся в пришельца, то был поражен до крайности. Гость вежливо улыбнулся, прошел, слегка прихрамывая, к столу, сделал извиняющийся жест и сел.

— Простите меня, но я должен присесть. Вы удивлены, не правда ли? Пять или шесть часов тому назад вы оставили меня в постели, очень больного. Вы были так добры ко мне, так добры! Вот! А теперь! Теперь я здесь, и что вы можете обо мне подумать? Сошел с ума? Спятил? — Гость вытянул правую руку, растопырил пальцы, пошевелил ими, желая наглядно показать, что может думать Гэбриель о путанице в его голове, потом снова улыбнулся. — Сейчас я все расскажу по порядку. Час тому назад приходит важное сообщение. Мне необходимо ехать в Мэрисвилл

сегодня же, сию секунду. Вот! Понимаете? Встаю. Одеваюсь. Ха-ха! У меня есть еще силенка. Я бодрюсь. Но нет. Нет, Виктор, говорю я себе, ты не уедешь отсюда, не пожав на прощанье руку доброму человеку, который ходил за тобой, лечил тебя. Ты сперва попрощаешься с этим благородным великаном, который поставил тебя на ноги. Вуено! Я здесь!

Он протянул Гэбриелю свою худую нервную коричневатую руку; острый взгляд его черных глаз, бродивший до сих пор по комнате и как бы фиксировавший все мельчайшие детали обстановки, впервые остановился на самом хозяине дома.

— Но ведь вы совсем больны. Вам нельзя было вставать с постели, вы погубите себя,— пробормотал изумленный донельза Гэбриель.

Пришелец усмехнулся:

— Да? Вы так думаете? Послушайте, что я скажу. Я взял верховую лошадь. Сколько миль будет, по-вашему, до городка, откуда идет дилижанс? Пятнадцать? — чтобы обозначить это число, он три раза поднял руку с растопыренными пальцами.— Для меня — сущий пустяк. Дилижанс пойдет оттуда через два часа. Я поспею к дилижансу. Вот!

Растолковывая все это Гэбриелю и сопровождая свои слова движением руки, отметающим все и всяческие трудности, гость рассматривал тем временем оправленный в старомодную застекленную рамку дагерротип, стоявший на каминной полочке. Он поднялся с гримасой страдания на лице и, промахав через всю комнату, снял дагерротип с полки.

— Это кто? — спросил он.

— Это — Грейси,— ответил Гэбриель, светлея лицом.— Она сфотографировалась в том самый день, когда мы вышли из Сент-Джо.

— А когда это было?

— Шесть лет назад. Ей только что исполнилось четырнадцать,— сказал Гэбриель, беря рамку и любовно поглаживая стекло ладонью.— Во всем Миссури не было тогда девушки красивее ее,— добавил он с гордостью и поглядел на портрет сестры увлажненными глазами.— Что вы скажете?

Гость быстро произнес несколько фраз на каком-то иностранном языке. По-видимому, он хотел выразить свое восхищение, потому что, когда Гэбриель взглянул на него

вопросительно, гость улыбался и приговаривал, не сводя глаз с дагерротипа: «Красавица! Ангел! Как хороша!» Потом, с многозначительным видом поглядывая то на карточку, то на Гэбриеля, он добавил:

— Кого же она мне так напоминает? Ах да, понятное дело! Сестра похожа на брата!

Гэбриель просиял от счастья. Каждый человек менее простодушный без труда разгадал бы в этих словах желание польстить. В грубоватой открытой физиономии Гэбриеля не было и следа той поэтической грации, которой было овеяно лицо девушки на портрете.

— Бесценное воспоминание, — сказал гость. — И это все, что у вас осталось? Все?

— Все, — откликнулся Гэбриель.

— Ничего больше нет?

— Ничего.

— А как хотелось бы иметь письмецо, какие-нибудь личные бумаги, хоть строчку, написанную ее рукой. Не правда ли?

— Ничего не осталось, — сказал Гэбриель, — кроме ее платья. Когда она собиралась уходить, то переделалась в мужское платье, взяла костюм Джонни. Я уже рассказывал вам об этом. До сих пор в толк не возьму, как они узнали, что она Грейс Конрой, когда нашли ее мертвой.

Гость ничего не ответил, и Гэбриель продолжал:

— Минул почти что месяц, пока мне удалось вернуться в каньон. Снег к тому времени сошел, и от нашего лагеря не осталось и следа. Тогда-то я и узнал, что спасательная экспедиция никого не застала в живых и что среди погибших была Грейс. Я вам об этом уже рассказывал. Как могло случиться, что бедняжка вернулась в лагерь одна-одинешенька? Ведь человек, с которым она ушла, бесследно пропал. Просто ума не приложу. Вот что грызет меня, мистер Рамирес! Стоит мне подумать, что бедная девочка вернулась назад — ко мне и к Олли, — и не нашла нас на месте, и я просто с ума схожу. Она умерла не от голода и не от холода. Нет! Сердце ее не выдержало такого горя! Говорю вам, мистер Рамирес, ее сердечко... разорвалось... от горя.

Гость с любопытством поглядел на Гэбриеля, но ничего не сказал. Гэбриель поднял понуренную голову, вытер слезы фланелевой юбкой Олли и продолжал свой рассказ:

— Больше года я пытался раздобыть где-нибудь доклад спасательной экспедиции. Старался выяснить, из какой миссии или пресидио вышли спасатели, думал найти

кого-нибудь из участников экспедиции. Но тут началась золотая лихорадка, все миссии и пресидио перешли в руки американцев, а когда я добрался до Сан... как его?..

— Сан-Изабель,— поспешно подсказал Рамирес.

— Выходит, я уже рассказывал вам? — спросил простодушный Гэбриель.— Совсем запомнил.

Ослепительно улыбнувшись, Рамирес поспешил согласиться с Гэбриелем и одновременно показал движением руки, что внимательно слушает рассказ.

— В Сан-Изабеле я не нашел никого, кто знал бы об этом деле. Документов тоже не осталось. Тогда я напечатал объявление в сан-францисской газете, просил Филипа Эшли, это тот самый человек, с которым ушла наша Грейс,— откликнуться на мой зов. Но ответа не получил.

Рамирес поднялся.

— Вы ведь небогаты, друг мой?

— Небогат,— сказал Гэбриель.

— Надеетесь разбогатеть, не так ли?

— Надеюсь напасть на жилу, как и другие.

— Не здесь, так там, не правда ли, друг мой?

— Не здесь, так там,— улыбаясь, согласился Гэбриель.

— Adios!¹— сказал гость, направляясь к выходу.

— Adios! — ответил Гэбриель.— Стоит ли вам сейчас ехать? Так ли неотложно ваше дело? Уверены ли вы, что у вас хватит сил?

— Хватит ли сил? — отозвался Рамирес с загадочной улыбкой.— Без сомнения! Поглядите, какой я молодец! — Он развел руки в стороны, выпятил грудь и так дошел до двери.— Вы вылечили меня от ревматизма, Гэбриель, друг мой. Спокойной ночи!

Дверь за ним захлопнулась. Минуту спустя Рамирес вскочил в седло и помчался с такой быстротой, что, несмотря на ночную тьму и дурную погоду, за два часа доскакал до старательного городка, где менял лошадей почтовый дилижанс Уингдэм — Сакраменто. На следующее утро, когда Олли и Гэбриель еще сидели за завтраком, мистер Виктор Рамирес, кипя неумемной энергией, сошел с дилижанса у дверей гостиницы «Мэрисвилл» и направился прямо к портье. Когда тот вопросительно взглянул на него, Рамирес, протянул свою визитную карточку.

— Прошу вас, передайте миссис Грейс Конрой.

¹ Прощай (*исп.*)

ГОСПОЖА ДЕВАРДЖЕС

Следуя за коридорным, мистер Рамирес поднялся по лестнице, миновал узкую галерею и вышел в холл. Здесь коридорный предложил мистеру Рамиресу присесть и обождать его возвращения, после чего углубился в другую галерею и исчез из вида. До его прихода Виктору Рамиресу предоставлялось право безвозбранно рассматривать свежеструганные дощатые перегородки и скудную меблировку отеля. У него еще осталось добавочное время, чтобы разобрать написанный по-английски плакат, вывешенный на видном месте: «Настоятельно просим джентльменов не ложиться спать на лестнице!» Вернувшийся коридорный угрюмо поманил мистера Рамиреса, и теперь уже вдвоем они отправились по темной галерее, пока не дошли до закрытой двери в самом ее конце. Коридорный еле слышно постучал. Однако, сколь ни слаб был его стук, все соседние двери раскрылись, словно по волшебству, и из каждой показалась мужская голова. Мистер Рамирес помрачнел. Он был достаточно знаком с господствующими нравами и обычаями, чтобы понять, что, явившись с визитом к даме, он тем самым вызвал зависть, темные подозрения и недоброжелательство всех проживающих в отеле мужчин.

Послышались легкие шаги. Дверь распахнулась. Коридорный помедлил, желая лично установить, какие отношения связывают хозяйку номера с ее гостем, после чего нехотя удалился. Дверь затворилась, мистер Рамирес остался наедине с дамой.

Это была невысокая хрупкая блондинка. Открыв дверь, она улыбнулась и на мгновение стала хорошенькой; но тотчас же погасила улыбку и теперь казалась некрасивой и ничем не примечательной. Если не считать вкрадчивых манер — которых, кстати сказать, следует более всего страшиться в слабом поле, — и несколько не объясняемого обстоятельством молящего взгляда, в ней не было ровно ничего, что могло бы вызвать восторги мужчин или ревность женщин.

Рамирес попытался обнять ее, но она пугливо отступила и сказала шепотом, указывая на потолок и на стены:

— Все видно, все слышно.

Коричневое лицо Рамиреса еще больше потемнело. Оба

долго молчали. Потом дама, сверкнув зубками и блеснув глазками, прогнала прочь меланхолию, омрачившую их свидание. Указав на кресло, она сказала:

— Сядь, Виктор, и расскажи, почему ты так быстро вернулся.

Виктор угрюмо уселся, выражая всем своим видом полное послушание и покорность. Дама молчала.

Рассерженный Рамирес хотел показать, что он тоже умеет молчать, но не совладал с природной живостью своей натуры.

— Знаешь, что я тебе скажу! Тебе пора вычеркнуть из книги постояльцев имя Грейс Конрой и поставить свое собственное.

— Почему, Виктор?

— Она спрашивает «почему»! — сказал Виктор, адресуя свое негодование потолку.— О боже! Да потому, что в сотне миль отсюда живут родной брат и родная сестра Грейс Конрой! Я видел их собственными глазами.

— Какая же в том беда?

— Какая беда! — воскликнул Виктор.— Сейчас ты узнаешь. Слушай, что я расскажу.

Он подвинулся поближе и перешел на доверительный шепот:

— Я отыскал наконец эту жилу. Вел поиски по плану, который, ты знаешь, мне удалось... найти. Так вот. План оказался точным. Ага, ты слушаешь с интересом. Описание местности правильное. Но я ведь не знал, где она, эта жила. И не открыл ли ее кто-нибудь раньше меня?

Местность называется Гнилая Лощина. Почему? Кто знает! Процветающий старательский поселок, кругом богатые разработки. Но о жиле на холме никто понятия не имеет, никто даже не сделал на нее заявки. Почему? Да потому, что она с виду ничего не обещает. Но это она. Та самая жила!

Рамирес достал из кармана конверт, вынул из него сложенную бумагу (ту самую, которую доктор Деварджес вручил в свое время Грейс Конрой) и, развернув, стал водить по ней пальцем.

— Начал я, как здесь указано, с верховьев Америкен Ривер. Оттуда пошел по предгорью — я знаю там каждый шаг — и к концу недели выбрался к Гнилой Лощине. Видишь на плане? Это и есть Лощина.— Рамирес протянул бумагу своей слушательнице, и та жадно стиснула ее длинными тонкими пальцами.— Чтобы разведать поточнее,

мне нужно было задержаться в поселке на три-четыре дня. Как это сделать? Я никого не знаю, я иностранец, старатели не любят чужаков, не доверяют им. Но вот я слышу, что в поселке живет старатель по имени Гэбриель Конрой, добрый человек, который ходит за больными. Все ясно. Я сразу заболеваю, тяжело заболеваю. У меня ревматизм. Вот здесь.— Рамирес похлопал себя по колену.— Я беспомощен, как грудной младенец. Я лежу в постели в доме мистера Бриггса. Ко мне является Гэбриель Конрой, сидит со мной, развлекает меня, рассказывает свою историю. Приводит ко мне младшую сестренку. Я навещаю их в его хижине на холме. Я вижу там портрет его сестры. Вот как обстоит дело! Теперь ты понимаешь! Все кончено!

— Почему?

— Почему? Эта женщина еще спрашивает «почему»?! — возопил Виктор, обращая взор к потолку.— Ты хочешь знать? Отлично! Дом Гэбриеля Конроя стоит на участке, где проходит жила, на том самом участке, который губернатор подарил доктору Деварджесу. Теперь им владеет Гэбриель!

— Гэбриель? А он знает про жилу?

— Ничего не знает. Игра случая. Как ты любишь говорить — судьба!

Она отошла и остановилась у окна, глядя, как идет дождь. Взгляд ее застыл, стал жестким, а лицо — таким старым и измученным, что гуляка, прохаживавшийся по тротуару напротив в надежде поглядеть на хорошенькую англичанку, — попросту не узнал ее. Это пустяковое происшествие заставило ее взять себя в руки. С чарующей улыбкой она обернулась к Рамиресу и, подойдя к нему, спросила нежным голоском:

— Что же ты хочешь сделать? Бросить меня?

Виктор не решился взглянуть ей в глаза. Уставившись в стену, он пожал плечами:

— Судьба!

Она тесно переплела свои тонкие пальцы и, ставши перед собеседником так, чтобы он не мог отвести взгляда, сказала:

— У тебя ведь хорошая память, Виктор. Не правда ли? Тот промолчал.

— Если хочешь, я напомню тебе нашу историю. Год тому назад, будучи в Берлине, я получила письмо от Питера Дамфи из Сан-Франциско. Мистер Дамфи сообщал, что у него имеются важные документы, касающиеся собственно-

сти моего покойного мужа, доктора Деварджеса; он предложил мне вступить с ним в деловую переписку. Вместо того чтобы последовать его совету, я поехала в Америку. Наверное, мужчина на моем месте стал бы колебаться, раздумывать; но это не в моем характере. Я — слабая, бедная женщина; я — поехала. Должно быть, этого не следовало делать; вы — смелые и хитрые мужчины — не тронулись бы с места, не получив формального письменного заверения. А я... я поехала.

Виктор слегка поморщился, но ничего не возразил.

— В Сан-Франциско я посетила мистера Дамфи. Он познакомил меня с несколькими документами, которые, как он сказал, были отданы ему доктором Деварджесом на хранение. Один из них был дарственной грамотой, выданной испанскими властями доктору Деварджесу на владение участком земли; в других говорилось о сделанных им важных открытиях. Дамфи посоветовал мне обратиться за дальнейшими разъяснениями в миссию и пресидио Сан-Изабель, откуда в свое время была снаряжена спасательная экспедиция. Что касается до его личного участия в моем деле, сказал Дамфи, то он — коммерсант, бизнесмен и согласен содействовать мне на комиссионных началах; я должна гарантировать ему определенный процент с полученной суммы. Ну как, точно я рассказываю?

Виктор поднял на нее свои черные глаза и утвердительно кивнул.

— Я поехала в миссию. Там я встретила тебя. Как секретарь прежнего команданте и хранитель архива пресидио, ты был единственным, кто знал все, что касалось спасательной экспедиции. Ты показал мне последний оставшийся экземпляр доклада. Ты тоже сохранял со мной холодный, официальный тон — до той поры, пока я не открылась, кто я. Тут ты сразу переменился. Ты рассказал мне об этой юной девушке, таинственной Грейс Конрой, имя которой значилось в списке погибших. Ты сказал, что считаешь ее самозванкой. Говорил ты это или нет?

Виктор утвердительно кивнул.

— Ты рассказал, в каком отчаянии была она, когда ей прочитали доклад; как женщины догадались о ее беременности; как ее пожалел команданте; как она таинственным образом исчезла; как ты сам, хоть и подозревал, что она родила в миссии ребенка, не смог добиться от команданте ни слова по этому поводу. Точно я рассказываю, Виктор?

Он попытался взять ее за руку, но она, не меняя своей

вкрадчивой манеры, спокойно отняла руку и продолжала рассказ:

— Ты поведал мне о том, как подобрал с пола бумагу, оброненную ею, когда ей распускали шнуровку, вот эту самую бумагу, которую ты сейчас держишь в руке. Ты рассказал мне, как ты скрыл находку, присвоил ее. И ты придумал, Виктор, что мне делать, чтобы завладеть собственностью доктора Деварджеса, предложил мне назваться именем этой девушки и стать, таким образом, самозванкой вдвойне. Ты не потребовал от меня комиссионного вознаграждения. Ты не воспользовался моими трудностями, чтобы просить денег, нет, ты просил только одного — моей любви. Да, я совершила ошибку, проявила непростительную женскую слабость. Соблазн был велик, я не думала о выгоде, я слушалась веления сердца. Я обещала тебе свою руку и свое богатство — когда мы победим. Сейчас ты пришел просить, чтобы я освободила тебя от данного слова. Да, да, ты это сказал!

Полный раскаяния, Рамирес схватил ее за руку и упал на колени; она высвободилась резким движением.

— Нет! Нет! — продолжала она тем же скорбным голосом. — Ступай к ее брату, на розыски которого ты потратил столько усилий. Иди к нему, отдай ему эту бумагу, которая у тебя в руках. Расскажи ему, как ты украл эту бумагу у его сестры, скажи, что его сестра — самозванка, что она мать незаконного младенца. Еще скажи, что, отдавая ему эту бумагу, ты тем самым отнимаешь последнюю надежду у женщины, которую несправедливо оскорбил и покинул муж, у женщины, проехавшей много тысяч миль, чтобы получить во владение собственность мужа, на которую она имеет моральное право. Да, да, расскажи ему все, и этот человек, хороший, добрый человек, как ты его описываешь, радостно откроет тебе свои объятия. Не забудь еще добавить, что этот документ не дает ему никаких прав на владение землей, потому что, если ребенок его сестры жив, собственность, по закону, принадлежит ребенку. Под конец покажи ему еще доклад, где обе его сестры объявлены умершими, а его собственное существование поставлено под вопрос, и он поймет, сколь многим он тебе обязан!

— Прости меня, — простонал Виктор, изнемогая от раскаяния и от восторга перед умом этой женщины. — Прости меня, Жюли! Я трус. Я раб. Я неблагодарное животное. Я сделаю все, как ты прикажешь, Жюли, все, как ты прикажешь!

Госпожа Деварджес удовольствовалась одержанной победой; она знала, что этого неуравновешенного человека нельзя доводить до крайности. «Тс-с!» — сказала она и не оказала сопротивления, когда Рамирес привлек ее к себе.

— Послушай, Виктор, что я скажу, — начала она после короткого молчания. — Тебе ни к чему бояться этого человека. Пойми, он незаконно захватил мою собственность, землю, на которую я имею неоспоримые права. Я никогда не признаю его своим братом. Кто сможет удостоверить, что он действительно Гэбриель Конрой? Его сестра не посмеет выступить в его защиту, а если выступит, ты под присягой покажешь, что когда она явилась в миссию, то назвалась другим именем. Кто поверит этому брату, отстаивавшему свои корыстные интересы, когда ты ясно засвидетельствуешь, что Грейс Конрой, которая явилась в миссию, — это я, а Питер Дамфи покажет, что знал меня еще в Голодном лагере.

— Питер Дамфи? — спросил изумленный Рамирес.

— Да, Питер Дамфи! — подтвердила госпожа Деварджес. — Когда я призналась ему, что не имею юридических прав на наследство доктора Деварджеса потому, что разведена с ним, и рассказала о твоём плане, Дамфи сказал, что он выступит на суде и удостоверит, что я действительно Грейс Конрой. Пока ты выискивал новые препятствия, Виктор, я добилась кое-каких успехов.

— Прости меня! — Схватив ее руки, он стал покрывать их страстными поцелуями. — Я мчусь. До свидания!

— Куда? — спросила она, поднимаясь.

— В Гнилую Лощину.

— Нет. Сперва присядь. Послушай, что я скажу. Ты поедешь сейчас в Сан-Франциско и расскажешь Дамфи обо всем, что ты узнал. Возможно, нам придется взять адвоката, но до этого надо разведать силу противника. Ты должен во что бы то ни стало выяснить, куда девалась эта Грейс. Поезжай в Сан-Франциско и посоветуйся с Дамфи. Я буду ждать тебя здесь.

— Но ты здесь одна, без всякой защиты. Кругом мужчины...

В глазах Рамиреса замелькали искорки недоверия и ревности.

— Для нашего дела более опасны женщины. Неужели ты не веришь мне, Виктор? — спросила она, ослепительно улыбнувшись.

Он кинулся бы к ее ногам, но она остановила его, погрозив пальчиком и бросив лукавый взгляд на перегородку.

— Значит, мы обо всем договорились. Счастливого пути! Одну минутку. Этот Гэбриель женат?

— Нет.

— До свидания.

Смуглое, взволнованное лицо мексиканца мелькнуло в дверях, и он исчез. Вскоре из 92-го номера, по соседству с номером госпожи Деварджес, раздался резкий звонок.

Грубиян коридорный постучался в дверь и вошел, став сразу очень почтительным. Относительно этого постояльца у него сомнений не было. В 92-м номере жил мистер Джек Гемлин, известный всему городу профессиональный игрок.

— Какого дьявола я должен тебя ждать? — спросил Джек, свешиваясь с постели и хватаясь с угрожающим видом за колодку для снятия сапог.

Коридорный пробормотал что-то в свое оправдание.

— Подай горячей воды.

Коридорный кинулся было выполнять приказ, но Джек остановил его, применив для этой цели краткое, но сильное выражение.

— Сперва я жду тебя целую вечность, теперь ты норвишь улизнуть. Кто был сейчас в соседнем номере?

— Не знаю, сэр.

— Узнаешь и сообщишь.

Он швырнул коридорному залотую монету, потом взбил подушку и отвернулся к стене. Коридорный медлил; Джек рывком повернулся к нему.

— Еще торчишь? Какого дьявола?

— Прошу прощения, сэр, вам что-нибудь известно об этой даме?

— Нет, — сказал Джек, приподнимаясь на локте, — ничего не известно, но если я хоть раз еще увижу тебя под ее дверью, как это было пять минут назад, я... — И мистер Гемлин, понизив голос, пояснил собеседнику, что намерен насильственным путем лишить его некоторых жизненно важных частей организма. — Вон отсюда!

После того, как дверь за коридорным захлопнулась, мистер Гемлин еще добрый час пролежал молча в постели. Потом поднялся и стал не спеша одеваться, напевая при этом (по своей всегдашней привычке) редким по красоте тенором, хорошо знакомым всем его близким друзьям. Напевшись вдоволь и завершив туалет, он достал миниа-

тюрный револьвер с ручкой из слоновой кости и сунул его в жилетный карман по соседству с некоей любовной записочкой самого трагического содержания, потом увенчал свою красивую голову цилиндром, сдвинув его, быть может, несколько более набекрень, чем обычно, и вышел из номера. Он сильно хлопнул дверью, прежде чем повернуть ключ, перегородки задрожали от толчка, и дверь, ведшая в номер его очаровательной соседки, распахнулась. Машинально подняв голову, мистер Гемлин увидел, что дама стоит, прислонившись к шифоньерке, и прижимает к глазам платочек. Джек перестал петь и степенно спустился с лестницы. Коридорный, стоявший внизу, почтительно прикоснулся к шляпе.

— Он нездешний, сэр.

— Кто нездешний? — холодно спросил мистер Гемлин.

— Тот человек.

— Какой человек?

— А тот, о котором вы спрашивали.

Мистер Гемлин не спеша достал сигару, зажег спичку, затянулся два раза, после чего, пристально глядя на коридорного, сказал:

— Я ни о ком тебя не спрашивал.

— Я думал, сэр...

— Никогда не напивайся с утра, Майкл, — сказал мистер Гемлин, не сводя с коридорного своих темных глаз. — На пустой желудок это производит ужасное действие. Послушайся меня, пей после обеда.

Глава 3

МИССИС МАРКЛ

Критические замечания миссис Маркл, услышанные им в передаче Олли, всю ночь тревожили сон Гэбриеля, и, когда он, вставши рано утром, подошел к столу и принялся рассматривать починенные накануне вещи, у него не было вчерашней уверенности в себе.

— Может, оно и верно, что я не умею присмотреть за малюткой, — бормотал он себе под нос, укладывая одежду Олли на стул перед ее кроваткой, девочка еще спала. — Вещички, правда, крепкие, да и материал отличный, что и го-

ворить, но, пожалуй, староваты, да и, как говорится, из моды вышли. Тебе, бедняжке, конечно, невдомек,— заявил он, адресуясь к кудряшкам и покрасневшимся во сне щечкам почивавшей Олли,— но, наверное, эти пострелята дразнят тебя. Поселок просто кишит новыми людьми,— продолжал размышлять вслух Гэбриель,— целых три семейства за полгода, просто нашествие какое-то. И ко всему — миссис Маркл! — Гэбриель залился краской, хоть и был один в собственном доме.— Подумать только, девчужке нет еще полных девяти лет, а она такое мне толкует об этой вдове! Ну и ну! А я-то из-за Олли даже думать зарекся о подобных делах; и все для того, чтобы не пускать в дом постороннюю женщину, которая станет над ней командовать.

Когда они сели за свой нехитрый завтрак, Гэбриель с беспокойством отметил кое-какие странности в туалете Олли, ранее не привлекавшие его внимания; смутили его и манеры сестры.

— Как правило, Олли,— начал он осторожно,— как правило, воспитанные маленькие девочки не сидят на стуле верхом и не подтягивают каждые пять минут ушки своих сапог.

— Как правило, Гэйб, маленькие девочки не носят сапог,— возразила Олли, подбирая оставшийся на сковороде соус большим ломтем хлеба.

Искусно обойдя вопрос, являются ли высокие резиновые сапоги обязательной частью туалета маленьких девочек, Гэбриель перешел к другому вопросу.

— Думаю, не заглянуть ли мне к миссис Маркл по пути в Лощину? — сказал он весьма непринужденно, стараясь уловить выражение лица сестры, точнее, той его части, которая виднелась из-за большого ломтя хлеба.

— И меня возьми, Гэйб.

— Нет,— ответил Гэбриель.— Ты останешься дома и сделаешь генеральную уборку. Пока не кончишь, даже и не думай идти гулять. Кроме того, у меня с миссис Маркл будет деловой разговор.

— Ах, Гэйб! — воскликнула Олли, расцветая хитрейшей улыбкой, обильно приправленной жирным соусом.

— Интересно знать, чему ты так радуешься, Олли? — спросил Гэбриель строго и с достоинством.

— Постыдился бы ты, Гэйб!

На эту дерзость Гэбриель не счел нужным отвечать. Он

поднялся, собрал свое рабочее снаряжение и надел шляпу. Дойдя до двери, он вдруг повернулся и подошел к сестре.

— Олли,— сказал он, беря ее ладонями за обе щеки, как делал это всегда, прощаясь с ней.— Если со мной что-нибудь стряется, я хочу, чтобы ты знала, моя крошка, что я всегда старался, чтобы тебе было хорошо. Лишь бы тебе было хорошо!

Олли сразу решила, что Гэбриель надумал сегодня мыть золото в реке.

— Держись подальше от омута, Гэйб! — сказала она, и ее короткая верхняя губка слегка дрогнула.

— Да, омут хоть куда! — сказал Гэбриель.— Только ты не тревожься,— поспешно добавил он, поглядев на перепуганное личико сестры,— со мной ничего худого не приключится. До свидания.

Он ласково обнял ее. Олли погладила его по русым волосам, ловко расчесала ему бороду и заново перевязала шейный платок.

— Что же ты не переменял рубашку, Гэйб? — сказала она.— Пойдешь в грязной рубашке к миссис Маркл! погоди, Гэйб, я достану твою соломенную шляпу. Одну минутку!

Она побежала за занавеску. Но, когда вернулась, Гэбриеля уже не было.

Ночью прошел дождь. Сейчас земля была свежа, как после только что выпавшей росы, а синева неба разукрашена бегущими облаками (это редкое зрелище доступно жителям Калифорнии лишь в период дождей). Гэбриель, обычно мало чувствительный к метеорологическим переменам, а равно и к красоте природы, сегодня не смог противостоять прелести раннего утра; по этой причине, как мне кажется, он оказался более восприимчивым и к прелестям жизни вообще. Так оно и бывает: вы загляделись на деревце, потом на цветок, на солнечного зайчика — и вот, сами того не ведая, уже готовы капитулировать перед чарами прекрасного пола. Нет, держитесь жизненной прозы, в этом ваше спасение! Так, наслаждаясь красотами местной природы и предвкушая встречу с богиней здешних мест, Гэбриель подошел к коттеджу миссис Маркл и тут же узрел в заставленном грязной посудой кухонном окне се энергичную румяную физиономию.

В этот ответственный момент миссис Маркл допустила в своем поведении одну из тех нелогичностей, которые, вообще говоря, чаруют мужчин, но на некоторых представителей мужского пола оказывают противоположное дейст-

вие. Обычно Гэбриель бывал робок с миссис Маркл; она же вела себя с ним естественно и сердечно. Сегодня, увидев, что Гэбриель идет к ней с приветливым видом, она почему-то решила встретить его в штыки. Для пользы других представительниц женского пола я приведу ее монолог дословно:

— Если вы пришли ко мне, Гэбриель Конрой,— заявила миссис Маркл, стирая мыльную пену со своих загорелых, но довольно красивых рук,— придется вам подойти прямо к лохани, потому что я мою посуду. Помню, Джо Маркл всегда твердил мне: «Когда ты занята делом, Сью, не разбрасывайся мыслями по сторонам». Ну-ка, Сол, притащи табуретку для Гэбриеля, он у нас несчастный гость, пусть присядет. Мы с тобой работающие женщины, Сол, у нас нет времени, чтобы хворать, а мистер Конрой ведь только к хворым и ходит!

Сколь ни был Гэбриель поражен насмешливыми словами миссис Маркл, он нашел в них нечто для себя утешительное. «Олли ошиблась,— сказал он себе,— голова у этой женщины занята только посудой да заботами о постояльцах. А если так, если она не станет приставать ко мне и будет спокойно заниматься своим заведением, что ж, тогда и жениться не страшно. Но как проверить это! Бабы так ненадежны! Во всяком случае, Олли ошиблась».

Не ведая, к своему счастью, о стратегических планах, бродивших в голове молчащего Гэбриеля, миссис Маркл продолжала свой монолог, не оставляя в то же время и мыть посуду и попеременно обдавая Гэбриеля то мыльной пеной, то переливающимся через край красноречием.

— Когда я говорю «работающие женщины», Сол,— сказала миссис Маркл, по-прежнему адресуясь к костлявой своей служанке, которая, стоя спиной к хозяйке, вытирала посуду, хихикала и глазела на Гэбриеля,— когда я говорю «работающие женщины», я не забываю, конечно, о том, что бывают на свете мужчины, которые работают побольше нас с тобой и на таких, как мы, и глядеть не хотят.

Тут миссис Маркл разбила тарелку, чуточку помолчала, вздохнула, обернулась, вся пунцовая, сверкнув своими черными глазам, и объявила, что она сегодня «вся на нервах» и совсем не может работать. Наступило неловкое молчание. По счастью для Гэбриеля, костлявая Сол, по-прежнему стоявшая спиной к своей хозяйке, подхватила прерванную было нить разговора. Гэбриеля она при этом

полностью игнорировала и обращалась, по всей видимости, к стенке.

— Да как же тебе не быть на нервах, Сьюзен, когда у тебя на руках сорок человек постояльцев, не считая проезжих? Да кто же тебе даст отдохнуть, Сьюзен, разве только ревматизм тебя расшибет, так что ты и пальцем шевельнуть не сможешь? Или умрет у тебя кто в семье; может быть, тогда твои друзья забеспокоятся и придут тебя навестить. Да ведь от такого кашля, что мучает малютку Манти уже шестую неделю, другая мать сама наверняка схватила бы нервную горячку.

С виноватым чувством Гэбриель припомнил, что, встретив только что Манти, хлюпавшую в луже возле дома, он невольно подумал, уж не готовит ли его судьба в отчужденности к девочке. Теперь, когда стало очевидно, сколь недостойно он занял это положение, он почувствовал себя самозванцем и сильно оробел. Смущение Гэбриеля проявилось в характерной для него форме: он вытащил из кармана маленький гребешок и принялся, растерянно улыбаясь, расчесывать свою русую шевелюру. Вдова, наблюдавшая это зрелище не впервые, истолковала смущение Гэбриеля в свою пользу. Сердце ее дрогнуло. Неким телепатическим путем чувства миссис Маркл передались и ее служанке.

— Ты сегодня совсем не в настроении, Сьюзен. Послушай-ка меня, глупую, брось ты эту посуду да посиди часок в гостиной, побеседуй с Гэбриелем, если только он не пришел сюда, чтобы разжиться у нас каким-нибудь хозяйственным советом. Я про себя скажу, не могу я работать, когда мужчина топчется рядом. Нет, уже вы увольте меня, а я как-нибудь домою посуду; недаром говорится, где двое — компания, там третий лишний! А ну-ка, отдай мне свой фартук. Так заработалась ты, Сью, что и не приглядишь за собой. Ну что у тебя с волосами!

Признав таким образом, до известной степени, присутствие в доме Гэбриеля, костлявая Сол предприняла попытку усовершенствовать прическу своей хозяйки, но миссис Маркл ирриво уклонилась, заявив, что у нее совсем нет времени заниматься такими пустяками.

— Да и что в них хорошего? Грива, да и только! — заявила она с суровой самокритичностью. — Оставь в покое мои волосы, Сол! Вот видишь, ты добила своего!..

Злокозненная Сол действительно добила своего. Применив один из ловких приемов, известных представи-

тельницам ее пола. она как бы невзначай распустила прическу своей хозяйки, и черные густые волосы миссис Маркл упали на ее полные плечи. Рассмеявшись, миссис Маркл попыталась укрыться в гостиной, но Сол, истинный автор этого живописного зрелища, задержала ее с тем, чтобы решительно ни о чем не подозревавший Гэбриель мог насладиться представлением до конца.

— Грива! Выдумаете тоже! — сказала Сол. — Конечно, каждый волен в своем мнении и хвалить самому себя не положено, только, скажу я, не далес как вчера за этим самым столом адвокат Максвелл любовался на вас, Сью. Вы, задумавшись, несли ему суп, и прядь волос у вас спустилась, чуть что в тарелку ему не угодила, а он и говорит мне, адвокат Максвелл: «Сол, — говорит он, — немало светских дам во Фриско отдали бы все на свете, только бы иметь такие волосы, как у Сьюзен Маркл...»

Рассказ этот остался незаконченным потому, что миссис Маркл, застыдившись, убежала в гостиную.

— А как вам думается, Гэбриель, к чему клонил адвокат Максвелл? — спросила Сол, снова принимаясь за посуду.

— Не знаю, — невинно ответил Гэбриель, счастливо избегая хитроумной ловушки, заключенной в заданном ему вопросе, как до этого избег опасного очарования, заключенного в распущенных волосах миссис Маркл.

— А все к тому же. Зачастил он к нам, адвокат Максвелл, недавно за один только день пять раз забегал перекусить. Вот и сейчас, когда вы шли, я сразу решила, не иначе как он. А Сью, она просто его не замечает, не жалуется Сью слабым, — заявила Сол, поглядывая на богатырские плечи и могучи жилистые руки Гэбриеля. — Как вы ее находите — я вас просто как друга спрашиваю: не похудела ли она за последнее время?

Гэбриель поспешил заверить, что миссис Маркл выглядит превосходно, но его костлявая собеседница только вздохнула и покачала головой.

— Все это обманчиво, Гэбриель! Если бы вы только знали, как бедняжка мучается. Душа у нее не на месте эти дни, а когда у нее душа не на месте, она бьет посуду. Видели, как она только что грохнула тарелку? Может, я не должна вам этого говорить, хоть вы и друг наш и никому не расскажете, а Сью просто убила бы меня, если бы услышала что-либо подобное, такая она гордая у нас, вроде как я сама, — да, может, и говорить-то здесь не о чем, но только скажу вам откровенно, как услышу я бой посуды, точно

знаю, пришел Гэбриель Конрой. Последний раз вы приходили, дай бог память, на позапрошлой неделе, и что же — к ужину постояльцам не из чего было чай пить!

— Может, это простудное? — спросил пораженный ужасом Гэбриель, чувствуя, что его худшие опасения подтверждаются, и поднимаясь со стула. — У меня еще осталось немного индийского бальзама; я сбегаю сейчас домой и принесу вам; а то пришлю с кем-нибудь.

Он жаждал сейчас лишь одного — скорее, как можно скорее ретироваться, и, наверное, обратился бы в позорное бегство, но Сол остановила его с таинственным и многозначительным видом:

— Если Сью сейчас вернется, Гэбриель, и не застанет вас здесь, то при ее нынешнем состоянии здоровья, нервном, я сказала бы, состоянии, с ней может случиться все что угодно; я не поручусь за жизнь бедняжки. Если вы делаете это после всего, что было, после того, что у вас произошло сегодня, она просто умрет.

— А что у нас произошло сегодня? — спросил Гэбриель, обуреваемый смутной тревогой.

— Кто я такая, — загадочно сказала Сол, — кто я такая, чтобы судить других людей, решать, что они делают и почему? Почему одни приходят в гости, а другие их принимают, почему одни бьют посуду, а другие причесывают гребешком волосы, — Гэбриель вздрогнул при этих словах, — и молчат, словно воды в рот набрали? А если женщине самую малость нездоровится и мужчина впадает в такое отчаяние, что готов как сумасшедший бежать ей за лекарством, мне ли решать — значит это что-нибудь или совсем ничего не значит? Про себя я, может быть, и знаю кое-что, но уж другому никому не скажу. Сколько раз говорила мне Сью: «Если уж кто умеет держать язык за зубами, так это ты, Сол». А, вот и вы пожаловали, сударыня! Значит, служанкам время браться за дело, а господам — любезничать.

Едва ли нужно пояснять, что последние слова были обращены к вдове, которая в эту минуту появилась в дверях гостиной в новом ситцевом платье, обрисовывавшем ее формы самым благоприятным образом, и что, именуя свою хозяйку и Гэбриеля господами, Сол желала подчеркнуть особую значительность происходящих событий.

— Надеюсь, я не помешала вам? — лукаво спросила вдова, в притворной нерешительности останавливаясь на пороге, — Если вы не успели еще обсудить ваши личные отношения, я могу и обождать.

— Уж не знаю, что еще может сказать Гэбриель из того, что вам не годится слышать, миссис Маркл, — ответила Сол, подчеркивая своим тоном, что Гэбриель только что доверил ей важную тайну, которую она, щадя его скромность, не решается огласить. — Да и кто я такая, чтобы мне поверяли сердечные тайны?

Трудно сказать, что напугало Гэбриеля сильнее, игривость ли миссис Маркл или суровая риторика Сол, но он поднялся со стула. Он решился бежать, невзирая ни на страшную сцену, которую могла ему устроить миссис Маркл, ни на физические преграды, какие могла воздвигнуть на его пути костлявая Сол. Однако тайное подозрение, что он уже связал себя безвозвратно, смутная надежда, что, объяснившись, он еще сумеет спастись, или же просто притягательная сила нависшей опасности парализовали его решимость и направили его стопы прямохонько в гостиную миссис Маркл. Миссис Маркл предложила ему сесть, и Гэбриель безвольно опустился в кресло. На кухне Сол оглушительно загремела посудой и запела пронзительным голосом; было очевидно, что она делает это со специальной целью показать, что не подслушивает их нежных излияний; Гэбриель покраснел до корней волос.

Когда вечером Гэбриель вернулся домой, он был молчаливее, чем всегда. На вопросы Олли он отвечал кратко и неохотно. Однако не в обычае Гэбриеля было замыкаться в себе, даже если он был чем-нибудь сильно огорчен, и Олли решила набраться терпения. Когда они закончили свой скромный ужин — в отличие от завтрака он не прерывался критическими замечаниями Гэбриеля, — Олли пододвинула деревянный ящик — свое излюбленное сиденье — поближе к коленям брата и удобно устроилась, положив голову к нему на грудь. Гэбриель раскурил трубку при помощи единственной свечи, освещающей комнату, затянулся раз или два, вынул трубку изо рта и ласково промолвил:

— Олли, из этого ничего не получится.

— Из чего ничего не получится, Гэйб? — спросила хитрая Олли, прекрасно поняв, в чем дело, и задумчиво улыбаясь.

— Да из этой затеи.

— Из какой затеи, Гэйб?

— Из женитьбы на миссис Маркл, — ответил Гэбриель, стараясь принять равнодушный тон.

— Почему? — спросила Олли.

— Она не хочет идти за меня.

— Не хочет? — воскликнула Олли, мгновенно подняв головку и глядя брату прямо в глаза.

Гэбриель не решился на ответный взгляд. Уставившись в пылающий камин, он повторил отдельно и твердо:

— Ни-под-каким-видом.

— Мерзкая старая ведьма, — с сердцем вскричала Олли. — Я бы ей показала!.. Да ведь на всем свете нет никого лучше тебя, Гэйб! Подумать только!

Гэбриель помахал своей трубкой, якобы выражая покорность судьбе, но с таким очевидным довольством, что Олли, заподозрив неладное, спросила:

— А что же она сказала?

— Сказала, — ответил Гэбриель не спеша, — что ее сердце принадлежит другому. Она даже в поэзию ударилась и заявила так:

Никогда не смогу полюбить я тебя,
Потому что другого люблю.

Да, так и сказала. Может быть, я передаю не вполне точно, Олли, но ты, конечно, знаешь, что в такие минуты женщины предпочитают изъясняться стихами. В общем, она любит другого.

— Кого? — спросила Олли в упор.

— Она не назвала его, — ответил застигнутый врасплох Гэбриель, — а я решил, что допытываться будет неудобно.

— Ну и как же? — спросила Олли.

Гэбриель опустил глаза и смущенно заерзал на своем стуле.

— Что как же? — повторил он вопрос сестры.

— Что ты ей сказал? — спросила Олли.

— В ответ?

— Нет, в самом начале. Как ты подошел к этому делу, Гэбриель?

Олли устроилась поудобнее, положила руку под голову и с нетерпением ждала рассказа Гэбриеля.

— В точности, как в таких случаях принято, — ответил Гэбриель, обозначая неопределенным взмахом трубки свою понаторелость в амурных делах.

— А все-таки? Расскажи все с самого начала, Гэйб.

— Могу рассказать, — промолвил Гэбриель, направляя взгляд в потолок. — Видишь ли, Олли, женщины очень застенчивы, и, чтобы иметь у них успех, нужно действовать смело и решительно. Только я переступил порог, я сразу пощекотал Сол под подбородочком — ну, ты понимаешь, — а потом обхватил вдову за талию и чмокнул раза

два или три, просто так, чтобы показать, какой я любезный и общительный человек.

— И после всего этого она не захотела идти за тебя замуж, Гэйб?

— Ни за какие коврижки! — с готовностью подтвердил Гэбриель.

— Мерзкая тварь! — сказала Олли. — Пусть ее Манти еще попробует сунуть сюда свой нос! — добавила она, яростно взмахивая кулачком. — А я-то отдала ей нынче самого толстого щенка! Подумать только!

— Нет, Олли, даже не помышляй ни о чем таком, — поспешно сказал Гэбриель. — Никто ничего не должен знать. Это тайна, Олли, наша с тобой тайна; ты ведь знаешь, о подобных делах не рассказывают. К тому же это безделица, сущий пустяк, — добавил он, желая утешить девочку. — Господи боже, да пока человек найдет себе подходящую жену, ему придется раз по десять нарываться на отказ. Уж так на свете заведено. Был у меня один знакомый, — продолжал Гэбриель, вступая на путь прямого вымысла, — так ему невесты отказывали пятьдесят раз подряд, а был он куда красивее меня и мог в любой момент вынуть из кармана тысячу долларов и предъявить кому надо. Да что там говорить. Олли, некоторым мужчинам даже нравится, когда им отказывают; в этом есть свой азарт, все равно как искать золото в новом месте.

— Ну и что ты ей сказал, Гэйб? — спросила Олли, возвращаясь с новым интересом к главной теме и пропуская мимо ушей заверения Гэбриеля, что мужчинам нравится, когда женщины отвергают их любовь.

— Я подошел к делу прямо. Сьюзен Маркл, — сказал я, — послушайте-ка меня. Мы с Олли живем на горе, вы с Манти — в лощине, но ведь как поется в песне:

Для тех, кто любят, кто сердцем верны,

Ни горы, ни пропасти не страшны.

Вот я и предлагаю вам, давайте соединимся-ка в одну семью и поселимся вместе. Одно словечко, и мой дом к вашим услугам. Тус я стишков подпустил и вытащил вот эту штучку. — Гэбриель продемонстрировал надетое на могучий мизинец массивное золотое кольцо. — А потом чмокнул ее еще разик и пощекотал Сол под подбородочком. Кажется, все.

— И она отказала тебе, Гэйб? — спросила задумчиво Олли. — После всего этого? Да кому она такая нужна? Уж конечно, не мне.

— Я рад, что ты так думаешь, Олли,— сказал Гэбриель.— Но помни, никому ни единого слова. Вдова думает строиться здесь, на горе, сказала, что хочет купить участок на моей старой заявке, где я работал прошлым летом, чтобы жить к нам поближе и приглядывать за тобой. Так что, Олли,— наставительно сказал Гэбриель,— если она зайдет сюда и станет со мной заигрывать, как прежде бывало, ты уж не вмещивайся; от женщин приходится многое терпеть.

— Чтобы ее ноги здесь не было! — сказала Олли.

Гэбриель поглядел на Олли с видом одновременно виноватым и торжествующим и привлек ее к себе.

— Теперь, когда с этим покончено, Олли,— сказал он,— я вижу, что нам с тобой живется отлично. Так мы и будем с тобою жить, мирно да ладно. Я вчера потолковал кое с кем из друзей насчет того, чтобы выписать сюда учительницу из Мэрисвилла; миссис Маркл тоже согласна, что это дело нужное. Тогда, Олли, ты у меня пойдешь в школу. А на будущей неделе я съезжу в Мэрисвилл и куплю тебе там несколько новых платьев. Вот когда заживем, Олли! А потом, пройдет немного времени — ты и подозревать даже не будешь, это случится вдруг, вроде сюрприза,— наткнушь я на богатую жилу на нашем участке, и мы с тобой разбогатеем. Здесь непременно должна быть богатая жила, Олли, это уж ты можешь мне поверить. А тогда мы с тобой покатаем в Сан-Франциско, купим там большой-пребольшой дом и позовем в гости маленьких девочек, самых лучших маленьких девочек во всем Сан-Франциско, и ты будешь с ними играть. А потом пригласим учителей тебя учить и гувернанток — за тобой смотреть. Вот тогда, может быть, я попробую еще разок посвататься к миссис Маркл.

— Ни за какие коврижки,— сказала Олли.

— Нет так нет! — согласился хитрый Гэбриель, весело поблескивая глазами и испытывая легчайшие укоры совести.— А теперь маленьким девочкам пора в кроватку.

С таким напустствием Олли удалилась, забрав с собой их единственную свечу и оставив брата докуривать трубку при свете гаснущих углей, но девочке не спалось. Когда она через полчаса выглянула из-за занавески, то увидела, что Гэбриель все еще сидит у очага, опустив голову на руки, с докуренной трубкой во рту. Тихонько подкравшись, она обняла его; Гэбриель вздрогнул от неожиданности, и девочке что-то капнуло на руку — вроде капли воды.

— Горюешь об этой женщине, Гэйб?

— Нет! — со смехом ответил Гэбриель.

Олли поглядела на свою руку. Гэбриель уставился в потолок.

— Не иначе как крыша у нас протекает в этом месте. Завтра непременно почию, иди спать, Олли, не то поступишься насмерть.

Глава 4

В КОТОРОЙ КОВАРНОГО ГЭБРИЕЛЯ НАЧИСТО РАЗОБЛАЧАЮТ

Невзирая на внешнюю беззаботность и на то, что на душе у него действительно полегчало, Гэбриель далеко не был удовлетворен итогами своего визита к миссис Маркл. Что бы там ни происходило — а читатели вынуждены судить об этом лишь по известной нам беседе Гэбриеля с Олли, — во всяком случае, дело не было решено так просто и окончательно, как он пытался это представить. День-два Гэбриель стойко пресекал попытки Олли возобновить неоконченный разговор, а на третий день, сидя в баре «Эврика», сам завел с одним из стрателей беседу, которая, по всей видимости, касалась волнующего его вопроса.

— Слышал я, — начал издалека Гэбриель, — в газетах много пишут сейчас про суды над женихами, которые будто бы нарушили обещание жениться. Думается мне — если взглянуть на дело здраво, — пусть парень и поухаживал слегка, вины в том большой нет. Как ты считаешь?

Собеседник Гэбриеля, который — если верить слухам, — удалился в Гнилую Лощину, спасаясь от злой жены, с проклятием возразил, что все женщины — набитые дуры и доверять им вообще не приходится.

— Все-таки должен быть на этот счет справедливый закон, — сказал Гэбриель. — Вот представь себе, что ты присяжный и слушаешь подобное дело. Случилось это с одним моим приятелем во Фриско, — небрежно добавил Гэбриель. — Ты его не знаешь. Была у него знакомая, ну, скажем, вдова, которая обхаживала его года два или три, а он о женитьбе ни гугу. В один прекрасный день отправляется он к ней в гости, ну просто так, поразвлечься и приятно время провести.

— Пиши пропало! — воскликнул циничный собеседник Гэбриеля.

— Да,— сказал задумчиво Гэбриель,— может, так оно и кажется со стороны, но на самом деле у него не было на уме ровно ничего худого.

— Так что же у них произошло? — спросил советчик.

— Ничего,— сказал Гэбриель.

— Ничего?! — возопил с негодованием его друг.

— Ровным счетом ничего. И теперь эта женщина хочет подать на него в суд, чтобы он на ней женился.

— Хочешь знать мое мнение? — коротко спросил советчик.— Так слушай. Во-первых, твой приятель болван; во-вторых, лгун бессовестный. Что бы с ним ни случилось, поделом ему! Вот мое мнение!

Гэбриель был так подавлен этой резолюцией, что удалился, не промолвив ни слова. Беспокойство его, однако, не утихло, и попозже, днем, сидя в компании курильщиков в лавке Бриггса, он несколькими ловкими ходами перевел общую беседу на обсуждение вопросов жениховства и брака.

— Есть тысяча разных способов ухаживать за женщиной,— безапелляционно заявил Джонсон, бегло обрисовав, каким именно путем он добился взаимности у своей последней дамы сердца,— тысяча способов, потому что каждый мужчина на свой образец и каждая женщина тоже на свой образец. Что подходит одним, не подходит другим. Но существует способ, перед которым не устоять ни одной женщине. Прикинься равнодушным, ничем не показывай, что она тебе нравится. Можешь даже позаботиться о ней самую малость, если есть охота — ну, вроде того, как наш Гэйб заботится о своих пациентах,— про любовь же ни словечка. И так гни свою линию, пока она не поймет, что у нее нет иного выхода, как самой объясниться тебе в любви. Ты что это, Гэйб, уходить собрался?

Гэбриель, который поднялся со своего места в очевидном смятении, пробормотал что-то насчет позднего времени, но потом снова уселся, не в силах отвести глаз от Джонсона, словно тот его загипнотизировал.

— Против этого способа женщины бессильны бороться,— продолжал Джонсон,— и за мужчинами, которые им пользуются, нужно следить в оба. Я бы даже преследовал их по закону. Ведь это значит играть на самых святых чувствах! Ловить надо таких молодчиков, ловить и разоблачать!

— Ну а если тот человек не задумал ничего худого, если

у него просто характер такой,— жалобно сказал Гэбриель.— Он, может, и к женщинам не привержен, и жениться совсем не хочет— просто такая у него повадка.

— Черта с два повадка! — сказал неумолимый Джонсон.— Нас-то ему не провести! Хитрющая бестия — не сомневайся!

Отклонив все уговоры повременить, Гэбриель не спеша поднялся, направился к двери и, промолвив что-то о дурной погоде (нарочито небрежным тоном, чтобы показать, что спор ни в малейшей мере не взволновал его), пропал за пеленой дождя, который лил не переставая вторые сутки и успел превратить единственную улицу Гнилой Лощины в бурлящий желтый поток.

— Гэйб сам не свой сегодня,— сказал Джонсон.— Утром я слышал, что его разыскивает адвокат Макссуэлл. Что-то у него стряслось. Гэйб — славный парень. Звезд с неба он, конечно, не хватает, зато за больными ходит замечательно, а в поселке, вроде нашего,— это великос дело. Жаль, если он забросит своих пациентов.

— Уж не замешана ли тут женщина? — усомнился Бриггс.— Он, похоже, разволновался, когда ты сейчас заговорил о женщинах. Некоторые считают,— продолжал Бриггс, понижая голос и оглядевшись вокруг,— что Олли, которую он выдает за сестру, на самом деле его дочь. Нячиться, как он с ней, и ночь и день, забыть про баб, про выпивку, про карты, про друзей,— на это пойдешь только ради родной дочери. Не встречал я таких любящих братьев!

— Да и вся эта история про Голодный лагерь и тому подобное не очень-то похожа на правду,— вмешался один из собеседников.— Лично у меня всегда были сомнения.

— Что бы там не случилось — его забота,— подвел итоги Джонсон,— и меня несколько не касается. Бывало, конечно, что я говорил Гэйбу, кто чем захворал и даже давал некоторые полезные советы, как кого лечить, но я не стану попрекать его этим, даже если он и влопался в какую-нибудь нехорошую историю.

— Скажу со своей стороны,— добавил Бриггс,— что если я позволял ему приходить ко мне и лечить больного мексиканца, это вовсе не значит, что я взял на себя поручительство за его нравственность.

Приход в лавку покупателя прервал дальнейшее обсуждение моральных качеств Гэбриеля.

Между тем злосчастный объект этой дискуссии пробирался по улице, прижимаясь к стенам домов, чтобы спа-

стись от пронзительного ветра, пока не вышел на тропу; тропа сперва сбегала вниз, в лощину, а потом поднималась по противоположному склону холма прямо к его хижине. Гэбриель остановился. Спускаться можно было, только пройдя возле самого пансиона миссис Маркл. Но не значило ли это — в свете только что услышанного — подвергнуть себя новой опасности, бросить безрассудный вызов судьбе. Взбудораженному воображению Гэбриеля представилось сперва, как вдова и Сол совместно набрасываются на него и заставляют зайти к ним в гости, потом другая устрашающая картина — как он пытается проскользнуть незамеченным и вызывает тем приступ истерики у миссис Маркл. Попасть домой можно было и другим путем, обойдя лощину по гребню горы; это значило, правда, сделать крюк в три мили. Недолго раздумывая, Гэбриель зашагал в обход.

Задача была нешуточной; идти Гэбриелю приходилось все время против ветра, дождь хлестал ему прямо в лицо. Зато трудности пути, требовавшие от нашего героя напряжения всех физических сил, захватили его внимание и помогли отвлечься от нелепых страхов. Когда Гэбриель добрался до гребня, он впервые по-настоящему увидел, что успели натворить дожди, шедшие без малого уже неделю. Неприметный горный родничок, из которого всего две недели тому назад, гуляя с Олли, он напился свежей воды, — превратился в водопад; ручей, через который они оба перескочили без труда, стал бурлящей рекой; в низинах прямо на глазах росли и ширились озера; а дальняя долина сплошь была залита поблескивающей водой. В ушах звенело от бульканья и журчания.

Через полчаса, когда Гэбриель уже одолел не менее двух третей своего пути, перед ним открылось узкое обрывистое ущелье, по которому проходил почтовый тракт из Уингдэма в Мэрисвилл. Подойдя поближе, Гэбриель увидел, что горная речушка, протекавшая вдоль почтового тракта, вздулась до самых берегов и кое-где залила дорогу.

— Сегодня езда здесь будет невеселая, — пробормотал Гэбриель, раздумывая об уингдэмском дилижансе, который вот-вот должен был появиться из-за поворота, — опасная будет езда; а особенно если лошади попадутся пугливые. Впрочем, это не самое страшное испытание, какое может выпасть человеку, — прибавил он, обращая мыслью к миссис Маркл. — И я хоть сейчас поменялся бы местами

с Юба Биллом; сел бы вместо него на козлы, а Олли посадил бы в дилижанс.

Но тут внимание Гэбриеля привлекла открывшаяся его взору уингдэмская плотина, и в то же мгновение он не только полностью забыл о миссис Маркл, но вообще как бы стал совсем другим человеком. Что там приключилось? Для неискушенного взора — ничего страшного. Правда, водохранилище было переполнено и вода с ревом бежала через водосброс. Ну и что же? Даже специалист и тот сказал бы, что сток лишней воды ничем не угрожает плотине. Так в чем же дело? А дело было в том, что примерно посередине грубо сложенного глинобитного тела плотины просачивалась вода и узкой струйкой изливалась на низлежащие утесы и на почтовый тракт в каньоне. Плотина была размыта!

Для человека отважной души не могло быть сомнения в том, как поступить. Куртку и всю лишнюю одежду долой! Вниз — со скалы, цепляясь за камни, за выскальзывающий из рук чимизаль и полусгнившие корни деревьев! Вниз в каньон, рискуя на каждом шагу поломать себе руку или ногу, а то и совсем лишиться жизни. А потом — во весь дух по почтовому тракту навстречу дилижансу, пока он еще не въехал в узкое ущелье! Но, чтобы выполнить все это с самой малой затратой энергии — о, как она ему еще будет нужна! — с самой тщательной экономией физических сил, с изяществом горца и мощью исполина, чтобы выполнить это безупречно и четко, без единого промаха, словно не под влиянием минуты, а после длительной специальной тренировки, — нужно было быть Гэбриелем Конроем. А если бы вы увидели его, когда, спустившись вниз, он перешел на широкий размашистый бег, пригляделись к его невозмутимо серьезному, даже не тронутому волнением лицу, к исполненному спокойной решительности взгляду, наверно, сказали бы: это какой-то могучий великан, надумав поразмяться, свершает свой привычный моцион.

Не успел Гэбриель пробежать и полумили, как уловил своим чутким ухом дальний рев воды. Но и тогда он только чуть ускорил свой ровный бег, словно повинуюсь команде тренера, а не угрозе смерти. Впереди раздалось цоканье подков, и в ту же минуту стало слышно, как возница заворачивает дилижанс, ибо предостерегающий крик Гэбриеля обогнал его самого, подобно выпущенной пуле. Увы, слишком поздно! Ревущий поток обрушился сзади на Гэбриеля и понес его, а в следующее мгновение вода подхвати-

ла и почтовую карету вместе с лошадьми, сбила их в один огромный черный клубок и швырнула к каменной стене каньона. Вот когда понадобились столь тщательно сэкономленные силы Гэбриеля! Когда водяная громада настигла его, он и не подумал сопротивляться ее бешеной энергии, отлично зная, что это бесполезно. Он отдался на волю волн, пока не приметил прямо над головой куст чимизаля, растущий на стене каньона. Ухватившись за него, он могучим усилием вырвался из кипящего водоворота. Почтовой кареты он не увидел, но на том месте, где она недавно стояла, то исчезая из виду, то появляясь вновь, боролись с течением несколько человек; среди них была женщина. Долго не раздумывая, Гэбриель кинулся в желтые волны. Сильно загребая, он подплыл к женщине и обнял ее за талию, чтоб помочь ей держать голову над водой. В эту минуту один из утопающих схватил его за другую руку. Гэбриель не оттолкнул его.

— Держи меня за пояс, и я вытащу вас обоих! — крикнул он, высвобождая руку и стараясь достать до куста чимизаля. Когда ему удалось это, он подтянулся, вцепился в куст зубами, а затем, стиснув челюсти, повис в воздухе и вытащил за собой из воды обоих спасенных. Едва успели они ухватиться за куст, как послышался зловещий рев, и новая мутно-желтая водяная лавина ворвалась в каньон. Куст чимизаля подался под тяжестью трех человек. Пальцами одной руки Гэбриель врылся в почву у корней чимизаля, добираясь до каменистого основания, другой же рукой как можно крепче прижал женщину к каменной стене каньона. Когда волна накрыла их с головой, раздался отчаянный вопль и затем всплеск: их сотоварищ исчез. Остались Гэбриель и женщина.

Они спаслись, — надолго ли? Левая рука Гэбриеля, цеплявшаяся за неровности каменной стены, была их единственной опорой. Впервые за эти минуты Гэбриель взглянул на женщину и спросил, запинаясь:

— Можете вы продержаться еще немножко?

— Да.

Несмотря на ужас их положения, таинственная сладость в голосе женщины поразила его.

— Обнимите меня за шею и держитесь как можно крепче.

Она повиновалась. Почти не ощутив веса повисшей на нем женщины, Гэбриель стал осторожно нащупывать освободившейся правой рукой хоть какой-нибудь уступ в ка-

менной стене. Разыскав его наконец, Гэбриель могучим усилием подтянулся вверх и поставил ноги в отверстие, образовавшееся на месте вырванного с корнем куста чимизаля. Потом сделал передышку

— Еще можете немного продержаться?

— Поднимайтесь, — ответила она.

Гэбриель стал подниматься. Он отыскал второй выступ, потом еще и еще, пока наконец не добрался до карниза в фут шириною, почти у самой вершины утеса. Он остановился, чтобы перевести дух. Теперь заговорила женщина:

— Вы сумеете добраться до вершины?

— Да... если только вы...

— Поднимайтесь, — спокойно сказала она.

Тщательно размеряя свои движения, Гэбриель возобновил подъем. Через несколько минут он был на вершине. Тут пальцы женщины вдруг разжались и она скользнула было вниз, но Гэбриель поддержал ее, взял на руки и понес на полянку, которую сваленная кем-то сосна устлала мягким ковром из высохшей хвои. Здесь он опустил ее на землю, проявив при этом ту необыкновенную нежность в каждом движении, которую выработал за многие годы ухода за слабыми и больными и которая стала как бы его второй натурой. Она грациозно поблагодарила его, показав при этом очаровательные белые зубки, и так взглянула на него своими темно-синими глазами, что Гэбриель не мог не ответить ей взглядом. Это была миниатюрная блондинка, одетая изящно и по моде, того типа и того круга, который Гэбриелю был совершенно неизвестен. Если не считать улыбки, женщина показалась ему некрасивой. Продолжая улыбаться, она вдруг побелела и потеряла сознание.

В ту же минуту Гэбриель услышал голоса и, оглянувшись, увидел двух приближающихся к ним пассажиров дилижанса, спасшихся, как видно, тем же способом, что и они. И тут — не знаю даже, как рассказать об этом, — Гэбриеля охватил внезапный страх, что он снова попал в какую-то запутанную и рискованную историю. Что подумают эти люди? Да и поверят ли они его рассказу? С отчаянием он вспомнил недавний разговор у Бриггса; потом перед его мысленным взором продефилировали костлявая Сол и дебелая миссис Маркл; потом вопрошающие глаза малышки Олли глянули ему прямо в душу, и наш герой, наш победоносный гигант повернулся и... пустился наутек.

ПРОСТОДУШИЕ ПРОТИВ ХИТРОСТИ

Когда Гэбриель пришел домой, было уже темно; Олли, сильно встревоженная, ждала его.

— Ты вымок насквозь, противный Гэйб, и весь в глине к тому же. Скорее переодевайся, не то простудишься насмерть, грешная твоя душа!

Гэбриель был несколько озадачен тоном полученного выговора, но так обрадовался, что Олли ни о чем его не спрашивает, что решил пропустить ее дерзость мимо ушей. Вернувшись из-за занавески в сухом платье, он, к своему изумлению, увидел в ярком свете новой свечи, что Олли с той поры, как он утром оставил ее, претерпела некое волшебное превращение. Лицо и руки ее поражали необыкновенной белизной, золотистые локоны были перехвачены яркой розовой лентой. Немалые перемены произошли и в ее наряде: она надела старенький кружевной воротничок, извлеченный из хранившегося в вещевом мешке материнского «гардероба», и повязала на шею пунцовый бантик.

— Если я не ошибаюсь,— весело сказал Гэбриель,— одна девочка, которую я хорошо знаю, тоже переделалась и к тому же подзаялась своим туалетом. Уж не свалилась ли ты без меня в канаву, Олли?

— Даже не думала,— с достоинством возразила Олли, накрывая стол к ужину.

— Но я ни разу не видел тебя такой нарядной, Олли. Не приходил ли кто к нам? — спросил Гэбриель, испытывая внезапную тревогу.

— Никого здесь не было,— сказала Олли.— Уж не воображаешь ли ты, что я не могу нарядиться сама и нуждаюсь в помощницах вроде...Сьюзен Маркл?

Парфянская стрела застала Гэбриеля врасплох.

— Видишь ли, Олли,— сказал он,— тебе не следует так относиться к этой женщине. Ты ведь еще ребенок. Даже если твой брат и рассказал тебе кое-что по секрету, как это водится между родственниками, ты не должна давать волю языку.

— Давать волю языку! — негодуяще воскликнула Олли.

ли.— Да я с этой женщиной ничего общего иметь не желаю! Подумать только!

Взирая на сестру с почтительным восхищением, Гэбриель подумал в глубине своей совестливой души, что, пожалуй, не заслужил столь отважной защиты. На минуту он даже решил было рассказать ей всю правду, но удержался из страха разочаровать Олли, а также желая еще немножко понежиться в лучах ее сочувствия. «И кроме того,— подумал он, делая важное открытие,— это еще может пойти ей на пользу. Взгляни на этот воротничок, Гэбриель! Взгляни на ленту в волосах! Сколько раз ты говорил ей правду без малейшего толка. Один раз соврал, и малютку — не узнать!»

Сумрачные мысли, навеянные дневными разговорами, все же не оставляли Гэбриеля. Когда Олли кончила есть (Гэбриель заметил, как она железным усилием воли поборола желание вытереть хлебом оставшуюся на сковороде подливку), он спросил ее весьма серьезно:

— Скажи, Олли, если тебя спросят, ухаживал я за миссис Маркл или нет, что ты ответишь?

— Что я отвечу? — свирепо повторила Олли. — Отвечу, что если была когда на свете женщина, бегавшая за мужчиной, который и знать-то ее не хотел, то это, конечно, миссис Маркл, мерзкая старая Сьюзен Маркл. Я скажу ей это прямо в глаза.

Гэбриель был в полном восторге.

— Когда сюда приедет учительница, поухаживай за ней, Гэйб!!

— Олли! — вскричал скандализованый Гэбриель.

— Да, поухаживай за ней. Так же, как ухаживал за Сьюзен Маркл. А лучше всего, сделай это, когда миссис Маркл будет поблизости, или так, чтобы вас увидела Манти; она побежит и расскажет матери; она обо всем ей рассказывает. Я слышала, Гэйб, что учительницы бывают прехорошенькие.

Гэбриелю очень хотелось чем-нибудь вознаградить Олли; он даже решил было поведать ей о сегодняшнем приключении в каньоне, но его остановила мысль, что Олли может потребовать, чтобы он немедленно предложил руку и сердце спасенной им женщине. В это время раздался стук в дверь.

— Совсем позабыла, Гэйб, к тебе сегодня приходил адвокат Макссуэлл,— воскликнула Олли. — Наверно, это он. Если

он попросит тебя опять за кем-нибудь ходить, не соглашайся. У тебя за мной смотреть и то не хватает времени.

Гэбриель встал с растерянным видом и открыл дверь. Вошел высокий смуглый бородатый человек; борода его была сильно тронута проседью. Хотя одежда его и общая манера вести себя отвечали местным обычаям, нечто и в одежде и в манерах пришельца показывало, что он стоит выше среднего уровня Гнилой Лощины. Не в пример недавнему вечернему посетителю, он не стал оглядывать дом Гэбриеля, а сосредоточил острый взор своих полунасмешливых-полувопрошающих глаз прямо на лице хозяина. Выражение его собственного лица было степенным, если не считать нервного подергивания в левом уголке рта, которое прекращалось, когда адвокат слегка проводил рукой по лицу. Впечатление было такое, что он смахивал улыбку, как другие смахивают набежавшую слезу.

— Мы, кажется, никогда не встречались, Гэбриель,— сказал он, подходя к хозяину дома и протягивая ему руку.— Меня зовут Макссуэлл. Должно быть, вы слышали обо мне. Нам с вами придется обсудить небольшое дельце.

Испуг на лице Гэбриеля не укрылся от взора адвоката; заметил он и то, что Гэбриель сделал знак Олли уйти. «Как видно, я застал его врасплох,— подумал адвокат.— Либо он скрыл все от девочки, либо не успел ее подготовить».

— Насколько я понимаю, Гэбриель,— сказал адвокат вслух,— ваша маленькая... гм... девочка тоже имеет отношение к нашему делу. Не лучше ли ей остаться?

— Нет, нет! — сказал Гэбриель, теперь уже полностью уверенный, что Макссуэлл пришел к нему как юридический представитель оскорбленной миссис Маркл.— Нет! Беги, Олли, набери щепок в сарае, чтобы было чем завтра развести огонь. Живее!

Олли повиновалась. Макссуэлл поглядел девочке вслед, провел рукой по лицу и, облокотившись на стол, устремил взгляд на Гэбриеля.

— Я пришел, Гэбриель, во-первых, чтобы спросить вас, не склонны ли вы покончить дело с миром, и, во-вторых, чтобы посоветовать вам, как адвокат противной стороны, сделать это без лишних проволочек. Буду с вами откровенен, у меня на руках все необходимые бумаги, чтобы возбудить против вас судебное дело. Желаете ли вы, чтобы я

изложил вам существо иска, и надо ли называть вам имя истца?

Гэбриель понурил голову. Но и в эту минуту сказалось прямодушие его натуры. Взглянув в лицо адвокату, он сказал просто:

— Нет!

Адвокат Максвелл был чуть-чуть ошеломлен. Чуть-чуть, не больше.

— Отлично,— задумчиво промолвил он,— я вижу, вы человек прямой. Теперь следующий вопрос: не угодно ли вам, дабы избежать судебной процедуры, неприятной огласки и сплетен — а в том, что суд вынесет неблагоприятное для вас решение, сомнений быть не может,— не угодно ли вам просто покинуть этот дом и участок с тем, чтобы стоимость их пошла в счет убытков, причиненных вами истцу. Если вы не против, я уполномочен пойти на такое соглашение. Я даже гарантировал бы вам, что в этом случае мы не затронем вопроса о личных взаимоотношениях. Коротче говоря, вы сохраняете свое имя, она — свое и остаетесь чужими друг другу. Как вы на это смотрите?

Гэбриель вскочил со стула.

— Вы добрый человек, мистер Максвелл,— сказал он, сжимая руку адвоката своими могучими лапами, благородный человек. Как великолепно вы справились с этим прискорбным делом! Вы не смогли бы защитить меня лучше, даже если бы были моим адвокатом. Я уеду немедленно. Я ведь думал об отъезде с той самой минуты, как это дело заварилось. Я уеду завтра же. Оставляю дом и все пожитки. Если бы у меня были деньги, чтобы заплатить вам гонорар, я охотно бы это сделал. Пусть берет себе дом и все, что хочет. И — точка!

— Да, точка,— повторил Максвелл, с удивлением глядя на Гэбриеля.

И чтобы никаких не было разговоров, никаких статей в газетах,— продолжал Гэбриель.

— Все, что касается ваших действий по отношению к ней, а равно и вашей роли в этом деле, будет сохранено в полной тайне, если, разумеется, вы не нарушите молчания сами. Эту опасность я, собственно, и имел в виду, когда рекомендовал вам уехать отсюда.

Да, да я еду завтра же, сказал Гэбриель, потирая

руки.— Не хотите ли вы, чтобы я подписал какое-нибудь обязательство?

— Нет, с какой стати?! — возразил адвокат, проводя рукой по лицу и разглядывая Гэбриеля так, словно тот принадлежал к какому-то совершенно новому, еще неведомому отряду позвоночных.— Я позволю себе дать вам дружеский совет, Гэбриель, никогда не подписывайте никаких бумаг, которые могут быть использованы против вас. Ваш отказ от дома и участка нас вполне удовлетворяет. Я не буду подавать ко взысканию до четверга, а в четверг уже не с кого будет взыскивать. Вы меня понимаете?

Гэбриель кивнул утвердительно и, обуреваемый благодарностью, предпринял еще одну попытку сломать руку адвокату. С трудом оторвав свой взгляд от ясных глаз Гэбриеля, Макссуэлл направился к двери. На пороге он задержался, оперся о косяк и, медленно проведя рукой по лицу, сказал:

— Все отзываются о вас, как о честном, порядочном человеке, Гэбриель, и, скажу вам откровенно, если бы вы не признались сами, я никогда не поверил бы, что вы можете дурно поступить с женщиной. Я считал бы, что произошло какое-то недоразумение. Я давно занимаюсь юридической практикой, много повидал, и действия людей перестали меня удивлять; я не берусь анализировать людские поступки, не берусь оценивать их с моральной стороны. Но вот сейчас, когда мы с вами достигли взаимопонимания, я хотел бы услышать, что толкнуло вас на этот чудовищный, необыкновенный в своем роде поступок? Повторяю, что бы вы ни сказали, это не изменит моего мнения о вас: я считаю вас неплохим человеком. Я хочу лишь узнать, каковы были ваши мотивы, как могли вы с заранее обдуманым намерением обмануть эту женщину?

Гэбриель густо покраснел. Потом, подняв глаза на адвоката, указал пальцем по направлению к двери. Тот взглянул — на пороге стояла Олли.

Адвокат Макссуэлл усмехнулся. «Значит, все-таки замешана женщина,— комментировал он про себя,— хоть и несколько более юная, чем я предполагал; это — его родная дочь, сомнения быть не может». Он покивал, улыбнулся девочке и с чувством профессионального торжества и в то же время морального удовлетворения, которое не всегда сопутствовало его юридическим триумфам, исчез в ночи.

Гэбриель отмалчивался допоздна. Но когда Олли заняла свое излюбленное местечко напротив очага у самых ног Гэбриеля, то спросила его прямо:

— Зачем он приходил к тебе, Гэйб?

— Просто так, — ответил Гэбриель, демонстрируя полное равнодушие. — Знаешь, Олли, я хочу рассказать тебе сказку. Давно уже я ничего тебе не рассказывал.

У Гэбриеля был обычай услаждать эти вечерние часы, рассказывая Олли о новостях и событиях, которые он успевал узнать в поселке за день, но облакая их в изысканно-беллетристическую форму. Последние дни, занятый тревожными мыслями о миссис Маркл, он позабыл о своих сказках. Сейчас, заручившись согласием Олли, Гэбриель начал:

— В доброе старое время жил да поживал один человек, обыкновенный человек, как все прочие люди, и никого-то у него на свете не было, кроме маленькой сестренки, которую он любил всей душой. И никогда этот человек никому не позволял, как это говорится, вступать в их жизнь, и такая дружба была у них, такая любовь, что просто всем на загляденье.

— Значит, это был обыкновенный человек, не волшебник? — спросила Олли.

— Это был обыкновенный человек, но сестренка у него была фея — я совсем забыл тебе об этом сказать — и своими чарами приносила ему много добра, а он-то даже и не подозревал о ее чудесной силе. И жили они вдвоем во дворце в густом лесу. Но вот однажды случилась у этого человек беда, и он понял, что больше ему в этом прекрасном дворце не жить. «Да, — подумал он, — как же я скажу об этом моей сестренке?» И вот собрался он с духом и говорит: «Глориана — сестренку звали Глорианой, — придется нам с тобой покинуть наш прекрасный дворец и уехать в дальние края, а почему — это тайна, и я не могу тебе ее открыть». А сестренка ему в ответ: «Что годится тебе, братец, то годится и мне, потому что мы с тобой любим друг друга. Свет велик, разнообразие украшает жизнь, завтра же я соберу свой чемодан». Так она и сделала. А почему, Олли? Потому, что она была феей и понимала все без лишних слов. И они уехали в дальние края, в новые места, построили там дворец еще краше прежнего и жили-поживали, добра наживали до конца своих дней.

— И старая ведьма, вроде миссис Маркл, больше не досаждала им. Когда же мы поедem, Гэйб? — спросила практическая Олли.

— Я думал, Олли,— сказал смущенный Гэбриель, оставляя свои аллегории и не без почтения поглядывая на сестру,— я думал завтра же перебраться к Кейси, чтобы захватить вечерний дилижанс на Мэрисвилл.

— В таком случае,— сказала Олли,— мне пора ложиться спать.

— Олли,— с укором воскликнул Гэбриель, когда крохотная фигурка исчезла за занавеской,— ты не поцеловала меня и не сказала «спокойной ночи».

Олли вернулась.

— Ах ты, старина Гэйб,— покровительственно сказала она, снисходя к брату с высоты своего интеллектуального и морального величия и разглаживая ручкой его спутанную шевелюру.— Милый старый Гэйб, чтобы ты стал делать без меня? — И она поцеловала его в лоб.

Наутро Гэбриель с удивлением заметил, что Олли, как только позавтракала, сразу принялась наряжаться, отбирая самые роскошные вещи из своего гардероба. На белое муслиновое платье, ветхое и несколько пожелтевшее от времени, она накинула дешевый ярко-розовый шарфик, сверху же повязала и закрепила огромной черепаховой брошью черную в белую клетку материнскую шаль, такую длинную, что, сколько Олли не подворачивала ее, шаль по-прежнему волочилась по полу. На свою кудрявую головку она надела большую соломенную шляпу, украшенную желто-белыми маргаритками и светло-зелеными лентами, и в довершение всего раскрыла маленький желтый зонтик.

Гэбриель, с очевидной тревогой наблюдавший за приготовлениями прехорошенькой, хоть и несколько фантастической маленькой франтихи, отважился наконец обратиться к ней с вопросом:

— Куда ты собралась, Олли?

— Пойду в лоцину, к Ридам, попрощаюсь с девочками. Это неприлично, взять да уехать, ничего не сказав людям.

— Ты только... не подходи близко... к дому миссис Маркл.

Олли презрительно сверкнула синими глазами.

— Подумать только!

Столько решительности было в кратком энергичном

ответе девочки, в сжатых губах и в движении бровей, что Гэбриель не промолвил больше ни слова. Молча он следил, как желтый зонтик и широкополая соломенная шляпа с развевающимися ленточками спускались вниз по извилистой тропинке, пока совсем не пропали из виду. И тут Гэбриель вдруг, сам поражаясь своему открытию, понял, насколько вся его жизнь зависит от этого ребенка. В то же время ему открылась впервые некая непостижимая для него особенность в умственном складе и характере девочки, которая и сейчас ощутимо отделяла их друг от друга, в дальнейшем же неминуемо уведет ее прочь,— от одной лишь мысли об этом Гэбриеля охватила такая горечь одиночества, что он с трудом совладал с собой.

Собравшись с духом, он вернулся в хижину и обозрел ее прощальным взглядом. Потом поплелся к своей заявке, расположенной на склоне горы. По пути Гэбриель прошел мимо стоявшего особняком ясеня, не раз привлекавшего его внимание. Рядом с этим лесным великаном все окружающие деревья казались мизерными, но одиночество ясеня рождало всегда томительное, грустное чувство, плохо вязавшееся с очевидной мощью дерева. Ясень был велик не по разуму, его силища была ни к чему, он выглядел таким простаком рядом с окружавшими его щеголеватыми самоуверенными елками и осинами, что Гэбриель поневоле должен был признать свое сходство с ним и задуматься над тем, не пора ли ему приискать себе для жилья место, где он меньше разнился бы от прочих людей. «Если бы я в свое время нашел такое местечко,— подумал Гэбриель,— может быть, я устроил бы свою жизнь получше, чем сейчас, и малютке веселее жилось бы со мной». Пробравшись через кустарник, он вышел к месту своей первой заявки, занятой им сразу по прибытии в Гнилую Лощину. Место было унылое и мало обнадеживающее; высоко вознесшийся каменный склон, усеянный черными валунами. Гэбриель горько усмехнулся. «Не знаю, где они найдут второго олуха, который станет искать здесь золото. Пожалуй, оно и к лучшему, что меня гонят прочь». С такими мыслями Гэбриель повернул и стал спускаться в лощину к месту своей второй заявки, дававшей ему скудный доход, размеры которого определяются старательской поговоркой: «На хлеб да кашу».

Было три часа дня, когда он, собрав рабочий инстру-

мент, вернулся в хижину. Слегка покрасневшая от волнения Олли была уже дома, но никаких приготовлений к отъезду Гэбриель не замстил.

— Я вижу, ты еще не начала паковаться, Олли,— сказал он,— впрочем, паковать-то особенно нечего.

— Ничего не нужно паковать, Гэйб,— заявила Олли, смело глядя в глаза смущенному великану.

— Как так не нужно паковать? — спросил Гэбриель.

— Совершенно не нужно,— подтвердила Олли решительным тоном.— Мы никуда не уезжаем, Гэбриель, это уже решено. Я ходила к адвокату Макссуэллу, и мы обо всем договорились.

Потеряв дар речи, Гэбриель плюхнулся на стул и в изумлении уставился на сестру.

— Мы договорились, Гэбриель,— холодно подтвердила Олли,— сейчас я тебе все расскажу. Утром я зашла к адвокату и выложила напрямик, что я думаю о поведении миссис Маркл. Это решило дело.

— Помилуй бог, Олли, что же ты ему сказала?

— Что сказала? — откликнулась Олли.— Да все, что мне известно об этой женщине; ты ведь и половины не знаешь! Как она стала заигрывать с тобой с первой же минуты, еще когда ты лечил ее покойного мужа. Как ты не замечал ее, пока я тебе о ней не сказала. Как она повадилась ходить к нам, сидела возле тебя целыми часами и глаза вот так тарасила,— туг Олли изобразила, как миссис Маркл делала Гэбриелю глазки, причем с неподражаемым искусством, которое непременно привело бы в ярость почтенную даму, Гэбриеля же заставило вспыхнуть до ушей,— и как она из кожи лезла вон, только бы зазвать тебя к себе, а ты все отказывался. И еще рассказала, какая она лживая, мерзкая, бесстыжая старая бестия.

Задохнувшись, Олли замолчала.

— И что же он ответил? — спросил Гэбриель, тоже задыхаясь от волнения.

— Сперва ничего. А потом стал смеяться и смеялся так долго, что я испугалась, как бы он не лопнул. А потом он сказал... как это он сказал...— запнулась Олли, стараясь вспомнить подлинное выражение адвоката.— Да, он сказал: «Какое ужасное, чудовищное недоразумение!» Вот, Гэйб, как он назвал миссис Маркл! Провалиться мне на месте, если он так ее не назвал! Потом у него начался вто-

рой приступ смеха, а потом, не знаю уж, как это случилось, Гэйб, но меня тоже разобрал смех, а потом и она стала смеяться.

— Кто она? — воскликнул Гэбриель, впадая в отчаяние.

— Ах, Гэйб, ты думаешь, на свете и женщин других нет, кроме миссис Маркл! — возразила Олли. — Я говорю о даме, которая сидела у адвоката Максвелла и слушала мой рассказ. Да что там слушала! Ловила каждое слово, не хуже чем сам адвокат. Пожалуй что, — добавила Олли не без законной гордости, — пожалуй что, им понравилось, как я рассказывала. Ах, Гэйб, до чего я ее ловко отделала!

— Ну и что же он тебе сказал? — спросил Гэбриель, все еще предаваясь унылости. Как и всякому простодушному человеку, лишенному чувства юмора, непонятная веселость адвоката должна была показаться ему весьма подозрительной.

— Адвокат хотел сразу же идти к тебе, сказал, что вам нужно объясниться, но дама его остановила и что-то шепнула на ухо; я не расслышала. Наверное, Гэйб, они очень дружны; он каждого ее слова слушается. А мне она сказала, чтобы я шла домой, и еще сказала, что никуда не нужно уезжать. На том мы дело и покончили.

— А больше он ничего тебе не сказал? — встревоженно спросил Гэбриель.

— Больше ничего. Он стал было расспрашивать меня про старые времена и про Голодный лагерь, но я сделала вид, что ничегошеньки не помню — я уже тебе говорила, Гэйб, что не хочу, чтобы меня считали каллибанкой, — так что я нарочно стала отвечать ему невпопад, пока он не сказал этой даме: «Девочка, как видно, ничего не знает». А дама и не хотела совсем, чтобы он меня расспрашивал; она даже знаки мне делала, чтобы я ему не отвечала. Ах, Гэйб, она такая умница! Я сразу заметила, как только увидела ее.

— А какая она из себя, Олли? — спросил Гэбриель с виду совсем равнодушно, но на самом деле обуреваемый всевозможными мыслями.

— На миссис Марк ни капельки не похожа, Гэйб, совсем в другом роде. Небольшого роста с белыми зубками, тоненькая, красиво одетая. Она не так уж мне понравилась, Гэйб, хоть и была со мной добра. Мне трудно рассказать

точно, какая она; у нас таких нет. Ах господи, да вот и она сама, Гэйб, пришла сюда!

Кто-то, войдя, заслонил свет, падавший через открытую дверь. Когда Гэбриель поднял голову, он увидел женщину, которую спас в каньоне. Это была госпожа Девард-жес.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЖИЛА

Глава 1

ВETERАН 49-ГО ГОДА

Начало нежаркого лета 1854 года ознаменовалось на калифорнийском побережье приходом туманов, густых, холодных, синевато-серых, непроницаемых для человеческого глаза. Короткая весенняя пора едва миновала, на холмах в окрестностях Сан-Франциско еще не увяли цветы, и в горах Контра-Коста дикий овес не успел даже пожелтеть. Но он был плотно укрыт густой, словно китайская тушь, вуалью, а полевые цветы в холодных объятьях тумана стояли как неживые. Словом, погода была настолько непривлекательной, что калифорнийским ветеранам приходилось с удвоенным усердием внушать приезжему гостю, что туман весьма полезен для здоровья и что лучше климата, чем в Калифорнии, нигде не сыскать.

Не было, пожалуй, другого человека, столь склонного к подобным заверениям и столь в них настойчивого, как мистер Питер Дамфи, банкир и капиталист. Его вера в насто-

ящее и будущее Калифорнии была поистине безграничной. Пылкая уверенность мистера Дамфи в том, что свет не видывал такой замечательной страны и такого замечательного климата, равно как и его беспощадная вражда ко всем, кто не соглашается с ним, выдвигали этого джентльмена в первые ряды калифорнийских патриотов. Выражая свое мнение по названным вопросам, Дамфи был настолько тверд и категоричен, что даже после самой краткой беседы с ним трудно было не проникнуться убеждением, что всякий иной климат, всякая иная цивилизация и всякое иное состояние общества, нежели те, что господствуют в Калифорнии, являются прискорбным отклонением от нормы. Новоприезжих сразу вели к Дамфи, чтобы они могли немедленно припасть к этому кладезю веры, да и старожилам из числа колеблющихся и слабых удавалось порою, побеседовав с Дамфи, почерпнуть новую бодрость и отделаться от сомнений. Постепенно люди приучились повторять сентенции Дамфи, как свои собственные, и немалая доля рекламных похвал по адресу Калифорнии в газетах, в публичных выступлениях и в частной переписке имела своим первоисточником все того же мистера Дамфи.

Не следует думать, что бесцеремонность мистера Дамфи или категоричность его суждений могли каким-нибудь образом дурно отразиться на его репутации. В большинстве своем жители окраин нашей страны с пренебрежением относятся к излишней учтивости или изяществу манер, и грубость мистера Дамфи легко сходила за прямоту характера. «Пит Дамфи не из тех, что ходит вокруг да около,— таково было господствующее мнение о нем,— возьмет да и выложит вам напрямик все, что про вас думает». Самоуверенность Дамфи была почти неправдоподобной; невежество — столь наглым, что любой противник, будь он трижды мудрецом, пасовал перед ним и стушевывался; вдобавок мистер Дамфи владел еще одним редчайшим даром природы — беспримесным, чистопробным бесстыдством.

Во всеоружии этих боевых качеств мистер Дамфи восседал в то утро в своем кабинете, полный презрения к туману, клубившемуся за окнами конторы, или, точнее говоря, к тем нестойким элементам общества, которые поддавались влиянию тумана. Его настроение легко было прочесть на его лице, твердость черт которого сочеталась с безукоризненной гладкостью (за то время, что читатель не встречал мистера Дамфи, тот начисто сбрил бороду, считая ее слишком запоминающейся приметой). Хотя день еще

только начинался, Дамфи успел решить немало дел, действуя с той быстротой и точностью, при которых даже мелкий промах выглядит чем-то из ряда вон выходящим. Подписывая очередное письмо, поднесенное ему одним из клерков, Дамфи бросил коротко, не поднимая головы:

— Впустите мистера Рамиреса.

Мистер Рамирес, который уже четвертый день безуспешно добивался приема у Дамфи, вошел в кабинет обозленный и разобиженный, однако поспешил спрятать свою обиду, как только предстал перед решительным и свирепым Дамфи.

— Как дела? — спросил Дамфи, не отрывая взгляда от бумаг на столе.

Пробормотав что-то относительно дурной погоды оробелый Рамирес уселся на стул поблизости от Дамфи.

— Говорите, зачем пришли, — сказал Дамфи, — я слушаю.

— Я хотел бы послушать, что вы скажете, — вкрадчиво возразил Рамирес. — Я пришел узнать, нет ли чего нового?

— Так! — сказал мистер Дамфи, проворно подписывая одну бумагу за другой. — Так! Так! Так! — Он покончил с бумагами, повернулся вместе с креслом к мистеру Рамиресу и сказал еще раз «так!» столь решительно, что привел того в полное замешательство. — Рамирес! — резко обратился мистер Дамфи к своему посетителю. — Сколько вложили вы в это дело?

Теряясь в догадках, Рамирес ответил несколькими восклицаниями.

— А? Да? О чем это вы?

— Глубоко увязли или нет? Сколько теряете?

Мистер Рамирес сделал попытку заглянуть Дамфи прямо в глаза.

— Сколько... я... теряю? А что? Почему?

— Сколько-денег-вы-вложили-в-это-предприятие? — спросил мистер Дамфи, отделяя каждое слово ударом ручки по письменному столу.

— Ни цента! Я просто желаю успеха госпоже Девард-жес.

— Значит, увязли не слишком глубоко? С чем и поздравляю! Почитайте-ка, что она пишет. Дайте ему это письмо.

Последние слова были адресованы клерку, который вошел в кабинет с каким-то вопросом. Пожалуй, Рамиресу повезло, что следующие несколько минут мистер Дамфи был настолько поглощен новым клиентом, что полностью

позабыл о предыдущем. Начав читать письмо, Рамирес сделался пепельно-серым, потом лицо его побагровело. Трижды он облизнул пересохшие губы, потом воскликнул: «Карамба!» — и устремил горячий взгляд на Дамфи.

— Вы читали это? — спросил он, потрясая письмом.

— Прошу прощения! — возразил Дамфи, заканчивая беседу с клиентом и провожая его до двери. — Да, читал, — сказал он, возвращаясь к столу и глядя на Рамиреса. — Читал.

Рамирес потряс письмом вторично. Он сделал попытку улыбнуться, но улыбка получилась невеселой.

— Да, — холодно промолвил Дамфи, наклоняясь к Рамиресу и отбирая у него письмо. — Да, — повторил он, пробегая письмо. — Насколько я понимаю, она намеревается выйти замуж. За того самого брата, который владеет участком. Следовательно, она обходит все препятствия и становится законной владелицей. А вы выбываете из игры.

Преследуемый горящим взглядом Рамиреса, мистер Дамфи сунул письмо в ящик и постучал рукой по столу, показывая всем своим видом, что аудиенция окончена.

— Ну, а вы? — прохрипел Рамирес. — Как же вы?

— Я не вложил в это дело ни доллара, хоть и считаю его достаточно солидным. У нее всегда были определенные шансы на выигрыш. Документ или завещание — у вас в руках, не так ли? Та, вторая женщина, не подает признаков жизни. — Мистер Дамфи говорил все это своим зычным голосом, не обращая ни малейшего внимания на предостерегающие жесты Рамиреса. — Хэлло! Как дела? — обратился он к вошедшему клиенту. — Я только что послал к вам нарочного.

Рамирес поднялся. Крепко сжав руки, он вонзил свои длинные ногти в желтую кожу ладоней. В лице его не было ни кровинки, губы пересохли.

— Уже уходите? — спросил Дамфи. — Жду вас в ближайшие дни. Вы нужны мне по другому делу, Рамирес. Мы заинтересованы в одной заявке, но там не хватает двух-трех важных документов. Думаю, вы могли бы их для нас раздобыть. Все расходы беру на себя.

Мистер Дамфи сказал это без всякой таинственности, пренебрегая намеками или околичностями. Откровенность его можно было выразить в следующей формуле: «Ты разбойник, и я разбойник, а что касается третьего, кто слушает наш разговор, то нам на него наплевать».

Усевшись поудобнее, мистер Дамфи занялся беседой с новым клиентом, как видно, полностью позабыв о Рамиресе.

Когда Рамирес вышел на улицу, лицо его стало более спокойным, хотя бледность не проходила. Так или иначе, туман, окрасивший все лица в синевато-серые тона, помог ему скрыть потерю румянца от посторонних наблюдателей. Не помня себя, стремительным шагом он направился к заливу и остановился, лишь дойдя до паровой пристани. Здесь, когда он обрел чувство реальности, ему показалось, что он сделал лишь один шаг от конторы Дамфи до набережной; что было с ним по дороге, он не сумел бы объяснить. Пароход в Сакраменто отходил в восемь вечера, сейчас было только десять часов утра. Он отлично понимал это. Но не прийти сюда не мог, даже зная, что спешит впустую: жажда мщения требовала от него каких-то действий. Ждать еще целых десять часов! Десять часов сидеть сложа руки! Нет, надо чем-то занять себя!

Не наточить ли ему свой нож? Или купить новый, поострее? Можно купить и новый пистолет. Он вспомнил, что только что прошел мимо ружейной лавки, где в витрине поблескивали ножи и пистолеты. Он повернул назад, вошел в лавку и стал внимательно разглядывать товар оружейника. Особенно приглянулся ему большой охотничий нож с широким лезвием.

— Собственной выделки, — сказал оружейник с профессиональной гордостью и провел грубым залубеневшим пальцем по остро отточенному лезвию. — Рубит полдоллара пополам. Вот поглядите.

Он бросил на прилавок пятидесятицентовую монету и коротким сильным ударом ножа рассек ее на две равные части. Мистер Рамирес пришел в восторг и захотел лично повторить опыт. Но нож скользнул по монете и, сбив ее на пол, вырубил на прилавке длинную борозду.

— Шалят нервы. К тому же излишне усердствуете, — равнодушно сказал оружейник. — С вашим братом постоянно та же история. Пустяку придаете такое значение, словно от него вся жизнь зависит. А тут главное — спокойствие.

И, щегольнув еще раз меткостью и мастерством удара, оружейник перерубил пополам вторую монету.

Рамирес купил нож. Заворачивая попку в бумагу, оружейник сказал с философическим сочувствием:

— Сейчас я на вашем месте и пытаться не стал. Если человек плохо спал, рука у него наутро нетвердая. Это я

твердо знаю. Проведите сегодняшний день поспокойнее, не думая ни о чем таком волнительном, и, ручаюсь вам, разрубите монету в лучшем виде!

Выйдя на улицу, мистер Рамирес посмотрел на часы. Одиннадцать! Прошел всего только час! Он спрятал нож во внутренний карман сюртука, тщательно застегнулся на все пуговицы и быстро зашагал прочь. Через час он поднялся в гору неподалеку от миссии Долорес. В одном из переулочков он повстречался с женщиной, сильно походившей на ту, о которой он ни на минуту не переставал думать; он уставился на нее с такой злобой, что женщина в страхе отпрянула. Это случайное происшествие, неутихавшая внутренняя тревога и сухость во рту послужили для него достаточным поводом, чтобы зайти в салун. Там он напился, что, впрочем, не усилило и не ослабило владевшего им волнения. Он вышел на людную улицу во власти всех тех же навязчивых мыслей; когда он на мгновение отрывался от них, ему казалось, что прохожие глядят ему вслед, и он убыстрял шаги.

Во-первых, можно просто уличить ее в коварстве и убить тут же, на месте. Другой план, более прельщавший Рамиреса, был таков: застичь ее врасплох с новым сообщником (подобно большинству ревнивцев, он не допускал мысли, что привязанность его недавней возлюбленной к сопернику может иметь более благородные мотивы, чем привязанность к нему самому) и прикончить обоих. Был еще третий план — убить только его одного, чтобы потом насладиться ее отчаянием, унижить ее, заставить молить о прощении. Но пока он доберется до них, пройдет целых два дня! Они успеют пожениться! Успеют уехать!

Пьяный от неистовой жажды мести, Рамирес ни на минуту не задумывался, соответствуют ли его кровавые планы нанесенной ему обиде. Его выставили дураком, круглым дураком — разве этого недостаточно? Как только он прочитал письмо, его пронзила мысль, которую можно было выразить в одном слове: отныне он *олух*. Это слово стояло теперь у него перед глазами. Он читал его на всех вывесках. «Олух» — бормотал кто-то над самым его ухом. Нет! Он расплатится с нею за все!

День уже клонился к вечеру; туман не рассеялся, напротив, стал еще гуще. С залива донеслись удары колокола и свистки. Пойдет ли пароход? А что, если он задержится, запоздает на несколько часов? Надо поспешить на пристань, навести справки. Будь проклят этот туман! Если они

посмеют задержаться с отплытием, пусть и тогда трусливая собака — капитан, и шайка койотов, которой он командует, горят в вечном огне — он будет молить об этом святого великомученика Варфоломея! Рамирес резко свернул на Коммершиел-стрит и вскоре, повинувшись инстинкту, который гонит отчаянного человека в отчаянное место, стоял у дверей салуна «Аркада». Войдя, он осмотрелся кругом.

Огромный зал, весь в зеркалах, сверкающий огнями и позолотой, по контрасту с шумной улицей, казался торжественно-тихим. Для завсегдатаев время было еще ранним, и большая часть длинных карточных столов пустовала. В *монте* играли только за одним столом; Рамирес направился прямехонько к нему; как и все мексиканцы, он предпочитал *монте*. По чистой случайности, банк за этим столом держал Джек Гемлин, сдававший карты в своей обычной рассеянной и небрежной манере. Следует напомнить, что узкой специальностью Джека был *фараон*. Сейчас он замечал приятеля, который пошел наверх пообедать.

Рамирес швырнул на стол золотой и проиграл. Он проиграл во второй раз. Потом — в третий. Тогда он излил обуревавшие его чувства в характерном «Карамба!». Мистер Джек Гемлин поднял глаза. Внимание его привлекло не услышанное проклятие и не досада проигравшего — все это было здесь в порядке вещей, — нет, просто голос незнакомца пробудил в цепкой памяти Джека некоторые ассоциации. С первого взгляда он припомнил, где видел этого человека. Ничем не обнаруживая своего открытия, он продолжал метать банк. Мистер Рамирес выиграл. С невозмутимым спокойствием мистер Гемлин протянул лопаточку и загреб золотой Рамиреса вместе со ставками проигравших.

Как и предполагал мистер Гемлин, Рамирес с неистовым воплем вскочил из-за стола. Тогда мистер Гемлин с полным пренебрежением, даже не глядя на Рамиреса, подвинул ему его выигрыш. Не взявши денег, Рамирес кинулся к банкомету.

— Хотел меня оскорбить? А? Хотел обжулить? Хотел отнять мои деньги? — прохрипел он, дико размахивая одной рукой, а другой судорожно нащупывая что-то во внутреннем кармане сюртука.

Джек Гемлин пристально поглядел на Рамиреса своими черными глазами.

— Сядь, Джонни!

Взвинченный до предела треволнениями сегодняшнего дня, еще не остывший от вынашиваемых кровавых замыслов, Рамирес, получив это новое, нестерпимое оскорбление, готов был убить игрока. Возможно, с этим намерением он и кинулся к Гемлину. Возможно, он принял это решение в момент, когда тот осмелился его, Виктора Рамиреса, завтрашнего убийцу двух человек в Гнилой Лощине, публично назвать Джонни. Но, заглянув в глаза мистеру Гемлину, он передумал. Что именно он в них увидел, не берусь сказать. У Джека были выразительные глаза, большие, ясные, а также, как утверждали некоторые представительницы прекрасного пола, лукавые и нежные. Я со своей стороны могу лишь констатировать, что мистер Виктор Рамирес, не промолвив более ни слова, вернулся на свое место.

— Вы еще не знаете, что это за человек, — сказал мистер Гемлин, обращаясь к двум ближайшим соседям таким тоном, словно доверял им огромной важности тайну, но вместе с тем достаточно громко, чтобы его слышали все сидевшие за столом, включая и Рамиреса. — Вы еще не знаете, зато я знаю. Отчаяннейший мужчина, доложу я вам. — Мистер Гемлин лениво тасовал колоду. — Ваши ставки, джентльмены! У него скотоводческое ранчо в Сономе, а по соседству приватное кладбище, где он хоронит своих врагов. Кличка его — Желтый Ястреб Сономы. Сегодня он в скверном настроении. Возможно, недавно прирезал кого-то и еще чует свежую кровь.

Мистер Рамирес криво усмехнулся и сделал вид, что его ничто на свете не интересует, кроме движений лопаточки мистера Гемлина.

— А до чего хитер наш Джонни! — продолжал мистер Гемлин, постучав колодой по столу. — Хитер и коварен! В особенности, когда преследует очередную жертву. Вот он сидит и смеется. Не хочет портить игру. Всдь он отлично знает, джентльмены, что через пять минут вернется Джим и я буду свободен. Этого момента он и ждет. Вот почему смеется Желтый Ястреб Сономы. Во внутреннем кармане сюртука у него спрятан нож. Завернут в бумагу, чтобы, спаси бог, не испачкать. Джонни аккуратен с оружием. На каждую жертву припасает новый нож.

Сделав вид, что нисколько не обижен на шутку банкмета, Рамирес поднялся из-за стола и ссыпал в карман свой выигрыш. Мистер Гемлин делал вид, что не замечает

его движений, до того самого момента, когда Рамирес повернулся, чтобы уйти.

— Решил обождать меня на улице.— сообщил он слушателям.— Всего лишь пять минут, Джонни! — крикнул он вслед удалявшемуся Рамиресу.— А если нет охоты ждать, то милости прошу на будущей неделе. Отель «Мэрисвилл», номер девяносто два, рядом с тем номером, Джонни, с тем самым номером!

Мистер Рамирес, вышедший из салуна «Аркада» на людную улицу, был настолько не похож на мистера Рамиреса, вошедшего в тот же салун двадцатью минутами ранее, что их можно было принять за двух разных людей. Дышал он ровнее, на впалых щеках его играл прежний румянец, взгляд был уже не отрешенным и застывшим, но по-старому живым и беспокойным. Если не считать, что, выйдя из салуна, он ускорил шаг и раза два тревожно оглянулся, не идет ли кто за ним, то можно было бы смело утверждать, что мистер Рамирес полностью переменялся. И заметьте, не проливши ни капельки крови и не осуществив ни одного из своих мстительных замыслов. Поскольку я не ищущи чести знать о мистере Рамиресе больше, чем он знает о себе самом, я не сумею объяснить то, чего не смог и о себе объяснить: по какой причине он переменялся и почему вдруг охладел к взлелеянному плану мести. Быть может, если учесть, что ранее, несколько часов подряд, он разжигал свои инстинкты, не усматривая для них никакой преграды, а за последние двадцать минут получил некий афронт, психологическая загадка не окажется столь сложной. Могу лишь сообщить, что в половине седьмого мистер Рамирес пришел к выводу, что физическую расправу с неприятелями нельзя считать идеальным планом мести, а в половине восьмого принял решение вообще не брать билета на пароход, направлявшийся в Сакраменто. И тем не менее я утверждаю, что в продолжение предшествующих шести часов мистер Рамирес был самым доподлинным убийцей, не менее кровавым, чем все те, кто на деле совершил задуманное преступление, ибо случай не послал им мистера Гемлина, дабы пробудить в них природную трусость.

Мистер Рамирес спускался фланирующим шагом по Монтгомери-стрит, пока не дошел до угла Пасифик-стрит. Здесь его задержал запряженный шестеркой фургон, промчавшийся в тумане по направлению к пристани. Рамирес

узнал курьерскую почту, спешившую к отплытию парохода на Сакраменто. Он не знал, однако, что в мешке почтальона лежало письмо следующего содержания:

«Сударыня, мы получили Ваше письмо от 10-го числа сего месяца и внимательно с ним ознакомились. В случае успеха наша фирма обеспечивает Вам полную поддержку. Мы считаем Ваш нынешний план не менее удачным, чем предыдущий. Рекомендуем воздержаться от свидания наедине с мистером Рамиресом и привлечь для беседы с ним мистера Конроя. Присутствие третьего лица предотвратит возможность насильственных действий со стороны мистера Рамиреса.

С совершенным почтением *Питер Дамфи*».

Глава 2

ТОЛПА СВИДЕТЕЛЕЙ

Улочка, в которую свернул Рамирес, на первый взгляд казалось решительно ни на что не похожей; о ней можно было лишь сказать, что причудливые, неправильной формы дома стояли по обе ее стороны; других отличительных признаков улицы она не имела. Она была дурно освещена, грязна, вся в лужах; наполовину в камнях и ухабах, наполовину в завалах песка; два или три раза она — самым прискорбным образом для пешехода — резко меняла уклон. Как видно, того, кто прокладывал улицу, несколько не заботила судьба ее обитателей; он рассматривал дома как досадные помехи и, не задумываясь, жертвовал ими в угоду своему замыслу. Некоторые дома он наглухо закрыл от внешнего мира, к другим открыл доступ лишь по лестницам, в целом же добился впечатления, что все они были начаты постройкой с крыши и лишь потом, постепенно, доведены до фундамента. Таков был ближайший эффект его действий. Последующие результаты не заставили себя ждать. Улица практически перестала существовать для граждан Сан-Франциско, а обитатели ее стали считать себя как бы живущими вне человеческого закона. Некоторые из домов с самого начала были заселены коренными калифорнийцами испанского происхождения; верные консервативной традиции своей расы, они продолжали льнуть к

своим *casa*¹, даже когда американцы удалились в новые, не столь гористые и более удобные для обитания части города. Следуя социальному закону, обрекающему политически бесправное и униженное меньшинство на изолированное существование, на место американцев прибыли другие — коренные калифорнийцы, и улица вскоре получила известность под именем Испанского квартала. Вдумчивого наблюдателя, склонного отмечать явления странные и достойные сожаления, должно было поразить, что все эти люди обитали в домах, нисколько не отвечавших их вкусам и навыкам, и вели жизнь, чуждую их природным склонностям и обычаям.

Возле одного из описанных строений, а если быть более точным, то прямо под ним, мистер Рамирес замедлил шаг и начал подъем по длинной деревянной лестнице, которая привела его в конце концов к основанию дома. Преодолев вторую, столь же протяженную лестницу, он добрался до веранды, или галереи, второго этажа (дело в том, что первый этаж дома был почти полностью скрыт насыпью). Рамирес разыскал третью лестницу, ведущую на сей раз вниз. Спустившись, он оказался на открытой площадке перед распахнутой настежь входной дверью. В холле несколько темнолицых людей без сюртуков, без воротничков и без галстуков сидели, развалясь, и покуривали *сигаритос*, как видно, не страшась ни холода, ни тумана. У раскрытых окон сидели две или три женщины. На них были ослепительно белые юбки из тончайшего муслина, все в оборках, плечи же и головы у них были укутаны в теплые шали, словно их талия, как линия экватора разделяла лето и зиму.

Внутри дом был почти не освещен; желтовато-коричневые стены и темная мебель, с которой табачный дым постепенно снял лакировку, усугубляли общий сумрак. Желтый дым клубился, заполняя веранды и комнаты. Сорочки мужчин были испещрены коричневыми подтеками; желтоватые пятна виднелись и на ослепительно белых юбках дам. Верхний сустав большого и указательного пальца у всех присутствующих был ярчайше желтым. Дом насквозь пропах жженой бумагой и табаком. Изредка на фоне этого ритуального аромата пробивались запахи красного перца и чеснока.

Двое-трое из куривших в холле мужчин степенно при-

¹ Дом, жилище (*исп.*).

ветствовали Рамиреса, как старого знакомого. Одна из женщин — самая полная из всех — появилась в дверях гостиной. Придерживая шаль на плечах с такой старательностью, словно она опасалась невзначай остаться нагой до пояса, женщина кокетливо помахала молодому человеку черным всером и приветствовала его с большой живостью, обозвав «неблагодарной тварью», «изменником» и «иудой». Когда Рамирес подошел поближе, женщина игриво спросила:

— Почему ты пропадал так долго и откуда ты явился, негодник?

— Несотложные дела, любовь моя, — ответил Рамирес с небрежной галантностью. — Кто там наверху?

— Свидетели.

— А дон Педро?

— Тоже там. И сеньор Перкинс.

— Отлично. Я загляну немного погодя.

Простившись кивком, Рамирес быстро взбежал по лестнице. На первой площадке он остановился и неуверенно постучался в ближайшую дверь. Никто не ответил. Он постучал громче и решительнее, ключ с лязгом повернулся в замке, дверь распахнулась, появился человек в ветхом сюртуке и обтрепанных брюках. Он яростно уставился на Рамиреса, сказал по-английски: «Какого еще дьявола? Стучитесь рядом!» — и хлопнул дверью перед самым носом Рамиреса. Рамирес тут же направился к двери, указанной свирепым незнакомцем, и был встречен густыми клубами дыма и приветственными возгласами.

За круглым столом, на котором были разбросаны загадочного вида документы, пергаментные свитки и географические карты, сидели шестеро. Почти все они были пожилые люди, темнолицые и седовласые, а один, сморщенное лицо которого цветом и фактурой походило на кору красного дерева, был совсем дряхлый старик.

— Третьего дня ему исполнилось сто два года. Он главный свидетель по делу Кастро. Удостоверяет подпись руки Микельторрены, — пояснил дон Педро Рамиресу.

— А помнит ли он вообще что-нибудь? — усомнился Рамирес.

— Кто знает? — пожал плечами дон Педро. — Он даст показание под присягой; больше ведь ничего не требуется.

— Что за зверь живет у вас в соседней комнате? — спросил Рамирес. — Волк или медведь?

— Это сеньор Перкинс, — ответил дон Педро.

— А что он там делает?

— Переводит.

С некоторым раздражением Рамирес поведал, как он попал не в ту дверь и сколь неприветливым оказался незнакомец. Присутствующие выслушали его молча, со вниманием. Будь на их месте американцы, Рамиреса, конечно, подняли бы на смех. Но тут никто не улыбнулся; всякое нарушение учтивости даже для этих людей, нравственность которых стояла под вопросом, было нешуточным делом. Дон Педро попытался разъяснить происшедшее:

— Видишь ли, у него здесь не все в порядке,— он постукал пальцем по лбу.— Но он совсем не похож на других американцев. Точен, молчалив, строгих правил. Часы пробьют три — он здесь; часы пробьют девять — уходит. Битых шесть часов трудится в своей комнатушке. А сколько успевает сделать, боже милосердный! Ты просто не поверишь. Целые тома! Фолианты! В девять вечера раскрывает конверт, который кладет ему на конторку его *padrone*¹, вынимает из конверта десять долларов — золотую монету — и уходит. Говорят, что половину он оставляет в игорном доме, ровно пять долларов — ни цента более. Другие пять долларов — на расходы. И так всегда. Каждый божий день. Человек глубочайших знаний, ученый человек, изумительный человек! Испанский знает в совершенстве; французский тоже. Какое неоценимое сокровище для адвокатов, чистое золото, ты сам понимаешь. Но он не желает с ними иметь никакого дела. Он отвечает им: «Я перевожу. Что я перевожу, ложь или правду, мне наплевать. Я перевожу — и только. Ничего более». Изумительный человек.

Упоминание об игорном доме как бы оживило память Рамиреса; он вспомнил о цели своего визита.

— Ты как-то говорил мне, дон Педро,— сказал он доверительно, понижая голос,— что сейчас разрешено подтверждать свидетельскими показаниями старые дарственные на землю, выданные прежними губернаторами и алькальдами. Верно это?

Дон Педро огляделся.

— Из тех, кто сейчас сидит в этой комнате, пятеро покажут в суде все, что я им поручу,— ты меня понимаешь?! — а кроме того, у нас в запасе имеются бывший губерна-

¹ Патрон, наниматель (*исп.*).

тор, бывший алькальд, воинский секретарь, команданте и даже — смилуйтесь над нами святые угодники! — один архиепископ! Благороднейшие caballeros!¹ Ты ведь знаешь, американцы ограбили их. Что же им делать? Урок пошел на пользу. Теперь они торгуют своей памятью. Да, Виктор, они продают свою память тому, кто больше заплатит. Поверь мне, это так.

— Вот и отлично, — сказал Виктор. — Теперь послушай. Представь себе, что некий человек — разбойник, негодяй, американец — заставил губернатора Пико выдать ему дарственную на землю, настоящую дарственную, ты понимаешь меня, заверенную, подписанную, зарегистрированную в земельной управе. А другой человек — допустим, я — заявляет тебе, что этот документ поддельный. Что ты ответишь, друг и брат мой?

— Дарственная от Пико? — спросил дон Педро.

— От Пико, — ответил Виктор. — выдана в сорок седьмом году.

Дон Педро поднялся, подошел к стоявшему в углу бюро, выдвинул ящик и достал несколько пожелтевших бланков с бледно отпечатанным заголовком и с печатью в правом нижнем углу.

— Бланки Монтерейской управы, — пояснил дон Педро, — с грифом и подписью губернатора Пико. Ясно тебе, Виктор, друг мой? Ты можешь получить вторую дарственную.

У Виктора заблестели глаза.

— Но ведь это будет дарственная на ту же землю, брат мой.

Дон Педро пожал плечами и скрутил себе новую *сигарито*.

— Меньше двух дарственных на одну и ту же землю покойный губернатор обычно не давал. Я ни капли не удивлюсь, мой храбрый друг, если окажется, что на твою землю уже выдано три дарственных. Ты говоришь одна, — о, пресвятая мать божия! — тогда это самый что ни на есть простой случай! Да и кому надобна эта земля? Где находится твое скромное имение? Сколько квадратных лиг? Пойдем, запремся в той комнатке и поговорим по душам. Кстати, дорогой Виктор, у меня есть отличная *агуардьенте*²! Пойдем!

¹ Здесь: господа (*исп.*).

² Водка (*исп.*).

Дон Педро встал, провел Виктора в соседнюю комнатку и запер дверь:

Прошло около часа. Голос Виктора, подымавшийся порою до крика, не раз доносился до тех, что сидели в большой комнате; однако они были полностью погружены в насыщенную табачным дымом атмосферу, а также достаточно воспитанны, чтобы не мешаться в чужое дело. Они беседовали между собой, сверяли записи и изучали лежавшие на столе документы с любопытством и нескрываемым удовольствием людей, впервые соприкоснувшихся с важным государственным делом. Было уже около девяти часов, когда дон Педро и Виктор закончили свое совещание. С сожалением должен сообщить, что то ли от предшествовавших беседе чрезмерных волнений, то ли от сочувственных речей приятеля и утешительного воздействия агурдьенте, но Рамирес сделался непомерно речист, громогласен и бестолков. Напившись допьяна, впечатлительные натуры вроде Рамиреса либо лезут обниматься, либо впадают в безутешную грусть. Рамирес сделался любвеобильным и грустным одновременно. Со слезами на глазах он требовал, чтобы его отвели к дамам. Он должен излить свою печаль Мануэле (полной девице, уже известной читателю); она утешит его, доверчивого, обманутого, незаслуженно обиженного человека.

На лестнице они повстречали незнакомца, корректно одетого, чопорного, с замкнутым выражением лица. Это был сеньор Перкинс, покончивший на сегодня со своей каторгой; ничуть не походивший на ту подозрительную личность, с которой случайно столкнулся Рамирес час назад; поспешавший, как видно, к игорному столу и прочим вечерним развлечениям. В своем нынешнем плаксивом настроении Виктор охотно поделился бы с ним некоторыми мыслями о коварстве женского пола и о жалкой доле обманутых любовников, но дон Педро постарался поскорее увести его в гостиную, подальше от холодных презрительных глаз сеньора Перкинса.

В гостиной, предоставленный заботам кокетливой Мануэлы, по-прежнему кутавшейся в шаль и по-прежнему неуверенной, что эта часть туалета достаточно прочно держится на ее плечах, Виктор заявил с загадочным видом, что ни одной женщине не понять его сложную и страстную натуру, после чего повалился в глубокое черное кресло, обитое волосяной тканью, и впал в коматозное состояние.

— Придется где-нибудь устроить его на сегодняшнюю ночь, — сочувственно сказала практическая Мануэла, — несчастный не доберется до отеля. Матерь божия, это еще что?

Когда они попытались вдвоем поднять Рамиреса — опустившись в кресло, он стал стремительно скользить на пол, так что его приходилось все время придерживать с двух сторон, — что-то выпало у него из внутреннего кармана сюртука. Это был охотничий нож, который он купил утром.

— Ах, — сказала Мануэла, — бандит несчастный! Он водит компанию с американос! Взгляника-ка, дядюшка!

Дон Педро взял нож из коричневых рук Мануэлы и хладнокровно обследовал его.

— Нож совсем новый, племянница, — возразил он, слегка пожав плечами. — С лезвия еще не сошел блеск. Давай отведем Виктора в постель.

Глава 3

ПРЕЛЕСТНАЯ МИССИС СЕПУЛЬВИДА

Если существует хоть одно-единственное место, где нестерпимое однообразие калифорнийского климата кажется уместным и естественным, то, уж, наверное, это древний почтенный *пуэбло* и миссия¹, носящие имя святого Антония. Безоблачное, всегда неизменное, невозмутимое летнее небо кажется здесь отличительным признаком и символом того аристократического консерватизма, который раз навсегда отвергает все и всяческие новшества. Путешественник, въезжающий в *пуэбло* на собственном коне, — традиции Сан-Антонио не допускают появления почтовой кареты или дилижанса, с которыми в городок могут прибыть люди случайные и сомнительные, — читает в лицах глазающих пеонов, что крупные *ранчерос*² все еще владеют окрестными землями и отказываются их продавать. Проехав короткую, окаймленную с двух сторон стенами, улицу и выбравшись на *пласа*³, путешественник убеждается, что в городке нет ни гостиницы, ни таверны и что, если кто-ни-

¹ Миссии в испанской Калифорнии первоначально — опорные пункты католической церкви, насильственно обращавшей в христианство индейские племена; вокруг храмов или монастырских построек зачастую вырастал городок — *пуэбло*. (Прим. переводчика.)

² Землевладельцы (исп.).

³ Площадь (исп.).

будь из местных жителей не окажет ему гостеприимства, он останется и без еды и без ночлега. Ведя коня в поводу, он входит во двор ближайшего из внушительных особняков, выстроенных из сырцового кирпича, и незнакомые люди приветствуют его важно и гостеприимно. Оглядевшись, он видит, что попал в царство прошлого. Солнце жжет на низких крышах продолговатую красную черепицу, напоминающую кору коричневого дерева, так же, как жгло ее уже сто лет, а костлявые, похожие на волков псы облаивают его в точности так, как отцы и матери облаивали предыдущего незнакомца, забредшего во двор добрых двадцать лет тому назад. Несколько полуобъезженных мустангов, связанных крепкими *реатами*¹, стоят возле длинной, низкой веранды; солнце играет на серебряных бляхах, украшающих конскую сбрую; кругом, куда ни глянь, глухие глинобитные стены; ровная белизна их столь же невыразительна, как и монотонно текущие здешние дни, как невозмутимые, бесчувственные небеса; над зеленью оливковых деревьев и груш, кривых, дуплистых, шишковатых, словно скрюченных старческим ревматизмом, поднимаются белые куполообразные башни миссии; за миссией — узкая, белая прибрежная полоса, а дальше оксан, безмерный, сверкающий, извечный. Пароходы, медленно ползущие вдоль темной береговой линии, кажутся отсюда существами далекими, нереальными, принадлежащими к миру Фантазии. С той поры — это случилось в 1640 году, — когда буря выбросила на прибрежный песок выбеленные морем останки испанского галеона, ни один корабль еще не бросил якорь на открытом рейде, пониже изогнутого Соснового мыса, откуда вопросительно и безнадежно глядятся в оксан белые стены *пресидио* и снятая с лафета бронзовая пушка.

При всем том *пуэбло* Сан-Антонио неудержимо влечет к себе алчные взоры и вожделения американцев. Обширные плодородные земли, неисчислимы стада, роскошная субтропическая растительность, необыкновенно здоровый климат и, наконец, чудодейственные минеральные источники Сан-Антонио волнуют неугомонных сан-францисских дельцов, лишают их покоя и сна. По счастью для судеб Сан-Антонио, земли вокруг находятся во владении нескольких богатейших местных семейств. Все они входят в состав трех поместий — «Медведя», «Преблаженного Рыбаря» и «Святой Троицы». Хозяева земель успели подтвердить законным порядком свои владельческие права в первые

¹ Веревка, лассо (*исп.*).

же месяцы американского вторжения, а сравнительная отдаленность земель от городских центров охраняет их пока что от происков ненасытных иноземцев. Правда, среди счастливых владельцев этой калифорнийской Аркадии имеется и одна американка — вдова донна Сепульвида. Полтора года тому назад достойный Сепульвида скончался в возрасте восьмидесяти четырех лет и оставил все свое огромное имение очаровательной молодой жене-американке. Теперь казалось более чем вероятным, что прелестная, неотразимая, живая и общительная донна Мария Сепульвида вдруг возьмет да и подарит свою руку, а с нею и имение какому-нибудь проходимцу-американцу, который под пошлым предлогом «усовершенствования» загубит старосветский устоявшийся порядок жизни Сан-Антонио. Угроза была нешуточной, отнестись к ней следовало вполне серьезно, а если сие возможно, то и отвратить молитвами и постом.

Утверждают, что когда донна Мария, через год после смерти мужа, уехала на месяц в Сан-Франциско и вернулась оттуда по-прежнему в одиночестве и, по всем данным, ни с кем не помолвленная, в церкви при миссии была прочитана по этому поводу благодарственная молитва. Дальнейшие намерения вдовы были тем более существенны для Сан-Антонио, что самое крупное из названных трех поместий, Ранчо Святой Троицы, принадлежало тоже представительнице легкомысленного пола, наследнице покойного губернатора (как считалось, его незаконной дочери от индианки). По счастью, опасность вдовства ей не грозила, ибо преданность религии и затворническая жизнь уберегли ее от вступления в брак. Нетрудно было усмотреть какую-то странную прихоть провидения в том, что будущность и судьба Сан-Антонио в такой мере зависели от мимолетного каприза женщины; об этом не раз судили да рядили в маленьком *публо*, если только позволительно называть пересудами степенную беседу сеньоров и сеньор. Более набожные люди не сомневались, однако, что провидение охраняет Сан-Антонио от *американос* и конечной гибели; некоторые даже утверждали, что святой покровитель городка, славный своим искусством противостоять искушению, не остановится перед тем, чтобы личным вмешательством оградить беззащитную вдову от плотских и духовных соблазнов. Но и самые набожные и крепкие верой, когда они тихонько приоткрывали свою вуаль или *манта*¹, чтобы не приметно взглянуть на входящую в храм донну Марию,

¹ Шаль, покрывало (*исп.*).

разряженную в языческое платье и шляпку, изготовленные в Париже, розовеющую от невинного смущения и торжества, даже они с замиранием сердца и с немой мольбой вздымали взоры к исхудалому и сумрачному покровителю городка, который со стены над алтарем взирал на прелестную незнакомку, обуреваемый, как видно, страхом и сомнением, удастся ли ему самому устоять перед этим новым испытанием.

В той мере, в какой это позволяла испанская учтивость, за донной Марией было установлено в городке некоторое негласное наблюдение. Люди, настроенные более консервативно, намекали, что даме, занимающей столь видное положение в обществе, вдове донна Сепульвида, надлежит иметь при себе дуэнья, хотя многие мужья, ссылаясь на собственный грустный опыт, свидетельствовали о несовершенстве этой меры защиты. Сама же прелестная вдова, когда ее духовник вполне серьезно затронул этот вопрос в беседе с нею, покачала головой и рассмеялась. «Муж в доме — вот самая верная дуэнья», — лукаво возразила она, на чем разговор и кончился.

Пожалуй, оно и к лучшему, что сплетники в Сан-Антонио ничего не знали о том, как близко надвинулась страшившая их гроза и под каким ударом находились интересы городка в день 3 июня 1854 года.

Утро выдалось ослепительно ясное, такое ясное, что казалось, будто острые вершины хребта Сан-Бруно за ночь перекочевали в долину Сан-Антонио, столь ясное, что можно было подумать, будто линия горизонта, ограничивающая океанский простор, отодвинулась вдаль и обнимает теперь не менее половины земного шара. Утро выдалось прохладное, крепкое, как гранит, и сверкающее, как слюда на солнце: оно дышало животной силой и настоятельно требовало от каждого физической активности. Не находясь в движении, нельзя было ни ощутить его прелести, ни восхититься ею. Что ж удивительного в том, что донна Мария Сепульвида, возвращавшаяся в сопровождении *вакero* после поездки к своему дворецкому и мажордому, вдруг бросила повод на шею гнедой кобылке Тите и помчалась неистовым галопом вниз по склону, прямо к белой прибрежной полосе, которая, изгибаясь, тянулась на целую лигу от самой стены, ограждавшей сад миссии, и вплоть до Соснового мыса. Кончо, престарелый *вакero*, после тщетной попытки поспеть за огневой лошадкой и не менее огневой фантазией хозяйки, пожал плечами, перешел снова на рысь

и вскоре затерялся между песчаными дюнами. Опыанная скачкой и животворным воздухом, с выбившимися из-под бархатной шапочки каштановыми кудрями, выставляя всему миру напоказ хорошенькую ножку (а порою, смею утверждать, и стройную щиколотку) из-под развевающейся серой амазонки, обрызганной здесь и там хлопьями лошадиной пены, донна Мария достигла наконец Соснового мыса, крайней оконечности уходящего в море полуострова.

Но когда очаровательной миссис Сепульвида оставалось уже не более ста футов до мыса, который она намеревалась обогнуть, она увидела, к немалой своей досаде, что начался прилив и что с каждой новой сверкающая водная пелена вползает все выше к подножию сосен. Она была раздосадована еще более, когда увидела, что с другой стороны мыса, натянув, как и она, поводья своей лошади, за ней наблюдает щегольски одетый всадник, наблюдает с явным любопытством и, как ей показалось, не без некоторого лукавства. Повернуть назад, но незнакомец поскачет вслед, и тогда ей не миновать скептического, хоть и почтительного взгляда Кончо. Лучше ехать вперед, вода не глубока, она пустит Титу легким галопом и быстро минует незнакомца, который, конечно, не посмеет повернуть коня, чтобы следовать за ней. Все это донна Мария решила по-женски стремительно и, сохраняя спокойствие как внешнее, так и внутреннее, ринулась в волны прибоя.

О, силлогизм, построенный женщиной! О, безукоризненные выводы из нервных посылок! Первый бросок Титы был великолепен, она проскакала добрую половину пути кругом мыса. После второго броска лошадь отчаянно забарахталась в воде, ушла в песок по колени, потом по брюхо. Под нею был зыбучий песок!

— Опустите поводья! Не пытайтесь поднять лошадь! Схватитесь за концы *реаты*! Бросайтесь навстречу волне, пусть она отнесет вас в море!

Машинально подчиняясь, донна Мария распустила волосяную веревку, привязанную к луке седла. Потом взглянула туда, откуда доносился голос, но увидела только лошадь без всадника, медленно бредущую вдоль мыса.

— Ну! Смелее!

Голос теперь шел с моря; испуганной донне Марии почудилось, что кто-то плывет ей навстречу. Более не колеблясь, она кинулась навстречу набежавшей волне, проплыла несколько ярдов, потом снова очутилась на неверном песке.

— Не двигайтесь, держитесь крепче за реату!

Новая волна понесла было ее снова к берегу, но она уже знала, как действовать; цепляясь за уходивший из-под рук песок, она держалась, затаив дыхание, пока вернувшаяся волна не отбросила ее еще на несколько ярдов в море. Теперь, когда песок стал тверже, она смело пустилась вплавь; потом кто-то ухватил ее за руку, помог добраться до линии прибоя, помог выйти на берег; чувствуя себя как во сне, она успела заметить, что волосы ее рассыпались по плечам, что ее сапоги для верховой езды остались в зыбучем песке, что ее спасителем был совсем незнакомый ей молодой человек — потом она потеряла сознание. Когда донна Мария открыла свои карие глаза, она лежала на прибрежном склоне, на сухом песке, а молодой человек стоял внизу на отмели, держа в поводу обеих лошадей, свою и Титу.

— По счастью, ваша лошадь цела и невредима. Без вас и с помощью прилива она высвободила ноги, а потом запуталась в *реате*: тут-то мы с Чарли и выволокли ее на берег. Если не ошибаюсь, я имею честь беседовать с миссис Сепульвида?

Удивленная донна Мария кивнула утвердительно.

— А это, как я понимаю, ваш слуга; он ищет вас, — продолжал незнакомец, указывая на Кончо, который не спеша трусил среди дюн, направляясь к мысу. — Позвольте, я помогу вам сесть в седло. Вашему слуге, да и всем прочим, ни к чему знать, что вы попали в такую опасную переделку.

Все еще растерянная, донна Мария позволила незнакомцу усадить себя в седло, хоть ножки ее и были самым скандальным образом необуты. Потом она вспомнила, что не поблагодарила своего спасителя, и приступила к делу в таком замешательстве, что прервавший ее смех незнакомца был поистине облегчением.

— Вы отблагодарите меня всего лучше, если пуститесь сейчас вскачь по этим пропеченным солнцем горячим дюнам и тем спасетесь от простуды. А меня зовут Пуанзет; я был связан по юридическим делам с вашим покойным мужем и сейчас прибыл тоже по делу, по которому мне придется встретиться с вами. Хочу надеяться, что новая встреча окажется для вас менее неприятной, нежели сегодняшняя. Имею честь кланяться!

Он вскочил в седло и приподнял шляпу. Донна Мария не отличалась глубоким знанием света, но чутье подсказало ей, что эта нарочито небрежная манера себя вести изобличает в незнакомце либо человека, чуждающегося жен-

щин, либо чрезмерно избалованного ими. Так или иначе, его следовало поставить на место.

Как ей поступить? Увы, она приняла наилегчайшее решение. Она сделала обиженную гримаску, потом сказала:

— Во всем виноваты вы!

— Почему?

— Если бы вы не стояли вон там и не глядели на меня так критически, я не стала бы объезжать мыс.

Выпустив эту парфянскую стрелу, она поскакала прочь, оставив своего спасителя в нерешимости, что должно ему делать, смеяться или просить прощения.

Глава 4

ОТЕЦ ФЕЛИПЕ

Когда Артур Пуанзет после часовой скачки по раскаленным дюнам осадил коня у трапезной миссии, он мог убедиться на собственном примере, что дал донне Марии добрый совет. Одежда его высохла, и никаких внешних следов его приключения нельзя было даже заметить. Еще примечательнее было, пожалуй, то, что и внутренних следов почти не осталось. Тому, кто не был знаком с исключительным эгоцентризмом Пуанзета, было бы затруднительно представить себе мораль и психику этого человека, который весьма легко впитывал новые жизненные впечатления и так же легко избавлялся от них без всякого ощущения непоследовательности или какой-либо душевной неловкости. Те же, кто хорошо знал Пуанзета, заранее сказали бы, что он ни разу не вспомнит о женщине, которую спас, и ни на минуту не станет затруднять себя мыслями, проистечет что-либо из его поступка или же нет. Когда он случайно столкнулся с миссис Сепульвида у Соснового мыса, то стал гадать, какой выигрыш или, напротив, потерю принесет с собой крушение старосветских традиций в Сан-Антонио; когда же расстался с ней, то немедля вернулся к тем же размышлениям и был погружен в них до самого момента, когда отец Фелипе встретил его у входа в трапезную. Я не хочу утверждать, что он не испытал никакого удовольствия от своего поступка; суть моей мысли в том, что этим удовольствием его чувства и ограничились. Да еще, быть может, уверенностью (хоть он ее ничем и не об-

наружил), что раз он сам доволен собой, то, значит, и все должны быть им довольны.

Если донна Мария действительно сочла, что его обращение с ней грешило сухостью и некоторой неучтивостью, она, наверное, сильно удивилась бы, поглядев, как он встретился с отцом Фелипе. Артура словно подменили; он был любезен и обходителен со стариком, полон безыскусственной мальчишеской доверчивости, сердечен и заботлив от души. Она тем более удивилась бы, если бы увидела старика священника, на которого изливал свои чувства Артур. Без сомнения, это был добрый, почтенный и достойный человек, но внешность его была самая неказистая и одеяние — престранным. Обшлага у священника пожелтели от нюхательного табака; что же касается до ботинок, которые он носил, то они были настолько велики ему и до того бесформенны, что производили на каждого самое комическое впечатление.

Было видно, что Артур уже давно завоевал расположение старика. Протянув молодому человеку свои пухлые коричневые руки, священник улыбнулся, назвал его «сын мой» и пригласил войти в миссию.

— Почему же ты не предупредил меня, что приедешь? — спросил отец Фелипе, когда они оба расположились на маленькой веранде, выходящей в сад миссии, прихлебывая шоколад и покуривая *сигаритос*.

— Я только третьего дня узнал, что еду. Отыскались вдруг какие-то новые дарственные вашего бывшего губернатора, и владельцы хотят законно оформить свои права. Мои компаньоны оба заняты, и мне поручили поехать и проверить на месте обстоятельства дела. По правде говоря, я обрадовался случаю познакомиться с таинственной донной Долорес; а если нет, хотя бы получить личный отказ принять меня, — как оба мои компаньона.

— Нет, милый мой дон Артуро, — сказал падре, делая слегка протестующий жест рукой. — Боюсь, что и у тебя ничего не выйдет. У нее сейчас началась неделя поста, а в это время она не принимает решительно никого, даже по срочному делу. Поверь мне, милый мальчик, подобно всем другим — а может быть, и более, чем другие, — ты фантазируешь там, где надлежит рассуждать. Донна Долорес прячет свое лицо не для того, чтобы будить любопытство мужчин. Увы, — бедное дитя! — ей приходится скрывать уродующую ее злосчастную татуировку. Ты ведь знаешь, она наполовину индианка. Она неразумна, суетна, быть

может, но ведь надо и понять ее, она — женщина.— И философский падре отметил последнее слово легким пожатием плеч, достойным его святого покровителя.

— Быть может, все это и так, но говорят, она красотка,— возразил Артур с шаловливым лукавством, которое любил противопоставлять всяким серьезным рассуждениям. Даже в разговоре с падре привычка брала свое.

— Ах, дон Артуро, пустые рассказы,— нетерпеливо возразил отец Фелипе,— обыкновенная девушка-индианка, смуглая, как поле, выжженное солнцем.

Артур скорчил гримасу, которая могла равно выражать как сомнение, так и согласие с собеседником.

— Что же, тогда придется нам рыться в бумагах вдвоем с вами. Виспо! Давайте их сюда, и поскорее покончим с этим делом.

— Росо тиетро¹, — улыбаясь, ответил отец Фелипе. Потом добавил более серьезным тоном:— Почему ты так говоришь о предстоящем деле? Разве у тебя нет к нему профессионального интереса? Молодой начинающий адвокат, младший компаньон в солидной фирме! Значит ли это, что юриспруденция тебя не увлекает?

Артур засмеялся.

— Нет, отчего же. Профессия не хуже всякой другой.

— А право спасти погибающего? Оправдать невинно осужденного? Бороться с несправедливостью? Разве это не благороднейшая задача, сын мой? Ах, дон Артуро, ведь именно потому и ты, и твои коллеги так дороги всем нам, всем, кто пострадал от ваших судов, от ваших *corregidores*².

— Разумеется,— поспешил согласиться Артур, отмахиваясь от сердечных слов священника с привычной легкостью, которая в данном случае говорила не столько о скромности, сколько о самолюбии, не позволяющем принимать незаслуженную похвалу.— Да и прибыль от того, в конечном счете, немалая. «Честность приносит выгоду»,— как учил основатель нашей философии.

— Как ты сказал? — переспросил священник.

С педантической точностью Артур перевел на испанский знаменитое изречение Франклина и с наслаждением

¹ Здесь: сейчас, успеем (*исп.*).

² Губернаторы (*исп.*).

увидел, как остолбеневший отец Фелипе в священном ужасе воздел руки и возвел очи к небу.

— Это и есть ваша американская нравственность? — спросил он наконец.

— Без сомнения. Добавьте к тому Перст Судьбы. И еще — Звезду Империи. Без всего этого мы не были бы здесь, и я не имел бы чести быть с вами знакомым. — сказал Артур по-английски.

Отец Фелипе растерянно поглядел на своего молодого друга. Артур мгновенно стал снова почтителен и перешел на испанский. Чтобы переменить гему разговора и развеять неловкость, он принялся юмористически описывать свое утреннее приключение. Его попытка имела лишь частичный успех. Отец Фелипе заинтересовался его рассказом, но смеяться не стал. Когда Артур кончил, он подошел к молодому человеку и, опустив пухлую руку на его кудрявую голову отцовским жестом — профессиональным и привычным, — повернул его к себе лицом.

— Взгляни-ка мне в глаза, дон Артуро. Я старый человек. Не сердись, если я попытаюсь дать тебе полезный совет. Слушай внимательно. Ты из тех мужчин, которые любят женщин и сами нравятся женщинам. Прости меня, но это так, — добавил священник, заметив улыбку Артура и легкий румянец, мгновенно выступивший у него на щеках. — Разве я не прав? Тут нечего стыдиться, дон Артуро! Не здесь, — продолжал он, указывая вдохновенным жестом на стену трапезной, где висело раскрашенное изображение святого Антония, — не здесь станем мы легкомысленно судить о женских чарах. Вдова богата; ты это знаешь. Она хороша собой. Она впечатлительна. Ты оказался холоден к профессии, которую себе избрал. Что следует отсюда? В тебе дремлют инстинкты, как бы это выразить яснее, способности и таланты, о практическом применении которых ты еще не помышлял. Ты прирожденный любовник. Не сердись на меня, ты владеешь четырьмя S: sano, solo, solícito y secreto¹. Так вот, прислушайся к совету старика. Претвори свои слабости, — нет, пожалуй, это слишком строго сказано! — забавы и мечты своих юных лет в могущество зрелого возраста. Ну, что ты мне ответишь?

Артур снисходительно усмехнулся. Он вспомнил, как воз-

¹ Здоровый, одинокий, услужливый, скрытный (*исп.*).

негодовал только что священник, услышав от него некую моральную аксиому. Приняв притворно негодующий вид и откинувшись в кресле, он спросил с комическим пафосом:

— А что, отец мой, если сердце мое уже занято, если оно пылает искренней страстью к другой? Уж не дадите ли вы мне совет изменить этому чувству? Страшно подумать!

Отец Фелипе не улыбнулся. По-детски ясная мудрость и учтивость на его широком, смуглом, гладко выбритом лице уступили на минуту место какому-то новому неизъяснимому выражению. Взглянув на Артура своими маленькими черными глазками, он сказал:

— Ты полагаешь, сын мой, что способен на искреннее чувство? Испытывал ли ты в жизни что-либо, кроме страсти к новым впечатлениям и эгоистических желаний?

Артур чопорно поднялся:

— Поскольку речь идет о клиентке нашей фирмы и вашей прихожанке, отец мой, давайте не станем заходить слишком далеко. Едва ли будет прилично, если я явлюсь на завтрашнее деловое свидание к этой даме со следами смущения на лице. А теперь по поводу наших бумаг,— продолжал Артур, обретая прежнюю непринужденность.— Надеюсь, что прелестная невидимка снабдила вас всеми необходимыми документами и мы с вами без особого труда составим резюме. Я вас слушаю.

— Должен разочаровать тебя, сын мой,— сказал отец Фелипе.— Когда я затронул этот вопрос, она оказалась еще неразговорчивее обычного. Мне кажется, что если бы не я, она вообще не стала бы отстаивать свои права. Да и сейчас, если я правильно ее понял, она хочет пойти на мировую с этим разбойником — прости меня за резкость,— с этим, как вы выражаетесь, претендентом на преимущественное право владения. Но я теперь ни в чем не участвую. Все обстоятельства дела известны твоей приятельнице, миссис Сепульвида; у нее и документы. Повидайся с ней. Ты все еще огорчаешься, что не увидишь свою индейскую клиентку? Уверяю тебя, друг мой, ты будешь полностью вознагражден, побеседовав с ее очаровательной заместительницей; к тому же донна Мария одной крови с тобой и одной расы. Постарайся позабыть все, что я тебе о ней говорил. Впрочем, ты не забудешь. Ах, дон Артуро, я тебя знаю лучше, чем самого себя! Ну, хватит. Прождемся по саду. Ты не видел наших виноградников. С тех

пор, что ты был здесь в последний раз, я вырастил новый сорт винограда.

— Слаще вашего старого винограда я не едал, отец мой,— сказал Артур, когда они проходили тенистой маслиновой аллеей.

— Да, да. А индейцы, те вообще его не возделывали. Собирали в диком виде, да и то лишь для того, чтобы изготовлять краску из кожуры. Мешают ее с какой-то кислотой, состав которой хранят в тайне, и натираются, чтобы сделать свою медно-красную кожу еще краснее. Ты не слушаешь меня, дон Артуро, а зря; твоя таинственная клиентка, донна Долорес, как раз такого медно-красного цвета.

Так, развлекая веселой беседой своего спутника и указывая ему на разные любопытные мелочи — на перегруженные плодами ветви престарелой смоковницы, на трещину в глинобитной стене храма, оставшуюся от последнего землетрясения,— отец Фелипе с характерной церемонной учтивостью вел его по древнему саду миссии. Постепенно взаимное доверие и дружеская близость собеседников были восстановлены, и, когда отец Фелипе ненадолго отлучился, чтобы сделать некоторые распоряжения для устройства гостя, недавняя размолвка была уже забыта.

Оставшись один, Артур повернул назад, к распахнутому алтарному входу в храм. Он постоял у входа, потом, повинувшись внезапному желанию, вошел внутрь. Старая церковь, как и все прочее в Сан-Антонио, не претерпела за последние сто лет никаких перемен; во внутреннем убранстве храма не было, пожалуй, ничего такого, чего Артур не видел бы уже в других миссиях. Древние стропила были с варварской пышностью покрашены в красный и коричневый цвет; устрашающие восковые фигуры святых недвижно и беспомощно взирали стеклянными глазами из своих ниш; дева Мария в длинном белом одеянии и шелковых шлепанцах держала на руках младенца Иисуса, запеленатого в отделанную галуном коленкоровую тряпку; была здесь и Мария Магдалина в традиционном уборе испанской аристократки XVIII века. На стенах висели в полагавшемся количестве дурно написанные картины. Покровитель городка, изображенный во весь рост, был нарисован столь дряхлым и отвратительным на вид, что, конечно, ни одна уважающая себя женщина даже не подумала бы его

совращать; а если бы нашлась такая, это явилось бы чудом еще более поразительным, чем воля святого к сопротивлению. На других картинах были изображены истязания мучеников и Страшный суд с тщательно выписанными устрашающими деталями.

Но одна картина, висевшая под самым нефом, приковала к себе взор Артура. Это было расцвеченное фантазией художника изображение Хуниперо Серра, проповедующего святое слово дикарям. Должен сознаться, что внимание молодого человека привлек не героический и добродетельный миссионер и не сентиментальный сюжет картины; он глядел на грациозную полунагую девушку-индианку, в покаянном, по-детски трогательном порыве склонившуюся у ног отца Хуниперо Серра. Во взгляде этой девушки было столько мольбы о прощении, а греховность так не вязалась с поэтическим обликом этого невинного и беспомощного существа, что Артур почувствовал, как сердце заколотилось у него в груди. Быстро отвернувшись, он стал рассматривать другие картины; но взгляд молодой индианки не давал ему покоя, словно преследовал его. Я, кажется, уже предупреждал читателя, что затронуть душу Артура было нелегко. Хоть он и был наделен от природы впечатлительностью и поэтическим воображением, ни атмосфера храма, ни самый замысел картины не оказали на него ни малейшего действия. И все же — полумашинально — он опустился на скамью, положил руки на дубовые перила и склонил на них голову. В эту минуту пухлая рука легла ему на плечо.

Артур резко обернулся; встретив сострадательный взгляд священника, он был в одно и то же время растроган и раздосадован.

— Не сердись, дитя мое, — ласково сказал отец Фелипе. — Я, должно быть, прервал твои мысли.

Несколько более резко, чем обычно в беседе со священником, Артур пояснил, что задумался о сложном юридическом казусе.

— Ах, вот что! — тихо откликнулся священник. — А почему же у тебя на глазах слезы, дон Артуро? Нет, здесь что-то другое! — добавил он про себя, взяв молодого человека под руку и медленно ведя его к выходу из храма в сад, озаренный солнцем.

В КОТОРОЙ ДОННА МАРИЯ ПРОИЗВОДИТ ДОЛЖНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Ранчо Преблаженного Рыбаря глядело прямо в море, как то и полагалось ему. Если покойный владелец ранчо обнаружил подлинное религиозное рвенне, выбирая место для постройки дома, то его прелестная вдова проявила не менее глубокий здравый смысл в совершенствовании своего обиталища и внесла в первоначальный план много непредусмотренных практических улучшений. Суровый абрис замкнутого в глухой ограде низкого квадратного строения из необожженного кирпича был смягчен и приукрашен женской фантазией. Черепичная крыша как бы вытянулась вперед к фасаду, чтобы прикрыть обширную веранду, опирающуюся на увитые диким виноградом колонны, а коридор с креслами для отдыха, наперекор всем испанским обычаям, был преобразован во внешнюю галерею. Внутренний дворик был уничтожен совсем. Чтобы ослабить сумрачное впечатление от тяжеловесной мексиканской архитектуры, на помощь были призваны веселые французские ситцы, изящные кружевные тюли, яркие цветные драпировки. Веранда была уставлена бамбуковыми креслами и кушетками — новинками из Китая; полосатый венецианский тент приглушал сверкание моря. При всем том донна Мария, вынужденная считаться с общественным мнением, которое неодобрительно взирало на все эти новшества и даже склонно было рассматривать их как прямое нарушение вдовьего траура, не рисковала полностью рвать с традициями. Если в одном углу ее гостиной стояло фортепьяно, то в другом была арфа. Если на крышке фортепьяно можно было найти свежерезанный роман, то на мраморном столике посреди гостиной лежал, для всеобщего обозрения, требник. Если на камине красовались богато украшенные французские часы, на которых бронзовая пастушка легкомысленно отсчитывала быстротекущее Время, то чугунное распятие на стене напоминало гостям о Вечности.

Миссис Сепульвида была все утро дома — ждала гостя. Она лежала в манильском гамаке, привешенном к деревянным стойкам веранды; лицо ее, скрытое за сеткой гамака, можно было разглядеть лишь наполовину; в другом конце гамака виднелся кончик крохотного ботинка. Не нужно ду-

мать, что донна Мария намеревалась принять своего гостя, лежа в гамаке.— ничего подобного; она приказала слугам известить ее в ту же секунду, как только незнакомый *caballero* покажется на дороге, ведущей к дому. Не скрою от читателя, что донна Мария, вопреки совету, данному Артуром, успела рассказать во всех подробностях происшествие у Соснового мыса не только своим близким подругам, но также и всем домочадцам. Ранняя стадия женского интереса к представителю мужского пола характеризуется чрезвычайной болтливостью. Лишь позже, когда женщина начинает понимать, что увлечение ее серьезно, она делается скрытной и молчаливой. Сейчас, на второй день после приключений, донна Мария готова была простодушно повествовать о своем герое всем и каждому.

Не помню, описал ли я внешность донны Марии. Если нет, то лучшей возможности мне, пожалуй, не представится. В гамаке она выглядела совсем миниатюрной; движение часто преувеличивает истинный рост женщин; лежа, они кажутся нам меньше. Довольно густые каштановые волосы донны Марии были уложены не самым лучшим образом, в пансионе, пятнадцать лет тому назад, ее приучили гладко причесывать виски. Взгляд карих глаз был приятным; красноватость век могла быть объяснена ее недавним горем и даже в каком-то смысле подобала ее вдовьему положению. В уголках маленького рта залегло по-детски капризное выражение. Следует еще сказать о ровных белых зубках и о переменчивом цвете лица, который мгновенно сообщал как о состоянии духа ее, так и тела. На вид ей было под тридцать, и внешность ее была той безошибочно определяемой внешностью замужней дамы, которой, увы, даже самые любящие и заботливые мужья так быстро наделяют женщину, избранную ими, чтобы холить и нежить до конца ее дней. Личный вклад покойного дона Хосе Сепульвида, обозначенный не менее четко, чем клеймо на принадлежащем ему скоте, легко было различить в тонких линиях, которые шли от ноздрей молодой женщины до самых уголков рта, в запрятанной в них раздражительности или грусти. Прочитавший эти знаки, наверно, сумел бы рассказать о страсти покойного Сепульвида к медвежьей охоте и к бою быков, а также и о склонности его к некоей сеньоре Икс из Сан-Франциско, склонности, ослабить которую не могли ни отдаленность Сан-Антонио, ни бдительность донны Марии.

Когда через час Пепе явился к своей госпоже, чтобы пе-

редать ей визитную карточку Артура Пуанзета и просьбу принять его по делу, донна Мария была несколько разочарована. Если бы он, миновав всех ее слуг, стремительно вбежал на веранду и внезапно предстал перед нею, принося извинения за свою дерзость, это как-то больше пошло бы ему, как герою, да и ближе было бы к общему тону ее мечтаний. Обиженно вздохнув и приказав Пепе привести джентльмена в гостиную, донна Мария грациозно соскользнула со своего гамака и направилась в спальню. «Он соблюдает светские правила так же строго, как если бы дон Хосе был жив», — подумала она, разглядывая себя в зеркале.

Когда Артур Пуанзет вошел в пустую гостиную, настроение его было далеко не благодушным. На лицах глазевших на него *вакero* и в бросаемых исподтишка любопытствующих взглядах женской прислуги дома он прочел, что его вчерашнее приключение известно всем. Избалованный лестным вниманием женщин, Артур вдруг вообразил, что передача дел его клиентки в руки миссис Сепульвида была не чем иным, как заговором, вдохновленным отцом Фелипе для лучшего уловления его в брачные сети. Досада и раздражение Артура, вызванные вчерашними советами священника, еще не улеглись; боясь больше всего на свете прослыть человеком, поддающимся чужому влиянию, он решил ограничить предстоящую беседу строго деловыми рамками и настолько увлекся этой мыслью, что, кажется, даже готов был пренебречь обязательными правилами учтивости. Настроение его несколько не улучшилось, когда миссис Сепульвида, уже позабывшая о своем недавнем разочаровании, легко и непринужденно вошла в комнату, в несколько церемонной полуиспанской манере осведомилась о состоянии его здоровья и, ничем более не напоминая о связавшем их происшествии, пригласила его садиться. Сама она опустилась в кресло по другую сторону стола, показывая всем своим видом любезную, хоть и несколько небрежную готовность выслушать то, что он намерен ей сказать.

— Полагаю, — сказал Артур, немедленно приступая к делу, чтобы побороть смущение и легкое недоброжелательство, которое он начинал испытывать к сидевшей напротив женщине, — полагаю, что в согласии с тем, что мне сообщили, наша беседа должна коснуться не только ваших личных дел, но также некоторых обстоятельств и документов, имеющих отношение к землям донны Долорес Сальватьерра. С чего вы пожелаете начать? Ближайшие два ча-

са я полностью в вашем распоряжении, но, на мой взгляд, мы успеем больше, если займемся сперва одним делом, а потом уже другим.

— Тогда начнем с дел донны Долорес, — сказала донна Мария, — а мои пусть обождут. Я даже думаю, — добавила она лениво, — что моими делами мог бы заняться с тем же успехом один из ваших клерков. Каждый час для вас дорог; это так естественно. А я показала бы ему все бумаги и поделилась бы с ним моими ничего не стоящими соображениями. И он, дон Артуро, составил бы для вас резюме. В делах я совершенное дитя.

Артур улыбнулся и выразил жестом любезное сомнение. Несмотря на свою недавнюю решимость, он был слегка заинтригован дразнящим тоном донны Марии. Сохраняя тем не менее прежний сосредоточенный вид, он достал карандаш и раскрыл записную книжку. Заметив его приготовления, донна Мария тоже посерьезнела.

— Ах да! Как это легкомысленно с моей стороны. Я болтаю о себе, когда нужно обсуждать дела донны Долорес. Что ж, приступим. Прежде всего я хочу объяснить, почему я являюсь ее доверенным лицом. Мой супруг и ее отец дружили между собой и были связаны давними деловыми отношениями. Должно быть, вам уже говорили, что она всегда была замкнута, неразговорчива, преданна религии — почти как монахиня. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что ее одиночество связано с некоторой необычностью ее судьбы. Вы, конечно, знаете, — не так ли? — что мать донны Долорес была индианка. Несколько лет тому назад наш старый губернатор, оставшись бездетным вдовцом, вспомнил о своей заброшенной дочери. Выяснилось, что мать ее умерла, а девочка живет в качестве послушницы в какой-то отдаленной миссии. Он привез ее в Сан-Антонио, крестил ее, дал ей имя, удочерил, сделал своей законной наследницей. Она была еще совсем девчушкой, ей едва минуло четырнадцать или пятнадцать лет. У нее мог быть прелестный цвет кожи — наши метисы бывают иногда почти белые, — но варвары-индейцы, как это у них водится, покрасили ее еще в младенчестве каким-то неведомым и несмываемым зельем. Сейчас она медно-красного оттенка, вроде бронзовой пастушки вон на тех часах. Тем не менее я нахожу ее привлекательной. Быть может, я пристрастна. Я люблю ее. Но ведь вы, мужчины, капризны, когда разбираете оттенки женского лица! Удивительно ли, что бедная девушка ни с кем не видится и отказывается вы-

езжать в свет? Я лично считаю это вопиющей несправедливостью. Простите меня великодушно, мистер Пуанзет! Вместо того чтобы доложить вам о деловых затруднениях вашей клиентки, я пустилась в рассказы о том, хороша ли она собой.

— Нет, почему же? — торопливо возразил Артур.— Рассказывайте все, что найдете нужным.

Миссис Сепульвида лукаво подняла пальчик.

— Ах, вот что, дон Артуро! Так я и думала! Как глупо, что я не позвала ее, чтобы вы сами могли составить о ней мнение.

Раздосадованный, что не может скрыть своего замешательства, и чувствуя, что краснеет, Артур хотел было объясниться, но собеседница его с истинно женским тактом заставила его замолчать.

— Позвольте, я продолжу. Мне чужды предрассудки здешних аристократических семейств в отношении расовых различий и цветов кожи; как и Долорес, я оказалась здесь среди чужих; мы подружились. Сперва она отвергала все мои попытки сблизиться с ней, я сказала бы даже, что она чуждалась меня сильнее, нежели всех прочих, но постепенно у нас установились дружеские отношения. Дружеские отношения, мистер Пуанзет, не *близкие* отношения. Вы, мужчина, можете не поверить мне, но донна Долорес весьма и весьма необычная девушка; еще не было случая, чтобы наша беседа с ней вышла за те пределы, где кончаются общие темы и начинаются личные. А ведь я ее единственный друг!

А отец Фелипе, ее духовник?

Миссис Сепульвида пожала плечами и прибегла к обычной формуле сомнения в Сан-Антонио.

— *Quien sabe!* Но я снова заболталась. Давайте вернемся к делу.

Поднявшись, она открыла ящик секретера, достала конверт и, вынув из него бумаги, стала их перебирать.

— Не так давно в Монтерее была обнаружена дарственная грамота, выданная дону Сальватьерра губернатором Микельторрена; в бумагах Сальватьерры она нигде не значилась. Как выяснилось, эта дарственная отдана им лет пять тому назад дону Педро Руизу, проживающему в Сан-Франциско, в обеспечение займа, срок которого ныне ис-

¹ Кто знает (*исп.*)

тек. Дарственная, как видно по всему, в полном порядке и удостоверена надлежащими свидетельскими подписями. Дон Педро сообщает, что некоторые из подписавших ее свидетелей еще живы.

— Тогда следует оформить права на землю законным путем?

— Вы абсолютно правы, но если бы дело обстояло так просто, никто не стал бы вызывать дона Артуро из Сан-Франциско, чтобы спросить у него совета. Дело сложнее. Дон Педро пишет, что имеется вторая дарственная на ту же землю, выданная другому человеку.

— Увы, в нашей практике мы сталкивались с этим уже не раз,— сказал Артур, улыбаясь.— Однако репутация Сальватьерры, его безупречная честность перевесят, я думаю, любые аргументы, которые сможет предъявить другая сторона. Плохо, разумеется, что его нет в живых и что дарственная обнаружена после его смерти.

— Но того, кому выдана вторая дарственная, тоже нет в живых,— сказала вдова.

— В таком случае претендент не имеет преимущества. Как его имя?

Миссис Сепульвида полистала свои бумаги.

— Доктор Деварджес.

— Как вы сказали?

— Деварджес,— повторила миссис Сепульвида, разбираясь в своих записях.— Довольно странное имя. Должно быть, иностранец. Нет, мистер Пуанзет, вам не стоит смотреть эти бумаги, пока я не перепишу их. Сплошь каракули; все равно вы ничего не разберете. Признаюсь, мне стыдно за мой почерк, но я спешила, чтобы не опоздать к вашему приезду. О, мистер Пуанзет, у вас совсем ледяные руки!

Вскочив со стула, Артур порывисто — чтобы не сказать грубо — схватил бумаги, которые держала донна Мария. Но вдова оказала шутливое сопротивление; делая вид, что борется с противником, она схватила и тут же отпустила руку Пуанзета.

— Как вы побледнели! Боже мой! Уж не простудились ли вы вчера утром? Я в жизни себе этого не прощу. Я выплачу глаза от горя.

Из-под слегка припухших век, грозивших неистощимым потоком слез, донна Мария метнула на собеседника опасный взгляд.

— Какие пустяки! Просто я не выспался сегодня и много проехал верхом,— сказал Артур, потирая руки с не-

сколько смущенной улыбкой.— Простите, я вас прервал. Продолжайте, пожалуйста. Остались ли у доктора Деварджеса наследники, которые могут претендовать на землю?

Но заставить вдову вернуться к деловому разговору было не так-то легко. Она решила, что Артуру необходимо выпить вина. Не угодно ли ему будет откусать, прежде чем они займутся вновь этими противными бумагами? Она устала. Она уверена, что Артур тоже устал.

— Но это моя профессия,— нетерпеливо возразил Артур. Однако тут же спохватился и, улыбнувшись, добавил, что чем скорее они покончат с делом, тем скорее он сможет насладиться гостеприимством хозяйки.

Лицо донны Марии расцвело улыбкой.

— Законных наследников, видимо, нет. Но там живет — как это у вас называется? — человек, самовольно завладевший землей.

— Скваттер? — коротко спросил Пуанзет.

— Да,— согласилась вдова со смешком.— Именно «скваттер». И зовут его,— ах, какой у меня ужасный почерк! — зовут его Гэбриель Конрой.

Не владея собой более, Артур снова протянул руку к бумагам. Вдова кокетливо отбежала к окну и закрыла бумагами свое смеющееся личико; к большому счастью для своего собеседника, ибо он был в эту минуту бел как полотно.

— Да, Гэбриель Конрой,— повторила миссис Сепульвида,— а с ним...

— Его сестра? — спросил Артур сдавленным голосом.

— Нет, сэр! — возразила с легким недовольством миссис Сепульвида.— Не сестра, а жена. Вы, юристы, почему-то всегда игнорируете замужних женщин.

Отвернувшись от нее и устремив взгляд на море, Артур молчал. Потом сказал, как ранее, непринужденно:

— Если вы будете столь любезны и позволите мне переменить мое недавнее решение, я выпью стакан вина с сухариком.

Миссис Сепульвида побежала к двери.

— Вы разрешите мне посмотреть пока ваши заметки? — спросил Артур.

— А вы не станете смеяться над моим почерком?

— Ни в коем случае.

Донна Мария шаловливо кинула ему конверт и выбежала из комнаты. Схватив драгоценные бумаги, Артур бросился к окну. Да, вот они, эти имена. Но ничего более. Он свободно вздохнул.

Было бы неверно думать, что его терзал испуг или рас-

каяние: он просто был поражен неожиданностью происшедшего. Как многие очень впечатлительные люди, он был не чужд суеверию. Услышав имя Деварджеса, он сразу припомнил и сопоставил анализ своего характера, данный вчера отцом Фелипе, грустное вечернее раздумье в храме, случайные обстоятельства, в силу которых именно он — а не его компаньоны — поехал на этот раз в Сан-Антонио, и поразительную находку никому не известной второй губернаторской дарственной, которую именно ему предстояло отстаивать в суде. Однако дотаточно было Артуру освоиться со своими переживаниями, как к нему вернулась обычная быстрота и ясность мысли. Разумеется, он не станет добиваться признания дарственной грамоты Сальватьерры; отговорит от этого и других. Дарственная на имя Деварджеса, конечно, подлинная. Но почему она у Гэбриеля? Если он юридический наследник Деварджеса, почему он не оформит свои права законным порядком? И куда девалась Грейс?

Мысль о Грейс вызвала в его душе легкое сентиментальное чувство, но ни стыда, ни раскаяния он не испытывал. Он был бы искренне рад оказать ей добрую услугу. Поток времени унес с собой то, что было романтического в их отношениях; его нынешнее желание быть ей полезным, без сомнения, лишь свидетельствует о благородстве и изяществе его натуры. Он посоветует своей очаровательной клиентке пойти на компромисс, потом разыщет Гэбриеля и Грейс, потолкует с ними дружески и уладит дело к общему удовольствию. Разве не ясно теперь, что его внезапное волнение — результат чрезмерной совестливости и обостренного чувства чести? Да, он слишком утончен, слишком чувствителен для своей профессии! Только теперь он понял, какой дельный совет дал ему отец Филипе. Нужно надежно застраховать себя от этих романтических бредней!

Когда миссис Сепульвида вернулась, Артур уже полностью восстановил свое душевное равновесие и был весьма доволен собой. Он сказал, что за время ее отсутствия продумал дело до конца и что ценные замечания, которые она сделала, прежде чем передать ему документы, весьма облегчили ему работу. Сейчас он готов перейти к ее делам и тешит себя надеждой, что она изложит их ему столь же ясно и толково, как изложила дела своей подруги. Артур был так любезен и так обаятелен, что, когда их позвали завтракать, вдова была уже без ума от него и даже простила ему свое давешнее разочарование. Когда же после завтрака он

предложил ей проехаться верхом по взморью для того, как сказал он, чтобы позабыть обо всех и всяческих простудах и убедиться на деле, что Сосновый мыс можно обогнуть, не выплывая в открытое море,— она тотчас согласилась, даже не подумав как следует, что скажут об этом городские кумушки. В самом деле, что худого, если она прогуляется верхом с юрисконсультom ее покойного супруга, который посетил ее, как всем известно, по чисто деловому поводу и так дорожит своим временем, что уезжает, даже не доведя дела до конца? А кроме того, с ними поедет Пепе, который будет сопровождать ее на обратном пути.

Ни Артуру, ни донне Марии, разумеется, даже не приходило на ум, что они обгонят толстого и ленивого Пепе; что, помимо дел, у них найдутся и другие темы для разговора; что день так изумительно хорош, что им придется не раз останавливать коней, чтобы полюбоваться сверкающей морской гладью; что шум прибоя так оглушитель, что разговаривать им придется, сблизив головы, и не раз теплое дыхание донны Марии коснется лица Артура; что седло донны Марии ослабнет и ей придется сойти с лошади, чтобы Артур мог подтянуть подпругу, а потом Артуру придется взять ее на руки, чтобы помочь ей снова сесть в седло. В конце концов они успешно обогнули Сосновый мыс, и Артур уже давал последние юридические советы молодой женщине, одной рукой держа ее за руку, а другой высвобождая длинную прядь ее волос, которая по воле ветра вдруг обвилась вокруг его шеи, заставив его невольно покраснеть,— когда мимо по дороге прогромыхала старомодная семейная карета, запряженная четверкой мулов в украшенной серебром сбруе.

Донна Мария, залившись румянцем и рассмеявшись, отодвинулась от Артура и, отняв у него свою руку, послала воздушный поцелуй вслед удалявшейся карете. Артур сконфуженно рассмеялся, в свою очередь, и взглянул на свою спутницу, ожидая разъяснений.

— Вы, как видно, совсем потеряли голову, сударь! Знаете ли вы, кто это проехал?

Артур признался, что не имеет представления. Он даже не заметил кареты.

— Что ж, вы многое потеряли. Это была ваша прелестная юная клиентка.

— Но я даже не видел ее,— засмеялся Артур.

— Зато она вас видела. Она глядела на вас по все глаза. Adios!

ДЕВА ПЕЧАЛИ

— Сегодня ты не уедешь,— сказал отец Фелипе Артуру, когда тот на другой день утром вышел в трапезную к раннему завтраку.

— Не пройдет часа, как я уже буду в пути, отец мой,— весело возразил Артур.

— Да, в пути, только не в Сан-Франциско,— сказал священник.— Послушай-ка, что я скажу. Твое вчерашнее пожелание сбылось. Тебе предстоит свидание с прекрасной индианкой. Я вижу, ты все еще не понимаешь меня. Донна Долорес прислала тебе приглашение.

Лицо Артура выразило удивление. Во всяком случае, оно не выразило той радости, какой ожидал отец Фелипе, и священник, взяв понюшку табаку и подняв глаза к небу, философически пробормотал: «Ah, lo que es el mundo! Когда его желание наконец исполняется, он равнодушен. Пресвятая дева!»

— Приписать ли это вашим заботам, отец мой?

— Избави бог! — поспешно возразил отец Фелипе.— Верь мне, сын мой, я здесь ни при чем. Когда вчера, перед вечерней, донна Долорес уезжала отсюда, она не проронила ни словечка. Должно быть, ты обязан этим твоей приятельнице, миссис Сепульвида.

— Не думаю,— сказал Артур.— Мы так подробно обсудили все обстоятельства дела, что ей не требовалось устраивать мне личное свидание с донной Долорес. Bueno! Пусть будет так! Я еду!

Все же ему было не по себе. За завтраком он молчал и почти ничего не ел. Опасения, так победно развеянные им вчера, вернулись назад и набросились на него с новой силой. Нет ли каких-либо особых обстоятельств, связанных с этой столь неожиданно обнаружившейся дарственной? Миссис Сепульвида могла ведь и не знать о них. Почему таинственная затворница, избегавшая свидания с ним, столь важного для успеха ее дела, вдруг теперь, когда необходимость в свидании отпала, непременно хочет его видеть? Что, если она связана с Гэбриелем и Грейс и ей знакомы

¹ Так устроен мир (исп.)

все обстоятельства их жизни? Что они успели рассказать донне Долорес о нем, Артуре Пуанзете?

Вчера, когда миссис Сепульвида вдруг произнесла имя Гэбриеля Конроя, он встретил возникшую угрозу спокойно, без паники. А сейчас? Что, собственно, нового случилось за это время? Если его ждут какие-либо обвинения, разве не сумеет он их парировать. Экий, право, вздор! И тем не менее с новым тяжелым чувством он принялся раздумывать, не связано ли сегодняшнее приглашение донны Долорес со вчерашней минутной встречей у Соснового мыса? Разве не могло случиться так, что его любезничанье с донной Марией, да еще, быть может, какое-нибудь неосторожное словцо добрейшего, но, право же, совсем выжившего из ума отца Фелипе возмутили его прелестную клиентку, если она осведомлена о его прежнем романе с Грейс? Чтобы быть дурного мнения о другом человеке, вовсе не обязательно быть дурным самому. Чистая, благородная, быстро воспламеняющаяся душа, истолковывая и судя людские поступки, может легко прийти к столь абсурдным и столь прискорбным для человечества выводам, до которых не додумается последний дурак и невежда, погрязший в самых мрачных предрассудках.

Артура лихорадило от всех этих мыслей и догадок, в которых сказывалась противоречивость его характера; если чувствительная сторона его натуры трепетала при мысли о предстоящем свидании, то воинственный инстинкт гнал его вперед. За час до назначенного времени он вскочил в седло и помчался во весь опор к Ранчо Святой Троицы.

Путь лежал прочь от моря; нужно было проехать три лиги к нагорью. Но когда Артур выбрался на плато, словно вытянутое в глубь материка, ровное, без реки, без ручейка, иссушенное яростным солнцем до того, что оно все полопалось от жары и было теперь покрыто зияющими трещинами и расселинами, он невольно придержал коня. Трудно было представить себе что-либо более унылое, монотонное, противное всему живому, чем эта огромная, залитая ярким солнечным светом, безрадостная пустыня. Порой казалось, что это и не суша совсем, а безлюдный, бескрайний океан, вытюженный до неправдоподобной гладкости северо-западными штормами, излившими на него все свое бессильное бешенство. Куда ни проникал взгляд, всюду царило все то же безжизненное однообразие. Даже пасущиеся черные стада, проползавшие по равнине, где-то там, в прозрачной дали, не в силах были оживить

пейзажа; напротив, они лишь подчеркивали мертвенность его застывших очертаний. Ни ветер, ни солнце, ни небо не меняли бесстрастного, ничего не говорящего лика пустыни. Это был словно символ Терпения — безнадежного, истощающего, избыточного Терпения, беспредельного, как сама Вечность.

Артур ехал уже около часа, когда вдруг, в миле перед ним, словно поднявшись из-под земли, на фоне неба обрисовалась какая-то неправильной формы стена. Сперва он подумал, что это *falda*, отрог горной цепи, спустившийся вниз в долину. Но вскоре он различил за темной линией необожженного кирпича грязновато-красную черепицу. Когда же он спустился по склону в русло давно высохшего потока и выбрался на противоположный берег, то оказался у невидимого до того корраля и был встречен воронами в запыленном полуиспанском-полусвященническом одеянии, которые, взлетев, приветствовали хриплым карканьем его прибытие в Ранчо Святой Троицы. За час езды это были первые звуки, нарушившие размеренное позвякивание шпор да стук конских копыт по сухой земле. И тогда, как требовал обычай этих мест, он привстал на стремянах, вонзил шпоры в бока своего мустанга, отпустил длинный, плетенный из конского волоса, украшенный галуном повод и ринулся бешеным галопом прямо туда, где двенадцать *вакеры* с деланно безразличным видом уже целый час ожидали его приезда у ворот усадьбы. Когда он подскакал к ним, они выстроились в два ряда, пропуская его к воротам, приподняли гляцевитые с жесткими полями черные сомбреро, пришпорили своих коней и в ту же секунду исчезли, словно растаяли в воздухе. Когда Артур спешил на каменном мощеном дворе, он был совершенно один.

Появился слуга-индеец и молча принял у него повод. Другой пеон, также не произнеся ни слова, повел его за собой по коридору, где на низких перилах висели серапе и чепраки, поражавшие непривычный взгляд варварским смешением красок, и ввел в переднюю с голыми стенами, где третий индеец, седой старик с лицом, сморщенным, как сухой табачный лист, сидел на низком деревянном ларе в позе терпеливого ожидания. Воззвав к своей легко возбудимой фантазии, Артур тут же представил себе, что индеец сидит здесь с самого основания миссии и поседел, ожидая его — Артура — появления. Поднявшись, индеец обратился к Артуру по-испански со степенными словами приветствия, после чего провёл его в большую по размерам, тщательно обставленную

приемную и с поклоном удалился. Артур уже не впервые сталкивался с этими церемонными обычаями, но на сей раз они, казалось, таили в себе какое-то особое значение, и он с тревогой глядел на растворившуюся дверь в дальнем конце комнаты. Незнакомый пряный аромат напомнил ему не то какое-то восточное курение, не то пахучую индейскую травку; на пороге появилась старуха, согнувшаяся под тяжестью лет, коричневолицая, с сумрачным взглядом. Она почтительно приветствовала гостя:

— Вы дон Артуро Пуанзет?

Артур поклонился.

— Донна Долорес не вполне здорова и просит извинить ее. Она примет вас в своей спальне.

Артур снова поклонился.

— Вуено. Прошу войти.

Она указала на открытую дверь. Узким коридором, пробитым в толще кирпичной стены, Артур прошел в другую комнату и стал в дверях. Хотя после залитого солнцем двора Артур успел побывать в двух комнатах, где царил полумрак, он оказался все же неподготовленным к тьме, которая встретила его в этой комнате. В первые секунды он не различал ничего, кроме неясных очертаний каких-то предметов. Потом он увидел кровать, домашний алтарь и софу в противоположном конце комнаты. Скудный свет, проникавший через узкие окна — две расщелины в толстой стене, — почти не разгонял тьмы. Потом Артур увидел полулежавшую на софе женщину; ее белое платье ниспадало грациозными складками до самого пола; лицо было полузакрыто веером.

— Вы говорите по-испански, дон Артуро? — спросил из-за веера отлично модулированный голос на безукоризненном кастильском наречии. Артур мгновенно повернулся навстречу знакомому голосу; внимать ему было наслаждением.

— Немного.

На самом деле Артур гордился своим испанским языком, но в этом случае скромность его ответа была неподдельной.

— Присядьте, дон Артуро.

Старуха указала ему на стул, стоявший в нескольких шагах от софы, и он сел. В ту же минуту сидевшая напротив него женщина быстрым изящным движением сложила свой большой черный веер и открыла лицо.

Сердце в груди Артура сперва подскочило, а потом, как

ему показалось, перестало биться совсем. На него глядели огромные, сияющие, необыкновенной красоты глаза; черты лица женщины были некрупные, европейского склада, точеные; овал лица идеальный; цвет кожи был цветом полированной меди. Подумав так, он тут же стал искать других сравнений; это мог быть цвет золотистого хереса, пенковой трубки, осенней листвы, коры земляничного дерева. Одно оставалось бесспорным — прекраснее женщины он не видел в своей жизни.

Быть может, дама прочитала в глазах Артура его мысли, потому что она тихо раскрыла свой веер и снова спрятала лицо. Артур жадно озирает изящную фигуру незнакомки вплоть до крохотной ножки в белой шелковой туфельке. Ему пришло в голову, что облакавший ее странный наряд, если не считать того, что он был белым, легко мог бы сойти за монашеское одеяние; капюшон, падавший ей сзади на плечи, усиливал это сходство.

— Вы удивлены, дон Артуро, — сказала она, помолчав, — что после того, как я обсудила с вами все свои дела через доверенное лицо, я все же позвала вас. Дело в том, что я переменяла свое намерение и решила отказаться от законного оформления дарственной.

Артур уже снова был самим собой — и настороже. Слова собеседницы разом вернули его к прошлому, которое только что заполняло все его мысли; даже восхитительные каденции в ее голосе утратили власть над ним и не в силах были утишить поднявшуюся вновь тревогу. Он почувствовал, что худшее — впереди. Внешне он оставался спокойным, но был подтянут, бдителен, начеку.

— Нашлись какие-нибудь новые данные, поколебавшие вашу претензию? — спросил он.

— Нет, — ответила донна Долорес.

— Значит, имеются какие-то обстоятельства или факты, которые упустила миссис Сепульвида? — сказал Артур. — Позвольте, я сообщу вам все, что мне от нее известно.

С привычной четкостью, пользуясь лапидарными юридическими формулами, Артур изложил существо рассказа миссис Сепульвида. Он ничем не обнаружил, что видит, как прелестная испанка сквозь прорези веера изучает его лицо с прилежностью, которую нельзя было объяснить одним только женским любопытством. Когда он закончил, она сказала:

— Bueno. Это то, что я ей сообщила.

— Вы желаете что-нибудь добавить?

— Пожалуй...

Скрестив руки, Артур приготовился слушать. Донна Долорес перебирала пластины своего веера, словно это были четки.

— Мне стали известны некоторые новые обстоятельства дела, дон Артуро; с юридической точки зрения они могут показаться пустячными, но меня, женщину, они волнуют. Когда я расскажу вам о них, вы, наверное, ответите, что они нисколько не затрагивают юридических прав моего... отца... на эту землю. Быть может, мое решение покажется вам даже смешным. Но, поскольку я все равно уже вовлекла вас в хлопоты, я хочу, чтобы вы не думали, будто я меняю свои решения по капризу, чтобы вы точно знали, почему ваш визит сюда не дал результатов, и вы, прославленный адвокат, вынуждены были потратить свое драгоценное время на беседы с моей милой донной Марией.

Если бы Артур не был так погружен в свои размышления, он, конечно, уловил бы особые, чисто женские нотки, прозвучавшие в последних словах донны Долорес; обычно такие детали не проходили мимо его внимания; но сейчас он лишь потрогал слегка свои каштановые усы и поглядел в окно с видом терпеливым и снисходительным.

— Нет, я действую не по капризу, дон Артуро. Но я женщина, я сирота. Вы знаете историю моей жизни. Единственный близкий человек покинул меня одну на этом свете, оставив владелицей огромных земель. Выслушайте мой рассказ, дон Артуро, и вы поймете меня или, по крайней мере, простите мне странное, быть может, пристрастие к людям, которые претендуют сейчас на эту землю. Ведь все, что с ними произошло, все, что случилось *с ней*, могло случиться так и со мной, будь на то воля пресвятой девы!

— О ком вы говорите? Что значит «*с ней*»? — спросил Артур.

— Простите, я принялась за рассказ так, словно вы обо всем уже знаете. Видите ли, вам сказали, что на эту землю претендуют двос: муж и жена. Его зовут Гэбриель Конрой, не так ли? Вам сказали, что они имеют на руках дарственную, не так ли? Так вот, все это неверно!

Артур обернулся к своей собеседнице, не скрывая удивления.

— То, что вы говорите, для меня совершенная новость. Дело меняется коренным образом.

— Этого я не утверждаю, — равнодушно возразила донна Долорес. — И не о том я веду речь. Суть вот в чем.

Доктор Деварджес, который имел дарственную на ту же землю, что и мы, подарил ее сестре Гэбриеля. Теперь вам ясно?

Она умолкла и устремила взгляд на Артура.

— Совершенно ясно,— сказал Артур, глядя по-прежнему в окно.— Это объясняет нам, откуда взялся Гэбриель. Но жива ли она? А если она умерла, располагает ли ее брат правом наследования? Вот решающий вопрос, вопрос, извините меня, чисто юридический, который не следует осложнять посторонними, не идущими к делу переживаниями. Была ли эта исчезнувшая женщина, его сестра, единственной законной владелицей дарственной грамоты, была ли она замужем, был ли у нее ребенок,— вот что нам важно выяснить. Муж, как и ребенок, в данном случае, законные наследники.

Последовала продолжительная пауза; не дождавшись ответа, Артур повернулся к донне Долорес. Она, как видно, успела позвать старуху-служанку, и та теперь, нагнувшись, стояла над ней, заслоняя ее от Артура. Старуха тут же удалилась, оставив их снова вдвоем.

— Вы правы, дон Артуро,— сказала донна Долорес, опять укрывшись за веером.— Теперь вы сами видите, как правильно я поступила, решив посоветоваться с вами. То, что я сочла своей прихотью, еще может оказаться в нашем деле важным юридическим доводом, почему знать? Хорошо, что вы направили мою мысль по этому руслу. Мы, женщины, легкомысленны. А вы так разумны, так проницательны. Нет, я правильно сделала, что позвала вас.

Артур кивнул и выразил на лице ту профессиональную снисходительность, которая приводит одновременно в бешенство и в восторг человека, прибегающего к помощи адвоката.

— Итак, истинная наследница бесследно пропала. Куда она делась, не знает никто. Поиски не дают результата. И вот появляется самозванка, которая выдает себя за его сестру, называет себя Грейс Конрой.

— Одну минуту,— тихо промолвил Артур,— почему вы думаете, что она самозванка?

— Почему... я... так думаю?

— Да, на чем вы основываете свое мнение?

— Мне так сказали.

— Ах, вам так сказали,— откликнулся Артур, возвращаясь к профессиональной снисходительности.

— Вам требуются доказательства? — взволнованно

спросила донна Долорес.— Извольте. Она вышла замуж за Гэбриеля, которого до того называла своим братом.

— С точки зрения морали — это веский аргумент,— холодно отозвался Артур,— и он может сыграть свою роль в случае судебного разбирательства; само же по себе названное вами обстоятельство не отнимает у этой женщины права доказывать, что она сестра Гэбриеля Конроя, если конечно, она располагает надлежащими документами. Прошу прощения, я прервал вас.

— Я кончила,— сказала донна Долорес, выпрямляясь с некоторой досадой.

— Отлично. Тогда разрешите резюмировать. У вас имеется дарственная на землю, которой фактически владеет скваттер, претендующий на нее от имени своей жены или сестры — юридически это не имеет значения,— наследницы некоего доктора Деварджеса, получившего в свое время дарственную грамоту на ту же землю.

— Да,— нерешительно согласилась донна Долорес.

— Итак, надлежит решить вопрос, кто законный владелец земли, вы или доктор Деварджес? Дело сводится к проверке ваших юридических прав. Все остальное, что вы мне рассказали, прямого отношения к делу не имеет. Еще один вопрос: не можете ли вы сообщить, откуда у вас все эти сведения?

— Я получила письмо.

— От кого?

— Без подписи. Анонимное. Но тот, кто писал, заявляет, что может подтвердить каждое свое слово.

Улыбнувшись с видом подавляющего превосходства, Артур поднялся.

— Не считите дерзким мое любопытство, но я хотел бы знать, есть ли у вас иные основания для отказа от ценной собственности, помимо полученного вами письма?

— Я уже сказала вам, дон Артуро, что для меня это не юридический вопрос,— ответила донна Долорес, усиленно обмахиваясь веером.

— Хорошо. Позвольте тогда, поскольку вы оказываете мне столь высокую честь и просите моего совета, рассмотреть интересующее вас дело со стороны моральной и общечеловеческой. Начнем с того, что сироты, о которой вы печетесь, по-видимому, вообще нет в живых.

А ее брат?

— Как видите, чтобы закрепить за собой землю, он до-

говорился с самозванкой и женился на ней. Можно ли быть уверенным, что этот брат тоже не самозванец?

— Нет, конечно, — сказала задумчиво донна Долорес.

— Короче говоря, даже став на вашу позицию, я не вижу ни малейших оснований отказываться от имеющихся у вас прав на землю. Сирота, которой вы симпатизируете, пока что в этом деле никак не участвует. Против вас выступает ее брат, который, как мы видим, торгует правами своей сестры. Ваши намерения весьма благородны и похвальны, но они могут иметь практическое значение лишь в том случае, если суд отвергнет дарственную грамоту Деварджеса. Мой совет — довести разбирательство до суда. Правое дело не всегда побеждает, но, сколько я смог заключить из личного опыта, правое дело должно отстаивать свою правоту, чтобы доказать, что оно правое. Если же оно не отстаивает себя, нет способа отличить его от неправого.

— Вы мудрец, дон Артуро. Но я заметила, что вы, адвокаты, часто заботитесь об интересах той лишь стороны, которую защищаете. Я не хочу вас обидеть, конечно, но предположите на минуту, что перед вами не я, а Грейс; что вы посоветовали бы ей?

— То же, что и вам. Бороться! Если бы я мог оспорить ваши права на землю, я немедленно подал бы в суд. Обстоятельства дела таковы, что следует бороться, даже независимо от того, какую роль играет эта женщина, жена или сестра Гэбриеля. Как могло случиться, что Гэбриель давным-давно не заявил о своих правах на землю? Ваш анонимный корреспондент молчит. А ведь этот факт в *вашу* пользу.

— Вы забываете, что *наша* дарственная лишь недавно обнаружена.

— Допустим. Но это еще не доказывает приоритета *их* дарственной. А исчезновение прямой наследницы опять в *вашу* пользу.

— Почему вы так думаете?

— Присяжные всегда готовы поддержать красотку сироту, в особенности если она бедна.

— Откуда вам известно, что она красива? — живо спросила донна Долорес.

— Это мое предположение. Красота — привелегия сиротства. — Артур поклонился с шутливой галантностью.

— Вы мудрец, дон Артуро. Я желаю вам дожить до глубокой старости.

Насмешливые нотки в голосе донны Долорес были слишком явными, чтобы их долее можно было игнорировать. Все в Артуре восстало против такого обращения с ним. Непонятная сила ее красоты, которой он не мог противиться, высокомерный тон, который объяснялся либо тем, что она сознавала свою могучую власть над людьми, либо тем, что она была осведомлена о его — Артура — прошлом, — все будило в нем холодную ярость. Он понимал, что о донне Долорес шла слава как о глубоко религиозной женщине и строгой моралистке. Если бы сейчас ей вздумалось вдруг обвинить его в том, что он преднамеренно бросил Грейс, что он строит заранее рассчитанные планы в отношении миссис Сепульвида, он, не колеблясь признал бы справедливость ее упреков, даже не подумав объясниться или оправдывать свои действия. Он отлично понимал, что утратил бы навсегда уважение донны Долорес, которое за последние несколько минут вдруг стало ему очень дорого. Однако удовлетворение, которое он получил бы, поступив таким образом, перевешивало для него сейчас все прочие соображения. Такова была одна из особенностей его характера. Он называл это «быть честным с самим собой», и в каком-то смысле был прав.

Артур поднялся и, почтительно стоя перед своей очаровательной клиенткой, спросил:

— Пришли вы к окончательному решению? Должен ли я отстаивать ваши права и выгнать захватчиков или же вы желаете предоставить им невозбранное право владеть вашей землей?

— А что вы мне посоветуете? — спросила донна Долорес, не сводя глаз с Артура.

— Я уже дал вам совет, — отозвался Артур с терпеливой улыбкой. — Я считаю, что как с юридической, так и с моральной точки зрения ваша обязанность заключается в том, чтобы отстаивать свое право на землю.

Донна Долорес отвела взгляд. Чувствовалось, что она не вполне удовлетворена ответом.

— Bueno. Обождем. У нас еще есть время. Присядьте, дон Артуро. Как, вы даже не хотите остаться у нас до утра?

— К глубокому моему сожалению, — почтительно возразил Артур, — я должен немедленно вернуться в миссию. Я и так задержался на лишний день. Меня ждут завтра в Сан-Франциско.

— Ничего, пусть обождут. Вы напишете, что задержались по неотложному делу, а Диего на моей Ховите отве-

зет ваше письмо к сегодняшнему пароходу. Завтра оно будет в Сан-Франциско.

Он не успел ничего возразить, как она позвонила в стоявший возле нее бронзовый колокольчик.

— Но, позвольте, донна Долорес...— начал Артур.

— Я все понимаю,— прервала его донна Долорес.— Диего,— торопливо продолжала она, обращаясь к вошедшему слуге,— быстро оседлай Ховиту и приготовься сам. Потом придешь сюда. Простите, я вас не дослушала,— обратилась она снова к Артуру.— Я знаю, вы хотите сказать, что время для вас дорого. Если вы не прибудете вовремя в Сан-Франциско, ваша фирма может потерпеть большие убытки. Что ж! Напишите вашим компаньонам, что я принимаю все расходы на себя. Никто из ваших клиентов не заплатит вам дороже, нежели заплачу я. Сейчас я хочу, чтобы вы были здесь.

Чувствуя себя раздосадованным и даже оскорбленным, Артур в то же время не мог не восхититься своей собеседницей. Гордая речь, неограниченная власть над сотней слуг, небрежность, с которой она распоряжалась своими несметными богатствами,— все это удивительно шло к ней. Сейчас ее бронзовые щеки порозовели от волнения, она повелительно стучала по полу крохотной туфелькой, глаза ее сверкали во мраке. Вдруг, словно придя в себя, она обратилась к Артуру со словами извинения:

— Простите меня. Я поступила неправильно. Не сердитесь, дон Артуро. Я избалованная женщина. Вот уже пять лет я повинуюсь только своим желаниям. Иногда я забываю, что за пределами моего маленького королевства существует другой мир. Поезжайте. И раз уж вы так решили, поезжайте немедленно!

Она откинулась на спинку софы, закрыла веером нижнюю часть лица и опустила длинные ресницы с выражением раскаяния и усталости. Артур стоял перед ней, колеблясь, какое решение ему принять; раздумья его были недолги.

— Благодарю вас, что вы даете мне возможность выполнить свой долг, не отказывая себе в то же время и в удовольствии. Если ваш гонец достаточно проворен и надежен, беспокоиться не о чем. Я охотно останусь.

Она бросила на него быстрый взгляд и улыбнулась. Должно быть, этот маленький надменный рот, эти темные печальные глаза не были приучены к улыбке. На словно затененном лице сверкнули зубки ослепляющей белизны. Улыбка пропала, оставив две ямочки на светло-коричне-

вых щеках и влажный блеск в глубине темных глаз. Кровь бросилась в лицо Артуру.

— В соседней комнате вы найдете письменные принадлежности. Диего придет к вам за письмом,— сказала донна Долорес.— Мы скоро увидимся. Благодарю вас.

Она протянула маленькую коричневую руку. На мгновение Артур склонился над ней и, чувствуя, как сильно колотится у него сердце, удалился в соседнюю комнату. Как только дверь за ним закрылась, донна Долорес сложила веер, упала на софу и торопливо позвала:

— Мануэла!

Старуха с встревоженным лицом бросилась к софе. Но она опоздала. Госпожа ее лежала без чувств.

Глава 7

ЛИСТОК ИЗ ПРОШЛОГО

В письме к компаньонам Артур кратко объяснил причины задержки, закончил же фразой: «Срочно разыщите в архивах все, связанное с дарственной грамотой на имя Девард-жеса».

Едва он кончил письмо, в комнату вошел готовый в путь Диего. Когда он удалился, Артур остался один, с нетерпением ожидая появления донны Долорес. К его немалому разочарованию, в комнату степенной походкой, подобно темноликому призраку, вошел сумрачный мажордом и, не промолвив ни слова, жестом, достойным Командора из оперы Моцарта, пригласил Артура следовать в отведенную ему комнату. В согласии с общей солнцелюбивостью, которой страдает испано-калифорнийская архитектура, комната была узкой и длинной, с низким потолком, погруженная в полумрак; два зарешеченных окна по обе стороны двери глядели в коридор и далее на внутренний дворик; напротив, в толще стены было пробито крохотное отверстие наподобие бойницы, через которое можно было узреть бескрайнюю, сияющую на солнце равнину. Немеркнувший, беспощадно режущий глаз дневной свет не допускался в келью; безумный, ни сна, ни отдыха не ведавший ветер, день и ночь бившийся в унылые стены, тоже не мог дать знать о себе в глубокой раздумчивой тишине этих монастырских покоев.

Но на тешащем душу аскетическом фоне особенно сильное впечатление производила характерно-испанская роскошь обстановки. В занавешенном алькове стояла громадная кровать красного дерева с желтым шелковым покрывалом, сплошь расшитым розовыми и пурпурными цветами. Простыня и наволочки были оторочены дорогим кружевом. Возле кровати и перед мягким креслом на темном деревянном полу лежали ковры варварски яркой расцветки, а у глубоко врезанного в стену очага была брошена огромная медвежья шкура. Над очагом висело распятие из слоновой кости с золотом; по стенам — изображения святых и мучеников вперемежку с современными гравюрами.

Артура удивило, что на всех картинах светского содержания неизменно был изображен зимний пейзаж. Монастырская гостиница на Сен-Бернаре, горный перевал в Австрийском Тироле, русские степи зимой и снежная равнина в Норвегии совокупно понизили для впечатлительного Артура температуру в комнате на несколько градусов. А небольшая акварель с изображением альпийской фиалки так тронула его, словно цветок напомнил ему о каких-то забытых тревогах.

Донна Долорес прислала сказать, что не может выйти к столу из-за нездоровья, и обед прошел торжественно и уныло. Хозяева дома были представлены родственником покойного дона Хосе Сальватьерра, который распространяя застарелый запах табака, пытался комментировать некоторые давно позабытые политические события. Артур, разочарованный отсутствием донны Долорес, сурово глядел на собеседника и беспощадно пресекал даже малейшую попытку перевести разговор на дело, по поводу которого был сюда приглашен. Позже, не дождавшись никаких вестей от донны Долорес и выкурив послеобеденную сигару, он начал сожалеть, что остался, и пришел в ярость, припомнив, почему именно он так поступил. Он стал уже размышлять, как выбраться отсюда, и даже подумал, что было бы недурно нанести неожиданный визит миссис Сепульвида, когда неожиданно вошла Мануэла.

— Не угодно ли будет дону Артуру почтить донну Долорес беседой и советом?

Дон Артуро почувствовал, что краснеет, и был не вполне уверен, что как раз в данный момент сумеет дать своей клиентке достаточно разумный и дельный совет, однако, слегка кивнув индианке, последовал за ней. Они прошли в ту же комнату, где он был ранее. Можно было подумать,

что донна Долорес не шевельнулась с тех пор, как он ушел — настолько неизменными были и вся окружающая обстановка, и ее поза на софе. Когда он почтительно приблизился к ней, то ощутил прежний аромат и почувствовал то же непонятно магнетическое действие ее темных глаз, призывавшее его, наперекор его желанию, глядеть на нее в упор.

— Вы, должно быть, презираете меня, дон Артуро. У вас на родине крепкие подвижные женщины, а я мала, слаба и ленива к тому же, да простит меня пресвятая дева! Но я — после тяжелой болезни и чувствую себя еще не вполне здоровой. Да и привыкла я к такой жизни. Я провожу здесь целые дни, дон Артуро, в полном безделье. Это совсем не весело, уверяю вас. Все гляжу да жду чего-то. И так день за днем. А дни похожи один на другой.

Что-то бесконечно нежное и жалобное прозвучало в ее голосе, или то была просто характерная интонация кастильского говора в устах женщины, но Артуру почудилось в этих звуках нечто глубоко личное, и он долго не мог заставить себя взглянуть в глаза своей собеседнице, хотя все время чувствовал на себе ее взгляд. Наконец в отчаянии он обратил взор на черный веер.

— Значит, вы тяжело хворали, донна Долорес?

— Да, я такая страдалница!

— А почему бы вам не переменить обстановку, не поехать куда-нибудь? Деньги у вас есть, вы не обременены семейными обязанностями, вы свободны поступать, как находите нужным, — сказал он, по-прежнему адресуя свою речь всееру.

Но тут веер под действием его взгляда вдруг стал вести себя как живое существо; он дрогнул, затрепетал, поник, а потом томно и кокетливо сложил свои крылышки. Артур лишился последней защиты.

— Быть может, вы и правы, как знать? — сказала донна Долорес. Она помолчала, потом сделала знак Мануэле; индианка встала и вышла из комнаты. — Мне нужно кое-что рассказать вам, дон Артуро. Собственно, я должна была сделать это еще утром, но и сейчас не поздно. То, что расскажу вам, — тайна. Я не сразу решилась расстаться с ней, потому что не уверена, что имею на это право; не потому, конечно, что сколько-нибудь в вас сомневалась.

Артур взглянул на собеседницу. Теперь настала ее оче-

редь отвести взор. Опустив пушистые ресницы, она продолжала свою речь:

— Это случилось пять лет тому назад; мой отец — да почиет он в мире — был еще жив. Однажды к нам — мы жили тогда в пресидио Сан-Джеронимо — явилась юная девушка-американка, одинокая, беспомощная. Она спаслась из затерянного в горах снежного лагеря, где умирали от голода ее родные и близкие. Так она сказала моему отцу. Как вы считаете, можно было верить ее словам?

Ничего не ответив, Артур утвердительно кивнул.

— Но назвалась она, как выяснилось потом, чужим именем. Отец отправил спасательную партию, чтобы спасти этих людей, и там, среди мертвецов, нашли молодую женщину, имя которой присвоила эта девушка. Так следовало из их доклада. И та, что была мертва, и та, что пришла к нам, носили одно и то же имя — Грейс Конрой.

Даже мускул не дрогнул на лице Артура. Взор его был прикован к опущенным векам его собеседницы.

— Странная это была история, очень странная. Особенно поразительным было то, что девушка сперва назвала себя иначе, она сказала, что ее зовут Грейс Эшли. Потом она объяснила, что Эшли — фамилия молодого человека, который помог ей спастись, что она решила сперва выдать себя за его сестру.

Отец мой был добрый, прекрасный человек; он был святой человек, дон Артуро. Он не стал разбираться, кто она на самом деле: Грейс Эшли или же Грейс Конрой; для него было довольно того, что перед ним слабое, обиженное создание. Невзирая на уговоры своих секретарей и помощников, он принял ее в дом, как родную дочь, чтобы она могла под его крылом спокойно ждать, пока не явится за ней ее брат, этот самый Филип Эшли. Но Филип Эшли так и не пришел. Через шесть месяцев она занемогла, тяжело занемогла, она дала жизнь ребенку, дон Артуро, и потом оба — мать и дитя — скончались, да, скончались у меня на руках.

— Как прискорбно все это! — пробормотал Артур.

— Я вас не понимаю, — сказала донна Долорес.

— Прошу прощения, я должен объяснить свои слова. Я сказал, что это прискорбно, потому что я уверен, что девушка, о которой вы рассказали, эта таинственная незна-

комка под чужим именем, была действительно Грейс Конрой.

Донна Долорес подняла недоумевающий взор.

— Почему вы так уверены?

— Оpozнание трупов было произведено поспешно и недостаточно тщательно.

— Откуда вы можете это знать?

Артур поднялся и пододвинул стул поближе к своей очаровательной клиентке.

— Вы были так добры, что решились доверить мне важную тайну, затрагивающую честь другого человека. Позвольте и мне сообщить вам тайну и тем показать, как высоко я ценю ваше доверие. Я знаю, что опознание мертвых тел было произведено недостаточно тщательно потому, что я при этом присутствовал. В докладе спасательной экспедиции — полагаю, вы читали его — упомянуто имя лейтенанта Артура Пуанзета. Это я.

Донна Долорес выпрямилась.

— Почему вы не сказали мне об этом сразу?

— Во-первых, я считал, что вы знаете, что я бывший лейтенант Пуанзет. Во-вторых, я надеялся, что вам неизвестно, что Артур Пуанзет и Филип Эшли — одно и то же лицо.

— Я не понимаю вас, — медленно промолвила донна Долорес с резкими металлическими нотками в голосе.

— Я бывший лейтенант американской армии Артур Пуанзет. В Голодном лагере, где я был вместе с Грейс Конрой, я называл себя вымышленным именем — Филип Эшли. Я тот человек, который бросил ее в беде. Я — отец ее ребенка.

Когда Артур входил в комнату, он не имел ни малейшего намерения делать подобные признания; но какая-то внутренняя побудительная сила, с которой он не умел совладать, толкнула его на это. Сейчас он не испытывал ни смущения, ни страха перед последствиями своего поступка; он гордо откинулся на спинку стула с видом уверенным и независимым. Если бы он высказал только что какое-нибудь высокоморальное суждение, то и тогда не мог бы испытать большего покоя. Мало того, в его голосе послышалась надменность, когда, не дав ошеломленной, онемевшей жевщине возможности прийти в себя, он обратился к ней со следующими словами:

— Сейчас вы вправе решать, подходящему ли для того лицу вы доверили свою тайну. Вам надлежит также решить, как вам действовать дальше и подхожу ли я, чтобы быть адвокатом в деле, в котором вы заинтересованы. Со своей стороны, могу лишь сказать, донна Долорес, что я готов выступить как в качестве адвоката, так и свидетелем, если понадобится установить личность Грейс Конрой, или — если вам будет угодно — в качестве того и другого. Когда вы примете окончательное решение о том, пожелаете ли вы воспользоваться моими услугами, прошу вас поставить меня в известность. Пока же — *adios!*

Он поклонился с некоторой торжественностью и направился к двери. Когда донна Долорес подняла изумленный взгляд, его уже не было.

С прискорбием должен сообщить, что, когда этот тщеславный молодой человек входил в свою комнату, он чувствовал себя героем, совершившим некий интеллектуальный, я даже сказал бы, моральный подвиг. С самого прибытия сюда он еще не был в таком отличном, приподнятом настроении, как сейчас. Посидев немного у себя в комнате, он вышел на веранду. Если бы его лошадь была под седлом, он охотно пустился бы вскачь по окрестным пологим холмам — пока его прелестная клиентка будет обдумывать свое решение; но уже наступила дневная сиеста, и двор был пуст. Яростный ветер безраздельно владел и небом и землей. Что-то родственное настроению Артура было сейчас в этом ветре. Он бросил рассеянный взгляд на веранду, слегка вздрогнул, когда хлопнула дверь где-то в отдаленной части дома, беспокойно подумал, уж не ищет ли его посланный от донны Долорес, и ступил за ворота.

Глава 8

БЫКИ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ

Бескрайние просторы кругом, веселящий душу солнечный день, встречный ветер, который приходилось преодолевать, словно некую упругую преграду, целиком захватили внимание Артура, и не прошло десяти минут, как он, отогнав от себя наважение, размашисто шагал прочь от сум-

рачных башен Ранчо Святой Троицы. Пейзаж, еще недавно казавшийся ему однообразным и унылым, теперь пробуждал в нем интерес. В невысоких куполообразных холмах, грудившихся окрест, словно некие земляные пузыри, лишь наполовину выдутые яростным дыханием пробудившегося к жизни вулкана, он разглядел прообразы калифорнийской церковной архитектуры. В равнинной шире он распознал никогда и ничем не нарушаемое вековое течение жизни, наложившее свой отпечаток на неулыбчивый, многотерпеливый характер коренных обитателей страны. А не ведавший покоя ветер, неистовавший над равниной, гнавший упорно и настойчиво все, что желало расти (за вычетом разве лишь узкой полосы карликовых ив на краю высохшего русла), в глубокие каньоны и наподветренные склоны холмов, он сравнивал с беспокойным племенем, к которому принадлежал сам, и не удивлялся более тому, что страна казалась захватчикам бесплодной пустыней.

— Клянусь, — пробормотал он про себя, — где-нибудь с подветренной стороны в душе этого народа цветут невиданные цветы, но нам никогда их не увидеть. Почему знать, быть может, и у донны Долорес...

Тут он прервал себя, рассерженный, а если по правде сказать, то и немного испуганный тем, что донна Долорес так легко проникла в его мысли, занятые вполне отвлеченными материями.

Впрочем, было еще одно обстоятельство, заставившее его сейчас изгнать из мыслей донну Долорес.

Шагая стремительным шагом вперед, Артур примечал время от времени как случайную и преходящую черту пейзажа огромные стада скота, беспорядочно передвигавшиеся по равнине. Внезапно, окружающее предстало перед ним в новом свете. Он увидел, что движение скота не было ни случайным, ни беспорядочным. Стада двигались по равнине, подчиняясь строгой системе. Они сближались между собой, тяготая к единому центру. И этим центром был он сам.

Куда ни бросал он взгляд, вперед, назад, направо, налево, на сумрачные вершины холмов, на склон горы, на пересохшее русло *арройо*¹ — всюду по сходящимся к единому центру радиусам неуклонно наступали на него темные ряды. Хотя

¹ Ручей, поток (исп.).

он шагал довольно быстро и держал путь в определенном направлении, он оставался сейчас. по-видимому, единственной мертвой точкой во вдруг ожившем пейзаже. Казалось, вся равнина пришла в движение. То было небыстрое движение, однако непреодолимое и неукоснительное, подчиненное слепому инстинкту двигавшихся существ. Одинокий, беспомощный. Он был невольным центром стекающих воедино гигантских полчищ, численность и мощь которых было невозможно измерить.

Сперва он нашел все это забавным. Потом решил, что на его долю выпало весьма интересное приключение. Потом стал думать, как ему наиболее разумным образом выйти из западни. А потом... потом быстрым усилием воли заставил себя отказаться от неизбежных выводов, чтобы не упасть заранее духом и сохранить силы для предстоящей борьбы. Он остановился, поглядел назад, но не увидел Ранчо Святой Троицы. Куда же подевалась *асьенда*¹? Сквозь землю провалилась, что ли? Или он заблудился, ушел далеко в сторону? На самом деле Артур просто перевалил небольшую возвышенность, лежавшую за корралем, и *асьенда*, оставшаяся в каких-нибудь двух милях позади, скрылась из вида.

Это была первая неожиданность, поразившая его как внезапный удар по лбу. Но те же колдовские чары действовали и в тылу. Когда он повернулся еще раз, чтобы отыскать путь, которым ехал из миссии, он увидел в каких-нибудь пятидесяти ярдах от себя сотни выпученных бычьих глаз. Встретив его взгляд, животные, стоявшие в первом ряду, повернули спину; в точности то же сделал второй ряд, третий, четвертый; как войско, повинующееся единой команде, все стадо на глазах Артура повернуло кругом. С пробудившейся надеждой, которую он поспешил отогнать прочь, так же, как только что чувство страха, Артур двинулся вперед, постепенно убыстряя шаг, пока ближайšie к нему быки не затрусили прочь тихой рысцой. Они заставили идти стоявших за ними, те — следующих, и вот все стадо покатилося вспять подобно огромному, волнующемуся морю. Он пересек *арройо* и уже миновал корраль, когда поднятое тысячами копыт густое слепящее облако пыли

¹ Усадьба (*исп.*).

заставило его остановиться. Он и раньше слышал позади какой-то смутный гул, который поначалу легко было принять за призрак близящегося землетрясения, но сейчас гул заметно усилился. Артур оглянулся. Менее чем в двадцати ярдах от него чернела движущаяся стена голов, рогов и копыт, передовой вал второго волнующегося моря, неспешно следовавшего по его стопам. Как мог он позабыть, что окружен со всех сторон!

Животные в первом ряду были уже так близко от него, что он мог рассмотреть каждое в отдельности. Быки не были крупными или очень сильными; не чувствовалось в них и злобы или свирепости. Худые, истощенные и жалкие, они выросли здесь в суровых условиях, привычные к голодовке, к шестимесячной засухе, к терзающему их денно и нощно ветру. Правда, они были дикими и не повиновались человеку, но сейчас их выпученные глаза и нервно подергивающиеся головы выражали одно только невинное любопытство. Когда он с криком бросился им навстречу, быки повернули спину и друг за другом, ряд за рядом обратились в бегство, в точности как те, другие, которых он прогнал незадолго до того. О да, он уверен был, что прогнал их прочь, считал так до той самой минуты, пока не обернулся вновь и не узрел перед собой шишковатые лбы и сцепившиеся рога своих прежних знакомцев. За несколько минут, что он воевал со вторым стадом, они вернулись назад.

С привычной быстротой и логичностью мысли Артур проанализировал свое положение и счел его безнадежным. Развязка была теперь лишь вопросом времени; а времени оставалось совсем мало. Сумеет ли он достигнуть ранчо? Конечно, нет? Успеет ли добраться до корраля? Быть может, да. Между ним и корралем толпилось тысячное стадо. Отступит ли оно перед ним? Быть может, отступит. Но не нагонит ли его второе, преследующее стадо?

Чтобы решить один из этих вопросов, он вытащил из жилетного кармана крохотный «дерринджен», единственное оружие, какое имел при себе, и выстрелил в ближайшего быка. Пуля поразила быка в плечо, и он повалился на колени. Как и рассчитывал Артур, животные, шедшие рядом, остановились и принялись обнюхивать своего раненого товарища. Но вслед за тем произошло нечто, чего Артур не предвидел: напиравшее сзади в слепом порыве стадо

пересилило их, толкнуло вперед, и не прошло и минуты, как несчастное раненое животное было затоптано на смерть тысячами копыт. С ужасающей ясностью поняв, что это и есть ожидающая его судьба, Артур повернул к коралю и побежал что было духу.

Он бежал, зная, что ускоряет тем свою гибель; но другого ничего сделать не мог. Он бежал, слыша, как сзади гудит земля; стадо мчалось за ним. Он бежал, видя, как второе стадо, впереди, столь же стремительно убегает от него, но думать мог только об одном, о настигающей его судьбе и, пришпориваемый этой страшной мыслью, мчался из последних сил. Я уже имел случай показать, что Артур был полностью чужд тому, что обычно именуется физической трусостью. Отстаивая дело, которое он считал бы правым, защищая свою честь или оскорбленное самолюбие, наконец, просто в порыве гнева, он встретил бы близящуюся смерть стойко и без жалоб. Но погибнуть от нелепой случайности, из-за бессмысленного стечения вздорных обстоятельств; пропасть без всякой надобности; лечь костями ни за что; быть задавленным тупыми зверьми, даже не напавшими на него, равнодушными к нему; погибнуть как дурак, как безвестный бродяга; погибнуть смертью, в которой было что-то чудовищно смешное; превратиться в ком растоптанного мяса, которое не опознает ни друг, ни враг, — эта перспектива столь страшила его, была так нестерпима и так мучительная, что бежавший сломя голову утонченный, самолюбивый, гордый своим разумом и волей человек ничем сейчас не отличался от последнего труса. И вдобавок в сознании его маячила суеверная мысль, что этот ужасный конец ниспослан ему в наказание за некий совершенный им поступок, который он не смел даже себе назвать.

Но вот силы Артура иссякли; в голове у него помутилось, дыхание, рвавшееся у него изо рта с каждым толчком сердца, стало прерывистым; он задыхался. В нарастающем грохоте за спиной ему вдруг почудился женский голос — он понял, что сходит с ума. С криком Артур повалился на землю, вскочил, пробежал еще несколько шагов, снова упал. Все! Теперь конец! В полузабытьи сквозь ослепившую его, забившую ему и нос и глотку едкую пыль он почувствовал вдруг тонкий аромат незнакомых духов. Потом на него снизошел мир, он потерял сознание.

Он пришел в себя, услышав, как кто-то рядом произнес: «Филип!» Голова у него разламывалась от боли, но он понял, что должен собраться с силами и сделать что-то такое, о чем его настоятельно просят. Из того, что с ним случилось, он не сохранил в памяти ничего, кроме аромата незнакомых духов. Он лежал на пересохшем дне *арройо*; по берегу бродила лошадь; он увидел над собой темное лицо и еще более темные глаза донны Долорес.

— Хватит ли у вас сил, чтобы ехать верхом? — спросила она, помолчав.

И это ему говорила женщина! Охваченный извечной боязнью всех мужчин показаться слабым перед слабым полом, Артур поднялся с земли, отказавшись опереться на дружески предложенную ему маленькую ручку. Не могу, впрочем, умолчать, что даже в эту критическую минуту он не отказал себе в удовольствии на мгновение задержать маленькую ручку в своей руке.

— Вы пришли, чтобы выручить меня? Совсем одна? — спросил он.

— Конечно. Мы с вами квиты теперь... дон Артуро, — сказала донна Долорес, ослепительно улыбаясь. — Я заметила вас из окна. Вы поступили безрассудно, простите меня, просто глупо. Даже самый опытный *вакero* никогда не выйдет на равнину пешком. Ну, хватит об этом, сейчас вы поедете со мной; у меня не было времени седлать вторую лошадь, а кроме того, я подумала, что вы вряд ли захотите, чтобы кто-нибудь еще узнал об этом происшествии. Не так ли?

Она глядела на Артура вопрошающе; на щеках обозначились лукавые ямочки; лукавым был и блеск черных глаз.

Он взял ее руку и почтительно поднес к губам.

— Вы не только отважны, вы мудры, донна Долорес.

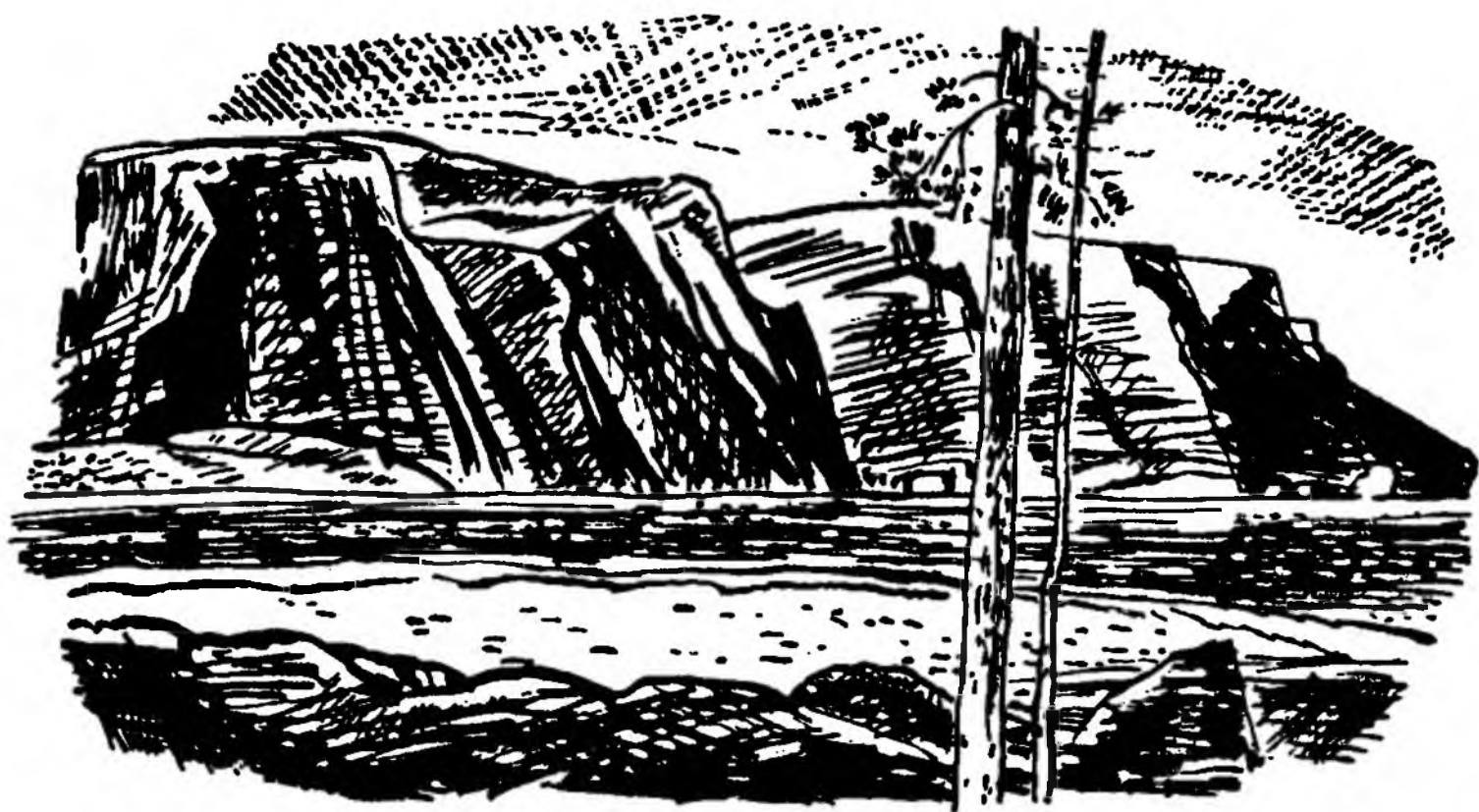
— Это мы еще увидим. Пока что признайте, что я права, и повинуйтесь. Садитесь в седлѳ; я помогу, если вам трудно, — оставьте для меня место сзади.

Не успел отзвучать этот вызов, как Артур вскочил в седло. Он сделал бы это и в том случае, если бы все кости у него были переломаны. В следующее мгновение легкая ножка коснулась его ноги; донна Долорес сидела позади него.

— Теперь домой, и поживее, пока никто нас не **видел**, —

сказала она, с великолепным безразличием обнимая его за талию

Артур тронул поводья и пришпорил коня. Прошло пять минут — самых коротких в его жизни, — и они снова были за стенами Ранчо Святой Троицы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ
ПО ТЕЧЕНИЮ

Глава 1

МИСТЕР И МИССИС КОНРОЙ У СЕБЯ ДОМА

Гнилая Лощина приняла весть о женитьбе Гэбриеля Конроя так, как и следовало ожидать от поселка, прославленного своей откровенностью и прямоотой. О недавнем бессознательном флирте Гэбриеля с миссис Маркл, по счастью, мало кто знал, и главное возражение сводилось к тому, что во-первых, невеста из чужих краев, а значит, личность подозрительная и, во-вторых, что, женившись, Гэбриель, не сможет выполнять свои благотворительные обязанности в прежнем объеме. Стремительность его романа никого особенно не удивила — в калифорнийском климате урожай быстро следует за посевом, — а получившая широкую известность история о том, как он спас эту женщину во время катастрофы в Черном каньоне, служила достаточным объяснением его успеха. Следует, впрочем, заметить, что Гнилая Лощина осталась при своем сумрачном недоверии к светским дамам. Обитатели поселка по-прежнему стояли

на том, что заведенный у них порядок жизни — лучший из всех, какие ведало на своем веку человечество, и что им, людям простецким и задушевным, всякие там утонченности и финтифлюшки ни к чему.

Допускаю, что некоторые обитатели Гнилой Лощины завидовали Гэбриелю. Не то чтобы они признавали, что Гэбриель оказался более храбрым, сильным и предприимчивым, чем они. Нет, но они считали, что ему «пофартило», что случай помог ему выдвинуться при обстоятельствах, при которых каждый из них сумел бы отличиться с не меньшим успехом.

— Подумать только! — сказал Джо Бриггс. — Ведь так хотелось мне пойти в каньон в тот самый день, игру, правда, жаль было бросать, карта сильно шла, а этот Гэбриель поплелся туда ни с того ни с сего, зачем — и сам толком не знал, и — здравствуйте! — хватил раз кайлом и откопал себе прехорошенькую жену.

— Так оно в жизни и бывает, — откликнулся Баркер, — вся сила в удаче. Взять, к примеру, Си Дадли. Карманы полны денег, до того хочет остепениться, что завтра едет в Сакраменто промышлять себе жену. Что ж, мало он бывал в этот каньоне? Скажи, хоть раз прорвалась при нем плотина? Ни разу! А возьми случай со мной! Когда на прошлой неделе фидлтаунский дилижанс слетел с обрыва на Сухом Ручье, кто, как не я, бросился в воду первым, обрезал постромки у лошадей, взломал дверь и спас пассажиров. И кого я нашел в дилижансе? Шестерых китайцев — провалиться мне на этом месте! — и бродягу-мексиканца! Вот она, моя удача!

Свадьба потребовала некоторой подготовки. Согласие Олли получить было нетрудно. Ловчее хода, чтобы насолить миссис Маркл, нельзя было даже придумать! Незнакомка была настоящей воспитанной леди, она была одиночкой, без родных и без друзей, она с радостью приняла предложение Гэбриеля после того, как миссис Маркл оказалась столь привередливой, — все это нравилось девочке, взывало к ее чувству справедливости, отвечало владевшей ею жажде мести. При всем том Олли не могла ответить себе на один простейший вопрос: нравится ей ее будущая невестка или нет? Она была мила с ней, добра, как видно, любила Гэбриеля; и все же внутреннее чувство подсказывало девочке, что миссис Маркл была бы лучшей женой для ее брата; за это, с чисто женской непоследовательностью, она ненавидела миссис Маркл еще пуще. Возможно, в глубине

души девочка испытывала также некоторую горечь от того, что предпринятое ею сватовство завершилось столь плачевно.

Надо думать, что бывшая миссис Деварджес не сообщила никому, кроме своего адвоката, что прибыла в поселок под именем Грейс Конрой. Что именно она доверила этому джентльмену и все ли свои секреты ему открыла, ведал только он один. Как бы там ни было, он строго хранил тайну, и известие о том, что она предпочитает не судиться с Гэбриелем, а сочетаться с ним браком, принял со снисходительной улыбкой человека, привыкшего думать, что от женщин можно ожидать всего на свете.

— Поскольку вы таким образом вступаете в законное владение землей, полагаю, что в ближайшее время мои услуги вам не понадобятся,— невозмутимо сказал он, застегивая пуговицу на своем жилете.

Не знаю, откуда это стало известно, но люди утверждают, что госпожа Деварджес слегка покраснела, чуточку вздохнула и сказала: «Надеюсь, что нет!» — с такими искренними интонациями в голосе, что адвокат не поверил своим ушам.

В какой мере был посвящен в ее тайну будущий супруг, сказать трудно. В течение своего короткого жениховства он не без гордости отзывался о ней, как о «вдове знаменитого доктора Деварджеса»; то, что он был близко знаком с ее покойным супругом, в известной мере извиняло в глазах общественного мнения импровизированность этой женитьбы.

— Подумайте, какой хитрец! — воскликнула Сол, ведя интимную беседу с миссис Маркл.— Толковал столько времени о своих страданиях в Голодном лагере, а про то, что завел там шашни с вдовой одного из страдальцев,— ни словечка! То-то он был всегда такой странный. Вы-то, добрая душа, знай твердили, что он застенчив, а его просто совесть мучила. Я вам никогда не говорила об этом, миссис Маркл, а ведь я давно заметила, что Гэйб никогда не смотрит прямо в глаза.

Дерзкий на язык собеседник, конечно, легко возразил бы, что, поскольку мисс Сара косит на оба глаза, взглянуть ей прямо в глаза практически невозможно; зато эта достойная молодая женщина и не вела доверительных разговоров с дерзкими собеседниками.

Однажды — это было примерно через месяц после свадьбы Гэбриеля — миссис Маркл, покормив ужином жильцов, коротала время одна в своей гостиной, как вдруг

дверь распахнулась и вошла Сол. Был воскресный вечер; свой краткий отдых Сол провела, сплетничая с соседками, а также (как утверждал все тот же дерзкий на язык персонаж, о котором было упомянуто) пикируясь и флиртуя с неким юным обитателем Гнилой Лощины.

Миссис Маркл молча ждала, пока ее служанка снимет свою гигантскую соломенную шляпу с низкой тульсй, украшенную образцами тропической флоры. Когда же Сол столь же медлительно принялась складывать неслыханных размеров шаль, переносившую воображение в совсем иную климатическую зону, терпение ее хозяйки истоцилось.

— Ну, Сол, что ты там слышала о молодых?

Сол не спешила с ответом, зная, что, придерживая его, повышает вдвое ценность добытых сведений; с чутьем первоклассного актера она даже сделала вид, что не вполне поняла, о чем ее спрашивают. Когда миссис Маркл повторила свой вопрос, Сол залилась насмешливым хохотом:

— Уж простите, что я смеюсь! Вы спрашиваете про *молодых*, а ей добрых сорок лет.

— Ну что ты, Сол! — возразила миссис Маркл тоном мягкого укора, однако не без некоторого удовольствия в голосе. — Этого быть не может.

— Не может?! — воскликнула Сол, задохнувшись от негодования и хлопнув себя по коленкам. — Конечно, с пудрой, да с привязной косой, да со всякими там штучками кос-кого она, может, и одурачила, но только не меня! Нет, Сью Маркл! Если бы я не жила в одном доме с женщиной тридцати трех лет от роду, у которой — разрази меня всевышний, если я вру! — шея и руки, как у шестнадцатилетней девочки, тогда я, может, и не разгадала бы сорокалетнюю красотку. Нет, Сол Кларк пока еще не совсем ослепла!

Слегка зардевшись под действием столь грубой лести, миссис Маркл продолжала свои расспросы:

— Некоторые говорят, что она недурна собой?

— Что одному здорово, другому — смерть! — сказала наставительно Сол. Она расстегнула пряжку широчайшего бархатного пояса, отчего ее фигура сразу много потярела в изяществе.

— Как же они живут? — спросила миссис Маркл, помолчав и принимаясь снова за отложенную было штопку.

— Как живут? А так, как я вам и говорила. Любви там никакой и в помине нет. Он, по-моему, уже жалеет, что женился. Она все захватила в свои руки, всем командует. Чего только не выделяет! Заставила этого несчастного Гэй-

ба искать золото возле самого дома; он, дурень, и рад, забросил свой прииск и роется на холме, копает какие-то ямки, чтобы ее ублажить, а она все равно недовольна. Хотите — верьте мне, Сью Маркл, хотите — нет, а у них неладно. Да к тому же эта девчушка Олли...

Миссис Маркл быстро подняла голову и снова отложила в сторону свою работу.

— Олли! — повторила она с волнением в голосе. — Бедняжка Олли!.. Что с ней случилось?

— Ну, — сказала Сол, негодуя, тряхнув головой, — никогда не пойму, чем взяла вас эта нахальная девчонка, когда у вас дома собственная дочь растет. А уж важность на себя напускает — дальше идти некуда! Месяц носу сюда не показывала, а за день до свадьбы вдруг встречает меня и говорит: «Сол, можешь передать миссис Маркл, что мой брат женится на настоящей леди и провинциалкам у нас в доме теперь делать нечего». Так и сказала. А ведь ей девяти лет нету! Слыхали вы что-нибудь подобное!

К чести так охотно критикуемой нами слабой половины человечества следует сказать, что миссис Маркл пропустила обиду мимо ушей и снова сказала:

— Так что же все-таки с Олли?

— А то, — ответила Сол, — что ребенка выживают из дома; а Гэйб — бесхарактерный подлый человек — не хочет в это дело вмешиваться. Я повстречала Олли сегодня в лесу, девочка была в слезах.

Миссис Маркл переменилась в лице, и ее черные глаза зловеще сверкнули.

— Ну, дайте мне только добратся... — начала было она, но потом замолчала и взглянула на собеседницу. — Сол, — промолвила она в сильном волнении, — мне нужно повидаться с девочкой.

— Чего?

Это слово на языке Сол могло означать все на свете и таило в себе большое и важное содержание. Миссис Маркл правильно поняла, что именно хотела спросить Сол, и повторила:

— Олли! Я должна повидать ее немедленно.

— Кого? — спросила Сол на том же языке.

— Здесь, — ответила миссис Маркл, — или в любом другом месте. Разущи-ка ее, и поживее!

— Она к вам не пойдет.

— Значит, я сама пойду к ней, — заявила миссис Маркл

властно и решительно, кладя тем самым конец спору, и в сердцах отправила Сол на кухню домыть грязную посуду.

Даже если доклад Сол о Конроях и был правдив, проверить справедливость ее слов пока еще никому не удалось. По общему мнению всех холостяков Гнилой Лощины, молодожены были счастливы и довольны донельзя. Разве им не выпало редкое счастье свить свое гнездышко в прелестнейшем уголке земного шара? Кое-кто утверждал, правда, что навещавшие Конроев гости были сплошь мужчины, но это легко объяснялось большим процентом мужчин в поселке. Говорили также, что все эти гости, как один, были без ума от миссис Конрой, но чего другого можно было ожидать от холостяков? А то, что Гэбриель копал какие-то дурацкие ямки по всему холму возле дома и на время забросил свой скромный прииск, тоже казалось не столь уж удивительным: женившись, он вправе был попытаться счастья на новом месте.

Через несколько дней после описанных выше событий Гэбриель Конрой сидел один у очага в своем новом доме, куда переселился после женитьбы в угоду общественному мнению и вкусам миссис Конрой. Дом был большой, несколько вычурный в архитектурном отношении, недешевый и, пожалуй, менее удобный для жилья, чем тот, с которым читатель имел случай ранее познакомиться. Дом был приобретен в кредит, оказанный Гэбриелю как женатому человеку; Гнилая Лощина была заинтересована в приросте населения и поощряла браки и всяческое семейное обзаведение, даже идя при этом на некоторый коммерческий риск. В новом доме, помимо жилых комнат, имелась еще парадная гостиная, в которой в данный момент блистала миссис Конрой; она принимала нескольких джентльменов, и, очарованные ею, они засиделись сегодня допоздна. Когда веселый разговор умолк и последний из назойливых кретинов покинул дом, миссис Конрой прошла в семейную гостиную. В комнате царил полумрак, Гэбриель еще не зажигал свечи; он сидел в излюбленной позе на обычном своем месте перед огнем.

— Ты здесь? — весело промолвила миссис Конрой.

— Да, — ответил Гэбриель, подняв голову и поглядев на нее, как всегда, очень серьезным взглядом.

Подойдя к своему супругу и повелителю, миссис Конрой со смелостью, какую дает женщине законный брак, провела по волосам Гэбриеля изящными, чуть хищными пальчиками. Он взял обе ее руки в свои и пожал с ласко-

вым, но несколько недоуменным видом, который привел ее в сильнейшее раздражение. Она немедленно высвободила руки.

— Почему ты не вышел к нам в залу? — спросила она, глядя на него испытующе.

— Мне сегодня не хотелось, — ответил Гэбриель очень спокойно. — Я видел, что ты легко обойдешься и без меня.

Ни в тоне, ни в поведении его не было ни капли горечи или задетого самолюбия; тщетно поискав в его взгляде каких-либо следов ревности, миссис Конрой была вынуждена признать, что тихий степенный человек, сидевший перед ней, полностью чужд всем этим переживаниям. Смутно почувствовав недовольство жены, Гэбриель протянул руку, ласково обнял ее за талию и привлек к себе на колени. Но то, как он это сделал, столь очевидным образом обнаружило его жалось к ней как к физически и морально слабому созданию, жест был столь профессиональным («словно больного утешает», — подумала миссис Конрой), что ее раздражение ничуть не утихло. Она вскочила с его колен и села на стул по другую сторону очага. Терпеливо, с неизменной снисходительностью Гэбриель дал ей поступить по-своему.

Миссис Конрой не стала дуться на мужа, как поступила бы другая женщина на ее месте. Она лишь улыбнулась страдальческой улыбкой, от которой морщинки протянулись у нее от ноздрей к уголкам рта, и ущипнула себя за кончик тонкого прямого носика. Потом, глядя на огонь, она спросила:

— Ты плохо себя чувствуешь?

— Да, пожалуй, что и так.

Оба замолчали, глядя на огонь.

— Ты ничего не нашел на холме? — спросила наконец миссис Конрой раздраженным голосом.

— Ничего, — ответил Гэбриель.

— Ты прошел оба склона? — нетерпеливо спросила женщина.

— Сверху донизу.

— И ничего не нашел?

— Ничего, — сказал Гэбриель. — Ровным счетом ничего. То есть я хочу сказать, — добавил он со своей обычной обстоятельностью, — ничего такого, о чем стоило бы говорить. Золото, если оно только там есть, должно лежать ниже, в овраге, где я уже пробовал рыть раньше. На склонах я искал его, просто чтобы угодить тебе, Жюли, ты ведь

знаешь, это была твоя прихоть,— сказал Гэбриель с легчайшим укором в голосе.

Страшная мысль мелькнула у миссис Конрой. А что, если доктор Деварджес ошибся? Что, если он составил свою карту в безумии или в бреду? А может, Рамирес нарочно обманул ее? Так неужели после всех ее мук ей не достанется в жизни ничего, кроме этого сидящего перед ней человека, который к тому же не любит ее, как любили ее все другие мужчины? От этой пугающей мысли миссис Конрой совсем растерялась. Она начала понимать, что любит Гэбриеля, и это повергало ее в отчаяние. С непривычным ощущением покорности и зависимости она взглянула на мужа умоляющими глазами и сказала:

— Да, это была прихоть, милый, пустая прихоть. Она миновала. Не сердись.

— Я не сержусь,— спокойно возразил Гэбриель.

Миссис Конрой воздрогнула, как от удара.

— Мне показалось, что у тебя огорченный вид,— сказала она, помолчав.

— Я другим огорчен. Я думал об Олли,— сказал Гэбриель.

Есть предел терпению даже у растерянной и напуганной женщины.

— Ну, конечно,— резко откликнулась она.— Олли, Олли и еще раз Олли. Я и забыла, что только она одна у тебя на уме.

— Я думал о ней,— сказал Гэбриель все с тем же спокойствием, от которого можно было сойти с ума.— И сдается мне, что раз у тебя с Олли дружбы не получается, лучше вам жить врозь. Дальше так нельзя, Жюли, дальше так нельзя. А самое горькое то, что Олли стало жить еще хуже, чем прежде.

Миссис Конрой сидела с побелевшим лицом и грозно молчала. Мистер Конрой продолжал свою речь:

— Я всегда мечтал послать Олли в пансион, но теперь она не хочет ехать. Она ведь дурочка, Олли, ей не хочется со мной расставаться, и я тоже, дурень, не хочу, чтобы она уезжала. Значит, остается только один выход...

Миссис Конрой повернула голову, пристально поглядела на мужа своими серыми глазами. но ничего не сказала.

— Тебе нужно на время уехать от нас,— продолжал Гэбриель все тем же ровным голосом.— Я слышал, что есть такой обычай: после свадьбы жена уезжает навестить свою мать. Правда, у тебя нет здесь родных,— сказал Гэб-

риель задумчиво, — так что ты не можешь к ним поехать. Но ты говорила на днях, что у тебя есть какое-то дело во Фриско. Вот и отлично. Ты съездишь туда на два-три месяца, а за это время мы с Олли что-нибудь придумаем.

Гэбриель был, наверное, единственным человеком на свете, от которого миссис Конрой способна была выслушать столь оскорбительное предложение, не дав обидчику резкий отпор. Она лишь повернула к огню свое окаменевшее сразу лицо и горько рассмеялась.

— Почему же только на два-три месяца? — спросила она.

— Если ты не против, можно и на четыре, — сказал Гэбриель, — у нас с Олли останется лишнее время, чтобы уладить наши дела.

Миссис Конрой поднялась со стула и все с тем же окаменевшим лицом подошла к мужу.

— А что, — сказала она, как-то сразу охрипнув, — что, если я не пожелаю уехать?

Гэбриель ничего не ответил; судя по выражению его лица, он считал, что раз решение вопроса доверено женщине, ожидать от нее можно чего угодно.

— А что, — продолжала миссис Конрой хриплой скороговоркой, — а что, если я прикажу тебе вместе с этой девчонкой самому отсюда убраться? А что, — тут она перешла на пронзительные дискантовые ноты, — а что, если я вас обоих выкину из этого дома, из моего собственного дома, сгоню с этой земли, с моей собственной земли? А? Что тогда? Что тогда?

Она кричала теперь во весь голос и молотила своей сухощавой ручкой по плечу Гэбриеля, тщетно пытаясь вывести его из неподвижности.

— Ну, конечно, конечно! — успокоительно сказал Гэбриель. — Кажется, кто-то стучится к нам, Жюли, — добавил он, медленно вставая и направляясь в прихожую. Он уловил заглушенный воплями миссис Конрой стук в дверь. Отодвинув засов, он обнаружил стоявших у самого порога Олли и Сол.

Не трудно будет догадаться, что первой из троих, кто обрел дар речи — этот благословенный дар божий, — была Сол.

— Мы здесь уже добрых пять минут стучимся в дверь, — сказала она, — а на таком холоде это все равно что час. А я и говорю себе: «Сол, да что же ты творишь такое? Люди только что поженились, на дворе ночь, а ты ло-

мишься к ним, нарушаешь, можно сказать, их священное уединение!» Да и отвечаю себе: «А все потому, что для дела ты здесь, а если бы без дела пришла, тогда тебе, Сара Кларк, и оправдания бы не было никакого. А пришла я к вам потому, миссис Конрой, что ребенка надо было домой проводить.— С этими словами Сол стремительно прошла в семейную гостиную.— И вот...

Она смолкла. В гостиной никого не было. Миссис Конрой исчезла.

— А мне-то почудилось, будто я слышу...

Сол была явно растеряна.

— Это Гэйб сам с собой разговаривал,— соврала Олли с безошибочным женским тактом.— Я так ведь и сказала тебе, Сол. Спасибо, что проводила меня до самого дома. Спокойной ночи, Сол.

С проворством, от которого восхищенный Гэбриель буквально задохнулся, она подвела обомлевшую Сол к двери и выставила ее раньше, чем та успела что-либо еще сказать. Потом вернулась в комнату, не спеша сняла с себя шляпку и шаль и, взяв брата за руку, подвела его к прежнему месту у очага. Пододвинув низкую скамеечку, она усеялась напротив и, опершись на колени Гэбриеля — это была ее любимая поза,— ухватила его снова за руку; а потом, поглаживая эту гигантскую руку своими загорелыми пальчиками и глядя брату прямо в глаза, сказала:

— Славный мой старина Гэйб!

Улыбка, мгновенно расцветшая на меланхолическом лице Гэбриеля, должно быть, разгневала бы миссис Конрой еще сильнее, чем его недавние речи.

— Что у вас тут приключилось, Гэйб? — спросила девочка.— Что она тебе говорила, когда мы вошли?

Речь миссис Конрой, равно и ее странное поведение вылетели у Гэбриеля из головы в ту же минуту, как вошла его сестра. Полный смысл происшедшего он так и не уяснил себе до конца.

— Позабыл, Олли,— сказал он, заглядывая в задумчивые глазки сестры.— О чем-то она тут толковала... немножко была расстроена... вот и все.

— Но почему же она сказала, что наша земля — ее земля, и наш дом — тоже ее дом? — настаивала девочка.

— Женатые люди, Олли,— сказал Гэбриель небрежным тоном человека, досконально изучившего все тонкости супружеской жизни,— женатые люди шутят на свой лад, по-своему. Пока ты не замужем, тебе не понять. «Все,

чем владею, тебе вручаю», — вот эти слова она и имела в виду, ничего больше. «Все, чем владею, тебе вручаю». Ну как тебе показалось в гостях? Весело было?

— Весело, — ответила Олли.

— Скоро тебе и здесь будет весело, Олли, — сказал Гэбриель.

Олли обратила недоверчивый взгляд прямо к двери, которая вела в спальню миссис Конрой.

— Вот именно, Олли, — сказал Гэбриель. — Миссис Конрой решила поехать во Фриско, повидать друзей. Она твердо решила поехать, и отговаривать ее теперь бесполезно. Видишь ли, Олли, есть такая мода, что, когда люди поженятся, жена уезжает погостить у друзей, потому что они первое время без нее очень тоскуют. Тебе этого, конечно, не понять, поскольку ты не замужем, но так принято у всех женатых людей. Так полагается. Поскольку она настоящая леди и воспитана, как говорится, по-модному, то и приходится ей, хочешь не хочешь, этой моде угождать. Она пробудет во Фриско месяца три, а может быть, и все четыре. Сколько по моде точно требуется, я сейчас не помню. Но ехать ей придется.

Олли бросила на брата проницательный взгляд.

— А она не из-за меня уезжает, Гэйб?

— Господи боже, конечно, нет! Откуда у тебя такие мысли, Олли? — воскликнул Гэбриель с притворным удивлением. — Разве ты не заметла, как она привязалась к тебе за последнее время? Вот только что она спрашивала о тебе, беспокоилась, почему тебя нет.

Словно в подтверждение слов Гэбриеля и к вящему его изумлению, дверь спальни миссис Конрой отворилась, и сама она с очаровательной улыбкой и сияющим взглядом — веки у нее, правда, были чуточку покрасневшими, пробежала через гостиную прямо к Олли и чмокнула ее в пухлую щечку.

— Так я и подумала, что слышу твой голосок, и хоть улеглась уже, — с веселым, чуть извиняющимся видом она оглядела свой изящный ночной наряд, — решила встать и проверить, ты ли это. Где же ты пропадала, гадкая моя девочка? Разве ты не знаешь, как я ревную тебя к миссис Маркл? Сейчас ты мне все про нее расскажешь. Пойдем ко мне. Сегодня мы с тобой будем спать вместе, и братец Гэйб не узнает, о чем мы будем секретничать. Не правда ли? Ну пойдем!

Не успел удивленный Гэбриель опомниться, как она

утащила оторопевшую, но широко улыбающуюся девочку к себе в спальню, оставив его одного в комнате. Когда, немного погодя, Олли высунула кудрявую головку, насмешливо крикнула: «Спокойной ночи, старина Гэйб!» — хлопнула дверью и заперла ее на задвижку, Гэбриель испытал новый приступ удивления, смягчаемый, правда, тем, что с этой минуты он более не беспокоился за девочку.

Подобно каменному истукану стоял он перед очагом. Как мог он так ошибиться? Как мог принять всерьез притворный гнев миссис Конрой? А Олли? Неужели и она притворялась, когда говорила, что терпеть не может его жену? Ответ на эти сложные и многообразные вопросы был только один — женщин не поймешь! «Да, странные существа женщины, — бормотал Гэбриель, пробираясь в маленькую уединенную комнатку, предназначенную в их доме для Олли. — Не мне в них разбираться, нет у меня такого таланта!» Размышляя по этому поводу, отчасти чувствуя свою вину, отчасти испытывая облегчение, он лег спать.

Глава 2

СОКРОВИЩЕ НАЙДЕНО, ПОТОМ УТРАЧЕНО

Поскольку до нас не дошло ни слова из ночной беседы Олли с ее невесткой, мужской половине моих читателей придется довольствоваться истолкованием дальнейшего поведения обеих собеседниц в духе приведенной выше сентенции Гэбриеля. Что касается моих читательниц, к неизменному беспристрастию которых, а равно и всегдашнему снисхождению к слабостям человеческим я взываю на этих страницах, то они, я уверен в этом, уже все поняли и так. Ни одну из них, конечно, не удивит, что наутро Олли и миссис Конрой были в неразрывной дружбе и что Гэбриелю непрестанно доставалось то от одной из них, то от другой, чего он, без сомнения, и заслуживал.

— Ты дурно заботишься о Жюли, — заявила однажды брату Олли, лишая себя для беседы с ним на целые пять минут общества миссис Конрой.

Гэбриель удивленно раскрыл глаза.

— Я мало бываю дома последнее время. Но ведь это только потому, что не хочу вам надоедать, — извиняю-

шимся тоном сказал он.— Должно быть, ты имеешь в виду, Олли, что припасы на исходе. Я столько времени потратил на эту жилу на холме, что совсем запустил прииск; за последние дни не намыл ни крупинки золота. Да, солонина, наверное, уже идет к концу. Но я это дело улажу, Олли, будь спокойна.

— Да я не про то совсем, Гэйб! Солонина тут ни при чем. Я хотела сказать тебе... хотела сказать... что ты очень плохой муж. Вот что! — заявила Олли напрямик.

Гэбриель несколько не рассердился. Он задумчиво поглядел на сестру.

— Наверное, так оно и есть. Женат я никогда не был; в этом деле, как говорится, новичок. Не гожусь я для женщины, которая уже была замужем. И за кем?! За образованным человеком! За ученым!

— Да нет, ты несколько не хуже его,— возразила Олли,— и любит она тебя гораздо сильнее. Все дело в том, что ты к ней недостаточно внимателен, Гэйб,— поспешила добавить девочка в ответ на протестующий жест брата.— Ну вот, возьми молодых супругов, которые приезжали на прошлой неделе из Симпсона и останавливались у миссис Маркл. Муж только и делал, что заботился о своей жене. То он шалью ее укутает, то окно откроет, то снова закроет и каждые пять минут спрашивает, хорошо ли ей да как она себя чувствует. И сидели они вдвоем все время вот так...

Тут Олли, одержимая желанием довести до сознания Гэбриеля, что есть истинное семейное блаженство, попыталась обнять его могучую талию своими маленькими ручками.

— Как? При всем честном народе? — спросил Гэбриель, сконфуженно разглядывая обвивавшие его ручки сестры.

— Конечно. Что же тут такого? Им хотелось, чтобы все знали, что они муж и жена.

— Олли! — вскричал Гэбриель.— Твоя невестка совсем иначе воспитана. Она посчитает это за грубость.

Но Олли бросила на брата лукавый взгляд, потрянула кудрями и, заявив с загадочным видом: «А ты попробуй!» — удалилась в комнату миссис Конрой.

По счастью для Гэбриеля, миссис Конрой не давала ему ни малейшего повода для проявления супружеской нежности. Правда, она ни в чем не упрекала его и ни словом не напоминала о недавней размолвке, но она была с ним холодна. В душе Гэбриель был даже рад, что может не спешить с выполнением совета Олли; дни шли за днями, и

его вера в мудрость сестры постепенно ослабевала. Не решаясь все же полностью пренебречь ее мнением, он однажды в воскресный день, прогуливаясь с миссис Конрой по главной — и единственной — улице Гнилой Лощины, попытался у всех на виду обнять жену за талию. То, что миссис Конрой спокойно, но весьма решительно высвободилась из его объятий, еще более усилило сомнения Гэбриеля.

— Я сделал это только потому, что ты так посоветовала, Олли; провалиться мне на этом месте, если она хоть чуточку была довольна. Даже ребята, кто был поблизости, и те удивились. А Джо Гобсон, тот просто захохотал.

— Когда же это произошло? — спросила Олли.

— В воскресенье.

О л л и (*встревоженно*). А где ты с ней был?

Г э б р и е л ь. На главной улице.

О л л и (*возводя к небу голубые глазки*). Нет, Гэйб, второго такого осла, как ты, свет еще не видывал!

Г э б р и е л ь (*покорно и задумчиво*). Должно быть, ты права, Олли.

Как бы там ни было, воюющие стороны установили между собой подобие мира, и миссис Конрой отменила поездку в Сан-Франциско. Она, видимо, уладила в какой-то мере свои дела посредством переписки; во всяком случае, две недели подряд она с большим нетерпением дожидалась прихода очередной почты. А в один прекрасный день к ней прибыл с почтовой каретой джентльмен, играющий не последнюю роль в нашем рассказе.

Он сошел с уингдэмского дилижанса в ореоле общего поклонения. Во-первых, все знали, что он богатый сан-францисский банкир и капиталист. Во-вторых, его грубоватая энергия, цинически-панибратская манера в обращении с людьми, глубокое презрение ко всему на свете, что не имеет прямого отношения к деньгам и материальным ценностям, пуще же всего известная всем удачливость в его делах, которая, конечно, не могла быть простым везением, а скорее всего являлась результатом последовательно проводимого весьма разумного метода, — все это не могло не покорить спутников великого человека, внимавших всю дорогу его веским речам и безапелляционным суждениям. Они легко прощали ему некоторую нетерпимость во взглядах, ибо человек он был, как видно, прямой и, объясняя свою точку зрения, имел обыкновение похлопывать собеседника по плечу. Он быстро привил им свой взгляд на вещи, причем убедил их не столько логикой доводов, сколь-

ко бесспорным фактом своего преуспевания, к которому невозможно было не отнестись с почтением. Цинические его суждения не вызывали протеста, поскольку заведомо было известно, что они нисколько не повредили ему в практической жизни. Так, все мы охотнее прислушиваемся к радикальным и демократическим идеям, когда их проповедует хорошо устроенный, зажиточный гражданин, а не уличный оратор, облеченный в фланелевую блузу и не имеющий прочного заработка. По натуре своей человек всегда не прочь отведать плод, сорванный с дерева познания добра и зла, но предпочитает при этом иметь дело с законным обитателем Эдема, а не с мазуриком, которого сторожа только что выставили за ограду.

Думаю, что приезжий, о котором идет речь, не относился к слабостям человеческим со столь великолепным презрением, как автор сих строк и — смею полагать — читатели моей книги. Если бы дело обстояло иначе, едва ли он достиг бы успеха в жизни. Подобно всякому доподлинному герою, он не признавал своего геройства и не был способен его анализировать. Вот и сейчас, без всякого заранее продуманного намерения, не вводя никого в заблуждение относительно своих планов, но и не посвящая в них никого, он самым ловким образом отвязался от толпы своих поклонников и приступил к делу, для которого приехал.

Тут же на месте родились догадки, что этот могущественный капиталист заинтересован в процветании Гнилой Лощины. Одни утверждали, что он решил построить в поселке новую гостиницу; другие склонялись к мысли, что речь идет о прокладке прямой линии почтовых дилижансов: Сакраменто — Гнилая Лощина. Каждый спешил снабдить приезжего совершенно бесплатной информацией по любому вопросу, и он, совсем неприметно и не прилагая для того ни малейших усилий, выудил все сведения, в которых нуждался. Прогуливаясь и беседуя, приезжий изучил Гнилую Лощину во всех трех ее измерениях, ознакомился с длиной ее, шириной и высотой; вскоре он узнал все о настоящем поселка и о его будущем. Когда последние дома Гнилой Лощины остались позади, путешественник повернулся к своему провожатому:

— Что ж, я готов запросить сведения, которые вас интересуют.

— Как вы это сделаете?

— Пошлю телеграмму. Не ходите ли вы на телеграф?

На листке, вырванном из записной книжки, он набросал несколько слов.

— А как же вы останетесь один?

— Погуляю немного. Здесь, наверное, уже смотреть нечего.

— Пожалуй, что нечего. Там дальше заявка Гэбриеля Конроя.

— Богатая заявка?

— Как вам сказать? На хлеб и кашу.

— Ну, хорошо. Обедаем вместе в три часа. Где и как — решайте сами. Приглашайте всех, кто может быть полезным. До свидания.

Провожатый отбыл в полном восторге от деловитости великого человека и от его щедрости.

Оставшись один, приезжий направил шаги прямо на заявку Гэбриеля Конроя. Будь он ценителем живописных видов или же подвержен благотворному воздействию природы, подобно некоторым другим, менее закаленным представителям человечества, постепенный переход идиллического пейзажа в суровую пустыню произвел бы на него глубокое впечатление. Через несколько минут, оставив раскидистые сосны позади, он стал взбираться по голому склону раскаленной, как бы сожженной солнцем горы. Вместо растительности кругом поднимались груды вулканического шлака; хрупкая почва крошилась под сапогом; нога скользила в серой пыли, так что порою трудно было сохранить равновесие. Если бы у приезжего был опытный глаз естествоиспытателя, он непременно отметил бы по многочисленным признакам вулканическое происхождение пейзажа: крутые смещения почвы, дезинтеграцию пород, наконец, застывшую каменную реку, ниспадающую черным языком вниз, в долину. Но все это, как видно, мало интересовало путешественника. Он сильно страдал от жары. Одолев подъем наполовину, он скинул сюртук и отер платком пот со лба. Впрочем, некоторые его повадки показывали, что он не впервые путешествует в горах. Поднимаясь, он два или три раза останавливался и тщательно оглядывал пройденный путь. Эта подробность может показаться не заслуживающей внимания, между тем она характеризует путника, привычного к хождению в горах; он не знает еще, что ждет его за перевалом, и готов к тому, что ему придется идти назад по старой дороге. Достигнув вершины, путешественник остановился и огляделся вокруг.

Прямо перед ним лощина, которая дала имя поселку и обеспечивала его обитателям ежегодный золотой урожай, как бы вливалась в обширную долину, густо поросшую лесом. Там в трепещущих лесных глубинах рождались бальзамические, смолистые ароматы; под лучами яростного полуденного солнца они поднимались сейчас волна за волной и наполняли воздух жарким благоуханием. В западном направлении, где каньон разрезал каменную гряду, чуть различимым облачком вырисовывались прибрежные хребты. К северу и к югу высились могучие вершины, опоясанные стройными колоннами сосен; рядом с ними черный обелиск, на котором он стоял, выглядел еще более неприятным и сумрачным. К востоку тоже уходила горная цепь; одна или две вершины вздымались далеко в небо; между ними расположились непонятные, ярко освещенные солнцем пустые пространства, какие-то белые пятна на полотне, еще не заполненные ни красочной штриховкой, ни рисунком. Путешественник знал, что это снега; на мгновение он замер с открытым ртом и застывшим взглядом, как бы замороженный зрелищем; потом, сделав над собою усилие, отвел глаза.

Вокруг него вершина горы была в ямах, вырытых как будто бы совсем недавно. Приезжий нагнулся, достал из ближайшей ямы обломок раскрошенной породы и осмотрел его небрежным взглядом. Потом, не спеша, начал спускаться вниз по западному, более пологому склону, направляя шаги к заявке, на которой, как он усмотрел своим приметливым взглядом, кто-то трудился. Через несколько минут он подошел к насыпи из красного глинозема; кругом виднелись груды пустой породы, деревянный рудопромывный желоб, лоток и лопата, словом, обычные атрибуты старательской заявки. Когда он прошел еще несколько шагов, работавший под насыпью человек выпрямился, оперся на кирку и повернулся к нему лицом. Могучая атлетическая фигура старателя, густая светлая борода и застенчивый, сосредоточенный взгляд были знакомы приезжему. Перед ним был Гэбриель Конрой.

— Как дела? — спросил путешественник, энергичным движением протягивая Гэбриелю руку, которую тот машинально пожал. — Вид у вас неплохой. Я-то вас помню, а вы меня нет. Не так ли? — Он коротко рассмеялся, так же резко и деловито, как разговаривал, и устремил на Гэбриеля нетерпеливый взор.

Гэбриель растерянно глядел на гостя, весь во власти

смутных воспоминаний. Он осмотрелся кругом. Солнце светило на хорошо знакомые ему привычные предметы, все оставалось как прежде. Так откуда же это лицо, этот голос?..

— Я приехал, чтобы договориться лично,— сообщил гость, откладывая вопрос об их прежнем знакомстве, как не имеющий прямого отношения к делу.— Каковы ваши условия?

В ожидании ответа он присмотрелся к насыпи, а чтобы сделать свою позицию еще более прочной, оперся на кирку Гэбриеля, вонзив ее предварительно в землю.

— Да вы же Питер Дамфи! — промолвил Гэбриель дрогнувшим голосом.

— Именно! Узнали наконец? Что ж, так оно и должно быть. Ведь пять лет прошло, если не больше. Не так ли? Тяжелые были времена, а, Гэбриель? Вспоминается небось? Вид у вас великолепно, да и дела тоже хоть куда! Верно я говорю? На каких же условиях вы уступаете мне эту заявку? Еще не решили окончательно? Так я вас понял? Что же, тогда я изложу свои условия. Прежде всего, как с правами на землю? В порядке?

По растерянному лицу Гэбриеля было видно, что, хоть он и узнал гостя, он решительно не в силах понять, о чем тот толкует. Дамфи немного помолчал.

— Я имею в виду образчики руды,— сказал он, пристально глядя на Гэбриеля,— образчики, которые вы мне прислали.

— Образчики? — неуверенно переспросил Гэбриель, все еще погруженный в свои думы.

— Не вы прислали, жена прислала. Не все ли равно?

— Нет, не все равно,— возразил Гэбриель, как всегда тяготея к строгой истине.— Этими делами занимается она, и вам лучше будет потолковать с ней. Помню, как-то она мне говорила,— добавил он раздумчиво,— что хочет послать образчики руды во Фриско на проверку, но я не придал этому особого значения. Да и мое ли это дело? Повидайтесь лучше с ней.

Теперь озадачен был мистер Дамфи. Будучи совершенно не способен представить себе душевный склад своего собеседника, он истолковал его поведение по-своему, решил, что Гэбриель нарочно прикидывается простаком, чтобы вернее его надуть. Он вспомнил, как сам он в начале своей деловой карьеры, когда у них с Дженкинсом была коммиссионерская контора, нередко отсылал к Дженкинсу клиентов,

которых почему-либо опасался, в точности таким же манером, как Гэбриель сейчас отсылает его к миссис Конрой.

— Как желаете,— сказал он,— а я решил, что поговорив с вами, сэкономлю время. Времени у меня маловато. Если не успею поговорить сегодня с вашей женой, тогда спишемся.

— Что ж,— согласился Гэбриель,— можно и списаться. Если вам придется срочно уехать, я объясню ей, скажу, чтобы она не обижалась.— Решив, что эта малоинтересная часть разговора закончена, он перешел к другой теме: — Скажите, Дамфи,— спросил он,— а не слышали вы что-нибудь о Грейс? Помните Грейс? Хорошенькая девчурка, которая была со мной. Знаете вы о ней что-нибудь? Может быть, видели ее? А, Дамфи?

Подобный вопрос, заданный в момент уже начавшихся деловых переговоров, мог означать, по мнению мистера Дамфи, только одно. Миссис Конрой во всем открылась мужу; и теперь, намекая на причастность Дамфи к мошенническому замыслу, он пытается оказать на него давление. Мистер Дамфи понял, что имеет дело сразу с двумя искусными актерами, из которых один, по крайней мере, законченный ханжа и лицемер. Впервые в своей жизни он вознегодовал на низость человеческую. Мы особенно склонны ценить искренность и чистоту души, когда уличаем своего противника в обмане.

— Та, что сбежала с каким-то парнем? Как же? Помню. Едва ли она к вам вернется. Да и стоит ли жалеть? Такая все равно что мертвая.

Хоть Дамфи и считал, что интерес Гэбриеля к судьбе сестры — чистое притворство, все же он не настолько был лишен христианских чувств, чтобы не попытаться уязвить душу собеседника. Вслед за тем он повернулся, чтобы уйти.

— А может быть, на обратном пути завернете ко мне? Потолкуем о старых временах,— сказал Гэбриель, проникаясь, под действием воспоминаний, теплым чувством к Дамфи и самым обидным для банкира образом не замечая его последней колкости.— Олли будет рада познакомиться с вами. Помните вы Олли, малышку, младшую сестренку Грейс? Она сильно выросла за это время, стала совсем большой. Надо вас познакомить,— заключил Гэбриель, решительно бросая на землю кирку и лопату.— Я пойду вместе с вами.

— Нет, нет! — живо возразил Дамфи.— Занят, не имею

возможности. В другом раз. До свиданья! Как-нибудь увидимся. Пока!

Он поспешно удалился тем же путем, что пришел, и вскоре потерял из виду и заявку, и ее владельца. Затем, постояв и немного подумав, он перевалил через вершину горы и решительным шагом направился к дому Гэбриеля. Либо миссис Конрой поджидала его, либо заметила, когда он шел по лесной дороге; во всяком случае, она сразу открыла ему дверь и провела прямо в свою уютную гостиную. Изысканность манер этой дамы и изящество ее туалета были таковы, что мало кто мог бы устоять против ее чар. Мистер Дамфи устоял. Как и многие мужчины, заслуженно пользующиеся у женщин дурной славой, он никогда не путал деловые отношения с любовными.

— Всего на несколько минут. Жалею, что нет времени. Вы прекрасно выглядите,— сказал мистер Дамфи.

Миссис Конрой сказала, что не рассчитывала на такую честь. Всякий знает, что мистер Дамфи очень занятой человек.

— Совершенно верно. Но добрые вести люблю доставлять лично. Образчики, которые вы мне прислали, я показал первоклассным специалистам. Отличный результат. Золота нет, зато серебра восемьдесят процентов. Каково! Вы, конечно, знали об этом?

По радости на лице миссис Конрой мистер Дамфи сразу понял, что она не знала об этом.

— Серебро! — промолвила она, с трудом справляясь с охватившим ее волнением.— Восемьдесят процентов!

Мистер Дамфи удивился, но в то же время испытал чувство облегчения. Значит, она ни к кому еще не обращалась, значит, он первый. Он отрывисто пролаял:

— Каковы ваши условия?

— Не знаю,— нерешительно сказала миссис Конрой,— я не успела...

— Если я правильно вас понял, вы еще не думали об условиях,— прервал ее Дамфи.— Прошу прощения.— Он вынул часы.— Мое время истекает. Послушайте, что я скажу. Восемьдесят процентов, конечно, не шутка. Но, чтобы разрабатывать серебряный рудник, надо иметь золотой прииск. Сперва одни лишь расходы; до прибылей надо дорыться. Обогачительные процессы, правка обойдутся нам в двадцать процентов. Имею предложение. Создаем акционерное общество на паях. Сто акций. Капитал — пять миллионов. Вы получаете пятьдесят акций. Двадцать пять я беру себе, остальные двадцать пять размещаю по своему

усмотрению. Ну как? А? Не пришли к решению? Хорошо, подумайте!

Все мысли миссис Конрой были сосредоточены сейчас на двух с половиной миллионах. Они стояли у нее перед глазами; гигантскими цифрами вырисовывались на стенах комнаты; высились до потолка грудями серебряных монет; были написаны на чеках золотыми буквами. Тем не менее, обратив к собеседнику вдруг осунувшееся лицо, она спросила:

— Значит, на эти деньги... можно рассчитывать лишь в будущем?

— Я оплачу ваш чек наличными на второй день после выпуска акций. Бизнес есть бизнес.

При этих словах миссис Конрой приободрилась.

— В таком случае... я... посоветуюсь с мужем,— сказала она.

Мистер Дамфи ухмыльнулся — открыто, явно, беззастенчиво. Миссис Конрой залилась краской, но вовсе не потому, что была поймана на хитрости, как полагал Дамфи. Нет, она опасалась того, что может подумать о ней этот человек, была в страхе, что ему уже известно о равнодушии к ней Гэбриеля.

— Я уже виделся с ним,— безразличным тоном сообщил Дамфи.

Миссис Конрой побелела.

— Он ни о чем не знает,— сказала она еле слышно.

— Можете не объяснять,— полупрезрительно ответил Дамфи.— Он так и сказал мне, велел обратиться к вам. Ничего против не имею. Бизнес есть бизнес.

— Но вы же не открыли ему... вы не посмели... — промолвила миссис Конрой в сильной тревоге.

Мистер Дамфи поглядел на нее с любопытством. Потом встал и прикрыл дверь гостиной.

— Одну минутку,— сказал он холодно и деловито, глядя своей собеседнице прямо в глаза.— Вы имеете в виду, что этот человек... ваш муж... сказал правду? Что он не знает вашей истории, не знает, почему и при каких обстоятельствах вы сюда попали?

— Он ничего не знает... Клянусь всем святым, он ничего не знает,— ответила она, вне себя от волнения.

Как ни странно, мистер Дамфи поверил ей.

— Пусть так, но как же вы теперь введете его в курс дела? Без него вы не можете даже пальцем пошевелинуть.

— А ему и не нужно ничего знать. Он открыл жилу, и руда принадлежит ему, я остаюсь в стороне, все равно как

если бы мы были совсем чужие люди. Ведь по закону руда принадлежит открывателю, независимо от того, на чьей земле она найдена. Когда я назвалась именем его сестры, я могла претендовать на владение землей, но земля обрела цену лишь с той минуты, как он нашел руду. Сейчас даже его сестра, — добавила она, вдруг сверкнув глазами, — даже его собственная сестра, будь она в живых, не могла бы отнять у него эту землю.

Да, все, что она говорила, было именно так. Женщина, на слабостях которой он рассчитывал играть, перехитрила их всех, ушла у них между пальцев. И как ловко она их провела! Какая чистая работа! Дамфи чувствовал себя одураченным, но не мог скрыть своего восхищения. Он сказал от души, совершенно откровенно:

-- Хвалю! Бизнес есть бизнес!

И тут — о боже! — эта хитроумная женщина, эта бездушная интриганка вдруг залилась слезами и стала молить его, чтобы он ничего не говорил ее мужу.

Она показала таким образом, что ничем не отличается в своих слабостях от прочих представительниц прекрасного пола, и мистер Дамфи воспрянул духом.

— А чем вы докажете, что ваш муж открыл руду первым? — спросил он довольно грубо, хоть и сохраняя в голосе покровительственные нотки. — А что, если в документе, который доктор Деварджес оставил сестре вашего мужа, имеются доказательства, что первым открыл руду он?

— Если это и так, доктора Деварджеса нет в живых, а документ у меня.

— Понятно. — Дамфи поглядел на часы. — У меня еще пять минут. Послушайте-ка, что я вам скажу. Не буду скрывать, вы ловко провели это дело, чертовски ловко. Сейчас, если вам вздумается, вы можете послать меня к черту. Можете! Признаю! Не скрою и того, что вступая в это дело, я собирался на нем подзаработать. Собирался! Бизнес есть бизнес! А с другой стороны, оба мы — и вы и я — неплохо узнали друг друга за это время, и для вас будет много выгоднее действовать и дальше, опираясь на меня и помогая кое в чем мне, нежели обращаться к другому человеку. Верю, вы легко найдете в Сан-Франциско дюжину людей, которые предоставят вам условия не хуже моих, а может, и повыгоднее. Но заинтересованы ли они в том, чтобы скрыть от мира некоторые неприятные воспоминания о прошлом? Нет, конечно. А я заинтересован! Понятно?

Миссис Конрой выразила согласие, протянув ему руку.

— Никто не должен знать о моей тайне, а он в особенности,— горячо сказала она.

— Гарантирую! Бизнес есть бизнес!

Хитрецы обменялись рукопожатием, проявив при этом взаимное уважение и доверие, которому могли бы позавидовать многие честные люди; затем мистер Дамфи отправился обедать.

Едва успела миссис Конрой закрыть за гостем парадную дверь, как с заднего крыльца вбежала Олли. Миссис Конрой обняла ее и осыпала поцелуями, стараясь излить в них обуревавшую ее радость и — кто знает? — быть может, некоторое чувство вины. Однако Олли оказала сопротивление. Когда ей удалось наконец высвободить свою кудрявую головку, она сказала сердито:

— Пустите меня. Я хочу с ним поговорить.

— С кем? С мистером Дамфи? — спросила миссис Конрой, все еще держа ее в объятиях и заливаясь полуистерическим смехом.

— Да, Гэйб сказал мне, что он здесь. Пустите меня.

— О чем ты будешь с ним говорить? — спросила миссис Конрой, продолжая хохотать.

— Гэйб мне сказал... Гэйб сказал... Пустите вы меня или нет? Гэйб сказал, что он ее видел...

— Кого?

— Мою любимую, мою ненаглядную сестру Грейс! Пустите же! Я не хотела вам сделать больно!.. Я должна идти!..

И она убежала, оставив будущую хозяйку двух с половиной миллионов в одиночестве, терзаемую досадой и подозрениями.

Глава 3

МИСТЕР ДАМФИ ВСТРЕЧАЕТСЯ СО СТАРЫМ ДРУГОМ

Мистер Дамфи был верен своему слову. Через несколько дней после возвращения в Сан-Франциско он отправил нарочного к Виктору, чтобы тот явился к нему в контору. Он рассудил, что хоть Виктор и выбыл из игры и не может иметь никаких претензий на открытую серебряную руду, тем не менее, поскольку он был замешан в самозванстве

миссис Конрой, с ним следует договориться по-хорошему. Пока он сидел и ждал ответа, клерк подал ему визитную карточку. Бросив на нее нетерпеливый взгляд, Дамфи прочитал: «Артур Пуанзет». В кругу дельцов и сидя за своим столом в конторе, Дамфи привык ни с кем не считаться. Но имя владельца карточки было слишком известным, и банкир сразу решил принять его. Следует добавить, что гость принадлежал к более высоким социальным сферам, нежели хозяин, и Дамфи, при всех своих демократических замашках, был достаточно хитер и расчетлив, чтобы не ссориться с верхами. Не поднимая глаз от бумаг на столе, он сказал: «Просить!»

Дверь отворилась. Не проявляя ни малейшего смущения или замешательства, обычно свойственного посетителям мистера Дамфи, в комнату вошел небрежной походкой элегантный молодой человек. Можно, пожалуй, утверждать, что еще никто из побывавших в этом кабинете не проявлял столь глубокого равнодушия к сидевшему за столом великому капиталисту. Вместе с тем гость, будучи человеком воспитанным, положил свою шляпу на стол и проследовал не спеша к камину, где и стал, повернувшись спиной к огню, терпеливо, хоть и чуточку пренебрежительно ожидая, пока хозяин кабинета соизволит обратить на него внимание. Мистер Дамфи был вынужден поднять голову.

— Жаль отрывать вас от дел. Я вижу, вы очень заняты. Ваш клерк сказал, что вы готовы принять меня; по-видимому, он ошибся.

подавляя досаду, мистер Дамфи отложил перо и встал из-за стола.

— Моя карточка ничего вам не говорит,— сказал молодой человек, улыбаясь.— Я в более счастливом положении; к тому же у меня отличная память на лица. Последний раз, когда я вас видел,— когда же это было — да лет пять тому назад! — вы жевали клок бизоньей шкуры, чтобы не умереть от голода.

— Филип Эшли,— промолвил, понизив голос, мистер Дамфи и, торопливо оглядевшись, подошел к гостю.

— Вы совершенно правы,— сказал Пуанзет, повышая голос, словно назло собеседнику.— Я принял это имя во время путешествия. А вас, значит, и в самом деле зовут Дамфи?

Если бы Дамфи питал тайную надежду смутить Пуанзета, назвав его Эшли, то после полупрезрительного замечания о его собственном имени ему все равно пришлось бы

с ней расстаться. Но он и не помышлял ни о чем подобном. Протестуя всем своим существом, Дамфи чувствовал, как в нем просыпается в отношении стоявшего перед ним человека то же старое чувство субординации, подчиненности низшего высшему, что и пять лет тому назад. Тщетно твердил он себе, что он теперь другой Дамфи, что он богат, влиятелен. В помещении собственного банка, в личном кабинете, он стоял навытяжку, ожидая приказа от пришельца! Собравшись с духом, он попытался вернуть утраченный апломб.

— Вы по делу ко мне? А, Пуанзет?

В первой части этого обращения он старался выдержать холодно-официальный тон; во второй — попытался быть фамильярным; но ни в той, ни в другой роли не преуспел.

— Разумеется, по делу,— небрежно ответил Пуанзет, грея ноги у огня.— Никогда не решился бы попусту беспокоить такого занятого человека, как вы, да еще в разгар рабочего дня. Я узнал, что ваш банк заинтересован в рудном месторождении, недавно обнаруженном в Гнилой Лощине, на землях прежнего Ранчо Невинных Младенцев. Дело в том, что на эту землю имеется дарственная, пока еще, правда, не предъявленная в суд. Она принадлежит одному из моих клиентов.

— Имя? — быстро спросил Дамфи.

— Это несущественно, да и не имеет для вас значения, пока делу не придан законный ход,— спокойно ответил Артур.— Впрочем, если вас мучает любопытство, извольте. Мисс Долорес Сальватьерра.

Дамфи сразу успокоился и даже несколько воодушевился.

— Ваша претензия ничуть не ущемляет... — начал он.

— Ваших прав на рудное месторождение. Безусловно,— спокойно перебил его Артур.— Я пришел не с тем, чтобы отстаивать чьи-либо права или претензии. Может статься, что мы вообще не предъявим дарственную в суд. Пока что моя клиентка желает лишь выяснить, что за люди поселились на этой земле или,— если вас это больше устраивает.— владеют ею. Ваш банк представляет их интересы, не так ли? Они называют себя мужем и женой. О ней нам известно, что первоначально она выступила в качестве незамужней женщины, назвалась Грейс Конрой и заявила, что предыдущий владелец передал ей права на землю, о которой идет речь. Далее она появилась во второй раз уже в качестве жены некоего Гэбриеля Конроя, который, как я

понимаю, считал и считает себя братом Грейс Конрой. Ни одно из перечисленных утверждений ни разу не было подкреплено документами. Согласитесь, история довольно запутанная, суд едва ли придет от нее в большой восторг. Впрочем, не будем предварять судебное решение. Речь идет пока о другом, и, как мне кажется, Дамфи, вы здесь можете оказаться полезным. Кто они такие — этот брат и эта сестра, те ли, за кого себя выдают, или же самозванцы? И действительно ли они супруги? Хочу сразу заявить вам, что при любом варианте мы не имеем в виду оспаривать ваши коммерческие интересы.

Мистер Дамфи почти полностью обрел свое обычное нахальство.

— Чего вы меня спрашиваете? — сказал он, засовывая руки в карманы. — Вы же сами сбежали с настоящей Грейс Конрой.

— Ах, так! Значит, если я вас правильно понимаю, эта — не настоящая. Премного благодарен. Ну, а брат?

— Гэбриель Конрой! Я его видел, — хмуро ответил Дамфи, досадуя, что выболтал лишнее. — А почему бы вам не отправиться туда самому?

— Благодаря вашей любезности я могу теперь этого не делать, — ответил, улыбаясь, Артур. — Я верю вам. Какой адвокат станет оспаривать показания собственных свидетелей? Так кто же эта женщина?

— Жена покойного доктора Деварджеса.

— В самом деле?

— Да, если только Грейс Конрой не вздумает оспорить у нее и эти права. Старик здорово запутался и с имуществом и с женами.

Дамфи хотел задеть Артура, но тот остался равнодушным. Он только спросил:

— Имеются ли документы, подтверждающие, что она вдова Деварджеса? Если она сумеет доказать, что пострадала от несправедливости мужа, это будет иметь значение для моей клиентки. Моя клиентка не нуждается в деньгах, и ее симпатии, разумеется, на стороне истинных наследников. Кстати, имеется ведь вторая сестра?

— Да, еще ребенок.

— Ну что ж, это все, что я хотел знать. Благодарствуйте, не смею более отнимать у вас время. Добрый день!

Он взял шляпу и направился к двери. Мистер Дамфи не знал, сколько пользы извлек Пуансет из только что закончившейся беседы, но в одном он был твердо уверен: он,

Дамфи, ничем тут не поживился. Поэтому, с обычной наглостью, он сделал попытку взять реванш.

— Послушайте,— сказал он Артуру, который с большим тщанием надевал шляпу на свою кудрявую голову.— Вы-то ведь должны знать, жива она или нет? Что случилось с этой девушкой?

— К сожалению, не знаю,— спокойно ответил Пуанзет,— иначе я не стал бы к вам обращаться.

Что-то в манере Пуанзета препятствовало Дамфи зачислить его в категорию «обычных людишек», которых он привык считать «лгунами всех до одного».

— Когда и где вы видели ее в последний раз? — спросил он несколько повежливее.

— Когда я поехал назад в лагерь, то оставил ее в семье траппера, неподалеку от Норс-Форк. В лагерь я прибыл слишком поздно. Спасатели нашли одних лишь мертвецов. Вернувшись, я не застал Грейс, она куда-то уехала, быть может, со спасательной партией. До сих пор я ведь считал, что и вас спасла эта экспедиция.

Наступило молчание. Авантюристы искоса оглядывали друг друга. Следует напомнить, что оба они скрыли от спасателей, что принадлежали к партии, погибшей в снегах. Каждый, однако, знал это лишь о себе, но не знал ничего про другого. Поэтому авантюрист более низкого пошиба, охраняя свою тайну, не посмел задать своему соотарищу важный вопрос, который, будь он задан, мог бы многое изменить в их отношениях. Не зная об истинной причине молчания Дамфи, Артур решил, что тот ни в чем не подозревает его и что он, Пуанзет, по-прежнему хозяин положения. Небрежно кивнув Дамфи, он удалился.

Выходя, он столкнулся в дверях с невысоким коренастым человеком. Некий ток взаимного отвращения заставил обоих мужчин обменяться взглядом. Новоприбывший был желтолиц и, хотя был крепко скроен, выглядел чахоточным; нижняя челюсть у него была недоразвита; изо рта торчали крупные белые зубы. Этот рот — постоянно открытый, словно владелец его страдал удушьем,— вызвал у Пуанзета смутное неприятное воспоминание, как-то связанное для него с залом суда. Незнакомец разинул рот еще шире, как бы приветствуя Пуанзета, тот ответил легким кивком и, приписав охватившую его гадливость странной внешности незнакомца, тут же позабыл о происшедшем.

Реакция новоприбывшего была иной. Он пристально поглядел вслед Артуру, затем столь же подозрительно воз-

зрился на Дамфи. Однако банкир уже обрел обычную наглость и самоуверенность.

— Что имеете предложить?

Это был обычный вопрос, который он задавал посетителям.

— Вы послали за мной,— возразил гость.— Значит, сами хотите что-то сказать.

— Да, хочу. Ко мне приходят люди и сообщают, что на эту землю имеется вторая дарственная. Что все это значит, Рамирес?

Возведя к небу глаза с желтыми веками, Виктор пожал плечами.

— Что вам ответить? Бывают дарственные и дарственные!

— Золотые слова! Надеюсь, вам известно, что мы теперь заполучили кое-что покрепче дарственной. Мы нашли в этой земле руду.

Слегка поклонившись, Рамирес прошипел сквозь зубы:

— Вы, кажется, сказали «мы»?

— Да, я решил помочь ее мужу организовать акционерное общество.

— Ее мужу?

Дамфи смерил своего собеседника косым взглядом; что-то в поведении Виктора встревожило его. Дамфи принадлежал к людям, которые для поддержания духа нуждаются в постоянной удаче; сейчас он был несколько обескуражен встречей с Пуанзетом, и в нем закипала досада.

— Да, ее мужу! Имеете какие-нибудь другие предложения? Нет? Отлично. Я вызвал вас, чтобы сообщить, что, поскольку дело улажено сейчас законным образом, вам следует начисто позабыть и о ее прежнем положении, и о прежних планах. Ну как? Дошло? — Раздраженный Дамфи перешел на просторечие: — Вы отродясь не слыхали ни о какой мисс Конрой!

— Не было сестры. Есть жена. Так?

— Вот именно!

— Так! Так!

— Конечно, вы получите кое-что за подготовительные шаги, которые вы предприняли, хотя, вы сами это видите, пользы от них никакой; старая дарственная на землю теряет теперь всякое практическое значение. Если говорить прямо, вы не имеете ни малейшего отношения к ее нынешнему успеху, разве только,— Дамфи обрадовался случаю

выместить на другом свою досаду, — разве только вы по-требуете с нас куртаж за устройство ее брака с Гэбриелем.

Обнаженные желтые десны Виктора стали еще желтее.

— Ха-ха! Отличная шутка! — рассмеялся он. — Нет, я не жду за это платы. Даже от вас. Ха-ха-ха!

Если бы мистер Дамфи прочитал в этот момент истинные мысли Рамиреса, он, наверное, поспешил бы ретироваться к дверям, за которыми работали его клерки.

— Значит, единственно, за что мы можем вам уплатить, это — за молчание. Здесь не должно быть никаких неясностей. В молчании заинтересованы прежде всего вы, а мы лишь в той мере, в какой это касается общественного положения миссис Конрой. Предупреждаю: любая допущенная вами огласка погубит вас как бизнесмена; мы останемся в стороне. Если вам не терпится, можете хоть сегодня вечером выложить всю историю; это не помешает мне завтра утром продать жилу Гэбриеля за наличные. Доказать, что руда была открыта раньше, можно, лишь предъявив некий документ, которым владеем мы. Быть может, мы платим вам именно за то, что вы об этом знаете. Если вам нравится, считайте так. Запомните также, что при любой попытке изъять у нас этот документ по суду или иным способом мы его немедленно уничтожим. Ну как? По рукам? На другой день после выпуска акций вы получите чек. Или вы предпочитаете акции?

— Я предпочитаю деньги, — сказал Виктор с зловецким смехом.

Дамфи не счел нужным реагировать на насмешку.

— У вас трезвая башка, Виктор, — сказал он, возвращаясь к своим бумагам. — Действительно, к чему вам акции? До свидания.

Виктор направился к двери.

— Да, еще, Виктор, — сказал Дамфи, медленно приподнимая голову, — если вы знакомы с владельцем новооткрытой дарственной, шепните ему по секрету, чтобы он не судился с нами, — безнадежно! Только что я сказал это и его юристу.

— Пуанзету? — сказал Виктор, став в дверях.

— Да, Пуанзету. Но поскольку он также и Филип Эшли, тот самый Эшли, который сбежал с Грейс Конрой, то повидайтесь с ним. Возможно, он будет вам более полезен, чем я. Прощайте.

Мистер Дамфи отвернулся от ошеломленного Виктора. Чувствуя, что теперь-то уж он полностью вернул утраченный апломб, он позвонил в колокольчик, чтобы впустили следующего посетителя.

ДЖЕК ГЕМЛИН БЕРЕТ ОТПУСК

Вот уже почти целый месяц мистер Гемлин чувствовал себя неважно; сам он в беседах с друзьями отзывался о своем самочувствии так: «Прикуп не тот!» Знаменитый доктор Дюшен, в прошлом военный врач, внимательно осмотрел Джека, задал ему несколько щекотливых вопросов, которые привели больного в полный восторг, после чего сказал внушительно:

— Вы совершенно не считаетесь со своей профессией, Джек. Человек, избравший специальностью *фараон*, не может позволить себе такую роскошь, как девяносто пять ударов пульса в минуту! Дела у вас шли хорошо, и вы не отказывали себе в развлечениях. Так я и думал! Вы набрали чрезмерную скорость, Джек, шли под слишком сильным давлением. Теперь вам придется открыть предохранительный клапан, снизить стрелку манометра. Приглушить огни в топках, закрыть поддувала. Ближайшие два месяца вашим пароходом буду командовать я. Я обращаю вас в христианскую веру! — Заметив ужас, выразившийся на лице Джека при этих последних словах, доктор поспешил пояснить свою мысль: — Я хочу сказать, что вам придется ложиться спать, не дожидаясь полуночи; вставать раньше, чем вам этого захочется; больше есть и меньше пить; не играть на выигрыш; стараться скучать как можно чаще. Слушайте меня во всем, и ровно через два месяца я усажу вас за карточный стол свежего, как огурчик. Вы когда-то любили петь, Джек. А ну-ка, сядьте к пианино, покажите, на что вы способны. Так! Так! Что ж, меня это не удивляет. Вы решительно не в голосе. Всю ближайшую неделю будете упражняться каждодневно! Я давно уже не видел, Джек, чтобы вы беседовали на улице с детьми. А куда делся тот мальчишка-чистильщик, которого вы опекали? Черт побери, я отправлю вас в сиротский дом; это принесет пользу и вам и детям. Поселитесь у какого-нибудь бедняка *ранчero* с дюжиной ребят и организуйте там детский хор. Что вы будете есть — совершенно неважно, лишь бы ели вовремя. Мне проще было бы вылечить вас, если бы вы ютились где-нибудь в голодном лагере (как сейчас вспоминаю одного беднягу в Сьерре — это было лет шесть тому назад), а не в этом шикарном отеле. Ну ладно, договорились! Вы даете слово слушаться меня, а я выполню все, что обещал.

Голова у вас перестанет кружиться, бок не будет болеть, сердце утихомирится, и вы вернетесь к карточному столу. Сейчас вы все равно никуда не ходите, Джек. Я берусь понтировать против вас ночь напролет, даже если в банке будет миллион!

Из этих последних замечаний доктора читатель может с уверенностью заключить, что он не был педантом. Он не стремился выяснить, отвечает профессия Джека требованиям строгой морали или же нет; все, что он хотел, — это поставить Джека на ноги, чтобы тот мог успешно выполнять свои профессиональные обязанности.

Таковы были взгляды доктора. Буквально через несколько дней, беседуя с одним из своих пациентов, весьма известным в городе священнослужителем, он сказал:

— Хочу прописать вам тот же режим, что Джеку Гемлину. Не знакомы с ним? Профессиональный игрок. Отличный малый. Вы мне чем-то его напоминаете. Болезнь у вас одинаковая: острое переутомление. Будьте спокойны, я вас вылечу.

И вылечил!

Прошло не более двух недель после описанной беседы, и Джек Гемлин, страдая по-прежнему от скуки и общего отвращения к жизни, но твердо следуя указаниям врача, пустился в путешествие по южному побережью. В Сан-Луис-Рей, на бое быков, у него родилась была отличная мысль поставить на быка крупную сумму и выпустить на него медведя-гризли; но, верный слову, он отказался от претворения ее в жизнь. На другой день в глупейшем старомодном дилижансе он перевалил через Береговой хребет и вкатил в тихую миссию Сан-Антонио. Дорога изрядно утомила его, городок был на вид преунылый; потому, отказавшись от обычной шутливо-богохульной беседы с хозяином гостиницы и предоставив все переговоры своему верному оруженосцу и телохранителю, негру Питу, Джек занял номер и улегся в постель, по обыкновению испанокалифорнийских трактиров кишевшую блохами.

— Ну как она, Пит? — спросил он томным голосом.

Пит изучил до тонкости речь своего хозяина и, поняв сразу, что местоимение женского рода относится к городку, ответил весьма обстоятельно.

— Если говорить по правде, масса Джек, интересного для вас здесь мало. В баре трое каких-то играют в *монте*, но играют нечисто. Вам не стоит на них глядеть, только расстроитесь. Во дворе привязана к столбу славная лошада-

ка, да только хозяин у нее совсем олух. Если бы вы были здоровы, я отпустил бы вас вниз, побились бы там об заклад с мексиканцами. Но сейчас это вам ни к чему. Рядом с нами школа, должно быть, воскресная. Ребятишки там сейчас молятся и возносят хвалу всевышнему.

— Какой сегодня день? — спросил Джек с самыми мрачными предчувствиями.

— Воскресенье, сэр.

Издав мучительный стон, Джек перевернулся на другой бок.

— Дай какому-нибудь мальчишке четвертак и скажи, что если он придет поболтать со мной, то получит еще столько же.

— Сегодня никто из ребятишек к вам не пойдет, масса Джек. Их выпорют дома, если они сбегут из воскресной школы. В воскресенье они должны слушаться родителей. Это божий день, сэр.

Отчасти, чтобы нагнать страху на своего камердинера, который хоть и прислуживал хозяину-нечестивцу, сам был весьма набожен, Джек в ужаснейших выражениях заклеил религию, возбраняющую детям навещать его именно в тот день, когда ему этого хочется.

— Открой окно, — простонал он в заключение, — подвинь меня к окну. Вот так. Дай мне этот роман. Сегодня вслух читать не будем; закончишь «Руины» Вольнея в другой раз.

(Следует пояснить, что со времени своей болезни Джек приучил Пита читать ему вслух. Для этого он подбирал книги, содержание которых почему-либо особенно сильно возмущало Пита. Произношение Пита было таково, что понять что-нибудь из его чтения было решительно невозможно. Вдобавок по просьбе Джека он повторял наиболее трудные слова по нескольку раз. Бедный Пит даже не подозревал, какое грандиозное развлечение он доставлял своему хозяину.)

— Поди погуляй, — сказал Джек, когда Пит устроил его так, как ему хотелось. — До вечера ты мне не нужен. Возьми с собой денег. Не думаю, чтобы здесь отыскалась церковь по твоему вкусу, но все равно, если кто-нибудь помешает тебе молиться, бей его прямо в зубы. Если не сможешь справиться сам, приметь негодяя, я добавлю ему позже. (Мистер Гемлин считал, что на всем свете только он один имеет право критиковать религиозные воззрения Пи-

та.) Счастливо! Не напивайся до бесчувствия, Пит! Помни, что водка здесь — чистый яд!

После этой напутственной речи мистер Гемлин повернулся к окну и попытался заняться чтением. Но не прочел он и трех строк, как буквы стали расплываться у него перед глазами и он вынужден был отложить книгу в сторону. Он вспомнил свою последнюю беседу с доктором и вынужден был констатировать, что самочувствие у него «все еще неважное», а боли «пожалуй, даже чрезмерены». «А что, если я вдруг ослепну или меня хватит паралич?» — подумал он. Сперва эта мысль позабавила его. Он попытался представить, как будет метать банк, сидя с парализованными ногами. Если говорить всерьез, ноги банкомету — ни к чему. Потом он подумал, что раз для слепых изобрели книги с выпуклыми буквами, значит, можно напечатать и выпуклые карты. Он улыбнулся, представив, как нащупывает пальцами «пару» или «флеш». Постепенно думы его приняли более мрачный оборот. Он вспомнил беднягу Гордона, который застрелился, когда понял, что ему грозит паралич. «И правильно сделал!» — подумал Джек. Все эти размышления навеяли на него грусть; он даже решил чуточку выпить для поднятия настроения; но потом, памятуя о данном слове, передумал и постарался отогнать от себя неприятные мысли.

Чтобы рассеяться, он выглянул в окно. Оно выходило на грязный двор. За долгие летние месяцы тысячи конских копыт истолкли пересохшую землю в мельчайшую пыль. За глиняной стеной высилась черепичная кровля, а еще выше поднимались две четырехугольные церковные башни. Между башнями виднелась темно-зеленая листва, а дальше за ней — сверкающая гладь океана.

Было знойно и тяжело. Занавесь на окне не шевелилась. Пассатные ветры, привыкшие изводить и тиранить беззащитную миссию Сан-Антонио, запропали куда-то: плакучая ива под окном, впадавшая в конвульсии даже по самому малейшему поводу, стояла сегодня тихая, недвижимая. Даже сияющее море словно страдало от удушья.

Вдруг, по неизвестной причине, Джек подумал о человеке с полураскрытым ртом из сакраментского отеля, с которым он затеял ссору в Сан-Франциско. Посмотрите — он едва верил своим глазам! — этот тип, этот самый тип стоял во дворе, в холодке, и глазел прямо на окна трактира. Мгновенно, без малейшего разумного повода, Джек впал в ярость. Если бы Пит был дома, он немедля послал бы его

вниз, чтобы сообщить этому человеку все, что он о нем думает. Джек продолжал разглядывать незнакомца, но тут некие волшебные звуки отвлекли его внимание.

Он услышал звуки органа. Исполнение было посредственным, да и инструмент, как видно, плоховат. Но Джек страстно любил орган. Рассказывая о нем, я совсем позабыл упомянуть, что он состоял штатным органистом во Второй пресвитерианской церкви в Сакраменто до того несчастного дня, когда кто-то из более солидных прихожан усмотрел противоречие между занятием Джека в будни и по праздникам, после чего церковный староста — процветающий торговец спиртными напитками — потребовал отставки Джека. Прошло время, Джек стал играть на фортепьяно, но органа забыть не мог. У него была заветная мечта: постепенно повысить музыкальную культуру посетителей игорных домов, приобрести в собственность большой орган и установить его в самом шикарном салуне в городе. Сейчас он откинулся на подушку и весь превратился вслух. Приглядевшись, он увидел также, что здание по соседству — позднейшая пристройка к старой церкви, а то, что выглядело нишей, просто глубокий проем окна. Но вот мелодию органа подхватил хор детских голосов. Мистер Гемлин замер. Это была моцартовская месса, которую он знал наизусть.

Тихонько мурлыкая про себя, он почувствовал, как пропадают понемногу боль и слабость, как исчезает дурнота. Потом, позабыв решительно обо всем на свете, как и подобает истому меломану, он запел полным голосом (у Джека был хватающий за душу тенор, весьма любимый всеми его друзьями) и, кажется, начисто заглушил робкие голоса послушников. Любо было поглядеть на этого сентиментального прощелыгу! Больной, почти что погибающий от последствий беспутной жизни, он лежал в неприбранном номере в убогой испанской гостинице и воспевал хвалу пресвятой деве! Он исполнил всю мессу подряд и кончил лишь тогда, когда смолкли орган и голоса детей. Потом приподнялся на локте и выглянул во двор. С пригоршней мелочи наготове он терпеливо ждал кого-нибудь из певчих, чтобы затеять беседу; за искусство в шутливом диалоге его обожала детвора. Но ожидания его не оправдались. «Должно быть, детишек задержали в воскресной школе», — подумал Джек и уже собрался было откинуться вновь на подушки, когда в зарешеченном узком окне вдруг мелькнула женская фигура.

Мистер Гемлин чуть не задохнулся от волнения, к его бледным щекам прилила кровь. Джек был крайне чувствителен к женским чарам, а у решетки стояла девушка-индианка необыкновенной красоты. Джек готов был поклясться, что ничего прекраснее не видывал в жизни. Девушка недвижно стояла в глубоком проеме окна, подобно оправленному в раму изображению святой; только красота ее была скорее земной, нежели ангельской, а в больших глазах, окаймленных длинными ресницами, светилось нетерпеливое женское любопытство. Уверенный, что он надежно укрыт за занавесью, мистер Гемлин не отрываясь глядел на бронзоволицую красавицу, которая явилась ему словно дух, вызванный магией его голоса из этой хладной темно-красной стены. Видение пропало столь же неожиданно, как и возникло. С ним вместе для Джека погасли сияние дня и блеск моря.

Когда к вечеру вернулся Пит, он был удивлен и обеспокоен представившимся ему зрелищем. Хозяин его сидел у окна, готовый к выходу; глаза у него блестели, на щеках играл румянец.

— А вы не нарушили какого-нибудь из приказаний доктора, масса Джек? — несмело спросил Пит.

— Можешь проверить фляжку. Если ты сам к ней не прикладывался, старый лицемер, она полна до горлышка, — ответил Джек, развеселившись от тайного намека, скрытого в вопросе слуги. — Одейся я, чтобы идти в церковь. Хочу выяснить на месте, где ты там ухитряешься добывать спиртное. А весел я потому, что вступил на стезю добродетели. Ну-ка, открой «Руины» Вольнея, почитай мне на пробу. Довольно, ты совсем разучился читать, Пит. Кстати, почему ты считаешь, что если ты любишь господа бога, я должен из-за этого умирать с голоду? Закажи мне ужин, да поживсе. Стой, куда ты помчался? Посылаю его в город с важным поручением, он три часа пропадает невесть где, а теперь норовит смыться, не сказав мне ни слова.

— Вы посылали меня с поручением? — спросил изумленный Пит.

— Разумеется! Разве я не велел тебе изучить религиозные интересы населения в этом городе? — продолжал свой монолог мистер Гемлин с каменным выражением лица. Разве я не поручил тебе выяснить, уместно ли будет верующему христианину и бывшему органисту Второй пресвитерианской церкви города Сакраменто посетить здешнюю католическую службу? Теперь всю эту тяжесть ты преспо-

койно перекладываешь на мои плечи. Да я об заклад готов биться, что ты даже не заглянул в католическую церковь!

Вконец обескураженный Пит схватил платяную щетку и принялся с судорожным усердием чистить платье на своем хозяине.

— Я не папист, масса Джек, но если бы я знал, что вы хотите...

— Тысяча чертей! Мало того что он морит меня голодом, он еще поносит католическую церковь, единственную, черт меня подери, церковь, куда порядочный человек...

Перепуганный Пит выбежал из комнаты.

Колокола только что отзвонили, и до вечерней службы оставалось еще добрых полчаса, когда мистер Гемлин прогулочным шагом вошел в старую церковь. В полумраке смутно чернели три-четыре коленапреклоненные фигуры. Нетусклый свет зажженных в алтаре свечей, а скорее сила интуиции подсказала Джеку, что той, кого он искал, в храме не было; укрывшись в тени колонны, он терпеливо приготовился ждать. Время тянулось медленно. Грузная женщина, от которой разило чесноком, вошла и опустилась на колени почти что рядом с ним. Вслед за ней явился смуглолицый *вакero*; Джек узнал его сразу; он заметил этого человека еще из окна дилижанса и пришел в восторг от богохульной испанской брани, которую тот изливал на непослушных коров; сейчас *вакero* рухнул на колени и с уже известным Джеку природным красноречием воззвал к пресвятой деве. Потом вошли двое или трое, в которых Джек признал игроков в *монте* из своего трактира. Они стали молиться плаксивыми голосами; как видно, жаловались на проигрыш. Но вот мистер Гемлин пришел в страшное волнение; частота его вдруг подпрыгнувшего пульса сильно напугала бы доктора Дюшена. Всем своим существом он почувствовал, что где-то совсем рядом стоит другой человек, ожидающий кого-то так же нетерпеливо, как он сам, и с не меньшим тщанием вглядывающийся в каждого, кто входит в храм. Кто бы это мог быть? Украдкой, прячась в тени колонны, он старался разглядеть незнакомца. Он узнал глаза и торчащие зубы человека, которого уже видел сегодня, своего старого врага из Сакраменто.

Если бы дело происходило не в церкви, Джек тотчас же затеял бы ссору с Рамиресом, дал бы волю своей инстинктивной вражде к нему. Пока что он решил, что непременно последует за Рамиресом, когда тот выйдет из церкви, и постарается выместить на нем свое дурное настроение (если, конечно, оно не исправится к тому времени). Ему необхо-

димо рассеяться, или он попросту подохнет со скуки в этом испанском городишке. Писатели, исследующие состав человеческой души, напрасно полагают, что страсти живут в ней отдельно одна от другой; чем слабее становилась надежда Джека, что он увидит прекрасную незнакомку, тем яростнее клокотала в нем злоба против Рамиреса. Но вот две женские фигуры заслонили свет у входа; послышалось шуршание шелковых одежд; какой-то пряный аромат перебил запах ладана. Джек поднял глаза, и сердце его замерло в груди.

То была она. Подойдя к скамьям для молящихся поблизости от него, она откинула черную вуаль, и он увидел то же недвижимое лицо, лицо дриады, что явилось ему в окне. Сейчас она показалась ему вдвое прекраснее. Даже странный цвет ее лица таил для Джека неизъяснимое очарование. Она огляделась, помедлила мгновение, потом опустилась на колени между двумя игроками в *монте*. Теряя власть над собой, Джек шагнул вперед, словно хотел сказать, что они ей не компания. И тут же, замерев на месте, залился краской стыда; впервые в жизни он усомнился, что избрал достойную профессию.

Пел орган, священник монотонным голосом вычитывал молитву, клубы ладана вздымались в застоявшемся воздухе храма, а Джек Гемлин парил в мечтах. Он уже успел выгнать прочь бесчувственного ремесленника, сидевшего за инструментом, и уселся сам на его место; призвав на помощь трубы органа и собственный голос, он возглашал хвалу некоему новому божеству, не воображаемому божеству, нет, вполне реальному существу из плоти и крови. Почти наяву он услышал, как ее юный чистый голос сливается с его голосом, и это слияние — хотя безличное и хладное — все же подарило ему огромную радость, наполнило его душу восторгом. Впрочем, даже паря на крыльях мечты, он отлично понимал, что не мог бы взять сейчас ни единой ноты; дыхание у него прерывалось, к горлу подступил комок. Он принялся внимательно рассматривать соседку. Он глядел на изящную головку с блестящими волосами, на вуаль из дорогого кружева; от его глаз не укрылись и элегантность ее убора, и крохотная туфелька, видневшаяся из-под шелкового платья. Все вместе говорило об утонченном образе жизни, о принадлежности к избранному обществу. Джек почувствовал, что их разделяет безбрежный океан.

Служба кончилась, замолкли последние звуки органа,

дама поднялась с колен. Случись это полчаса тому назад, Джек опередил бы ее, чтобы словить хотя бы мимолетный взгляд прекрасных глаз. Но сейчас им владели непривычные для него чувства; он испытывал робость, неуверенность в себе. Когда дама подошла к стоявшей рядом чаше со святой водой, Джек отступил еще дальше в тень колонны. Сняв с руки перчатку, она подалась вперед — ее теплое дыхание почти что коснулось Джека — и окунула в чашу тонкие пальцы. Когда она подняла руку, чтобы перекреститься, Джек вздрогнул. Несколько капель воды с маленьких пальчиков угодили ему прямо в лицо.

Глава 5

ВИКТОР ДЕЛАЕТ ОТКРЫТИЕ

По счастью для мистера Гемлина, молодая женщина не разглядела его в темноте и, даже не ведая о том, что нечаянно совершила над ним обряд крещения, проследовала, не спеша, к выходу. Когда она немного отдалилась, Джек выступил из своего укрытия, чтобы проводить ее почти-тельным и грустным взглядом. Но не успела она достичь портика, как замерла на месте и быстрым шагом вернулась назад, чуть не задев стоявшего на ее пути Джека. В ее прелестных глазах светился испуг, полураскрытые алые губы побледнели, она была вне себя от волнения. Не замечая Джека и сделав вид, что ей надобна святая вода, она вновь подбежала к чаше, прислонилась к колонне и отвернула лицо прочь, словно ноги отказались служить ей. Джек заметил, как судорожным движением рук она ухватилась за каменные края чаши, как трепет ужаса прошел по всему ее телу.

Набравшись духу, Джек приблизился к незнакомке. Куда девалась его дерзкая, уверенная манера вести себя с женщинами. Краснея как мальчик, он промолвил робко и сконфуженно:

— Не могу ли я чем-нибудь помочь вам, мисс? Мне кажется, вы дурно себя чувствуете... Быть может, устали. Не подать ли вам стул? В этой проклятой дыре такая адская жарница! Простите!.. Я хотел сказать, что здесь чуточку душно. Вы позволите принести вам стакан воды?.. Или подать экипаж?..

Тут она подняла на него глаза, и Джек полностью лишился голоса и присутствия духа.

— Со мной ничего не случилось, — сказала она с совершенным спокойствием, которое испугало Джека еще больше, чем ее недавнее волнение. — Совсем ничего... — Она бросила на него ясный взгляд, открытый и простодушный; но вместе с тем (так, по крайней мере, показалось Джеку) столь холодный и безразличный, что он, всю жизнь глядевший в лицо любому собеседнику, должен был опустить глаза. — Здесь в самом деле душно. Теперь мне лучше.

— Вы позволите принести вам... — снова начал Джек.

— Благодарю вас, мне ничего не нужно. — Сказав это, она сочла все же необходимым объяснить свое поведение: — Когда я выходила, меня стиснули в толпе и у меня закружилась голова... Мне показалось, что кто-то... какой-то мужчина... толкнул меня. Впрочем, быть может, я ошиблась.

Она обратила лицо к выходу. Там действительно стоял какой-то мужчина. Ее взгляд, ее намек — если только в словах ее содержался намек — воспламенили Джека. Не дожидаясь конца ее речи, он направился прямо к двери. Там, к своему изумлению и вящей ярости, он нашел Рамиреса. Мистер Гемлин не стал затруднять себя излишними объяснениями. Произнеся одно-единственное слово, он искусно применил двойной удар — кулаком и коленкой одновременно — и спустил ошеломленного Рамиреса с лестницы, после каковых подвигов вознамерился было вернуться к своей собеседнице. Но она оказалась не менее проворной, чем он. Уловив момент, когда Джек сбросил Рамиреса с лестницы, девушка с необычайной энергией, особенно удивительной после только что проявленной слабости, скользнула вниз и села в свой экипаж, поджидавший ее у самого выхода. Она тотчас укатила прочь, подарив на прощание мистери Гемлину благодарный взгляд и очаровательную улыбку. Джек был на вершине блаженства. Правда, ему предстояло сейчас неприятное объяснение, а быть может, и драка. Но что за беда! Подобная угроза лишь веселила этого шалопаю.

Кто-то положил руку ему на плечо. Обернувшись, он увидел разъяренного, задыхающегося от обиды Виктора. Мистер Гемлин мгновенно расцвел улыбкой.

— Скажите пожалуйста! — вскричал он, имитируя простодушную радость. — Ты ли это, Джонни? Провалиться мне на этом месте! Так вот, значит, где ты обитаешь! На пару со святым Антонием! Кто бы мог подумать? Значит,

я сбросил тебя с твоего собственного крылечка? Как это мне в голову не пришло? Ты стоял с таким важным видом! Подумать только, Джонни!

— Я не Джонни! Карамба! — взревел Виктор, совсем теряя голову от бешенства.

— Быть не может! Не из тех ли самых Карамба, что проживают в Датч-Флете? А впрочем, стоит ли держаться за такое неизящное имя? Джонни — куда лучше! И на твоём месте я не стал бы затевать сейчас ссору. Вспомни-ка, Джонни, какой сегодня день! Воскресенье! Не лучше ли будет пойти сейчас домой. Тихонько пойти домой, а там, если руки так уж чешутся, поколотить беззащитную женщину или ребенка! Но главное, пойти домой. И к чему вынимать из кармана такой острый нож? Ножом можно пальчики порезать, да и народ кругом перепугается. Будь пай-мальчиком, ступай домой. А завтра прямо с утра придешь в гостиницу на соседней площади и спросишь там мистера Гемлина, Джека Гемлина. Он проживает в двадцать девятом номере. Поднимешься прямо в номер и дашь ему там жару. Будь я на твоём месте, у меня вся гостиница утонула бы в крови!

К Виктору подошли игроки в *монте*, как видно готовые принять сторону своего земляка. Увидев это, Виктор решил сыграть на их настроении.

— Или мы совсем не люди, дорогие соотечественники? — со скорбью возопил он. — А кто этот чужеземец? Человек без чести.

Мистер Гемлин, который недурно ориентировался в испанском бранном лексиконе, наострил уши. Союзники Рамиреса уже вскричали было «карамба!», но их смутили искорки в левом глазу мистера Гемлина, доступном их обозрению; к тому же их мучила догадка, что мистер Гемлин прячет у себя в кармане нечто недоступное их обозрению. Впрочем, мистер Гемлин остался при своем любезном, слегка насмешливом тоне.

— Что, эти господа твои приятели? — спросил он весьма приветливо. — Тоже из рода Карамба? Когда пойдешь ко мне, непременно захвати их с собой. Мне кажется, что сейчас они куда-то торопятся. А если вы не поместитесь в моем номере или кто-нибудь не захочет ждать своей очереди, что ж, на площади перед гостиницей, на Пласа-дель-Торос много места, и мы займемся там делом все сразу. Ты, кажется, что-то сказал? Я туговат на левое ухо.

Не успел Джек под предлогом глухоты пододвинуться

к ближайшему противнику, как тот с позором ретировался. Мистер Гемлин захохотал. Вокруг них тем временем собралась толпа зевак, и Джек решил, что пора кончать затянувшуюся беседу, хотя лично он получал от нее бездну удовольствия. Торжественно приподняв шляпу, он простился с противниками, затем, надвинув шляпу с угрожающим видом несколько на нос, медленным шагом направился в свой трактир. Поле сражения оставалось за Виктором и его друзьями, хотя похвастаться победой они никак не могли.

Вернувшись в номер, Джек поднял с постели дремавшего Пита и втянул его в религиозный спор, в ходе которого, к великому ужасу Пита, восхвалял в сильнейших выражениях католическую церковь, объявив все прочие религии недостойными белого человека, а в заключение, вне всякой связи с предыдущим, спросил Пита, в порядке ли пистолеты.

Тем временем Рамирес беседовал со своими друзьями.

— Он трусливо бежал. человек без чести! — заявил он. — Побоялся встретиться нас лицом к лицу! Заметил ты, Тибурцио, как он перепугался? Твоя отвага совсем лишила его мужества.

— О нет, дорогой Виктор, это ты устранил его. У него в груди сердце койота!

— Дух мужества и свободы, истинно мексиканский дух — вот что обратило его в трусливого цыпленка! — сказал третий джентльмен, тот самый, что отступил, когда Джек подошел к нему поближе.

— Давайте отпразднуем победу, выпьем по маленькой!

Виктору не терпелось поскорее отделаться от друзей. Полагая, что выпивка откроет ему такую возможность, он широким жестом пригласил их следовать за ним в ближайший кабачок.

Они попали в самую большую таверну городка. Как и следовало ожидать, она была грязной, зловонной, прокопченной табачным дымом. Стены таверны были украшены произведениями искусства. Гравюры французского происхождения были отлично исполнены, но оставляли желать многого в отношении нравственного содержания; испанские были профанацией искусства, зато свидетельствовали о возвышенности религиозных чувств художника. Портрет святой Анны соседствовал с изображением последнего из генералов, захватившего власть в Мексике. Имелась также аллегорическая картина, на которой Свобода в окружении

всех сил небесных нисходила на мексиканскую конфедерацию. Руководствуясь, как видно, все тем же стремлением сочетать высокую поэзию с драмой, хозяин таверны добавил к своей коллекции ярко раскрашенную американскую рекламную афишу, на которой ангел-хранитель подносил пораженному каким-то тяжелым недугом семейству бутылку фирменной микстуры. В дальнем конце зала двенадцать игроков в *монте* сидели за зеленым столом. За ними арфист, прислонясь к стене, наигрывал меланхолическую мелодию, пощипывая струны своего инструмента теми особыми, ленивыми, медлительными движениями, которые отличают всех бродячих арфистов. Игроки в *монте* не замечали арфиста и не слышали его музыки.

Лицо одного из игроков показалось Рамиресу знакомым. Ну конечно, это был чудак-переводчик, раздражительный иностранец, с которым он столкнулся в памятную ночь, когда приходил к дону Педро. Рамирес узнал его сразу, хотя вместо лохмотьев на нем был сегодня парадный темный костюм, правда, несколько устаревшего покроя. Он играл, не поднимая головы, пока не растаяла маленькая кучка серебряных монет, лежавшая рядом; тогда, поднявшись с сумрачным видом, он кивнул оставшимся игрокам и удалился.

— Он проиграл пять монет по пятидесяти центов; это его обычная норма, не больше и не меньше, — сказал Виктор своим приятелям. — Больше он сегодня не будет играть.

— Ты знаешь его? — спросил Винсенте, в восторге от шикарных знакомств Рамиреса.

— Еще бы! — ответил Рамирес. — Это — шакал, верный пес *американос*, — презрительно добавил он, решив попутно отомстить незнакомцу за то, что тот нагрубил ему. — Хвастает, будто изучил наш язык, историю нашей страны. И что ж, когда нужно поточнее выяснить какой-нибудь сложный оборот речи или юридический термин, к кому они обращаются? К нам? Ничуть не бывало! К нему! Вот каковы эти еретики! Карамба!

— Карамба! — вскричал Винсенте, патриотические чувства которого были подогреты алкоголем.

Но Виктор развязал язык своему собутыльнику, имея в виду чисто личные интересы.

— Такова жизнь, друг мой! — сказал он наставительно. — Скажи мне, часто приезжают к вам *американос*?

— Ты знаешь знаменитого американского адвоката — нашего друга — дона артуро Пуанзета?

— Конечно, — нетерпеливо ответил Рамирес, — бывает он здесь?

— Господи! Да как же ему не бывать, — рассмеялся Винсенте. — Приезжает. Гостит подолгу. У него здесь клиентка, молодая вдова, прехорошенькая и к тому же богачка. Американка, как и он сам.

— Ты осведомленный человек, Винсенте.

Винсенте залился дробным пьяным смешком:

— Все, что я тебе говорю, — истинная правда! Каждое словечко! Можешь мне поверить!

— Кто же она, эта очаровательная клиентка?

— Донна Мария Сепульвида, — сообщил пьяным шепотом Винсенте.

— Ты же сказал, что она американка?

— Так и есть. Американка. Это случилось давно. Она была совсем юной. Американцы только что появились в наших краях, и она приехала с ними. Дон Хосе Сепульвида, старый вдовец, нанял ее гувернанткой к своей дочке; она и сама была почти ребенком. Вечная история! Она хороша собой, бедна, молода. Он стар, сед и богат. Трут и пламя! Правильно я говорю? Ха-ха! Старик решился на добрый поступок, задумал сделать маленькую *американо* своей богатой женой. Но он оказался еще добрее, чем того хотел, и через два года — карамба! — оставил донну Марию богатой вдовой.

Если бы Винсенте не был так пьян, то непременно заметил бы необыкновенный интерес Рамиреса к его рассказу. Глаза у него так и сверкали, уголки рта пришли в движение.

— А какова она, эта красотка? Высокая, стройная на американский лад? Большие глаза, ласковая улыбка?

— Неотразима! Ангел во плоти!

— А что дон Артуро? Сперва нанялся к ней в адвокаты, а потом стал любовником?

— Некоторые думают так, — ответил Винсенте, пьяно подмигнув и напуская на себя хитрейший вид, — но только нас с тобой не проведешь, друг мой Виктор! Адвокатская практика не рождает любви! Верно я говорю? Это давний роман, ручаюсь тебе головой. Он появился здесь впервые

каких-нибудь два месяца тому назад. Если слушать, что говорят, выходит, будто она влюбилась в него с первого взгляда. *Absurdo! Disparatado*¹. Говорю тебе, Виктор, это давнишний роман. Расстались, потом встретились снова. Что, разве мало мы знаем таких историй? Молодые люди любят друг друга; он беден, она бедна; оба в отчаянии; расстаются; сеньорита выходит замуж за богача. Верно я говорю?

Виктор был зачарован логикой Винсенте и даже не пытался скрыть своего торжества. Так вот она, разгадка! Мало того, что он разыскал ключ к тайне; он заполучил Грейс Конрой собственной персоной. Молодая вдова... американка... клиентка своего бывшего любовника Филипа Эшли... В этом переплетении пестрых обстоятельств таились разом судьбы трех людей. В полном восторге Рамирес хлопнул своего друга по спине и поклялся страшной клятвой, что второго такого хитреца, как он, еще не видывал свет.

— Я, кажется, видел ее сегодня, героиню твоей романтической истории. В церкви.

— Едва ли. Она, правда, католичка, но дон Артуро не католик. Когда он здесь, ее редко увидишь в церкви.

— А сейчас он здесь?

— Да, здесь

— И все-таки ты ошибаешься, друг мой Винсенте,— настаивал на своем Рамирес. — Я ходил нынче к вечерне и видел ее собственными глазами.

Винсенте сперва пожал плечами, потом с пьяной важностью покачал головой.

— Не мог ты ее видеть. Уж поверь мне, сеньор Рамирес.

— А я видел ее! — возразил раздраженный Виктор. — *Wogachon*². Она была в церкви. Стояла у колонны. А когда служба кончилась, подошла к чаше со святой водой. Говорю тебе, она была там. В черном платье и в мантилье. У нее большие глаза, правильный овал лица.

Винсенте, который, по счастью, не расслышал, как отозвался о нем его друг, потряс головой и захохотал с самодовольством пьяного человека.

— О, как ты заблуждаешься, друг мой Виктор! Это вовсе не она! Верь мне, ибо нет ничего, о чем бы я не знал.

¹ Нелепость. Бессмыслица (*исп.*)

² Пьянчужка (*исп.*)

Женщина без провожатых, которая подошла к чаше со святой водой, была донна Долорес! Тебе не мешало бы знать, что никто здесь не смеет поднести святой воды донне Долорес. Большие глаза, маленький рот, правильный овал лица — так это же она! Дурень ты, дурень! А заметил ты, какая темная у нее кожа?

— В темноте все мы чернее дьявола, — огрызнулся Виктор, — откуда мне знать? А кто она такая? — спросил он злобно, словно предвидя какие-то неприятные новости. — Что еще за донна Долорес?

— Ты здесь новый человек, друг мой Виктор. Потому слушай внимательно. Она полукровка, незаконная дочь старого командира форта Сан-Изабель. По дурусти старика, она теперь наследница всего его состояния. Денег и без того некуда девать, а тут еще досталась ей дарственная на ценные земли. Богатейшие земли! Понял теперь, друг мой Виктор? Что это ты на меня уставился? Она живет затворницей. Замуж идти не хочет. Пламень любви, восторги, страсть — все это не для нее. Она посвятила себя богу, друг мой Виктор. А ты-то хорош! Спутать донну Долорес Сальватьерра — затворницу, послушницу, монашенку — с американской кокеткой! Хочешь не хочешь, друг мой Виктор, а придется тебе выставить еще бутылочку! Слышишь, что я говорю? Как? Хочешь уйти, бросить меня здесь одного, изменник? Что ты еще там бормочешь? Разве не видишь теперь сам, что оказался круглым олухом?

Стоя перед своим приятелем, ошеломленный Виктор твердил роковое слово. Да, именно так! Он олух! Он попался снова и на сей раз по собственной вине; ненависть — дурной советчик. Если глаза не обманули его, если темнокожая святоша, имя которой он только что услышал, действительно Грейс Конрой, значит, по какому-то дьявольскому невезению, он сам подсунул ей поддельную дарственную, сам вернул ей утраченную землю. Не предал ли его дон Педро? Или все они вместе, Артур Пуанзет, Дамфи, Жюли Деварджес, все сговорились между собой, чтобы вернее его одурачить? Кто знает, быть может сейчас, сию минуту, они потешаются над ним! От одной этой мысли можно было сойти с ума!

Когда премудрый и храбрый Винсенте, задремавший тут же за столом, пришел наконец в себя, он припомнил с удивлением, что какой-то грубиян с перекошенным от ярости бледным лицом тряс его за плечи, изрыгая попеременно то проклятия, то вопли отчаяния.

А его друг и собутыльник исчез без следа.

ЭКСПЕРТ

Ночью неслышно подкрался с моря холодный серый туман. Заполнив городские улицы, он продвинулся вниз, в долину, к самому Ранчо Святой Троицы, где и занял прочную позицию, невзирая на то, что солнце, едва встав над горизонтом, атаковало его с востока. Если бы кто-нибудь стоял в это время на одной из церковных башен, он увидел бы, как серое холодное море захлестнуло принадлежавший *асьенде* корраль, а потом укрыло до половины белые стены самой *асьенды*. Человеку, задумавшему в тумане пробраться к Ранчо Святой Троицы, нелегко было установить цель своего путешествия, слившуюся воедино с ближними отрогами гор. Ехавший в двуколке мистер Перкинс — переводчик с испанского — уже не первый раз останавливал сегодня свою кобылу и оглядывался по сторонам, чтобы не сбиться с пути. Наконец серое море схлынуло, и пропавшая *асьенда* показалась на свет.

Ближние знакомые мистера Перкинса знали о его чудесных превращениях, но малознакомый человек едва ли распознал в сидевшем в двуколке старомодном щеголе нерядливого клерка с Пасифик-стрит. Волосы его были причесаны, завиты и свежепокрашены в темный цвет. По-старинному высоко повязанный галстук, какой нынче редко встретишь, подходил ему под самый подбородок; набеленное — чтобы скрыть нездоровый румянец — лицо своей неподвижностью походило на маску. Застегнутый на все пуговицы светло-синий сюртук, брюки со штрипками, сшитые в обтяжку, и лакированные сапоги завершали его необычайный туалет. Эту личность, отлично знакомую каждому, кто бывал во второй половине дня на Монтгомери-стрит, редко кто ассоциировал с обитателем логова на Пасифик-стрит, ну а здесь, а в окрестностях Сан-Антонио, он был решительно никому не ведом.

И тем не менее, сколь ни был страстен этот человек, в *асьенде* его ждали и готовились принять с почетом, значительно большим, нежели ему причиталось как заезжему старому джентльмену. Только лишь мистер Перкинс вступил во двор, степенный мажердом немедля провел его в парадно обставленную гостиную, уже однажды описанную

нами, где его поджидала донна Долорес Сальватьерра. Душевная чуткость и утонченность донны Долорес сказались в том, что она мгновенно почувствовала за эксцентричной внешностью гостя нечто взывающее к уважению, и сердечно его приветствовала. Мистер Перкинс ответил почтительным церемонным поклоном. Как видно, он был доволен оказанным ему приемом, польстили ему и манеры хозяйки, но, как многие люди с непрочным положением в свете, он был мнителен и опасался излишней короткости в отношениях. Когда легким движением веера донна Долорес указала ему на кресло, он остался стоять.

— Вы ничего не знаете обо мне, но о вас мне известно многое,— сказала она с любезной улыбкой.— Еще до того, как я взяла на себя смелость просить о встрече с вами, мне приходилось слышать от ваших друзей о вашей безукоризненной репутации, глубоком уме и обширном опыте. Если вы согласитесь причислить и меня к своим друзьям, я позволю себе сообщить вам о деле, ради которого вы приехали.

Старый джентльмен поклонился вторично; даже сквозь жалкую косметику на его лице было заметно, как сильно он покраснел от смущения. Это не укрылось от донны Долорес; чтобы дать гостю время оправиться, она отошла к старинному секретеру. Отомкнув ящик, она извлекла оттуда сложенный вчетверо лист бумаги, как видно, документ; потом, пододвинув к секретеру два стула, села. Мистер Перкинс, видя, что его приглашают к деловому разговору, присел на второй стул.

— Хочу предупредить вас заранее,— сказала донна Долорес,— хоть вы и знаете в общем суть моего дела и привыкли к подобным делам, что вопросы, которые я намереваюсь вам задать, могут вас удивить; в особенности же, когда я подробно изложу вам свои намерения. Вот у меня в руках дарственная грамота, выданная, как следует из ее текста, моему... отцу... покойному дону Хосе Сальватьерра. Взгляните на нее внимательно и затем, исходя из своего опыта, ответьте мне на один-единственный вопрос.— Она промолчала, как бы в нерешительности, потом добавила: — Еще хочу сказать вам, что я не связываю с этим документом никаких денежных расчетов. Ваш ответ, каков бы он ни был, не повлечет за собой ни малейших юридических последствий. Я никогда не потребую от вас подтвердить его на суде. Ваш ответ не выйдет за стены этой комнаты и

никак не отразится на денежной ценности документа, который я сейчас предложу вашему вниманию. Более того, за вами останется право переменить впоследствии свое мнение по этому вопросу и даже публично отвергнуть то, что вы сейчас мне скажете, если у вас в том будет нужда. Вы, кажется, удивлены, сеньор Перкинс? Но я очень состоятельная женщина. И я призвала вас не для того, чтобы приумножить свое богатство.

— Итак, вы хотите знать,— спросил мистер Перкинс, на этот раз совершенно естественным тоном,— подлинный это документ или фальшивый?

— Да, подлинный это документ или фальшивый.

Он взял документ в руки, развернул его с профессиональной небрежностью, бросил беглый взгляд на подписи и печати и вернул его донне Долорес.

— Подписи не вызывают сомнения,— кратко ответил он; потом, словно желая пояснить, почему он так категоричен, добавил: — Я уже видел этот документ.

Чуть заметным движением донна Долорес обнаружила свое недовольство. Мистер Перкинс был озадачен. Как это понимать? Он сообщает клиентке, что у нее подлинный документ на владение ценной собственностью, а она недовольна. Он устремил на нее удивленный взгляд.

— Значит, вы считаете, что грамота подлинная? — спросила она, слегка вздохнув.

— Грамоты, подобные этой, безоговорочно утверждаются в Вашингтоне,— ответил он без запинки.

— Ах, вот что! — сказала донна Долорес. Этот чисто женский комментарий как-то обесценил заключение сеньора Перкинса; раздосадованному юристу пришлось защищаться.

— А почему вы сомневаетесь в подлинности своей дарственной?

— Могу вам сказать. Она была лишь недавно обнаружена в бумагах донна Хосе; а кроме того, существует вторая такая же грамота.

Сеньор Перкинс протянул руку, взял документ, внимательно обследовал его, поглядел на свет, потом снова положил на место.

— Это дарственная в порядке,— заявил он.— А где вторая?

— У меня ее нет,— сказала донна Долорес.

Сеньор Перкинс пожал плечами. Сохраняя глубокое почтение к донне Долорес, он не мог в то же время не осудить легкомыслия женщин в вопросах юриспруденции.

— Как же тогда я могу их сравнить?

— Если мой документ поддельный, в сравнении нет нужды,— быстро возразила донна Долорес.

На мгновение мистер Перкинс был озадачен.

— Может быть, здесь кроется недоразумение? Кому была выдана вторая дарственная и когда? Где она сейчас?

— Обо всем этом я и хотела вам рассказать. Она была выдана пять лет тому назад на имя доктора Деварджеса... Простите, вы, кажется, что-то сказали?

Сеньор Перкинс не произнес ни слова, но сумрачный взгляд его был прикован к донне Долорес.

— Вы сказали, на имя доктора... Деварджеса? — переспросил он, запинаясь.

— Да. Вы знали его?

Теперь смущена была донна Долорес. Она прикусила губу и чуть нахмурила брови. С минуту оба молчали, поглядывая друг на друга.

— Я где-то слышал это имя,— сказал наконец мистер Перкинс, рассмеявшись не очень натурально.

— Возможно. Это был известный ученый,— сдержанно пояснила донна Долорес.— Он умер. Перед смертью он отдал свою дарственную девушке по имени... — донна Долорес задумалась, припоминая, видимо, как звали девушку,— ...по имени Грейс Конрой.

Замолчав, она быстро взглянула на собеседника, но лицо мистера Перкинса снова стало непроницаемым; его минутное волнение прошло. Кивнув, он пригласил ее продолжать рассказ.

— Итак, ее звали Грейс Конрой,— торопливо повторила донна Долорес, тоже, как видно, успокоившись.— Через пять лет некая авантюристка, назвавшись именем Грейс Конрой, предъявила права на эту землю. Потом, поняв, как видно, что довести самой дело до конца будет нелегко, она — не знаю уж с помощью каких уловок — покорила сердце Гэбриеля Конроя, законного наследника своей сестры, и вышла за него замуж.

Донна Долорес смолкла, как видно, взволнованная собственным рассказом; щеки ее порозовели, в голосе послышались металлические нотки; вернее всего, это было него-

дование слишком чувствительного сердца. Впрочем, мистер Перкинс ничего не заметил. Последние несколько минут он сидел с рассеянным видом, словно задумавшись о чем-то. Он уставился на стену перед собой тем же пристальным взглядом, каким только что глядел на донну Долорес; его изможденное лицо, прикрытое маской юности, выглядело сейчас совсем старым.

— Что ж,— промолвил он наконец, с усилием приходя в себя.— Все это говорит лишь о том, что вторая дарственная вполне может оказаться столь же фальшивой, как и ее владелица. Тогда единственный недостаток вашей дарственной будет тот, что ее не сразу нашли. Но в этом ничего подозрительного нет. Вы должны помнить, когда ваш покойный отец получил ее, земли здесь ничего не стоили; он мог о ней совсем позабыть.

Мистер Перкинс поднялся, как бы считая беседу оконченной. Казалось, он спешил удалиться; в лице его снова проглянуло выражение какой-то болезненной самоуглубленности. Донна Долорес поднялась вслед за ним; ее взгляд выражал разочарование.

Еще минута, и он ушел бы прочь; жизненные пути этих двух людей, столь естественно и в то же время таинственно скрестившиеся, разошлись бы навсегда. Но, подойдя к дверям, он обернулся и задал незначащий вопрос; от этого вопроса зависела судьба их обоих.

— Значит, если я верно вас понял, настоящая Грейс Конрой пропала? А этот... доктор Деварджес... — Он произнес имя так, словно оно ничего ему не говорило.— Доктор Деварджес умер. Откуда же самозванка добыла необходимые сведения, чтобы предъявить права на землю? Кто она такая?

— Не знаю. Когда она выходила замуж за Гэбриеля Конроя, то назвалась вдовой доктора Деварджеса. Что? Что вы сказали? О, пресвятая дева! Что с вами? Вам дурно? Сейчас я позову Санчеса. Побудьте здесь.

Он упал в кресло, но это длилось всего одно мгновение. Она не успела еще повернуться, чтобы позвать на помощь, как он поднялся и взял ее за руку.

— Мне уже лучше,— сказал он,— не беспокойтесь, со мной это бывает. Не смотрите на меня так и не зовите никого на помощь. Все, что мне требуется,— это стакан воды. Благодарю вас.

Он взял у нее из рук стакан, но пить не стал, а, откинувшись в кресле и запрокинув голову, принялся не спеша поливать себе водою лоб. Потом, вынув из кармана большой шелковый платок, вытер досуха лицо, выпрямился и посмотрел на свою хозяйку. Вода смыла румяна и белила; туго затянутый галстук распустился; сюртук мистера Перкинса был расстегнут и висел на его тощем теле как на вешалке; лицо побагровело; еще не просохшие волосы торчали в разные стороны. Тем не менее он вполне владел собой и в голосе его не чувствовалось ни малейшего замешательства.

— Прилив крови к голове,— сказал он очень спокойно,— я уже с утра чувствовал, что будет приступ. Сейчас прошло. Главное посидеть, запрокинув голову, и облиться холодной водой. Надеюсь, ваш ковер не пострадал. Но вернемся к вопросу, который мы обсуждали.— Словно позабыв о своей недавней чопорности, он пододвинул кресло поближе к креслу донны Долорес.— Дайте-ка мне еще раз взглянуть на вашу дарственную.— Он взял в руки документ, достал из кармана небольшую лупу и принялся тщательно изучать подпись.— Ну что ж! Подпись подлинная. Печать на месте. Бумага гербовая, он ощупал бумагу,— вы, конечно, правы; госпожа Деварджес — авантюристка. Она совершила мошенничество, и документ ее поддельный.

— Я в этом не уверена,— сказала донна Долорес.

— Почему?

— А что если вторая дарственная будет в точности, как эта,— и бумага, и подпись, и печать?

— Все равно это ничего не доказывает,— поспешно возразил мистер Перкинс.— Послушайте. Во времена, когда была выдана эта дарственная, сотни подобных бланков за подписью губернатора валялись в губернаторской канцелярии без всякого присмотра; секретарю достаточно было вписать имя нового владельца земель, и документ был готов. Так вот, ваша госпожа Деварджес, эта самозванка, сумела раздобыть такой бланк — со времени американского нашествия подобных случаев было уже множество — и у нее на руках оказалась дарственная! Но нас она не перехитрит! Я знаю почерк почти всех канцеляристов и переписчиков — я сам служил там переписчиком. Поручите дело мне, донна Долорес, поручите это дело мне, и я разоблачу ее так же, как разоблачал других.

— Вы позабыли,— холодно возразила донна Доло-

рес,— что я не склонна передавать дело в суд. Кроме того, если эти испанские дарственные грамоты так просто было подделать, почему не может оказаться поддельной и моя? Вы сказали, что знаете почерк всех старых переписчиков; взгляните на мою дарственную.

Нетерпеливо схватив документ, мистер Перкинс стал просматривать ту часть, которая была написана от руки.

— Как странно! — пробормотал он.— Не моя рука, не Санчеса и не Руза. Какой-то незнакомый почерк. А это еще что? Дата переправлена и опять новым почерком. Этот я, кажется, знаю. Но где же я его видел? Уж не в конторе ли? — Он замолчал, провел рукой по волосам, попытался что-то припомнить, но безуспешно.— С какой же стати? — спросил он без всякой видимой связи с предыдущим.— Этот документ не может быть фальшивым.

— Допустим, что тот, второй документ — подлинный и что эта женщина завладела им какими-то темными путями. Допустим далее, что кому-то об этом стало известно, и вот, чтобы стать у нее на пути и в то же время не выдать себя, ее противник делает ловкий ход, пускает в обращение вторую — поддельную — дарственную.

— Но кто же?

— Это мог быть брат Грейс Конрой — нынешний муж этой женщины... или, предположим, еще кто-нибудь... — добавила донна Долорес в некотором смущении и заливаясь румянцем, заметным даже на ее бронзовых щеках... — кто не верит, что настоящая Грейс Конрой умерла или пропала без вести.

— Предположим, что черти в аду... Простите меня, пожалуйста! Дело в том, что те, кто подделывает документы, редко руководствуются мотивами чести и справедливости. И потом, к чему им было подделывать документ на ваше имя?

— Все знают, что я богата,— сказала донна Долорес.— А кроме того,— добавила она, опуская взор столь гордо и застенчиво, что даже углубленный в свои думы человек, сидевший сейчас перед ней, почувствовал невольное волнение,— говорят... что люди считают меня щедрой и справедливой.

Мистер Перкинс поглядел на нее с нескрываемым восхищением.

— Ну, а если мы предположим,— сказал он с горечью, которую, казалось, почерпнул сию минуту, глядя на свою

собеседницу, — что эта женщина, эта авантюристка и самозванка, наделена такими пороками, которые вы, несмотря на все ваши теории, бессильны предугадать. Если она такова, что может отравить душу любого мужчины, я не говорю уже о том несчастливце, который является ее мужем; если она дьяволица в образе женщины; если ей дано так околдовать разум и сердце мужчины, что, даже когда она предает его, он все равно считает ее невинной жертвой, а себя виновным; если она не способна ни на какое искреннее чувство и каждое действие ее, каждый поступок продиктованы только хитростью и эгоизмом, каждая слеза и улыбка точно рассчитаны, — что же, вы думаете, подобная женщина, которую вы, слава всевышнему, не можете даже себе представить, эта женщина не предусмотрела заранее все опасности, какие могут ей угрожать? О, она все предусмотрела!

— Если только, — промолвила донна Долорес, побледнев и глядя на него с каким-то странным выражением, — если только ее не преследует человек, когда-то любивший ее и ныне жаждущий мести.

Сеньор Перкинс вздрогнул.

— О да! Вы правы! — пробормотал он, как бы рассуждая сам с собою. — И я поступил бы так. Да, если бы подумал об этом раньше. Вы правы, донна Долорес! — Он отошел к окну, потом быстрым шагом вернулся, застегивая на ходу сюртук и приводя в порядок свой галстук. — Сюда идут! Предоставьте это дело мне. Я выясню и то, что интересует вас, и то, что интересует меня. Согласны вы доверить мне этот документ? — Донна Долорес, не говоря ни слова, передала ему дарственную. — Благодарю вас, — сказал он, напуская на себя прежнюю цеоемонность, которая, по-видимому, была связана больше с его фантастическим галстуком и тесно застегнутым сюртуком, нежели с какими-либо физическими и моральными чертами его личности. — Надеюсь, вы более не считаете меня беспристрастным в этом деле, — добавил он с загадочной улыбкой. — Adios!

Она хотела еще о чем-то спросить его, но в эту минуту со двора слышались голоса и цоканье копыт. Торопливо откланявшись, сеньор Перкинс исчез. Почти в ту же минуту дверь отворилась снова, и в комнату вбежала, смеясь и сияя, кокетливая миссис Сепульвида.

— Знаешь, — сказала эта очаровательная дама, едва переводя дух, — я заметила, что возле некоторых богомольных

молодых особ и прославленных затворниц вьется больше мужчин, чем возле нас, грешных. Уже подъезжая к твоему поместью, я насчитала двух кавалеров, а здесь ты беседуешь наедине с каким-то престарелым денди. Кто он такой? Новый адвокат? Сколько же их у тебя? У меня только один.

— И ты им вполне довольна,— улыбнулась не без некоторой суровости донна Долорес и ласково похлопала подругу по щечке своим веером.

— Пожалуй, что да,— зардевшись, отозвалась та.— Довольна. Я прискакала сюда со скоростью курьерской почты, чтобы сообщить тебе новости. Но сначала скажи мне, кто этот дерзкий, отчаянный джентльмен, гарцующий за оградой? Уж не секретарь ли твоего адвоката?

— Не знаю, о ком ты говоришь. Быть может, секретарь,— равнодушно отозвалась донна Долорес.— Расскажи лучше свои новости. Я жду с нетерпением.

Но миссис Сепульвида подбежала к глубоко прорезанному в стене окну и осторожно выглянула наружу.

— Нет, юрист тут ни при чем. Он мчится в своей двуколке, должно быть, торопится выбраться из тумана, а вот джентльмен все там же, на прежнем месте, Долорес! — Миссис Сепульвида повернулась к подруге и поглядел на нее притворно строго и в то же время насмешливо.— Ты не отделаешься от меня так легко! Кто этот джентльмен?

С томительным предчувствием, что ей предстоит сейчас встретить пронзительный взор Рамиреса, донна Долорес подошла к окну и стала так, чтобы ее нельзя было заметить снаружи. Первый же взгляд убедил ее, что ее страхи неосновательны; это был не Рамирес. Успокоившись, она смелее приподняла занавесь. В ту же минуту таинственный всадник повернул коня: прямо на нее глянули темные глаза Джека Гемлина. Донна Долорес мгновенно опустила занавесь и обернулась к подруге.

— Я не знаю его.

— Ты уверена в этом, Долорес?

— Конечно, Мария.

— Ну что ж! Будем тогда считать, что он влюблен в меня.

Улыбнувшись, донна Долорес ласково погладила подругу по розовой щечке.

— Ну и что же дальше? — спросила она нетерпеливо.

— Да, что же дальше? — откликнулась миссис Сепульвида, смущенная и довольная в одно и то же время.

— Ты хотела сообщить мне новости, — сказала донна Долорес.

— Конечно, — ответила миссис Сепульвида, испытывая терпение подруги. — Это случилось наконец.

— Случилось наконец? — повторила донна Долорес, и лицо ее приняло строгое выражение.

— Да, он снова приезжал сегодня.

— Он просил твоей руки? — спросила донна Долорес, отвернувшись к окну и раскрывая свой веер.

— Он просил моей руки.

— И что же ты ему ответила?

Миссис Сепульвида весело подбежала к окну и огляделась кругом.

— Я сказала ему...

— Что?

— Нет!

КНИГА ПЯТАЯ

РУДА

Глава 1

В КОТОРОЙ ГЭБРИЕЛЬ ВЫНУЖДЕН СЧИТАТЬСЯ С ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ

После того как мистер Питер Дамфи посетил Гнилую Лощину, обитатели поселка уже не удивлялись ничему. Разве не побывал у них лично великий капиталист, удачливейший из биржевиков?! Когда распространилась весть, что создается новое акционерное общество для разработки богатого серебряного рудника на холме Конроя, все приняли ее как должное. В этой связи возникли две отлично разработанные теории. Первая была такова: Дамфи затеял дерзкую спекуляцию, чтобы вызвать строительную лихорадку в Гнилой Лощине и превратить поселок в крупный город; история с открытием серебряной руды — дутая; тем не менее, чтобы придать ей какое-то оправдание, Дамфи бросит крупные деньги на строительство рудодробилки и обогатительного завода; уже пять лет тому назад Дамфи наметил этого простака Гэбриеля Конроя как подставное

лицо; пустая болтовня о том, что Гэбриель Конрой якобы владеет теперь состоянием в два с половиной миллиона долларов, прикрывает лишь тот непреложный факт, что он получает от Дамфи тысячу долларов в год наличными за право пользоваться его именем; каждый разумный человек должен извлечь все, что можно, из своей земельной собственности, пока этот мыльный пузырь не лопнул. Изложенной теории придерживалась добрая половина обитателей Гнилой Лощины. Зато вторая половина располагала совершенно иными сведениями. Согласно этим сведениям, все происшедшее было делом счастливого случая: Мистер Питер Дамфи, приехавший в Гнилую Лощину по своим личным делам, прогуливался как-то с Гэбриелем Конроем рука об руку по его участку и поднял чем-то приглянувшийся ему кусок породы. «Похоже на серебро», — сказал Дамфи. Гэбриель в ответ только рассмеялся. Тогда мистер Питер Дамфи, который не смеется никогда, повернулся к Конрою и сказал ему в своем обычном деловом тоне: «Даю семнадцать миллионов за участок и заявочные права!» Гэбриель — вы ведь знаете этого осла! — тут же согласился и потерял на этом, сэр, не менее полутора миллиона, по самым скромным подсчетам! Такова была вторая теория; ее придерживались более впечатлительные и эмоциональные элементы Гнилой Лощины.

Как бы там ни было, а в течение двух-трех недель, следовавших за визитом Дамфи, самая земля в поселке, казалось, зашевелилась под благодатным влиянием великого спекулянта. Повсюду валялись бревна и доски — первые ростки будущего строительства; новые дома поднимались буквально на глазах; на голом склоне горы закладывался огромный фундамент конроевского обогатительного завода. Скромный пансион миссис Маркл был признан не соответствующим величию и новым потребностям Гнилой Лощины; на его месте вырос отель. Издатели ежедневной газеты, которая стала выходить в поселке — я хотел бы особо отметить этот факт как важное свидетельство прогресса, — сообщили об открытии нового отеля с той неприкрытой необходимостью стиля и изяществом, которые, увы, остаются для нас недостижимым идеалом:

«Открывшийся на днях отель «Великий Конрой» будет находиться под управлением миссис Сьюзен Маркл, таланты которой как *chef de cuisine*¹, широкое гостеприимст-

¹ Шеф-повар (*фр.*)

во и неповторимое личное очарование известны всему населению Гнилой Лощины. В помощь миссис Маркл определена ее многоопытная сотрудница мисс Сара Кларк. По резвости, с какой она бросает котлеты на сковородку, мисс Сол держит первенство в округе Плюмас».

Эта очевидная эволюция жителей Гнилой Лощины по пути утонченности нравов привела наконец к тому, что под сомнение было взято и самое название поселка. Некоторые предлагали переименовать Гнилую Лощину в Среброполис, приводя против старого названия тот аргумент, что «где много серебра, там гнили быть не может».

Гэбриелю была поручена почетная и ответственная должность главного смотрителя рудника, хотя на самом деле всеми административными и коммерческими делами ведал присланный из Сан-Франциско энергичный, зубастый молодой парень, достигавший Гэбриелю примерно до пояса. Такое распределение обязанностей отвечало желаниям Гэбриеля, которому всегда бывало не по себе, когда он отрывался от физического труда. Компания, в свою очередь, не очень доверяя его административным талантам, весьма считалась с его влиянием на рабочих, которые ценили Гэбриеля за простоту в обращении и всегдашнюю готовность подставить свои могучие плечи, если в том возникала хоть малейшая надобность. Когда окончательно выяснилось, что разбогатевший Гэбриель остался все тем же добряком Гэбриелем, он сделался всеобщим любимцем. Старатели с удовольствием демонстрировали заезжим гостям этого скромного, непритязательного великана, работавшего, как и все они, лопатой и киркой; а потом сообщали — в качестве дополнительной информации, — что ему принадлежит половина серебряного рудника и что у него в кармане семнадцать миллионов долларов. Гэбриель всегда был застенчив и чуждался шумной компании; теперь же, подавленный свалившимся на него богатством, он искал общения лишь с самыми скромными из своих товарищей. Виноватый вид, с которым он выслушивал намеки на свое богатство, подкреплял уже упомянутое мнение, что никаких миллионов у Гэбриеля не было и нет и что он креатура Питера Дамфи.

Любопытно, что, сходясь на том, что Гэбриель лично играет весьма малую роль в наступившем процветании поселка, обитатели Гнилой Лощины — и в этом характерным образом сказались их предрассудки и малая проницательность — нисколько не подозревали о действительной

роли его жены. С самого начала все согласились на том, что преимущества миссис Конрой над ее мужем сводятся к ее женским чарам, любезным манерам и красоте. Сейчас все полагали, что, отогревшись в лучах богатства, эта прелестная бабочка перепорхнет сперва на другой цветок, потом на третий, а потом и вовсе улетит из Гнилой Лощины и от своего супруга в поисках чего-либо поинтереснее. «Вот увидите, сама улетит, а с нею и денежки!» — такова была господствующая точка зрения. Гэбриеля, который не проявлял ни малейшей тревоги по этому поводу, жалели и отчасти презирали. Только совсем глупый человек мог с подобным равнодушием относиться к двусмысленной репутации своей жены! Даже миссис Маркл (попытки которой умиловать грозную Олли были, кстати сказать, отвергнуты этой юной особой), даже миссис Маркл и та присоединилась к общему мнению, что в доме Конроев безраздельно властвует и правит неведомо откуда взявшаяся иностранка.

Однако, вопреки зловещим пророчествам, миссис Конрой не обнаруживала ни малейшего намерения покинуть своего мужа. С необыкновенной быстротой, присущей всему, что произрастает в здешнем благодатном климате, на холме Конрой появился новый дом. Он стоял, окруженный соснами; в жаркие летние дни свежий тес пузырился смолой и источал сам лесные ароматы. Внутри дом был отлично обставлен; женственность и вкус миссис Конрой сказались в веселых ситчиках, которыми она обила всю мебель, в белых шелковых занавесках, в изящного рисунка коврах; побуждаемый братской любовью, Гэбриель привез огромный рояль и учительницу музыки для Олли. Виднейшие люди округа навещали Конроев: даже лица, занимающие ответственные посты в администрации штата, не могли теперь отрицать, что мистер Дамфи придавал определенную респектабельность Гнилой Лощине; они признали и то, что миссис Конрой бесспорно привлекательная женщина. Достопочтенный мистер Бланк, когда он приезжал последний раз в Гнилую Лощину для встречи с избирателями, обедал у миссис Конрой. Именно в гостиной Конроев достопочтенный судья Бисуингер впервые поведал слушателям некоторые из своих наиболее блистательных анекдотов. Могучая грудь полковника Старботтла не раз и не два тревожно вздымалась от гастрономических шедевров миссис Конрой; он увез из Гнилой Лощины весьма живые впечатления о прелести хозяйки, которыми не уставал в даль-

нейшем делиться с друзьями; а равно и уверенность в своем собственном успехе, которую также не считал возможным скрывать. Сам Гэбриель мало бывал в новом доме, фактически приходил только поесть и поспать. Если же Олли удавалось задержать его подольше, то Гэбриель без сюртука, в одной жилетке, отсиживался на заднем крыльце, ссылаясь на то, что табачный дым из его короткой черной трубки может самым роковым образом отравить воздух во внутренних помещениях.

— Не обращай на меня внимания, Жюли,— отвечал он жене, когда та умоляюще твердила, жертвуя своими привычками и вкусами, что ей нравится табачный дым.— Не обращай на меня внимания, мне здесь прехотлично. Я ведь всегда любил сидеть на вольном воздухе и сейчас люблю. Ты знаешь, этот табачный дух, он может так застрять в занавесках, что его и не выбьешь оттуда; а к тому же,— продолжал Гэбриель, словно не замечая любезного протеста, с которым миссис Конрой встречала эту ею же в свое время выдвинутую теорию,— к тому же подумай о подружках Олли и об учительнице; они-то ведь не жили со мной раньше, не знают моей трубки и привычки к ней не имеют. А еще слышал я, что дым от этого трубочного табака так действует на струны рояля, что они совсем играть перестают. Прелюбопытнейшая штука — рояль! Говорят, он такой нежный да болезненный, все равно что грудной младенец! Я поглядел как-то раз; струны у него впритык одна к другой, что твои постромки, если запрячь разом шестерку мулов; удивительное дело, как это они между собой не перепутаются.

Гэбриель не имел обыкновения внимательно всматриваться в лицо своей жены; если бы он взглянул на нее в эту минуту, то понял бы, вероятно, что рояль не единственный инструмент на свете, с тонкими струнами которого надлежит обращаться с осторожностью. Чувствуя, однако, недовольство миссис Конрой и смутно подозревая, что он является тому причиной, Гэбриель прекращал разговор и медленным шагом удалялся прочь. Излюбленным его убежищем оставалась старая хижина. Никто в ней не жил, строение гнило и шло к упадку. Но Гэбриель отказывался снести свой прежний дом, хотя после того как он построил два новых, старая хижина только обременяла и безобразила его землю. Он сам не сумел бы сказать, что побуждало его идти к давно заброшенному очагу и курить там в одиночестве. Это не было сентиментальным сожалением о

прошлом; скорее, силой привычки; но в этом одиноком человеке и она казалась трогательной.

Возможно, Гэбриелю стало ясно теперь, что различие во вкусах и склонностях, которое он и раньше с удивлением и грустью отмечал, нарастая год от году, вынудит его наконец расстаться с Олли; более того, сделает их разлуку условием ее будущего благополучия. Несколько раз он заговаривал с ней об этом с обычной своей откровенностью. А однажды, когда учительница музыки пригласила его послушать игру Олли, он в самых вежливых выражениях отказался, прибавив напоследок, что «в мелодиях ничего не смыслит».

— Полагаю, мисс, что меня в это дело лучше не втягивать. Девочка должна расти, не думая ни обо мне, ни о моих вкусах; да и о чем здесь вообще думать!

Увидев как-то Олли в компании разодетых, шикарных подруг, приехавших к ней в гости из Сакраменто, он, чтобы избежать встречи с ними, свернул на боковую тропинку. Разве справиться ему, тяжелодуму и громадине, со сверхъестественной живостью этих юных существ?

С другой стороны, возможно, что и Олли, увлеченная новой жизнью и теми переменами, которые принесло с собой богатство, стала менее чуткой к настроениям и чувствам брата, не стремилась, как прежде, к тесной близости с ним. Она видела, что и Гэбриель стал более важной персоной в поселке с тех пор как разбогател; ей нравилось, что друзья стали много обходительнее с ним и даже выказывают при встрече некоторые внешние признаки почтения. Олли была честолюбива; новые условия жизни питали эту сторону ее натуры. Консервативность брата, неповоротливость, черты «деревенщины», безнадежно засевшие в нем и выглядевшие с каждым днем все нелепее, не пробуждали в ней более сочувствия, как раньше, а только лишь раздражали. Чтобы отвлечься, она искала новых впечатлений — юность брала свое. И так, медленно, но неуклонно, час за часом, день за днем, они отходили все дальше друг от друга, пока в один прекрасный день Гэбриель не сообщил приятно удивленной миссис Конрой, что он закончил все предварительные хлопоты для отправки Олли в пансион в Сакраменто. Как уже было договорено раньше, этот шаг означал, что супруги Конрой вскоре отправятся вместе в давно задуманное путешествие по Европе.

Поскольку Гэбриель был не такой человек, чтобы долго хранить что-либо в тайне, Олли была прекрасно осве-

домлена о его намерениях и лишь ждала формального извещения, которое, как она знала наверняка, будет сопровождаться торжественной и весьма серьезной беседой. С той поры, что девочка усвоила критическое отношение к брату, се, как и некоторых взрослых, стала сердить осторожно-многозначительная манера, с которой Гэбриель принимался объяснять вещи, и так понятные с первого слова. После длительной совместной прогулки по лесным тропам они выбрались к маленькой полуразрушенной хижине. Здесь Гэбриель остановился. Оглядевшись вокруг, Олли пожалала плечами. Гэбриель, для которого психология Олли была много яснее, нежели психология любой другой представительницы женского пола, сразу понял смысл ее движения.

— Да, неказистое местечко, Олли,— начал он, потирая руки,— но было время, мы недурно жили здесь с тобой вдвоем. Помнишь, Олли, как я по вечерам, приходя с работы, принимался чинить твою одежду, а ты уже спала? А то платье, что я полудил и заклёпал, ты еще не забыла?

Гэбриель рассмеялся чуточку неуверенно, зато очень громко. Олли тоже засмеялась, правда, не столь весело, как ее брат, и потупила взор, оглядывая свое платье. Гэбриель тоже поглядел на нее внимательно. Не так-то просто было обнаружить в стоявшей перед ним девочке маленькую озорницу, которая еще совсем недавно — ах, как это было давно! — сидела, прикорнув у его ног, в этой самой хижине. И не то смущало его, что Олли была нарядно одета и причесана по моде, нет, главное было в том, что она стала проявлять в этих вопросах разборчивость и требовательность, которые свидетельствовали о чем-то новом в ее характере, о чем-то непонятном и чуждом Гэбриелю. Глядя на нее, он чувствовал, что еще одно разочарование поселится у него в душе. Он мечтал когда-то, что, подросши, Олли будет вторая Грейс и тем утешит его тоску по пропавшей сестре; сейчас было видно, что и эта надежда не оправдалась. Однако не такова была натура Гэбриеля, чтобы винить в чем-либо Олли; он предпочитал объяснить крах своих надежд общими законами человеческого бытия, недоступными его пониманию.

Когда он в общей форме изложил свои сомнения премудрому Джонсону, то получил от этого философа следующий ответ: «Щенок всегда тот же щенок, пусть он даже вырастет в здорового пса, а ребенок — тот меняется. У одного — инстинкт, у другого — разум. Понятно?»

Между тем у Олли вид хижины вызвал воспоминания, несколько не перекликавшиеся с воспоминаниями ее брата.

— А ты помнишь, Гэйб,— воскликнула она,— тот вечер, когда сестрица Жюли пришла к нам в первый раз и стала вот здесь, в дверях? Боже ты мой, как мы оба были поражены! Если бы кто-нибудь сказал тогда, Гэйб, что она выйдет замуж за тебя, да я бы этому человеку просто... просто закатила бы хорошую плюху! — закончила она, чуточку поколебавшись.

Гэбриель, оставшийся в свою очередь довольно безразличным к воспоминаниям Олли, обратил внимание лишь на нарушение ею хорошего тона.

— Ты не должна говорить, Олли, что ты хочешь закатить кому-нибудь плюху; так воспитанные девочки не выражаются,— живо возразил он.— Я тут, конечно, плохой судья,— добавил он с обычной скромностью,— но тебя ведь могут услышать твои славные маленькие подружки или твоя учительница. Присядем-ка на минутку, Олли. Я хочу потолковать с тобой.

Гэбриель взял девочку за руку, и они присели на большой камень у дверей хижины, который служил им когда-то приступком.

— Быть может, ты помнишь,— начал Гэбриель, ласково завладев ручкой сестры и легонько постукивая ею о свое колену, словно подбадривая сам себя для задушевного разговора,— быть может, ты помнишь, как я сказал тебе, что если нападу на богатую жилу, то непременно сделаю две вещи — во-первых, дам тебе хорошее образование; во-вторых, разыщу Грейс, если только она еще жива. Есть много способов, как искать пропавшего человека, как взяться за это дело. Но мне они были не по душе. Я всегда считал и считаю, что если малютка только услышит мой голос, то непременно отзовется. Я мог, конечно, обратиться за помощью к другим людям, знающим, как вести поиски, к специалистам, но я ни разу не сделал этого. А почему?

Олли нетерпеливо покачала головой, показывая тем, что не может ответить на вопрос брата.

— Потому, что Грейс всегда боялась незнакомых людей, чувствовала себя с ними неловко. Ты не помнишь, конечно, какая она была пугливая, ты ведь была еще совсем маленькой, Олли. А потом, раз ты сама такая смелая да быстрая на язык, Олли, и ничего не боишься, и всякого можешь переговорить, и стрекочешь, как сойка, ты и представить себе не можешь, какая была Грейс. Думается мне, что

наша милая девочка так и осталась несмелой. Тому есть причины. Тебе пока что не понять их. Олли, но это серьезные, важные причины.

— Ты хочешь сказать, Гэйб,— спросила с бессовестной прямоотой Олли,— что ей стыдно, что она убежала со своим милым?

Быстрота, с которой дети постигают вещи, не предназначенные для их понимания, приводила в замешательство и болес опытных знатоков человеческой натуры, чем Гэбриель. Что до него, то, как бы лишившись враз дара речи, он лишь растерянно взирал на маленькую фигурку, примостившуюся рядом.

— Так что же ты предпринял, Гэбриель? Рассказывай дальше,— нетерпеливо сказала Олли.

Гэбриель испустил протяжный вздох.

— Важные причины, из-за которых Грейс осталась несмелой, касаются имущества наших покойных родителей,— веско заявил он, не удаивая ответом низменное предположение Олли.— Вот я и решил, что будет лучше, если она услышит первое слово приветия от меня, а не от постороннего человека. Я знал, что она больше не живет в Калифорнии, иначе ей непременно попались бы на глаза объявления, что я напечатал пять лет тому назад. Что же я сделал? В Нью-Йорке издается газета под названием «Герольд». В этой газете есть раздел, в котором помещают объявления, специально предназначенные для людей, которые почему-нибудь потерялись или невесть куда уехали. Отец обращается к пропавшему сыну, муж к жене, брат к сестре...

— Девушка — к своему милому,— живо добавила Олли.— Я все про это знаю.

Гэбриель умолк, еще раз лишившись дара речи.

— Ну, конечно,— сказала Олли.— Под заголовком: «Личные объявления». Мне кое-что рассказывали об этом, Гэйб. Девушки выискивают там себе женихов.

Гэбриель воззрился вверх, на сияющую небесную твердь. Она не померкла, не рассыпалась на части. Страх охватил его. Есть ли смысл вести беседу дальше? О чем бы ни взялся он рассказывать этому ужасному ребенку — собственной своей сестре,— обо всем она знает заранее и много больше его.

— Значит, составил я «личное объявление»,— продолжал он, решив все же довести начатое дело до конца,— вот в таком виде.

Он помолчал, покопался в жилетном кармане, вытащил в несколько раз сложенную и уже порядком обветшавшую газетную вырезку, с осторожностью развернул ее и стал читать не спеша, с тем особым, отчасти снисходительным, отчасти сконфуженным видом, с которым животные из породы *homo sapiens*¹ почему-то считают нужным исполнять свои литературные произведения.

— «Если Г.К. пожелает сообщить о себе любящим и тоскующим друзьям, то очень порадует тем старого Гэйба. Я приеду повидаться с ней, и Олли тоже с радостью обнимет ее. Если Г.К. больна или не хочет приехать, пусть напишет Г.К. Г.К. здоров, как всегда, Олли тоже здорова. Все в порядке. Адрес Г.К. Гнилая Лощина в Калифорнии. Если адрес переменится — сообщим».

— Прочитай еще раз, — попросила Олли.

Гэбриель с готовностью исполнил ее просьбу.

— А не получилось ли здесь путаницы с этими Г.К.? — спросила практически мыслящая Олли.

— Только не для Грейс! — живо возразил Гэбриель. — Жюли задала мне такой же вопрос, когда я прочитал ей объявление. Но я ответил ей то же, что и тебе: Грейс во всем разберется. Она-то ведь знает, что у нас с ней одинаковые инициалы. А если посторонним людям что и непонятно, беды в том нет. Потому ведь и называются эти объявления «личными». Так или иначе, Олли, — добавил Гэбриель, таинственно понижая голос и придвигаясь поближе к сестре, — она поняла. Я получил ответ.

— От Грейс? — спросила Олли.

— Нет! — ответил Гэбриель с легким замешательством. — Не вполне. Но все-таки ответ. — Он вытащил из-за пазухи маленький замшевый мешочек, в котором старатели обычно носят золотой песок, и извлек оттуда драгоценную бумажку. — Читай, — сказал он Олли, отвернувшись в сторону.

Схватив газетную вырезку, Олли прочитала вслух:

— «Г.К., не ищи того, кто пропал и не вернется. Лучше думай о том, что дома. Будь счастлив. Ф.Э.».

Олли перевернула вырезку и оглядела ее с оборота.

— И это все? — спросила она, повышая голос. Ее розовые щечки заалели от негодования.

¹ Человек мыслящий (*лат.*).

— Все,— ответил Гэбриель.— Коротко и скромно, как я и ждал от Грейс.

— А по-моему, подло! — сказала Олли, ударяя себя загорелым кулачком по коленке.— Так я и скажу этому Ф.Э.— Филипу Эшли,— если когда-нибудь повстречаю его.

Гэбриель не спеша протянул руку, чтобы забрать у Олли газетную вырезку; по лицу его прошло странное выражение, совсем не вязавшееся с привычным спокойствием и добродушием.

— Потому-то я и решил ехать,— сказал он.

— Ехать? — повторила за ним Олли.

— Да, в Восточные штаты, в Нью-Йорк,— ответил Гэбриель.— Вместе с Жюли. Жюли считает, что такой важный господин, как он, непременно должен жить в Нью-Йорке. А она толковая женщина, Олли, хотя и на другой манер, чем ты,— добавил Гэбриель извиняющимся тоном.— Потому я и затеял разговор с тобой, Олли. Только две вещи на свете могут разлучить нас, голубка; мой долг по отношению к Грейси и мой долг по отношению к тебе. Понятное дело, если ты будешь ездить со мной по белому свету, ты не сможешь получить образование. И вот я решил оставить тебя в Сакраменто, отдать в самый лучший тамошний пансион, пока я не вернусь назад. Ты слышишь, что я говорю, голубка?

— Да,— сказала Олли, глядя на брата своими светлыми глазками.

— Ты не должна там беспокоиться обо мне. А еще лучше будет, если ты вообще позабудешь и про Лоцину, и про всех здешних знакомцев. Ты должна вырасти настоящей леди; братец Гейб добьется этого во что бы то ни стало. И тогда, Олли, я скажу этому молодцу: «Не судите нашу семью по мне; мужчины в нашем семействе больше берут, как говорится, ростом и не могут вам соответствовать в других отношениях.— Тут Гэбриель провел рукой по своим русым кудрям.— Но в Калифорнии, в пансионе, у нас имеется маленькая леди, в точности такая, какой была бы и Грейс, если бы мы дали ей вовремя образование. Попробуйте-ка побеседовать с ней; она задаст вам жару». Тут я привожу тебя и надеюсь, Олли, что ты сумеешь показать ему свои знания и по грамматике, и по арифметике, ну и по астрономии, конечно.

— Но зачем нам искать Грейс, если она говорит, что никогда не вернется? — сухо спросила Олли.

— «Личные объявления», Олли, нельзя толковать слово

в слово. Их надо решать, как загадки или — как их еще называют? — головоломки. Вот написано: «Г.К. никогда к вам не вернется». А может, она теперь уже совсем не Г.К.? Понимаешь, что я хочу сказать?

— Вышла замуж? — спросила Олли, захлопав в ладоши.

— Вполне возможно, — сказал Гэбриель, слегка краснея. — Вот оно в чем дело.

— А что, если объявление совсем не от Грейс?

Гэбриель был озадачен.

— Жюли говорит, что от Грейс... — неуверенно сказал он.

Олли приняла этот довод с некоторым сомнением.

— Ну, а что значит: «Думай о том, что дома»?

— Яснее ясного! — живо откликнулся Гэбриель. — «Думай о малютке Олли, разве она не с тобой?» Вылитая Грейс, всегда заботится о других!

— Хорошо! — сказала Олли. — Я согласно остаюсь одна, чтобы ты мог уехать. Но ты-то как проживешь без меня?

Гэбриель ничего не ответил на этот вопрос. Лучи заходящего солнца угодили ему прямо в глаза и, как видно, совсем ослепили его, потому что он поспешил укрыться от них, прижавшись лицом к вьющимся кудрям Олли. Помолчав, он сказал: — Хочешь, я скажу тебе, Олли, почему я люблю эту старую хижину и эту печную трубу?

— Почему? — спросила Олли. От лучей заходящего солнца у нее тоже что-то приключилось с глазами, и она с готовностью отвернулась, чтобы еще раз взглянуть на старую хижину.

— Не потому, что мы столько времени прожили здесь с тобой вдвоем; об этом надо позабыть и никогда больше не вспоминать. А потому, Олли, что здесь впервые я стал копать землю и нашел первое золото. А из породы я построил эту печную трубу. Люди думают, что я начал старательствовать там, на склоне, где я нашел серебряную жилу. А ведь это не так. И мне сдается иногда, Олли, что от первой моей удачи я получил больше радости и счастья, чем когда-либо получу от той, новой жилы. Ну, пошли домой, Олли! Жюли, наверное, уже тревожится, куда ты запропастилась. Вон какой-то чужой человек идет по дороге, увидит нас вдвоем, а у меня и вид совсем неподходящий, чтобы сопровождать такую юную леди. Впрочем, беда не велика: откуда ему знать, что мы с тобой родственники? Пошли домой!

Несмотря на все предосторожности и спешку Гэбриеля, им не удалось спастись от незнакомца; тот спускался вниз

по тропе, ведущей с перевала в лощину, и свернул прямо к ним навстречу, как видно намереваясь о чем-то их спросить. Гэбриель вынужден был остановиться; он взял Олли за руку, чтобы подбодрить ее.

— Не укажете ли вы мне, как пройти в гостиницу? — вежливо осведомился незнакомец. — Если не ошибаюсь, она называется «Великий Конрой».

Подобная личность в любое время вызвала бы законное опасение и протест у каждого обитателя Гнилой Лощины, в том числе и у Гэбриеля. В данный же момент незнакомец произвел на него особенно неблагоприятное впечатление. Он был щегольски одет и обут, хоть и по какой-то давно прошедшей и исчезнувшей моде. Мало того, у незнакомца из-под застегнутого на все пуговицы сюртука виднелась белоснежная гофрированная манишка. Обращаясь к Гэбриелю, он прикоснулся рукой к черному цилиндру, который обычай здешних мест разрешал носить только священнослужителям и профессиональным игрокам. Отметим и то, что не успел незнакомец произнести название отеля, как ручка Олли, покоившаяся в руке Гэбриеля, воинственно сжалась.

— Ступайте по тропе до подножия холма, а там упритесь в Главную улицу; она доведет вас до отеля. Я сам охотно пошел бы с вами, но, к сожалению, занят, — ответил Гэбриель, мобилизуя всю свою светскость и изобретательность и при каждом слове слегка пощипывая Олли за руку. — Друзья этой молодой леди наняли меня, чтобы я проводил ее домой, а родители у нее такие злыдни, что, если я опоздаю даже на минутку, мне здорово от них влетит. Не правда ли, мисс? Прошу прощения!

Не дав Олли опомниться и произнести хоть слово, он поспешил увлечь ее в тень вечнозеленых сосен на холме Конроя.

Глава 2

ПОСТОЯЛЬЦЫ В «ВЕЛИКОМ КОНРОЕ»

Отель «Великий Конрой» был новехонек и сравнительно чист, что составляло немаловажное его достоинство. Ароматы минувших обедов, бывших ужинов и давно позабытых завтраков еще не успели воцариться в его холлах и коридо-

рах. Свежеобитая мебель в свежееклеенных номерах не хранила памяти о съехавших постояльцах. Все дышало уютом и нетронутостью; и даже шумливая возня миссис Маркл и Сол компенсировалась тонкой обходительностью специально выписанного бармена и кельнера-ирландца. Только с немногими прежними завсегдатаями заведения упомянутые нами почтенные дамы общались с обычной своей безыскусственной простотой. Нужно сказать, что просторный холл, ошеломлявший посетителя зеркалами в позолоченных рамах и красными плюшевыми диванами, действовал несколько охлаждающе на принятые в Гнилой Лощине пылкие излияния чувств и гейзеры красноречия, но в отеле имелась маленькая гостиная, куда вдова и ее верная помощница приглашали иногда избранных посетителей. Среди фаворитов, допускаемых в это святилище, числился и адвокат Максвелл. Он был вдов, к тому же известен своим циническим недоверием к прекрасному полу; эти обстоятельства служили как бы вызовом для обеих дам и — одновременно — постоянным источником опасности для самого адвоката.

Миссис Маркл отлично знала, конечно, что миссис Конрой — клиентка адвоката Максвелла и что, как раз направляясь к нему, она попала в катастрофу, которая привела к ее встрече с Гэбриелем. Чего миссис Маркл не знала — хоть и крайне желала узнать, — это были ли Гэбриель и миссис Конрой знакомы прежде. Максвелл сказал ей, что, насколько ему известно, они никогда раньше не виделись и встретились совершенно случайно. Доверяя миссис Маркл эти сведения, адвокат не нарушал профессиональной тайны; нет оснований полагать, что он нарушил ее и в чем-либо другом. Он лишь разъяснил, что госпожа Деварджес обратилась к нему по поводу некой земельной собственности. Сообщая об этом, он допустил небольшую оговорку и назвал госпожу Деварджес «Грейс Конрой». Миссис Маркл тут же насторожилась.

— То есть миссис Конрой, — поспешно поправился адвокат.

— Грейс, это его исчезнувшая сестра, так ведь?

— Да, — безмятежно подтвердил Максвелл, — я думаю, он вам не раз о ней рассказывал.

— Нет, — откровенно призналась миссис Маркл, — мы больше беседовали на общие темы; но по тому, что я знаю от Олли, — это единственная женщина, которую он когда-либо любил.

Адвокат Максвелл, который, памятуя свою примечательную беседу с Гэбриелем о миссис Маркл, поглядывал на нее с лукавством, вдруг посерьезнел.

— Теперь вы убедились, я полагаю, — сказал он несколько более торжественно, чем намеревался, — что супруга вытеснила из его сердца пропавшую сестру.

— Ни за что не соглашусь! — живо возразила миссис Маркл. — Продувная расчетливая бабенка!

— Боюсь, что вы несправедливы к ней, — сказал Максвелл, смахивая с губ улыбку своим характерным жестом, — впрочем, где это видано, чтобы две хорошенькие и неглупые женщины восхищались одна другой? Уж не знаю, какие у вас основания считать ее расчетливой! — добавил адвокат, снова возвращаясь к серьезному тону.

— Как? А ее замужество? — простодушно воскликнула миссис Маркл. — Поглядите на этого тюфяка, на этого рохлю! Да разве женится такой человек добровольно, если не взять его в оборот? Как вы думаете?

В словах миссис Маркл прозвучала неподдельная обида; и даже такой философ, как юрист Максвелл, не смог утешиться мыслью, что в ней говорит всего лишь вековая вздорность женского характера. Нет и не было на свете мужчин, которые любили бы, чтобы женщина выказывала предпочтение другому. Поднеся руку ко рту и приготовившись смахнуть улыбку, которая, впрочем, так и не последовала, Максвелл поспешил представить возражение:

— А что, если вы ошибаетесь в Гэбриеле? Что, если простота его и застенчивость — одно притворство? Что, если он один из самых искусных и удачливых актеров, когда-либо выступавших перед публикой? Что, если он провел всех вас, в том числе и свою жену?

Не успел Максвелл произнести последнее слово, как миссис Маркл нанесла ответный удар.

— Экую, право, ерунду вы несете! Да я скорее заподозрю это невинное дитя! — заявила она, указывая на свою Манти. — Известное дело, адвокаты! Раз не понимают, значит подозревают. — Она помолчала, и Максвелл тем временем повторил свой привычный жест. — В чем вы его обвиняете, скажите толком? Что вам о нем известно?

— Ровным счетом ничего. Но раз вы критикуете ее, почему не покритиковать и его? На том же основании. Посудите сами, простой человек, совершенно необразованный...

— Неверно, что он необразованный, — прервала себе

седника миссис Маркл, принося истину в жертву своей симпатии к Гэбриелю.

— Хорошо, условимся считать его взрослым ребенком. Так вот, этот ребенок открывает самую богатую жилу в Гнилой Лощине и устраивает дело так, что за ее разработку берется самый пройдошливый финансист во всей Калифорнии. До того, не дав никому даже глазом моргнуть, он умудряется вступить в брак с прехорошенькой женщиной, законной владелицей той самой земли, где проходит его жила. Вы говорите, что все объясняется его простотой; но, как правило, простота так щедро не вознаграждается.

— Нет, не будет ему от них добра, помяните мое слово,— сказала миссис Маркл, с победным видом завершая дискуссию.

Вполне вероятно, что раздражение миссис Маркл поддерживалось и даже разжигалось ее помощницей, мисс Сол, которая, побуждаемая ненавистью к жене Гэбриеля, установила целую систему шпионского наблюдения за Конроями. Именно от нее, в пристрастной ее интерпретации, миссис Маркл узнавала об одиночестве Гэбриеля и о его паломничествах к старой хижине; о гостях миссис Конрой, о численности их и отличительных особенностях; даже о некоторых личных беседах Гэбриеля с женой. Я допускаю, что и другие уже известные читателю толки о миссис Конрой имели своим источником все ту же очаровательную молодую особу, которая делилась своими наблюдениями и догадками на этот счет не только со своей хозяйкой, но и с другими собеседниками. Когда однажды заезжий незнакомец, проживавший в «Великом Конрое», решил оживить монотонность утренней трапезы беседой о Конроях, мисс Сол выложила ему почти все, что рассказывала до того миссис Маркл.

Некоторые утверждают, что виною всему было неизъяснимое очарование внешности и манер незнакомца, подействовавшее на чувствительную натуру этой суровой девственницы и сделавшее ее болтливее обыкновенного. Но в конце концов, в чем можно было винить Сол? Правда, она стремилась лично обслужить гостя за столом; время от времени нависала над ним с подносом, уставленным закусками несколько обильнее, чем положено для заезжего гостя, быть может, пыталась рекомендовать ему с излишней пылкостью какое-нибудь лакомое блюдо. Но и то сказать, постоялец был не совсем обыкновенный, мало походивший на завсегдатаев отеля; и это само по себе извиняло

несколько особое к нему отношение. Он был молод, бледен, белозуб, руки у него были желтые, манера вести себя южная, почти тропическая. Говоря о нем, мисс Сара Кларк именовала его не иначе как «айтальянец».

Позволю себе привести образчик их застольной беседы.

Я не большой поклонник оладий, да и сушеные яблоки не в моем вкусе,— сказал Рамирес, которого проницательный читатель, конечно, уже узнал.— Но я жажду получить из этих прелестных ручек — я припадаю к ним! — маленькую чашечку кофе. Сахара не кладите, мисс; мне сладко от ваших взоров. Так, значит, вы считаете, что миссис Конрой несчастлива в семейной жизни? Ах, мисс Кларк, как тонко вы все подмечаете! Ни за какие миллионы не согласился бы попасть вам на язычок.

Господь дал человеку глаза, чтобы смотреть, что вокруг творится. Хвастать не хочу, но зарывать талант в землю тоже было бы грешно,— сказала вконец смущенная комплиментами гостя мисс Сол и вылила недожаренную яичницу со сковороды, которую держала в руках, прямо на воротник ничего не заметившему судье Бисуингеру.— А что вы скажете, если жена говорит собственному мужу, которого поклялась слушаться во всем и почитать: «Дом мой, земля моя; иди куда глаза глядят!» Назовете вы такую семейную жизнь счастливой?! Если бы я не слышала этого своими ушами — чисто случайно, конечно, зайдя к ним по соседству,— в жизни бы никому не поверила. Строит из себя важную даму, а ведь и простой вежливости не соблюдает с людьми, которые ничуть не хуже ее, а может быть, и получше; они, конечно, не выходят замуж по расчету, как некоторые другие, но если бы захотели, то вышли бы, да еще в тысячу раз побыстрее. Что ж, женщина женщине рознь, и хвалить себя никому не положено. Особенно рекомендую вам эти бобы. А свиная отбивная — наше фирменное блюдо; мы колем свиней сами.

— С вашего позволения, мисс Кларк, я совершенно сыт. К отбивной я даже не притронусь; просто не в силах,— сказал Виктор, сверкнув сразу всеми тридцатью двумя зубами.— Вы расстроили меня, рассказав эту грустную историю. И ведь богатые люди! Увы, такова жизнь! И ведь имели все для счастья! Нет, нет, не кладите мне больше ничего. Я совершенно сыт. А это еще кто такой?

Он понизил голос и опустил глаза. Незнакомец — тот самый старомодный щеголь, которого Гэбриель встретил вчера вечером на холме Конроя,— поднялся из-за боково-

го столика, где сидел все это время, никем не замеченный, и спокойно направился к выходу. Виктор мгновенно узнал его. Это был игрок из Сан-Антонио и изругавший его клерк с Пасифик-стрит. Подозрения и дурные предчувствия охватили Рамиреса. Но когда Сол шепотом разъяснила ему, что незнакомец прибыл по вызову суда в качестве свидетеля, он нашел это вполне правдоподобным. То, что переводчик его не узнал, также было добрым признаком. Дождавшись, пока незнакомец уйдет, Сол вернулась к прерванному рассказу.

— Что до его богатства, то люди, которые в этих делах разбираются, разное толкуют. Вот только на прошлой неделе останавливались у нас приезжие; как видно, богачи, но из таких, что не прочь часок-другой потарабанить с простым народом. Хоть мы с миссис Маркл и взяли себе за правило не вступать в разговоры с заезжими людьми — айтальянцам мы оказываем исключение, поскольку они здесь вроде как на чужбине, — вставила мисс Сол со свойственным ей чувством такта, — послушали мы их, а они и говорят: серебряная жила на холме Конроя обследована, мол, до конца и оказалась она в фунт шириной, не больше; и иссякнет она никак не позже, чем через месяц; и старый Питер Дамфи, как только узнал об этом, так сразу и ноги унес; а Гэбриель Конрой потому и решил уехать, что не хочет, чтобы при нем все это дело под откос пошло.

— Как, мисс Сол? Гэбриель уезжает от вас? Но это невероятно! — вскричал очаровательный иностранец, почти задохнувшись от волнения и злобно оскалив обе челюсти.

Быть может, Сол и почувствовала бы что-то неладное во внезапном волнении незнакомца, если бы блеск его зубов вновь не пленил ее воображение. «Если видела я у кого в жизни ангельскую улыбку, — говорила она позже, по секрету, миссис Маркл, — так это у него, у молодого айтальянца». В замешательстве она поставила перед Рамиресом еще несколько тарелок — частью совершенно пустых — и излила свои чувства в притворном негодовании:

— Значит, я лгунья? Спасибо! Поделом мне за мою болтливость! Ну, а если он не уезжает, почему, скажите, Олимпия Конрой укатила на полгода в пансион? И зачем прибыл к нам новый управляющий на место Гэбриеля? Да вы ведь сами его видели только что; сидел рядом с вами в сером сюртуке! Как, вы больше не хотите ничего кушать? И пирожков не отведаете, ни с яблоками, ни с клюквой? Мы их сами печем. Ах, останетесь вы сегодня голодным!..

Но Виктор вылетел стремглав из-за стола и умчался прочь, оставив Сол в тяжком раздумье, уж не перехватила ли она сегодня в своем кокетстве, не довела ли впечатлительного айтальянца до отчаяния. «Как это упустила я, что он все-таки иностранец и не привычен к нашим вольностям речи? Бедняжка! Совсем ведь расстроился, когда я заявила ему, что он назвал меня лгуньей».

Твердо решив угостить его наутро чем-нибудь очень вкусным и тем показать, что простила его и более не сердится, удрученная Сол удалилась к себе в кладовую. Чуть позже она решила обмести пыль в холле неподалеку от комнаты Рамиреса, но убедилась, к своему разочарованию, что в дверь в номер распахнута настежь и постояльца нигде не видно. Еще немного погодя она доверительно пересказала миссис Маркл свою беседу с Рамиресом, причем напустила на себя томный вид и дала понять собеседнице, что, только лишь принося в жертву интересам отеля свою девичью гордость и скромность, она терпела дерзкие приставания иностранца.

— Почему он не сводит с меня глаз, почему заговаривает со мной, просто ума не приложу,— заявила она,— кто завтракал, все видели. А что обиделся он под конец да убежал сломя голову, что ж, не беда, пусть успокоится немножко, в себя придет...

Искусно создав таким образом впечатление, что она дала отпор пылкому южанину, притушила, так сказать, его страстный порыв, Сол погрузилась в таинственное молчание.

Полагаю, что толкование отъезда Гэбриеля, предложенное мисс Кларк, не было ею выдуманно. Путешествие Гэбриеля не одобрялось ни на старательских заявках, ни у трактирных стоек. Так трудно доставшаяся ему популярность исчезла, не оставив следа; многие прямо говорили, что он не имеет права покидать Гнилую Лощину, пока не упрочит финансовое положение своего предприятия. Те самые люди, которые еще недавно оспаривали какое-либо касательство Гэбриеля к произошедшему буму и утверждали, что он не более чем подставная фигура, теперь громко осуждали его за то, что он уходит со своей должности. «Гонец Среброполиса» в туманных выражениях намекал, что смена управляющих происходит в неподходящий момент и может дурно отразиться на курсе акций. Конкурирующая газета — за истекшее время стало ясно, что интересы города требуют издания двух газет с различным на-

правлением, — поместила передовую статью против «попытки некоторых лиц уклониться от своих обязанностей» и против абсентеизма вообще и обрушилась на всех тех, кто, «обогатившись на разработке природных ресурсов Гнилой Лощины, теперь безрассудно транжирит деньги в заграничных поездках».

Тем временем смиренный герой всех этих пересудов, нисколько не помышляя, что какие-либо его действия или намерения могут представлять общественный интерес, был занят приготовлениями к отъезду. Он отказался выгодно сдать свой дом новому управляющему и поручил смотреть за ним служанке; он думал о том, что вдруг в его отсутствие вернется Грейс.

— Если здесь будет меня спрашивать молоденькая девушка, — загадочно сказал он служанке, — вы не задавайте ей никаких вопросов; в особенности же если увидите, что она робеет, стесняется; прямо откройте ей самую лучшую комнату и пошлите мне срочную телеграмму. Миссис Конрой можете ничего не сообщать.

Заметив на лице служанки выражение праведного беспокойства — она была замужняя женщина, еще недурная собой, и рассталась со своим супругом лишь из-за неистовой его ревности, — Гэбриель поспешно добавил:

— Это богатая молодая особа, у нее денежные неприятности, и она вынуждена скрываться.

Окончательно убедив служанку таким разъяснением, что дело нечисто и что Конрой скрывают какую-то роковую фамильную тайну, Гэбриель умолк. Никому не сказавшись, он съездил к Олли; упаковал и спрятал все, что осталось от гардероба покойной матери; отрезал (бог знает для чего) по маленькому лоскутку от одежды, некогда принадлежавшей Грейс и тщательно хранимой им вместе со своими вещами; спрятал эти лоскутики в бумажник; отправился один, как всегда, в старую хижину и провел там в задумчивости несколько часов; избегнул настойчивых приставаний миссис Маркл, которая атаковала его по время послеобеденной прогулки; избегнул робкой ласки своей жены, которая хотела немного побыть с ним наедине. Сделав таким образом несчастными обеих женщин, которые его искренне любили, он, по обычаю всех мужчин, принялся размышлять о том, как счастлив он будет, когда избавится от них навсегда.

В КОТОРОЙ МИСТЕР ДАМФИ
ПОЗВОЛЯЕТ СЕБЕ РАЗВЛЕЧЬСЯ

На калифорнийском побережье стояла невыносимая жара. Даже старейшие из американских поселенцев не помнили столь жаркой погоды, и хотя высказывания калифорнийцев испанского происхождения во всем, что касалось американских интересов, признавались не заслуживающими доверия, в данном случае их свидетельство, что подобной жары не было добрых шестьдесят лет, никем не оспаривалось. Однако добавочное заявление дона Педро Перальта, что после семи дней именно такой жары случилось знаменитое землетрясение, разрушившее стены миссии Сан-Хуан-Батиста, было тут же отвергнуто, ибо могло дурно повлиять на приток эмигрантов. Так или иначе, дышать было нечем. Ежедневные послеполуденные пассаты словно затаили свое робкое прерывистое дыхание; побережье лежало, как бы пораженное насмерть. Туманы, имевшие обыкновение являться по вечерам и ласково окутывать побитые ветром сумрачные приморские утесы, исчезли неведомо куда. Безжизненный океан ослеплял своим невыносимым блеском. Песчаные дюны, не охлаждаемые даже малейшим движением воздуха, опаляли лицо и жгли ноги незадачливому пешеходу. Наконец-то все те, кто считал просторные санфранцисские веранды, галереи и балконы праздной архитектурной выдумкой, должны были отказаться от своей клеветы. Сейчас, вкушая непривычную прелесть подобного времяпрепровождения, они, поскидав сюртуки, восседали на своих балконах. Доходившие до пола створные окна, всегда запертые на задвижку от яростного вечернего ветра, стояли распахнутые настезь. Энергия и подтянутость, отличающие жителя Сан-Франциско, все равно — спешит ли он к себе в контору или идет куда-нибудь развлечься, сменились задумчивой томностью. Салуны были заполнены толпами жаждущих; люди, которым ни разу в жизни не приходило в голову глотнуть свежего воздуха, устремились на набережные и к пристаням; по городским артериям, ведущим с раскаленных холмов вниз к морю, весь день непрерывной чередой тянулись экипажи. А бесчисленные улочки и переулки, ответственность за чи-

стоту которых лежала на великом мусорщике — ветре, оставались неубранными и зловонными.

Уже в течение двадцати четырех часов деловая жизнь города была почти полностью парализована. Поскольку жара держалась, а ветер не обнаруживал намерения возобновить свою деятельность, общественное мнение не могло остаться к этому полностью нечувствительным. Кое-кто уже громко выражал сомнение, действительно ли так хорош калифорнийский климат, как это принято думать. Еретические взгляды высказывались и по некоторым вопросам, ближе касавшимся деловой и социальной жизни города. Мистер Дамфи и другие финансовые тузы отдавали себе полный отчет, что, если ртуть на термометре поднимется еще на несколько делений, курсы ценных бумаг начнут падать.

Не теряясь, однако, даже в этой сложной обстановке, мистер Дамфи провел утро у себя в конторе; вся сила его боевого темперамента была сейчас направлена на то, чтобы не поддаваться расслабляющему действию жары, что бы там ни толковали ему его клиенты. Мистер Дамфи был без крахмального воротничка; в таком виде он лишился некоторой доли своей всегдашней респектабельности, быть может, даже производил чуть меньшее впечатление, чем обычно. Все же короткая бычья шея мистера Дамфи внушала достаточно почтения. Два посетителя, вошедшие к нему в кабинет, приметив беспорядок в туалете великого человека, сочли позволительным для себя тоже расстегнуть жилет и ослабить туго завязанный галстук.

— Жара! — сказал мистер Пилчер, хорошо известный в городе подрядчик.

— Факт! — ответил мистер Дамфи. — Представляю, что творится сейчас на Атлантическом побережье! Люди сотнями мрут от солнечного удара. Там ведь иначе не бывает! А у нас ни одного смертного случая! У нас все иначе!

Установив таким образом очевидные преимущества калифорнийского климата, мистер Дамфи перешел прямо к делу.

— Дурные вести из Гнилой Лощины, — торопливо сообщил он. Поскольку оба посетителя пришли к нему именно по данному поводу и мистери Дамфи это было великолепно известно, он тут же резко спросил: — Что имеете предложить?

— Говорят, жила бедновата, — неуверенно начал мистер Пилчер, имевший изрядный пакет акций «Жилы Конроя».

— Чертовски бедновата! — подтвердил Дамфи. — Что имеете предложить?

— По-моему, — сказал мистер Пилчер, — надо уносить ноги, пока не все еще об этом пронюхали.

— Нет! — быстро возразил Дамфи. Они с Пилчером воззрились друг на друга. — Нет! — повторил Дамфи с коротким смешком, означавшим в данном случае не веселость, а убежденность в своей правоте. — Нет, сэр! Держаться и только держаться! Подумайте сами. Сейчас мы легко найдем десяток людей, которые откупят у нас жилу завтра же. Допустим, мы это сделали. Хорошо. Они выложат на стол четыреста тысяч — такова примерно стоимость наших пакетов. Что они сделают дальше? Они начнут выяснять обстановку. Человек так устроен, Пилчер, что, когда он ложит на стол четыреста тысяч (воодушевляясь, мистер Дамфи переставал следить за изяществом своей речи) — когда он ложит на стол четыреста тысяч, он хочет знать, что он за них получит. Суток не пройдет, и они выяснят, что мы их надули. Выгодно это будет для нас? Нет!

В речи Дамфи не было призывов к коммерческой честности, и вообще он не апеллировал к каким-либо высоким чувствам слушателей; очевидно, потому речь его вызвала у обоих внимавших ей прожженных дельцов доверие и почтение. Правда, мистер Уик, приятель Пилчера, воспринял провозглашенные мистером Дамфи истины с легким замешательством, что тот не преминул про себя отметить.

— Хотите знать, что делать? — продолжал мистер Дамфи. — Удвоить основной капитал! Мы станем сразу хозяевами положения! В случае нужды — пресечем нежелательные слухи! А если что и выплывет потом наружу, что ж, нас в ответе будет еще с полдюжины. Ровно через шесть месяцев начнем продавать. Пока же покупать, и только покупать! Не согласны Уик? Отлично! Беру ваш пакет по номиналу! Решайте! Да? Нет?

Мистер Уик, смущенный несколько больше, чем того требовали обстоятельства, заявил, что готов держаться. Пилчер захохотал. Дамфи тоже залаял, прикрыв рот рукой.

— Оставляю за вами право воспользоваться моим предложением в течение трех месяцев. Да? Нет? Тогда — все.

Мистер Дамфи обратился к бумагам на столе. Мистер Пилчер понял намек и удалился вместе с мистером Уиком.

— Чертовски сообразительный малый этот Дамфи, — сказал Пилчер, когда дверь захлопнулась.

— И вполне порядочный человек!.. — добавил Уик.

Не успели они выйти, как мистер Дамфи позвонил в колокольчик.

— Пошлите за Джейнсом. Нет, бегите сами. Нужно поспеть раньше, чем он увидится с Уиком. Живо!

Клерк исчез. Через несколько минут появился мистер Джейнс, юный биржевой маклер самого продувного вида.

— Мистер Уик сейчас захочет купить акции, которые продал вам утром, Джейнс. Кажется, я уже говорил вам, что они подорожали на пятьдесят долларов.

Хитро умехнувшись, многообещающий молодой человек удалился. Через несколько часов весь город знал, что, невзирая на тревожные слухи о «Жиле Конроя», один из крупнейших акционеров откупил проданный им накануне пакет акций, переплачивая на каждой акции по пятьдесят долларов. Более того, многие считали теперь, что именно мистер Дамфи распустил по городу панические слухи; сам же под шумок скупает акции. На несколько часов эти сенсационные сведения отвлекли общественное мнение от метеорологической проблемы.

Приведенный всем описанным в благодушное настроение, а может быть, и под некоторым влиянием погоды, мистер Дамфи покончил с делами уже к двум часам дня и решил дать себе отдых. На визитную карточку некоего полковника Старботтла, который добивался свидания с ним, он даже не взглянул. В половине третьего он уже сидел в экипаже, запряженном парой резвых лошадок, мчавших его по раскаленным песчаным откосам в компании других джентльменов и дам к тихой прохладной глади океана. Когда щегольская карета с грохотом поднималась по Буш-стрит, мало кто из прохожих не провожал ее восхищенным, завистливым взглядом. Во-первых, среди пассажиров были две прехорошенькие дамы; во-вторых, лошадьми правил с присущим ему великолепием и блеском не кто иной, как мистер Ролингстон, преуспевающий финансист и главный конкурент мистера Дамфи. Мистер Ролингстон славился как своим замечательным выездом, так и особым, истинно тихоокеанским широким гостеприимством, которому Дамфи завидовал и пытался неуклюже подражать. Нынешняя поездка была задумана Ролингстоном в стиле его знаменитых загородных пикников. Гости принадлежали к сливкам санфранцисского общества. Присут-

ствие путешественника с Атлантического побережья придавало празднеству особый интерес.

Дорога лежала через песчаные дюны, сейчас недвижные, сверкающие под раскаленными добела калифорнийскими небесами; пейзаж оживляли лишь открывавшиеся время от времени взору синие воды залива да причудливые, раскинутые по взморью домики, которые более всего походили на раковины, выброшенные на берег бурной морской волной. По пути они обогнули возвышавшийся отдельно от прочих внушительный холм, покрытый — словно наружу вылезшей породой — каменными плитами на могилах первых американских поселенцев, оплативших жизнью знакомство с «благоприятнейшим климатом на земле». Порою могильные плиты спускались к самому подножию холма, и там, полузанесенные песками, представляли глазу прохожего подобно раскопкам новой Помпеи. Для жуира, отправляющегося на лоно природы, чтобы весело провести время, эти надгробия выполняли роль скелета на пиру, грозного *memento mori*¹; их можно было заметить даже из загородных ресторанов, где на широких открытых верандах развлекались, пили и ели легкомысленные граждане Сан-Франциско. Местами дорога проходила совсем близко от другой, по которой даже в эту жаркую пору тянулись скорбные процессии из похоронных дрог и траурных карет на пути к иному назначению, где едущих ждали яства поминального пира, печаль и слезы. Дальше лежал серый безбрежный океан, а у самого края его, словно выхваченное из пасти бушующих вод, возвышалось на скале величественное, увенчанное куполом строение — цель и конечный путь предпринятого путешествия.

Ловко подкатив, Ролингстон ссадил своих гостей и провел их в веселую светлую комнату, выходящую прямо на море. Несколько человек уже ожидали их там и коротали время, любуясь на проказы огромных морских львов, лежавших на омываемых морем утесах; зрелище это приятно и эффектно контрастировало с очаровательным уютом, царившим в гостиной. Стол посреди комнаты, украшенный до смешного огромными розами и уставленный блюдами переспелых фруктов, недвусмысленно намекал на предстоящее пиршество.

— Вот мы и приехали! — возгласил мистер Дамфи, входя в комнату с тем развязным и в то же время делови-

¹ Помни о смерти (*лат.*).

тым видом, который его снисходительные друзья всегда готовы были счесть за проявление душевности и доброжелательства.— И показали отличный результат! — добавил он, вытаскивая из кармана часы.— Меньше получаса! Какое?!

Он хлопнул по спине ближайшего соседа, и тот, ослеслевленный подобной милостью человека, стоящего не то пять, не то шесть миллионов, не задумался над тем, а к чему, собственно, такая быстрота передвижения, когда едешь подышать воздухом за город в жаркий день?

— Господа,— сказал Ролингстон, обращаясь к присутствующим,— все вы, наверное, знакомы, если же нет, я вас сейчас познакомлю. Мистер Дамфи, мистер Пуанзет, мистер Пилчер, мистер Дайс, мистер Уик, миссис Сепульвида и мисс Роза Ринграунд. Мистер и миссис Рейнор из Бостона. Итак, с этим покончено. Обед на столе. Садитесь, как кому угодно, и принимайтесь за дело. Никаких церемоний, господа! Вы в Калифорнии!

Эта простота нравов имела свои преимущества. Гости непринужденно уселись, как кому хотелось; Артур Пуанзет оказался рядом с миссис Сепульвида, а мистер Дамфи устроился по левую руку от мисс Ринграунд, прехорошенькой, смахивающей на мальчугана, и весьма бойкой на язык белокурой модницы.

Угощали роскошно; не хватало малого — изящества и чувства меры. Дичь была в изобилии, жирная, совершенно безвкусная. Особенно поражали фрукты. Вы надкусывали гигантский багровый персик, а мякоть его оказывалась грубой и неподатливой; раздувшиеся груши, как видно, страдали водянкой и ждали хирургического вмешательства; клубника была непомерно крупной и в то же время незрелой, словно она возмечтала дорасти до ананаса и была остановлена садовником на полпути. Если бы не виноград, равно прелестный и на вид и на вкус, то все эти фрукты можно было бы счесть насмешливым комментарием калифорнийской природы к рекламным заверениям мистера Дамфи. Впрочем, гости в большинстве своем не замечали подобных тонкостей и склонялись к восторгам мистера Рейнора, путешественника с Атлантического побережья.

— Изумительно! Просто изумительно! — твердил этот джентльмен.— Если бы я не увидел этого собственными глазами, никогда не поверил бы. Вот вам груша, например, да она величиной с четыре наших!

— Как и все у нас! — подхватил мистер Дамфи, пока-

зывая своим тоном, что готов нести всю полноту ответственности за действия местной природы.

Почувствовав на себе внезапный взгляд Артура Пуанзета, мистер Дамфи умолк. Как правило, он не предавался излишествам на званых обедах, но сейчас, обгладывая крылышко куропатки, он жадно впился в него зубами, и в чертах его лица проглянуло особенное выражение, пробудившее в памяти Артура забытую страницу прошлого. Дамфи тут же положил крылышко на тарелку, а Пуанзет вернулся к беседе с миссис Сепульвида. Беседа эта была не такова, чтобы минутный перерыв мог серьезно ей повредить,— миссис Сепульвида была женщиной очаровательной, но не очень острого ума, и мистер Пуанзет без труда восстановил пропущенную реплику по выражению ее глаз.

— Если бы природа руководствовалась логикой,— сказал он,— ей следовало бы населить здешние места великанами. Кстати,— добавил он, понизив голос и переходя к более личной теме,— мне говорили, что покойный дон Хосе был невелик ростом.

— Каков бы он ни был, он меня очень любил! — ответила миссис Сепульвида, мило надув губки.

Мистер Пуанзет хотел было возразить, что если любовный пыл прибавляет человеку роста, то он и сам может претендовать на роль великана, но тут его прервала мисс Роза.

— Что вы там толкуете о великанах? Разве их здесь разыщешь? Как и высокие деревья, они не растут на побережье. Голиафа нужно искать в горах.

Раззадоренная очевидным недовольством соседки и улыбкой Артура, мисс Роза продолжала свою речь:

— Вот я действительно повстречала доисторического человека! Великан, гигант, силач! Семи футов роста, могучий, как слон, плечи как у Тома Хейра! Удар левой, и вы в нокауте! Глаза синие и ласковые, как у тюленя. Волосатый, точно Самсон,— пока эта дамочка не подстригла его. Отважен, как лев, кроток, как агнец, застенчив, как красная девица в доброе старое время. О боже, как надо меня смутить, чтобы я зарделась таким румянцем?!

Все рассмеялись — таков был обычный эффект речей мисс Розы: мужчины весело и от души, дамы натянуто и с оглядкой. Миссис Сепульвида, увидев интерес в глазах Артура, снисходительно спросила рассказчицу, где же она познакомилась со своим героем.

Бесполезный вопрос, милочка, совершенно бесполез-

ный; он уже женат; эти черти всегда женаты. Нет, не в цирке, мистер Дамфи! И не в зоологическом саду, мистер Дайс! Я встретила его в женском пансионе!

Слушатели переглянулись; некоторые рассмеялись, решив, что это новая шутка мисс Розы.

— Я навещала школьную подругу в пансионе мадам Эклер в Сакраменто,— продолжала та совершенно спокойно,— а он привез маленькую сестренку, чтобы отдать ее в пансион,— так он сказал мне. Оознавательные литеры его П. и Г П — потому что он прям и простодушен; Г — потому что зовут его Гэбриель и живет он в Гнилой Лощине.

— Наш друг управляющий, будь я неладен! — сказал Дайс, поглядывая на Дамфи.

— Кажется, вы правы, но так ли уж он простодушен? — сказал Пилчер.— Ваше мнение, Дайс?

Мужчины захохотали. Дамы переглянулись, потом обратили вопрошающий взгляд на мисс Ринграунд. Отважная молодая особа ничуть не смутилась.

— Что вы имеете против моего великана?

— Решительно ничего,— ответил мистер Пилчер,— если не считать, что ваш милый простодушный приятель только что провел самую сильную козырную игру, какую видывала Монтгомери-стрит.

— А ну, расскажите,— попросила мисс Розы.

— Рассказать? — спросил Пилчер у мистера Дамфи.

Дамфи коротко хохотнул.

— Валяйте!

Получив поддержку от Дамфи, мистер Пилчер показал себя завзятым рассказчиком.

— Итак, уважаемые леди и джентльмены, могу сообщить вам, что простодушный друг мисс Розы — не кто иной, как управляющий богатым серебряным прииском (главный владелец — мистер Дамфи) и — одновременно — акционер того же прииска. Он собрался за границу; ему понадобились наличные, он подрядился с мистером Дайсом о продаже ста акций по тысяче долларов за штуку и обязался представить акции к данному числу; срок наступил десять дней тому назад. И вот вместо обещанных акций мистер Дайс получает письмо, совершенно неделовое, бесхитростное и безграмотное — поразительнейший образчик притворства! — в котором Конрой заявляет, что, поскольку ему стало известно, что жила не столь богата, как это предполагалось ранее, он готов освободить Дайса от подписанного обязательства и не настаивает, чтобы тот

брал у него акции. Дайс, который только что недурно заработал на этих самых акциях, спешит к маклеру, работающему с Дамфи, и находит у него две сотни выставленных на продажу акций того же прииска по цене тысяча двести долларов. Дайс чует крупную спекуляцию, сообщает Гэбриелю, что требует выполнения контракта, получает от него акции, оплачивает их, а затем покупает у маклера еще двести по тысяче двести долларов, рассчитывая играть на повышение. А повышения-то и нет! Нет и не будет! Эти двести акций тоже принадлежали Гэбриелю! Если не верите, Дамфи вам подтвердит. Вот вам и простодушие! Вот вам и бесхитростность! Он выручил на этом не менее ста тысяч!

Ни один из слушателей не смеялся так весело, как Артур Пуансет. Сам не зная почему, он торжествовал, получив столь явное свидетельство пронырливости Гэбриеля. И когда миссис Сепульвида, тронув его за локоть, спросила, уж не тот ли это самый скваттер, который предъявил фальшивую дарственную на землю, Артур, нисколько не считая, что совершает низость, важно подтвердил, что так оно и есть.

— Теперь я начинаю верить этой ужасной истории, которую мне рассказала донна Долорес, — сказала миссис Сепульвида. — О том, как он женился на женщине, сперва выдававшей себя за его сестру, и так далее. Экий пройдоха!

— Письмо при мне, — сказал мистер Пилчер, вытаскивая из кармана сложенный лист почтовой бумаги. — Любопытнейший документ. Не угодно ли вам лично ознакомиться с произведением вашего друга? — спросил он, обращаясь к мисс Ринграунд.

Мисс Роза приняла вызов и развернула письмо; слушатели столпились вокруг; мистер Дамфи воспользовался случаем и облокотился весьма фамильярно на ручку ее кресла. Почерк выдавал непривычного к письменному делу человека; чернила были совсем бледными, словно автор, теряясь перед предстоящей ему трудной задачей, время от времени сосал свое перо. Если не считать этих каллиграфических деталей, письмо приводится в точности.

Гнилая Ласчина, 10-е августа.

Миластивый Гасударь, паскольку мы здесь узнали, что с жилой не все благопалучно ришил я вам напесать это песьмо, надеясь при том, что вы в добром здравии. Хачу

сказать, что мы разачированы в жиле, думали, она богачи, вот я и решил напесать, что вы наверна думайти, что я хочу паслать вам 100 акций по тысичи долларов за штуку Нет, я даже ни думаю. Вот пачиму решил я непесать, что нечесно было бы мне требовать эти деньги. Патаму освабаждаю вас, мистер Дайс, надеюсь вы не сердитись, что ришил ни давать их савсем, раз дела так худы, ничесно будет и кантрак наш я парвал. Астаюсь с пачтением

Г. Конрой.

P.S. Хачу напомнить вам о моей систре, каторая прапала в 1849 году. Если нападети на ее след, а я уеду, не аткажити сабсчитать мне по адрису Уэлс Фарно и К⁰ в Нью Йорке, за что благодарю зарани и расходы аплачу.

Г. К

— Говорите что угодно, а это написано от чистого сердца,— сказала мисс Рози с твердостью, которой не знали за ней ее друзья. — Честное, искренне письмо! Бьюсь об заклад на любую сумму!

Никто не возразил, но мужчины обменялись взглядами, в которых можно было прочесть, что только рыцарская любезность вынуждает их слушать подобный сентиментальный вздор. Пуанзет был задумчив. Мистер Дамфи сперва ухмыльнулся, затем издал лающий смешок. Миссис Сепульвида пожала прелестными плечами и с видом сомнения взглянула на Артура. К ее вящему изумлению, молодой человек перегнулся через стол, взял в руки письмо, прочитал его, после чего заявил очень решительно:

— Вполне согласен, мисс Рози. Это написано от чистого сердца.

Характерно для непоследовательности Пуанзета, что сейчас он был не менее искренен, чем несколько минут назад, когда поддался влиянию большинства. С первого же взгляда на письмо он понял, что писал его не притворщик, и мгновенно припомнил бескорыстную натуру этого человека, его изумительную честность. То был Гэбриель Конрой, без всякого сомнения. Более того, беспримерная прямота автора письма, горячая братская любовь, ни на минуту не угасавшая в нем, вызвали у Артура живое воспоминание о Грейс. Он понял и то, что женитьба Гэбриеля на женщине, выдававшей себя ранее за его сестру, не является безусловным аргументом против него. И все же Артур, принявший только что личное участие в очернении

Гэбриеля, не пожелал выступить в его защиту. Не ответив на безмолвный вопрос миссис Сепульвида, он отошел к окну и стал смотреть на море. Мистер Дамфи, усмотревший в словах Пуанзета одну лишь попытку понравиться мисс Розе, немедленно вступил на его путь.

— Случай неясный,—сказал он, адресуясь к молодой женщине.— Быть может, вы и правы. Джо, передайте нам шампанского.

Дайс и Пилчер вопросительно поглядели на своего патрона; тот же многозначительно покосился на мистера Рейнора, который, раскрыв от изумления рот, следил за этой странной эволюцией общественного мнения.

— Простите, я, видимо, чего-то не понял,—сказал этот господин.— Если письмо, которое вы прочитали, не хитрым трюк и действительно написано от души, тогда получается, что наши друзья, вот эти два джентльмена, потеряли сто тысяч долларов. Разве не так? Если автор письма располагает точными сведениями, значит, акции не стоят ни...

Дайс и Пилчер расхохотались, прервав его на полуслове.

— Именно так! Поделом Дайсу! — весело заявил Пилчер.— А поскольку я вложил в это дельце не меньше его, можете посмеяться и надо мной.

— Позвольте,— снова спросил озадаченный мистер Рейнор,— значит, вы допускаете, что все, что пишет этот человек, может действительно оказаться...

— Допускаю,— сухо откликнулся Пилчер.

— Допускаю,— холодно подтвердил Дайс.

— Допускаете оба?

— Допускаем.

Потрясенный путешественник оглядывал обоих своих собеседников, не пытаясь более скрыть изумления и восторга. Потом он обернулся к жене. Слышала ли она их беседу? Поняла ли она, что эти люди говорят о потере почти четверти миллиона долларов так спокойно и равнодушно, словно потеряли почтовую марку? Какое великолепное хладнокровие! Какая поразительная выдержка! Какая царственная уверенность в своем финансовом могуществе! Разве это не страна богов? Хотя путешественник сообщил все это своей супруге доверительным шепотом,— каждое слово дошло до слуха небожителей.

— Да, господа, —сказал Пилчер,— живем, как на вой-

не. Сегодня твой черед; завтра — мой. А сожалеть о сделанных ошибках просто не имеем времени. Можете считать, что человек здесь рождается заново каждый день. Только успевай поворачиваться.

Но что же случилось?

На первый взгляд, ничего серьезного — зазвенели оконные стекла, расплескалось вино в бокалах. Наверно, прокатила мимо карета или дети пробежали толпой по веранде? Но почему же, словно по команде, все поднялись на ноги? А ужасная бледность лиц? А страх в остановившемся взгляде? Эти вопросы задавали себе впопыхах мистер и миссис Рейнор. Они еще не осознали всей угрозы случившегося, но смутная тревога закралась в их души, когда они увидели ужас на лицах этих удивительных невозмутимых людей, еще за минуту до того полных дерзкой отваги, чуждых страхам простых смертных. Отчего же эти баловни жизни устремились вдруг к открытым окнам? А эта дама в холле? Она, кажется, лишилась чувств?

Атур, первым обретший дар речи, попытался деликатно ответить на невысказанные вопросы.

— Направление с востока на запад, — разъяснил он со спокойствием, которое самому ему показалось ненатуральным, и с улыбкой, в которой не было ни капли веселости. — По-моему, все. — Он обернулся к очень сильно побледневшей миссис Сепульвида. — Почему вы так испуганы? Вам-то это не в новинку! Я налью вам бокал вина.

Миссис Сепульвида поблагодарила его с нервным смешком. Мистер Пилчер дрожащей рукой предложил бокал шампанского миссис Рейнор, которая ощутила вдруг легкую дурноту. Мистер Дамфи, который, к общему и к своему удивлению, почему-то оказался у выходной двери, подошел снова к столу и сел рядом с мисс Розы. Молодая женщина вернулась к своей обычной бесшабашной веселости.

— Это вам ниспослано в наказание за то, что вы осмелились клеветать на благороднейшего в мире человека, — заявила она, грозя пальчиком финансисту. Мистер Ролингстон, снова сидевший на своем месте во главе стола, рассмеялся.

— Но что же это было такое? — в ужасе спросил мистер Рейнор, когда ему удалось наконец перекричать развеселившихся пуще прежнего соседей.

— Землетрясение, — спокойно ответил Пуанзет.

МИСТЕР ДАМФИ ПОЛУЧАЕТ ВЕСТИ ИЗ ДОМУ

Да, землетрясение! — весело подтвердил мистер Ролингстон, обращаясь к гостям. — Теперь вам уже грех будет жаловаться, что мы чего-то вам не показали. Не вздумайте тревожиться, сударыня, — обратился он к миссис Рейнор, которая стала выказывать признаки беспокойства, — землетрясения никому еще здесь не причинили вреда.

— У вас от молнии за одно грозное лето больше жертв, чем у нас от землетрясений за все два столетия, — сказал мистер Дамфи.

— Сильнее того, что вы сейчас видели, вообще не бывает, — добавил мистер Пилчер, давая понять, что здесь, на Тихоокеанском побережье, они знают, как держать стихии в узде.

— Даже минуты не прошло, и все снова спокойно, — сказал мистер Дамфи. — Черт возьми! Это еще что?

Все снова повскакали со своих мест, бледные, трепещущие. На сей раз и мистер Рейнор с супругой не отстали от прочих. Но оказалось, что грохот был вызван отъехавшим экипажем.

— Выйдем на веранду, — сказал мистер Дамфи, предлагая руку миссис Рейнор и делая вид, что он так стремительно вскочил со стула именно с этой целью.

Они прошли вперед. Остальные поспешили за ними. Миссис Сепульвида, чуть помедлив, чтобы остаться наедине с Артуром, шепнула ему:

— Увезите меня поскорее!

— Вы действительно боитесь? — спросил Артур.

— Море так близко! — ответила она, поглядывая с легким содроганием на океанскую ширь. — Не задавайте лишних вопросов, — капризно добавила она. — Разве не видите, эти приезжие с Востока напуганы до полусмерти и прислушиваются к каждому слову.

Миссис Сепульвида не пришлось долго ждать. Несмотря на заверения Пилчера, Дайса и Дамфи, что землетрясения не только не вредны для человека, но даже производят на организм определенное оздоровляющее действие, веранды быстро опустели и даже самые ярые защитники землетрясений были под конец довольны, оказавшись в экипаже и на пути домой. Через час быстрой езды все снова при-

шли в отличное настроение, а мистер и миссис Рейнор вернулись к своим нескончаемым излияниям восторга.

Миссис Сепульвида и мистер Пуанзет следовали позади всех в открытом кабриолете. Когда они уже проехали значительную часть пути, Артур спросил свою спутницу, почему ее так встревожила близость моря.

— Старые люди рассказывают,— ответила донна Мария,— что однажды весь Сосновый мыс — надеюсь, вы еще помните Сосновый мыс, мистер Пуанзет? — был затоплен огромной волной, поднявшейся после землетрясения. Скажите мне лучше, верите вы тому, что пишет этот Конрой?

— Конечно,— не задумываясь, ответил Артур.

— Значит, действительно... может случиться... что бумаги этого акционерного общества... обесценятся?

— Вполне вероятно.

— А если я признаюсь вам, что имела глупость вложить в них немалые деньги, что вы скажете тогда? То же, что говорили вчера, или нет?

— Что я скажу? — повторил Артур, перекидывая вожжи в левую руку, чтобы высвободить правую (бог его знает, для чего ему это понадобилось).— Скажу, что убежден еще более, что вам нужен человек, который заботился бы о вас.

Поскольку сцену, следовавшую за этой остроумной репликой Артура, трудно согласовать с тем ответом, который миссис Сепульвида дала несколькими главами выше на вопрос донны Долорес, то я и не стану ее описывать. Лишь скромно замечу, что кабриолет сильно отстал от кареты и с опозданием прибыл к внушительному особняку мистера Дамфи на Ринкон-Хилле, где гостей ожидал отлично сервированный ужин. Мистер Дамфи был так весел, что даже превозмог свое старое недоверие к Артуру и робость перед ним, а равно и недавнее ревнивое чувство; он заговорил с ним доверительно и приветливо, чем немало удивил и позабавил этого самонадеянного джентльмена, который в этот вечер, по неким, только ему известным причинам, вел себя еще спесивее обычного. Артур знал наверняка или, во всяком случае, считал, что знает наверняка, что мисс Ринграунд несколько не интересуется ни мистером Дамфи, ни его капиталами и кокетничает с ним с единственной целью доставить огорчение своим соперницам; потому его рассмешило, когда, выждав, чтобы дамы удалились, Дамфи задержал его в вестибюле и избрал поверенным своих чувств к этой молодой особе.

— Я деловой человек, Пуанзет, и много реже бываю в свете, чем вы, но, на мой взгляд, в девочке нет ни капли лукавства.

Артур, разумеется, рассыпался в комплиментах мисс Розы. Мистер Дамфи, по какой-то непонятной аберрации, отнес значительную долю похвал на свой счет, что еще более подстегнуло его и даже побудило к более обильным, нежели обычно, возлияниям. Новая бутылка шампанского как бы смыла до конца последние подозрения против Артура, какие у него еще оставались, и он горячо пожал руку молодому человеку.

— Послушайте-ка, Пуанзет, если у вас есть надобность посоветоваться со мной, спрашивайте без церемоний. Я и сам вижу, что у вас что-то наклевывается со вдовой — можете положиться на меня: я человек чести, мой мальчик! — а ведь она изрядно увязла в этой жиле Конроя. Но я выручу ее, да и вас тоже, черт меня подери! Эта вдовушка — находка, Пуанзет, и я хочу, чтобы она вам досталась. Вы понимаете меня, не правда ли? За друзей я стою горой, Пуанзет, черт меня подери! Держитесь взятого курса, это я вам говорю, держитесь взятого курса, женитесь на вдове. Стоящее дельце, и вы не раскаетесь, будь я проклят! Ведь если хорошенько подумать, мы с вами стариннейшие друзья. Помните, как мы повстречались в Суитуотере?! Спешите? Что ж, правильно. Она, наверное, вас ждет. Послушайте-ка, что я скажу, Пуанзет, видите этот цветок у меня в петлице? Она мне его подарила! Розы! Каково? Провалиться мне на этом месте, если вру! Ха-ха-ха! А не дернуть ли нам еще по стаканчику? Откупорим бутылочку, а? Не хотите? Ну, как знаете...

Обуреваемый одновременно смехом и невольным чувством отвращения, Артур силой вырвался из объятий великого финансиста и тем положил конец его пьяным излипаниям.

Когда мистер Дамфи, пошатываясь, вернулся в гостиную, его ждал слуга с визитной карточкой в руках.

— Джентльмен говорит, что пришел по важному делу и должен видеть вас немедленно, — торопливо доложил слуга, заранее предвидя брань и ярость хозяина. — Говорит, что вы заинтересованы в этом деле больше, чем он. Ждет вас с того самого часа, что вы вернулись.

Мистер Дамфи поглядел на карточку. На ней было начертано карандашом: «Полковник Старботтл из Сискью.

По срочному делу». Мистер Дамфи на минуту задумался. Магическое слово «по делу» решило вопрос.

Просите его... в контору,— сказал он злобно и последовал туда сам.

Другой человек, менее практического склада, чем Питер Дамфи, непременно назвал бы эту роскошную, эффектно обставленную комнату *библиотекой*. На дорогих полках красного дерева рядами стояли книги самого разнообразного содержания, новехонькие, нетронутые, вопиющие к небесам как своим содержанием, так и кричаще яркими обложками. На стенах висели подшивки газет и биржевых бюллетеней. В горке, на выложенных бархатом полочках лежали образчики среброносных и золотоносных руд. Дальше шла карта острова, находившегося во владении мистера Дамфи, и морской вид с изображением парохода, принадлежавшего ему же. На первый взгляд могло показаться, что дурно написанная лубочная картина с тропическим пейзажем и кусочком взморья на переднем плане не имеет прямого отношения к коммерции, но при ближайшем рассмотрении оказывалось, что и там под развесистой пальмой, стоит сахароварня, принадлежащая мистеру Дамфи и предназначенная им к продаже.

В комнату вошел человек высокого роста, явно расположенный к полноте, с которой, впрочем, он вел борьбу, туго перетягивая свой синий сюртук в талии. Этим способом он перегонял брюхо в грудную клетку, которую обычно принято считать сферой моральных эмоций, и тем создавал у зрителей весьма превратное представление о своей особе. Воротничок у полковника был широчайший, с отворотами щегольского покроя; черный шелковый галстук обвивал ему шею свободными складками. После чего ниспадал на пластрон и на белый с золочеными пуговицами жилет. Общее впечатление от этой части его туалета было таково, как если бы полковник был цветущим деревом, бутоны на котором уже полопались и должны вот-вот раскрыться. Над этим бурным цветением возвышалась прямо посаженная голова с орлиным носом; щеки у полковника были багровые, глаза выпучены, словно от удушья; подбородок обильно смочен потом. Полковник вошел слегка пританцовывающим шагом, по которому мы безошибочно узнаем человека, стесняющегося своей полноты. На согнутом локте у него висела трость; в одной руке он держал шляпу с широкими полями, в другой — огромный белый носовой платок. Изящным жестом сунув

платок в жилетный карман и положив шляпу на стол к мистеру Дамфи, полковник, не дожидаясь хозяйского приглашения, опустился в кресло и оперся на трость в позе непринужденного ожидания.

— По срочному делу? — спросил Дамфи. — Надеюсь, что это действительно так?! Слушаю вас! Тратить время попусту не люблю ни дома, ни в банке. В чем ваше дело? Выкладывайте.

Однако эта краткая речь мистера Дамфи, в которой его обычная резкая манера граничила с прямой невежливостью, прошла для гостя незамеченной. Полковник Старботтл вытащил носовой платок, старательно прочистил нос, после чего, сунув обратно в карман лишь самый кончик платка и оставив его лежать у себя на груди наподобие гофрированной манишки, грациозно взмахнул пухлой белой рукой.

— Я посетил ваш дом два часа тому назад, сэр, когда вы восседали за пиршественным столом; и я немедля сказал вашему слуге: не вздумай тревожить своего господина. Когда джентльмен приносит жертву на алтарь Вакха и Венеры, когда он общается с музами и небожителями, не должно прерывать его в эти минуты. Сто чертей, сэр! У меня был приятель в Луизиане — Хэнк Пинкни звали его, — так он пристрелил насмерть своего слугу, отличнейшего мальчишку-мулата, ценою в тысячу долларов, никак не меньше, когда тот посмел прервать его во время игры в покер; а ведь это был всего лишь покер, сэр; за столом не было дам. И для чего же мальчишка-мулат прервал его? Поспешил, видите ли, сообщить, что горит хлопоочистительная фабрика. Вы можете сказать, что это случай исключительный, но я вам отвечу — нет! Я знаю десятки подобных случаев!.. И вот я сказал вашему слуге: «Не смей отрывать его от пиршества! Когда дамы поднимутся из-за стола, и прелесть их не будет более кружить ему голову, и смолкнут застольные песни и смех, вот тогда приблизься к нему. Вот тогда, за оставленным гостями столом, за бокалом доброго вина мы вдвоем с твоим господином обсудим наше маленькое дельце».

Полковник поднялся с кресла; прежде чем ошеломленный Дамфи успел что-либо предпринять, он подошел к столику, где стояли графин с виски и кувшин с водой, налил себе виски, сел снова в кресло и с легким, исполненным достоинства кивком осушил стакан за здоровье хозяина.

Это был редкий случай, когда мистер Дамфи искренне

пожалел, что сам не обучен вести себя с достоинством. Он видел, что и резкостью тона здесь тоже ничего не возьмешь. Более того, он мгновенно распознал в своем госте человека весьма определенного круга и воспитания — эти люди были наперечет в калифорнийском обществе, — который, если оскорбить его, немедленно потребует сатисфакции. Мистер Дамфи не привык к подобным собеседникам; изнемогая от бессильной злобы, он прикусил язык и радовался лишь тому, что гости ушли и не видят его унижения. В одном, впрочем, визит полковника оказался ему полезен: от ярости и обиды мистер Дамфи протрезвел.

— Нет, сэр, — продолжал свою речь полковник Старботтл, ставя стакан на колено и причмокивая толстыми губами. — Нет, сэр. Я остался недвижим в вашей приемной, пока не убедился, что вы проводили своих друзей, пока не увидел собственными глазами, как вы прощаетесь с некоей очаровательной гостьей. Сто чертей, сэр, я одобряю ваш вкус, а я знаток женской красоты, сэр! Нет, сказал я себе, ты не посмеешь побеспокоить человека, Стар, когда он провожает прелестнейшую из смертных женщин, укрывает мантильей ее мраморные плечи. Ха-ха, сто чертей, сэр, случилось это — как сейчас помню — в тысяча восемьсот сорок седьмом году, в Вашингтоне, на приеме у Тома Бентона, и я был в точности в вашем положении. «Когда же вы накинете на меня плащ, Стар?» — спрашивает она меня... Изумительное, прелестное создание! Признанная звезда сезона, того самого сезона тысяча восемьсот сорок седьмого года, сэр! Как джентльмен вы, конечно, поймете причину, по которой я не называю ее имени. И что же я ответил ей? «Будь моя воля, сударыня, я не сделал бы этого никогда!» Так и сказал: «Никогда!» Что же вы не пьете, мистер Дамфи? Наперсточек за нашу дружбу, сэр!

Не решившись раскрыть рта, мистер Дамфи лишь помотал головой; в лице его проскользнуло, однако, некоторое нетерпение. Полковник Старботтл поднялся с кресла. Когда он выпрямился, плечи его стали как будто шире, а грудь выпятилась до такой степени, что белый жилет и носовой платок вылезли наружу через вырез туго застегнутого сюртука, как если бы полковник был поджаренным кукурузным зерном, готовым вот-вот лопнуть. Рассчитанно медленным шагом он приблизился вплотную к мистеру Дамфи.

— Если вы полагаете, мистер Дамфи, что я непрошено ворвался в ваш дом, — промолвил он, оттеняя свои слова

легким мановением руки, — если вы, как я заключаю из вашего нежелания, чтобы не выразиться резче, сто чертей, сэр! — вести со мной любезную беседу, как принято между джентльменами; если вы считаете, что воспоминания, которыми я позволил себе с вами поделиться, оскорбительны для молодой особы, которую я имел честь недавно видеть в вашем обществе, если так, то — сто чертей, сэр! — я немедленно удалюсь и готов завтра же или в любое иное время по вашему выбору представить вам то удовлетворение, в котором ни один джентльмен никогда не откажет другому джентльмену, менее же всего я, Кульпеппер Старботтл! Моя карточка у вас в руках! Проживаю я в Сент-Чарльз-отеле, где и намерен совместно с одним из близких друзей ждать вашего визита, мистер Дамфи.

— Послушайте, — сказал Дамфи угрюмо, однако ж с неприятной тревогой в голосе, — я не выпил с вами только потому, что много пил за ужином. Но я вовсе не хотел обидеть вас, мистер Старботтл. Я просто ждал, пока вы изложите свое дело, чтобы потом спокойно распить с вами бутылочку Клико. Прошу вас, присядьте, полковник. Куда запропастился этот чертов негр?! Бутылку шампанского и два бокала! Живо!

Встав из-за стола и сделав вид, что ему нужно подойти к буфету, он прошептал вошедшему слуге:

— Стой тут неподалеку и минут через десять доложи, что меня по срочному делу вызывают в банк. Итак, по бокалу, полковник! Счастлив с вами познакомиться! Ваше здоровье!

Слегка кашлянув и как бы простившись тем со своей недавней суровостью, полковник изысканно и важно поклонился, чокнулся с хозяином, отер губы платком и снова расположился в кресле.

— Будь цель моего визита сколько-нибудь ординарной, — сказал он, отмечая плавным движением руки возвращение к мирной беседе, — я разыскал бы вас на торжище жизни, сэр, но не здесь, не среди ваших лар и пенатов, не в свете пиршественных огней. Я посетил бы вас в храме Фортуны, который вы, один из славнейших сынов ее, воздвигли, как ведомо мне и как гласит молва, в честь этой почтенной богини. В ту пору, когда мне приходилось общаться с высокоодаренным Джоном Кальхуном, я никогда не искал встречи с ним на арене гладиаторских боев в сенате; нет, оба мы предпочитали вести беседу за стаканом доброго вина, в тиши его домашнего прибежища. Сто чертей,

сэр, когда человек моего круга и моей профессии встречается с другим джентльменом, будь к тому хоть самый деловой повод, все равно никогда он не опустится до уровня торгаша-янки, сбывающего покупателю свою дребедень.

— А какова ваша профессия? — осведомился мистер Дамфи.

— Пока граждане Сискью не уполномочили меня представлять их интересы в законодательных учреждениях страны, я занимался юридической практикой. В настоящее время я берусь лишь за немногие дела, особо сложные или особо деликатные по своему характеру. В хитросплетениях политики и в интригах любви — в этих, если можно так выразиться, великих сферах страстей человеческих — я служу людям своим опытом и знаниями. Сто чертей, сэр! Не раз помогал я лихому жеребцу унести ноги из загона! Я осушал слезы прелестнейших из женщин! Адвокат хранит тайну, это его профессиональная обязанность, сэр, не то я назвал бы вам первых людей в стране, не только мужчин, но и дам, побывавших клиентами Кульпепера Старботтла!

— Если вы думаете, что лично я нуждаюсь в вашей профессиональной помощи, — сказал мистер Дамфи, — то боюсь, что...

Оставив без внимания эту попытку Дамфи иронизировать на его счет, полковник Старботтл решительно прервал его:

— Сто чертей, сэр, это исключается. Я представляю в вашем деле истца.

Ухмылка на лице у Дамфи исчезла без следа. Он был поражен.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он.

Полковник Старботтл пододвинул свое кресло поближе к мистеру Дамфи, привалился корпусом к письменному столу и, завладев пером мистера Дамфи, стал пояснять свои слова, тыча время от времени тупым концом пера в грудь собеседнику.

— Сто чертей, сэр, если я говорю, что представляю в вашем деле истца, это вовсе не значит, что я равнодушен к интересам ответчика. Дело всегда можно решить по-благородному, как принято между джентльменами.

— Будь я проклят, о чем вы толкуете?! Кто такой этот истец, от имени которого вы выступаете?

— Сто чертей, сэр, конечно, женщина! Не считаете же вы, что я заподозрил вас в политической интриге! Ха-а! Нет, сэр, в этом мы с вами схожи, и я понял это сразу.

Женщина, прелестная женщина, вот что у нас на уме! Джентльмены нашего склада, доживши до пятидесяти лет, всегда имеют что вспомнить! Ну и что ж, не вижу в том беды! Слабость широкой натуры, не более того, сэр!

Мистер Дамфи отодвинулся от стола. На лице у него выразилась сумрачная решимость борца, который выяснил наконец истинную силу противника и готов принять бой.

— Послушайте, полковник Старботтл! Я не знаю и знать не хочу, кто вас ко мне направил. Я не знаю и знать не хочу ни о том, кто, когда и почему обидел ту особу, которую вы защищаете, обманул ее или дал ей фальшивые обязательства; ни о том, каковы ее претензии и кому они адресованы. Речь пойдет о вас. Вы человек умный, умудренный жизненным опытом, и сами должны понять, что при моем положении в обществе я был бы последним идиотом, если бы хоть на миг отдался на милость женщины. Я просто не могу себе этого позволить! Не буду хвалиться, что я хитрее других, но я все-таки не дурак. И в этом существенная раница между мною и вашими клиентами.

— Вот именно, мальчик мой, существенная разница! Сто чертей, да разве вы не видите ее сами? Там перед вами прелестная, очаровательная женщина, более того, подчас высоконравственная женщина, побогомольнее иной монашенки; беда лишь в том, что ее любовная связь не освящена законом. А здесь, сто чертей, мальчик мой, речь идет о вашей жене!

Финансист, белый как мел, попытался презрительно расхохотаться.

— Моя жена?! Ее нет в живых!

— Заблуждение, мой милый друг, прискорбнейшее заблуждение! Постарайтесь понять меня правильно. Быть может, для нее самой было бы лучше, если бы она умерла. Сто чертей, сэр, когда я вспоминаю, как глядела на вас час назад эта синеглазая куколка, я начинаю понимать, что другой женщине тут нечего делать. Но она жива, и это факт. Вы посчитали ее мертвой и бросили в снег. Так она говорит; утверждает, что если осталась жива, то вашей вины в том нет. Вы же знаете, Дамфи, если женщина на кого зла, то готова на него невесть что клепать. Сто чертей! Что вы скажете мне на это?

— Посыльный, сэр! Вас вызывают в банк по срочному делу! — возгласил слуга, приоткрыв дверь.

— Пошел вон! — рявкнул Дамфи, раздражаясь отчаянной бранью.

— Но он говорит, сэр...

— Вон отсюда, будь ты проклят! — заревел Дамфи.

Изумленный слуга прикрыл дверь.

— То, что вы говорите, — неверно. Все погибли от голода, все до единого. Я в это время уходил за помощью. Да что вы мне толкуете?! Я читал официальный отчет.

Старботтл не спеша порылся в жилетном кармане и извлек из какого-то углубления в своей моральной сфере видевший виды сложенный в несколько раз лист бумаги. Он развернул его; то был печатный документ, грязный, выцветший, захватанный по краям.

— Вот вам доклад за подписью начальника гарнизона, который выслал спасательную экспедицию. По-испански читаете? Отлично! Так вот, трупы всех найденных женщин были опознаны; но имени вашей жены здесь нет. Почему же его здесь нет, мой мальчик? Сто чертей, да потому, что она спаслась!

Вытянув руку, полковник ткнул в собеседника пухлым пальцем, после чего откинулся назад и погрузил сперва багровый подбородок, а затем и обвислые щеки в жерло своего огромного воротничка. Мистер Дамфи разом обмяк в своем кресле, словно коснувшийся его палец был перстом самой Судьбы.

Глава 5

У МИССИС КОНРОЙ НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

Жара держалась не только в Сан-Франциско. Бухта Сан-Пабло нестерпимо сверкала под лучами солнца; Сан-Хоакин и Сакраменто медленно катили свои желтые воды, словно это были потоки раскаленной лавы; жаждущий хотя бы легчайшего веяния ветерка, дикий овес полег на западных отрогах Контра-Коста, а над восточными склонами стояли облака дыма от непрекращающихся лесных пожаров. Скорбные пшеничные поля в равнине оделись в пыль и пепел. Дилижанс, следовавший из Уингдэма в Гнилую Лощину, вздымал на своем пути смерч из краснозема, который светился ночью и днем, подобно огненному столпу, и заставлял близких к обмороку пассажиров устремлять страждущие взгляды к снежным вершинам Сьерры. В Калифорнии стояла неслыханная жара. На тех, кто осме-

ливался утверждать, что подобное уже бывало, глядели как на врагов рода человеческого. В поселке Мэрфи некий безрассудный испытатель природы осмелился предсказать, что недавнее землетрясение должно вот-вот повториться; в ожидании тех счастливых дней, когда метеорологические прогнозы будут пользоваться большим успехом у населения, ему пришлось спешно оставить родной поселок.

Жарко было и в Гнилой Лощине, в пышущих зноем ущельях, на раскаленных отмелях, на песчаных откосах. Жарко было даже на холме Конроя, в тени темно-зеленых сосен и на широких верандах конроевского особняка. Должно быть, именно по этой причине миссис Гэбриель Конрой рано поутру, едва проводив мужа на обогатительный завод, сбежала из своих отдающих краской и свинцовыми белилами покоев под защиту благоухающих степенных сосен по ту сторону холма. Возможно, впрочем, что какую-то роль в ее ранней прогулке играла и доставленная ей накануне вечером по секрету таинственная записочка, которую она сейчас, присев на поваленную сосну, принялась перечитывать вновь.

Какой удобный случай набросать ее портрет! На ней была соломенная шляпа с широкими полями; форма головы у нее была не идеальной, однако, искусно завивая и укладывая свои пышные белокурые волосы, она справлялась с этим природным недостатком. От жары щеки у нее увлажнились, бледное лицо слегка порозовело, быстрые серые глаза засветились нервным блеском. Должно быть, по той же причине рот у нее был сейчас полуоткрыт, и это скрадывало жесткую линию изящно очерченных губ. Она бесспорно поздоровела. Платье, которое она носила очень длинным, как многие миниатюрные женщины, резко обрисовывало талию, и было не трудно убедиться, что она уже не та сильфида, которую обнял Гэбриель в роковой для него день в каньоне. Она казалась теперь более томной, более чувствительной к неудобствам; сейчас, например, она долго устраивалась на примитивном лесном сиденье с капризным выражением лица, которое было для нее внове и, бесспорно, увеличивало ее женское очарование. В тонких, сухощавых, с белыми ноготками пальчиках она держала развернутую записку и читала ее, чуть улыбаясь. Текст был таков:

«Я буду ждать тебя в десять утра на холме возле большой сосны. Знаю, ты придешь. Не вздумай пренебречь мною. Я оскорблен и опасен. Виктор».

Все с той же улыбкой миссис Конрой сложила записочку и тщательно спрятала ее в карман. Слегка сжав руки между колен, она погрузилась в спокойное ожидание; раскрытый зонтик лежал у ее ног; трудно было бы вернее нарисовать женщину, пришедшую на свидание к любимому человеку. Вдруг быстрым нервным движением она подобрала ноги и внимательно оглядела землю вокруг себя, словно опасалась, что к ней неслышно может подползти какое-нибудь коварное пресмыкающееся. Вслед за тем она поглядела на часы. Он опаздывал уже на пять минут. В лесу стояла глубокая дремотная тишина. Где-то вдалеке со сна закаркал грач. Шустрая белка начала было спускаться вниз по стволу ближней сосны, но, увидев зонтик, мгновенно распласталась, прижавшись к дереву и раскинув лапки,— воплощение безоглядного страха. Пробегавший мимо заяц тоже наскочил на зонтик; сердчишко так и заколотилось у косоного; он решил: тут ему и конец. Потом послышался негромкий хруст валежника,— шаги были мужскими; миссис Конрой подхватила уже натворивший столько бед зонтик, скрыла в его тени холодный блеск своих серых глаз и застыла в ожидании.

Вверх по тропинке неторопливо поднимался мужчина. Вскоре она убедилась, что это не Виктор; потом, пристальнее вглядевшись, побледнела, слегка вскрикнула и поднялась с места. Это был испанский переводчик с Пасифик-стрит. Она успела бы убежать, но он вдруг обернулся и закричал с тем же отчаянным волнением, что и она. Оба стояли и глядели друг на друга молча, с трудом переводя дыхание.

— Деварджес! — промолвила миссис Конрой почти неслышно.— О боже!

Незнакомец горько рассмеялся.

— Да! Деварджес! Бежавший с тобою негодяй Деварджес! Деварджес, предавший твоего мужа. Погляди же на меня. Вот я, Генри Деварджес, твой деверь, твой сообщник, твой возлюбленный, жалкая пешка в твоих руках!

— Тише! — умоляюще сказала он, взглядываясь в глубину леса.— Умоляю тебя, тише!

— А кого я имею честь видеть перед собой? — продолжал он, не обращая внимания на ее слова.— Госпожу Деварджес номер один или госпожу Деварджес номер два? А может быть, ты приняла фамилию этого мальчишки-офицера, с которым ушла от меня; сочеталась с ним законным браком? Или он отказал тебе в этой плате за измену?

А может быть, передо мной супруга и сообщница слабоумного Конроя? Не томи же, говори скорей! О, сколько я должен высказать вам всего, сударыня, и я не могу к вам даже обратиться, ибо не знаю вашего имени.

Несмотря на подлинную страсть и ярость, звучавшие в словах этого человека, было что-то столь нелепое и театральное в его облики старомодного фата, в крашенных волосах, вставленных зубах, плечах, подбитых ватой, панталонах со штрипками, обтягивавших тощие ноги, что эта непоколебимая женщина чуть не сгорела со стыда — не за свои позорные деяния, нет, за своего сообщника.

— Тише! — сказала она. — Зови меня своим другом. Я ведь всегда была тебе другом, Генри! Зови меня как хочешь, только уйдем отсюда. И ради бога, потише! Другой раз, где-нибудь в другом месте я выслушаю все, что ты хочешь мне сказать. — Она незаметно увлекла его за собой в лес, и вскоре они были уже далеко от места назначенного свидания и приближались к полуразрушенной хижине Конроя. Здесь она, по крайней мере, могла не опасаться внезапного появления Виктора. — Как ты попал сюда? Откуда ты узнал, что я здесь? Где ты пропадал все эти годы?

За последние несколько минут она в какой-то мере восстановила свою власть над этим человеком, ту странную власть, которую испытали на себе все встретившиеся ей на жизненном пути мужчины, все, кроме Гэбриеля Конроя. Помолчав, незнакомец стал отвечать на ее расспросы; в голосе его теперь было меньше злобы, больше отчаяния.

— Я приехал сюда шесть лет тому назад; без гроша, сломленный, опозоренный. Я хотел одного — скрыться от всех, кого я когда-либо знал, от родного брата, у которого разбил семью, украл жену, от тебя, — да, от тебя, Жюли! — от тебя и от твоего любовника, от неотвязных мыслей о твоём двойном предательстве! — Голос его поднялся почти до крика, но твердый взгляд и предостерегающий жест внимавшей ему женщины заставили его сдержаться. — Когда ты бросила меня в Сент-Луисе, мне ничего не оставалось, как искать смерти или же скрыться самому. Вернуться в Швейцарию и жить там, ежеминутно сознавая, что я преступник, к тому же жестоко наказанный, я был не в силах. Я уехал в Калифорнию. Мое образование, познания в языках открыли для меня широкое поле деятельности. Стоило мне пожелать, и я легко стал бы богачом, добился бы видного положения в обществе, но нет, я предпочел зарабатывать жалкие гроши — ровно столько, чтобы

не умереть с голоду и забыться на час за зеленым столом. Днем я корпел с пером в руке, вечером шел в игорный дом. Я остался джентльменом; меня считали безумцем, маньяком, но все питали ко мне почтение. Один я знал, что у меня на совести предательство; для прочих я был человеком чести. Впрочем, к чему я это говорю? Что для тебя понятие чести?

В ожесточении он уже готов был отвернуться от нее, но в эту минуту встретил ее взгляд и, уловив в нем если не сочувствие, то все же некоторое сдержанное одобрение, был вновь повергнут к ее ногам. Сколь ни презренна была эта женщина, ее порадовало, что вероломно брошенный ею любовник не утратил своей гордости, что за жалкой внешностью старого фата с крашеными волосами еще таится дух, исполненный достоинства; она испытала даже какое-то удовлетворение, убедившись, что по прошествии стольких лет этот человек сохранил душевные качества, которые она первой в нем угадала.

— Муки отчаяния стали с годами слабеть, Жюли,— продолжал он грустно,— временами мне даже казалось, что я начинаю забывать свой проступок, начинаю забывать тебя. Но тут я узнал о смерти брата — он умер голодной смертью. Послушай, Жюли! Однажды мне принесли для перевода документ, где было описано, как он погиб... твой муж... мой брат!.. Он умер от голода, слышишь ты, что я говорю?! И он, не вынеся позора, покинул отчий дом, попытался спрятаться на краю света, подобно мне прошел тяжкий путь эмигранта; он — джентльмен и литератор, смешался с толпой грубиянов, подонков общества, погрузился в их изменные интересы и умер среди них, неведомый, непризнанный.

— Он умер, как и жил,— запальчиво возразила миссис Конрой,— лицемеря, предавая своих близких. Он погиб, увязавшись за своей любовницей, простой необразованной девчонкой, и завещал ей перед смертью все состояние. Ее звали Грейс Конрой. По счастью, документ у меня в руках.

Тсс! Что случилось? Хрустнул ли то упавший с дерева сухой сук или зашуршал в кустах пробежавший лесной зверек? Сейчас двоих актеров этой драмы снова окутывала глубокая тишина. Так безлюдно было кругом, что их можно было бы принять за первого мужчину и первую женщину на лоне первозданной природы.

— О чем говорить?! — торопливо продолжала она, слегка понижая голос.— Ведь так было уже не в первый раз... Вспомни историю с этой девушкой в Базеле... как он

лгал... как обманывал меня!.. Тогда и завязалась наша дружба, Генри, дружба, которой суждено было стать страстью. Да, ты страдал! Ну а я, разве я не страдала? Теперь мы квиты!

Не в силах вымолвить ни слова, Генри Деваджес глядел не отрываясь на свою собеседницу. Ее голос дрожал; в глазах, только что горевших оскорбленным женским чувством, стояли слезы. Он приехал сюда, чтобы объясниться с этой женщиной, предавшей сперва своего мужа, потом его самого; она даже не подумала отрицать свою вину. Он приехал сюда, чтобы обвинить ее в бесчестном самозванстве; но вот он уже с сочувствием слушает, как она поносит его брата; он с нетерпением ждет объяснений, конечно, вполне извиняющих ее, чтобы с готовностью принять их. Мало того, он уже начинает чувствовать, что все нанесенные ему обиды ничто по сравнению со страданиями, которые пришлось испытать этой изумительной женщине. Женщина, стремящаяся обелить себя в глазах ревнивого любовника, смело может играть на его тщеславии. Деваджесу хотелось теперь верить, что пусть он даже и потерял ее любовь, обманутым он не был никогда. Все претензии по поводу самозванства отпали сами собой. Разве не женился на ней брат той самой девушки, имя которой она приняла? Проявили ли они хоть раз, он сам или доктор Деваджес, столь глубокое сочувствие к ее страданиям, столь полное доверие к ней? Какую душевную грубость надо было иметь, какой эгоизм, чтобы отбросить прочь, растоптать бесценную жемчужину ее любви! Мы с вами, дорогой читатель, не будучи влюблены в эту достойную всяческого порицания женщину, легко можем усмотреть слабые места в логике Генри Деваджеса; но когда мужчина в деле женщины, которую любит, одновременно принимает на себя обязанности прокурора, судьи и присяжных заседателей, он легко может впасть в характерную ошибку: он полагает, что разобрал дело и вынес надлежащий приговор, между тем как он попросту отказался от обвинения. Надо думать, миссис Конрой заметила слабость, обозначившуюся в позиции противника, хоть и была сильно озабочена тем, как бы вдруг не появился Виктор. С Виктором следовало иметь дело только наедине. Он был слишком импульсивен; бывают случаи, когда это качество характера, вообще говоря одобряемое в мужчинах более сдержанной половиной человечества, становится положительно невыносимым.

— Зачем ты явился сюда? — спросила миссис Конрой в улыбкой, в которой таилась угроза. — Чтобы меня оскорблять?

— Чтобы сказать тебе, что существует вторая дарственная на землю, которой ты владеешь в качестве Грейс Конрой или миссис Конрой, — ответил с мужской прямоотой Деварджес. — Дата выдачи этой дарственной предшествует той, что указана на дарственной моего брата Поля. Владелец дарственной подозревает, что здесь какое-то мошенничество. Я приехал, чтобы проверить обстоятельства дела.

Глаза у миссис Конрой загорелись.

— Откуда могли взяться подобные подозрения?

— Анонимное письмо.

— Ты видел его?

— Да, оно написано тем же почерком, что и рукописная часть в дарственной.

— Ты знаешь, чья это рука?

— Да. Этот человек сейчас здесь. Коренной калифорниец. Его зовут Виктор Рамирес.

Деварджес поглядел своей собеседнице прямо в глаза. Она ответила ясным взглядом и ослепительно улыбнулась.

— А известно твоему клиенту, что, независимо от того, поддельный его документ или нет, тот, что выдан моему мужу, бесспорно подлинный?

— Да, но мой клиент, точнее, моя клиентка, интересуется судьбой несчастной сироты Грейс Конрой.

— Ах, вот как! — сказала миссис Конрой с легчайшим вздохом. — Значит, ты проделал это длинное утомительное путешествие, чтобы выполнить желание своей клиентки... женщины?

— Да, — ответил Деварджес. Он был польщен, но в то же время несколько обеспокоен.

— Теперь все понятно, — медленно промолвила миссис Конрой. — Я, наверное, не ошибусь, если скажу, что она молода, высоконравственна, обаятельна. Ты сказал ей: «Не беспокойтесь, я разоблачу эту аферистку, я выведу ее на чистую воду». Что ж, я не виню тебя. Ты мужчина. Может быть, ты по-своему прав.

— Ради бога, Жюли! Выслушай меня! — вскричал Деварджес.

— Ни слова больше! — сказала миссис Конрой, поднимаясь с места и слегка взмахнув узкой белой рукой. — Я не виню вас! Видно, ничего иного я не заслужила. Поезжайте к своей клиентке, сэр, скажите, что вы беседовали с Жюли

Деварджес, с самозванкой. Посоветуйте ей представить дарственную в суд, скажите, что поможете ей выиграть дело. Завершите труд автора подметного письма, и вам тогда отпустятся все грехи, ваша подлость, мое безрассудство. Срывайте вашу награду, вы заслужили ее; скажите этой женщине, что ей повезло в жизни, что бог послал ей таких верных друзей, каких Жюли Деварджес не довелось иметь даже в расцвете ее красоты. Уходите! Прощайте! Нет, пустите меня, Генри Деварджес, я иду к своему мужу. Он один сумел простить всеми брошенную, заблудшую женщину, дать ей кров и приют.

Пораженный Деварджес не успел прийти в себя, как она, словно солнечный луч, скользнула у него из рук и пропала. С минуту он еще видел, как мелькала ее светлая юбка, а потом колоннада сосен сомкнулась за ней и скрыла ее из виду.

Пожалуй, это было к лучшему, потому что мгновение спустя появился Виктор Рамирес. Весь красный, всклокоченный, сверкая глазами, он выбежал на тропинку и столкнулся с Деварджесом. Оба молчали, озирая друг друга.

— Вам не кажется, что сегодня жарко? — спросил Деварджес, почти не скрывая насмешки.

— Жарко, будь я проклят! А вы что здесь делаете?

— Да вот мух бью. Счастливо оставаться!

Глава 6

ГЭБРИЕЛЬ ОТРЕКАЕТСЯ ОТ ДОМА И БОГАТСТВА

Тот, кто взглянул бы в лицо миссис Конрой, бежавшей по лесу, ни за что не догадался бы, что только сию минуту она с самым горестным, убитым видом рассталась с Генри Деварджесом. Когда, приблизившись к дому, она остановилась в тени веранды, чтобы перевести дух, в уголках ее рта играла улыбка. Но тут, войдя в пустой дом, она вдруг почувствовала, что силы ее на исходе, направилась прямо в будуар и бросилась на кушетку, негодуя на свою физическую немощь. Никто не видел, как она вернулась. Слуги-китайцы все ушли в прачечную, стоявшую поодаль от дома. Экономка, воспользовавшись отсутствием хозяйки, укатила в город. Неслыханная жара как бы служила об-

шим извинением, освобождала от строгого соблюдения каждодневных обязанностей.

Миссис Конрой сидела, глубоко задумавшись. Первое потрясение от встречи с Деварджесом миновало; она была довольна собой; ей не только удалось сохранить влияние на него, но и завербовать в союзники против Рамиреса, который был сейчас решительно опасен. Пока Рамирес изливал свою ревность в крике и пустых угрозах, она не страшилась его, хоть и знала, что в неистовстве он способен поднять на нее руку; теперь его коварный предательский поступок заставил ее трепетать. Нужно еще раз повидать Деварджеса; она расскажет ему обо всех обидах, которые ей пришлось вытерпеть от мужа; для Генри это будет как бы отпущением грехов перед покойным братом; тогда она сумеет заставить его придержать Рамиреса, отсрочить скандал, пока они с Гэбриелем не уедут далеко-далеко, в Европу. Дайте ей только уехать отсюда; она посмеется над обоими; она отдаст все силы, чтобы завоевать любовь Гэбриеля; без его любви — теперь это так ясно! — и дальнейшая судьба ее, и сама жизнь теряют всякий интерес. Надо торопиться с отъездом. Как только распространились слухи, что рудник беднее, чем ожидалось, Гэбриель решил, что его долг оставаться на посту и ждать, чем кончится дело; он совсем прекратил сборы к путешествию. Нужно внушить ему, что Дамфи просит его уехать; она заставит Дамфи написать об этом Гэбриелю. Она улыбнулась, когда подумала о том, какое влияние за последнее время она приобрела не перепуганного финансиста. Все было бы ничем, если бы не дурное самочувствие! От досады она заскрежетала зубами! Почему именно сейчас, когда ей требуются все силы... Но тут ее озарила неожиданная мысль; она даже зажмурила глаза, чтобы полнее насладиться. Если ее догадка правильна, почему знать, быть может, ей удастся тронуть сердце Гэбриеля?.. Мужчины такие странные в этом отношении!.. О боже! если бы это было так!

Шум над головой прервал ее мысли. В доме все это время стояла такая глухая тишина, что можно было расслышать, как долбит дранку забравшийся на крышу дятел. А сейчас она ясно различала тяжелые мужские шаги в верхней комнате, отведенной под кладовую. Миссис Конрой не знала свойственных женщинам нервных страхов; ум ее был практическим, на мужской лад; она не боялась ни привидений, ни грабителей. Но сейчас она вся превратилась в слух.

Шум повторился. Сомнений больше не было. Это — шаги человека, которым так заняты ее мысли, шаги ее мужа!

Но что же он там делает? За все недолгие месяцы их совместной жизни еще не было случая, чтобы он возвратился домой так рано. В кладовой, среди прочего хлама, хранилось кое-что из его старательского снаряжения, его инструмент. А вдруг ему что-нибудь понадобилось? Еще там лежит мешок, вспомнила она, с платьями его покойной матери. Но почему же он занялся этим именно сейчас? Когда угодно, только не в это время. Ею вдруг овладело предчувствие, одно из тех суеверных предчувствий, которые она так любила высмеивать. Тсс! Опять шаги. Она затаила дыхание. Человек прошел по лестничной площадке второго этажа, медленно спустился вниз; теперь каждый шаг его отдавался у нее в сердце. Вот он прошел по нижней площадке, остановился, словно размышляя о чем-то, приблизился к ее двери, остановился опять. Если бы ожидание продлилось еще хоть секунду, она не выдержала бы и закричала. Но дверь медленно отворилась — перед нею стоял Гэбриель.

Один быстрый, ищущий, безнадежный взгляд, и она прочла свой приговор. Он знает все! Но в глазах его она не нашла ни раздражения, ни злобы; разве только не было в них того озадаченного выражения, с которым Гэбриель обычно смотрел на свою жену. Он переоделся в рабочие штаны и рубаху; в одной руке он держал старательскую заплечную суму, в другой кирку и лопату. Не спеша он нагнулся, опустил свое имущество на пол и, видя что она глядит на него в крайнем волнении, сказал виновато:

— В мешке, сударыня, одеяло и кое-что из старья, что я обычно с собой беру. Если у вас будут какие сомнения, то могу развернуть. Но вы знаете меня, сударыня; я никогда не возьму ничего, что мне не принадлежит.

— Ты уходишь? — спросила она, и хотя сама не слышала своих слов, они глухо отдались где-то в ее душе.

— Пожалуй, что да. Если вы не догадываетесь почему, сударыня, то можете узнать об этом от того же человека, что и я. Думаю, следует сказать вам, пока я не ушел, что вины тут не было ни моей, ни его. Я сидел утром у себя в хижине, в старой хижине.

Ей показалось, что она знает о случившемся уже очень давно. Все было так просто, так обыкновенно.

— Так вот, был я у себя в хижине, услышал голоса, выглянул и вижу, что вы беседуете с каким-то незнакомцем.

Вы знаете меня, сударыня; я не из тех, кто подслушивает разговоры, которые их не касаются. По мне вы могли бы там беседовать сколько вздумается, но я заметил, что какой-то человек прячется за деревьями, подслушивает, шпионит. Я пригляделся и узнал его; это был мексиканец, которого я лечил от ревматизма с год тому назад. Я направился к нему; он, завидев меня, попытался бежать. Но я схватил его, и ему пришлось... пришлось остаться.

В легком движении руки, которым стоявший перед нею исполин сопровождал свою речь, было столько спокойствия и бессознательного благородства, что миссис Конрой, хоть гнев и закипал в ней, осталась недвижимой и безгласной. Опомнившись, она промолвила (вслух ли, про себя ли — это она и сама точно не могла бы сказать): «Если бы он любил меня по-настоящему, он не оставил бы того в живых».

— Не стану вам рассказывать, сударыня, о чем этот человек поведал мне, пока я держал его, чтобы он не вырвался, как бешеный зверь, и не бросился на вас и на незнакомца. Поскольку вы знакомы с ним больше, чем я, то и сами сумеете догадаться, а что он сказал правду — я вижу по вашему лицу. Следовало бы мне, конечно, и самому кое до чего додуматься по разным признакам, которые я давно уже наблюдаю, да нет у меня нужной твердости характера.

Тут он поднял руку ко лбу и движением могучей ладони как бы стер все заботы и треволения, терзавшие его. Потом вытащил из нагрудного кармана какую-то бумагу.

— Вот составил я документ для юриста Максуэлла. Все, что значит здесь на мое имя, и все, что мне следует получить в дальнейшем, я переписал на вас. Этот мексиканец говорит, будто имущество, принадлежащее Грейс, принадлежит и мне; но я не согласен. Пусть Грейс, если она когда-нибудь придет сюда, сама за себя решает; но, сколько я знаю свою сестру, сударыня, она не прикоснется к этому имуществу и пальцем. Мы простые люди, сударыня, — я не стану, конечно, выдавать себя за достойного представителя своей семьи, — малообразованные, конечно, ничем не примечательные, — но еще не родился такой Конрой, который позарился бы на чужие деньги или взял бы из общего котла больше, чем на одежду и на харчи.

Впервые за все время он излагал ей свой взгляд на жизнь, диктовал свою волю; и хотя он ничем не пытался выказать свое превосходство, каждое слово его дышало

глубоким достоинством, внушало почтение. Закончив свою речь, он нагнулся, поднял инструменты и суму и повернулся, чтобы уйти.

— Ты ничего не забыл здесь? — спросила она.

Он поглядел ей прямо в глаза.

— Нет, — ответил он кратко. — Ничего.

Ах, если бы только она посмела нарушить свое молчание. Если бы у нее хватило духу сказать, что он оставляет здесь крохотное существо, которое все равно ему не забрать с собой... Ее слова пробудили бы в нем мужскую гордость, жалость, милосердие, ибо никто не вправе пренебрегать столь юным и беспомощным созданием. Но она молчала. Не прошло еще и часу, как она покорила своим красноречием человека, которого не любила, которому была неверна; сейчас она молчала. Впервые в жизни захваченная любовью, безнадежной страстью, эта лицедейка утратила простейшее искусство притворства, свойственное ее полу. Она даже не сумела прикинуться равнодушной. Она молчала. Когда она подняла глаза, его уже не было.

Впрочем, нет. У входной двери он остановился и, помешкав немного, несмелыми шагами направился назад. Сердце заколотилось у нее в груди, потом замерло.

— Вы спросили меня, — сказал он нерешительно, — не забыл ли я чего? Если не возражаете, я хотел бы кое-что сказать. Когда мы собрались уезжать за границу, я уговорился с вашей служанкой, что она будет жить здесь; не спросясь вас, я оставил ей немного денег и дал поручение. Я велел, если придет моя дорогая девочка, моя сестренка Грейс, приютить ее, отнестись к ней сердечно и немедленно сообщить мне. Может быть, это чрезмерная смелость с моей стороны, но я просил бы не выгонять бедную девочку; она ведь ни о чем не знает; она будет думать, что дом мой. Вам не нужно притворяться перед нею, не нужно и рассказывать, какого дурака я сваял; только приютите ее и пошлите за мной. Мой адрес будет у юриста Максвелла.

Боль, которую он причинил ей, вывела ее из оцепенения. Резко рассмеявшись, она поднялась с места.

— Все будет сделано, как ты сказал, — ответила она, — если только... если... — она помедлила, — ...если я останусь здесь.

Но он ушел и не слышал конца ее фразы.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПОД СОСНОЙ

Рамирес не получил от своей мести того удовлетворения, какого ожидал. В приступе злости он взорвал свою бомбу раньше срока и, как казалось ему теперь, едва ли не впустую. Гэбриель нисколько не был сражен его сообщением; даже не побледнел, не переменялся в лице. Если он так спокойно принял весть, что жена обманула его, кто знает, он может оставить все как было, без последствий. Рамиреса мучила также мысль, что так смело задуманное им разоблачение миссис Конрой много потеряло от того, что было вырвано у него насильно, под действием грубой физической силы. А хуже всего было то, что пропала возможность сперва лишь пригрозить изменнице, запугать ее, поставить на колени. Да, его великолепный план мести свелся фактически к трусливому выпадку; так тайный убийца, прикончив врага во тьме, из-за угла, лишен радости покрасоваться перед его гаснущим взором, насладиться его последними муками.

Как будто мало было ему этих терзающих мыслей, у Рамиреса вспыхнуло новое страшное подозрение касательно переводчика Перкинса. К Гэбриелю Рамирес испытывал то подозрение, которое удачливый любовник всегда испытывает к законному мужу своей зазнобы. Перкинс же, как и всякий соперник помимо законного мужа, вызывал в нем муки ревности. Катастрофа, которую он вызвал, может легко оказаться губительной не только для ее мужа, но и для него самого. А что, если они вдвоем, совместными усилиями, бросят эту женщину в объятия третьего? Обуреваемый низменными чувствами, свойственными людям его сорта, Рамирес лихорадочно мерил шагами свой крошечный номер в «Великом Конрое». Он мучился мыслью, что осуществил задуманную подлость не самым выгодным для себя образом.

Будь что будет, он должен ее повидать! Немедленно! Он скажет, что ему известны ее шашни с переводчиком. Он скажет ей, не таясь, что это он написал анонимное письмо, он подделал дарственную грамоту, он...

Стук в дверь привел его в себя. Вошла мисс Сол, скромная, робкая, застенчивая. Склонная по натуре к практиче-

ским выводам, мисс Сол не сомневалась, что крайнее волнение молодого иностранца можно объяснить только одним — роковой страстью к ее особе.

— Обедать кончили уже с час назад,— сказала эта стыдливая дева,— но я кое-что для вас припасла. Вчера вечером вы спрашивали меня про Конроев. Есть новости. Гэбриель приходил, спрашивал юриста Максвелла, а тот укатил в Сакраменто, хотя, прямо скажу, он у нас постоянный жилец и близкий друг Сью Маркл.

Но мистер Рамирес несколько не заинтересовался сейчас Гэбриелем.

— Не скажете ли вы мне, мисс Кларк,— сказал он, любезно демонстрируя ей свои зубы,— где находится в настоящее время сеньор Перкинс?

— Кто? Этот лоснящийся господин, похожий на перелицованный альпаговый сюртук? — спросила Сол.— Поглядишь на него, просто с души воротит! — добавила она с чисто женским тактом, желая показать Рамиресу, что ему не следует ревновать ее к этому человеку.— А кто его знает, где он; да и какое мне до него дело? Сегодня с утра не появлялся. Должно быть, гуляет в лесу на холме Конроя. Могу, правда, сказать, что он велел погрузить свой чемодан на уингдэмский дилижанс сегодня вечером. Вы что, не с ним ли собрались?

— Нет,— сухо ответил Рамирес.

— Прошу, конечно, прощения, но, поскольку он заказал два билета, я подумала, что, может, и вам прискучило у нас в глуши, неохота больше знаться с простыми, неучеными людьми.

Сказав это, Сол бросила на Рамиреса лукавый и в то же время укоризненный взгляд.

— Заказал два билета?! — вскричал Виктор.— Уж не для дамы ли, мисс Кларк? Скажите, не для дамы?

Сол мгновенно восстала против неподобающего, как ей показалось, намека на свой счет.

— Для дамы! Скажете тоже! Какая же дама унижится настолько, чтобы ехать с подобным чучелом? Как? Опять уходите, не поев? Ваш обед переспеет в духовке! Все ясно, мистер Рамирес, вы влюблены! Когда люди влюбляются, они начисто теряют аппетит. Конечно, это только говорится так, но я вот, например, за последние два дня и кусочка не взяла в рот. Разве только чуточку...

Не успела она закончить последней фразы, как Рамирес, схватив шляпу и пробормотав невнятное извинение, убежал из комнаты. Уже во второй раз Сол пришлось раскаиваться в своей ветрености; опять она пустилась в неумеренное кокетство, не учтя чувствительной природы айтальянца.

Между тем Виктор Рамирес, промчавшись по раскаленной улице в поднятом колесами телег густом облаке пыли, вторично за сегодняшний день проделал утомительный подъем на холм Конроя. Он не замедлил шага ни на минуту, пока не добрался до самой вершины. Здесь он остановился, дабы собраться с мыслями, решить, что делать дальше, отереть струившийся по лицу пот, дать отдых сердцу, бешено колотившемуся от усталости и от владевшего им волнения. Он должен увидеть ее немедленно — это ясно; но как разыскать ее, где назначить свидание? Если он дерзко вторгнется к ним в дом, то увидит ее в присутствии Гэбриеля; сейчас это ему ни к чему. Если она действительно в сговоре с незнакомцем, ее может вообще не оказаться дома. Не разумнее ли спрятаться где-нибудь здесь под деревом и обождать? Тогда он перехватит их на пути в лощину или, во всяком случае, подслушает их разговор. И еще одно преимущество: дорога отсюда просматривается насквозь не хуже, чем от хижины Гэбриеля; зато никто, спрятавшись в хижине, не будет за ним следить. По странной игре случая, Рамирес, как и ранее, снова выбрал для себя местечко, где в былые дни Гэбриель нередко проводил свой полуденный отдых с трубкой во рту. Справа стояла огромная сосна, высившаяся надо всеми прочими деревьями; она стояла в стороне у небольшой вырубki, словно ища уединения. Повинуясь непонятному призыву, Рамирес направился прямо к ней и уселся на могучем корне у основания дерева. Тут с ним произошел неприятный случай, вызвавший у него на минуту приступ суеверного страха. Вытащив носовой платок, чтобы вытереть лоб, он вдруг увидел, что и платок и рубашка на нем залиты кровью. Не сразу он догадался, что это истолченный в мельчайшую пыль краснозем смешался с его потом. Еще и сейчас, стоило ему шевельнуться, и пот выступал из каждой поры его разгоряченного тела.

Солнце неспешно склонялось к закату. Длинная тень горного хребта упала на холм Конроя и словно напрочь срубила высокую сосну, только что красовавшуюся в баг-

ряных закатных лучах. Шум работ в лощине затих, все реже доносился посвист возчиков с уингдэмской дороги. Красные просветы в лесной чаще на соседнем холме гасли один за другим, природа закрывала на ночь ставни в своем доме. Спустились сумерки, и Рамирес удвоил бдительность. Неслышным шагом, сверкая глазами, поблескивая зубами, он кружил у своей сосны; его можно было принять за хищного обитателя лесов, набирающегося храбрости, чтобы показать себя во всю звериную статью, только лишь спустится тьма. Вот он замер и, вытянув шею, стал вглядываться в лесной сумрак. По дорожке из поселка шла женщина. В нескладной походке и в шляпе с широкими полями он почувствовал что-то знакомое. Проклятие, то была Сол! Черт ее сюда принес! Вот она свернула направо, по тропинке, ведущей к хижине Конроя и к дому, стоявшему поодаль; Виктор облегченно вздохнул, точнее сказать конвульсивным движением глотнул воздух. В эту самую минуту над его ухом раздался голос, от которого все в нем затрепетало. Он обернулся. Перед ним стояла миссис Конрой в белом платье, с надменно поднятой головой, вне себя от ярости.

— Что тебе здесь надо? — спросила она, резко отчеканивая каждое слово.

— Тише,— сказал Рамирес, содрогаясь от волнения, в которое его повергала даже мгновенная встреча с этой женщиной.— Тише! Кто-то прошел по тропинке.

— Какое мне дело? Пускай все слышат. После того, что ты наделал, скрывать больше нечего,— ответила она все так же резко.— Спрашиваю еще раз: что тебе здесь надо?

Он попытался приблизиться к ней, но она отпрянула прочь, подобрав характерным женским движением свою длинную белую юбку, словно боялась прикоснуться к чему-то омерзительно грязному.

Рамирес неловко рассмеялся:

— Ты же пришла ко мне на свидание. Я опоздал не по своей вине.

— Я пришла потому, что уже полчаса вижу с веранды, как ты кружишь здесь по лесу, словно бездомная собака. Я погоню тебя отсюда хлыстом, как собаку, но сперва скажу тебе кое-что, как мужчине, за которого ты пытался себя выдавать.

Она стояла перед ним на фоне угасающего закатного

неба, стройная и грациозная, с горящими щеками, с холодным огнем в глазах, излучая разом тысячу неприметных тайн женского обаяния, и такова была ее магнетическая сила над этим сраженным страстью человеком, что самое ее презрение лишь воспламеняло его и он готов был бы влачиться за ней по земле, только бы тронуть эти сухощавые пальчики, которыми она ему грозила.

— Ты несправедлива ко мне, Жюли, клянусь создателем! Я поступил утром как безумец. Я был вне себя... Но пойми же меня... Я пришел на свидание... увидел тебя с другим! Как было мне не впасть в безумие?.. Святая мать божия! Но я хочу сейчас мира, Жюли, я хочу мира.

— О да! — презрительно возразила миссис Конрой. — По твоей записке видно, как мирно ты настроен!

— У меня не было иного способа заставить тебя прийти. У меня новости, Жюли, важные новости, быть может, спасительные; я приехал от женщины, которая владеет дарственной на землю. Выслушай меня, ты должна меня выслушать. Удели мне одну минуту, Жюли, и я уйду.

Миссис Конрой прислонилась к дереву.

— Говори, — сказала она ледяным голосом, не глядя на него.

— Значит, ты согласна меня выслушать, — сказал Виктор, торжествуя. — Когда ты узнаешь, в чем дело, ты поймешь, как это важно. Итак, прежде всего я должен сообщить, что адвокат, который ведет дело этой женщины, — тот самый человек, который покинул когда-то в горах Грейс Конрой; его звали тогда Филип Эшли, теперь его имя Пуанзет.

— Как ты сказал? — спросила миссис Конрой, внезапно делая шаг к Рамиресу и устремляя на него жестокий взгляд.

— Артур Пуанзет, в прошлом военный, офицер. Ты не веришь мне? Клянусь, это правда.

— Какое мне дело, правда это или нет, — сказала она презрительно, снова отступая к дереву. — Продолжай... Или это все?..

— Нет, не все. Но то, что я сказал, очень важно. Подумай! Он помолвлен с богатой вдовой с юга. О его прошлом никто не знает. Теперь ты понимаешь, к чему я веду? Он не посмеет искать настоящую Грейс Конрой. Он не по-

смеет отстаивать в суде дело своей клиентки. Он будет бездействовать.

— Это все, что ты хотел сказать?

— Все. Нет, еще не все. Есть вторая новость, но здесь я не решаюсь говорить о ней,— ответил он, боязливо вглядываясь в сгущающуюся лесную тьму.

— Тогда оставь свою новость при себе,— холодно возразила миссис Конрой.— Это наша последняя встреча.

— Жюли!

— Ты кончил? — спросила она, не меняя тона.

Было ли притворным ее равнодушие или нет, но оно возымело свое действие. Еще раз торопливо оглядевшись, Рамирес обиженно сказал:

— Хорошо, подойди поближе, и я скажу. Что, не веришь мне? Ну как хочешь.

Увидев, однако, что она не трогается с места, он шагнул к дереву и прошептал:

— Наклони голову, я скажу тебе на ухо.

Увернувшись от его протянутой руки, миссис Конрой наклонила голову. Он шепнул ей несколько слов настолько тихо, что никто не разобрал бы сказанного даже в шаге от них.

— Ты сказал об этом и Гэбриелю? — спросила она, глядя на собеседника в упор все с тем же надменным выражением лица.

— Нет! Клянусь тебе, Жюли! Я не сказал бы ему ничего, ни единого слова, но я был вне себя, в безумии. А он ведь зверь, медведь. Он стиснул меня так, что я еле дышал. Я не мог шевельнуться. Он вынудил меня признаться. Вынудил силой... О, пресвятая мать божья!

По счастью для Виктора, он не мог в темноте разглядеть, каким презрением блеснули глаза женщины, когда он сам сообщил ей о том, что он слаб, а муж ее силен.

Она ограничилась тем, что спросила:

— Теперь ты сказал все?

— Все. Клянусь тебе, Жюли, это все.

— Так вот, послушай, что я скажу тебе, Виктор Рамирес,— промолвила она, сделав шаг вперед и ступив на дорожку, где он стоял, так что он мог ясно видеть ее белое, словно застывшее лицо.— Не знаю точно, с какими планами ты приехал сюда, но поездка твоя увенчалась успехом. Ты выполнил все, что хотел, даже с лихвой. Человек, кото-

рому ты задумал влить в душу яд, чтобы отвратить его от меня, этот человек ушел от меня, бросил меня, уехал прочь. Он не любил меня никогда. То, что ты рассказал ему обо мне, было для него даром судьбы; теперь он мог со спокойной совестью оскорбить меня, бросить меня; а ему этого давно хотелось.

Даже во тьме ей было видно, как сверкнул зубами самодовольно ослабившийся Рамирес. Она услышала совсем близко его хриплое прерывистое дыхание, почувствовала, как он тянется к ней. Он уже совсем приготовился схватить ее руку, чтобы прижать к губам, осыпать поцелуями, но она угадала его намерение и, не отступая ни на шаг, быстрым движением спрятала руки за спиной.

— Я вижу — ты торжествуешь. Ты сделал свое дело, сказал все, что хотел. Теперь моя очередь. Уж не думаешь ли ты, что я пришла сюда сказать тебе спасибо? Нет! Я пришла сказать, что, хотя мой муж оскорбил меня, прогнал, отшвырнул ногой, я — униженная, брошенная им, — люблю его одного. Люблю его и пойду за ним на край света, а если надо будет, поползу на коленях. Его ненависть дороже мне, чем твоя любовь, слышишь, Виктор Рамирес? Я пришла, чтобы сказать тебе это. И не только это. Тайну, которую ты мне сообщил, — все равно, солгал ты или нет, — я передам ему. Я помогу ему отыскать его сестру. Я заставлю его полюбить меня, чего бы мне это ни стоило, даже если придется заплатить за то жизнью. Слышишь, Виктор Рамирес, жалкий трус, испанский выродок, ублюдок, полукровка? Скрежещи во тьме зубами, сколько угодно; я уже знаю тебя, ты, верно, так же скрежетал зубами, когда Гэбриель ухватил тебя за шиворот. Представляю, как ты был хорош в эту минуту, Виктор! Да и чего от тебя ждать? Секретарь *пресидио*, похитивший у умирающей девушки ее документы! Отважный офицер, сдавший крепость торгошину-янки, приехавшему верхом на муле! О, я отлично изучила тебя, разгадала с первого взгляда, с того самого дня, когда решила сделать тебя слепым орудием своей воли. Чего же ты медлишь, вытаскивай свой нож. Я не боюсь тебя, жалкий трус! Я не буду звать на помощь. Убей меня, если хочешь.

С безумным нечеловеческим воплем, исторгнутым яростью и смертельной обидой, он замахнулся на нее ножом. И тут она увидела, как из темноты протянулась чья-то ру-

ка и упала на плечо Рамиресу, как он с проклятием обернулся и забился отчаянно в руках Деварджеса. Не дожидаясь исхода схватки, даже не поблагодарив своего спасителя, она пустилась бежать что было мочи.

Она бежала до самого дома, думая все время об одном. Набросав карандашом несколько строк, она позвала слугу-китайца.

— Вот записка, А Фе, для мистера Конроя. Ты найдешь его у юриста Максвелла, а если не застанешь, спросишь, где он. Ты должен разыскать его во что бы то ни стало. Если он ушел из Лощины, пойдешь за ним следом.— Она вручила ему золотую монету.— Разыщи его в течение часа, и я дам тебе еще золотой. Беги скорее!

Познания А Фе в английском языке были невелики, но в данном случае он понял речь своей хозяйки без помощи переводчика. Он кивнул, сказал: «Моя понимаю, моя бегай быстро»,— каким-то волшебством заставил и записку, и золотую монету прыгнуть прямо к себе в рукав и проворно пустился в путь. А Фе был не таков, чтобы отвлекаться по пустякам от порученного ему дела. Когда, сбегая вниз по холму Конроя, он услышал шум в кустарнике и крики о помощи, он лишь пробурчал про себя: «Ходи к чертям, моя не дурак»,— и сосредоточенно зарысил своим путем. Через полчаса он был в конторе у адвоката Максвелла. Гэбриель ушел час тому назад, никто не знал куда. Подумав несколько секунд, А Фе помчался к подножию холма, где артель его соотечественников рыла канаву. Подойдя, А Фе, на высочайшей ноте и в форме, приближавшейся к речитативу, испустил одно за другим множество восклицаний, смысл и содержание которых остались навсегда тайной для работавших неподалеку старателей-американцев. Но на китайцев речь А Фе произвела магическое действие. Изумленные старатели не успели даже оглянуться, как китайская артель бросилась врассыпную; через минуту все они, включая А Фе, шагали каждый по избранной для себя дороге или тропинке, соединявшей Гнилую Лощину с внешним миром.

По счастью, А Фе сделал правильный выбор. Не прошло получаса, как он увидел того, кого искал: Гэбриель сидел на большом валуне, неподалеку от дороги и курил трубку. Дорожная сума, кирка и лопата лежали у его ног. А Фе не стал терять времени на пояснения и переговоры.

Он вручил своему хозяину записку и пустился в обратный путь. Еще через полчаса вся китайская артель молча рыла канаву, как будто ничего за это время не произошло.

Гэбриель отложил трубку, после чего с минуту с нерешительным видом держал записку между большим и указательным пальцами. Потом развернул ее и сразу узнал мелкий, аккуратный почерк своей жены — она вела его счетные книги и не раз писала под его диктовку. Что-то смутно похожее на сожаление владело его душой, пока он оглядывал эти несколько строк, не пытаясь пока еще приступить к чтению. Потом, разбирая написанное по слогам, усердно шевеля губами, повторяя по нескольку раз одно и то же слово, как это в обычае у недостаточно грамотных людей, прочитал следующее:

«Я поступила неправильно, не сказав, что владею тайной, важной для твоего счастья. Не уезжай, пока не узнаешь ее. Вернись на холм Конроя, пока еще есть время, и я расскажу тебе обо всем; через два часа я покину дом, а вечером уеду навсегда. Прошу тебя не ради твоей жены, но ради той, чье имя она однажды присвоила. Я знаю, ты придешь потому, что любишь Грейс, хоть и презираешь бедную Жюли».

Из письма твердо следовало одно: разыскались какие-то новые сведения о Грейс. Для Гэбриеля этого было довольно. Он спрятал трубку в карман, поднялся, взвалил суму на плечи, взял кирку и лопату и зашагал назад. Достигнув поселка, он вспомнил с неловким чувством, что только что простился с ним навеки, и решил пробираться в обход, минуя главную улицу, однако, по всегдашней своей простоте, осуществил свой замысел весьма неискуссно; два-три старателя заметили, как он взбирается на холм по крутой и неудобной тропинке, по которой редко кто когда ходил. Впрочем, задержался он на холме ненадолго, и вскоре — кто говорит, через десять минут, а кто — через пятнадцать — его опять заметили, когда он, торопливо сбегав по той же тропинке, пересек лощину и затерялся в кустарнике у подножия Лысой горы.

Не успело в этот вечер закатиться солнце, как спала и жара. Вконец иссушившее землю за несколько знойных дней яростное дыхание пустыни отступило перед равной яростью ветра, который, народившись вместе с холодным светом молодого месяца, бушевал всю ночь в раскачиваю-

щихся верхушках сосен на холме Конроя, стучал во все окна в поселке и вздымал кверху прибитую пыль на горных дорогах. Но с уходом ночи иссяк и ветер; взошедшее солнце осветило притихшую мирную природу. Как было заведено у него в обычае, оно сперва зажгло стройную верхушку исполинской сосны на холме Конроя, а потом тихонько заскользило вниз по стволу, пока не достигло земли. Там оно обнаружило Виктора Рамиреса, мертвого, с ножом в сердце.

КНИГА ШЕСТАЯ
РУДА УХОДИТ

Глава I

МИСТЕР ГЕМЛИН ВСЕ ЕЩЕ НА КАНИКУЛАХ

Когда, уже после ухода миссис Сепульвида, донна Долорес заметила, что исчезла и маячившая перед окном фигура всадника, — она заключила, что мистер Джек Гемлин последовал за названной дамой; она была бы весьма удивлена, если бы узнала, что в эту самую минуту он попивал *агуардьенте* в ее собственном доме и не с кем иным, как с самим доном Хуаном Сальватьерра. С дерзкой непринужденностью, составлявшей характерную черту его натуры, Джек проник за стены *асьенды*; не назвав своего имени и ни словом не упомянув о своем занятии, он был тем не менее радушно принят церемонным доном Хуаном; за два часа он полностью обворожил хозяина, и когда оставил его, тот был так сильно навеселе, что не мог толком ответить ни на один вопрос о своем собутыльнике. Почему Джек не развил своего успеха и не добился свидания с таинственной сеньорой, столь глубоко поразившей его сердце, я не бе-

реть сказать; и сам он тоже не мог себе этого объяснить. После того как, возбужденный выпитой *агуардъенте*, дон Хуан выложил перед ним все тайны *асьенды* и миссии, Джек, неизменно предприимчивый, когда дело касалось женщин, вдруг почувствовал, что от робости лишился языка. Быть может, неведомое доселе чувство безнадежности закралось ему в душу, и именно потому, уезжая, он был более грустен, нежели когда ехал сюда. В том, что донна Долорес узнала о его визите лишь три дня спустя, не было ничего особенно удивительного; эти три дня она была не совсем здорова и не покидала своих покоев. Удивительно было другое: когда ей наконец рассказали о госте, она напугала дону Хуана и переполошила домочадцев невиданным взрывом негодования.

— Как же вы посмели не доложить мне о заезде *американо*? Клянусь святым Антонием, вы, кажется, считаете меня ребенком. Или я уже не хозяйка в Пресвятой Троице? Или вы, дон Хуан, определили себя мне в дуэньи? Отважный кабальеро — а из вашего описания следует, что это был он! — защитил меня в воскресенье у мессы от обидчика, и его не допустили к моей руке. О мать божия! Как его зовут — вы и это позабыли?

Тщетно твердил дон Хуан, что незнакомый кабальеро не испрашивал аудиенции у донны Долорес и что в подобных случаях этикет исключает возможность личного свидания.

— Пусть бы лучше он осудил меня как женщину, нарушающую этикет — кстати, дядюшка, у американцев совершенно иной взгляд на эти вещи, — только бы не счел Пресвятую Троицу заезжей таверной!

Как бы там ни было, мистер Гемлин счел климат Сан-Антонио не способствующим тому глубокому покою, который был ему прописан врачом, и уехал на другой же день, охваченный неведомой ему ранее лихорадочной жаждой деятельности. Три дня в страшнейшую жару он бездельничал в Сакраменто, на четвертый — умчался в горы, а когда наступило утро первого прохладного дня, был уже в Уингдэме.

— Нет ли здесь кого из наших старых знакомцев, Пит? — спросил он своего верного оруженосца, когда тот поутру принес ему тщательно вычищенное платье.

— Нет, сэр.

— А может быть, найдется кто-нибудь, с кем стоило бы

познакомиться? — продолжал циничный Джек, лениво поднимаясь с постели.

Пит погрузился в размышления.

— Муж с женой из восточных штатов, сэр. Из тех, что ездят да осматривают. Они сейчас в ресторане, прибыли из каньона. По-моему, те самые, которым во Фриско масса Дамфи и его приятели пускали пыль в глаза. Верят всякому слову... Ребята по дороге их здорово накачали. Пит Дамфи начал, а ребята подбавили.

Джек сумрачно усмехнулся.

— Можешь не приносить мне завтрака, Пит, я спущусь в ресторан.

Путешественники, о которых несколько туманно сообщил своему хозяину Пит, были мистер Рейнор с супругой, совершавшие «тур» под мудрым руководством сан-францисского газетчика; его приставил к ним мистер Дамфи, чтобы они оценили по достоинству, что такое калифорнийское гостеприимство. Сейчас они сидели за завтраком и были несказанно удивлены, когда в зал вошел красивый, бледный, чуточку томный господин, изящество костюма которого самым досадным образом контрастировало с их собственной помятой в дороге одеждой. Сопровождаемый личным слугой, незнакомец приблизился и молча занял место за столом напротив путешественников и их гида. Миссис Рейнор мгновенно обнаружила какие-то недостатки в своем туалете и после минутного колебания извинилась и ушла. Мистер Рейнор, весьма заинтригованный внешностью незнакомца, подтолкнул локтем журналиста, но тот по причине, известной лишь ему одному, никак не реагировал на этот сигнал. Возможно, он просто не почувствовал толчка, а может статься, что, узнав в кареглазом незнакомце более чем известного Джека Гемлина, счел разумным не сообщать никаких сведений об этом джентльмене в его личном присутствии. Так или иначе, но с появлением мистера Гемлина он разом пресек свои неумеренные похвалы калифорнийской жизни, стал общителен и погрузился в чтение утренней газеты. Обождав, пока дама удалилась, и не обращая более никакого внимания на своих соседей по столу, мистер Гемлин извлек из кармана револьвер и охотничий нож, небрежно, словно это было в порядке вещей, положил их справа и слева от своего прибора, окинул рассеянным взглядом сервировку стола и подозвал Пита.

— Передай им, — сказал Джек, не повышая голоса, — что я привык есть за завтраком крупный картофель. Спро-

си, кто их надоумил подать эту мелочь. Скажи, что я не люблю ждать. Ружье у тебя заряжено?

— Да, сэр! — быстро ответил Пит; ни один мускул не шевельнулся на его черном лице.

— Отлично. Захвати его с собой.

Тут мистер Рейнор, который лишь минуту назад от души восторгался небывало крупным калифорнийским картофелем, дал волю своему любопытству. Отчаявшись добиться толку от своего спутника (невзирая на повторные настойчивые подталкивания локтем), он перегнулся через стол к бледному незнакомцу

— Прошу прощения, сэр,— сказал он почтительно,— но мне слышалось, что вы сказали, будто картофель мелок, и попросили принести вам покрупнее?

— Впервые и жизни мне осмеливаются подать на завтрак картофелину, целиком уменьшающуюся на тарелке,— степенно разъяснил Джек.— До сих пор я не думал, что подобное возможно. Очевидно, в этих районах Калифорнии не умеют выращивать овощи. Я здесь прежде не бывал; как видно, и вы тоже. Но если я заезжий гость, это еще не причина, чтобы обращаться со мной неуважительно.

— Благодарю вас за разъяснение,— сказал окончательно сбитый с толку Рейнор.— Я позволю себе задать еще один вопрос. Мне слышалось, что вы приказали своему слуге, когда он пойдет к повару, захватить ружье. Следует ли понимать это так, что...

— Пит,— славный негр,— небрежным тоном перебил его мистер Гемлин,— и мне было бы жаль потерять его. Возможно, что вы правы и что в данном случае я проявил чрезмерную осторожность. Но когда теряешь за три месяца двух слуг подряд от огнестрельной раны, поневоле становишься мнительным.

Невозмутимый тон собеседника, молчание журналиста и глубокая тишина, в которой все присутствующие в ресторане внимали этой поразительной речи, довершили изумление мистера Рейнора.

— Великий боже! — вскричал он, адресуясь к своему онемевшему спутнику.— Это потрясающе! Ничего подобного я в жизни не видывал!

Мистер Гемлин в свою очередь перевел взгляд на молчавшего джентльмена.

— Ваш друг калифорниец. Он знает, как мы не любим выдумщиков и как принято в Калифорнии отвечать на обвинение во лжи. Я уверен, что он поддержит меня.

Журналист торопливо пробормотал несколько слов, из которых следовало, что он полностью подтверждает то, что рассказал мистер Гемлин, после чего быстро удалился, оставив своего подопечного на произвол судьбы. Я мог бы подробно рассказать здесь, как использовал Джек благоприятную ситуацию и что успел он доверительно сообщить своему собеседнику о растительном мире Нижней Калифорнии, о природных богатствах края, о том, как дешево ценятся здесь собственность и жизнь человеческая. Несмотря на некоторые странности в этом рассказе, мистер Рейнор нашел мистера Гемлина собеседником редкого очарования. Позже, когда журналист присоединился к ним, мистер Гемлин попросил его лично засвидетельствовать мистеру Рейнору, сколь губительна все еще — увы! — распространенная в Калифорнии страсть к карточной игре, и рассказал, как оба они — и журналист и он сам — в свое время от нее пострадали; путешественник был так глубоко поражен неподдельной искренностью и высокими моральными требованиями своего нового знакомого, что стал просить его принять участие в их «туре». Вполне вероятно, что мистер Гемлин и согласился бы на это предложение, если бы не неожиданное происшествие.

Еще продолжая разговор, он с любопытством остановил взгляд на незнакомом человеке, который, войдя, пристроился с робким, застенчивым видом у самой двери. Странная неуверенность вновь прибывшего так не вязалась с его физическими данными, с могучим сложением и с медвежьей силой, таившейся в каждом мускуле, что мистеру Гемлину захотелось, по всегдашнему его дерзкому обычаю, подойти к незнакомцу и спросить напрямик: «Что у тебя на руках?» В том, что вновь прибывший «поддерживает козыри» — прошу извинить меня, что я продолжаю пользоваться ходовыми выражениями мистера Гемлина, — что вся неуверенность и робость — чистое притворство, рассчитанное на уловление простаков, мистер Гемлин не сомневался и был от души восхищен актерским талантом незнакомца. Все же его удивляло, почему человек в здравом рассудке и имея такой «богатый прикуп» предпочитает «ходить с маленькой», когда мог бы без дальних церемоний «показать масть». Прошу снова извинения у читателя.

Незнакомец был одет, как одеваются старатели в южной части страны; впрочем, все выглядело на нем аккуратным, что следовало отнести за счет его чистоплотности, и живописным, что объяснялось его исключительной внеш-

ностью. На нем были белые парусиновые брюки и рубаха из того же материала с отложным матросским воротником; по-матросски же завязанный платок сбился набок и обнажил загорелую шею; она красовалась подобно могучей колонне, лишь частично укрытая густой каштановой бородой. Русые кудри ниспадали по обе стороны широкого лба; на щеках, сильно покоричневевших от постоянного пребывания на воздухе, пробивался румянец. Впрочем, то ли болезнь, то ли кручина наложили свой характерный отпечаток на лицо незнакомца; такое предположение косвенно подтверждалось и тем, что он почти не прикоснулся к поданной еде. Глаза его были опущены, а когда он подымал их, взор был так робок, что его трудно было даже уловить. Тем не менее внешность великана была достаточно притягательной и вызвала интерес не у одного лишь мистера Гемлина. Мистер Рейнор был в совершеннейшем восторге, а газетчик не преминул рекомендовать ему незнакомца как типичный образец старательского населения Калифорнии. Смущенный этим вниманием зрителей, которое он не мог не почувствовать даже при своей глубокой задумчивости и видимом равнодушии к окружающему, старатель поднялся и вышел на веранду, где лежала его сума и горняцкое снаряжение. Мистер Гемлин, пребывавший все последние дни по причине, непонятной для него самого, в каком-то особенном настроении, решил проявить деликатность и молча удалился в бильярдную, чтобы дожидаться там прихода дилижанса. Не успел он закрыть за собой дверь, как газетчик выложил мистеру Рейнору все, что считал необходимым сообщить о роде занятий мистера Гемлина и о его репутации; попутно опроверг и его измышления относительно калифорнийских природных богатств и калифорнийских нравов и тем восстановил пошатнувшуюся было уверенность мистера Рейнора, что надежнее места для помещения капитала, чем Калифорния, нет на свете.

— Что же касается опасностей, якобы подстерегающих здесь приезжего, — сказал негодующий журналист, — то позвольте заверить вас, что жизнь у нас столь же безопасна, как в Нью-Йорке или в Бостоне. Не спорю, на заре заселения страны здесь подвизались различные авантюристы, вроде этого Гемлина, но, скажу вам прямо, сэр, лучшим ответом каждому, кто осмелится чернить Калифорнию, может служить человек, которого вы только что видели. Вот наш калифорнийский старатель! Сильный, мужественный, честный, работающий, скромный в быту,

кроткий как агнец! Мы гордимся этими людьми, сэр, да, гордимся!.. Что? Шум?.. Дилижанс подошел!.. Пустяки!..

Нет, то были совсем не пустяки. В мгновение ока на веранде, под самым окном, взволнованные, пытающиеся что-то высмотреть через плечо зрители окружили небольшую группу, в центре которой высилась фигура великана-старателя. И не только в том было дело. Трудно определяемая тревога и смятение охватили присутствующих: так бывает, когда острое страдание какого-нибудь одного человека, в силу самой своей интенсивности, без каких-либо посредствующих факторов, вдруг передается окружающим. Из толпы выступил Юба Билл, кучер уингдэмского дилижанса; он подошел к стойке и с немалым усилием стянул с рук гигантские кожаные перчатки.

— Что там приключилось, Билл? — спросили пять или шесть человек сразу.

— Да ничего, — ответил Билл. — С нами приехал шериф из Калавереса. Взял под арест кого-то.

— Когда, Билл?

— Да вот сейчас. На веранде. Увидел его с первого взгляда.

— За что? Кого? Да кто же это? Да в чем дело? Что он натворил? — закричали все хором.

— Вчера вечером убил человека в Гнилой Лощине, — ответил Билл, в один глоток осушая стакан, который заботливый трактирщик поставил перед ним, не дожидаясь заказа.

— Кого он убил?

— Мексиканца из Фриско по имени Рамирес.

— Кто его убил? Как зовут арестованного?

Голос был Джека Гемлина. Юба Билл живо обернулся, опустил стакан на стойку, утер рот рукавом и, улыбаясь во весь рот, протянул Джеку свою огромную лапищу.

— Тысяча дьяволов, старик, ты ли это? Как жизнь, дружище? Малость спал с лица, я вижу, но хватка прежняя! Мне передавали, что тебе вроде как нездоровилось в Сакраменто на прошлой неделе. Славная встреча, право, и как раз вовремя! А ну, хозяин, плесни стаканчик зелья для Джека! Твое здоровье, старик! Тысяча дьяволов, я рад тебя видеть!

Толпа глазела на собеседников, исполненная почти благоговейного восторга. То была встреча богов — Джека Гемлина и Юбы Билла. Все затаили дыхание. Поставив пу-

стой стакан, Гемлин первым нарушил тишину; щеки его слегка порозовели.

— Как ты сказал,— промолвил он, лениво, по своему обычаю, выговаривая слова,— как зовут человека, который зарезал мексиканца?

— Гэбриель Конрой,— ответил Билл.

Глава 2

МИСТЕР ГЕМЛИН ВСТУПАЕТ В ИГРУ

Арест прошел без осложнений. К удивлению шерифа, Гэбриель и не пытался сопротивляться; он подчинился судьбе с какой-то странной готовностью, словно арест был первым шагом к скорейшему решению вопроса, в котором он лично был заинтересован. Впрочем, как отметили некоторые наблюдатели, он в то же время обнаружил не свойственные его характеру расчет и осторожность. Он пожелал лично ознакомиться с ордером на арест, спросил, как было обнаружено тело убитого, и не захотел представить собравшимся никаких объяснений по поводу своего ареста, чем весьма разочаровал всех, знавших его как откровенного и простодушного человека; такое поведение Гэбриеля было расценено как преднамеренная хитрость и истолковано против него. Не сопротивлялся он и при обыске; ни оружия, ни чего-либо иного, изобличающего его вину, найдено при нем не было. Когда он увидел в руках шерифа наручники, то побледнел; стоявшие поблизости слышали, как он тяжело перевел дыхание и что-то запинаясь пробормотал в виде протеста. Шериф, храбрый человек, известный той способностью к быстрым и безошибочно правильным решениям, которая дается лишь верой в свои силы, приметив волнение Гэбриеля, преспокойно опустил наручники обратно в карман.

— Что ж, можно и так. Если желаете рискнуть, я не против!

Взгляды их встретились, и Гэбриель поблагодарил шерифа. Немое соглашение состояло в том, что, если Гэбриель попытается бежать, шериф застрелит его на месте.

Им предстояло отправиться со следующим дилижансом; пока же Гэбриеля, под надежной охраной, поместили в отдельной комнате на втором этаже. Там он обрел свое

обычное спокойствие и попросил разрешения закурить трубку. Добродушный страж дал согласие, и Гэбриель во весь рост растянулся на койке. Сильный ветер стучал в окна и, прорываясь в щели, разгонял поднимающиеся из трубки Гэбриеля клубы дыма по всей комнате. Страж, который был смущен, пожалуй, более Гэбриеля, несколько раз пытался завязать с ним приличный случаю разговор, пока Гэбриель не заявил ему с обычной своей прямоотой:

— Не тратьте сил и не развлекайте меня; это не входит в ваши обязанности. А если у вас есть тут друзья и вам хочется немного поболтать, зовите их и не обращайтесь на меня никакого внимания.

Страж вздохнул с облегчением, когда к ним заявился Джо Холл, шериф.

— Вас желает видеть один джентльмен,— сказал он Гэбриелю,— можете беседовать с ним до самого отъезда.— Повернувшись к стражу, он добавил:— А вы заберите стул и сядьте за дверь. Это адвокат арестованного.

Удивленный Гэбриель поднял голову. Вслед за шерифом в комнату вошел юрист Макссуэлл. Подойдя к Гэбриелю, он с суровой сердечностью протянул ему руку (должно быть, только что за дверь он смахнул ею с лица последние следы веселости).

— Не рассчитывал, что мы встретимся так скоро, Гэбриель. Как только мне рассказали обо всем и сообщили, что наш приятель Холл получил ордер на ваш арест, я немедленно пустился в путь. Если бы не охромела лошадь, непременно обогнал бы его.— Он помолчал, потом пристально поглядел на Гэбриеля.— Что скажете?

Гэбриель поглядел на него в ответ, но не произнес ни слова.

— Я подумал, что вам потребуется адвокат,— сказал Макссуэлл; потом, чуть поколебавшись, добавил:— Мне кажется, я подойду для этого лучше других, поскольку знаю некоторые обстоятельства, предшествовавшие убийству.

— Какие обстоятельства? — спросил Гэбриель с тем же хитрым выражением во взгляде, которое уже повредило ему в общественном мнении.

— Черт побери, Гэбриель,— сказал Макссуэлл, нетерпеливо поднимаясь со стула,— зачем повторять нашу первую с вами беседу? На этот раз дело посерьезнее и может обернуться для вас самым печальным образом. Задумайтесь на минуту. Вчера вы обратились ко мне как к юристу,

чтобы я перевел всю вашу собственность на имя вашей жены: вы сказали, что уезжаете и больше не вернетесь в Гнилую Лощину. Не стану допытываться у вас, зачем вы приходили ко мне и зачем вели этот разговор. Хочу только подчеркнуть, что никому, кроме меня, этот разговор неизвестен. А если вы спросите меня как юриста, то скажу, что в свете предъявленного вам обвинения он приобретает чрезвычайную важность.

В ожидании ответа Гэбриеля Максвелл привычным движением руки стер улыбку, замешкавшуюся в уголках его рта. Гэбриель хранил молчание.

— Гэбриель Конрой,— сказал юрист Максвелл, впадая вдруг в просторечие Гнилой Лощины,— вы что, набитый дурак?

— Вот именно,— ответил Гэбриель с готовностью человека, которого просят подтвердить самоочевидную истину.— Именно так.

— Я несколько не удивился бы, черт меня побери,— раздраженно подхватил Максвелл,— если бы это было именно так.— Он умолк, как будто устыдившись своей вспышки, потом заговорил более спокойно и рассудительно.— Что ж, Гэбриель, если вы не желаете исповедаться мне, я исповедаюсь вам. Полгода тому назад я счел вас самозванцем. Полгода тому назад женщина, являющаяся в настоящее время вашей женой, обвинила вас в самозванстве, в том, что вы присвоили себе имя и права, вам не принадлежащие; что хоть вы и называете себя Гэбриелем Конроем, но она, Грей Конрой, сестра истинного Гэбриеля Конроя, заявляет, что вы лжете. Она представила доказательства, свидетельства,— черт бы их все побрал! — продолжал свою речь Максвелл, вздымая руки горе, словно актер, участвующий в мимическом представлении.— Не думаю, чтобы в то время нашелся хоть один юрист, который отказался бы поддержать ее иск, не счел бы ее доказательства достаточно вескими. Я отправился к вам; вы, конечно, помните нашу беседу. Вы помните и соглашение, к которому мы пришли. Должен вам сказать, что второго человека, столь убедительно признающего в своей вине, не будучи виновным, мне не приходилось встречать. Пойдем дальше! Олли открыла мне глаза на причину вашего тогдашнего поступка; но обвинение, выдвинутое против вас, осталось непоколебленным; права этой женщины по-прежнему казались мне неоспоримыми. И вот она является ко мне и говорит, что вы человек, спасший ее, рискуя соб-

ственной жизнью, и что она считает неудобным начинать сейчас против вас судебное дело. Когда, несколько позже, она сообщила мне, что чувство благодарности, испытываемое ею к вам, переросло — ну, как бы сказать? — в нечто большее, что вы помолвлены и она склонна забыть о вашем дурном поступке, я подумал: что ж, черт побери, это очень по-женски; я ей поверил. Я не подозревал ее ни в чем, считал по-прежнему, что ее обвинения против вас справедливы. Да, сэр, все полгода я считал вас баловнем судьбы, благодетельствованным легкомысленной женщиной. Я видел, что она любит вас, считал, что вы играете на ее чувстве. Да, я так считал, черт меня побери! Так вот, если вы признались, что вы набитый дурак, не следует ли и мне признаться, что я дурее вас вдвое?

Он умолк, смахнув рукой набежавшую улыбку, потом заговорил снова:

— Впервые я заподозрил неладное вчера, когда вы попросили меня перевести ваше имущество на имя жены и заявили, что уезжаете навсегда. Когда я узнал, что возле самого вашего дома убит мексиканец — а это был один из свидетелей, выставленных вашей женой — когда мне сообщили о вашем бегстве и о внезапном исчезновении миссис Конрой, мои подозрения стали складываться в цельную картину. Когда же я прочитал записку, посланную вам вчера вечером вашей женой и найденную сегодня утром рядом с трупом, последние мои сомнения улетучились.

С этими словами он вынул из кармана сложенную записку и вручил Гэбриелю. Гэбриель взял ее равнодушно и развернул. Это была та самая записка от жены, полученная им вчера вечером. Не выпуская записки, он извлек из кармана нож и принялся ковырять им в своей трубке. Потом, помолчав, осторожно спросил:

— А как же она к вам попала?

— Нашла ее Сол Кларк, отдала миссис Маркл, а та вручила мне. Таким образом о записке знают трое; все ваши друзья.

Снова воцарилось молчание. Гэбриель продолжал ковырять в трубке. Мистер Максвелл смотрел на него с интересом.

— Ну,— сказал он наконец,— каков будет ваш план защиты?

Гэбриель принял сидячее положение и принялся выбивать трубку, постукивая ею по ножке кровати.

— А скажите,— спросил он очень серьезно,— каков, по-

вашему, должен быть мой план защиты? Скажите, как адвокат, выдавший немало подобных дел на своем веку, скажите мне, как человеку, который готов заплатить за совет хорошие деньги, каков здесь может быть план защиты?

И он опять улегся на кровать, продолжая глядеть на юриста серьезным внимательным взглядом.

— Мы надеемся доказать,— сказал Макссуэлл, на сей раз не тая улыбки,— что, когда вы ушли из дома и явились ко мне в контору, убитый человек был еще жив и находился в гостинице; что он отправился на холм Конроя задолго до вас; что вы попали туда лишь к вечеру, когда убийство уже совершилось,— на это обстоятельство указывает слово «тайна» в загадочной записке вашей жены; что по той или иной причине она пожелала, чтобы подозрение пало на вас; что в записке она имеет в виду некий факт, ведомый ей, но неведомый вам.

— Она уже знает, что произошло, а я еще даже не слышал,— спокойно комментировал Гэбриель.

— Вот именно! Теперь вы понимаете все значение для нас этой записки!

Гэбриель помолчал, потом не спеша распрямился во весь свой огромный рост, подошел к открытому окну и, прежде чем юрист успел вмешаться, разорвал записку в мельчайшие клочки и выбросил вон.

— Теперь эта записка не будет иметь значения,— спокойно пояснил он, укладываясь снова на кровать.

Адвокат Макссуэлл остолбенел. В растерянности он даже позабыл сделать обычное движение рукой и взирал на Гэбриеля с нервной улыбкой на губах, словно тот отмочил невесть какую веселую шутку.

— Если вы ничего не имеете против, я расскажу вам, какой я придумал план защиты,— сказал Гэбриель извиняющимся тоном, раскуривая свою трубку.— Понятное дело, я не берусь равняться с вами; не хочу я и просить скидки с причитающегося вам гонорара. По-моему, вы должны обратиться к судье и рассказать ему примерно такую историю: «Человек, стоящий перед вами — это вы обо мне говорите,— игрок, отчаянный игрок, готов на все. О его несчастной страсти знает весь поселок, знает, конечно, и его жена, Жюли. С Виктором Рамиресом они встретились за игорным столом и крепко поспорили насчет каких-то там правил игры. Один свое твердит, другой — свое. И вот Рамирес обвинил Конроя в плутовстве, а Конрой ударил мексиканца ножом». Нет, так, пожалуй, не пойдет,— прервал

сам себя Гэбриель.— Получается некрасиво, как вам кажется? Он ведь послабее меня и росточка маленького, вроде вас. Нет! Мы расскажем другую историю. На меня напало сразу семеро; Рамирес и дружки его облепили меня со всех сторон, мы дрались отчаянно целый час. Потом мне пришлось туго, и я полоснул его ножом. Вот и вся история! Теперь надо объяснить, почему я скрылся? Вы скажете, что я, увлекшись дракой, совсем позабыл, что наутро непременно должен быть в Сакраменто; а как вспомнил, то побежал что было прыти. Могут спросить и о том, куда делась Жюли. Тут вы скажете, что она совсем потеряла голову, когда я не вернулся домой, и в ту же ночь отправилась меня искать. Конечно, в речи вы разукрасите все это, какие-нибудь стишки вставите, шпильки против обвинителя, ну, словом, как у вас в суде полагается.

Максуэлл поднялся с отчаянием в лице:

— Значит, вы решили признать себя...

— Виновным в убийстве! Вот именно! — подхватил Гэбриель.

— Но не просто виновным,— добавил он с лукавой искоркой в глазах,— а виновным со смягчающими вину обстоятельствами. Раз на меня напало сразу семеро, я ведь должен был как-то защищать свою жизнь. Впрочем,— поспешил добавить Гэбриель,— я в темноте не сумел разглядеть, кто были эти семеро, и не имею подозрений ни на кого из жителей Гнилой Лощины.

Сумрачный Максуэлл подошел к окошку и долго стоял так, глядя на улицу, не произнося ни слова. Потом быстрым движением он обернулся к Гэбриелю; лицо у него посветлело, взгляд стал спокойнее.

— Где сейчас Олли?

Гэбриель сразу сник. С минуту он молчал.

— В пансионе в Сакраменто. Я как раз собирался ее навестить.

— Пошлите за ней. Мне нужно с ней увидеться.

Гэбриель положил юристу на плечо свою могучую руку.

— Ребенку не следует ни о чем знать. Понятно?! — сказал он, начав с просительных нот, но кончив внушительным предупреждением.

— Все равно вы ничего не сумеете скрыть от нее,— резко возразил Максуэлл.— Через двадцать четыре часа все газеты в штате сообщат об убийстве с подробными ком-

ментариями. Нет, вы должны повидаться с ней и сообщить обо всем лично.

— Но я... не могу сейчас... видеться с ней,— сказал Гэбриель. Впервые за все время голос его дрогнул.

— Этого никто от вас не требует,— живо возразил адвокат.— Предоставьте все дело мне. Я побеседую с ней, а вы увидите позже. Не бойтесь, я не стану настраивать ее против вашего решения. Напишите ее адрес. И поскорее,— добавил он, услышав за дверью голоса и чьи-то приближающиеся шаги. Гэбриель написал адрес.— Теперь последняя просьба... — быстро сказал Максвелл.

Шаги были уже у самой двери.

— Да,— сказал Гэбриель.

— Если вы дорожите головой и любите Олли, держите язык за зубами.

Гэбриель кивнул с понимающим видом. Дверь распахнулась, и вошел Джек Гемлин, чертовски самоуверенный, дерзкий, полный отчаянных замыслов. Помахав Максвеллу как старому знакомому, он легким шагом приблизился к Гэбриелю и протянул ему руку. В ответ — и как бы испытывая при том некое магнетическое притяжение, Гэбриель протянул Джеку свою; белые нервные пальцы игрока утонули в его могучей ладони.

— Счастлив познакомиться, дружище,— сказал Джек, ослепительно улыбаясь и силясь дотянуться второй, незапятой рукой до плеча Гэбриеля.— Счастлив познакомиться, хоть вы и отбили у меня работенку, которую, скажу вам по секрету, мне не терпелось доделать самому; днем раньше, днем позже я все равно прикончил бы мексиканца. Но тут встречаете вы и перехватываете у меня, можно сказать изо рта, лакомый кусочек. Да не волнуйтесь, Мак! — сказал он, уловив предостерегающий взгляд, который юрист бросил Гэбриелю.— Он отлично меня понимает, и все мы здесь друзья. Пригласите меня свидетелем, и я под присягой покажу, что этот ублюдок Рамирес добрые полгода набивался, чтобы его хватили ножом. Будь я трижды проклят! Просто не верится, что не я это сделал!

Джек замолчал, отчасти — чтобы насладиться очевидным испугом Максвелла, отчасти — зачарованный испанской внешностью своего нового друга. Максвелл решил использовать выгодный момент,

— Вы можете оказать вашему приятелю большую услугу,— сказал он Джеку, понижая голос.

Джек рассмеялся.

— Да нет, Мак, из этого ничего не получится. Они просто мне не поверят. Да и где мы разыщем таких присяжных и простофилю судью?

— Вы меня неправильно поняли,— возразил Макссуэлл, смущенно рассмеявшись в свой черед.— Я не про то, Джек. Этот человек как раз направлялся в Сакраменто, чтобы поглядеть там сестренку...

— Отлично,— сказал Джек, сразу принимая очень торжественный тон,— можете не продолжать. Дальше я знаю сам. «О брат мой любезный, поедem домой!..» Все в порядке. Я отправлюсь навестить очаровательное, юное, семнадцатилетнее создание. Глаза — синие-синие, вся в кудряшках! Он навещал ее каждую неделю. Она спросит меня: «Где же он, почему его нет?» А я отвечу ей... — Он остановился в самом разгаре своей пародийной речи, заметив выражение укора и простодушной печали на лице Гэбриеля.— Послушайте,— сказал он Макссуэллу, сразу вспыхнув,— что вы мне толкуете?

— Я вам дело говорю,— сказал Макссуэлл.— Он должен был навестить свою сестру. Она совсем еще ребенок. Сейчас, конечно, об этом не может быть и речи, но им все равно нужно увидеться, если только удастся привезти ее сюда. Возьметесь вы за это? Можете нам помочь?

Джек бросил быстрый взгляд на Гэбриеля.

— Договорились,— решительно сказал он.— Когда выезжать?

— Сейчас же. Немедленно.

— Отлично. Куда ее привезти?

— В Гнилую Лощину.

— Ставок больше нет! — подытожил Джек.— Завтра к закату солнца я привезу ее.— Он выбежал с быстротой молнии, потом так же стремительно вернулся и отозвал Макссуэлла к дверям.— Хотел предупредить вас,— прошептал он,— лучше, чтобы шериф не знал, что я держу его руку,— он мотнул головой и сверкнул карими глазами в сторону Гэбриеля.— Мы с Джо Холлом больше не друзья. У нас в прошлом году в Мэрисвилле вышло недоразумение, поспорили малость, постреляли. Джо, вообще говоря, парень неплохой, но не лишен предрассудков; мое участие может повредить нашему делу.

Максуэлл наклонил голову. Джек исчез.

Когда он вбежал к себе в номер, то был так взволнован и на щеках его горел такой яркий румянец, что верный Пит встревожился не на шутку.

— Господи боже, масса Джек, неужто вы опять пили, когда доктор вам запретил настрого? — спросил он, горестно всплескивая руками.

Для Джека в его нынешнем смешливом настроении вопрос Пита был чистой находкой. Громко икнув и искусно представившись пьяным, он бросился на своего слугу и повалил его на пол; после чего, ухватив колодку для снятия сапог и замахнувшись ею над самой головой Пита, грозно потребовал «еще бутылочку!». Потом рассмеялся, а потом, поднявшись на ноги, напустил на себя вдруг страшную серьезность и уже совершенно иным тоном грозно спросил лежащего на полу Пита, как смел тот напиться до такого состояния, что не может устоять на ногах.

— Силы небесные! Вы меня совсем перепугали, масса Джек. Я подумал, что туристы там, наверху, напоили вас.

— Ах, вот что ты подумал, беспутный старый бродяга! Если бы ты прилежнее читал «Руинь» Вольнея или поразмыслил хоть раз над теми моральными идеями, которые я, не щадя сил и здоровья, внушаю тебе уже столько лет, ты, наверное, реже напивался бы допьяна и меньше предавался нелепым фантазиям. А теперь уложи мой чемодан и клади в первую же запряженную двуколку; чью — неважно! И поживес!

— Мы едем в Сакраменто, масса Джек?

— *Мы?* Нет, сударь мой! Я еду один! Таково мое твердое решение, Пит, принятое по зрелом размышлении, после многих бессонных ночей. Я пришел к выводу, Питер, что более жить вместе с тобой я не в силах. Слишком часто позволял я тебе играть на своих лучших чувствах, слишком долго издевался ты над моими нравственными и религиозными убеждениями. Во что ты превратил меня за эти пять лет? В духовную руину! Ты проиграл меня, Пит, проиграл по маленькой; в банке — пусто! Попробуй вспомни меня, каким я попал тебе в лапы пять лет тому назад, — холодно продолжал Джек, расчесывая перед зеркалом свои кудри, — чистый, простосердечный юноша, на пороге зрелости, неопытный, впечатлительный, не знакомый с житейскими плутнями, с превратностями бытия. И что же сотворил ты со мной? Что? — спрашиваю я. Что? — отвечает мне громогласное эхо. Нет, Питер, губитель юности, со- вратитель малолетних, я не в силах оставаться более с тобой. Прощай, лицемерный старик, с бровями, подобными земляничным кустикам, прощай навеки!

Очевидно, этот высокаторжественный стиль беседы был не в новинку для Пита, потому что он принялся за ук-

ладку чемодана, не обращая ни малейшего внимания на ораторские ухищрения своего хозяина. Покончив с укладкой и поглядев на мистера Гемлина, который то бросал на него полные глубокой укоризны взгляды, то напевал грустным голосом: «Нам пора расстаться...» — Пит взвалил чемодан на плечи и сказал:

— Ах, масса Джек, уж не замешана ли тут женщина, как на той неделе в миссии?

— Твоя гипотеза, Питер, — возразил мистер Гемлин с большим достоинством, — лишь свидетельствует о глубине твоего морального падения. Да и можно ли было надеяться, что твой слабый интеллект, и без того подточенный беспробудным пьянством, выдержит все эти молитвенные собрания, что ты посещаешь, братские собеседования, трапезы с распухшими от пива трясунами? К тому же я получил верные сведения, что ты промышляешь мелким шулерством и плутуешь, играя в лото. Прощай! Жди меня здесь. Если я не вернусь до послезавтра, поедешь в Гнилую Лощину. Заплати по счету. Не бери со сдачи более семидесяти пяти процентов. Помни, что я стар и немощен; ты же молод, перед тобой блестящее будущее. Ну, поехали!

Он швырнул на кровать пригоршню золотых монет, старательно надел цилиндр на свою кудрявую шевелюру и вышел из комнаты. В нижнем холле он задержался на минуту, отвел в сторону мистера Рейнора и с педантической серьезностью уточнил свой утренний рассказ о гигантской сосне, в выдолбленном стволе которой, по словам Джека, однажды счастливо обитало целое племя калифорнийских индейцев, не менее ста человек; сейчас он извинился, что по рассеянности преуменьшил диаметр сосны на целых два фута! Учтиво приподняв свой цилиндр, мистер Гемлин простился с супругой путешественника и, не обращая внимания на их наставника и компаньона, вскочил в двуколку и был таков.

— Интересный человек, — сказал Рейнор, глядя вслед облаку пыли, скрывшему стремительную колесницу мистера Гемлина.

— И такой любезный, — присоединилась миссис Рейнор.

Однако страж и хранитель моральных устоев города Сан-Франциско и его окрестностей принял суровый вид и отверг даже эти умеренные комплименты по адресу уехавшего.

— И сам он, и вся их братия — бич Калифорнии. Не уважают законов; препятствуют своим мотовством насаждению бережливости и экономии; потребляют, ничего не производя; а в глазах тех, кто легкомысленно готов при-

нять их за истых калифорнийцев, пятнают честное имя нашего края.

— Что же прикажете делать, — возразила с недовольной гримаской миссис Рейнор, — если ваши игроки и головорезы так обаятельны, а старатели настоящие чудовища? Прирежут человека, а потом садятся с вами завтракать как ни в чем не бывало!

Журналист долго думал, прежде чем ответить. Затем он выступил с речью, мало примечательной как по форме, так и по содержанию, которую я здесь не привожу полностью из-за отсутствия места. Он заявил, что в Калифорнии существует Свободная Пресса, неустанно «бичующая», «вскрывающая» и «разоблачающая»; что она является Покровом Добродетели и Сторожевой Башней Прогресса, а также выполняет множество других полезных функций, положенных всякой Свободной Прессе во вновь населенном крае, свободном от удушающих пут упадочной цивилизации.

— Ну, а что же будет с убийцей? — спросил мистер Рейнор, подавляя легкий зевок.

— А его уже с полчаса как повезли в Гнилую Лощину. Наверное, там и будут держать, — сказал один из зевак, стоявший поблизости. — По тому, как складываются дела, он там не заскучает.

— Что вы хотите этим сказать? — с интересом спросил мистер Рейнор.

— Да вот с минуту назад туда проскакали с ружьями несколько виджилянтов из поселка Ангела, — вяло ответил его собеседник. — Может, оно ничего и не значит, но, сдастся мне, похоже это...

— На что похоже? — прервал его мистер Рейнор с тревогой в голосе.

— На суд Линча.

Глава 3

В КОТОРОЙ МИСТЕР ДАМФИ ОКАЗЫВАЕТ ДОВЕРИЕ ПУАНЗЕТУ

Прохладная погода, установившаяся наутро после памятной беседы мистера Дамфи с полковником Старботтлом, помогла банкиру вернуть потерянное душевное равновесие. Правда, ему вспомнилось, что он пригласил зачем-то

полковника Старботтла в гости, и теперь его страшила перспектива встретиться на людях с этим человеком, наглость которого не уступала его собственной. Подкрепив себя глотком чистого живительно воздуха, убедившись, что клерки по-прежнему ему послушны, а коллеги-бизнесмены почтительно внимают его советам, Дамфи послал записку Артуру Пуанзету с просьбой посетить его. Названный джентльмен явился точно в указанное время и не скрыл некоторого удивления, когда мистер Дамфи, позвав секретаря, приказал ему никого больше не принимать и ни под каким видом не прерывать их беседы. После этого мистер Дамфи изложил гостю содержание вчерашнего разговора с полковником Старботтлом, причем сделал это столь четко и лаконично, что Артур не мог не восхититься его деловым стилем, вполне отвечавшим личным качествам банкира — и даже доведенный им до определенной степени совершенства.

— Итак, жду вашего совета. Потому вас и позвал. Своего юрисконсульта, понятно, посвящать в это не хочу. Что вы имеете предложить?

— Прежде всего один вопрос: допускаете ли вы, что ваша жена жива?

— Нет, — быстро ответил Дамфи, — но все возможно.

— В таком случае разрешите вас успокоить; она — мертва.

— Знаете это наверняка? — спросил Дамфи.

— Наверняка. Умершая женщина, которую приняли за Грейс Конрой, и была ваша жена. Я понял это сразу, потому что знал, что Грейс Конрой в момент разыгравшейся трагедии в лагере не было.

— Почему же вы не исправили ошибку?

— Это уж мое дело, — высокомерно возразил Артур, — а мы, если я правильно вас понял, встретились сейчас, чтобы обсуждать ваше дело. Вашей жены нет в живых.

— Тогда, — сказал мистер Дамфи, деловито поднимаясь из-за стола, — если вы согласитесь официально это засвидетельствовать, вопрос можно считать исчерпанным.

Артур остался на месте; ни один мускул на его лице не дрогнул; он внимательно смотрел на банкира. Потоптавшись, мистер Дамфи присел снова и бросил на Артура вызывающий, но в то же время неуверенный взгляд.

— Так что же? — спросил он.

— Вы ничего больше не желаете мне сказать? — спо-

койно осведомился Артур.— Только просите меня засвидетельствовать, что ваша жена умерла?

— Не знаю, что у вас на уме,— сказал Дамфи, тщетно пытаясь изобразить простодушие.

— Сейчас узнаете, мистер Дамфи. Вы ведь довольно опытный делец. Не думаете же вы, что лицо, которое направило к вам полковника Старботтла,— будь то мужчина или женщина, в данном случае безразлично — на самом деле полагает, что вы не сумеете официально удостоверить смерть вашей жены? А что, если он или она считают, что вы сами откажетесь от судебного расследования, пойдете на все, чтобы избежать какой-либо огласки?

Мистер Дамфи задумался, прикусив губу.

— Конечно,— сказал он отрывисто,— мои конкуренты могут пустить слух, что я бросил жену...

— И ребенка,— добавил Артур.

— Да, и ребенка,— злобно повторил Дамфи,— что я бросил их в беде и не вернулся за ними. Газеты могут подхватить эту клевету, если я не заткну им глотку деньгами. Ну и что с того? Бросил жену? Кого этим удивишь в Калифорнии?

— Никого,— ответил Артур с насмешкой, хотя отлично понимал, что насмешка относится и к нему самому.

— Так мы не сдвинемся с места,— раздраженно сказал Дамфи.— Что нам следует предпринять? Ответьте на этот вопрос.

— Поскольку мы оба знаем, что ваша жена действительно умерла, наша первая задача выяснить, кто стоит за полковником Старботтлом. Как видно по всему, это человек, знающий наши тайны не хуже нас, а может быть, и лучше. Кто бы это мог быть? Посчитаем, кто остался в живых: вы, я, возможно, Грейс...

— Вы думаете, проклятая девчонка осталась в живых и теперь заварила эту кашу? — вскричал Дамфи.

— Нет,— спокойно возразил Артур,— ее не было в то время с лагере.

— А Габриэль?

— Маловероятно. Кроме того, вы с ним в приятельских отношениях.

— А что, если... — Дамфи осекся, и в глазах его вспыхнули злоба и страх.

Артур заметил волнение собеседника, но спокойно, как и прежде, сказал:

— Кого вы имеете в виду?

— Да нет, просто так... Я подумал, что Гэбриель мог довериться какому-нибудь аферисту.

— Едва ли он стал бы рассказывать такие подробности.

— Ну что ж,— сказал Дамфи, раздражаясь своим лающим смехом,— если уж мне придется финансировать похороны миссис Дамфи, надеюсь, вы проследите, чтобы она больше не воскресла. Узнайте, кто прячется за Старботтлом и сколько он хочет получить. Раз платы все равно не миновать, уплатим поскорее и покончим с этим делом. Рассчитываю на вас.

Он поднялся, давая понять в своей обычной манере, что вопрос исчерпан и он более не задерживает посетителя.

— Дамфи,— сказал Артур, продолжая сидеть и, как и прежде, оставляя намек банкира без всякого внимания.— В двух случаях мы наверняка останемся внакладе, если недостаточно откровенны с лицом, у которого просим помощи: когда обращаемся к врачу и когда обращаемся к адвокату. Можно извинить больного, когда он что-то скрывает от врача: он пытается надуть самого себя. Но к чему таиться от адвоката? Вы, я вижу, не лучше других. Ищете у меня поддержки и в то же время скрываете важнейшую причину, по которой вы предпочли бы похоронить все дело в снегах Голодного лагеря.

— Не знаю, о чем вы толкуете,— сказал Дамфи, снова усаживаясь в кресло.

— Тогда послушайте, что я скажу; быть может, вам станет яснее. Я познакомился с покойным доктором Деварджесом за несколько месяцев до того, как мы встретили вашу партию. Мы сблизились с ним; он часто рассказывал мне о своих научных открытиях; я слушал его с интересом. Помню, что в его бумагах не раз встречались описания и топографические зарисовки ценных, как он считал, рудных месторождений в предгорьях. В то время теории и расчеты Деварджеса казались мне фантастическими, и я не придавал им значения. Тем не менее когда мы оказались запертыми в Голодном лагере и доктор Деварджес решил, что дни его сочтены, я исполнил его просьбу и надежно захоронил его бумаги и коллекции у Моньюмент Пойнта под пирамидкой из камней. После всех трагических событий, когда я приехал в лагерь со спасателями, я обнаружил, что тайник вскрыт, а бумаги и коллекции брошены в снег. Мы решили тогда, что это дело рук миссис Брэкет; в поисках пищи она разрыла яму, выкинула все наружу и умерла от яда, которым были опрысканы чучела птиц.

Он помолчал и поглядел на Дамфи, но тот не проронил ни слова.

— Так вот, — продолжал Арчер, — как и все в Калифорнии, я с интересом, подчас с изумлением следил за вашей финансовой карьерой. Как и прочим вашим друзьям, мне было весьма приятно видеть, какой исключительный успех сопутствует вашим рудным открытиям. Но, в отличие от остальных ваших друзей, я хорошо знал, что почти все столь удачно открытые вами жилы и россыпи значились в бумагах доктора Деварджеса.

Грубо хохотнув, Дамфи вскочил на ноги.

— Вот оно что! — яростно вскричал он. — Значит, открываете карты? Значит, я обратился по точному адресу и нам не нужно больше искать, кто выдает себя за мою жену! Продолжайте ваш интересный рассказ, послушаем, что будет дальше. Сколько вы с меня потребуете? И что скажете, если я не дам ни гроша?

— Прежде всего я требую, — сказал Артур, поднявшись и устремляя на противника холодный злоеющий взгляд, — чтобы вы немедленно взяли назад свои слова и принесли бы мне извинения. Если вы не сделаете этого, клянусь, я задушу вас собственными руками!

Взревев от злобы, Дамфи сделал было шаг, чтобы броситься на Пуанзета. Тот не шевельнулся. Минута прошла; Дамфи вернулся к здравому рассуждению. Драка с Пуанзетом привлечет свидетелей — в том числе и таких, которые могут знать кое-что о причинах этой драки. Даже если он выйдет сейчас победителем, Артур — разве только он убьет мальчишку на месте — сделает все, чтобы в дальнейшем поквитаться и разоблачить его. Дамфи опустил в кресло. Если бы Артур знал, как невысоко ценит мистер Дамфи свою честь, он меньше бы торжествовал по поводу одержанной победы.

— И не думал даже подозревать вас, — пробормотал Дамфи с натянутой улыбкой, — мы же друзья; надеюсь, вы извините меня. Я только хотел сказать, Пуанзет, что вы заблуждаетесь насчет этих бумаг. Клянусь вам! Конечно, неосведомленному человеку такое совпадение может показаться странным. Что с того? Юридически все в порядке.

— Только в том случае, если у Деварджеса нет наследников или друзей.

— У него их нет.

— А жена?

— Ерунда! Они были в разводе.

— Вот как! А помнится, вы мне говорили, что она вдова и наследница Деварджеса.

— Какое это имеет сейчас значение? — раздраженно сказал Дамфи. — Послушайте-ка! Вы знаете не хуже моего, что сколько бы Деварджес ни открыл рудных месторождений, они не стоят ни черта; открыватель получает права лишь с того момента, когда он начал разработку руды или приступил к ее добыче.

— Я не о том говорю, — возразил Артур. — Никто не станет оспаривать ваши заявки или взыскивать с вас их стоимость. Вам могут предъявить другое обвинение. Вскрытие тайника и изъятие бумаг может быть квалифицировано как кража со взломом.

— А как они докажут свое обвинение?

— Это другой вопрос. Давайте не будем отвлекаться от главного. Дело обстоит так: некая самозванка объявила себя вашей женой; мы с вами знаем, что она самозванка, и хотим ее разоблачить; она понимает это, но в то же время рассчитывает, как только вы поднимете руку, нанести вам еще более опасный удар.

— Значит, прежде всего надо узнать, кто она, что ей известно и чего она хочет, не так ли? — сказал Дамфи.

— Нет, — спокойно возразил Артур, — прежде всего надо установить, что ваша жена действительно скончалась, а для этого необходимо доказать, что в тот момент, когда обнаруженный спасателями труп вашей жены был объявлен мертвым телом Грейс Конрой, сама Грейс Конрой была жива и здорова. Как только вы это докажете, отчет спасательной экспедиции, как юридический документ, перестанет существовать; тем самым отпадет и опасность дальнейшего расследования по делу о разграблении тайника. Отчет — единственная улика против вас. Конечно, компрометируя этот документ, вы компрометируете и его автора. Я участвовал в его составлении, следовательно, я не могу выступать свидетелем в вашем деле.

Дамфи был несколько обескуражен последним выводом; в то же время он не мог не отдать должное этому ловкачу, так искусно ускользавшему от всякой ответственности.

— Что, конечно, не помешает вам, — холодно заключил Артур, — удостоверить с помощью других свидетелей, что Грейс осталась жива.

Дамфи сразу вспомнил о Рамиресе. Вот человек, лично видевший Грейс, беседовавший с ней, когда она в отчаянии доказывала испанскому *команданте*, что отчет ложен, что

она и есть настоящая Грейс Конрой. Лучшего, более надежного свидетеля не найти! Но, чтобы вызвать Рамиреса свидетелем, нужно во всем довериться Пуанзету, рассказать о самозванстве госпожи Деварджес, назвавшейся именем Грейс Конрой, о собственном участии в этой афере. Дамфи заколебался. Но его так мучило сомнение, не участвует ли госпожа Деварджес в этой нацеленной против него интриге, ему так хотелось посоветоваться с Артуром, что, пораздумав еще с минуту, он решил пойти на риск. В том же деловом стиле, в котором он передал своему собеседнику разговор с полковником Старботтлом, он теперь изложил всю историю самозванства госпожи Деварджес, завершившегося стремительным и счастливым превращением из сестры Гэбриеля Конроя в его жену. Артур слушал с неослабеваемым интересом, на щеках у него выступил румянец. Когда Дамфи кончил, он еще некоторое время сидел молча, как видно, погруженный в свои мысли.

— Так что же вы думаете? — спросил наконец Дамфи, потеряв терпение.

Артур пришел в себя.

— Могу сказать одно, — заявил он, вставая и надевая шляпу с видом человека, выяснившего наконец все, что ему требовалось, — ваша откровенность спасла меня от многих хлопот.

— То есть? — спросил Дамфи.

— Можно больше не выяснять, кто выступает в роли вашей жены. Это — миссис Конрой, она же госпожа Деварджес, она же Грейс Конрой. Рамирес будет вашим свидетелем, и вам не придется очень долго его упрашивать.

— Значит, вы считаете, что мои подозрения правильны?

— Я еще не знаю пока, на чем вы их основываете, но вот перед нами женщина, пользующаяся огромным влиянием на мужчин, в подчинении у нее находится Гэбриель, единственный человек на свете, не считая нас двоих, кто знает, что вы бросили свою жену в Голодном лагере и что я спрятал в тайнике бумаги доктора Деварджеса. Ему известно и то, что вы были осведомлены о тайнике; он знает, где был расположен тайник и что в нем было спрятано. А известно ему это потому, что он присутствовал, когда Деварджес ночью давал мне свои последние предсмертные поручения и когда вы, Дамфи — прошу прощения, конечно, но нам придется в данном случае точно придерживаться истины, — когда вы стояли, подслушивая под дверью, и перепугали Грейс своим волчьим выражением лица. Не

стоит отрицать; она сама мне об этом рассказывала. Если бы вы не подслушивали в ту ночь, у вас не было бы сведений, которые вы сумели использовать с такой выгодой для себя; если бы она не увидела вас, у нее не хватило бы решимости бежать со мной.

Оба были сосредоточенны и бледны. Артур направился к двери.

— Я зайду к вам завтра, когда составлю более обстоятельный план защиты,— сказал он рассеянно.— Нам,— он подчеркнуто употребил множественное число,— нам с вами предстоит борьба с опасной женщиной, которая еще может нас перехитрить. Вся надежда на Рамиреса; помните, что он наш союзник; держитесь за него обеими руками. До свидания!

Пуанзет исчез. Едва успела закрыться за ним дверь, как в кабинет вбежал клерк.

— Вы приказали не беспокоить вас, сэръ, но прибыла срочная депеша из Уингдэма.

Дамфи машинальным движением вскрыл депешу и едва прочитав первую строчку, закричал:

— Верни джентльмена, который у меня сейчас был. Нет, погоди! Не надо! Ступай к себе!

Клерк поспешил удалиться. Мистер Дамфи присел за стол и еще раз перечел поразившее его сообщение.

«Уингдэм, 7-е, 6 часов утра. Вчера вечером на холме Конроя убит Виктор Рамирес. Гэбриель Конрой арестован. Миссис Конрой пропала без вести. Царит возбуждение. Все против Конроя. Жду указаний. Фитч».

В висках у мистера Дамфи стучали последние слова Пуанзета: «Вся надежда на Рамиреса! Держитесь за него обеими руками!» И вот Рамиреса нет. Единственный свидетель исчез. Убийца — Гэбриель Конрой, их общий враг. Значит, оправдались худшие подозрения! Что теперь делать? Послать немедля за Пуанзетом! Пересмотреть весь план защиты! Завтра будет поздно!

А может быть, не так уж страшно?! Один противник сидит в тюрьме по обвинению в убийстве; другой, миссис Конрой, истинная убийца Рамиреса — Дамфи ни минуты не сомневался в этом,— бежала от ареста. Зачем ему теперь свидетели?! Всех троих заговорщиков скосила судьба; он может радоваться! На минуту мистер Дамфи был охвачен порывом глубочайшей признательности к некоему высшему существу, то ли к самому господу богу, то ли к приставленному к нему ангелу-хранителю, проявившему та-

кую исключительную заботу о его благополучии. У него даже шевельнулось в душе смутное чувство, пробуждающееся, увы, у многих из нас в подобной ситуации, что это ниспосланное ему избавление от опасности должно служить безмолвным признанием свыше его добродетели. Добродетель (Дамфи) торжествует над пороком (Гэбриель Конрой и др.).

Судебного процесса и газетной шумихи, конечно, не избежать; не исключено и то, что этот человек, в страхе за свою жизнь, пустится на разоблачения. А как быть уверенным, что миссис Конрой не объявится вдруг опять? И можно ли рассчитывать на ее нейтралитет? Привязанность ее к мужу, очевидно, сильнее, чем он предполагал; ради его спасения она может пойти на многое. Как могла женщина с таким характером унизиться до подобной слабости? Почему бы ей было не прикончить разом и Гэбриеля? Милость судьбы оказалась все же продуманной не до конца; мистер Дамфи чувствовал, что как практический, деловой человек он легко мог бы ее усовершенствовать. Но в этот момент его посетила счастливая мысль — дьявольски счастливая мысль! И он тотчас взялся за перо. Должен заметить, что, хотя многие утверждают, будто злодейство драматично, мистер Дамфи в этот момент ничем не отличался от сотен других поглощенных своим делом бизнесменов. Из его бледно-голубых глаз не сыпались искры; на гладко выбритом лице, в уголках рта не таилась сатанинская улыбка; с влажных губ не срывались лихорадочные проклятия. Он водил пером по бумаге не теряя времени, но и без излишней спешки; споро и методично. Написав с полдюжины писем, он аккуратно сложил их и запечатал, после чего, не доверяя этого дела никому, прошел сперва в канцелярию, а затем в бухгалтерию. Очевидно, об убийстве уже знали все; клерки стояли по двое, по трое; когда великий человек вошел и стал посреди комнаты, шум голосом умолк.

— Фитч, возьмите с собой Джэдсона и сегодня же вечером поезжайте в Гнилую Лощину курьерским дилижансом. По дороге не задерживайтесь, расходами не стесняйтесь. По прибытии отдадите письма адресатам; от них узнаете, что делать дальше. О всех подробностях дела сообщайте мне. Много ли у вас вложено в Лощину, мистер Пиблс? Точных сумм можете не называть.

— Сейчас больше обычного, сэр. Круглая сумма.

— Если кто-либо осмелится задеть наш банк в связи с убийством, произведете дополнительные вложения.

— Не следует ли мне, сэр,— почтительно осведомился

Фитч, — позаботиться о нашем управляющем, мистере Конрое?

— Наши корреспонденты укажут вам, как поступить, мистер Фитч; прислушивайтесь к общественному мнению. Личные отношения тут не играют никакой роли. Суд разберется, виноват Конрой или нет. Пора покончить с этими безобразиями, пятнающими Калифорнию. Когда репутация и деловая жизнь целого штата оказывается под угрозой из-за какого-то головореза, — заметив, что его с интересом слушают несколько солиднейших клиентов банка, мистер Дамфи поднял голос, — надо действовать быстро и решительно.

Если бы он, удаляясь в кабинет, не заключил свою речь привычным: «Бизнес есть бизнес!» — этот достойный Брута взрыв красноречия напомнил бы слушателям об утраченных добродетелях древности.

Глава 4

МИСТЕР ГЕМЛИН ВСТРЕЧАЕТ СТАРУЮ СИМПАТИЮ

На пути из Уингдэма в Сакраменто мистер Гемлин не потратил зря даже минуты. Его бешеная скачка, залитая грязью двуколка, загнанная лошадь не могли удивить никого, кто близко знал мистера Гемлина; а мнение остальных его мало интересовало. У него хватило, впрочем, благоразумия оставить двуколку в конюшне на окраине города. В ближайшем отеле он привел свой костюм в порядок, после чего быстро направился по данному Максвеллом адресу. Джек завернул на нужную улицу и даже успел прочесть на массивной, ярко начищенной дверной доске надпись «Пансион мадам «Эклер», как вдруг словно застыл на месте, громко выбранился и уже без всякой спешки зашагал назад.

Чтобы объяснить странное поведение мистера Гемлина, мне придется огласить один его секрет, который я, вообще говоря, предпочел бы утаить от моих читателей. Получив от Максвелла адрес Олли, Джек не вчитывался в него внимательно; подойдя же к самому дому, с ужасом убедился, что несколько месяцев тому назад вел головокружительную, хоть и довольно невинную, интрижку с од-

ной из воспитанниц именно этого пансиона; и именно по этому адресу направлял — к ужасу чопорной начальницы — свои неотразимые тайные послания. Если его узнают, вход для него будет закрыт; во всяком случае, ему откажут в доверии и не отпустят с ним Олли. Впервые мистер Гемлин пожалел, что за ним тянется слава погубителя женских сердец. Но он и не подумал отступить. Дойдя до главной улицы, он зашел сперва в парикмахерскую, потом в ювелирный магазин. Когда он снова направился к пансиону, лицо его было полузакрыто огромными черными очками; что же до холеных щелковистых черных усов Джека, то они и вовсе исчезли. Пусть вспомнит читатель, как заботился всегда этот шалопаи о своей красоте, тогда он оценит настойчивость мистера Гемлина, поймет, на какие серьезные жертвы тот шел!

И все же, когда Джека ввели в комнату для посетителей, душа его была беспокойна; он с тревогой ждал, как примет мадам Эклер его верительные грамоты, скрепленные подписью юриста Максвелла. Что его собственное имя насторожит начальницу, он не боялся; свою недолгую интрижку он вел под псевдонимом «Кларенс Спиффлингтон» — так подписывал он свои послания; эта причудливая фамилия отвечала его чувству юмора и выражала мимолетность его симпатии. Судьба оказалась снисходительна к Джеку: служанка вернулась и сообщила, что мисс Конрой сейчас спустится к гостю. Мистер Гемлин принялся поглядывать на часы; его терпение уже подходило к концу, когда дверь снова распахнулась и в комнату бесшумно впорхнула Олли.

Она была прехорошенькой. Открытый взгляд Олли и мальчишеская прямота, смягчаемая женственным изяществом, сразу очаровали мистера Гемлина, который вообще любил детей, но, подобно большинству мужчин, отдавал предпочтение красивым детям. Когда Олли вошла, она, как показалось Джеку, задыхалась от еле сдерживаемого смеха. Джек открыл ей объятия, но девочка предостерегающе подняла палец и, тщательно прикрыв за собой дверь, сказала шепотом:

— Она сейчас придет. Как только проскользнет мимо двери мадам.

— Кто? — спросил Джек.

— Софи.

— Какая Софи? — спросил Джек самым искренним тоном. Он понятия не имел, как звали его Дульцинею. В при-

зрачном мире их писем она фигурировала, как Лазоревая Мадемуазель; поводом для такого наименования послужило его любимое платье небесно-голубого цвета; уменьшительным и ласковым было «Лазоренька».

— Пожалуйста, не притворяйтесь, будто вы незнакомы,— сказала Олли, не давая Джеку обнять себя (Джек всегда целовал детей).— Ну, знаете, после этого я на ее месте вообще не стала бы с вами разговаривать,— добавила она с той не вполне искренней солидарностью, которую представительницы женского пола любят демонстрировать перед лицом общего врага.— А она-то следила из окна, как вы первый раз подошли к пансиону, как ушли назад, как вернулись со сбритыми усами! Она-то узнала вас! А вы спрашиваете, какая Софи?! Где ваши чувства? А скоро они отрастут? — спросила Олли, имея в виду в данном случае не чувства мистера Гемлина, а его усы.

Джек был поражен и встревожен. Поглощенный заботой, как обмануть дуэнью, он начисто позабыл о самой возлюбленной. Вот так задача!

— Разумеется,— поспешно сказал он, стараясь выразить на лице непритворную нежность.— Ах, Софи, душа моя! Но я привез и вам записочку.

Он вручил Олли нацарапанную кое-как записку Гэбриеля и напряженно, почти что затаив дыхание, ждал, пока девочка ее разберет. К ужасу его, она с безразличным видом отложила записку и сказала:

— Какой, право, простофиля этот Гэйб!

— Вы, конечно, выполните его просьбу? — спросил мистер Гемлин.

— И не подумаю,— быстро возразила девочка.— Вот еще новости! Вы не знаете его, мистер Гемлин; не проходит недели, чтобы он чего-нибудь не натворил! — Заметив удивленный взгляд Джека, она пояснила: — Вот хотя бы на прошлой неделе; присылает мне записку, чтобы я вышла к нему на угол. Зачем, когда он мне родной брат и имеет полное право зайти сюда. А сейчас он хочет, чтобы я ехала к нему в Уингдэм. Ни за что на свете!

— А если он сам не может к вам приехать?

— Почему же не может? Просто у него глупый застенчивый характер! Вы не знаете, у нас учится девушка из Сан-Франциско, Розы Ринграунд, и она чуточку влюблена в моего милого братца. Если он сумел доехать до Уингдэма, почему он не может доехать до Сакраменто, хотела бы я знать?

— Вы разрешите мне прочитать его записку? — спросил Джек.

Олли отдала ему записку Гэбриеля.

— Полно орфографических ошибок! Не позволяет мне их исправлять, увалень этакий!

Мистер Гемлин прочитал:

«Дарагая Олли, если эта ни навредит твоим занятиям и мадам и падружки нипротив, братиц Гейб ждет тибя в Уингдэме. Твой любищий брат Гэбриель».

Мистер Гемлин не на шутку задумался. Он решил скрыть от Олли всю важность предстоящей ей поездки и имел к тому не менее трех причин. Во-первых, Макссуэлл велел ему привезти девочку «без шума»; во-вторых, он знал, что стоит обронить хоть слово в этом пансионе — и не оберешься расспросов и прочей сочувственной кутерьмы; в-третьих — и это самое главное, — Джек хотел досыта насладиться поездкой с Олли в Уингдэм; втайне он льстил себя надеждой, что так или иначе выручит Гэбриеля из скверной заварушки, и не хотел напрасно пугать его маленькую сестру. Но как убедить Олли ехать. В голове у мистера Гемлина быстро сложился новый план.

— Значит, вы думаете, что Софи выйдет ко мне? — спросил он с внезапным интересом.

— Конечно, выйдет! — лукаво сказала Олли. — А вы это славно придумали, познакомились с Гэйбом и выпросили у него записочку ко мне. Впрочем, что с Гейба возьмешь: его всякий может обвести. Но вот она идет, мистер Гемлин; я слышу на лестнице ее шаги. Мне кажется, что вы легко обойдетесь здесь без меня.

Она выскользнула за дверь так же бесшумно, как и вошла, и в ту же минуту высокая, стройная, несколько вызывающего вида особа в синем платье вбежала в комнату.

Я в долгу перед мистером Гемлином, тайнами которого уже не раз и, быть может, без достаточной к тому необходимости делился с читателями этой книги; и потому его разговор с мисс Софи, совершенно секретный и неимеющий прямого отношения к нашему рассказу, я обойду молчанием. Скажу только, что он сумел убедить эту молодую особу в своей неизменной любви; и в том, что его затянувшееся молчание было вызвано нестерпимыми муками ревности; и в том, что он разработал и осуществил этот хитроумный план свидания с ней, повинувшись неукротимому желанию услышать из ее прекрасных уст свой приговор. Надеюсь, что ни один из читателей-мужчин не подведет мистера Гемлина; уповаю также, что не одна из снисходи-

тельных и доверчивых читательниц не усомнится в его искренности. Мистер Гемлин не без горечи поведал о своем унынии в дни долгой разлуки; Софи призналась со слезами, что заподозрила его в неверности. В заключение этой нежной и целительной для обоих сердец беседы мистер Гемлин сказал прочувствованным голосом:

— Я раздобыл эту записочку к Олли через верных друзей; не скрою, мне пришлось прибегнуть к обману; теперь, если девчонка откажется ехать, — а я вижу, к тому дело идет, — мне — зарез; хоть бросай карты под стол. Если ты искренна, Софи, если ты еще не совсем позабыла меня, если мы любим друг друга, пойди разыщи эту Олли. Приехать назад без нее, посмеяться над святой братской привязанностью, омрачить душу достойнейшего на свете человека, нет, это не по мне, это не моя игра! И что будет тогда с твоей репутацией, Софи! Заставь ее ехать со мной, чего бы это ни стоило! Шутки в сторону: открыл прикуп — играй!

Хотя метафоры мистера Гемлина носили несколько специфический характер, доводы его звучали убедительно, и негодующая Софи тотчас потребовала от Олли, чтобы та выполнила просьбу брата.

— Если не поедешь, противная девчонка, после того как мы доверили тебе нашу тайну, знай, никто в пансионе никогда ничего не расскажет тебе по секрету. Увидишь!

Это была очень страшная угроза, и, хотя «тайна» была доверена Олли всего полчаса тому назад и без малейшей просьбы с ее стороны, бедная девочка совсем растерялась, тут же сдала позиции, отнесла записку Гэбриеля к мадам Эклер и, получив от этой почтенной дамы разрешение навестить брата, не долее как через полчаса уже сидела в обществе мистера Гемлина в его двуколке.

Глава 5

ТРИ ГОЛОСА

Успокоившись относительно исхода своей миссии, ускользнув от собственнических взоров Софи и от еще более опасного надзора со стороны мадам Эклер, мистер Гемлин снова стал самим собой; он пришел в такое необыкновенно веселое настроение, что Олли, объяснявшая его восторг недавним свиданием с Софи, сочла необходимым отпустить несколько критических замечаний по адресу своей

подруги; поступая так, она получала возможность поквитаться с этой юной особой за недавние угрозы; а кроме того, она действовала в согласии с хорошо известным всем, хоть и недостаточно изученным законом женской психологии. К великому ее изумлению, критика Софи ничуть не повлияла на настроение мистера Гемлина; он и не подумал выступить в защиту своей дамы сердца. Внимательно прослушав речь Олли, он вдруг поглядел на ее густые золотистые кудри, выбивавшиеся из-под соломенной шляпки, и спросил:

— Ты бывала когда-нибудь в южных округах, Олли?

— Нет,— ответила девочка.

— А может быть, ездила хоть раз в Сан-Антонио, к родным или знакомым?

— Нет,— решительно повторила Олли.

Мистер Гемлин замолчал и занялся лошадью, которая почему-то решила перейти на галоп. Когда ему удалось вернуть ее к прежнему аллюру, он возобновил беседу:

— Там живет одна девушка, Олли!

— В Сан-Антонио? — спросила Олли.

Мистер Гемлин кивнул.

— Хорошенькая? — спросила девочка.

— Это не то слово,— ответил мистер Гемлин, сразу по-серьезнев.— Хорошенькая — не то слово.

— Красивее Софи! — спросила Олли не без лукавства.

— К чертям Софи! — Едва вымолвив это, мистер Гемлин поспешил осадить как себя лично, так и внезапно понесшую лошадь; оба проявляли сегодня непозволительную резвость, опасную для юной пассажирки.— Я хочу сказать, что их не следует сравнивать... Не той масти дама!..

Он снова смутился, на сей раз потому, что применил карточные термин.

— Ну конечно, ваша дама червонная, а Софи — пиковая! — сказала Олли.

И г р о к (в почтительном восторге). Да! Червонная дама! Как ты это славно сказала! Разве ты разбираешься в картах?

О л л и (с важностью). Еще бы! Все девочки в пансионе гадают на картах. Я — червонная дама; Софи — пиковая; вы — трефовый валет. *Послушайте (драматическим шепотом),* вчера мне выпало на картах письмо, дальняя дорога, смерть и неожиданная встреча с трефовым валетом. Трефовый валет — смуглый, черноволосый; это — вы.

М и с т е р Г е м л и н (узнав с огромным облегчением,

что власть четырех мастей распространяется на все грешное человечество). Раз уж зашла об этом речь, скажи мне Олли, вы там (указывая в направлении оставшегося далеко позади пансиона) беседуете когда-нибудь про ангелов? Какие они, ангелы, смуглые или светлокожие?

О л л и (озадаченно). На картинках?

Г е м л и н. Да (пытаясь оказать давление на свидетеля). Скажи: бывают они смуглые?

О л л и (решительно). Нет! Всегда светлокожие!

Д ж е к. Всегда светлокожие?

О л л и. Да, и какие-то дохлые к тому же.

Некоторое время они ехали в молчании. Потом мистер Гемлин затянул песню, хорошо известную в здешних местах; Олли подхватила таким прелестным голоском и так музыкально, что мистер Гемлин немедленно предложил петь дуэтом. И так они ехали, оглашая пением бесплодные, выжженные солнцем просторы Сакраменто; порою их исполнение было на должной высоте, иной раз хромало; одно можно сказать с уверенностью: как в щебете птиц и в стихах поэтов божьей милостью, в пении их не было и следа искусственности; истомленные путники на дорогах, неотесанные пастухи, грубияны возчики внимали звукам их песен, и в душе у всех пробуждались светлые чувства, как от птичьего щебета или от стихов вышеназванных поэтов. Когда же они остановились, чтобы подкрепиться в трактире, и Джек Гемлин ярко продемонстрировал в беседе с трактирщиком свою неслыханную самоуверенность, дерзкие манеры и готовность жестоко подавить малейшее сопротивление; и когда после этого им подали ужин, о котором более учтивый путешественник не посмел бы даже помыслить, Олли решила, что такого замечательного кавалера, как этот трефовый валет, у нее еще не было за всю ее жизнь.

Когда они снова выехали в своей двуколке, Олли принялась расспрашивать о брате и о домашних; довольно скоро выяснила, что Джек, собственно говоря, почти что не знаком с Гэбриелем.

— Значит, Жюли вы не знаете совсем? — сказала девочка.

— Жюли? — рассеянно спросил Джек. — А какая она?

— Не знаю, — нерешительно ответила Олли, — ее можно посчитать и червонной дамой и пиковой.

Джек задумался; потом, к большому удивлению Олли, принялся энергичными штрихами набрасывать портрет миссис Конрой.

— Вы же сказали, что никогда не видели ее? — вскричала девочка.

— Я и не видел, — ответил, рассмеявшись, игрок. — А ты знаешь, Олли, что такое блеф?

После коротких сумерек спустилась ночь; воздух похолодал. Недвижный силуэт далекого Берегового хребта четко выступил на пепельно-бледном закатном небе, потом пропал без следа, и на его месте загорелись звезды. Красноземная дорога, такая прямая и ровная в дневное время, потерялась в мгновенно воцарившейся тьме; исполинские стволы деревьев и прибрежные утесы то вдруг надвигались на них, преграждая путь, то вновь расступались перед уверенно правившим ездоком. Временами леденящие испарения из придорожных канав оевали Олли, словно дыхание раскрытой могилы, и она вздрагивала всем телом, хотя и была укутана в толстый дорожный плед мистера Гемлина. Джек вытащил фляжку и дал Олли отпить глоточек; девочка закашлялась; умудренная широким жизненным опытом, она безошибочно угадала вкус и запах виски. К ее удивлению, Джек тут же спрятал фляжку, даже не поднеся ее ко рту.

— Еще ребенком, Олли, — сказал весьма торжественно мистер Гемлин, — я поклялся своим престарелым родителям, что никогда не прикоснусь к виски, разве только по настоящему предписанию врача. Вот и вожу с собой на этот случай фляжку. Пока без успеха.

Было совсем темно, и девочка не смогла уловить взгляд мистера Гемлина. Как всякая истая женщина, она больше доверяла его глазам, нежели словам, что, впрочем, не всегда спасало ее от обмана. Она не ответила ничего; замолчал и Гемлин.

Немного погодя он сказал:

— Ах, какая это девушка, Олли!

С обычной проницательностью и чуткостью Олли разом определила, что речь идет о той самой девушке, что и час назад.

— Из южного округа?

— Да, — сказал мистер Гемлин.

— Расскажите мне о ней, — попросила Олли, — расскажите все, что знаете.

— Я почти ничего не знаю, — со вздохом признался мистер Гемлин. — Ах, Олли, как она поет!

— Под аккомпанемент рояля? — чуть покровительственно спросила Олли.

— Под аккомпанемент органа, — ответил Гемлин.

Олли, у которой представление об органе было связано с гастролями бродячего шарманщика, неприметно зевнула; довольно вяло она обещала мистеру Гемлину, что когда поедет путешествовать, то непременно завернет в те места и поглядит, что можно сыграть на столь примитивном инструменте. Джек усмехнулся и погнал лошадь. Немного погодя он сделал попытку растолковать Олли, что представляет собой церковный орган.

— Было время, Олли, я сам играл в церкви. Иной раз так увлекал их игрой, что они даже молиться забывали. Давненько это было! А одну арию я особенно любил и часто играл; это ария из мессы Моцарта; ее-то она и пела, Олли; сейчас я постараюсь показать тебе, как ее надо петь.

Джек запел хвалу скорбящей деве и очень скоро, как и подобает истому энтузиасту, полностью позабыл обо всем на свете, кроме исполняемой арии. Колеса стучали, рессоры скрипели, кобыла споткнулась и пошла галопом, потом зарысила снова, утлую двуколку швыряло из стороны в сторону, шляпка Олли совсем расплюснулась о его плечо, а мистер Гемлин все пел. Когда он кончил петь, то вспомнил о девочке. Она спала!

Джек был истый артист, влюбленный в свое искусство, но это не мешало ему оставаться здравомыслящим человеком.

— Я же сам напоил ее виски! — пробормотал он, как бы принося свои извинения Моцарту.

С величайшей осторожностью он перехватил вожжи левой рукой, а правой обнял и тихо притянул к себе маленькую закутанную фигурку так, чтобы соломенная шляпка и золотистые локоны надежно легли к нему на грудь. Застыв в этой позе, не шевеля ни единым мускулом, чтобы не потревожить спящую девочку, он подкатил в самую полночь к мерцающему огнями Фиддлтауну. Здесь он сменил лошадь и, отказавшись от услуг конюха, сам запряг ее в двуколку с такой непостижимой ловкостью и быстротой, что девочка, обложенная со всех сторон подушками и одеялами, которые Джек взял в займы у трактирщика, даже не шевельнулась во сне. Джек выехал из Фиддлтауна и начал трудный подъем к заставе на Уингдэм, а она продолжала спокойно спать.

До рассвета оставалось еще не менее часа, когда он достиг перевала; он придержал лошадь, лишь когда колеса двуколки ушли по ступицу в красноземную пыль уингдэмского тракта; предрассветная тьма казалась еще чернее от

гигантских сосен, с обеих сторон обступивших опасный, прихотливо вьющийся спуск в долину. Стояла тишина. Гемлин с трудом улавливал приглушенный пылью стук копыт своей лошади; тем не менее он уже дважды натягивал поводя и чутко прислушивался к каким-то таинственным звукам. Когда он различил доносящиеся сзади голоса и позвякивание мексиканских шпор, то был не на шутку озадачен; он был уверен, что никого не обогнал по пути. Потом мистер Гемлин вспомнил, что поблизости проходит лесная дорога, напрямиком на Гнилую Лощину; с полмили она идет параллельно уингдэмскому тракту и пересекает его где-то дальше. Голоса шли оттуда. Подъехав к перекрестку, мистер Гемлин натянул поводья и, скрытый тьмой и гигантскими стволами деревьев, стал пережидать неизвестных. Через несколько минут они проскакали мимо; но потом голоса слышались снова; как видно, всадники стали.

— Вот она, та дорога,— сказал Первый Голос.

Каждое слово было отчетливо слышно.

— И отлично,— откликнулся Второй Голос.— Самый прямой путь. Сэкономим не меньше часа.

— Нет, держитесь тракта,— вмешался Третий Голос.— Стоит Джо Холлу почуять неладное, и он сразу повезет арестованного в сакраментскую тюрьму, подальше от греха. А ехать ему по тракту; другой дороги нет. Значит, надо отрезать ему путь.

Джек Гемлин замер, весь превратившись в слух.

— Так лишний же час пути! — проворчал Второй Голос.

— Ничего, пусть ребята малость поскучают,— возразил Третий Голос.

Послышался смех, зазвякали шпоры, невидимые всадники медленно двинулись вперед по дороге.

Мистер Гемлин продолжал сидеть как каменный, пока голоса не умолкли вдали. Потом кинул быстрый взгляд на девочку; ее не потревожили зловещие голоса, от которых у ее спутника выступил румянец на щеках, а в темных глазах вспыхнул опасный огонь. С минуту мистер Гемлин предавался раздумью. Ехать дальше в Уингдэм можно было, лишь плетясь в хвосте у виджилянтов; но тогда он не сумеет поднять вовремя тревогу. Можно, конечно, погнать лошадь напрямиком в Гнилую Лощину; но он рискует упустить шерифа и арестованного, если их кто-нибудь уже предупредил и они пытаются пробиться в Сакраменто. Если бы не

спящая рядом малютка, он обогнал бы всадников, и вся недолга. Сейчас об этом нечего было и думать. Придется тащиться за ними до Уингдэма, оставить там девочку и скакать в обгон. Если они хоть на минуту задержатся в Уингдэме, он сумеет их опередить. Легкое чувство досады, с которым Джек только что поглядывал на обременявший его груз, сменилось щемящей жалостью. Держа девочку в объятиях и почти не дыша, чтобы не разбудить ее, он мечтал теперь лишь о том, чтобы довести ее до Уингдэма и сдать своему верному оруженосцу Питу раньше, чем она проснется и вздумает задавать ему щекотливые вопросы. Как большинство мужчин, мистер Гемлин больше всего на свете боялся женских слез; пусть даже прекрасный пол и представлен (как в данном случае) девочкой-подростком. Кроме того, он был не уверен в себе; опасался, что в нынешнем взбудораженном состоянии вдруг возьмет да и брякнет ей что-нибудь об опасности, угрожающей ее брату. Джек не помнил другого случая, чтобы он так близко принимал к сердцу чью-нибудь судьбу. Сам не зная, как это случилось, он словно проникся чувствами к Олли, глядел на происходящее ее глазами; если бы девочка сейчас заплакала, я не поручусь, что расчувствовавшийся Джек не зарыдал бы вместе с ней. Таково бессознательное действие взаимной симпатии! Он свободно вздохнул, когда уже на рассвете они вкатили в окрестности Уингдэма и кобыла устало зацокала по вымощенным речной галькой и измельченной горной породой городским улицам. Джек обрадовался еще больше, когда увидел, что Три Ночных Голоса, оказавшиеся при свете дня тремя вооруженными всадниками, придержали своих коней перед уингдэмской гостиницей, спешили и направились прямым путем в бар. Он вкусил высшее блаженство, когда минутой позднее, осторожно подхватив на руки спящую Олли, стремительно вбежал с нею по лестнице в свой номер. Далее он растолкал Пита, спавшего на чердаке, притащил его в номер полуодетого, еще не проснувшегося и подвел к своей постели, где, полупогребенная в пледах и пополах, лежала спящая девочка.

— Господи боже, масса Джек, да ведь это ребенок! — сказал Пит, отступая назад в изумлении и священном ужасе.

— Закрой пасть! — злобно прошипел Джек. — Или ты решил разбудить ее? Слушай, что я скажу, старый остолоп.

Если хочешь сохранить свой скелет в целости, так, чтобы потом продать с прибылью докторам, даже не думай будить ее. Пусть спит, сколько захочет! Если же она проснется и спросит обо мне, скажешь, что я уехал за ее братом. Понял?! Ни в чем ей не отказывай! Правды не говори! Ну, что ты еще задумал, глупая твоя башка?

Пит принялся осторожно растаскивать гору пледов и одеял, наваленных на Олли.

— Господи боже, масса Джек, вы же удушите малютку! — промолвил он, делая свое дело.

Приглядевшись и увидев, с какой нежностью негр возится с ребенком, Джек успокоился.

— Коня! — приказал он.

— Негде взять, масса Джек. Конюшни пусты. Расхватали всех лошадей — едут в Гнилую Лощину.

— У крыльца стоят три лошади, — сказал Джек с недобрый огнем в глазах.

— Ради господа бога, масса Джек, не делайте этого! — возопил Пит в сильнейшем испуге. — Они таких шуток не любят! Они убьют вас!

Но теперь, когда девочка мирно почивала у него на постели, а Три Голоса о чем-то хрипло переговаривались внизу, в баре, Джек обрел свою обычную форму.

— Я еще не решил, какую из трех возьму, — сказал он с глубоким спокойствием, — когда уеду, узнаешь от владельца. Скажешь, что мистер Джек Гемлин приказал кланяться и оставил ему в подарок двуколку и кобылу. Скажи, чтобы берег кобылу и не гнал под гору; тогда я гарантирую среднюю скорость — милю за три часа. Тсс! Ни слова больше! Прощай!

Он подошел к кровати, приподнял плед, чмокнул Олли в покрасневшую щеку, погрозил Питу кулаком и исчез.

Негр остался стоять как был, затаив дыхание. Когда он услышал частый, звонкий перестук копыт по сбегавшей вниз каменной дороге, ноги отказались служить ему и он присел на постель.

— Взял коня!.. Уехал!.. Милосердный боже!.. Здесь убивают за коня!..

В этот самый миг мистер Джек Гемлин на быстроногом мустанге, отнятом у Ночного Голоса, выставив правое плечо вперед и дерзко глядя навстречу восходящему солнцу, гнал перед собой клубы утреннего тумана по дороге на Гнилую Лощину.

МИСТЕР ДАМФИ ПОЗНАЕТ ЗЫБКость НЕДВИЖИМОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Мистер Дамфи уже полностью пришел в себя. В момент уныния он выпустил из рук несколько весьма важных дел; фактически почти загубил их; теперь он принялся наверстывать упущенное с такой энергией, что вызвал приступ энтузиазма у всех зависимых от него дельцов, которые все это время молили его об одном: дайте нам свое имя, спасите нас. Сейчас он освятил своим участием и финансовой помощью Общество поощрения иммиграции в Калифорнию. Общество отпечатало для распространения по всей стране миллион брошюр самого соблазнительного содержания, в которых расписывались природные богатства Калифорнии и ее исключительные преимущества для земледельца; там же утверждалось, что истратить 150 долларов на проезд в Калифорнию — это все равно что получить даровую ферму. При содействии мистера Дамфи Обществу удалось откомандировать в восточные штабы красноречивого мистера Блоухарда и неотразимого мистера Уиндигаста, чтобы представить эти факты непросвещенным тамошним жителям в устном изложении; он же привлек двух выдающихся калифорнийских статистиков, которые доказали черным по белому, что в Нью-Йорке за один только год от удара молнии и от мороза погибло больше людей, нежели в Калифорнии от железнодорожных катастроф и от руки бандитов за целых три столетия. В тот же день у мистера Дамфи родился гениальный план соединить посредством каналов Сан-Франциско с озером Тахо так, чтобы у каждого жителя города газон во дворике зеленел все лето напролет. Он также основал два новых банка, пустил новую почтовую линию и открыл климатический курорт с лечебными водами, целебность которых подтверждалась как авторитетным мнением специалистов, так и настойчивой рекламой; наконец он утвердил проект небольшого дачного поселка, который предполагалось назвать в его честь. Именно оттуда он и вернулся наутро после описанной беседы с Пуанзетом. От вчерашнего подавленного состояния не осталось и следа.

После ясной и тихой ночи утро выдалось туманное; ничего исключительного по летнему времени в том не было;

тем не менее, придя в контору, мистер Дамфи почувствовал в воздухе какую-то тяжесть, словно давившую ему на грудь; он скинул сюртук и развязал галстук. Потом он принялся за утреннюю корреспонденцию и начисто позабыл о погоде. Пришло письмо от миссис Сепульвида, в котором сообщалось, что родники в нагорье по непонятной причине иссякли, начался сильный падеж скота. Мистера Дамфи это касалось непосредственно, — он вложил деньги в скотоводческое ранчо миссис Сепульвида. Сейчас он решил, что придется проверить ее сомнительное сообщение о якобы иссякших родниках; все дело, конечно, в женской бесхозяйственности владелицы ранчо. Далее миссис Сепульвида осведомлялась о руднике Конроя и выражала намерение, опять же по-женски легкомысленное, немедленно забрать вложенные в него деньги. В конце она писала: «Должно быть, скоро увижусь с вами в Сан-Франциско. Утром Пепе сказал, что если судить по отметкам на скалах, ночью прилив был такой силы, какого не случалось с 1800 года. Меня тревожит близость моря; с весны думаю строиться заново». Мистер Дамфи хитро ухмыльнулся. Нечего завидовать Пуанзету! Вот вам женщина, на которой он задумал жениться; легкомысленная, недалёковидная; с огромным поместьем на руках и вместе с тем на грани разорения! Собралась, извольте видеть, ехать сюда за двести миль из-за какого-то дурацкого бабьего предчувствия! А будет совсем недурно, если этот молодец, которому удача сама бежит в руки, этот невозмутимый, элегантный, высокомерный Артур Пуанзет, даже не желающий замечать своей удачи, вдруг потерпит крушение и приплетется к нему, к Дамфи, просить совета и помощи! И главное, после того как его собственный совет и помощь по поводу этой истории с полковником Старботтлом оказались, собственного говоря, ни к чему! Вот тут он с ним и поквитается! Мистер Дамфи даже потер руки, предвкушая сладость мести.

Когда через несколько минут ему принесли визитную карточку полковника Старботтла, мистер Дамфи был очень доволен. Как раз сегодня доблестный полковник должен был явиться за ответом; как видно, Пуанзет не успел ни повидаться с ним, ни установить личность его таинственного клиента. Сейчас Дамфи положит полковника на обе лопатки без всякого участия и даже без ведома Пуанзета! Готовясь к схватке, а также желая унижить противника, он намеренно не спешил с ответом и добрые пять минут промариновал посетителя в приемной.

Когда полковник Старботтл был наконец допущен в кабинет, Дамфи сидел за столом с очень занятым видом. Он даже не шевельнулся, когда раскрылась дверь, и поднял голову лишь после того, как полковник танцующим шагом подошел к нему вплотную и, сняв висевшую на согнутой руке трость, демонстративно положил ее прямо на стол. Лицо у полковника было иссиня-багровым; грудь вздулась до последних пределов; чувствовалось, что еще мгновение — и он весь закипит и даже перекипит через ворот своего сюртука. Манеры полковника оставались, впрочем, педантично-изысканными.

— Минутку! Всего одну минутку, сэр! — любезно просипел он. — Прежде чем перейти к делу, мы посвятим одну-единственную минуту выяснению некоторых обстоятельств. Карточка, лежащая у вас на столе, была передана мною четверть часа тому назад одному из ваших подчиненных. Я желаю знать, сэр, была ли она вручена вам тогда же!

— Да, — раздраженно сказал мистер Дамфи.

Полковник Старботтл склонился над столом и преспокойно позвонил в колокольчик. В дверях появился клерк.

— Я хотел бы... — обратился к изумленному клерку величественно возвышавшийся над креслом мистера Дамфи полковник. — ...Я вызвал вас, чтобы извиниться за оскорбительные выражения, которые адресовал вам, а равно и за угрозу... гм... расправиться с вами лично. Оскорбили меня не вы, а ваш хозяин, который сейчас и принесет мне... гм... свои извинения. Впрочем, сэр, я готов в любой момент дать вам... гм... полное удовлетворение, после того, разумеется, как получу надлежащее удовлетворение от вашего... гм... хозяина.

Мистер Дамфи, которого столь близкое соседство полковника Старботтла повергло, как и в прошлый раз, в некоторое замешательство, натянуто улыбнулся и, приказав знаком ошеломленному клерку удалиться, сказал торопливо и с претензией на фамильярность:

— Прошу прощения, полковник, прошу прощения! Уйма дел! Не обижайтесь! Получилась ошибка. Во всем повинны дела.

Откинувшись в кресле, мистер Дамфи испустил веселый лай, которым не часто жаловал своих собеседников.

— Рад слышать, сэр, охотно принимаю ваши извинения, — сказал полковник, обретя свое обычное добродушие, а вместе с ним и склонность к крепким выражени-

ям,— а то — сто чертей! — я решил уже, что дело идет к заварушке, вроде той, что у меня получилась с майором Толливером из Джорджии. Как сейчас помню, шел тысяча восемьсот сорок восьмой год, сессия конгресса в разгаре. Захожу я к нему, посылаю с негром визитную карточку. Десять минут — ответа нет. Немедля шлю приятеля с формальным вызовом (Джефф Бумаранг, бедняга! Его вскоре пристрелил Бен Постор в Новом Орлеане!). Так что же вы думаете,— сто чертей! — после второго выстрела майор подзывает меня к себе (а у него уже по дырке в каждом легком и не осталось, чем дышать). «Дьявольское недоразумение, Стар! — говорит он.— Слуга не передал мне твоей карточки. Всыпь проклятому негру от моего имени, Стар; мне уже не доведется». И умер,— сто чертей! — как истый джентльмен!

— Что вы имеете предложить? — поспешно спросил мистер Дамфи, не видя другого способа остановить этот бурный поток воспоминаний.

— Насколько я помню последнюю нашу беседу за стаканом вина в вашем доме, сэр, мы покончили на том, что дальнейшие предложения будут исходить от вас. Если я что-нибудь не так понял,— добавил грациозно полковник,— прошу прощения.

Мистер Дамфи уже совсем вознамерился нанести полковнику лобовой удар: сказать напрямик, что сообщница его бежала и что полковник волен теперь делать, что ему угодно, что мистеру Дамфи на все это наплевать. Но, повинаясь каким-то смутным опасениям, он решил действовать иначе. Он пододвинулся к полковнику и дружески похлопал его по плечу.

— Вы ведь светский человек, Старботтл? И я светский человек. Вы джентльмен? Я — тоже,— поспешно добавил Дамфи.— Но ко всему тому я еще и бизнесмен, а вы — нет. Попробуем разобраться в этом деле. Не обижайтесь на меня; я буду говорить с вами в чисто деловом порядке. Той женщины, которая выдает себя за мою жену, больше не существует,— она исчезла. Вас я ни в чем не виню; вы были введены в заблуждение и все такое прочее. У меня на руках доказательства. И вот как светский человек, как джентльмен и как бизнесмен, я говорю вам: игра проиграна! Надеюсь, вы меня понимаете? Да черта ли в околичностях, почитайте-ка вот это! — Дамфи сунул Старботтлу вчерашнюю телеграмму.— Его уже нет в живых! Суд Линча! Она бежала!

Полковник Старботтл прочитал телеграмму, не выразив ни волнения, ни неудовольствия.

— Конрой! Конрой! Кто бы это мог быть? Уж не тот ли Мак-Конрой из Сент-Джо? Нет, едва ли. Ах, вот кто, понимаю! Отказываюсь верить, сэр! На дуэль это непохоже; хотя может статься и так, что они условились стрелять при встрече без предупреждения. Обвинить джентльмена в убийстве! Сто чертей, сэр, но тот, кто написал эту телеграмму, должен понести ответственность! Телеграмма оскорбительна, сэр!

— А вы знали миссис Конрой? — спросил Дамфи, не сводя глаз с лица полковника.

— Миссис Конрой, жену управляющего? Дьявольски интересная женщина! Разумеется, знал, сэр! И я чертовски сочувствую ей! Но какое все это имеет отношение к нашему делу? Ах, вот оно что! — Полковник вдруг залился мелким смешком и, вытащив носовой платок, помахал им с видом смущенным и вместе с тем победоносным. — Сплетни, сэр! Досужая болтовня! Пусть даже эта прелестная женщина и выказала однажды некоторые знаки внимания полковнику Старботтлу, — великий боже, сэр! — я всегда нравился женщинам! Так вот, значит, какую сочинили историю! Муж ревновал. По ошибке убил другого. Жена бежала с полковником Старботтлом! Ха-ха-ха! Нет, сэр, — закончил полковник, принимая вдруг суровый и неприступный вид, — полковник Старботтл заявляет вам, что это наглая ложь. Так и передайте! Даже если названная мною дама и сболтнула кому-либо что-нибудь невзначай, полковник Старботтл будет защищать ее честь ценою своей жизни, да, ценою жизни, сэр!

Сколь ни абсурден был ход мыслей полковника Старботтла, искренность его была неподдельной; значит, догадки относительно миссис Конрой были ложными; значит, анонимная клиентка полковника — не она. Мистер Дамфи почувствовал, что вместе с рухнувшей гипотезой гибнут и его последние надежды. Он снова во власти этого надутого бахвала и тех, кто прячется за его спиной. Мистер Дамфи не был подвержен суеверию, но сейчас его охватил внезапный страх перед преследующими его тайными силами, и он решил пойти на все, лишь бы сорвать маску с неведомого противника. А что, если его жена на самом деле жива? А что, если Пуансет попал впросак? А что если этот заносчивый молодой адвокат намеренно вводит его в заблужде-

ние? Сейчас он предолжит полковнику Старботтлу взятку, чтобы тот раскрыл имя своего клиента. Надо попытаться!

— Только что я упрекал вас, полковник, что вы доверились самозванке, назвавшейся моей женой. Но вот я вижу, что и сам ошибся, не угадал, кто именно послал вас ко мне. Не будем делать новых ошибок. Допустим, моя жена действительно жива?! Если так, я сразу сдаюсь. Приведите ее завтра сюда, и уладим дело миром.

— Вы упускаете из виду, сэр, что она не желает встречаться с вами, пока не докажет законность своих притязаний по суду,— сказал полковник Старботтл.

— Не хочет встречаться? Ее дело! Сейчас мы с вами обо всем договоримся, старина! Вы слышали, конечно, что мы, бизнесмены — у нас даже такое деловое правило,— предпочитаем всегда вести переговоры прямым путем, без посредников. Давайте и здесь постараемся не нарушать это правило. В то же время некоему третьему лицу — вы меня понимаете, конечно,— мы выплатим законно причитающееся ему комиссионное вознаграждение, я сказал бы даже — дивиденд. Именно так! Бизнес есть бизнес! Поймите меня правильно, как джентльмен и светский человек! Я предлагаю вам следующее: представьте меня своему нанимателю, приведите сюда эту женщину, а я в долгу не останусь. Нет, нет! Заранее знаю все, что вы мне сейчас скажете: вы связаны честным словом и тому подобное. Понимаю вас как джентльмен и уважаю вашу точку зрения. Тогда вы сообщаете мне только одно: где найти эту женщину? На вас не ляжет ни малейшей ответственности за нашу встречу. Я лично прослежу, чтобы следуемый вам гонорар был выплачен своевременно и полностью. Со своей стороны сочту приятным долгом предложить вам чек в пять тысяч долларов; надеюсь, вы не обидите меня отказом.

Полковник поднялся со стула и с минуту молча и сосредоточенно надувал свою грудь. Когда верхние пуговицы его сюртука уже готовы были вот-вот с треском отлететь прочь, он внезапно протянул Дамфи руку и обменялся с ним горячим рукопожатием.

— Я хочу,— сказал он, слегка охрипнув от избытка чувств,— поздравить себя с тем, что имею дело с истым джентльменом, с человеком чести. Ваши чувства, сэр,— сто чертей! я горд и счастлив заявить об этом! — свидетельствуют о вашем благородстве. Я в восторге, сэр, что мне выпал случай с вами познакомиться. Но, сколь это ни прискорбно, сэр, я бессилён сообщить вам требуемые све-

дения, ибо не знаю сам ни имени, ни местонахождения моего клиента.

Пренебрежение и самодовольство, с которыми Дамфи начал было слушать полковника, сразу сменились злобой и недоверием.

— Дьявольски неосмотрительно с вашей стороны! — вскричал он с выражением открытой наглости, умеряемой только страхом, который внушил ему собеседник.

Полковник Старботтл, словно не заметив вызывающего тона Дамфи, пододвинул свой стул и взял его за руку.

— Вы говорили со мной откровенно, как подобает человеку чести и джентльмену, — сказал он, — я позволю себе ответить вам тем же. Сто чертей! Кульпепшер Старботтл из Вирджинии не промышляет мелкими плутнями! Коли я раз сказал, что не знаю ни имени, ни адреса моего клиента, то — позволю себе это подчеркнуть, сэр! — нет человека на всем белом свете, который заставит меня повторить это еще раз. Тем более, — добавил полковник, слегка помахивая рукой, — когда я беседую с джентльменом, только что осчастливившим меня своей откровенностью и претендующим — сто чертей! — на такую же откровенность с моей стороны. Позволю себе поблагодарить вас, сэр, — сказал он в ответ на поспешный жест Дамфи, выражавший полное согласие, — и продолжить свою речь. Думаю, что нет никакой надобности называть здесь лицо, введшее меня в курс известного вам дела. Достаточно будет, если я скажу и поручусь словом джентльмена, что человек этот вам неизвестен, достоин всяческого доверия — хоть и занимает скромное положение в обществе — и был направлен ко мне нынешним моим клиентом. Когда я принял на себя ведение дела, мне был вручен запечатанный конверт, в котором хранится имя моего клиента и главного свидетеля. Полученная мною инструкция предписывает вскрыть конверт лишь в том случае, если переговоры будут безуспешны и окажется необходимым передать дело в суд. Вот конверт! Как видите, он запечатан!

Машинальным движением мистер Дамфи потянулся к конверту. Выразив в ответном жесте любезное сожаление, полковник Старботтл отстранил его руку, затем, положив конверт на стол, продолжил свою речь:

— Полагаю очевидным, что, поскольку — по моему разумению — для передачи дела в суд серьезных поводов нет, первая часть инструкции остается в силе, и вскрывать конверт я не должен. Но допустим на минуту другую воз-

можность. Если я забуду этот конверт здесь на столе и получу его завтра назад в запечатанном, как и прежде виде, то, полагаю — как джентльмен и человек чести, — я не нарушу тем принятых на себя обязательств.

— Понимаю, — сказал, коротко хохотнув, мистер Дамфи.

— С вашего разрешения я поставлю еще одно условие, чисто формальное, конечно, как водится между джентльменами. Возьмите перо, пишите то, что я скажу. — Мистер Дамфи взял перо. Полковник Старботтл принялся медленно, сосредоточенно вышагивать по комнате, прижав руку к своей высокопочтенной груди, как если бы он был секундантом, отмеряющим расстояние до барьера. — Вы готовы?

— Я жду, — нетерпеливо откликнулся Дамфи.

— «Настоящим заявляю, что в случае, если разглашу секретные сведения, доверенные мне полковником Старботтлом, то обязуюсь немедленно оказать ему принятое между джентльменами удовлетворение, без какого-либо дополнительного вызова на дуэль; причем предоставляю ему выбор времени и места поединка, а равно и оружия; если я откажусь драться с ним, то да-буду я лжецом, подлым и трусом!»

Поглощенный сочинением этого примечательного документа, а также по причине того, что непомерно вздувшаяся от важности грудь полностью закрывала ему поле зрения, полковник Старботтл не видел, сколь презрительная улыбка кривила губы человека, выполнявшего сейчас обязанности его секретаря. Как бы там ни было мистер Дамфи подмахнул документ и передал полковнику, спрятавшему его в кармане. Но полковник не считал дело поконченным.

— Что касается... гм... чека, — сказал, слегка откашлявшись, полагаю, что всего лучше, если он будет выписан по вашему приказу и вами же индоссирован. Во избежание недоразумений.

С минуту мистер Дамфи колебался. Со строго деловой точки зрения было бы правильнее сперва ознакомиться с содержанием конверта. Чуть усмехнувшись, он выписал чек и вручил полковнику.

— Если это не слишком затруднит вас, — сказал полковник самым изысканным тоном, — извольте приказать кому-либо из ваших клерков получить для меня деньги по чеку.

Торопливо, не сводя глаз с конверта, мистер Дамфи позвонил в колокольчик и отдал чек вошедшему клерку; полковник Старботтл тем временем скромно удалился к окну, напустив на себя самый рассеянный вид.

До конца жизни полковник Старботтл не переставал горько сожалеть, что обратился к Дамфи с этой последней просьбой вместо того, чтобы попросту сунуть чек в карман. В тот самый момент, как он подходил к окну, пол под его ногами вдруг словно встал на дыбы; потом опустился; полковника отбросило к камину. Он почувствовал дурноту и головокружение; в его смятенном мозгу мелькнула мысль, уж не хватил ли его апоплексический удар. Но когда он обернулся к мистеру Дамфи, то увидел, что тот тоже вскочил с места и стоит, бледный как смерть, ухватившись за край куда-тодвигающегося письменного стола. Тут книжный шкаф с грохотом повалился на пол, из соседних помещений понеслись громкие вопли, и оба они — полковник и Дамфи — под аккомпанемент бьющихся стекол, топота ног и скрипа обретших вдруг голос деревянных перекрытий, повинувшись неодолимому инстинкту самосохранения, ринулись к двери. Дверь приоткрылась не более чем на два дюйма; потом стала, словно ее заклинило. С ревом угодившего в капкан зверя Дамфи бросился к окну и, выбив стекла, вывалился на тротуар. Через мгновение полковник Старботтл очутился рядом с ним, а в следующее мгновение они потеряли друг друга из вида, нисколько о том не печалась, как если бы никогда не были даже знакомы. Сведшее их вместе общее дело, которое только что так волновало обоих и которое они не успели довести до конца, было начисто позабыто, стерто, испепелено новым всепоглощающим стремлением, суть которого могла быть выражена в едином слове: бежать! Куда угодно, но бежать!

Улица была запружена людьми, бледными, задыхающимися от волнения, перепуганными до полусмерти, утратившими обличие цивилизованных существ. Одни были в истерике, хохотали без причины и несли невесть какой вздор. Другие, в некоем параличе и даже не пытались укрыться от опасности, стояли растерянные, неподвижные под осыпающимися карнизами, под градом падающих кирпичей. Третьи, потревоженные во время работы, словно не в силах были от нее оторваться: один какой-то держал в руках пачку бумаг и счетов, другой сжимал под мышкой толстую бухгалтерскую книгу. Некоторые потеряли нормальное чувство стыдливости и бегали по улице полуодетыми; а какой-то мужчина, выскочивший из бани с одним лишь полотенцем, пытался наспех прикрыть им свою наготу. Были и такие, которых испуг кинул в объятия смерти: один пытался пробить собственным телом стек-

лянную крышу, другой выбросился очертя голову с четвертого этажа. Были прославленные храбрецы, дрожавшие, как малые дети; одного авантюриста, прошедшего всю жизнь в опаснейших приключениях, нашли скорчившимся в углу, хотя в его комнате лишь чуть-чуть потрескивала штукатурка. Были оптимисты, твердившие, что опасность уже миновала и что они ручаются за это чем угодно; были пессимисты, качавшие головами и пророчившие, что следующий удар будет роковым. Некоторые сгрудились у кирпичных обломков; другие глазели на убитых лошадей, обезумевших и разбившихся о фонарные столбы; люди стояли толпами у телеграфа и у газетных редакций, желая поскорее узнать о размерах катастрофы. В более отдаленных от центра улочках и переулках жители сидели на своих порогах или на стульях, выставленных прямо на мостовую, и с опаской взирали на дома, которые они выстроили собственными руками, и даже на синий свод вверху, улыбавшийся им так обманчиво. Они страшились теперь и самой земли вокруг. Они поделили ее на участки, обратили в предмет купли-продажи, нажились на ней и вдруг она восстала против них, ушла из рук, ускользнула из-под ног. В этом было что-то нестерпимо чудовищное: тупая, бесконечно терпеливая земля, облагодетельствованная ими, украшенная ими, служившая им верой и правдой во всех превратностях лихой судьбы, вдруг взяла да изменила своим законным хозяевам! Никто не удивился, когда владелец маленького особняка на взморье, безвозвратно сгинувшего в открывшейся трещине, утратив в безумном гневе дар речи, бешено потряс крепко сжатым кулаком перед лицом матери-природы.

На самом деле число жертв, да и материальный ущерб от землетрясения были невелики и никак не оправдывали размеров паники; через какие-нибудь полчаса все уже смеялись над своими страхами. Мистер Дамфи, будучи натурой реалистической и чуждой фантазиям, одним из первых овладел собой и понял, что непосредственная опасность миновала. То, что сам великий человек, имевший куда больше оснований волноваться за частную собственность, чем кто-либо иной, энергично призвал своих клерков и всех окружающих заняться делом и лично направился назад, в свою контору, ободряюще подействовало на население.

Войдя в контору, Дамфи бросился к столу. Конверта не было. Он быстро перебрал все бумаги, пошарил на полу, поискал у разбитого окна — тщетно!

Он позвонил в колокольчик. Появился клерк.

— По чеку уплачено?

— Нет, сэр. Мы как раз отсчитывали деньги, когда...

— Выплату задержать! Чек верните мне.

Юный клерк не успел еще поделиться со своими коллегами остроумной догадкой, что патрон экономит наличность на случай «набега» вкладчиков, как мистер Дамфи призвал его снова.

— Сходите быстро к мистеру Пуанзету и попросите его прийти.

Через пять минут запыхавшийся клерк вернулся.

— Мистер Пуанзет четверть часа тому назад выехал в Сан-Антонио.

— В Сан-Антонио?

— Да, сэр, говорят, в миссии большие разрушения.

Глава 7

В КОТОРОЙ КОЛЕБЛЕТСЯ ЗЕМЛЯ И РУШИТСЯ ПРАВОСУДИЕ

Первый день после убийства Виктора Рамиреса навсегда останется памятным в истории Гнилой Лощины. Не скажу, чтобы убийство было столь редким событием в этом идиллическом поселке; на улицах не раз находили трупы не только рядовых, но подчас и именитых граждан; что же до зарезанного мексиканца, он был совершеннейший чудаки и решительно никому не внушал симпатии. Нет, гибель мексиканца пробудила столь бурный интерес потому, что подозрение в убийстве сразу пало на мистера и миссис Конрой, лиц в поселке известных и уже без того попавших под огонь общественной критики.

Первым, кто сообщил о происшествии, была Сол; бродя по холму Конроя, как видно, в поисках не вернувшегося в гостиницу постояльца, она наткнулась на труп несчастного. Некоторые остряки, пристрастно истолковавшие интерес мисс Кларк к Рамиресу, пытались утверждать, что он покончил с собой, не найдя другого способа от нее отделаться; но, как скоро пронеслась весть о бегстве Гэбриеля и его жены, подобные шуточки пришлось отбросить в сторону. А тут кто-то из старателей заявил, что утром в тот самый день видел, как Гэбриель тащил за шиворот мекси-

канца, подгалкивая его коленом и браня на чем свет стоит. Засим последовало свидетельство мисс Кларк, которая сообщила с большой охотой, что лично видела, как миссис Конрой тайно беседовала с Рамиресом незадолго до убийства. Китаец, посланный с письмом вослед Гэбриелю, рассказал без всякой охоты, что вскоре, после того как вышел из дома, услышал в кустах шум и крики о помощи. Впрочем, это показание китайца было исключено из материалов предварительного следствия в согласии с прославленным законом штата Калифорния, гласившим, что человек, исповедующий языческую веру, тем самым уже является лжецом; истина рождается лишь в сердце арийца христианской веры. Общественное мнение тоже отвергло показание китайца, во-первых, потому, что оно противоречило уже принятой версии о бегстве Гэбриеля; во-вторых, по той причине, что всякий китаец — разве вы не знаете этого? — обязательно что-нибудь да напутает. Имелось и свидетельство старателей, работавших в забое у подножия холма; они показали, что лично видели проходившего в предвечерний час Гэбриеля. Только один важный пункт ускользнул как от следственных властей, так и от общественного мнения. О записке миссис Конрой, которую первой подняла Сол и передала миссис Маркл (а та в свою очередь адвокату Макссуэллу), не знал никто, кроме лиц, уже известных читателю.

В продолжение этого дня возникло более дюжины гипотез самого волнующего содержания; сменяя одна другую, они различным образом разъясняли причины убийства. Первая гласила, что Гэбриель застал жену с любовником в самый момент побега и прикончил его на месте. В другой утверждалось, что Гэбриель, искусно подделав почерк жены, заманил Рамиреса в укромное местечко, где и прирезал его; этой гипотезе было тотчас отдано предпочтение, так как из нее следовал вывод о преднамеренном преступлении. Позже ее несколько усовершенствовали в том отношении, что виновниками коварного убийства были объявлены одновременно и Гэбриель, и его жена: оказывается, оба они были равно заинтересованы в устранении любовника, угрожавшего им ужасными разоблачениями. К вечеру, когда лучшие умы Гнилой Лощины получили возможность объединить свои усилия, всем стало окончательно ясно, что Гэбриель и миссис Конрой убрали с пути законного владельца того самого рудника, который Гэбриель так нагло себе присвоил. Эта гипотеза продержалась рекордное время, — должно быть, не менее

двух часов,— потому что отвечала общей давней уверенности, что Гэбриель, при своей известной всем тупости, никак не мог самостоятельно открыть серебряный рудник; единственная допущенная поправка состояла в том, что если мексиканец и не являлся сам законным владельцем рудника, то, во всяком случае, был опасным свидетелем, которого Гэбриелю непременно требовалось убрать с пути. Когда же чуть позже, быть может, из-за какого-нибудь неосторожного словечка, оброненного адвокатом Максвеллом, возник слух, что Гэбриель Конрой вообще самозванец, прикрывавшийся чужим именем,— дальнейшие споры были сочтены излишними. Коронер и понятые адресовали свое обвинение «неизвестному, именовавшему себя Гэбриелем Конроем», а Гнилая Лощина к прочим уже перечисленным преступлениям Конроя прибавила еще и мошенничество. Сразу прояснилась и другая тайна — кто именно повинен в конокрадстве и хищении золота с заявок, имевших место по соседству за последнее время.

Я так подробно излагаю эти перемены в общественном мнении относительно вины Конроя потому, что уверен, что за пределами Гнилой Лощины в более цивилизованных поселениях нашего отечества подобное не могло бы случиться никогда.

Нашлась, впрочем, и в Гнилой Лощине одна душа, ни минуты не верившая в виновность Гэбриеля; нужно ли пояснять, что то была миссис Маркл? Она не сомневалась ни минуты, что Гэбриель стал жертвой гнусной интриги, что миссис Конрой — истинная убийца — коварно запутала его, чтобы свалить на него свою вину. Столь тверда была миссис Маркл в своих взглядах, что сумела внушить их и Сол, и адвокату Максвеллу. Более того, именно она заставила свою помощницу немножко попридержать язык, когда эта импульсивная молодая особа добровольно выступила перед коронером, облачившись в траурный наряд, наскоро сооруженный из скудных местных ресурсов, и закрыв лицо черной вуалью. «Показания мисс Кларк,— писал «Вестник Среброполиса»,— прерывавшиеся слезами и проклятиями свидетельницы по адресу убийцы, глубоко поразили присутствующих своей пылкой прямоотой, какой, впрочем, и надлежало ожидать, учитывая нежные узы, соединявшие свидетельницу с жертвой злодеяния. Как стало известно из достоверных источников, Рамирес прибыл в наши края, влекомый надеждою счастливо увенчать пламя любви, бушевавшее в его груди уже не первый год. Увы,

злосчастная невеста! Кровавая рука убийцы заставила ее сменить подвенечную фату на траурную вуаль! Из нескольких случайных слов, сорвавшихся с губ свидетельницы, — при всей несомненной ее скромности! — приходится заключить, что мужская ревность сыграла не последнюю роль в роковом происшествии. Утверждают, что Гэбриеля Конроя не раз видели в доме мисс Кларк».

Я привожу эту выдержку из газетной статьи не только потому, что в заключительной ее части предложено новое объяснение убийства, но также желая показать читателю, насколько тонко и изящно объясняется автор статьи по сравнению с репортером «Знамени Гнилой Лощины», которого я цитирую с содроганием:

«С нашей мисс Сол не соскучишься. Обмотавшись десятью ярдами первосортного миткаля, купленного в лавке Бриггса, и нацепив на голову черную сетку от москитов, она гарцевала на скамье свидетелей, что тебе молодая норовистая кобылка, ненароком запряженная в похоронные дроги. Если мисс Сол приняла твердое решение носить труар по каждому постояльцу, которому она раз подала котлеты, советуем ей закупить оптом залежавшийся у Бриггса миткаль, а заодно зафрахтовать до конца сезона катафалк у Пита Хулана. Ну а тем, кто посмекалистее, и без дальних слов ясно, что кроется за этим цирковым представлением! Редакции «Вестника», как видно, хочется скрыть истинные причины происшедшего убийства, отвлечь внимание публики от некоторых лиц, чуточку поважнее, чем мисс Сол Кларк. Мы, конечно, никого ни в чем не обвиняем, но хотели бы знать, что делал вчера вечером почтенный редактор «Вестника», сидя в бухгалтерии у главного подручного Пита Дамфи в Гнилой Лощине? Проверял, сколько у него денег в банке? Уж не вырос ли его текущий счет за последнюю ночь?..»

В час дня на следующий день редактор «Вестника» разрядил свой револьвер, целясь в редактора «Знамени», но промахнулся. В половине второго двое неизвестных были ранены в перестрелке в лавке Бриггса: причины ссоры остались невыясненными. В девять часов вечера пять-шесть человек не спеша прошли по главной улице и поднялись на чердак Бриггсова склада. Еще в течение десяти — пятнадцати минут с дюжину гуляк выбрались из салунов и без всякой видимой цели потянулись к Бриггсу. К половине десятого на чердаке у Бриггса собралось пятьдесят человек. За то же время меньшая по численности группа, также ис-

подволь и как бы не имея в виду никакой особой цели, скопилась у крыльца двухэтажного здания суда, где содержался арестант. В десять часов некий всадник, бешено шпоря коня, влетел в Гнилую Лощину; загнанный конь повалился наземь. Не прошло и нескольких минут, как вновь прибывший пересек площадь и быстрым шагом подошел к зданию суда. То был Джек Гемлин. Но Три Голоса сумели опередить его; со ступеней судебного здания они громко объявляли свою волю.

Оглашенный ультиматум был адресован одному единственному лицу. Человек этот, покинутый своими помощниками и оставленный друзьями, был Джо Холл, бдительный, неустоимый окружной шериф из Калавераса. Забаррикадировав двери, исполненный решимости, он недвижно сидел возле своего арестанта; уже двенадцать часов он ждал этой минуты, с пистолетом наготове, без тени надежды в душе. Джо Холл не блистал умом, не выделялся он также какими-либо иными достоинствами; но сейчас он был намерен сложить голову здесь, за этой решетчатой дверью, выполняя долг, к которому призывали его занимаемая должность и лишние пятьдесят бюллетеней, полученных на выборах всего два месяца тому назад. Правда, его малость смущало, что некоторые из доносившихся снизу голосов в точности походили на голоса его избирателей; но гораздо громче, заглушая их, в ушах его гремела фраза из врученного ему ордера: «Настоящим повелеваем вам взять под арест и доставить на место живым и невредимым названного Гэбриеля Конроя». Книжная витиеватость этой фразы чем-то воодушевляла его, служила ему моральной опорой. Не хочу скрывать, никакими внешними геройскими качествами Джо Холл не отличался. Вспоминаю его, малорослого, суетливого, без следа той величавой уверенности, какую дает человеку физическая сила. Сейчас, в момент смертельной опасности, он пожевывал табак, энергично сплевывая жвачку на пол; временами вскакивал с места и теребил бороденку; а то еще, шагая по комнате, проверял курки на пистолетах. Остановившись возле Гэбриеля, он спросил почти что со злостью.

— Слышите или нет? Идут на приступ!

Гэбриель кивнул. Часа два тому назад, когда стало известно о намерениях виджилянтов, он составил записку на имя Максвелла и вручил ее шерифу. После чего погрузился в обычную апатию; сидел тихий, сосредоточенный, а если и заговаривал о чем-либо, то застенчиво и как бы виновато.

— Поможете вы мне? — спросил Холл.

— Если надобна моя помощь, я готов, — ответил немного удивленный вопросом шерифа Гэбриель. — Да только стоит ли вам наживать из-за меня неприятности? Не заслужил я этого, право! Не лучше ли будет передать меня ребятам? Можно ведь и так считать: вы свое дело сделали, нахлопотались со мной досыта; пусть они берут на себя остальное. Но если вы думаете, Холл, что должны охранять меня, поскольку вы обязались перед законом и судьями (эти слова Гэбриель произнес с почти что непередаваемым почтением), тогда, что ж, я помогу. Будем действовать сообща. Понятно?

Он не спеша поднялся на ноги и спокойным, полным решимости движением отодвинул стул, на котором сидел, к самой стенке. И тон и действия Гэбриеля вполне удовлетворили шерифа. Семидесятичетырехпушечный крейсер, Гэбриель Конрой, расчищал палубу, готовясь к бою.

На миг за стеной наступила зловещая тишина, потом послышался голос; то был главный из Трех Голосов минувшей ночи. Шериф вышел в коридор и распахнул окно. Осаждающие и осажденный обменялись испытующими взглядами, оценивая силу друг друга. Начался гомерический обмен любезностями:

— Вылезай, Джо Холл, беги домой к мамочке! Она без тебя соскучилась!

— Черта с два соскучилась! — живо парировал Холл. — Я вижу, старушка моя уже здесь, в штанах и в шляпе Ола Баркера! Ступай домой, матушка; к чему тебе строить из себя мужчину?

— Блефовать привык, Джо Холл! Смотри, не прокозыряйся! Нас здесь сотня душ! А прочие уже пишут бюллетени!

(Здесь содержалось разом два обидных намека; во-первых, Холл был в прошлом профессиональным игроком и, во-вторых, он прошел в шерифы незначительным большинством голосов.)

— Упакуй бюллетени покрепче и вышли мне наложенным платежом.

(Оскорбивший шерифа оратор был по профессии почтальоном.)

— Вылезай, будь ты проклят!

— На приступ, ребята!

Толпа бросилась к входным дверям; кто-то выстрелил; шериф захлопнул окно. На смену словам пришли дела!

Вот уже несколько часов, как шериф перевел арестанта из малонадежного тюремного помещения вниз в зал судебных заседаний на второй этаж. В зале совсем не было окон — свет падал через застекленный просвет в крыше — и проникнуть внутрь можно было только через массивную дверь, которую шериф забаррикадировал заранее столами и скамьями. Дверь запасного хода, за которой нетрудно было следить, шериф оставил открытой для разведывательных надобностей. С первого этажа в зал вела неширокая лестница, верхний марш которой Гэбриель надежно загромоздил, спустив вниз по ступенькам длинный судейский стол. Вскоре входная дверь судебного здания, замкнутая шерифом на замок после того, как все его помощники бежали, громко затрещала под напором атакующих. Стоя на лестничной площадке, шериф и Гэбриель не сводили с нее глаз. Как только дверь подалась, Холл отступил к запасному ходу и позвал за собой Гэбриеля; но тот, сделав шерифу какой-то загадочный знак, ринулся вперед и в тот самый миг, когда дверь с грохотом слетела с петель, внезапно залег за судейским столом на лестнице. Атакующие успешно форсировали первый марш, но далее натолкнулись на преграду и подняли злобный вой. Не в силах сдвинуть стол с места, они принялись карабкаться на него. И тут длинный судейский стол ожил. Поднявшись на дыбы и покачавшись несколько секунд из стороны в сторону, он вдруг сделал поворот и, как был облепленный со всех сторон судорожно вцепившимися в него людьми, скакнул вперед, в самую гущу стоявшей внизу толпы. Раздался общий вопль; филистимляне в беспорядке бежали; Самсон же, поднявшись на ноги, поспешным шагом удалился через дверь запасного хода в зал суда. В эту самую минуту какой-то смельчак из нападающих, сумевший незаметно пересечь Рубикон, поднялся из укрытия и с быстротой молнии вбежал за Гэбриелем. С громким проклятием шериф выстрелил; Гэбриель захлопнул дверь; незваный гость лежал простертым на полу. С видимым трудом он поднялся на колени и вытянул вперед руки.

— Не стреляйте! Я пришел помочь вам.

То был Джек Гемлин! В грязи, и пыли, почти неузнаваем! От его щегольской внешности не осталось и следа, цилиндр был продавлен, белоснежная манишка разорвана у ворота. Глаза его горели, щеки пылали лихорадочным румянцем, из раны в ноге струилась кровь. И все же то был Джек Гемлин, исполненный, как всегда, энергии и дерзкой

отваги. Шериф и Гэбриель дружно бросили пистолеты и кинулись на помощь Джеку.

— Осторожнее! Усадите меня на стул. Вот так! — сказал Гемлин, обретая свое обычное хладнокровие. — Мы квиты, Джо Холл! Выстрел был совсем недурен, если не считать, что, покалечив меня, вы потеряли полезного союзника. Теперь молчите. Выслушайте внимательно, что я скажу; потом можете оставить меня здесь. Путь к спасению у вас только один: через верх! (Он указал на стеклянный просвет в крыше.) Задняя стена здания выходит к уингдэмской канаве и к ложине. С крыши вы спуститесь по веревке; она на мне, намотана под сюртуком; без вашей помощи мне ее сейчас не снять, будь я трижды проклят! Как вы будете выбираться наверх?

— С галереи на крышу ведет чердачная лестница, — сказал, приободрившись, шериф, — только, боюсь, они схватят нас при спуске.

— Пока они выберутся к ложине кружным путем, вы давно будете в лесу за полмили отсюда. Какого же дьявола вы медлите? При второй атаке вы продержитесь не больше десяти минут. А если они вспомнят о крыше и добудут лестницу, вам сразу каюк! Живее!

Послышался гул и топот ног; массивная двустворчатая дверь затрещала; осаждающие орудовали кирками и ломками, баррикада перед дверью стала отползать прочь, дюйм за дюймом; через образовавшуюся щель осаждающие открыли огонь из пистолетов; от деревянных скамей полетела щепа. А шериф, крепко задумавшись, все не мог принять никакого решения. Тогда Гэбриель нагнулся, взвалил раненого, как малого ребенка, на плечо и, помахав шерифу, чтобы тот следовал за ним, стал подниматься на галерею. Не успел он сделать и двух шагов, как вдруг покачнулся и отступил вниз к Холлу, который в свою очередь застыл как вкопанный, уцепившись обеими руками за перила. Казалось, атака осаждающих разом возросла в силе и ярости; трещала уже не только дверь, трещали окна; тяжелая люстра с грохотом рухнула вниз, увлекая за собой край узорного карниза и штукатурку; через стеклянный просвет в крыше посыпались кирпичи, а с улицы раздался крик совсем иного рода, чем раньше. Осаждающие за дверью на минуту присмирели, потом ринулись вниз по лестнице; воцарилась тишина. Трое беглецов, побледнев, уставились друг на друга.

— Землетрясение! — сказал шериф.

— Ура! — воскликнул Джек. — Это нам на пользу! Живее!

Они взошли на галерею; и оттуда, по чердачной лестнице, стали подыматься к трапу, выходившему на крышу; Гэбриель со своей ношей шел первым. Осаждающие тем временем предприняли новый натиск на забарикадированную дверь, но на сей раз без малейшего успеха. Землетрясение поколебало фундамент и остов здания; дверь заклинило намертво!

Не успел Гэбриель, держа в объятиях Джека, ступить на крышу, как здание содрогнулось от второго подземного удара; Гэбриель быстро стал на колени, чтобы сохранить равновесие; чердачный трап сзади с треском захлопнулся. Выждав с минуту, Гэбриель опустил раненого и обернулся, чтобы открыть трап для шерифа. К своему ужасу, он убедился, что трап не поддается. Землетрясение заклинило и его. Джо Холл был в ловушке.

На сей раз призадумался Гэбриель. В нерешимости он искал совета у своего спутника, но Джек не слушал его и что-то пристально разглядывал внизу. Потом, подняв глаза, промолвил:

— Надо спешить, Гэбриель. Они раздобыли лестницу.

Гэбриель встал и поднял раненого. Скат крыши был не слишком крут; прямо над ними на постаменте высилась пятнадцатиметровая, довольно примитивно выполненная деревянная скульптура, изображавшая богиню правосудия с обнаженным мечом и уравновешенными чашами весов. Добравшись до конька, Гэбриель поспешил спрятаться за статуей, но по донесшемуся снизу реву понял, что его увидели. Раздались выстрелы, одна пуля вонзилась в обнаженный меч богини, а другая, как бы в насмешку, нарушила равновесие ее весов.

— Смотрите с меня веревку, — сказал Гемлин.

Гэбриель повиновался.

— Закрепите конец на трубу или за статую.

Но от трубы ничего не осталось, а статуя колебалась на своем постаменте. Гэбриель привязал веревку к железному брусу, окаймлявшему застекленный просвет в крыше; потом, отползши, перекинул ее через конек — вниз. Веревка на несколько футов не достала до земли; раненому спуститься по ней было мудрено. Гэбриель пополз назад к Гемлину.

— Я подержу веревку, — сказал он, — и спущу вас первым. Будьте совершенно спокойны.

Не дожидаясь ответа Гемлина, Гэбриель обвязал его веревкой под мышками и подтащил к коньку. Молча пожав ему руку, он залег за коньком, благополучно спустил Джека на землю, потом втянул веревку снова наверх. Он уже совсем приготовился закрепить веревку за железный брус, как вдруг сбоку от него что-то зачернело над краем крыши! То была лестница! Отчаявшись получить удовлетворительный ответ на уже не раз заданный вопрос, Три Голоса решили прибегнуть к помощи лестницы и взять несоговорчивых собеседников на мушку. Ступив на крышу, они не замедлили предъявить свой последний ультиматум. И тогда — или им почудилось это? — ответ пришел от самой богини правосудия. Она внезапно склонилась к ним, вытянув вперед свой губительный меч и потрясая разбитыми весами, а потом рухнула им прямо на голову, смела их напроць с лестницы, заставила умолкнуть навеки. А из-за постаментов богини поднялся, тяжело дыша, бледный, но торжествующий Гэбриель.

Глава 8

«СБЕРЕЧЬ ВО МРАКЕ ВЕРУ!»

При своей кажущейся массивности Гэбриель был подвижен и ловок; повиснув на конце веревки, он преблагополучно спрыгнул на землю. Между тем падение статуи было отнесено за счет землетрясения, а потери, понесенные атакующими, несколько охладили их пыл. Подняв на руки полубесчувственного Джека, Гэбриель скрылся в канаве и через какие-нибудь десять минут, далеко оставив за собой Гнилую Лощину, подходил к холму Конроя. Здесь он знал несколько никому не ведомых заброшенных штолен. Первая же, к которой он подошел, оказалась полузаваленной камнями, скатившимися с холма от подземных толчков; удостоверившись, что устье штольни надежно замаскировано обвалом, Гэбриель залез внутрь со своей недвижимой ношей на руках. Дальше ждать было и в самом деле нельзя. Джек Гемлин потерял за это время столько крови, что, сделав последнюю отчаянную попытку поправить свой продавленный цилиндр на растрепанных кудрях, впал в забытие и лежал сейчас хладный и недвижимый, хоть и прекрасный, как бог.

Гэбриель раздел его и обнаружил в мякоти бедра пулевое отверстие; бедренная артерия, по счастью, не была задета; Гэбриель приготовился оказать раненому нехитрую хирургическую помощь; за годы своей врачебной практики он привык смягчать ее почти что женской нежностью ухода. Он был поражен, увидев, насколько худ и истощен его молодой друг. Гэбриель накопил немалый опыт, и сейчас мог безошибочно сказать, что его пациент, который до самого последнего момента изумлял его своей подвижностью и энергией, в самом деле был очень больным человеком, нуждавшимся в серьезном лечении и спокойном домашнем режиме. Откуда бралась сила в этом хрупком теле? Гэбриель был растерян. Он грустно оглядывал собственную медвежью фигуру, словно виня себя, что не смог поделиться здоровьем с этим исхудалым окровавленным Адонисом.

С бесконечной осторожностью, словно молодая мать над первенцем, он склонился над Джеком, остановил кровь, перевязал рану; так искусно он делал все это, что Джек даже не застонал; к тому же Гэбриель мурлыкал под нос какую-то песенку, навевавшую на пациента дрему. Только раз переменилось выражение лица у Гэбриеля, когда у самого устья штольни что-то хрустнуло вдруг, — наверное, то была белка или пробежавший заяц. Гэбриель схватил в объятия недвижимое тело друга и прижал к груди. В эту минуту он был подобен львице, охраняющей детеныша. Нужно заметить, что Гэбриель, не знавший роскоши и никогда не общавшийся с людьми того круга, к которому принадлежал Джек Гемлин, был несколько смущен дорогим тонким бельем игрока. Когда он расстегнул на нем сорочку, чтобы выслушать сердце, то с инстинктивной деликатностью легонько отстранил изящную золотую цепочку с какими-то сувенирами, которую молодой повеса носил на шее. Но в одном — открытом — медальоне он увидел портрет девушки, от которого у него сразу перехватило дыхание. Девушка была бы совершенной копией его сестры Грейс, если бы не какая-то тень на прелестном лице, от которой у Гэбриеля защемило сердце. Он еще раз внимательно поглядел на медальон.

— Наверное, ее фотографировали в очень хмурый день, — пробормотал он про себя, — или же здесь, в штольне, мало света; или карточка потемнела от жара у него на груди. А может, с ней корь приключилась за это время; да нет, точно помню, хворали они корью в одно время с Ол-

ли.— Гэбриель помолчал, глядя на бесчувственного Джека, распростертого на земле, и силясь как-то соединить его с давно минувшими событиями своей жизни.— Нет,— промолвил он наконец, грустно вздыхая,— не может того быть! Откуда ему знать Грейс? И не Грейс это вовсе, а какая-то совсем незнакомая девушка. Да и статочное ли то дело, Гэбриель, пользоваться болезнью человека и совать свой нос куда не следует?

Он быстро опустил медальон и застегнул на Джеке сорочку. Раненый пошевелился.

— Питер! — позвал он слабым голосом.

«Не иначе как дружка кличет»,— подумал Гэбриель, потом сказал громко, успокаивающим тоном, как полагается при беседе с больными:

— Вы Питера зовете? Сейчас пошлю за ним. Минуты не пройдет, и Питер будет здесь.

— Пит,— сказал Джек, повышая голос.— Подними кобылу, не то она мне совсем ногу раздавит! Неужели сам не догадаешься?.. Я загнал ее, Пит... Теперь не успею... Пока доберусь, они его вздернут...

Сердце замерло в отважной груди Гэбриеля. Если жар у Джека усилится и он будет так громко стонать, их найдут наверняка! По счастью, Джек тут же вышел из забытья и уставился своими карими глазами на Гэбриеля. Гэбриель ласково улыбнулся.

— Не значит ли сие, что я умер и погребен? — серьезнейшим тоном спросил Джек, озирая земляной свод над головой.— Или я все еще брежу?

— Да нет, вы бредили самую малость,— ответил Гэбриель, испытывая облегчение сам и стараясь успокоить раненого.— Сейчас у вас дела пошли на лад.

Гемлин попробовал приподняться на локтях, но без успеха.

— Это вы, положим, врите,— сказал он добродушно.— Какие наши ближайшие планы?

— Если вы выслушаете меня спокойно и не станете сердиться,— ответил Гэбриель,— я точно скажу, что нам нужно делать. Прежде всего, пока рана у вас не воспалилась, нужно найти врача; а это невозможно, если мы будем держаться друг за дружку. Только что вы обещали зря не сердиться и выслушать меня до конца,— продолжал Гэбриель, стараясь говорить как можно убедительнее.— Вот, предположим, выхожу я к ребятам, к тем что нас ловят, и говорю им: «Сдаюсь, берите меня голыми руками, но

только в штольне у меня остался друг; он тут совсем ни при чем; вы должны срочно доставить его к врачу». Поняли теперь, к чему я клоню? У них ни сдиной улики нет против вас! — добавил Гэбриель с прехитрым видом. — А я под присягой покажу, что силой заставил вас идти с нами; и Джо Холл подтвердит, что ранил вас из пистолета.

Речь Гэбриеля сильно развеселила Джека Гемлина, несмотря на мучившую его боль в ноге и на общие мрачные перспективы.

— Я вам очень признателен за заботу, — сказал он, усмехаясь. — Беда лишь в том, что на меня уже выдан ордер за конокрадство, и лечиться у этих ребят мне нет никакого расчета. Убийство мексиканца они вам, быть может, еще и простят — мексиканцы нынче сильно упали в цене, — а вот меня за покражу мустанга у их вожака никак не помилуют. Тем более что от мустанга мало что осталось. Я отвергаю ваше предложение, сэр!

Гэбриель глядел на Джека, ничего не понимая.

— Когда я привез Олли в Уингдэм, времени оставалось совсем в обрез; вот я и решил обменять свою кобылу и двуколку на этого коня, а формального согласия владельца получить не успел, — пояснил Джек и тут же самым лукавым образом использовал недоуменное молчание собеседника. — Вы в отчаянии, и я вас понимаю. Вы в скверной компании, Гэбриель! Скажу вам откровенно, что довело меня до конокрадства: лень и нерадивость! В жизни главное быть точным, Гэбриель. Если уж вы решили пойти на урок в воскресную школу — не опаздывайте! В дальнейшем возьмите себе это за правило!

— Плохо без лекарств, — уныло пожаловался Гэбриель. — Сейчас бы вам добрый глоточек виски!

— Не принимаю горячительных напитков без специального предписания врача, — сурово возразил Джек, — они меня слишком волнуют. А всякое волнение мне вредно. Что мне сейчас нужно — это успокаивающее снотворное средство. Вот в таком роде...

Он хлопнул себя по ноге, но сразу побелел, и улыбка сменилась на его лице гримасой боли.

— Только бы дождаться темноты, — сказал Гэбриель, — а там я вас перетащу к холму Конроя, в лес. В лесу вам сразу полегчает, мы проведем там ночь, а утром уйдем в другую штольню. Ничего лучшего пока не придумаешь! — виновато добавил Гэбриель.

Джек угрюмо оглядел штольню. Избалованный повеса тосковал по привычным удобствам жизни.

— Что ж,— вздохнул он,— карты сданы, надо играть. Посидим здесь еще часок, как две улитки на камушке. Послушайте,— воззвал он к Гэбриелю, который тем временем устроил его на примитивном ложе из старой еловой хвои, набранной у входа в штольню, после чего и сам прилежал рядом.— Вы что, решили уморить меня скукой? Нечего сидеть как сова! Лучше расскажите что-нибудь.

— О чем вам рассказать? — простодушно спросил Гэбриель.

— О чем угодно. Можете врать, только не молчите.

— У меня есть к вам один вопрос, мистер Гемлин,— несмело сказал Гэбриель,— если вам почему-либо не захочется, не отвечайте; я ведь понимаю, что совсем не дело это — лезть в душу к другому человеку; просто так спрашиваю, чтобы время скоротать. Когда вы были в забытьи, я расстегнул на вас сорочку и увидел портрет, который вы носите на шее. Я не спрашиваю, конечно, чей это портрет и откуда он у вас, а только хотел бы знать, верно ли передан на карточке цвет лица этой молодой женщины, так ли она темнолица на самом деле?

К тому моменту, когда Гэбриель кончил вопрос, бледность на лице Джека сменилась ярким румянцем. Ответ не заставил себя ждать:

— Черт подери, да она вдвое темнее! Но Гемлина уже было не удержать.

— Да! Вдвое темнее! И когда я говорю вам это, я имею в виду, что самая белая женщина на свете не сравнится с ней красотой! Нет ангела в небесах, который был бы краше ее! Вот какая она, черт меня совсем подери! По этой карточке,— продолжал мистер Гемлин, вытаскивая медальон и вытирая его носовым платком,— нельзя, конечно, правильно о ней судить.— Ну а вы,— внезапно обратился он к Гэбриелю, принимая самый угрожающий тон,— вы-то чего молчите?

— Мне показалось, что она походит лицом на мою сестру Грейс,— робко ответил Гэбриель.— Не встречали вы ее, мистер Гемлин? Она пропала без вести в тысяча восемьсот сорок девятом году.

Гемлин смерил Гэбриеля быстрым взглядом, в который бессознательно впустил всю дерзость, на какую только был способен.

— Походит на вашу сестру?! — промолвил он.— Уж не

думаете ли вы, что у вас могла быть такая сестра? Поглядите как следует! — заорал Джек. — Разве вы не видите, что перед вами настоящая леди?!

— Грейси не похожа ни на меня, ни на Олли; она совсем другая, — спокойно возразил Гэбриель, словно не замечая грубости Гемлина.

Но Джека трудно было уговорить.

— Скажите, поет ваша сестра, как ангел? Говорит она по-испански, как губернатор Альварадо? Происходит ли она из старейшей испанской фамилии? Владет она ранчо и имением в тридцать квадратных лиг? Зовут ее Долорес Сальватьерра? А цвет лица вашей сестры напоминает молодую кору земляничного дерева? А кажутся все женщины перед ней мертвенно-белыми как мел?

— Конечно, нет, — со вздохом ответил Гэбриель. — Я ведь спросил просто так, по дурости, мистер Гемлин. Поглядел на карточку, мне вдруг и представилось...

— Карточку я украл, — заявил Джек, во внезапном порыве откровенности. — Стащил со стола в гостиной, когда никто не видел. Господи, да она никогда бы мне ее не подарила! А если бы кто из родственников заметил, они бы меня и в живых не оставили. Теперь вам понятно, что к конокрадству я пришел не случайно, — заявил Джек Гемлин, заливаясь самым бесшабашным смехом. Тут он столь же откровенно, и дав волю поэтической фантазии, поведал Гэбриелю о своей первой и единственной беседе с донной Долорес. Должен сказать, что в этой новелле Джек не пощадил себя: почти ничего не сообщил об услуге, которую оказал донне Долорес, скрыл, что она поблагодарила его взглядом, подчеркнул безнадежность своей страсти.

— Теперь, надеюсь, вас больше не удивляет, что мы не стали дружками с Джонни Рамиресом и что я влюбился в вас с первого взгляда, как только узнал, что вы его прикончили. Ну, хватит обо мне, поговорим о вас: я хочу выяснить это дело во всех подробностях. Ребята говорят, будто он приволокнулся за вашей женой и вы свели с ним счеты. Так оно было или нет? Рассказывайте, да поживее! — добавил Джек, вдруг побелев от боли. — Если вы чем-нибудь не развлечете меня, я сейчас заору.

Но Гэбриель молча склонился над раненым и стал поправлять на нем бинты.

— Будете вы рассказывать или нет? — угрожающе спросил Джек. — А то я сейчас сорву повязку и истеку кровью у вас на глазах. Чего вы боитесь? Я все знаю про

вашу жену; нового вы мне ничего не расскажете. Я ведь заметил ее еще в Сакраменто, до того как вы поженились; Рамирес уже был у нее на крючке. Она обманывала его тем же самым манером, что и вас. Неужели вы такой круглый болван, что влюблены в нее до сих пор?

Джек даже приподнялся на локте, чтобы получше рассмотреть сидевшего рядом с ним круглого болвана.

— Вы о ком толкуете, не об этом ли мексиканце Рамиресе? — спросил Гэбриель, помолчав некоторое время и направляя на собеседника ясный простодушный взгляд.

— И не думал о нем говорить! — заорал Джек. — Я говорил о..! — Мистер Гемлин предложил вариант, далеко выходящий за пределы самого пылкого человеческого воображения.

— Я не убивал его, — преспокойно заявил Гэбриель.

— Понятное дело, — сказал Джек, — вы просто стояли, поковыривая охотничьим ножом в зубах, а он свалился с дерева и угодил к вам на нож. Расскажите лучше толком, Гэбриель, как дело было? Где вы повстречались, долго ли дрались, показал ли он себя хоть под конец мужчиной?

— Говорю вам, я не убивал его?

— А кто же тогда, по-вашему, его убил? — возопил Джек, вне себя от ярости и от боли в ноге.

— Я не знаю... Может быть... Думается мне... — Гэбриель сбился и растерянно уставился на собеседника.

— Послушайте, мистер Гэбриель Конрой, — сказал ледяным тоном Джек Гемлин, переходя к своей самой изысканной манере, — быть может, вы будете настолько добры, что разъясните мне, что же в таком случае означает вся эта чертовщина? Быть может, вы любезно сообщите мне, для чего я лежу здесь с пулей в ноге? Для какой надобности вы забрались в здание суда и довели сотню людей до полного умопомешательства? Почему вы сейчас ищете убежища в таком изящном фамильном склепе? А если у вас после ответа на эти вопросы останется свободное время, быть может, вы сообщите мне дополнительно, для чего вы гоняли меня в Сакраменто? Я нуждаюсь в моционе, спора нет, и мне было бесконечно приятно познакомиться с вашей юной сестрой, но — еще раз спрашиваю вас, — к чему вы затеяли все это?

— Джек, — сказал Гэбриель, склоняясь к раненому в смятении и тревоге. — Я подумал, что она его убила, и решил взять вину на себя. Я ни минуты не захотел запуты-

вать вас в это дело, Джек!.. Решил, что они вздернут меня, и на том все и кончится... Честное слово, Джек!

— Значит, вы не убивали Рамиреса?

— Нет.

— Вы подумали, что его убила ваша жена?

— Да.

— Решили взять вину на себя?

— Да.

— Взять на себя?

— Да.

— Ее вину на себя?

— Да.

Мистер Гемлин лег на спину и принялся насвистывать популярную песенку «Когда, милая Анни, наступит весна...». Этим он хотел выразить свое величайшее отвращение к обнаружившемуся ходу событий.

Под предлогом, что повязка опять пришла в беспорядок, Гэбриель обнял своего беспомощного друга, а потом приподнял его и прижал к груди, словно закапризничавшего ребенка.

— Джек,— сказал он ласково,— представьте себе, что эта темнолицая девушка на карточке...

— Какая еще девушка?.. — сердито отозвался Джек.

— А вот та красавица... Представьте, что вы с ней познакомились, а потом вдруг узнали, что она вас обманывает... По вашей же вине, не из-за того, что она дурная женщина... — прибавил он поспешно.

— Та красавица — истая леди,— яростно прервал его Джек,— а жена ваша... — Но, взглянув на Гэбриеля, он сразу осекся, а потом сказал.— Знаете что, оставьте меня в покое. «Хочу ангелом быть я, парить в небесах...»

— Представьте еще, что у жены вашей есть тайна,— продолжал Гэбриель, словно не замечая нстерпения собеседника,— что ее преследует человек, который эту тайну знает, и она, в отчаянии, убивает его. Скажите, выдали бы вы ее на расправу, несчастную, измученную страдальицу? Нет, вы предпочли бы сами болтаться на виселице! Таковы — вы, таков — я, и слава за то господу богу!

— Ваши чувства бесспорно делают вам честь, мистер Конрой. Я тронут до глубины души; пуля Джо Холла и та зашевелилась у меня в ноге,— сказал Джек, избегая глядеть Гэбриелю в глаза и словно высматривая что-то у выхода из штольни.— Скажите-ка лучше, старый увалень, который теперь час и не пора ли нам вылезать из этой дыры?

— Он застонал, потом, помолчав немного, спросил со злостью: — А откуда вы взяли, что его убила ваша жена?

Гэбриель торопливо и даже, если учесть его особенности как рассказчика, сравнительно сжато изложил Джеку основные факты, начиная с утренней встречи с Рамиресом и кончая тем, как он, получив от жены записку и спеша на свидание, наткнулся на мертвое тело мексиканца. Джек только раз прервал его и спросил, почему, увидев, что Рамирес убит, он повернул назад.

— Я решил, что теперь нам видеться вроде и ни к чему. Не хотелось говорить ей, что я знаю про убийство.

— Кошмарный старый идиот! — простонал Гемлин. — Если бы вы пошли, вы увидели бы того молодца, который убил мексиканца.

— Какого еще молодца? — спросил Гэбриель.

— Того самого, у которого утром было свидание с вашей женой. Вот кому я должен помочь, чем попусту здесь валяться.

— Так вы думаете, Джек, что это не она убила мексиканца? — спросил взволнованный Гэбриель.

— Конечно, нет! — холодно отозвался Гемлин.

— Так на что же она намекает в своей записке? — спросил Гэбриель с озабоченным видом.

— Не знаю, — отозвался Джек. — Наверное, вы, по своему обыкновению, и тут что-нибудь напутали. Дайте-ка записку.

Гэбриель (не сразу). У меня ее нет.

Гемлин. А где же она?

Гэбриель (виновато). Я порвал ее.

Гемлин (не веря своим ушам). Порвали записку?

Гэбриель. Да.

Гемлин (после уничтожающего молчания). Скажите, вам никогда никто не советовал обратиться к врачу?

Гэбриель (простодушно, покорно). Да, многие находят, что я странно себя веду.

Гемлин (снова помолчав). Скажите, а что Пит Дамфи имеет против вас?

Гэбриель (удивленно). Ничего.

Гемлин (раздумчиво). А ведь линчевателей натравил на вас его человек — правая его рука в Уингдэме. Я сам слышал, как он разжигал толпу.

Гэбриель (простодушно). Вот тут вы ошибаетесь, Джек. Дамфи — мне друг. Разработка рудника ведется на его средства. Я служу у него управляющим.

Г е м л и н. Ах, вот оно что! (Еще чуточку помолчав.) Скажите, Гэбриель, нет здесь поблизости благоустроенного сумасшедшего дома, куда можно было бы направить двух пациентов? Один — безнадежный хроник; другой — пострадал от неосторожного обращения с огнестрельным оружием.

Г э б р и е л ь (с глубоким вздохом). Вам вредно столько разговаривать, Джек! Отдохните. Скоро уже стемнеет.

Измученный приступами боли, следовавшими один за другим, Гемлин умолк.

Мало-помалу тусклый свет, проникавший в устье штольни сквозь кустарник и груды камней, сменился тьмой, и беглецы задрожали от охватившей их могильной сырости. Журчание воды, стекавшей тоненькими ручейками с земляных стен, казалось, стало громче. Гэбриель уже успел заметить, что рельеф лощины сильно переменялся после землетрясения. Одна отлично знакомая ему горная выработка начисто исчезла. Осторожно опустив раненого на землю, он подполз к выходу и огляделся. Голоса и шум людских работ стихали вдали, солнце шло к закату; сумерки здесь совсем короткие; скоро они смогут, не страшась погони, покинуть убежище. Пробираясь обратно в штольню, Гэбриель вдруг обнаружил не примеченное им ранее отверстие над головой; оттуда просачивался сейчас слабый свет. Приглядевшись повнимательней, Гэбриель установил, что отверстие ведет в какую-то совершенно неизвестную ему выработку, проходящую прямо над их штольней; соединение обеих штолен произошло, как видно, в результате подземного толчка. Гэбриель знал здешние места как свои пять пальцев и был немало удивлен; у него и мысли не было, что здесь еще кто-нибудь мог старательствоваться; между тем, по всем данным, таинственная выработка предшествовала самым ранним поискам драгоценного металла в Гнилой Лощине. Все еще изумленно озирая отверстие, Гэбриель вдруг почувствовал под ногой какой-то металлический предмет. Он нагнулся и поднял наглухо запаянную жестяную коробочку размером не более банки из-под сардин, с надписью на крышке; что там было написано, Гэбриель не мог разобрать из-за темноты. Он направился назад, к устью штольни, где было посветлее, рискнул даже выйти наружу, но при всем старании не сумел ничего прочитать. С помощью осторого камня он вскрыл коробочку;

к вящему его разочарованию, там не оказалось ничего, кроме сложенных бумаг и записной книжки. Сунув находку в карман куртки, Гэбриель возвратился в штольню. Вся его прогулка продолжалась не более пяти минут; однако, когда он подошел к месту, где оставил Джека, там никого не было.

Глава 9

ИЗ КАНАВЫ ПОДНИМАЕТСЯ ГЕКТОР

С минуту Гэбриель стоял недвижно, собираясь с мыслями; потом медленным шагом, тщательно оглядывая все углы, двинулся в глубь штольни. Пройдя так футов сто, он, к великому своему облегчению, обнаружил Гемлина; Джек сидел в боковом забое, прислонясь к стене. Он был лихорадочно возбужден и заявил, что все это время просидел на старом месте, где его оставил Гэбриель; тот невозразил ни слова, считая, что раненый опять бредит. Когда Гэбриель сказал, что настало время двигаться, Джек с готовностью согласился, подчеркнув при этом, что его переговоры с убийцей Виктора Рамиреса закончены и он может теперь с легким сердцем перебраться в сумасшедший дом. Гэбриель, не медля ни минуты, поднял Джека на руки и вытащил его из штольни. На свежем воздухе оба почувствовали себя лучше. Джек мирно покоился в могучих объятиях Гэбриеля и даже на время перестал жаловаться, что с ним обращаются, как с малым ребенком. А Гэбриель шел да шел вперед уверенным размашистым шагом горца; перебрался через канаву; одолел крутой подъем и вступил наконец под сень гигантских сосен Ручьевого холма. Здесь до самого рассвета беглецы могли считать себя в безопасности.

Набрав сосновых веток и благоухающей хвои, Гэбриель соорудил мягкое ложе для раненого, но, как он и предвидел, лихорадка Джека к ночи усилилась. Дыхание у него стало неровным; он принялся что-то быстро, сбивчиво рассказывать про Олли, про Рамиреса, про красавицу, портрет которой висел у него на шее, про Гэбриеля и вдобавок еще про какого-то никому не ведомого человека, существовавшего, как видно, лишь в его воспаленном воображении — Джек считал его своим доверенным лицом. Раз или два он принимался громко кричать, а потом, к величайшему

ужасу Гэбриеля, пустился петь. Гэбриель не сумел вовремя прикрыть ему рот рукой, и Джек исполнил начальную строфу из популярной местной баллады. Стремительный горный поток, бурля и клокоча, словно аккомпанировал ему; раскачивающиеся на ветру сосны потрескивали и скрипели в унисон; долготерпеливые звезды над головой взирали безмолвно и сочувственно. Вдруг в лощине, внизу,— или то почудилось Гэбриелю? — словно эхом отозвался подхвативший песню голос. Гэбриель застыл от тревоги и от восторга одновременно. Уж не бредит ли он тоже? Или то в самом деле голосок Олли? Раненый рядом с ним не замедлил исполнить вторую строфу баллады; голос снизу с живостью отозвался. Сомнений больше не было. Гэбриель поспешно сгреб в кучу сухие ветки и шишки и зажег их. Пламя взвилось кверху; в зарослях кустарника послышался треск, показались две фигуры; еще через минуту, раньше, чем медлительный Гэбриель успел опомниться, задыхающаяся от бега Олли бросилась к нему в объятия, а верный Пит, еле сдерживая рыдания, упал на колени возле своего израненного, бесчувственного господина.

Олли первой обрела дар речи. Как всякая женщина в подобной ситуации, она прежде всего постаралась установить, что не несет никакой ответственности за все, что случилось, и потребовала выдачи виновников.

— Почему ты не сообщил нам, где вы находитесь? — спросила она самым капризным тоном. — И что вы делаете здесь, в темноте, в лесу? Как ты мог бросить меня одну в Уингдэме? Почему ты не позаботился разжечь костер, пока я не запела?

А Гэбриель, как и всякий мужчина в подобной ситуации, даже и не подумал отвечать на ее вопросы, а только повторял, сжимая ее в объятиях.

— Ах ты, моя малютка, пришла наконец к братцу Гэйбу, благослови тебя господь!

Ну, а мистер Гемлин, как всякий сумасшедший — мужчина ли женщина, неважно в данном случае, — гнул свое: для начала он возобновил прерванные было вокальные упражнения.

— Он бредит, Олли, — виновато объяснил Гэбриель, — у него рана в ноге. Пытался спасти меня, хотя я этого ни сколько не заслуживаю. Это ведь он пел давеча.

Тут Олли, повинувшись непреклонным законам женского

поведения, разом перешла от праведной непогрешимости к самой непростительной опрометчивости. Она кинулась к лежавшему Гемлину.

— Ах, что с ним, Пит? Он не умрет?

И Пит, не веривший ни в чье врачебное искусство, кроме своего, ответил озабоченно:

— Дела так себе, мисс Олли, это уж факт, но раз я здесь, я буду его лечить. С благословения всевышнего понадеемся на лучшее. Ваш брат добрый человек и смыслит кое-что в уходе за больными, но, чтобы пользоваться массу Джека, ему не хватает профессиональных навыков.

Пит расстегнул саквояж, извлек оттуда походную аптечку и принялся рыться в ней с видом домашнего врача, вызванного к больному, увы, после того, как самонадеянный деревенский лекарь наделал уйму досадных промахов.

— А как же ты разыскала нас? — спросил Гэбриель, безропотно уступая Питу роль сиделки. — Откуда ты узнала, где мы прячемся? И как решилась пуститься на поиски? Впрочем, ты ведь у меня умница, Олли, и такая смелая девочка.

Гэбриель с обожанием поглядел на сестру.

— Только я проснулась в Уингдэме, Гэйб, и узнала, что Джек уехал, вдруг, откуда ни возьмись, является ко мне адвокат Макссуэлл и задает целую кучу вопросов. Я сразу поняла, Гэйб, что ты что-нибудь да натворил, и, прежде чем отвечать, заставила его все рассказать мне по порядку. Я пришла просто в ужас, Гэйб! Тебя обвиняют в убийстве! В убийстве этого мексиканца! (Я сразу невзлюбила его, Гэйб; если бы ты в то время получше присматривал за мной, вместо того чтобы лечить ему ногу, вообще ничего бы не случилось!) А Макссуэлл — свое: спрашивает меня про Жюли, не враг ли она тебе? Но я-то ведь отлично знаю, Гэйб, что она любит тебя больше всего на свете! В общем, всякая такая ерунда! Когда он понял, что ничего от меня не добьется, то сказал Питу, чтобы мы поскорее ехали к тебе, что виджилянты хотят захватить тебя прежде, чем начнется судебное разбирательство; что он будет требовать, чтобы тебя перевели в другой округ; но что они никогда не решатся тронуть тебя, пока буду я, — поглядела бы я, как они посмели бы! — и чтобы мы ехали сию же минуту! И Пит — белее человека, чем этот старый негр, я еще не видывала, Гэйб! — сразу сказал, что едет со мной; он хотел разыскать

Джека; он сказал, что для того, чтобы схватить тебя, им придется сперва убить Джека; и мы поехали, Гэйб! Приехали мы — тебя нет; и шерифа нет; и виджилянтов нет; главных всех убило землетрясением, остальные — попрятались. (Какое страшное землетрясение, Гэйб! А мы в пути и не заметили его совсем!) И тут подходит китаец и дает нам твою записку...

— Какую записку! — прервал ее Гэбриель. — Я не писал никакой записки.

— Не ты, значит, он, — возразила Олли, указывая на Гемлина, — а там прямо сказано: «Ваши друзья — на холме Конроя». Ты что, совсем одурел, Гэйб? — топнула ножкой Олли, возмущаясь непонятливостью брата. — Вот и пошли мы вместе с Питом, услышали голос Джека — экая глупость петть среди ночи! — и разыскали вас.

— Как хочешь, Олли, а никакой записки я не писал, — упрямо повторил Гэбриель.

— Чудак ты право, Гэйб, — возразила практически мыслящая Олли, — какая разница, кто ее написал? Важно то, что, прочитав записку, мы вас нашли. — Она пошарила в кармане. — Да вот и записка.

Она протянула Гэбриелю листок бумаги, на котором было написано карандашом: «Ваши друзья будут ждать вас вечером на холме Конроя». Почерк был незнакомый; даже если Джек и написал записку, как умудрился он отослать ее без его, Гэбриеля, ведома? С той минуты, что они покинули здание суда, он отлучился только раз, и то совсем ненадолго, когда вел разведку у выхода из штольни. Гэбриель ничего не мог понять; эта анонимная записка совсем доконала его; он молчал и лишь растерянно потирал себе лоб рукой.

— О чем же теперь горевать, Гэйб? — ласково спросила Олли. — Виджилянты, те, что остались живы, убежали кто куда; шерифа тоже нигде не видно; все напуганы землетрясением, и им не до тебя; только ведь и разговору что о подземных толчках и разрушениях. (Да, позабыла совсем тебе сказать, жила наша на холме Конроя ушла под землю, и рудник теперь не стоит ни цента!) Никто сейчас даже и не вспомнит про нас, Гэйб. Завтра на рассвете у спуска в Ручьевую лощину мы сядем в фургон; Пит обо всем уже договорился. Пит сказал, что мы поедем в Стоктон, оттуда во Фриско и потом в одно местечко, которое называется Сан-

Антонио, — там сам дьявол нас не сыщет, — и будем мы там жить да поживать; я, ты и Джек; а тем временем дело это забудется. Джек выздоровеет. Жюли вернется домой.

Гэбриель молчал, поглаживая руку сестры. Должен ли он, вправе ли поведать девочке обо всем, что знал; о подозрении Максвелла, что Жюли замешана в убийстве, об уверенности Джека, что Жюли всегда обманывала его? Решившись наконец, он преподнес свое сообщение в форме, как ему казалось, весьма дипломатичной.

— А что, если Жюли не вернется совсем?

— Послушай, Гэйб, — вспыхнула Олли, — если ты снова решил глупить, то, прошу, не вмешивай больше в это дело меня. Жюли в жизни тебя не бросит. (Гэбриель внутренне содрогнулся.) Ее теперь от тебя не оттащишь даже с упряжкой лошадей. Не будь таким болваном, Гэйб, прошу тебя!

Гэбриель ничего не ответил.

Между тем, приняв какое-то снотворное средство, извлеченное Питом из походной аптечки, мистер Гемлин прервал свои вокальные упражнения и затих. Богатырское здоровье Гэбриеля служило ему надежной защитой от любых моральных ударов. Он не страдал бессонницей ни при каких обстоятельствах. Сейчас, не кончив еще своей беседы с Олли, он начал клевать носом и вскоре заснул, даже захрапел, хоть героям делать этого и не положено. Чуть погодя, поддавшись убаюкивающей ночной прохладе, задремала и Олли; она закуталась в плед мистера Гемлина и склонила усталую головку на могучую грудь брата. Один лишь Пит остался на часах; он чувствовал себя довольно бодро; а кроме того, успел громогласно объявить, что критическое состояние мистера Гемлина требует его неусыпного внимания.

Вскоре после полуночи Олли привиделся тревожный сон. Ей снилось, что они едут вдвоем с мистером Гемлином искать ее брата и встречают разъяренную толпу, влекущую Гэбриеля на виселицу. В отчаянии она оборачивается к своему спутнику, но тут — о, ужас! — лицо Гемлина меняется. Возле нее уже не Гемлин, а какой-то незнакомый человек. Он изможден; с безумными глазами; у него иззябшее морщинистое лицо; выкрашенные в темный цвет седые волосы полиняли, пошли пятнами; щегольское, на старей-престарый манер, платье — в ужасном беспорядке, все в грязи, в пыли, словно после невесть какого тяжкого стран-

ствия; штрипка на ноге у незнакомца самым нелепым образом лопнула, а старомодный, высоко повязанный галстук распустился, сбился набок. Вздвогнув, она проснулась, но сновидение исчезло не сразу; вопрошающее лицо незнакомца, его грустный, сосредоточенный взгляд были так реальны, что девочка невольно закричала. Прошло некоторое время, пока явился Пит. Поскольку он утверждал,— правда, не очень связно и усиленно протирая при том глаза,— что был неотступно на часах и, конечно, не подпустил бы близко никакого постороннего человека,— Олли пришлось уступить и согласиться, что незнакомец привиделся ей во сне. Но заснуть она больше не могла. Она следила, как луна неспешно спускается за зубчатые верхушки сосен, внимала шороху неведомых зверьков в кустарнике, прислушивалась к отдаленному грохоту повозок, кативших по уингдэмскому тракту. Ждала той минуты когда из мрака выступят вновь стволы сосен, когда холодный огонь восходящего в горах солнца зажжет зачочневшие верхушки деревьев и пробудит к жизни пернатых лесных обитателей. А когда речные прозрачные туманы, влачившиеся за бледной луной, отступили прочь, словно истомленные ночным бдением часовые, сдающие караул народившемуся дню, Олли объявила общий подъем. Каждый, пробуждаясь, полностью выразил свою натуру. Гэбриель пришел в себя медленно и с виноватым видом, как будто он по нерадивости проспал назначенный час. Джек Гемлин проснулся в бешеном гневе, негодуя и на ночь, и на сон, и словно жаждающая как следует с ними посчитаться. Увидев возле себя Пита, он обрушил на него такой бурный поток проклятий и богохульств, что почти полностью истощил свои слабые силы.

— Сумел-таки пронюхать, где я, притащился сюда, чернокожий разбойник,— заключил, приподнимаясь на локтях, мистер Гемлин,— и это после того, как я устроил его в Уингдэме на всем готовом; после того, как, избавившись от него, я вступил наконец на путь праведной жизни и морального совершенствования! Доброе утро, Олли! Прости, что я лежу. Подойти, поцелуй меня, малютка! Если этот негр хоть чем-нибудь тебе не угодил, скажи одно только словечко, и я тотчас уволю его. Огни преисподней! Чего мы здесь сидим? Скоро день, а нам еще плестись до Ручьевой лощины. Живее, детки, пикник окончен!

Вняв призывам Джека, Гэбриель, с великими предосторожностями и со всей нежностью, на какую был способен, взял его на руки и двинулся вперед. Джеку отчаянно хотелось излить на Гэбриеля кипевшую в нем досаду, но как возьмешься бранить человека, который тащит тебя в объятиях?! Олли и Пит замыкали эту странную процессию.

Путь их шел вниз по Ручьевому каньону; раннее утро было лучезарным, бодрило, настраивало на веселый лад. Разбуженные птицы запевали песни, потом смолкали снова. Шагавший впереди Гэбриель по характерной своей привычке остерегался ступать на редкие лесные цветы, еще попадавшие в выгоревшей траве. Воздух был насыщен таинственными ароматами: легким дыханием тысяч неведомых трав, пряным, чуточку грустным запахом сухих листьев. В воздухе таилось и то чувство обновления природы, которое всегда встречает нас ранним утром в лесу, — так и кажется, что за минувшую ночь земля была сотворена заново, и вот она перед вами, прямо из рук создателя, свободная, необремененная, расставшаяся со всем, что было у нее дурного в прошлом. И нашим путникам, хоть они и бежали от опасности, от смертельной угрозы, тоже казалось, что терзавшие их страхи исчезли вместе со вчерашним днем, остались позади, там, где на западе таяли тени ушедшей ночи. Олли уже раза два сбегала с тропинки, чтобы сорвать ягоду или цветок. Пит мурлыкал про себя какой-то старинный методистский псалом.

И так шли они навстречу розовой заре, навстречу манившей их надежде. Временами слышались чьи-то отдаленные голоса; становилось все светлее; утро спускалось к ним, скользя по горным склонам; вот впереди показался смутно очерченный выход из ущелья. Указав пальцем на какой-то предмет, маячивший на дороге, Олли громко закричала: это был их фургон; возница отозвался посвистом; воодушевленные путники ускорили шаг; еще минута, и они спасены.

Вдруг послышался голос, исходивший как будто из недр самой земли: он требовал, чтобы Гэбриель остановился; Гэбриель машинально выполнил приказ. При этом одной рукой он крепко прижал к себе Джека, а другую вытянул вперед, как бы охраняя Олли. Тогда из придорожной канавы впереди поднялся человек и преградил им путь.

Он был один; малорослый, залепленный грязью; в каких-то свисавших с него лохмотьях, падающий с ног от ус-

талости; дрожавший от нервного истощения; но при всем том бдительный и опасный. И Гэбриель и Гемлин узнали его сразу, несмотря на его жалкий вид. То был Джо Холл, шериф округа Калаверас. В правой руке он сжимал револьвер, левой пытался достать до ближайшего дерева, чтобы устоять на ногах. И Джек, и Гэбриель с одного взгляда определили, что, хоть рука у шерифа нетверда, дуло револьвера смотрит прямо на них.

— Гэбриель Конрой, я арестую вас, — заявил призрак.

— Он держит нас на мушке! Бросьте меня! — прошептал Гемлин. — Бросьте меня! Он потеряет прицел!

Но Гэбриель с молниеносной быстротой, на какую едва ли кто считал бы его способным, повернулся вполоборота и перехватил раненого левой рукой; защитив таким образом свою драгоценную ношу, он с готовностью подставил под револьвер Холла правый бок.

— Гэбриель Конрой, я беру вас под стражу.

Гэбриель не шелохнулся. В этот миг из-за его плеча высунулся длинный сверкающий ствол любимого дуэльного пистолета мистера Гемлина, а вслед за тем блеснул карий глаз игрока. Джек использовал плечо Гэбриеля для упора. Воцарилась мертвая тишина. Ставки были равными.

— Первый выстрел ваш, — негромко сказал Джек. — Горячиться не следует. Если промахнетесь сейчас по Конрою, другого шанса у вас не будет. Но промахнетесь вы или нет, Джо Холл, я не промахнусь, будьте спокойны!

Револьвер задрожал в руке Холла, не от страха, только от физической слабости. Плоть его была побеждена, но дух оставался неустрашим.

— Пусть так, — сказал он, покоряясь судьбе, — пусть будет так. Вы сейчас убьете меня, Джек, я знаю это, но зато вы не сможете сказать, что шериф округа Калаверас изменил своему долгу и подвел тех пятьдесят человек, что подали голоса за него против Боггса. Я не уступлю вам дороги. Я искал вас всю ночь. Помощников моих нет. Я один, можете убить меня. Пусть будет так. Но вы сядете в фургон, только перейдя через мой труп, Джек! Только перейдя через мой труп!

Произнося эту речь, он выпрямился во весь рост (а ростом, я уже сказал, он был невелик) и, привалившись к дереву, чтобы не упасть, снова взял Гэбриеля на мушку. Однако неспособность шерифа оказать даже малое сопротивление

ние своим противникам была столь явной, что эффект его мужественной речи оказался скорее комическим; Гемлин откровенно захохотал. Но тут же он почувствовал, что державшая его рука слабеет. Еще через мгновение Гэбриель, осторожно опустив своего крайне недовольного друга на землю, твердым шагом направился к шерифу.

— Берите меня под стражу, мистер Холл,— спокойно сказал он, уверенным движением руки отводя в сторону револьвер шерифа,— ведите, куда требуется. Есть у меня к вам маленькая просьба. Этот раненый молодой человек,— он указал на Гемлина, который корчился, лежа на земле, и скрежетал зубами от ярости,— не имеет ко мне никакого отношения. Не привлекайте его к моему делу. Не его вина, что мы втянули его в эту историю. А я к вашим услугам, мистер Холл, жалею, что причинил вам столько хлопот.

КНИГА СЕДЬМАЯ
КОРЕННАЯ ПОРОДА

Глава 1

ПО СЛЕДАМ КАТАСТРОФЫ

За четверть часа до того как нарочный с запиской от Питера Дамфи явился в контору Пуанзета, владелец конторы получил извещение гораздо более срочного характера. Это была телеграмма из Сан-Антонио, пять-шесть фраз, совершенно непритязательных, но звучащих для впечатлительного человека страшнее любой риторики.

«Церковь миссии разрушена. Отец Фелипе не пострадал. Пресвятая Троица в развалинах. Долорес исчезла. Мой дом цел. Приезжайте немедленно. Мария Сепульвида».

В четыре часа пополудни на следующий день Артур был в Сан-Джеронимо; до миссии оставалось еще пятнадцать миль. Трактирщик подтвердил Артуру все, что сообщалось в телеграмме, добавив еще от себя некоторые устрашающие подробности.

— О, святые угодники! О, пламя преисподней! Сан-Антонио больше нет! Земля разверзлась и поглотила его. Ко-

нец всему! Так устроен мир! На месте домов одни развалины! Стаканчик французского коньяку или американского виски, дон Артуро? От Сан-Антонио не осталось ничего. Ни камушка! Ни щепочки! Ровным счетом ничего!

Выслушав это обескураживающее сообщение, мистер Пуансет покинул медлительный дилижанс, вскочил на резвого мустанга и помчался на поиски проглоченного разверзшейся землей Сан-Антонио. Он почувствовал некоторое облегчение, когда через час быстрой езды увидел поблескивающий вдали океан, поднимающийся из-за горизонта темно-зеленый сад миссии, *encinal*¹ и белый купол башни. Но тут Артур придержал коня и в удивлении протер глаза. А где же вторая башня миссии? Пришпорив вновь коня, он отъехал в сторону; взглянул еще раз. Второй башни не было и следа. Значит, церковь действительно разрушена!

То ли это открытие так повлияло на Артура, то ли в нем проснулось какое-то более могущественное чувство, но он немедля съехал с дороги, ведущей к миссии, и погнал коня по открытой равнине, в сторону Ранчо Пресвятой Троицы. Яростный морской бриз, обвевавший бескрайнюю *llano*², казалось, хотел помешать его продвижению, но Артур, учуяв в упорстве ветра злую волю, принял немедля вызов противника, чтобы смирить его, вынудить к сдаче. Равнина осталась той же, что и прежде: мертвая плоская земля; мертвое плоское небо; потрескавшаяся, обветренная почва, колючая жесткая стерня на сжатых полях; те же немые просторы, не отзывающиеся разбойнику-ветру ни стоном, ни жалобой; те же запечатлевшиеся в памяти Артура смутно чернеющие пятна на равнине — чуть приметно передвигающиеся стада. Холод пробежал у него по спине, когда он подумал о своем недавнем приключении; с краской на щеках он вспомнил, как был спасен от верной гибели прекрасной, но равнодушной к нему затворницей. Опять услышал он тихий шепот: «Филип...» Воспоминания ожили в нем с такой ясностью, как будто вот только сейчас он лежал здесь, задыхаясь, прикинув к земле. А между тем Артур уже не раз убеждал себя, что донна Долорес и не думала называть его Филипом в тот роковой миг, что все это не более чем слуховая галлюцинация. Их отноше-

¹ Дубовая роща (*исп.*).

² Равнина, открытое место (*исп.*).

ния с Долорес так и не вышли за пределы взаимной церемонной любезности; не было у него также и повода предполагать, что она таит какие-либо более теплые чувства к нему. Она ни разу даже не упомянула о происшествии, как будто полностью забыла о нем. Но Артур не забыл! Не раз со странно мучительным, почти болезненным наслаждением рисовал он мысленно с начала и до конца всю памятную сцену. Это был едва ли не единственный возвышенный эпизод в его жизни, поэзия которого исходила не от него самого, единственное глубокое душевное потрясение, которое ему не удалось критически развенчать на свой обычный манер, единственное сладкое воспоминание, не кажущееся ни обманчивым, ни пошлым. И вот героиня этих страниц его жизни исчезла бог весть куда, быть может, навеки! Странное дело, узнав о том, он испытал облегчение или, точнее сказать, как бы очнулся от сна, упоительного, но вместе с тем грозного, подрывающего самые основы его существования. Донна Долорес никогда не казалась ему принадлежащей к реальному миру живых людей; впечатление, которое он к ней испытывал, было связано с некими романтическими наклонностями его натуры; ее внезапное исчезновение напоминало уход актрисы после окончания спектакля. Уход ее оказался не менее таинственным, чем появление,— но разве не следовало того ожидать?! Он не испытывал сейчас ни горя, ни даже естественного человеческого сожаления; словно все, что случилось, было не более чем выдумкой: никто не погиб, никто не пострадал.

Таковы были думы мистера Пуанзета (в собственной его интерпретации) при получении телеграммы от донны Марии; плод холодных самонаблюдений человека, который считает, что его эгоизм и равнодушие возвышают его над толпой, но не находит в том повода ни для торжества, ни для сожалений. Однако, когда он свернул с дороги, ведущей напрямиком в миссию, и направил коня к жилищу донны Долорес, тревога и волнение превозмогли в нем доводы рассудка. Не в силах справиться с этим невольным движением души, он самоуверенно попытался свести его к тем же мотивам, которые погнали его когда-то в Голодный лагерь, чтобы разузнать о судьбе покинутых там людей. Вдруг лошадь Артура взвилась на дыбы; менее искусный наездник не усидел бы в седле. Перед ним зияла пропасть футов в тридцать шириною и не менее тридцати в глубину; на дне ее в невообразимом беспорядке лежали обломки того, что еще недавно было корралем Пресвятой Троицы.

Если бы не устрашающая глубина и ширина этой расщелины, Артур принял бы ее за характерную трещину в почве, которыми палящее солнце перерезает безводную равнину за долгое жаркое лето; иные из них служат нешуточным испытанием для всадника. Но, взглядевшись, он убедился, что это совсем не трещина. Земля не расселась, а словно бы опустилась; на дне пропасти росла та же сухая ломкая трава, что покрывала равнину.

Погруженный в свои мысли, Артур не замечал пути. Как видно, он ехал много быстрее, чем ему казалось. Но если перед ним действительно остатки корраля, тогда отсюда должны быть видны стены асьенды. Он направил взгляд к предгорьям, но увидел все ту же унылую равнину. Между пропастью, возле которой он стоял, и ближними отрогами горного хребта не возвышалось решительно ничего: ни крыши, ни стены, ни развалины.

Он похолодел от ужаса, повод выскользнул у него из разом ослабевших рук. О господи! Так вот что хотела сказать ему донна Мария! Или после того случилась еще одна, новая катастрофа? Он огляделся по сторонам. Или эта гигинтская, бескрайняя, бездорожная равнина за века соседства с сияющим океаном сама уподобилась водной стихии? Стоя сейчас над коварно раскрывшейся у самых его ног пропастью, Артур Пуансет прочитал в ее зеве страшную судьбу ранчо. Поколебленная в недрах своих, эта недвижная равнина поглотила, втянула в себя и ранчо, и его несчастных обитателей!

Первой мыслью Артура было мчаться стремглав к месту катастрофы: быть может, ему еще удастся кого-нибудь спасти! Но пропасть перед ним отрезала ему путь; казалось, она тянется до самого океана. Он подумал и о том, что со времени телеграммы донны Марии пошли вторые сутки; спасать уже было некого. Ничего не зная, никого ни о чем не спросив, поддавшись слепому порыву, он примчался сюда, и вот он не в силах даже добраться до места катастрофы. Почему не поспешил он сразу в миссию, почему не посоветовался с отцом Фелипе, почему не узнал сперва подробно обо всем, что произошло? Испустив громкое проклятие (что весьма редко приключалось с этим отлично владевшим собою молодым человеком), Артур повернул коня и, яростно шпоря его, помчался к миссии.

Равнина погружалась в сумерки. Не успело солнце зайти, как туман, воровски затаившийся на взморье, неслышными шагами выбрался на сверкающий прибрежный пе-

сок, а потом, притушив его блеск, повел широкое неспешное наступление на равнину. Он полностью поглотил Соновый мыс, сперва еще дававший знать о себе огнями маяка, но потом слившийся с серым океаном и вверху и внизу; он подобрался к скачущему всаднику и, как показалось Артуру, разом выхватил и его, и коня из окружающего мира; даже дальние очертания гор исчезли вдруг бесследно, словно стертые губкой с гигантской синевато-серой грифельной доски. Издалека доносились глухие удары колокола, звонившего в помощь заблудившимся путникам и терпящим бедствие судам, но туман поглощал и эти звуки. Даже частый перестук копыт своего коня Артур улавливал с трудом. Его сознанием завладела мысль, что он скачет во сне; и рассудок все меньше противился этой иллюзии.

Когда он въехал, или, как показалось ему, вплыл на волнах тумана в окрестные поля, а потом и в улочки миссии, то воспринял окружающее как логическое продолжение своего сна. По узкой улице, скудно освещенной редкими, увенчанными туманным ореолом фонарями и оттого кажущейся еще более жуткой и призрачной, он выбрался на *пласа*, к церкви. Даже в густых серых сумерках можно было различить, что одна из башен рухнула, а восточный придел церкви и трапезная стоят в развалинах. Его несколько не поразило, что при этом церковь сияла огнями и была полная молящихся; странный сон, как видно, продолжался. Все еще во власти наваждения, Артур спешил, отвел коня под навес, поблизости от уцелевшей башни, и вошел в храм. Главный неф церкви остался невредим; диковинная живопись по-прежнему украшала стены; восковые фигуры пресвятой девы и священномучеников, желтых и исхудалых, выглядывали из своих ниш; на главном престоле отец Фелипе вершил литургию. Уже входя в храм, Артур услышал, как хор запел моление об усопших; алтарь был затянут черным; по первым же словам священника он понял, что идет заупокойная месса. Лихорадочное нетерпение, владевшее Артуром весь этот последний час, волнение, от которого у него румянцем горели щеки, вдруг покинуло его. Он опустился на скамью рядом с кем-то из молящихся и закрыл лицо руками. Послышались негромкие аккорды смолкнувшего было органа; за ними непривычно звучащие голоса хора; запах ладана стал сильнее; монотонное чтение священника навевало покой; Артуру казалось, что он погружается в забытие. Минут через десять, вздрогнув, он очнулся, словно пробуждаясь от тяжелого

сна; он услышал взывавший к нему голос отца Фелипе; рука священника ласково коснулась его плеча. Молящихся в храме уже не было, огни были потушены, только в алтаре пылали две-три свечи. В первое мгновение Артур не мог понять, где он и что с ним происходит.

— Я знал, что ты приедешь, сын мой, — сказал отец Фелипе, — а где же она? Ты не привел ее с собой?

— Кто она? — спросил Артур, стараясь собраться с мыслями.

— Кто она?! Да будет над нами милость божья, дон Артуро! Та, которая призвала тебя сюда, донна Мария. Или ты не получил ее послания?

Артур ответил, что только что приехал и сразу же поспешил в церковь. Он не решился сказать священнику, что сперва сделал попытку проехать в Ранчо Пресвятой Троицы; не признался он и в том, что за эти два часа ни разу не вспомнил о донне Марии.

— Вы служили заупокойную мессу, отец Фелипе? У вас несчастье?

Он замолк, не в силах решить, случилось ли то, что заполняет его ум, на самом деле или он все еще во власти расстроенного воображения.

— Святая мать божья! — промолвил отец Фелипе, изумленно глядя на Артура. — Значит, ты не знаешь, по ком я служил мессу? Ты не знаешь, что наша святая заступница покинула нас, что донна Долорес обрела вечное блаженство?

— Я думал... В телеграмме донны Марии сказано... что она исчезла, — пробормотал Артур, чувствуя, что снова перестает владеть собой, что щеки его бледнеют и голос прерывается.

— Исчезла! — воскликнул отец Фелипе с легким укором в голосе. — О да, исчезла! Мы найдем ее, когда обречем вновь Ранчо Пресвятой Троицы, когда развалины ее жилища, погребенные ныне на глубине в пятьдесят футов, будут подняты на поверхность земли. Исчезла, дон Артуро, исчезла. Навеки! Навсегда!

Как видно, встревоженный чем-то во взгляде своего слушателя, отец Фелипе тотчас обрисовал Артуру подробности катастрофы, уже разгаданной им ранее в общих чертах. С домом и службами произошло примерно то же, что и с корралем. Сила подземного толчка сперва сокрушила Ранчо Пресвятой Троицы, а потом разверзла землю под ним на глубину в пятьдесят футов. Никто не спасся. Вер-

ные *вакеры* устремились к ранчо по содрогавшейся, ходившей ходуном равнине, но успели лишь к моменту, когда пропасть поглотила его. Дон Хуан, донна Долорес, верная Мануэла, мажордом Алехандро, полтора десятка людей из числа пеонов и прислуги — все погибли среди развалин. Почему не ищут тела? Матерь божья! Значит, дон Артуро не знает, что после второго толчка земля сомкнулась над разрушенным ранчо и надежно захоронила развалины и погибших. Они пытались рыть, но что могут поделывать десять человек? Конечно... через несколько месяцев... кто знает... быть может, что-нибудь у них и получится. Фаталистическая покорность, с которой отец Фелипе повествовал о гибели донны Долорес, пробудила в Артуре глубокий протест. В Сан-Франциско, пока не исчезла бы последняя тень надежды, сотня добровольцев рыла бы день и ночь, чтобы откопать погребенных людей. А здесь!.. Артур вспомнил вялые, инертные лица слуг в доме Сальватьерра. Какова же должна быть их покорность судьбе перед лицом таинственной катастрофы, подумал он, если так судит о ней их духовный вождь и судья? Артур невольно содрогнулся. Что делать?! Конечно, он мог бы, с помощью Дамфи, выписать артель землекопов из Сан-Франциско. Но тут заговорила инстинктивная осторожность, никогда не оставляющая людей типа Артура. Если эти испанцы, потерявшие близких друзей, родственников, относятся к случившемуся так пассивно, почему он, чужой человек, должен вмешиваться в их дела?

— Пойдем, сын мой,— сказал отец Фелипе, отечески кладя Артуру на плечо свою большую мягкую руку.— Пойдем ко мне. Милостью святой девы у меня еще есть кровля над головой и найдется местечко, чтобы приютить тебя. Ай-ай-ай! Поглядите! — добавил он, прикасаясь к рединготу Артура и так заботливо оглядывая своего гостя, словно тот был ребенком.— Это еще что такое? Безбожный туман пронизал тебя насквозь. Руки совсем ледяные. Щеки пылают. Ты измучен вконец. И, конечно, проголодался. Нет, нет, не возражай. Идем скорее!

Взяв под руку безвольно предавшегося ему Артура, священник открыл дверь ризницы и повел его через палисадник, весь заваленный обломками рухнувшей башни, к низенькому кирпичному строению, служившему прежде местом для школьных занятий. Сейчас его наспех переоборудовали для отца Фелипе, чтобы оно могло служить ему как светским обиталищем, так и монашеской кельей. В

низком камине, походившем на кухонный очаг, весело пылал огонь. По стенам висели прописи, демонстрировавшие успехи учеников в каллиграфии и в законе божьем одновременно. В дальнем конце комнаты стоял небольшой орган. Посередине, как раз напротив камина, было окно, то самое окно, в глубоком проеме которого всего две недели тому назад Джек Гемлин впервые увидел донну Долорес.

— Как часто бывала она здесь, наставляя своих учениц, бедная наша девочка, — сказал отец Фелипе, угостившись изрядной порцией нюхательного табаку и вытирая вслед за тем нос и глаза огромным красным платком. — Эта школа — лучший памятник для нее! По милости донны Долорес — а ее щедрости не было границ, когда дело касалось церкви, — здесь заложены основы будущего монастыря пречистой Девы, ее святой покровительницы. Ты вел ее дела, дон Артуро, и знаешь, конечно, что все имение Сальватьерра она завещала пресвятой церкви.

— Понятия не имею, — сказал Артур, неожиданно для себя загораясь вдруг еретически-протестантским негодованием и впервые за все время знакомства с отцом Фелипе бросая на почтенного священнослужителя взгляд, исполненный подозрительности. — От донны Долорес я не слышал даже намека на это. Скажу вам более того...

— Не надо, не надо, сын мой, — прервал его отец Фелипе, отправляя в нос вторую, столь же изрядную понюшку. — Едва минули сутки, как бедная девочка ушла от нас, только что отзвучала зауспокойная месса... — Он громко высморкался. — Потолкуем об этом позже. А пока здесь ожидает тебя нечто более срочное. Я получил телеграмму.

Он вручил Артуру желтый конверт. Но взгляд Пуанзета остановился на визитной карточке, которую он приметил на столе, пока священник разрывал свои бумаги в поисках телеграммы. На карточке значилось имя полковника Кульпепера Старботтла из Сискью.

— Вы знакомы с этим человеком? — спросил Артур, в одной руке держа невскрытую телеграмму, а другой указывая на карточку.

Отец Фелипе приложился к табакерке.

— Возможно, что знаком, вполне возможно. Помнится мне — это адвокат. Что-то у нас было с ним по поводу церковных земель. А что именно — позабыл. Ты не распечатал телеграммы, дон Артуро. Что там такое? Уж не вызывают ли тебя домой? А ты здесь еще и часа не пробыл.

Отец Фелипе замолчал и с невиннейшим видом встре-

тил настороженный взгляд Артура. С минуту старик и молодой человек испытующе смотрели друг на друга. Артур первый отвел глаза, хотя ясный невозмутимый взор священника не развеял его сомнений. Он припомнил все, что слышал в разное время о беззакониях, творимых католической церковью, о ее могущественных связях; особо вспомнились ему рассказы о коварных происках монашеского ордена, к которому принадлежал отец Фелипе; а он-то, простак, считал их баснями, не верил, смеялся. Чувствуя, что в душе его отныне поселяется подозрительность по отношению к человеку, в обществе которого ему было всегда так легко и свободно, Артур подавил невольную грусть и занялся телеграммой. Волновавшие его только что мысли разом вылетели из головы. Телеграмма была от Дамфи и содержала следующее характерно составленное сообщение:

«Гэбриель Конрой арестован обвинению убийстве Виктора Рамиреса. Что имеете предложить? Жду ответа».

Артур поднялся.

— Когда почтовая карета отходит из Сан-Джеронимо? — торопливо спросил он.

— В полночь, — ответил отец Фелипе. — Уж не намерены ли ты, сын мой...

— А сейчас девять, — сказал Артур про себя, глядя на часы. — Добудьте мне резвого коня, отец мой, — обратился он к священнику, возвращаясь к прежнему дружескому и откровенному тону. — Дело огромной важности.

— Огромной важности? — тихо переспросил священник.

— Да, вопрос жизни и смерти, — твердо ответил Артур.

Отец Фелипе позвонил в колокольчик и дал указания вошедшему слуге; тем временем Артур, присев к столу, набросал ответную телеграмму.

— Прошу вас, отправьте ее как можно скорее, — сказал он, вручая написанное отцу Фелипе.

Священник взял телеграмму и поглядел на Артура обеспокоенным взором.

— А как же с донной Марией? — нерешительно спросил он. — Ты ведь даже не повидался с ней. Заверни в Ранчо Блаженного Рыбаря хоть на одну минуту.

Натянув свой редингот и накинув поверх плащ, Артур лукаво улыбнулся.

— Боюсь, что у меня не хватит времени, отец мой. Объясните донне Марии, что меня вызвали внезапно, что я был лишен возможности посетить ее. Донне Марии знакома

прелесть беседы с вами; она не посетует, когда узнает, что немногие минуты, что я был здесь, я провел в вашем обществе.

Отец Фелипе не успел ничего возразить, как вошел слуга и доложил, что лошадь оседлана.

— Спокойной ночи, отец Фелипе,— сказал Артур, горячо пожимая руки священнику и чувствуя, что от недавнего нерасположения к нему у него не осталось и следа.— Спокойной ночи. Тысячи благодарностей за коня! Споспобствуя быстрому отъезду вашего гостя,— добавил он серьезно,— вы сделали многое для спасения его души. Гораздо больше, чем вы думаете. Еще раз спокойной ночи. Adios!

Веселый смех, изящный силуэт всадника на призрачном коне, машущего рукой на прощание, холодный серый туман, вторгшийся в отворенную дверь, приглушенный стук копыт по замшелым, осклизлым мраморным плитам церковного двора — и отец Фелипе снова остался один. Воззвав к милости божьей и еще раз приложившись к табакерке, он захлопнул дверь; после чего разыскал на столе карточку доблестного полковника Старботтла и бросил ее в огонь.

Увы, злоключения святого отца на этом не кончились. Наутро, не успел он позавтракать, к нему явилась донна Мария Сепульвида, встревоженная, негодующая, исполненная подозрений.

— Скажите мне, отец Фелипе,— торопливо спросила она.— Не у вас ли провел ночь дон Артуро?

— Нет, дочь моя,— осторожно ответил священник.— Он пробыл у меня совсем недолго.

— Когда же он уехал? — спросила донна Мария.

— В девять вечера.

— Куда он поехал? — снова спросила донна Мария, заливаясь гневным румянцем.

— В Сан-Франциско, дитя мое, по какому-то срочному делу... Присядьте, дочь моя, смирите свой гнев, он — от искусителя.

— А известно ли вам, отец Фелипе, что он уехал, не поймавшись со мной? — вскричала донна Мария, как видно совсем позабыв о надлежащем почтении к своему духовнику.

— Вполне возможно, дитя мое! Он получил телеграмму, очень важную телеграмму.

— Получил телеграмму! — презрительно повторила донна Мария.— Интересно от кого?

— Не знаю,— сказал отец Фелипе, пристально глядя на

раскрасневшиеся щеки, сверкающие бешенством глаза и слегка припухшие веки своей гостью.— Ваша досада, дитя мое... ваш гнев... Подумайте... Пристойны ли они?

— Скажите, от кого была телеграмма? От Дамфи? — твердила свое донна Мария, топая маленькой ножкой.

Отец Фелипе отодвинулся вместе со стулом. Как случилось, что женщина, которую он отлично помнил кроткой, послушной женой своего мужа, словно чудом каким-то преобразилась в сварливую вдову? Или она решила выместить на Артуре горькие обиды, которые терпела от донна Хосе? Подумав о том, что уготовано Артуру, отец Фелипе от души его пожалел.

— Ответите ли вы на мой вопрос? — спросила донна Мария, вся трепеща и обнаруживая верные признаки приближающегося нервного припадка.

— Быть может, и от Дамфи,— в растерянности сказал отец Фелипе.— Во всяком случае, ответ, который дон Артур поручил мне отправить, адресован ему. Вот он: «Возвращаюсь немедленно». Точнее сказать вам, от кого была телеграмма,— я не сумею.

— Не сумеете! — пронзительно закричала донна Мария, вскакивая со стула. Кровь разом отхлынула у нее от лица; глаза метали искры.— Не сумеете! Зато я сумею! В его телеграмме было сказано то же, что и в моей! — Выхватив из кармана телеграмму, она потрясла ею перед самым носом священника.— Вот! Читайте! Он узнал те же новости, что и я. Вот почему он не пошел ко мне; сбежал, как жалкий трус! Вот почему он гнусно предал меня! Вот почему он заявился к вам со своей надменной улыбкой, с важным видом, со своим... О, как я его ненавижу! Да, да! Прочитайте! Почему же вы не читаете?.. (Продолжая кричать, донна Мария, отчаянно размахивала телеграммой, и все попытки отца Фелипе получить ее оставались тщетными.) Прочитайте! Тогда вы сразу все поймете! Вы увидите, что я разорена, что я нищая! О, несчастная, обманутая женщина! Попасться двум таким негодьям — этому Дамфи и мистеру Артуру Пуанзету! Что же вы не читаете? Или вы тоже против меня? И вы, и Долорес, и все...

Она скомкала телеграмму, швырнула ее на пол, потом вся побелела и грохнулась без чувств к самым ногам отца Фелипе. Отец Фелипе поглядел сперва на бумагу, затем на неподвижное тело своей духовной дочери. Мужчина, человек, проживший на свете много лет и основательно изучивший женскую природу, он (не скрою этого в своей правди-

вой повести) решил сначала заняться телеграммой. Она гласила:

«Сожалением сообщаю только что полученным сведениям жила Конроя исчезла результате землетрясения компания прекращает выплату акции обесценены. Дамфи».

Отец Фелипе склонился над бесчувственной молодой женщиной и поднял ее на руки.

— Бедняжка! — сказал он. — Артур, конечно, ничего не знал об этом!

Глава 2

ЖЕЛТЫЙ КОНВЕРТ

На сей раз, словно в насмешку, все дурные слухи о жиле Конроя оправдались. Иные из акционеров еще пытались тешить себя надеждой, что это очередной трюк играющих на понижение дельцов, но, увы, очень скоро прискорбные факты, изложенные в телеграмме мистера Дамфи, сделались достоянием широкой гласности. Акции продавались сперва по тридцати пяти долларов за штуку, потом по десяти, потом за них не стали давать ни цента. Уже через час после землетрясения вся Гнилая Лощина знала, что жила «ушла в землю», что ее накрыло сверху пластом гранита неслыханной толщины, что сокровище навеки погребено в земных недрах. Жила «ушла». Но куда же? А бог ее знает! Было выдвинуто несколько более или менее научных объяснений происшедшего. Сторонники одного из них считали, что жила «опустилась», противники их, наоборот, твердили, что гранит «поднялся»; впрочем, и те и другие соглашались, что все равно ничего тут не поделаешь. Природа каменным своим перстом не раз указывала на явно зримые и относящиеся к историческому прошлому Лощины следы подобных же геологических перемен. Но у обитателей Гнилой Лощины сумрачная формула «предупреждаю вас!», даже исходя из уст природы, имела не более успеха, чем высказывания пророков пессимистического направления из их собственной среды.

Дурные вести распространились с огромной быстротой. Несколько путешествующих калифорнийцев узнали о случившемся, находясь в Европе; с нахмуренными лицами они устремились к своим банкирам. Дурные вести застави-

ли побледнеть опекуна, коему было доверено имущество сирот; нагнали страху на нескольких вдов; вынудили некоего клерка, пользовавшегося особым доверием хозяина, с позором уйти в отставку; произвели столь ошеломляющее впечатление на мистера Рейнора в Бостоне, что все, кто внимал последнее время его похвалам калифорнийской экономике, поняли сразу, что он не выдержал характера и оставил в Калифорнии некоторую часть своих сбережений. Тихоокеанское побережье было потрясено моральным ударом куда сильнее, нежели подземными толчками. О том, что землетрясение, грозящее людям увечьем и смертью, может вдруг повториться, — как-то не думалось; но этот удар по собственности породил сильнейшее брожение в умах. Если природа намерена и впредь односторонне нарушать контракт, в силу которого столь достойные люди приехали в Калифорнию и посвятили себя промышленному развитию края, что ж, тогда нужно сказать ей прямо, без обиняков: так дело не пойдём! Именно таково было решительное суждение свободной и просвещенной прессы. Некоторые из старейших калифорнийских поселенцев стали поговаривать о возвращении на Восток.

В этой обстановке всеобщего разброда мистер Дамфи сохранял железное спокойствие и даже проявлял по отношению к своим ближним некоторую добавочную свирепость. Никто из клиентов не смел жаловаться ему на денежные потери или обнаружить перед лицом банкира нехватку выдержки.

— Дела дьявольски плохи, — говорил он каждому входящему в его кабинет. — Что имеете предложить?

Поскольку каждый таил в груди одно лишь страстное желание получить обратно потерянные деньги и именно об этом не решался сказать мистеру Дамфи, то банкир неизменно торжествовал победу. Торжествующим его застал и мистер Пуанзет, когда зашел к нему наутро после возвращения из Сан-Антонио.

— Ну как, невесело там? — спросил банкир довольно бодрым тоном. — Вдове повезло больше, чем некоторым ее соседям, но настроение у нее, полагаю, неважное. Сочувствую вам, Пуанзет. Как деловой человек, вы не станете оспаривать, что капитал был помещен надежно; но попробуйте доказать это женщине! Надеюсь, что ранчо заложено не более чем за половину стоимости. Ну как она, вне себя? Меня это не удивляет. Наверное, твердит, что ее надули.

Женщина всегда женщина! Мы-то с вами их хорошо изучили, не правда ли, Пуанзет?!

Испустив свой обычный лай, мистер Дамфи подмигнул гостю.

Артур поглядел на банкира с непритворным удивлением.

— Если вы имеете в виду миссис Сепульвида,— холодно сказал он,— я не виделся с ней. Думал навестить ее попозже, но ваша телеграмма нарушила мои планы. Я успел лишь побеседовать по делу с отцом Фелипе.

— Значит, вы не знаете, что жила Конроя разрушена землетрясением? Ушла вниз, под землю; а с нею и пятьдесят шесть тысяч вдовы! — Мистер Дамфи прищелкнул пальцами, как бы обозначая тем жалкую участь капитала, еще недавно принадлежавшего вдове.— Не знаете?

— Нет,— ответил Артур с глубоким спокойствием и какой-то томной задумчивостью во взоре, которая потрясла мистера Дамфи больше, чем самое сильное выражение отчаяния,— впервые слышу. Надеюсь, не это побудило вас вызвать меня телеграммой.

— Нет,— поспешил ответить Дамфи, не отрывая внимательных глаз от Пуанзета и стараясь разгадать причину непонятого, ни на что не похожего равнодушия своего гостя к денежным делам женщины, на которой он намерен был жениться.— Конечно, нет.

— Так вот,— сказал Артур с тем таящим угрозой спокойствием, по которому только и можно было судить о его глубоком интересе к предмету разговора.— Я еду в Гнилую Лощину, чтобы повидать Гэбриеля Конроя и выступить защитником на его процессе. Теперь прошу вас рассказать мне об этом убийстве, в котором, кстати говоря, Гэбриель, если он по-прежнему тот Гэбриель, каким я его знаю, не принимал, конечно, ни малейшего участия. За сим я готов выслушать и вашу историю; потому что маловероятно, чтобы вы вызвали меня, не имея к тому личной надобности. Понимаю, конечно, что вам показалось весьма соблазнительным теперь, когда Рамиреса больше нет, избавиться также от Гэбриеля и его жены. Но об этом позже. Расскажите мне про убийство.

Мистер Дамфи, подавленный Артуром и, так сказать, перешедший под его командование, вкратце изложил уже известные читателю факты; он получал полную информацию о происходящем прямо по телеграфу из Гнилой Лощины.

— В последней телеграмме говорится, что он снова задержан,— сказал Дамфи,— думаю, больше попыток лин-

чевать его не будет. Он принял надлежащие меры,— добавил он, возвращаясь к прежнему самоуверенному тону,— у меня там свои люди.

В первый раз с начала разговора Артур словно очнулся от своих тайных дум и бросил на собеседника пронизательный взгляд.

— Иначе вы и не могли поступить,— холодно заявил он,— не такой же вы болван, Питер Дамфи, чтобы потерять единственного свидетеля, доподлинно знающего о смерти вашей жены; даже если вы полагаете, что самозванка, выдающая себя за вашу жену, замешана в этом убийстве и будет скрываться от преследования закона. Не так уж вы глупы, чтобы не подумать о том, что миссис Конрой, которая обожает своего мужа, будет пытаться выручить его всеми доступными ей средствами и не постесняется раскрыть ваши тайны, чтобы спасти его и себя. Впрочем, зачем я вам это разъясняю,— добавил Артур, как бы опомнившись,— такой опытный бизнесмен, как вы, конечно, учитывает подобные обстоятельства, не дожидаясь советов со стороны.

По мере того как Артур развивал свои доводы, он следил, как румянец сменяется все большей бледностью на лице банкира, и по этим признакам прочитал, с бессознательным торжеством и с чувством превосходства (не скрою того от читателя), что мистер Дамфи не учел ни одного из названных им обстоятельств и если не преуспел в своих опрометчивых планах, то уж никак не по своей вине.

— Никто не поверит показаниям женщины, обвиняемой в убийстве,— возразил мистер Дамфи самоуверенным тоном, который на сей раз дался ему с трудом.

— А что, если оба они, и Гэбриель, и эта женщина, покажут под присягой, что брошенная вами миссис Дамфи жива и здорова? А что, если они оба под присягой покажут, что, выдав госпожу Деварджес за Грейс Конрой, вы пытались незаконно присвоить рудоносную жилу, вам не принадлежащую? А что, если она скажет, что раскаялась в своем преступном деянии и во искупление вины вышла замуж за Гэбриеля? А что, если они оба признаются в убийстве Рамиреса и заявят суду, что он преследовал их по вашему наущению, а вы продолжаете преследовать их и ныне? А что, если они покажут, что Рамирес изготовил фальшивую дарственную по вашему приказанию?

— Ложь! — вскричал Дамфи, вскакивая со стула,— Он сделал это из ревности!

— Где доказательства? — спросил Артур.

— Дарственная — не на мое имя. Она выдана какому-то землевладельцу из Сан-Антонио. Я представлю суду документы.

— И чего же вы этим добьетесь? Всякий поймет, что вам не было никакого резона изготавливать дарственную на свое имя в момент, когда вы покупали у Гэбриеля его дарственную. Не глупите, Дамфи! Я отлично знаю, что в деле с фальшивой дарственной вы ни при чем. Я просто хочу показать, как опасно вам ссориться с этой женщиной, которую вы непременно хотите ожесточить, вместо того чтобы сделать своей союзницей, о чем вам следовало бы подумать уже давным-давно. Если вы решили мстить за Рамиреса, подумайте сперва, понравится ли вам, когда они покажут на суде, что он был вашим агентом; а это они сделают наверняка, если вы не купите их молчания, придя им вовремя на помощь. Убили они его или нет, не ваша забота. Вы не прокурор и не судья. Вы должны их выручить в своих же собственных интересах. Пока что, — добавил Артур, помолчав, — поздравьте себя, что линчеватели не повесили Конроя и ко всем прочим побуждениям этой отчаявшейся женщины не прибавилась еще и жажда мести.

— Вы считаете по-прежнему, что за полковником Старботтлом стоит миссис Конрой?

— Да, я так считаю, — ответил Артур.

Дамфи задумался. Следует ли ему доверить Артуру свой разговор с полковником Старботтлом и эту таинственную историю с полученным и потерянным конвертом? Артур отгадал колебания Дамфи по его лицу и пресек их прямо поставленным вопросом:

— Разговаривали вы второй раз с полковником Старботтлом?

Дамфи решил быть откровенным и подробно рассказал о беседе с полковником о том, как он предложил взятку, как полковник согласился принять ее на определенных условиях, как он получил из рук полковника конверт и необъяснимым образом его утратил. Последнюю часть рассказа Артур выслушал внимательно, но с особенным выражением лица, в истинном значении которого невозможно было ошибиться.

— Итак, вы утверждаете, что потеряли конверт, доверенный вам как джентльмену! — сказал Артур, оскорбительно подчеркивая каждое слово. — Потеряли, даже не

вскрыв его и не успев ознакомиться с его содержимым? Весьма прискорбно, мистер Дамфи, весьма прискорбно!

Негодование порядочного человека, заподозренного в несвойственном его природе бесчестном поступке, ничто в сравнении с яростью мазурика, обвиненного в жульничестве, которое он не сумел или не успел совершить. Мистер Дамфи весь побагровел. Было настолько ясно, что он действительно потерял конверт и действительно не успел вскрыть его, что Артур оставил эту тему.

— А что сказал он вам о миссис Конрой? — спросил он.

— Категорически отрицал ее участие, — ответил Дамфи. — Он сказал, что получил свои инструкции от другого лица, совершенно мне неизвестного. Думаю, Пуанзет, что на сей раз вы ошиблись. Эта женщина ни при чем.

Артур покачал головой.

— Но кто другой владеет фактами, с помощью которых может вас шантажировать? И кто еще может быть заинтересован в этом?

Дверь отворилась, вошел клерк с визитной карточкой в руке. Мистер Дамфи схватил карточку и громко прочитал: «Полковник Старботтл из Сискью».

— И прекрасно, — сказал он. — Зови его.

Когда клерк вышел, Артур повернулся к банкиру.

— Насколько я понимаю, вы вызвали меня, чтобы я встретился с этим человеком?

— Да, — ответил Дамфи с прежней грубоватостью.

— Тогда придержите язык и предоставьте инициативу мне.

Дверь распахнулась; сперва показались жабо и выпяченная грудь полковника Старботтла, за ними последовал и сам их доблестный обладатель. Для него, очевидно, было неожиданностью присутствие в кабинете Дамфи третьего лица, однако, каковы бы ни были чувства полковника, они никак не отразились на его величественной осанке и манерах.

— Мой юрист, мистер Пуанзет, — сказал Дамфи, представляя Артура.

Старботтл ограничился церемонным поклоном, но Артур, с очаровательно-любезной и в то же время почтительной улыбкой, которая удивила Дамфи и разом покорила полковника, поднялся с протянутой рукой навстречу старшему собрату.

— Не смею, конечно, равняться с вами в опыте и познаниях, сэр, но как друг покойного Генри Бисуингера я горд

и счастлив пожать руку тому, кто в качестве верного его секунданта столь доблестно показал себе два года тому назад.

— Боже мой, сэр! — сказал полковник Старботтл, заливаясь счастливым румянцем и с шумом, подобным взрыву небольшой бомбы, раскрывая свой носовой платок. — Весьма польщен, сэр! Познакомиться с человеком, который был другом Хэнка Бисуингера, большая радость для меня. Сто чертей, сэр, я помню эту схватку, как будто она произошла только вчера. Схватка по всем правилам, безукоризненная дуэль, сэр! Ваш друг, сэр, — сто чертей! — я счастлив познакомиться с вами! — был сражен вторым выстрелом противника. Скончался, как истый джентльмен! Никакой тебе суеты, никаких репортеров, никаких арестов! Окруженный глубоким сочувствием друзей! Будь я трижды проклят, если еще хоть раз в жизни участвовал в такой прекрасной дуэли. Я счастлив познакомиться с вами, сэр! Благодаря вам я снова переживаю эту изумительную страницу нашего кодекса чести, который при господствующем положении вещей, при нынешнем упадке общественной морали осужден на верную гибель, увы, сэр. Мы неудержимо сползаем к политическому и социальному порядку, при котором голос чести будет заглушен воплями фабрикантов и торгашей-янки. Сто чертей, сэр!

Полковник Старботтл сделал риторическую паузу, громко высморкался и устремил в потолок скорбный взор, в котором можно было прочесть, что дни рыцарских нравов миновали без возврата и что американская республика идет к краху. Мистер Дамфи, с трудом скрывая раздражение, откинулся на спинку кресла. Мистер Артур Пуансет оставался по-прежнему любезным и внимательным.

— Я тем более ценю, полковник, возможность познакомиться с вами, — веско сказал Артур, — что мой клиент, присутствующий здесь мистер Дамфи, испытывает затруднение, при котором он особо нуждается в вашей снисходительности. Во время землетрясения он утратил некий документ, доверенный ему на хранение под честное слово; по видимому, документ пропал. Конверт, в котором он был заключен, не вскрыт моим клиентом, печать — в целости; документ остался непрочитанным. Дело это весьма щекотливое, и я могу лишь выразить живейшую радость, что джентльменом, передавшим конверт на хранение, оказался не кто иной, как достойный полковник Старботтл, репутация которого всем отлично известна; джентльменом же, имевшим несчастье потерять конверт, — личный мой друг,

мистер Дамфи. Именно исходя из этого счастливого стечения обстоятельств, я позволю себе выступить в указанном деле как посредник; в то же время в качестве друга мистера Дамфи и его юрисконсульта я принимаю на себя полную ответственность за создавшееся положение.

Тон и манера Пуанзета в приведенной речи настолько походили на тон и манеру самого Старботтла, что Дамфи лишь переводил в немом изумлении взгляд с Артура на полковника. Последний же, опустив подбородок на грудь, вперил в Артура озадаченный взор.

— Должен ли я понимать ваши слова в том смысле, что этот джентльмен, мистер Дамфи, доверил вам некоторые конфиденциальные...

— Прошу прощения, полковник,— прервал его Артур, поднимаясь с большим достоинством.— Я привел вам все необходимые факты и, как уже сказал, принимаю на себя в этом деле полную ответственность. Мой клиент сообщил мне, что не вскрывал доверенный ему в запечатанном виде конверт и не знает, куда конверт девался. Для людей чести дело и так достаточно щекотливо; нет надобности осложнять его далее.

— Так, значит, и документ и конверт потеряны? — переспросил полковник Старботтл, не отводя глаз от Артура.

— Потеряны,— спокойно подтвердил Артур.— Я указал моему другу, мистеру Дамфи, что это прискорбное происшествие ни в коей мере не освобождает его как бизнесмена и человека чести от каких-либо обязательств, принятых им в связи с передачей ему упомянутого документа. Поскольку имелась договоренность о залоге или дополнительном обеспечении сохранности документа, таковой залог подлежит безусловной выплате. И мы только ждали вашего визита, полковник, чтобы вручить его вам.

Артур подошел к креслу мистера Дамфи и коснулся его плеча, по видимости только лишь слегка, на самом же деле настолько ощутимо, что мистер Дамфи, едва взглянув на молодого адвоката, тотчас вытащил чековую книжку. Когда он выписал чек на ту же сумму, что и два дня тому назад, Артур позвонил в колокольчик.

— Пусть ваш кассир акцептует чек, и мы освободим полковника Старботтла от излишних хлопот; а поскольку я хочу пригласить полковника к себе в контору, то не угодно ли вам будет распорядиться об оформлении чека немедленно?

Появился клерк; повинувшись указанию мистера Пуанзе-

та, он взял чек из почти что недвижных пальцев мистера Дамфи.

— Позвольте мне заявить, что я полностью удовлетворен вашим... гм... объяснением,— сказал полковник Старботтл, пожимая Артуру руку и одновременно грациозным мановением другой руки оправляя на себе манишку.— Пусть вас не заботит дальнейшая судьба этого документа. Надеюсь, что в конце концов мы обнаружим его; если же нет,— добавил полковник, и в голосе его прозвучала готовность для общего блага пожертвовать собой,— сто чертей, я приму на себя личную ответственность перед моим клиентом.

— Не было ли на вашем конверте какой-либо особой приметы, по которой можно было бы опознать его? — осведомился Артур.

— Простой желтый конверт, сэр! Впрочем, нет! — вдруг вскричал полковник, ударив себя ладонью по лбу.— Сто чертей, сэр, ясно припоминаю, что, пока мы здесь беседовали, я сделал заметку для памяти на лицевой стороне конверта, прямо посередине; я записал на конверте имя человека, о котором мы тогда говорили: Гэбриель Конрой.

— Вы написали на конверте: Гэбриель Конрой? Отлично! Это поможет нам разыскать конверт без того, чтобы его распечатывать,— сказал Артур.— Вам что угодно? — Этот вопрос был обращен к клерку, который вошел во время речи полковника и теперь стоял с акцептованным чеком в руках, глядя попеременно то на полковника, то на своего хозяина.

— Передайте чек получателю,— приказал Дамфи.

Клерк повиновался.

Полковник Старботтл взял чек, сложил его и упрятал куда-то в глубинные складки своей моральной сферы. Закончив с этим, он обернулся к мистеру Дамфи.

— Нужно ли говорить, сэр, что в той мере, в какой я как адвокат располагаю личным влиянием на своего клиента, я сделаю все, чтобы предотвратить неуместную тяжбу в известном вам деликатном деле. Если конверт за это время обнаружится, прошу вас немедленно переслать его мне, поскольку я ответственен за его сохранность. Сто чертей,— добавил полковник,— я был бы горд и счастлив завершить столь достойно заключенное нами соглашение за пиршественным столом, джентльмены, но неотложные дела требуют моего присутствия в другом месте. Через час я выезжаю в Гнилую Лощину!

И Дамфи и Пуанзет невольно вздрогнули.

— В Гнилую Лощину? — переспросил Артур

— Сто чертей, сэръ, именно туда! Я участвую в тамошнем деле об убийстве. Процесс Гэбриеля Конроя.

Артур бросил на Дамфи быстрый взгляд, призывая его к молчанию.

— В таком случае, мы будем с вами соседями в дилижансе, — сказал он, приветливо улыбнувшись, — я тоже направляюсь туда. Кто знает, мы еще можем оказаться со братьями по оружию. Вы выступаете...

— От потерпевшей стороны, — промолвил полковник, слегка выпятив грудь. — По приглашению родных и близких убитого... гм... испанского дворянина из весьма почтенного и влиятельного семейства. Я буду сотрудничать с окружным прокурором, старинным моим приятелем, Нельсом Бакторном.

В глазах Артура мелькнула тревога, но он никак не проявил ее внешне. Бросив еще один угрожающий взгляд на совершенно сбитого с толку и обозленного Дамфи, он с самым любезным видом повернулся к полковнику.

— А если волею судеб, дорогой полковник, нам придется скрестить наши шпаги, уповаю, что и тогда наши личные отношения останутся не менее сердечными, чем сейчас. Пока что позвольте заявить вам, что мы выходим отсюда вместе. Вот моя рука: до моей конторы всего лишь несколько кварталов; мы осушим по бокалу доброго вина на дороге.

Бросив прощальный многозначительный взгляд на мистера Дамфи, Артур Пуанзет ловко подхватил полковника под руку и увел с собой; почтительного воина легко было бы счесть за пленника, если бы счастливый румянец на его лице и выпяченная грудь не свидетельствовали о его полном довольстве. Как только дверь за гостями закрылась, мистер Дамфи выразил обуревавшие его чувства в едином крепком слове. Что он намерен был сказать далее, осталось неизвестным; внимание его было отвлечено клерком, который вошел в кабинет, как только гости удалились, и теперь стоял ошеломленный неистовым гневом банкира.

— Будьте вы все прокляты!! Чего вы здесь стоите? И какого дьявола ждете?

— Прошу прощения, сэръ, — сказал оробевший клерк. — Я случайно услышал, что сказал тот джентльмен о пропавшем конверте, о пометке, по которой его можно узнать. Мы в конторе теперь сообразили, что случилось с конвертом.

— Что?! — спросил Дамфи, подавшись всем телом вперед.

— Когда началось землетрясение, — сказал клерк, — почтальон как раз грузил корреспонденцию, адресованную в Сакраменто и в Мэрисвилл; мешок лежал у него на крыше фургона. После второго толчка лошади понесли; мешок свалился, его прижало колесом к фонарю и он лопнул; несколько писем и пакетов вывалилось на тротуар как раз под вашим окном. Когда ночной сторож помогал почтальону подбирать рассыпанную почту, ему попался простой желтый конверт без адреса; на конверте было написано карандашом: Гэбриель Конрой. Он решил, что конверт выпал из какого-нибудь пакета, и сунул его с прочими в мешок. Когда вы стали нас расспрашивать о пропавшем чистом конверте, никто не подумал об этом письме, потому что на нем стояло имя получателя. Сейчас мы запросили почтовую контору и получили ответ. Они сообщают, что проштемпелевали письмо и отправили Гэбриелю Конрою в Гнилую Лощину, как поступали и прежде, когда в адрес банка приходила его личная корреспонденция. Это все, сэр. Полагаю, что письмо уже благополучно дошло до адресата.

Глава 3

ГЭБРИЕЛЬ ЗНАКОМИТСЯ СО СВОИМ АДВОКАТОМ

Ходатайство Гэбриеля в пользу мистера Гемлина было уважено шерифом. Фургон был реквизирован, раненого, невзирая на его шумные протесты, отвезли в отель «Великий Конрой» и сдали с рук на руки его верному оруженосцу; там Джек Гемлин и остался лежать, свободный теперь от преследования закона, но зато без сознания и в жесточайшем бреду.

Поскольку шериф считал государственную тюрьму в Гнилой Лощине ненадежной, — а быть может, не только тюрьму, но и обитателей поселка, — он перевез арестованного, а с ним вместе и Олли в Уингдэм. То, что Олли сообщила о переменах в общественном мнении, точнее говоря, о замене интереса к Гэбриелю интересом к землетрясению, оказалось в общих чертах верным. Весть о том, что шериф вновь арестовал Гэбриеля, не вызвала заметной сенсации;

что еще удивительнее, было отмечено зарождение симпатии к арестованному. Действия виджилянгов успеха не имели, для главных же инициаторов завершились плачевно. Полагаю, что неуспех суда Линча и был главной причиной, почему все охладели к нему. К тому же вся эта история легко могла нанести ущерб деловой и коммерческой репутации Гнилой Лощины. Три главных линчевателя погибли и, конечно, были достойны всякого осуждения. Гэбриель был жив, и вину его еще предстояло доказать. «Вестник Среброполиса», всего десять дней тому назад писавший о том, сколь благородное зрелище представляет собою «свободный народ, когда, оскорбленный в заветных чувствах, он взывает к первоосновам Порядка и Справедливости и, как один, устремляется в их защиту», — теперь преспокойно захоронил троих убитых, а вместе с ними и тайну их убийства под кратким сообщением, что они погибли, «обследуя крышу суда с целью выяснить ущерб, причиненный зданию подземными толчками». Редактор «Знамени» пропагандировал ту же версию, хоть и с несколько меньшим усердием; под конец же не удержался от насмешливого предложения, чтобы впредь «к статуе Правосудия допускали более квалифицированных экспертов». Надеюсь, что просвещенный читатель не оскорбит меня подозрением, что я утратил веру в конечную справедливость народного инстинкта, в непогрешимость истинно демократического духа, повинуюсь которым «мы, американцы (цитирую «Вестник»», еще на заре нашей истории сумели противостоять охраняемой законом деспотии и взяли бразды правления в собственные руки», или же в иной формулировке (цитирую публициста из «Знамени»), «решили, что мы не хуже иных прочих, и взяли быка за рога». Я счел нужным отметить эти незначительные несообразности и противоречия в общественном мнении и в людских поступках, лишь повинуюсь суровому долгу летописца; если же кто намерен обвинить меня в злонамеренном критиканстве или политических происках, то заранее спешу заявить: у меня и в мыслях подобного не было.

Никто в Гнилой Лощине не выразил недовольства, когда Гэбриелю разрешили до суда выйти из тюрьмы; никто не выразил удивления, когда представитель банка Дамфи выступил его поручителем и внес за него залог в размере пятидесяти тысяч долларов. Стоит отметить как пример неожиданности в биржевой игре, что инициатива Дамфи была тотчас использована в качестве доказательства, что

банкир еще сохраняет какие-то виды на злосчастный рудник, связанный с именем Гэбриеля; в результате акции рудника поднялись на несколько пунктов.

«Слыхали, как ответил Дамфи на слухи о «пропавшей жиле» и «погибшем руднике»? Взял на поруки Гэбриеля! Вот это ход! Да, такого человека голыми руками не возьмешь!» Дамфи стал популярен в Гнилой Лощине, как никогда, а Гэбриель вышел из тюрьмы в ореоле мученика. Оба были немало удивлены таким оборотом дела. Поскольку Гэбриелю не захотелось жить в своем прежнем доме, который он в самый день убийства отказал жене, его с Олли поместили в отеле «Великий Конрой». Миссис Маркл, проявлявшая в частных беседах с юристом Макссуэллом величайшую заботу о судьбе Гэбриеля, по какой-то чисто женской прихоти, которую я не стану пытаться объяснить, обращалась с самим Гэбриелем чрезвычайно холодно. Он был озадачен этим, но в то же время и обрадован. Боюсь, что если бы добросердечная вдова узнала, какое облегчение почувствовал Гэбриель, заметив в первый раз ее нелюбезность, она, пожалуй, не стала бы тратить столько времени на совещания с юристом Макссуэллом. Впрочем, может быть, я тут недостаточно справедлив к великодушной и щедрой половине человечества. Позволю себе по этому поводу привести слово в слово беседу Гэбриеля с миссис Маркл, имевшую место в отеле «Великий Конрой»:

М и с с и с М а р к л (высокомерным тоном, рассеянно поглядывая на потолок). Мы, конечно, не можем обеспечить вам здесь, мистер Конрой, французскую кухню и то внимание, которым вы были окружены в своем доме на Холме; мы простые люди, горцы, к разносолам не приучены. Зато и место свое знаем; не хвастаем, будто устроили вас, как дома. А что я редко к вам захожу, мистер Конрой, то ведь, сами понимаете, надо за всем присмотреть; сорок постоянных жильцов да двадцать пять приезжих. Если вам что понадобится, нажмите звоночек, служанка тотчас прибежит. Вы отлично выглядите, мистер Конрой. Надеюсь, дела у вас по-прежнему в порядке (*миссис Маркл считала дурным тоном упоминать о несчастных обстоятельствах Гэбриеля*), хотя, если верить приезжим, в деловой жизни сейчас застой.

Г э б р и е л ь (пытаясь скрыть свою радость под покровом светскости). Только не вздумайте обирать себя и делать нам скидку, миссис Маркл. Мы ведь переехали сюда по совету врачей, которые пользуют Олли. Недаром говорится: перемены украшают жизнь. И вы тоже отлично

выглядите, миссис Маркл (*тут Гэбриеля охватывает внезапный страх, что он, кажется, вступил на опасную стезю*), — то есть я хочу сказать, что у вас здоровый, бодрый вид. А как поживает малютка Марти? Просто удивительно, как это мы с Олли ни разу не побывали у вас за все это время! (*Гэбриель переходит к прямой лжи*). Сколько раз, бывало, совсем уже соберешься, и вдруг, в последнюю минуту, что-нибудь да помешает.

М и с с и с М а р к л (*с ледяной учтивостью*). Как лестно это слышать! Я ведь заглянула к вам, чтобы проверить, все ли у вас в порядке. Спокойной ночи, мистер Конрой, будьте здоровы. (*Величественно удаляясь*). А если вам что понадобится, нажмите звоночек, и тотчас прибежит служанка. Спокойной ночи!

О л л и (*появляясь минутой позднее, исполненная темных подозрений, кипит от досады*). У нас одни только беды... Бог весть что происходит... Жюли... А ты милуешься с этой крокодилицей. Нет, я этого не потерплю!

Г э б р и е л ь (*краснея до корней волос, изнемогая от стыда*). Ну что ты, Олли! Малость потолковали со старой знакомой... Просто так, чтобы убить время... И еще, знаешь, чтобы повлиять на общественное мнение и на приезжих. Вот в чем штука. Ты просто не поняла, Олли. Я ведь действовал по совету юриста Максвелла.

Но не все его встречи в «Великом Конрое» были так безобидны. Вскоре в гостинице появилась никому не известная женщина с крупными чертами лица; глубокий траур свидетельствовал, что она была близка к мексиканцу, за смерть которого предстояло ответить Гэбриелю; она ожидала начала суда и, должно быть, жаждала отмщения. Ее повсюду сопровождал пожилой темнолицый мужчина, наш старый знакомец, дон Педро; сама же она была той самой кутавшейся в шаль Мануэлой с Пасифик-стрит. Все в Гнилой Лощине почему-то считали, что на руках у нее сенсационные и совершенно исчерпывающие улики против Гэбриеля. Желтолицая чета имела обыкновение бродить по гостиничным коридорам и таинственно шушукаться на иностранном диалекте, которого никто в Гнилой Лощине не понимал; Олли же была уверена, что толкуют они всегда об одном: о запрятанных *stiletto*¹ и о планах кровавой мести. По счастью для Гэбриеля, он был вскоре избавлен

¹ Кинжалы (*исп.*).

от шпионажа зловещей четы появлением на арене третьего лица, мисс Сол Кларк. Нечего говорить, что эта молодая особа, облаченная в глубокий траур и как бы символизировавшая в своем лице все наиболее возвышенные интересы покойного, была возмущена непрошенным вторжением чужаков. В течение дневных трапез и при случайных встречах в коридоре обе женщины обжигали одна другую сверкающим взором.

— Видел ты это наглое, тупое создание? Кто она, во имя всевышнего? И что ей надобно? — спрашивала Мануэла у дона Педро.

— Понятия не имею, — отвечал дон Педро, — наверное, какая-нибудь сумасшедшая, идиотка. А может статься, и пьяница; очумела от *агуардьенте* или американского виски. Опасайся ее, малютка Мануэла (в малютке было никак не меньше трехсот фунтов); как бы она не причинила тебе вред.

Тем временем мисс Сол в не менее энергичных выражениях изливала душу хозяйке:

— Если эта чертова мулатка и костлявый старик иностранец решили стать здесь главными плакальщиками, я покажу им их место. Более нахальной старой карги, я еще не видывала; да и старик хорош. Если она вздумает давать на суде показания, я ей всыплю — это уж факт! Бог мне свидетель! И что она вообще за птица? Я о ней и слыхом не слыхивала!

Сколь ни удивительно сие, но энергичное суждение мисс Сол, как это часто бывает с энергичными суждениями, оказало свое действие сперва на неофициальный суд Гнилой Лощины — общественное мнение; а в конечном счете и на вполне официально избранных присяжных заседателей.

— Если вдуматься, джентльмены, — заявил один из них, выделявшийся среди прочих своей дальновидностью и проницательностью (самая зловредная порода присяжных!), — если вдуматься и учесть, что ни главная свидетельница обвинения, ни те, кто присутствовал при первичном дознании, и слыхом не слыхали об этой мексиканке, а прокурор нам ее знай под нос подсовывает, как не заключить, что дело тут не чисто. Всякий проницательный человек скажет: тут дело не чисто! А Сол Кларк мы все знаем как облупленную!

По мере того как росло общее недоброжелательство к двум иностранцам, в душе у обитателей Гнилой Лощины укреплялось сочувствие к Гэбриелю.

Сам же он, хоть и был главной причиной всеобщего волнения и раздирающих общество споров, хранил глубокое молчание, почти столь же непроницаемое, что и человек, погибший, как считалось, от его руки и мирно покоившийся на маленьком кладбище у Круглого холма. Гэбриель был немногословен даже со своим адвокатом и личным другом, юристом Макссуэллом; когда тот сообщил ему, что мистер Дамфи пригласил для участия в его процессе одного из самых выдающихся сан-францисских адвокатов, Артура Пуанзета, Гэбриель принял эту весть с обычным покорным и виноватым видом. Когда Макссуэлл добавил, что мистер Пуанзет изъявил желание для начала побеседовать с Гэбриелем, тот ответил попросту:

— Мне нечего ему сказать, кроме того, что я сказал вам, но, если он хочет, пожалуйста.

— Тогда, Гэбриель, будьте у меня в конторе завтра в одиннадцать утра,— сказал Макссуэлл.

— Хорошо, приду,— ответил Гэбриель,— но только хочу заранее сказать: о чем бы вы ни условились с тем адвокатом и что бы вы оба ни заявили присяжным, я буду все равно доволен и благодарен от всей души.

Без пяти минут одиннадцать на следующее утро мистер Макссуэлл, как было заранее условлено, надел шляпу и покинул свою контору, чтобы мистер Пуанзет мог невозбранно беседовать наедине с Гэбриелем Конроем. Сидя сейчас в ожидании Гэбриеля, Артур с немалой досадой вынужден был признать, что он, знаменитый адвокат, уверенный в себе светский человек, страшится предстоящей встречи. В комнату войдет тот, у которого шесть лет тому назад он похитил сестру! Артур не испытывал раскаяния, не чувствовал себя преступником; однако, по профессиональной привычке, склонен был рассматривать каждое дело в двух аспектах, с точки зрения обвинения и с точки зрения защиты. Сейчас, если взглянуть на происходящее глазами обвинителя, естественно ожидать от Гэбриеля протеста, вспышки гнева. Но Артур отказывался нести какую-либо моральную ответственность за судьбу девушки. Грейс ушла с ним по собственной воле, после того как они честно и открыто обсудили между собой создавшееся положение; что касается их любви, то здесь Артур отрицал за Гэбриелем право на какое-либо вмешательство. Факты неопровержимо показывают, что он, Артур, вел себя в отношении Грейс с начала и до конца честно и благородно: ей в угоду и наперекор здравому смыслу он отправился в это

отчаянное путешествие, назад, в Голодный лагерь; все, что там случилось, он заранее предвидел и предсказал; когда он вернулся к Грейс, оказалось, что она его покинула. Артур еще раз задумался о том, какой он порядочный и, в сущности, бесконечно добрый человек; ему стало ясно, что смутная тревога, только что посетившая его, объясняется единственно тем, что по своей душевной чуткости, он слишком сильно воспринимает переживания оппонента.

— Не нужно поддаваться донкихотству! — решительно сказал себе этот молодой джентльмен.

Все же, когда ровно в одиннадцать часов лестница застонала под тяжелой поступью гиганта, Артур почувствовал внезапное сердцебиение. Потом раздался еле слышный стук в дверь, столь противоречивший тяжести шага и так ясно рисовавший всю несуразность натуры Гэбриеля, что Пуанзет разом успокоился.

— Войдите, — сказал он с прежней уверенностью в себе.

Дверь отворилась, вошел смущенный, оробевший Гэбриель.

— Юрист Максвелл сказал, — промолвил он, медленно произнося слова и почти не поднимая глаз, так что даже не мог толком рассмотреть сидевшего перед ним элегантного молодого человека, — что мистер Пуанзет назначил мне прийти сюда к одиннадцати часам. Вот я и пришел. Не вы ли будете мистер Пуанзет? (Гэбриель поднял глаза.) Что? Великий боже! Да как же так? Не может быть! Значит, это вы?!

Он смолк. Ошибки быть не могло.

Артур не пошевелился. Если он ожидал вспышки гнева со стороны своего собеседника, то ошибся. Гэбриель, как бы приходя постепенно в себя, провел жесткой ладонью по лбу, пригладил волосы, отвел и спрятал за уши две непокорные пряди. Потом, словно не замечая протянутой руки Артура, однако же ничем не проявляя ни злобы, ни возмущения, подошел к нему вплотную и спросил спокойно и уверенно, как спросил бы, наверное, сам Артур на его месте:

— Где Грейс?

— Не знаю, — резко ответил Артур. — Уже годы я не знаю, что с ней случилось, жива ли она, где она. С того самого дня, как я оставил ее в хижине дровосека и поехал обратно в Голодный лагерь, чтобы выручить вас из беды. (Он не смог удержаться от этой последней фразы и преисполнился презрения к себе, увидев, как в глазах собеседника разом вспыхнула благодарность!) Когда я вернулся, мне

сказали, что она ушла неведомо куда. След вел в пресидио, но там снова терялся.

Гэбриель взглянул Артуру в глаза. Речь Артура всегда казалась прямой и нелживой, отчасти оттого что он ничуть не старался навязать слушателю свою точку зрения; сейчас это впечатление усугублялось его спокойным ясным взглядом. Гэбриель промолчал; Артур стал рассказывать дальше:

— Она ушла из хижины лесоруба по собственной воле, никто ее не прогонял; как видно, у нее был для того какой-то серьезный повод. Она бросила меня (если я смею так сказать), отвергла мою любовь, сняла с меня ответственность за судьбу своих близких,— впервые Артур попытался оправдать свое поведение,— ничего не сказав, не предупредив меня ни словом. Быть может, ей надоело ждать. Меня не было две недели. Она ушла из хижины лесоруба на десятый день моего отсутствия.

Гэбриель полез в карман и, покопавшись, извлек бережно хранимую им газетную вырезку, которую уже раз показывал Олли.

— Выходит, что это «личное объявление» не от вас, и буквы Ф.Э. не означают Филип Эшли? — спросил Гэбриель с отчаянием в голосе.

Поглядев на вырезку, Артур улыбнулся.

— Откуда вы взяли, что это я? — спросил он с любопытством.

— Жюли, моя жена, сказала, что Ф.Э.— это вы,— простодушно ответил Гэбриель.

— Ах, ваша жена сказала, вот как! — улыбнулся Артур.

— Да. Но если это не вы, то кто это может быть?

— Не сумею вам сказать,— равнодушно отозвался Артур.— Может быть, и она сама. Если все, что я слышал о вашей жене, правда, такой подлог для нее — безделица.

Гэбриель опустил глаза и с минуту хранил грустное молчание. Выражение живого интереса на его лице сменилось прежним вялым и виноватым видом.

— Премного благодарен вам, мистер Эшли, за ваши разъяснения; очень приятно было вспомнить вместе старые времена; случалось, не скрою, что я строго вас осуждал, но вы должны понять мои чувства; я ведь ничего не слышал о своей сестре с той самой минуты, как она ушла с вами. Не подумайте, что я нарочно выслеживаю вас,— добавил он усталым голосом,— я зашел по случайному делу; мне назначил прийти сюда один человек по имени Пуан-

зет, обещал быть ровно в одиннадцать. Может, я рано пришел, а может быть, и заплутался, не туда попал.

С извиняющимся видом он оглядел комнату.

— Я и есть Пуанзет,— сказал, улыбаясь, Артур.— Вы знаете меня как Филипа Эшли, но я принял это имя лишь для путешествия, которое мне в ту пору пришлось предпринять.

Он сказал это без малейшего чувства неловкости, даже не пытаясь ничего объяснить, словно перемена фамилии на время путешествия была столь же обычным делом, как перемена костюма. И Гэбриель, глядя на сидевшего перед ним элегантного молодого человека, тоже не нашел в том ничего достойного удивления.

— Я назначил вам здесь свидание как Артур Пуанзет — адвокат из Сан-Франциско; теперь же как Филип Эшли, ваш старый друг, я прошу вас, доверьтесь мне и расскажите откровенно все, что знаете об этом несчастном деле. Я приехал сюда, Гэбриель, чтобы помочь вам, ради вас, Гэбриель, и ради вашей сестры. Мы добьемся удачи!

Снова он протянул Гэбриелю руку; на сей раз не напрасно. Порывисто, от души Гэбриель схватил ее обеими руками; Артур понял, что из всех преград, мешавших его участию в деле Гэбриеля, он преодолел самую трудную.

— По-моему, он рассказал мне все, что знает,— сказал Артур Макссуэллу, когда тот, вернувшись через два часа в контору, как было у них условлено, застал своего коллегу задумчиво сидящим перед открытым окном.— Я верю каждому его слову. Он не более повинен в убийстве, чем мы с вами. Это, впрочем, я понимал и раньше. До момента убийства он полностью вне подозрения; не исключая, впрочем, что поведение его после убийства может быть трактовано как соучастие в преступлении. Меня его версия убеждает; но ни у присяжных, ни у прессы она не будет иметь успеха,— слишком много в ней неправдоподобных обстоятельств; если же признать их правдоподобными, они обернутся против него. Нам нужна совсем иная версия. Подумав, я пришел к выводу, что тот план защиты, который он вам предложил, не так уж абсурден и заслуживает внимания. Единственный путь для нас — это признать факт убийства и настаивать, что убийство было вынужденным. Я знаю здешний народ, знаю и психологию здешних присяжных; если Гэбриель попробует рассказать им, что рассказал сейчас мне, они отправят его на виселицу не моргнув глазом. К сожалению, по милости госпожи Конрой

нам придется иметь дело со сложным переплетом подлогов и имущественных интересов; Гэбриель тут ни при чем, да и вообще эти подлоги не имеют никакого касательства к делу, но присяжные непременно ухватятся за них и будут искать в них мотива преступления; вы, конечно, понимаете, что это будет коньком обвинения, и нам придется держать ухо востро; но если нам удастся заставить Гэбриеля молчать, они все равно ничего не докажут. Установленные факты таковы, что даже если бы Гэбриель был повинен в убийстве, он и тогда с легкостью провел бы прокурора; беда в том, что он тупо решил охранять свою жену от малейших подозрений и взять вину на себя.

— Значит, вы не считаете миссис Конрой убийцей?

— Нет. Считаю способной на убийство, но в убийстве неповинной. Истинный убийца пока еще неизвестен Гнилой Лощине; никто о нем даже не подозревает. Я должен еще раз повидаться с Гэбриелем и с Олли; а вас пока что попрошу разыскать китайца по имени А Фе, который доставил Гэбриелю записку от жены; именно сейчас, когда в нем нужда, он куда-то запропастился.

— Суд присяжных не примет показаний китайца,— сказал Максвелл.

— Это ничего; я раздобуду арийца и христианина, который подтвердит под присягой показания китайца. Через два-три дня все факты будут у нас в руках, и тогда, дорогой коллега,— сказал Артур, фамильярно и покровительственно похлопывая старшего собрата по плечу,— мы с вами займемся вопросом, как нам половчее скрыть их от суда.

Когда Гэбриель, докладывая вечером Олли обо всем, что с ним случилось за день, пересказал ей свой разговор с Пуанзетом, девочка пришла в сильнейшее негодование.

— Так прямо и объявил тебе, что даже не знает, жива Грейс или умерла?! И еще смеет считать себя ее милым!

— Ты забываешь, Олли,— сказал Гэбриель,— что Грейси даже мне, своему родному брату, не сообщила, где она. Станет ли она откровенничать с чужим человеком? Выходит, что на наше «личное объявление» она так и не ответила.

— А я думаю, она просто не желает с ним знаться,— ответила Олли, лихо тряхнув кудряшками.— Хотела бы я видеть, с каким лицом этот нахал показался бы ей. Он обязан был найти ее, раз она его милая. Почему он немедленно не поехал за ней в *пресидио*? Для чего он вообще вернулся, если не посчитал нужным разыскать ее? Будь спокоен,

Гэйб, твоя Жюли так никогда не поступит. Она преотлично знает, где ты сейчас (Гэбриель задрожал, и сердце его упало), и только ждет начала суда, чтобы явиться в Лоцину. А эти адвокаты, я вижу, творят с тобою, что им только вздумается, глупый ты старый Гэйб! Ну погодите, дайте мне только добраться до этого Филипа... Эшли-Пуанзета!

Глава 4

О ЧЕМ НЕ ЗНАЛ А ФЕ

От увещаний и выговоров практической Олли Гэбриель убежал на холм Конроя; там, в своей старой хижине, раскурив трубку, он предавался думам о непостоянстве женского характера и о странностях прекрасного пола вообще. Бывало и так, что он забредал к исполинской сосне, по-прежнему в зловещем одиночестве высившейся над своими лесными собратьями, и, устроившись меж корней у ее подножия, мирно размышлял о своем нынешнем положении, о превратностях судьбы, от устрашающей пронизательности Олли, наконец, о бесконечной милости творца, допускающего существование на земле таких бестолковых и ни на что не годных созданий, как Гэбриель Конрой. Порою, машинально, повинувшись силе привычки, он нарушал границу отведенной им для себя прогулочной зоны и приближался к красивому дому на вершине холма, в котором, с момента памятного прощания женой, даже ноги его не было. Стоило Гэбриелю заметить, что он забрел, куда не следует, и он тотчас же отступал с чувством неловкости и какого-то суеверного страха. Однажды, возвращаясь после такого невольного набега и проходя каштановой рощей возле самого дома, он наткнулся на брошенную на выгоревшей траве корзиночку с шитьем. Гэбриель узнал рабочую корзинку своей жены и вспомнил, что именно здесь она обычно искала убежища от нестерпимой полуденной жары. С минуту помедлив, он шагнул было дальше, но потом, одолеваемый смущением, вернулся снова. Касаться вещей жены после совершившегося разрыва было неприятно Гэбриелю и казалось непорядочным; а с другой стороны, оставить корзиночку миссис Конрой на произвол дождя и ветра или же в добычу какому-нибудь праздничношатающемуся китайцу было несовместно с тем уважением,

которое Гэбриель питал даже к слабостям своей жены. Наконец он принял решение подобрать корзиночку, чтобы позднее переслать ее юристу Макссуэллу как хранителю имущества миссис Конрой. Но, к великому его неудовольствию (Гэбриель скорее отрубил бы себе руку, поднявшую корзинку, нежели стал бы любопытствовать, что там лежит), набитая доверху корзиночка вдруг раскрылась; мелочи, лежавшие в ней, посыпались на землю, и ему пришлось подбирать их — одну вещицу за другой. Среди прочего ему попала детская распашонка, такая крохотная, что она легко уместилась у него на ладони. Поскольку Гэбриель во время своих странствий с переселенческой партией не раз выполнял обязанности няньки и пестуна едва появившихся на свет человеческих детенышей, он был достаточно знаком с этими священными принадлежностями младенчества, вовсе неизвестными бездетным мужчинам.

Вместо того чтобы положить распашонку назад к прочим вещам, Гэбриель, залившись сильным румянцем и чувствуя себя еще более виноватым, чем всегда, сунул ее в карман своей куртки. Хуже того, вопреки принятому решению, он не отослал корзинку юристу Макссуэллу и даже словом не упомянул о находке, когда вечером делал отчет Олли о том, как провел день. Следующие два дня он был чрезвычайно молчалив и задумчив и получил строгий выговор от Олли за глупое поведение вообще, а в особенности за то, что отлынивает от исполнения своих прямых обязанностей.

— Юристы совсем с ног сбились; хотели при тебе допросить китайца А Фе; только они его разыскали, как ты пропал; а юрист Макссуэлл говорит, что он самый важный наш свидетель. А где прикажешь тебя искать? Не иначе как ты был внизу, в лощине, точил лясы с этими приезжими из Арканзаса; а не то еще нянчил ребенка миссис Уэлч. А ведь ты взрослый мужчина, у тебя у самого семья! Просто ума не приложу, Гэйб, когда ты наконец остепенешься? Занят целый день бог знает какими пустяками, когда тебя вот-вот поведут на суд, и не за что-нибудь, а за человекоубийство. Ну дело ли это, Гэйб, превращаться в даровую няньку для чужих людей?

Г э б р и е л ь (*краснея и пытаясь пробудить жалость в сердце сестры*). Такого маленького ребеночка я в жизни не видел, Олли; сходила бы ты взглянуть на него. Вчера ему стукнуло две недели. Чуть побольше белки!

Олли (*сохраняя неприступное выражение, но уже решив*

навестить поразительного младенца в самые ближайшие дни). Нечего здесь прохлаждаться! Беги к юристу Макссуэлу; они там сидят с китайцем, ждут тебя.

Гэбриель прибыл в контору Макссуэлла к моменту, когда хозяин конторы и Артур Пуанзет, вконец умаявшись и потеряв последнюю надежду чего-либо добиться, закончили допрос А Фе. Адвокатам нужно было доказать, что в момент убийства на холме Конроя Гэбриеля там не было; для этого им требовался второй свидетель, чтобы подтвердить на суде длиннейший рассказ А Фе. К несчастью, А Фе за все время, что он искал Гэбриеля и возвращался назад, не встретил ни единого человека белой расы. К тому же А Фе, как казалось адвокатам, путался в деталях. Даже если бы его удалось вызвать в суд как свидетеля, большого толку от него все равно не было бы. В довершение всего он вдруг насупился и помрачнел.

— К сожалению, мы ничего не добились от вашего друга А Фе,— сказал Артур, пожимая Гэбриелю руку.— Может быть, вам удастся оживить его память; впрочем, сомневаюсь.

Гэбриель внимательно поглядел на китайца; он был последним, кто разговаривал с его пропавшей женой. А Фе бросил на Гэбриеля ответный взгляд; лицо его решительно ничего не выражало, если не считать легчайшего, чуть приметного изумления, какое можно наблюдать в глазах новорожденного младенца. Этот феномен, вызвавший у Гэбриеля в памяти ребеночка миссис Уэлч, как видно, заинтересовал его. Впрочем, на несколько беглых и неопределенных вопросов, которые он задал, А Фе дал столь же неопределенные ответы. Артур поднялся, теряя последнее терпение. Юрист Макссуэлл смахнул улыбку с лица. Беседа была закончена.

Артур и Макссуэлл друг за другом спустились по узкой лесенке. Гэбриель уже собрался было последовать за ними и увести с собой А Фе, но в этот момент, оглянувшись, вдруг увидел, как по лицу китайца, словно мгновенная судорога, прошло выражение вполне осмысленного интереса к окружающему. Почти с непостижимой, устрашающей ловкостью А Фе разом подмигнул Гэбриелю обоими глазами, закивал головой и так громко защелкал пальцами правой руки, словно вывернул их все из суставов для этой надобности. Гэбриель глядел на него, открыв рот от изумления.

— Все в поладке! — сказал А Фе, не сводя глаз с Гэбриеля.

— Что в порядке? — спросил Гэбриель.

— Все в поладке! Понимай? Она говоли: «Все в поладке».

— Кто она? — спросил в сильной тревоге Гэбриель.

— Твой суплюга. Понимай? Миси Конлой! Тебя люби холосо. Понимай? И мой тебя люби холосо! Понимай? Миси Конлой говоли: «Все в поладке!» Твоя шалифа знай?

— Что еще за шалифа? — спросил Гэбриель.

— Шалиф! Плеступник сильно вешай!

— Ты хочешь сказать, шериф? — степенно поправил его Гэбриель.

— Угу! Шалиф! Шалиф знай! Плеступник вешай! Ух, сильно вешай! Тебя не вешай! Нет! Понимай? Она говоли: «Тебя не вешай».

— Понимаю,— задумчиво сказал Гэбриель.

— Она говоли,— продолжал А Фе все с той же непостижимой быстротой речи,— ты много болтай. Она говоли: я много болтай. Она говоли: Макссуэлл много болтай. Все много болтай. Она говоли, не надо много болтай. Она говоли, мало болтай. Она говоли, лот закрой. Понимай? Она говоли: после болтай, и все в поладке. Понимай?

— А где же она? Где ее найти? — спросил Гэбриель.

А Фе вернулся к прежней каменной бесстрастности. Простой вопрос Гэбриеля — словно он провел влажной губкой по исписанной грифельной доске — стер с лица китайца даже малейшие следы только что игравшей на нем мысли. Поглядев в глаза собеседнику недвижным отсутствующим взглядом, он принялся тянуть вниз свои длинные рукава, пока не прикрыл ими пальцы с покрытыми лаком ногтями, после чего, скрестив руки на восточный манер, покорно застыл в ожидании, пока Гэбриель опомнится и придет в себя.

— Послушай,— сказал Гэбриель как можно более убедительно.— Тебе это все равно, а мне ты окажешь огромную услугу, если только ты скажешь, где найти Жюли, то есть миссис Конрой. Я знаю, ты поклоняешься кумирам из камня и дерева и христианское милосердие тебе чуждо. Но я взываю к тебе как брат к брату — истые люди везде братья, каков бы ни был цвет их кожи,— и говорю: открой мне, где эта женщина, моя жена, соединенная со мной таинством брака. Взываю к тебе, как к собрату-язычнику, и говорю: вообрази, что она мой кумир, и открой мне, где она!

На лице китайца заиграла задумчиво-грустная простодушная улыбка, как если бы он внимал доносящейся откуда-то издалека непонятной ему мелодии. Потом он сказал ласково и доброжелательно, но уходя в сторону от темы разговора:

— Мой твоя не понимай, амеликанец! Мой лубаска стиль! Двенадцать лубаска — полтола доллала!

Глава 5

ДЕЛО НЕИЗВЕСТНОГО, ИМЕНУЮЩЕГО СЕБЯ ГЭБРИЕЛЕМ КОНРОЕМ, И НЕИЗВЕСТНОЙ, ИМЕНУЮЩЕЙ СЕБЯ ЖЮЛИ КОНРОЙ

СУДИТ СУДЬЯ БУМПОЙНТЕР

День начала процесса был выдающимся днем в жизни Гнилой Лощины. Задолго до десяти часов не только зал суда, но даже и коридоры заново отремонтированного судебного здания были заполнены любопытными. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что суть дела была уже всеми основательно позабыта. Волновало собравшихся другое. То, что на процесс прибыли из Сакраменто некоторые прославленные политические деятели; что обвиняемого будет защищать один из самых модных санфранцисских адвокатов, потребовавший за свое выступление не то пятьдесят, не то сто тысяч долларов; что иск потерпевшей стороны будет поддерживать знаменитый полковник Старботтл из Сискью; что прения сторон неминуемо выльются в жестокую словесную схватку, а в дальнейшем — дай-то бог! — и в смертоносную дуэль; что ожидаются скандальные разоблачения, затрагивающие некоторых лиц самого высшего ранга; вдобавок, почему-то считалось, что, поскольку полковник Старботтл южанин по происхождению, а мистер Пуанзет — северянин, в ходе их соперничества должны будут так или иначе всплыть более широкие разногласия, отражающие взаимоотношения северной и южной части страны.

Ровно в десять часов Гэбриель, сопровождаемый своим адвокатом, вступил в зал; сразу за ними следовал полковник Старботтл. Одновременно появившийся судья Бумпойнтер весьма сердечно приветствовал полковника и гораздо холоднее Артура. Во внеслужебное время судья под-

держивал приятельские отношения с окружным прокурором и преотлично знал полковника Старботтла как опасного карточного партнера. Сейчас его несколько беспокоила скептическая гримаса на лице знаменитого молодого адвоката из Сан-Франциско. Артур был, конечно, достаточно умен, чтобы не выказывать перед судьей своего высокомерия; тем не менее судье Бумпойнтеру сразу пришло в голову, что для сегодняшнего заседания секретарю суда следовало, пожалуй, надеть чистую рубашку; да и сам он напрасно явился без воротничка и галстука, хоть то и был привычный его туалет на выездных судебных сессиях. Будущие присяжные тоже посматривали недружелюбно на элегантного молодого адвоката; между собой они уже окрестили его «франтиком». Приметив это обстоятельство, судья приободрился и окинул суровым взглядом сперва присяжных, а потом и Артура.

Все ждали споров при утверждении списка присяжных заседателей. Поскольку суду предшествовала попытка линчевать подсудимого, предполагалось, что защита будет жестоко браковать присяжных. Ожидания были обмануты: защитник, если и задавал вопросы, то лишь самые незначительные, касающиеся места рождения кандидата. Вскоре открылось, что присяжные, пропущенные защитой, были в подавляющем большинстве люди, родившиеся и выросшие в южных штатах.

Полковник Старботтл, который в качестве хранителя южного кодекса чести сам прибегал к подобной тактике, когда защищал людей, обвиняемых в оскорблении действием или в убийстве, оказался в тупике и не смог парировать действия защиты. Однако, когда выяснилось, что на скамье присяжных всего лишь два северянина, остальные же в большинстве своем бывшие подзащитные самого полковника Старботтла, он решил разоблачить интриги противника.

Скорблю, что эта вступительная речь полковника Старботтла, охарактеризованная в «Знамени» как «шедевр судебного красноречия, не имеющий равных в юридических анналах Калифорнии и заставляющий обратиться взором к достославным временам Юниуса», не дошла до меня полностью. По тому, что осталось от нее, следует заключить, что никогда еще полковник Старботтл не оказывался «в столь необычной, столь щекотливой, столь... гм... затруднительной ситуации, чреватой, уважаемые джентльмены, глубочайшими социальными... гм... юридическими и

даже — я позволю себе это с полной ответственностью утверждать — политическими последствиями». Да, полковник Старботтл знает, отдает себе полный отчет, что своим выступлением рискует навлечь на себя неодобрение и, более того, резкую критику со стороны «некоторых лиц».

Но он намерен неукоснительно выполнить свой долг. Тем более тверд он в принятом решении, что обращается к уважаемым присяжным, лица которых дышат стремлением к... гм... справедливости, — неколебимой справедливости! — проникнуты духом рыцарственности, отмечены тем высокохарактерным выражением, которое происходит от... гм.... (с грустью вынужден констатировать, что в этот решающий момент, когда оратор, слегка помахивая пухлой рукой, завершал свой риторический период, кто-то из задних рядов добавил похоронным голосом: «...от неумеренного потребления виски...», тем самым полностью профанировав физиономическое явление, которое полковник силился объяснить присутствующим). Судья, сдерживая улыбку, приказал помощнику шерифа обеспечить порядок в зале; тот, зорко взглядевшись в толпу за скамьей присяжных, сказал так, что было слышно всем: «Или ты заткнешься, Джо Уайт, или я выставлю тебя вон!» — после чего полковник, несколько не обеспокоенный инцидентом, продолжал свою речь. Да, он отлично понимает мотивы, по которым защита возлагает свои надежды на почтенных джентльменов. Опыт подсказывает ему, что защита попытается доказать, что убийство было вынуждено некими обстоятельствами, к которым... гм... не может отнестись равнодушно человек чести; что насилие было ответом на насилие, являлось... гм... самозащитой семьянина, отстаивающего святость домашнего очага. Но он покажет всю необоснованность такой точки зрения. Покажет, что преступник руководился низменной, корыстной целью. Покажет, что не только последнее преступление подсудимого, но и все его предшествующие деяния лишают его даже малейшего права на уважение... гм... порядочных людей. Покажет, что подсудимый знал о некоторых... гм... отклонениях своей жены от строгого супружеского долга и мирился с этим, что уже само по себе лишает его морального права на отплату обидчику. Покажет, что убийство было совершено грубо, не по-джентльменски (он принимает на себя полную ответственность за эту, последнюю, формулировку), и потому не может рассматриваться как

убийство на поле чести. Убийство такого рода подобает китайцу или негру.

Полковник Старботтл не хочет, чтобы его превратно поняли. Не пред лицом Красоты (тут полковник выдержал паузу и, извлекши из кармана носовой платок, элегантно помахал им в направлении смуглой Мануэлы и неистойвой Сол; причем обе дамы восприняли жест полковника в качестве личного комплимента и обменялись враждебным взглядом), не пред лицом очаровательной и всемогущей половины человечества надлежит оспаривать ее власть над мужчинами; но я докажу, что эта сладкая... гм... отравка, эта упоительная и... гм... фатальная страсть, которая равно правит и на поле сражения, и в роскошном дворце богача, и... гм... в хижине последнего бедняка, всегда была чужда расчетливому сердцу Гэбриеля Конроя. Поглядите на него, джентльмены! Поглядите и скажите по чести, скажите как люди, всегда ведающие, что есть истинное поклонение прекрасному полу, способен ли такой человек пожертвовать собой для женщины? Посмотрите на него и скажите со всей ответственностью, таков ли он, чтобы подвергнуть себя хоть малейшему риску ради ласкового взгляда любимых глаз, принести себя в жертву на алтарь Афродиты?

Все уставились на Гэбриеля. Действительно, было трудно в этот момент усмотреть в нем сколько-нибудь значительное сходство с воздыхающей Амариллис или неистовым Отелло. Он сидел озадаченный, сумрачный, со своей обычной, несколько сконфуженной миной на лице. Когда же обвинитель привлек к нему внимание зала, Гэбриель залился яркой краской и засунул куда-то под стул свои длинные ноги (он давно уже порывался упрятать их подальше, чтобы его массивные колени не торчали у всех на виду). А когда выяснилось, что полковник решил продлить свою риторическую паузу и зал по-прежнему смотрит на него, Гэбриель не спеша вытащил из кармана небольшой гребешок и неловко принялся причесывать волосы, дабы показать, что он занят своими делами и решительно ничего не замечает.

— Нет, сэр,— сказал полковник с суровым укором, который производит столь неотразимое впечатление в судебных речах,— вы вольны, конечно, причесывать свою шевелюру, но вам не удастся пригладить ее настолько, чтобы убедить уважаемых заседателей, что вы находились под властью... гм... Далилы.

Далее полковник набросал в высшей степени поэтичный

портрет погибшего Рамиреса. Уроженец здешних мест, джентльмены, натура глубоко симпатичная каждому южанину; дитя тропиков, горячий, порывистый; беззащитный — как и все мы — перед чарами красоты. Полковник не считает уместным останавливаться более подробно на этом последнем пункте. Здесь, в этом самом зале, уважаемые присяжные, находятся две дамы, к которым были устремлены лучшие чувства покойного; их присутствие скажет вам больше, чем мои слова. Покойный, продолжал полковник, принадлежал к старейшей из наших испанских фамилий, отпрыск древнего рода, помнящего времена... гм... Сида и... гм... Дон-Жуана. И этому человеку суждено было стать жертвой интриг миссис Конрой и презренных страхов Гэбриеля Конроя, жертвой коварства и безжалостного клинка!

Полковник Старботтл заявил, что покажет суду, как, выдав себя за Грейс Конрой, исчезнувшую сестру подсудимого, и присвоив ее имя, миссис Конрой (тогда еще госпожа Деварджес) обратилась к доверчивому, ничего не подозревавшему Рамиресу с просьбой помочь ей утвердиться в законных правах на землю, коей владел в то время подсудимый (выкравший ее, как известно, у своей сестры). Он расскажет, как Рамирес, веривший всем рассказам госпожи Деварджес, помогал ей с готовностью открытой щедрой натуры, пока брак ее с Гэбриелем Конроем не показал ему всю глубину ее предательства. Полковник Старботтл воздержится от оценки этого брака. Уважаемые присяжные не нуждаются в его разъяснениях. Они достаточно проницательны, чтобы самим понять, что это был заключенный под эгидой святейшего из таинств гнусный союз двух сообщников против злосчастного Рамиреса. Если кто правил на том свадебном пиру, то уже скорей... гм... Меркурий, нежели... гм... Гименей, и союз тот был заключен для мошенничества и смертоубийства. Едва уверившись, что добыча у них в руках, они решили избавиться от свидетеля своих преступных деяний; орудием убийства стал супруг. И как же свершил он свое черное дело? Вызвал свою жертву на честный бой при свидетелях? Или, быть может, прикинувшись оскорбленным, ревнующим мужем, послал сопернику формальный вызов! О нет, джентльмены! Бросьте взгляд на великана-убийцу, поставьте мысленно рядом с ним хрупкого, изящного юношу, павшего от его руки, и вы без слов поймете, сколь чудовищным было свершенное преступление.

После речи полковника обвинение вызвало своих свидетелей и представило суду факты, окрашенные более или менее пристрастно, в зависимости от личных симпатий каждого из свидетелей и от его умения разобраться в том, что он видит, а также и от того, предпочитает ли свидетель излагать фактические обстоятельства дела или же свои размышления о них. Когда слепые сообщили, что они увидели, а безногие рассказали, как они бегали, обвинение отпраздновало свою первую победу.

Свидетельскими показаниями было установлено, во-первых, что убитый скончался от ножевого ранения; во-вторых, что у Гэбриеля была ссора с Рамиресом и что Гэбриеля видели на холме за несколько часов до убийства; в-третьих, что немедленно после убийства Гэбриель бежал из Гнилой Лощины, как и его жена, поныне неразысканная; наконец, в-четвертых, что Гэбриель имел достаточный повод, чтобы совершить вменяемое ему преступление.

Правда, многое в этих показаниях было оспорено защитой при перекрестном допросе свидетелей. Так, например, когда хирурга, производившего судебное вскрытие и признавшего, что Рамирес был болен чахоткой, спросили, не мог ли мексиканец скончаться в ту самую ночь попросту от легочного кровоизлияния, он не сумел ответить ни да, ни нет. Свидетель, утверждавший, что он лично видел, как Гэбриель тащил Рамиреса за шиворот, не решился под присягой подтвердить, что дело именно так, как ему показалось, а не наоборот; что касается инкриминируемого миссис Конрой самозванства, то это, в конце концов, были всего лишь слухи.

Тем не менее пари в публике заключались за Старботтла и против Пуанзета. То была обычная форма, в которой Гнилая Лощина оценивала фактическое положение вещей.

Когда закончился допрос свидетелей, поднялся Пуанзет и потребовал немедленного освобождения подсудимого из-под стражи, поскольку, во-первых, обвинение не сумело доказать связь Конроя с Рамиресом или хотя бы их знакомство в период, предшествующий убийству, и, во-вторых, обвинение не представило доказательств сообщничества Конроя с действительным убийцей, против которого, собственного говоря, и были направлены все свидетельства и аргументация прокурора.

Суд отклоняет требование защиты. Громкий вздох облегчения в зале и на скамье присяжных. Экая наглость, право! Из-за какой-то там юридической закорючки их, за-

конопослушных граждан Гнилой Лощины, чуть не лишили полагающегося им развлечения! Когда Артур встал, чтобы говорить, он сразу почувствовал, что весь зал ненавидит его, как ненавидят человека, пытающегося сплутовать в честном соревновании.

Сколь ни странно, но враждебность аудитории словно подстегнула Артура, пробудила в нем лишь еле тлевший до того боевой дух. Оценив общую ситуацию и настроение слушателей, он решил, что выступит сейчас как сторонник полковника Старботтла.

Если в чем он, Пуанзет, расходится с уважаемым коллегой, то лишь в оценке настоящего дела как исключительно-го или своеобразного. Напротив, в системе нашего несколько неорганизованного калифорнийского правосудия это весьма банальное, я бы сказал даже, пребанальнейшее дело. Поистине своеобразно во всем деле лишь то, что наш уважаемый и красноречивый коллега почему-то вообразил, будто обвиняет подсудимого, хотя выступил на самом деле в его защиту. Учитывая это обстоятельство, он, Пуанзет, не станет сейчас касаться отдельных промахов, допущенных обвинением, и тех противоречий, в которых запутался полковник Старботтл. Неудивительно! Столь собственное полковнику чувство справедливости столкнулось с ошибочными исходными посылками его речи. Впрочем, он, Пуанзет, позволит себе сейчас устранить эти прискорбные противоречия. Он готов принять остроумную гипотезу обвинения, что подлинным убийцей Рамиреса следует считать или миссис Конрой (кстати сказать, совсем не упомянутую в обвинительном заключении), или иное, третье лицо. Но тогда почему же мы судим Гэбриеля Конроя, как связать одно с другим?! Нельзя не подчеркнуть весьма слабую обоснованность обвинения. Чтобы не тратить времени, он сейчас вызовет к свидетельскому столу самого обвиняемого; он просит присяжных заседателей обратить особое внимание на то, что этот человек, вопреки всем существующим законам, — как божеским, так и человеческим, — вторично вынужден бороться за жизнь в том самом здании, в котором лишь несколько дней назад только чудом спасся от гибели.

Да, он вызовет в качестве свидетеля самого Гэбриеля Конроя!

Заявление защитника вызвало сенсацию. Гэбриель неторопливо распрямился во весь свой могучий рост, после чего степенно направился к свидетельскому столу. Встре-

ченный отчасти укоризненными, отчасти насмешливыми взглядами окружающих, он слегка порозовел от волнения; те, близ кого он проходил, пробираясь в толпе, утверждали позднее, что он тяжело дышал. Добравшись до свидетельского стола, Гэбриель несколько приободрился и направил рассеянный взор на полковника Старботтла. Секретарь суда торопливо прочитал слова присяги. Гэбриель сел на свое место.

— Ваше имя? — спросил Артур.

— Вы хотите знать мое настоящее имя? — переспросил Гэбриель, чуть извиняющимся, по обыкновению, тоном.

— Разумеется, настоящее имя, — нетерпеливо повторил Артур.

Полковник Старботтл наострил уши; когда он взглянул на Гэбриеля, тот ответил ему тяжелым обжигающим взглядом, но тут же снова равнодушно уставился на потолок.

— Настоящее мое имя, доподлинное имя — Джонни Дамблди. Джонни Дамблди.

По залу прошел трепет, потом наступила мертвая тишина. Артур и Максвелл вскочили, как по команде.

— Что такое? — сказали они в один голос.

— Джонни Дамблди, — повторил Гэбриель не спеша и с полным присутствием духа. — Настоящее мое имя — Джонни Дамблди. Я часто называл себя Гэбриелем Конроем, — непринужденно пояснил он, обращаясь к изумленному судье Бумпойнтеру, — но то была неправда. Женщина, на которой я женился, действительно Грейс Конрой. Меня с души воротит от богопротивного вздора, который городил здесь насчет моей жены этот старый лгун (Гэбриель указал пальцем на доблестного полковника). Да, моя жена была и есть истинная Грейс Конрой. (Обращая грозный взгляд на полковника.) Слышите вы, что я говорю? Хочу заявить вам, ваша честь, и вам, уважаемые присяжные заседатели, что единственный, кто здесь самозванец, — это я!

Глава 6

ПРОВАЛ ОБВИНЕНИЯ

Потрясение, вызванное ответом Гэбриеля, было столь всеобщим, что никто не успел заметить, что защитники Гэбриеля удивлены ничуть не менее всех остальных. Максвелл

уже приготовился было встать, чтобы задать вопрос подсудимому, но Артур положил руку ему на плечо.

— Он же спятил! Это самоубийство! — взволнованно прошептал Максвелл. — Нужно прервать его показания! И все объяснить суду!

— Тсс! — быстро возразил Артур. — Ни слова! Стоит им заметить, что мы не ждали этого, и все пропало!

В следующее мгновение взоры присутствующих обратились к Артуру, который остался стоять как был, сохраняя глубочайшее спокойствие. Все думали только об одном: какое новое откровение принесет второй вопрос защитника? Когда тишина стала уже почти нестерпимой, Артур обвел сперва зал, а потом и скамью присяжных безмятежным, удовлетворенным взором, словно оценивая, верно ли он нанес свой тщательно продуманный, заранее подготовленный удар. А когда в зале не осталось ни единого человека, который не вытянул бы шею до отказа и не превратился бы целиком в слух, Артур изящным, чуть небрежным движением повернулся к судье.

— Больше вопросов нет, ваша честь, — спокойно заявил он и сел на место.

Невозможно передать эффект этого простого, более чем естественного и абсолютно логичного хода. Сколько ни было в дальнейшем успехов в адвокатской практике Артура, никогда он не одерживал такой гигантской, ни с чем не сравнимой, триумфальной победы. О Гэбриеле все попросту позабыли; героем дня стал человек, подаривший им эту потрясающую сенсацию. Никто не знал, проистечет ли от нее хоть какая-нибудь польза для дела, но никто и не заботился об этом. Одно было ясно: раскрыта страшная и заманчивая тайна; на очереди — вторая тайна: кто убийца? Если бы присяжным предложили сейчас вынести вердикт, они, не вставая с места, оправдали бы подсудимого из одной только любви к его адвокату. Пари на Артура заключались два к одному. Прошу читателя учесть, что я пишу о людях импульсивных, повинующихся одним лишь своим желаниям и не стесняемых ни в словах, ни в поступках какими-либо традициями или искусственно вводимыми законодательными ограничениями. Я знаю, что поэты склонны идеализировать таких героев; подчас, как мне кажется, их поднимает на пьедестал и новейшая философия.

Судья Бумпойнтер вопросительно взглянул на полковника Старботтла. Тот, сбитый с толку и не на шутку озадаченный необъяснимым поведением защиты, откашлялся,

покопался в бумагах, напыжил грудь и поднялся, чтобы подвергнуть свидетеля перекрестному допросу.

— Итак, вы заявили, что вас зовут (полковнику пришлось еще раз обратиться к своим бумагам)... гм... Джон Дамблди. Не сообщите ли вы нам, мистер Дамблди, для какой надобности вы назвались Гэбриелем Конроем?

Защита заявляет протест. Первое основание: вопрос, заданный свидетелю, в данном случае неуместен (прецедент в деле Хиггинботома против Смизерса; следует ссылка на источник); второе: показание свидетеля при первоначальном опросе не подлежит выяснению (дело Суинка против Суанка, определение судьи Маггмнса, «Судебные решения Кальторпа», т. 2); третье: свидетель не может быть вынуждаем к даче невыгодных для себя показаний.

Судья отклоняет протест. Не приводит никаких мотивов. Подлинное основание — любопытство судьи Бумпойнтера. Полковник Старботтл повторяет вопрос:

— Для какой надобности вы назвались Гэбриелем Конроем, каковы были ваши побуждения?

Гэбриель (*доверительным тоном, облачиваясь с весьма лукавым видом на ручку кресла*). А как вам кажется самому, каковы были мои побуждения?

Под дружный смех зала судья строго разъясняет Гэбриелю, что свидетелю не полагается задавать вопросов. Его дело — отвечать.

Гэбриель. Что ж, Гэбриель Конрой — звучное имя; так звали одного человека, который скончался в Голодном лагере. То, что я назвался его именем, облегчило мне знакомство с Грейс Конрой, его сестрой, на которой я потом женился. Скажу вам откровенно, судья, это было немалой подмогой моему сватовству, а то ведь она презастенчивая; у них вся семья такая.

В о п р о с: Знал вас убитый в течение вашего предыдущего знакомства под именем Гэбриеля Конроя или же... гм... Джонни Дамблди?

Артур Пуанзет обращает внимание суда, что факт предыдущего знакомства убитого с Гэбриелем..., то есть с Джонни Дамблди, не является доказанным. Просит суд учесть, что защита ограничилась при первоначальном опросе одним лишь установлением имени обвиняемого.

Суд принимает возражение защиты; судье Бумпойнтеру не терпится добраться до сути дела. У полковника Старботтла больше нет вопросов. Гэбриеля отпускают на место.

Пари на Артура Пуанзета заключаются пять к одному.

Многие в зале, до сих пор равнодушные к исходу дела, сердечно пожимают Гэбриелю руку, когда он возвращается на скамью подсудимых. Прокурор спешно совещается с полковником Старботтлом. Полковнику вручают какую-то записку. Мануэла и Сол со жгучим любопытством разглядывают даму под густой вуалью, которую полковник Старботтл с утонченной галантностью ведет через весь зал и усаживает рядом с собой. Волнение в зале и на скамье присяжных.

Возобновляется опрос свидетелей защиты. Дает показания Майкл О'Флаэрти, уроженец графства Керри, Ирландия. Занятие: старатель. В вечер, когда было совершено убийство, возвращался домой после работы и видел мексиканца, прятавшегося, как вор, среди деревьев. Немно спустя, пройдя примерно с полмили, нагнал Гэбриеля Конроя, который шел в том же направлении, что и свидетель, и той же дорогой; дошел с ним вместе до конторы юриста Максвелла. Свидетеля подвергают перекрестному допросу: да, является гражданином Соединенных Штатов. Голосует только за демократов. На старой родине всегда был врагом королевской власти — пропади она пропадом! Ну, нет, не такой он человек, чтобы изменять своим убеждениям! Какой-то китаец привел те же факты, что и он, в подтверждение алиби Гэбриеля? Ему об этом ничего не известно. Что такое алиби, точно сказать не может, но полагает, что если ему показать, узнает с первого взгляда. Китайцы еще почище негров; это верно! Не раз замечал, что Гэбриель — левша.

Амадей Мише приносит присягу в качестве свидетеля защиты. Родился во Франции. Занятие: десятник на руднике «Ля Парфет Юнион». Часто прогуливается для собственного удовольствия в очаровательной роще на холме Конроя. Гуляя там вечером 15-го числа, видел, как Гэбриель вышел из своего дома. Примерно в семь часов, быть может, чуть позднее, но никак не ранее семи. Был прелестный вечер. Гэбриель помахал ему рукой на американский манер и проследовал мимо. В восточном направлении. И дальше тоже на восток. Глядел вслед мосье Конрою, потому что у него было такое грустное — *si triste* — выражение лица, словно его томила великая печаль вот в этом месте (свидетель поглаживает себя по левой стороне груди). Видел, как он спустился в лощину. Снова направился вверх по холму и слышал два голоса: мужской и женский. Мужской совсем незнакомый; никогда не слышал раньше. Нет,

не Гэбриеля, готов присягнуть. Гулял по лесу еще час. Гэбриеля больше не встретил. Когда возвращался, видел, как двое — мужчина и женщина — спустились с холма и направились по уингдэмской дороге. Почти уверен, что женщина была мадам Конрой. Кто был мужчина, не знает. Не Гэбриель Конрой. Почему так уверен?! Mon Dieu, что я, не отличаю великана от обыкновенного человека?!

Свидетеля подвергают перекрестному допросу. Я — патриот. С программой демократической партии незнаком. Ненавижу аристократов. Был ли убитый аристократом — не знаю. Нет, не ссорился с мадам Конрой. Нет, не ухаживал за ней. Нет, она меня не завлекала. Говорю искренне. Да, замечал, что подсудимый — левша.

Геллинг Дитман. Родился в Германии. Убитого не знает. С Гэбриелем знаком. Вечером 15-го видел его на уингдэмской дороге. Думает, что было начало девятого. Гэбриель беседовал с китайцем.

Свидетеля подвергают перекрестному допросу. Нет, никто не говорил ему, что китаец покажет то же самое. Полагает, что китайцы ничем не хуже всех прочих людей. Не понимаю, что вы этим хотите сказать! Нет, не считаю! Да, Гэбриель действительно левша.

Вторично опрашивается доктор Прессниц. Он осмотрел труп убитого 16-го в девять часов утра. Пятна крови на теле и на одежде убитого были увлажнены водой и частично смыты. Да, в тот вечер выпала необыкновенно сильная роса; это случилось никак не позднее семи часов. Уже три года подряд он проводит метеорологические наблюдения. Считает, что увлажнение могло быть следствием смешения росы со сгустками свернувшейся крови. Нет, при кровотокающей ране этого произойти не могло. Гигрометр показывает, что позже в этот вечер роса не выпадала. После восьми часов поднялся сильный ветер; повышенной влажности не наблюдалось. Склонен думать, что тело убитого приняло ту позу, в которой было найдено, ранее восьми часов вечера. Присягнуть, что убитый скончался до восьми часов, не может. Может присягнуть, что ранение было причинено до восьми часов. Покойный получил ранение, когда стоял с поднятой рукой, как бы замахиваясь, — это видно из характерных очертаний раны. Нет, такая рана не могла быть нанесена левой рукой. При перекрестном допросе доктор Прессниц признал, что многие из тех, кого считают левшами, на самом деле свободно владеют и правой и левой рукой. Отрицает, что увлажнение одежды убитого мог-

ло произойти от пота. Увлажнение произошло после кончины покойного, когда кровь уже свернулась. Утверждает с уверенностью, что мертвецы не потеют.

Опрос свидетелей защиты завершился новой сенсацией. Полковник Старботтл, обретший, как видно, под влиянием оживленной и галантной беседы со скрытой под вуалью незнакомкой, прежнее преотличнейшее настроение, поднялся на своих коротких ножках и, извлекши из жилетного кармана носовой платок, расстелил его на столе перед собой. Затем, прижав платок с краев белыми пухлыми указательными пальцами и как бы перенеся в кончики их всю тяжесть своего корпуса, он грациозно склонился к даме под вуалью и возгласил:

— Грейс Конрой.

Незнакомка поднялась со своего места, стройная, элегантная, изящная, скользнула сквозь толпу, словно была бесплотной тенью — так форель скользит по мелководью, — и прежде чем всколыхнувшийся зал успел опомниться, уже стояла у свидетельского стола. Быстрым грациозным движением она подняла вуаль (вуаль окутывала ее головку со всех сторон, на испанский манер) и ошеломила всех, включая даже Мануэлу и Сол, редкостной, изысканной красотой. Она приняла присягу с опущенными глазами, но ее длинные пушистые ресницы были столь совершенны, что обе дамы, настроенные критически, сочли это проявление скромности за расчетливое кокетство. Потом она обратила взгляд своих карих глаз на Гэбриеля.

Полковник Старботтл помахал рукой с неизъяснимой галантностью:

— Назовите... гм ...ваше имя.

— Грейс Конрой.

— Имеется ли у вас брат по имени Гэбриель Конрой?

— Да.

— Оглянитесь вокруг и скажите, не присутствует ли он здесь? В этом зале?

Свидетельница, не сводя по-прежнему глаз с Гэбриеля, подняла затянутую в перчатку руку и указала на него пальцем.

— Да, он здесь!

— Человек, сидящий на скамье подсудимых?

— Да.

— Его зовут Гэбриель Конрой?

— Да.

— Когда вы виделись с ним в последний раз?

— Шесть лет тому назад.

— Где вы видели его и при каких обстоятельствах?

— В Голодном лагере, в горах Сьерры. Я ушла оттуда искать помощи, чтобы спасти его и сестру.

— С тех пор вы его больше не видели?

— Ни разу.

— Известно ли вам, что до сих пор вы считались погибшей в Голодном лагере?

— Да, известно.

— Что вы можете сказать по этому поводу?

— Когда я уходила, то переделалась в мужской костюм. Свое же платье отдала миссис Питер Дамфи, которая осталась в лагере. Когда ее нашли одетой в мое платье, ее приняли за меня.

— Как вы можете удостоверить это?

— Показаниями свидетелей. Спросите мистера Питера Дамфи, моего брата Гэбриеля Конроя и еще...

— Если суд не возражает (это был холодный, спокойный, чуть скучающий голос Артура Пуанзета), если суд не возражает, защита готова принять свидетельство сестры подсудимого во всем, что касается ее брата и ее самой, без дальнейшего обсуждения. Ваша честь, уважаемые присяжные! Заявление нашего клиента по поводу его имени и личности мы оба, я и мой коллега, считаем опрометчивым и неразумным; то была попытка — вынужденная попытка подсудимого — защитить репутацию своей горячо любимой жены от столь же неразумных и решительно ни на чем не основанных выпадов обвинения. Со своей стороны, мы хотели бы подчеркнуть, ваша честь, что все эти контроверзы не имеют ни малейшего отношения к существу рассматриваемого дела об убийстве Виктора Рамиреса. Добавлю еще, что принимая показания Грейс Конрой, мы тем самым отказываемся и от перекрестного допроса свидетельницы.

Бледное сосредоточенное лицо свидетельницы вдруг заалело румянцем, когда она взглянула на Артура Пуанзета; но у этого превосходно владеющего собой бездельника не дрогнул ни один мускул. Судья Бумпойнтер, в обычных для него утонченных выражениях, сообщил Грейс Конрой, что допрос окончен и она может вернуться на место. Полковник Старботтл заявил, что удовлетворен показаниями свидетельницы.

— Я хочу заявить суду,— сказал Артур все тем же спокойным тоном,— что если мы приняли свидетельство сестры против собственного брата, которому угрожает смерт-

ный приговор, ничем не оспаривая ее показаний и не пользуясь принадлежащим нам правом перекрестного допроса, то лишь потому, что имеем на руках исчерпывающие юридические доказательства невиновности подсудимого. В настоящем судебном заседании речь идет не о том, проживал подсудимый под своим именем или под чужим, а о том, виновен он или не виновен в убийстве Виктора Рамиреса; об этом достаточно ясно сказано в обвинительном заключении. Потому, отменяя в сторону все побочные вопросы, мы просим суд заслушать показания свидетеля, который покажет полную напричастность Конроя к убийству. Мы не вызвали свидетеля ранее по причинам, от нас не зависящим. Мы не упомянули о нем в нашей вступительной речи потому, что всего полчаса назад нам представилась первая возможность вручить ему судебное извещение. Защита вызывает свидетеля Генри Перкинса!

Среди зрителей, теснившихся у входа, произошло некоторое движение, и к свидетельскому столу прошествовал странного вида человек, одетый по какой-то давным-давно устаревшей моде. Лицо его было бледно и морщинисто. Седые волосы — как все это заметили без труда — недавно были окрашены в темный цвет.

Занятие: переводчик с испанского и архивариус в Земельной комиссии. Также выполняет специальные экспертизы. Видел подсудимого лишь однажды, за два дня до убийства, проходя по холму Конроя. Подсудимый сидел на пороге заброшенной хижины; с ним была девочка-подросток. Убитого видел дважды. Первый раз в доме дона Педро в Сан-Франциско. Рамирес заказывал там фальшивую дарственную грамоту на землю, чтобы обесценить подлинную грамоту, которой владела жена подсудимого. Второй раз видел Рамиреса на холме Конроя беседующим с женой подсудимого. Рамирес был в крайнем волнении; внезапно выхватил нож и бросился на жену подсудимого; свидетель вмешался, чтобы спасти беззащитную женщину; тогда Рамирес в умоисступлении бросился на него; свидетель оказал сопротивление, пытался отобрать у Рамиреса нож, стал звать на помощь; вскоре понял, что обезоружить Рамиреса ему не удастся; оборонялся, с трудом сдерживая противника; в разгар борьбы услышал приближающиеся шаги и снова принялся звать на помощь.

На призыв свидетеля кто-то ответил на ломаном английском языке; слов он не разобрал; кажется, то был китаец. Услышав приближающиеся шаги и голос, Рамирес вы-

рвался из рук свидетеля, отступил на несколько шагов, вонзил себе нож в грудь, упал. Свидетель подбежал к нему, снова призывая на помощь. Рамирес поглядел на него с жуткой усмешкой, пригрозил: «Посмей позвать кого-нибудь, и я скажу, что ты меня зарезал!» Больше он ничего не сказал и впал в беспамятство. Свидетель стоял, напуганный угрозой Рамиреса. Колебался, бежать за помощью или нет. Пока он раздумывал, вернулась миссис Конрой, жена подсудимого. Свидетель рассказал ей обо всем, что случилось, сообщил об угрозе Рамиреса. Она посоветовала свидетелю немедленно бежать, сказала, что и сама уедет с ним. Свидетель пошел, нанял двуколку и в половине десятого подъехал к условленному месту близ дороги, где она его поджидала. Довез ее до Марклсвилла, оставил под вымышленным именем, а сам отправился в Сан-Франциско и далее, в миссию Сан-Антонио. Там, от допрошенной только что свидетельницы, Грей Конрой, сестры подсудимого, он узнал об аресте ее брата по обвинению в убийстве Рамиреса. Свидетель немедленно вернулся в Гнилую Лощину, но там уже бесчинствовали виджиянты. Понимая, что если он им откроется, то не поможет тем Гэбриелю и наверняка погибнет сам, свидетель спрятался в штольне на холме Конроя. По чистой случайности, после землетрясения и успешного побега Гэбриель Конрой со своим приятелем нашли убежище в той же штольне, что и он. Улучив момент, когда Гэбриель вышел, свидетель представился мистеру Джеку Гемлину и обещал ему, что в случае суда над Гэбриелем немедля прибудет на суд и даст все нужные показания. Когда свидетелю стало известно, что Гэбриель вновь задержан и отпущен до суда под залог, он отправился в Сан-Франциско, чтобы собрать там сведения о фальшивой дарственной и о злых умыслах Рамиреса против миссис Конрой. Свидетель может представить суду нож, купленный Рамиресом у оружейника восемь месяцев тому назад, когда он впервые замыслил убийство миссис Конрой.

Обвинение протестует. Судья, весьма заинтересованный показаниями свидетеля и желающий услышать, что будет дальше, отклоняет протест.

— Свидетель закончил свои показания, — объявил Артур.

В наступившей тишине все заметили, что полковник Старботтл, сидевший рядом с Грейс Конрой, не проявляет никаких признаков активности. Лишь после того, как

Грейс прошептала ему что-то на ухо, доблестный полковник напыжил грудь, и на лице его выразилось прежнее самодовольство.

— А по какой же... гм... причине, столь... гм... любящая жена Гэбриеля Конроя, бежавшая с вами и тем способствовавшая аресту своего мужа, почему она не прибыла сюда, чтобы помочь мужу оправдаться? Почему ее нет?

— Она в Марклевилле. Она захворала, тяжело захворала. От волнения и усталости у нее начались преждевременные роды.

Возле скамьи подсудимых начался переполох. Полковник Старботтл обменялся торопливым взглядом с Грейс Конрой и махнул рукой свидетелю, отпуская его. Поднялся Артур Пуанзет.

— Не угодно ли вам будет прервать заседание, ваша честь? Подсудимый в глубоком обмороке.

Глава 7

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Гэбриель очнулся на полу в совещательной комнате для присяжных: Олли поддерживала ему голову; стройная изящная дама, только что склонявшаяся над ним, сейчас отступила в сторону, как бы чуждаясь его взгляда. То была его сестра Грейс.

— Вот тебе и получше стало,— промолвила Олли, беря брата за руку и не обращая никакого внимания на сестру, с которой Гэбриель не сводил глаз.— А ну поднимись-ка, сядь на стул... молодец... так тебе будет удобнее.

— Это Грейси! — хрипло прошептал Гэбриель, по-прежнему не отрывая глаз от стройной нарядной дамы, которая холодно разглядывала его, стоя в дверях.— Олли, это же твоя сестра, Грейси!

— Она сделала все, что могла, чтобы подвести тебя под петлю, Гэйб; специально приехала сюда для этого. На что мне такая сестра? — возразила Олли, бросая на свою элегантную сестру уничтожающий взгляд.— Даже если она в кружевах и оборках — тем хуже для нее!

— Ты женился на женщине, присвоившей мое имя, и тем лишил меня моих законных прав,— холодно промолвила Грейс.— Сейчас, в тяжелую минуту, ты под присягой

отрекся от нашего честного имени! Я ничего не требую от тебя, кроме права называться Грейс Конрой.

— Верно,— тихо сказал Гэбриель.

Уткнув лицо в ладони, он содрогнулся от тяжкого рыдания.

— Не смей разводить истерику перед этой крокодиллицей,— вскричала Олли, склоняясь над братом.— Не надо!.. Не плачь, Гэйб! — взмолилась девочка, сама разражаясь рыданиями при виде слез, просочившихся сквозь стиснутые пальцы Гэбриеля.— Не унижай себя перед ней!

Через голову обессиленного от горя великана сестры обменялись яростным взглядом. Тут в комнату вошла третья представительница прекрасного пола, миссис Маркл; сочувственно взглянув на Гэбриеля, она грозно оглядела обеих сестер. Ее приход имел ту положительную сторону, что положил конец семейным раздорам.

— Все в порядке, Гэбриель! Вас оправдали! — сказала миссис Маркл, полностью игнорируя присутствующих дам.— А вот и мистер Пуансет.

Адвокат вошел быстрым шагом, но, встретив холодный взгляд Грейс Конрой, смешался и слегка покраснел. Впрочем, тут же преодолев смущение, он подошел к Гэбриелю и сказал с искренним чувством.:

— Поздравляю вас, Гэбриель. Прокурор официально отказался от обвинения. Вы освобождены из-под стражи.

— Вы хотите сказать, что я свободен? — спросил Гэбриель, стремительно отнимая ладони от лица.

— Свободны как птица.

— А она? — живо спросил Гэбриель.

— Кого вы имеете в виду? — откликнулся Артур, невольно посмотрев на Грейс, которая в ответ лишь презрительно опустила ресницы.

— Жену мою, Жюли. Ее тоже оправдали?

— В пределах предъявленного обвинения — да,— ответил Артур, гораздо равнодушнее, чего Гэбриель не мог не заметить.

— Тогда я еду,— сказал Гэбриель, вставая.

Он уже сделал несколько шагов по направлению к двери, но потом остановился, как бы задумавшись о чем-то, и повернулся к Грейс. В лице его мелькнула прежняя робость и смущение.

— Простите меня, мисс,— сказал он, виновато глядя на свою вновь обретенную сестру,— простите, что я так не любезен с вами и не могу сейчас сдать вам с рук на руки

ваш дом на холме Конроя. Дом в полном порядке; это вам и юрист Максвелл подтвердит. Я давно отдал распоряжение, чтобы вас пустили, как только вы приедете; можете о том спросить молодую женщину, что смотрит за домом. Я непременно отвел бы вас туда сам, но только мне нужно ехать повидать Жюли. Повидать мою жену, миссис Конрой; а то ведь она там ждет не дождется. Не меня, конечно, я вовсе не то хотел сказать. Она ждет ребенка, моего ребенка. Должно быть, я и доехать не успею, а там уже появится дитя, крохотное, беспомощное создание такого вот росточка,— Гэбриель поднял указательный палец, желая показать рост своего будущего ребенка,— а значит, как отцу семейства мне нужно быть с ними.

К сожалению, вынужден отметить, что присутствующие дамы, прослушав эту речь Гэбриеля, лишь пренебрежительно переглянулись между собой; зато юрист Максвелл и мистер Пуанзет наградили оратора дружелюбным и сочувственным взглядом. Чтобы рассеять общую неловкость, а также преследуя некоторые свои личные планы, Артур сказал:

— Разумеется, Гэбриель, мы отлично понимаем ваши чувства. Не теряйте времени.

— Я еду с тобой, Гэйб,— вскрикнула Олли, поворачиваясь к Гэбриелю и зло посмотрев на сестру. Гэбриель, протянув свои огромные лапищи, схватил Олли в охапку.

— Милая ты моя девочка,— сказал он и тотчас же пропал вместе с нею.

С их уходом в комнате осталось четверо: миссис Маркл, Грейс Конрой и двое мужчин — Пуанзет и Максвелл. Наступившее молчание прервала миссис Маркл; она решительно взяла под руку юриста Максвелла и увела его с собой. Артур и Грейс остались одни.

Первый раз в жизни Артур растерялся и решительно не знал, что ему сказать. Глядя на стоявшую перед ним Грейс, он смущенно думал о том, что ему не поможет сейчас ни светскость, ни апелляция к былой любви.

— Я жду свою горничную,— сухо сказала Грейс.— Буду вам очень обязана, если вы пошлете ее ко мне, когда вернетесь в зал суда.

Артур поклонился в некотором недоумении.

— Вашу горничную?

— Ну да.— Подняв брови, она выразила холодное удивление.— Надеюсь, вы еще помните ее, мистер Пуанзет? Мою Мануэлу!

Кровь отхлынула от щек Артура, потом прилила вновь. Мало того что он вел себя все время как дурак, вдобавок он был еще смешон.

— Моя просьба, видимо, затрудняет вас. Я пойду сама,— пренебрежительно сказала Грейс.

— Обождите минуту, мисс Конрой,— сказал Артур, делая невольный шаг вперед, словно для того, чтобы помешать ей уйти,— одну минуту! — Он помолчал и потом, изменяя привычке, выработанной за последние шесть лет, сказал горячо и не особенно раздумывая над каждым словом.— Быть может, вы снисходительнее отнесетесь к своему брату, если я вам скажу, что и я сам, имевший счастье повстречать вас после вашего исчезновения... не захваченный иною страстью... и я оказался столь же глуп и слеп, что и он. Примите же мое признание, мисс Конрой, примите его и как похвалу вашему необыкновенному искусству перевоплощения... успеху вашего замысла скрыться от света... примите и как просьбу великодушно извинить промахи вашего брата — не смею говорить о своих! Да! Я не узнал вас!

Грейс Конрой помолчала, потом подняла на Артура свои темные глаза.

— Вы говорите, что мой брат захвачен иною страстью... любовью к женщине. Да, для нее он готов на все... готов пожертвовать сестрой... отдать собственную жизнь. Как женщина, я понимаю его. А вы, дон Артуро, или вы позабыли, я не виню вас, да и кто я, чтобы винить вас, вы позабыли о донне Марии Сепульвида?

Она ушла, прошуршав шелками и кружевами. Почувствовав внезапное волнение, он хотел бежать за ней, но в дверях, выставив вперед напыженную грудь, уже стоял полковник Старботтл.

— Позвольте мне, сэр, как джентльмену и...гм... человеку чести... поздравить вас, сэр! Не думал я, когда мы расставались в Сан-Франциско, что мне предстоит удовольствие,— столь редко выпадающее на долю полковника Старботтла, как в частной жизни, так и на общественной арене,— принести публично свои извинения, сэр! Сто чертей, сэр, я это сделал! Сто чертей, сэр, когда я только что объявил суду, что отказываюсь от дальнейшей защиты исковых требований, я сказал себе,— будь я трижды неладен, если лгу! — я сказал себе: ты приносишь публично свои извинения, Стар! Но это твой долг, Стар, твой долг чести!

— Весьма обязан,— рассеянно сказал Артур, силясь не потерять из виду удаляющуюся Грейс Конрой и испыты-

вая внезапную зависть к своему собеседнику.— Благодарю вас, полковник, от себя лично и от имени своего подзащитного.

— Сто чертей, сэр,— сказал полковник Старботтл, преграждая путь Артуру и переходя на более доверительный тон.— Сто чертей, сэр, это еще не все. Как вы помните, наше последнее свидание в Сан-Франциско было посвящено обсуждению одного щекотливого дельца. Свидетельские показания на только что закончившемся процессе,— рад вам сообщить об этом, сэр,— наилучшим и, я бы сказал, законнейшим образом исчерпывают его. С момента появления Грейс Конрой и... гм... юридического признания ее личности, иск моего клиента лишается основания, сэр. Передайте своему клиенту, мистер Пуанзет, что я на свою... гм... ответственность прекращаю это дело.

Артур Пуанзет вышел из задумчивости и пристально поглядел на полковника. Сколь ни были далеки в этот момент его мысли, он оставался юристом.

— Вы хотите сказать, что отказываетесь от иска миссис Дамфи к мистеру Дамфи? — спросил он.

Доблестный воин не ответил на этот вопрос. Зато он расслабил мышцы на левой стороне лица таким образом, что левый глаз его почти закрылся.

— И еще, сэр... Остается небольшой вопрос о нескольких... гм... тысячах долларов... за которые я несу... гм... личную ответственность.

— Давайте забудем об этом, полковник,— сказал, улыбаясь Артур.— Уверен, что таково будет и мнение мистера Дамфи. Да вот он и сам!

Глава 8

СНОВА СЛЕДЫ

Мистеру Джеку Гемлину было очень худо. Срочно вызванный из Сакраменто доктор Дюшен сразу принял с больным самый снисходительный тон; с Питом он был строг и придирчив; оставаясь же один, впадал в необыкновенную мрачность. Все, знавшие знаменитого врача, понимали по этим признакам, что он не надеется вылечить Джека. С Олли, ставшей за эти дни удивительно ловкой и внимательной сиделкой, он сперва избегал всяких разговоров о здоровье Джека, а потом, оставшись однажды с девочкой нае-

дине, спросил ее более грустным тоном, нежели хотел, не известно ли ей из бесед с мистером Гемлином хоть чего-нибудь о его родных или друзьях.

Олли, наделенная незаурядным женским чутьем, уже не раз сама подумывала об этом; ей приходило в голову известить о болезни Джека «Лазореньку». Теперь, после обращения доктора, настроившего ее на самый печальный лад, она стала вспоминать все, что ей успел рассказать Джек о красавице испанке во время их ночного путешествия вдвоем. Как-то вечером, когда жар у Джека чуточку спал и он лежал — увы! — покорный и безгласный, она принялась за дело, которое только что оставил врач, — стала зондировать полузажившую рану больного.

— Наверно, вам было бы много приятнее, если бы эта история приключилась в Сан-Франциско, — сказала Олли.

Джек озадаченно поглядел на маленькую мучительницу.

— Тогда вместо меня с Питом здесь сидела бы эта мексиканка, ваша милая, — уточнила свою мысль хитроумная Олимпия.

Джек чуть не выпрыгнул из кровати.

— Что ж, я, бездомный калека, как попавший в переделку бродяга, расположился бы у нее в доме?! Послушай, Олли, — сказал наставительно мистер Гемлин, облакаясь на подушку, — если ты вообразила, что та девушка хоть чуть похожа на лазаретных дамочек, которые шмыгают вокруг каждого больного с флаконом камфарного масла в одной руке и с душеспасительной брошюрой в другой, выбрось эту ерунду из головы. Девяткой не бьют козырного туза! И никогда больше не называй ее моей милой — это звучит просто... просто кощунственно. До такого грубого блефа я еще в жизни не опускался!

Хотя день процесса был совсем близок, мистер Гемлин не проявлял к нему ни малейшего интереса; было ясно, что он не одобряет слабость, проявленную Гэбриелем, и воздерживается от резких суждений, лишь щадя чувства Олли. Однажды он снисходительно разъяснил ей свое видимое безразличие к исходу дела:

— На суде выступит один свидетель, Олли, который начисто снимет вину с Гэбриеля, — к вящему его позору! Тот-то уж убил Рамиреса наверняка! Я полностью на его стороне! Во всяком случае, волноваться тебе не о чем, Олли, если он не выступит на суде, я выступлю; так что перестань хныкать. А если хочешь послушаться меня, не ходи пока на

суд совсем; пусть там адвокаты грызутся вволю. Вот когда пришлют за мной, будет на что посмотреть!

— Но вы не сможете пойти, вы еще не окрепли, — сказала Олли.

— Ничего, Пит приведет меня под руку; а потребуется — и на плечах притащит; во мне сейчас не так много веса, — сказал Джек, грустно поглядывая на свои исхудалые белые руки. — Я все продумал заранее, Олли; если даже со мной что случится, у Макссуэлла лежит мое письменное показание, заверенное по всей форме.

Тем не менее в день суда Олли, не уверенная, как всегда, в Гэбриеле и опасаящаяся, что он вдруг «возьмет да что-нибудь и выкинет», нервничала и волновалась.

Наконец прибыл посланец от Макссуэлла с запиской о благополучном выступлении Перкинса в суде и с устной просьбой поскорее прислать Олли.

— Кто такой Перкинс? — спросила Олли, торопливо надевая шляпку.

— Перкинс — молодец! — несколько загадочно ответил Джек. — Не задавай лишних вопросов. С Гэбриелем теперь все в порядке, — добавил он успокоительно. — Считай, что он оправдан. Счастливого пути, мисс Конрой! Нет, минутку. Поцелуй меня на прощание. Слушай, Олли, неужели и ты мечтаешь разыскать эту пропавшую сестру, о которой твой глупый братец прожужжал мне все уши? Да? Значит, вы идиоты оба. Так вот, слушай — она нашлась! Воображаю, какое это счастье! Ну, раз-два, шагом марш!

Розовые ленточки мелькнули в дверях и исчезли; мистер Гемлин, насмешливо блеснув глазами им вслед, откинулся на подушку.

Он был совсем один. В доме стояла глухая тишина. Хозяйка гостиницы, ее помощница, постояльцы — все устремились в зал суда. Даже верный Пит, ни минуты не подозревавший, конечно, что его ассистентка покинет свой пост, и тот пошел насладиться прениями сторон. Вслушиваясь, как шажки Олли замирают постепенно в пустом коридоре, Джек проникся чувством, что он полный хозяин в доме. Он был доволен. Джек был деятельной натурой, ему наскучило хворать, и сиделки, даже самые милые и ласковые, его раздражали. Ему захотелось встать, одеться и сделать еще тысячу вещей, которые, хоть и были ему решительно запрещены, сейчас по милости всесильного провидения оказались вдруг легко доступны и в его власти. Преодолевая физическую немощь, никак не гармонизировав-

шую с одушевлявшим его нервным подъемом, он встал с постели и оделся. Потом, почувствовав приступ головокружения, проковылял к окну и тяжело опустился в кресло. Прохладный ветерок чуточку освежил его, но встать с кресла он не мог; не было сил. Слабость и головокружение вернулись, он почувствовал, что куда-то проваливается; это нисколько не было противно и даже в какой-то мере отвечало его желанию — провалиться куда-нибудь, где царят тишина, мрак, покой. А потом он оказался снова у себя, в своей постели, и вокруг суетились взволнованные люди, почему-то — просто до смешного — озабоченные его судьбой. Он силился объяснить, что все в порядке, что он ничуть не повредил себе тем, что подошел к окну, но они, как видно, не понимали его. Потом настала ночь, насыщенная болью и знакомыми, но невнятными голосами, а потом снова день — и каждая фраза или даже слово, произнесенное доктором, Питом и Олли, повторялись почему-то тысячу раз, и розовые ленточки Олли тянулись на целые мили, занавесь на окне, не переставая, развевалась, и он должен был решать таинственные ребусы, кем-то начертанные на пледе, которым он был укрыт, и на стенных обоях. А потом был сон, исполненный покоя и тревожных мыслей, и бодрствование, походившее на летаргический сон; а потом бесконечная усталость и моменты полнейшей пустоты — зловещие предвестники конца.

Но одно в этом хаосе оставалось неизменным и затмевало все прочие видения — женский образ; частью он был воспоминанием и заставлял его думать о прошлом; частью — реальностью, противоречившей всему, что его сейчас окружало. Донна Долорес! Порою она являлась из-под сумрачных сводов храма в Сан-Антонио в дымном облаке ладана и вновь окропляла его святой водой; порой, склоняясь над ним, она освежала холодным питьем его запекшиеся губы, поправляла подушку (как странно было наблюдать ее на фоне знакомых обоев) или сидела в кресле у его изголовья. Но она была с ним! А однажды, когда видение задержалось дольше обычного и сознание у него чуточку прояснилось, мистер Гемлин, сделав титаническое усилие, шепнул:

— Донна Долорес!

Вздвогнув, она склонила к нему свое прелестное лицо, щеки ее вспыхнули божественным румянцем, и она приложила палец к губам:

— Тсс! Я сестра Гэбриеля Конроя.

В КОТОРОЙ МИСТЕР ГЕМЛИН УХОДИТ ИЗ ЖИЗНИ

Подчиняясь пленительному приказу, мистер Гемлин затих и погрузился в полусон, полузабытье. Когда он снова открыл глаза, у изголовья его сидела Олли; Пит с очками на носу, уткнувшись в книгу, темнел силуэтом на фоне окна; больше никого не было. Видение — если то было видение — исчезло.

— Олли! — еле слышно позвал мистер Гемлин.

— Да, — откликнулась Олли, глядя на него приветливо и нежно своими синими глазами.

— Сколько времени я в бреду?.. Давно ли это со мной?

— Трое суток, — сказала Олли.

— Дьявольщина!

(Побуждаемый дружбой к мистеру Гемлину, совсем больному и беспомощному, я передаю его восклицание лишь самым приблизительным образом.)

— Теперь вы пошли на поправку, — сказала Олли.

Мистер Гемлин не знал, вправе ли он считать являвшееся ему видение симптомом поправки. Он повернулся и взглянул на Олли.

— Помнишь, ты рассказывала мне про свою сестру?

— Да, она вернулась, — сухо ответила Олли.

— Приехала сюда?

— Да.

— Ну и что же? — с нетерпением спросил мистер Гемлин.

— Ничего, — ответила Олли, встряхивая кудряшками. — Вернулась. По-моему, давно пора!

Как ни странно, очевидное недоброжелательство Олли к сестре словно порадовало мистера Гемлина; быть может, он увидел в том подтверждение, что Грейс — действительно высшее существо и не имеет ничего общего со своими родственниками.

— Где она пропадала все это время? — спросил Джек, глядя на Олли темными, глубоко запавшими глазами.

— А бог ее знает! Говорит, что жила в какой-то испанской семье на юге; должно быть, там и набралась важности и всех этих штучек.

— А она заходила сюда, в мою комнату? — спросил мистер Гемлин.

— Конечно, заходила, — сказала Олли. — Когда я поехала с Гэйбом в Уингдэм к его жене, Грейс предложила остаться и заменить меня здесь. Это когда вы были без сознания, мистер Гемлин. Но я думаю, что она осталась из-за своего милого.

— Из-за кого? — спросил мистер Гемлин, чувствуя, как кровь приливает к его бледным щекам.

— Из-за своего милого, — повторила Олли, — Эшли или Пуанзета, уж не знаю, как его правильнее называть.

Гемлин бросил на Олли такой странный взгляд и так крепко сжал ей руку, что девочка поспешно рассказала ему все, что знала о прежних скитаниях Грейс вместе со всей семьей и о ее любви к их случайному спутнику тех лет, Артуру Пуанзету. В согласии со своим нынешним настроением Олли расценивала все поступки Грейс самым неблагоприятным образом.

— Она приехала сюда только для того, чтобы увидеться со своим Артуром. Так я считаю. Чуть не подвела Гэбриеля под петлю, а теперь объясняет, что хотела спасти наше честное имя. Как будто висеть под своим именем такая большая честь! И еще обвиняет этого престарелого младенца Гэйба, что он с Жюли хотел украсть у нее права. Ну и ну! А Пуанзет — она сама это нам рассказала — все это время ни разу не пытался ее отыскать и нас с Гэйбом тоже не искал. А потом рассердилась на меня, когда я откровенно выложила этому Пуанзету, что я о нем думаю. Говорит, что он ни в чем не виноват, что она нарочно от него пряталась. И не желает видеться с Жюли, а та, бедняжка, только что родила и лежит совсем больная в Уингдэме. Нет, не говорите мне о Грейс!

— Но ведь твоя сестра не бежала с этим малым. Она ушла с ним, чтобы найти подмогу и спасти вас всех, — лихорадочно прервал Джек, стараясь вернуть Олли к началу ее рассказа.

— Ах, вот как! Почему же он не мог найти подмогу сам, а потом возвратиться за ней, если он так уж ее любил? Нет, она сама влюбилась в него, как кошка, не хотела расстаться с ним ни на минуту, бросила ради него и Гэйба, и меня, и всех. А теперь корит Гэбриеля, что он опозорил себя, женившись на Жюли. На себя бы оборотилась, поменьше бы важничала.

— Замолчи! — яростно крикнул мистер Гемлин, пряча лицо в подушку. — Замолчи! Или ты не видишь, что глупой своей болтовней сводишь меня с ума? — Когда, полная

тревоги и раскаяния, Олли прикусила язычок, он добавил помягче: — Извини. Я сегодня не очень хорошо себя чувствую. Если доктор Дюшен здесь, пошли его ко мне. Одну минуточку. Вот так! Спасибо. Беги!

Олли побежала. Она была строптивой девочкой, но что-то в характере мистера Гемлина заставляло ее слушаться его беспрекословно. Сейчас она была сильно встревожена состоянием его здоровья и тотчас же разыскала доктора Дюшена. Как видно, ее волнение и тревога передались и ему, потому что когда минутой позднее этот прославленный доктор вошел в комнату Джека, на лице его не было обычного спокойствия. Подойдя к постели больного, он попытался пощупать пульс, но Джек уклонился от этого невынодного для него в данную минуту обследования и, спрятав руку под одеяло, пристально поглядел на врача.

— Могу я уехать отсюда?

— Вообще говоря да, но, как врач...

— Об этом я вас не спрашиваю. Я веду игру за себя, доктор, и, если банк лопнет, вы не будете в ответе. Когда?

— Что ж,— сказал доктор Дюшен с профессиональной осторожностью,— если не будет ухудшения (тут он сделал вторую безуспешную попытку послушать Джеку пульс), через недельку мы сможем двинуться.

— Нет,— сказал Джек,— я хочу ехать сейчас.

Доктор Дюшен склонился над больным. Будучи человеком пытливого и острого ума, он заметил в лице Джека нечто такое, чего не увидели другие. Подумав, он сказал:

— Можно и сейчас, но это — риск. Вы рискуете жизнью

— Готов на риск,— быстро ответил мистер Гемлин.— Вот уже шестой месяц, как мне идет плохая карта. Что делать? — Он чуть усмехнулся своей дерзкой усмешкой.— Игра есть игра! Скажите Питу, чтобы уложил вещи и помог мне одеться.

— Куда вы поедете? — тихо спросил доктор, пристально глядя на своего пациента.

— К чертовой бабушке! — сказал мистер Гемлин, не долго раздумывая. Потом, вспомнив, что он едет со спутниками и должен сообразоваться также и с их вкусами, помолчал и добавил: — Поедем в миссию Сан-Антонио.

— Вот и отлично,— откликнулся доктор.

Следует ли приписать то снадобьям доктора Дюшена или каким-то скрытым жизненным источникам в организме больного, но только лишь было принято решение ехать,

как у мистера Гемлина словно прибавилось сил. Дорожные приготовления не заняли много времени, через два-три часа все было готово.

— Не люблю этого прощального кудахтанья,— сказал Джек в ответ на предложение устроить ему проводы.— Пусть пригласят другого банкюмета и продолжают игру.

Несмотря на столь ясно выраженную волю больного, в момент, когда дорожная коляска уже должна была вот-вот тронуться, появился смущенный и озабоченный Гэбриель.

— Я проводил бы вас на двуколке, мистер Гемлин,— сказал он, как бы извиняясь за то, что по причине своего роста и сложения никак не может втиснуться вместе со всеми в коляску,— да только не могу оставить жену. Она еще очень слаба, да и ребеночек совсем маленький... вот такого росточка... хотя, впрочем, как человеку холостому, вам это, может быть, и не понять. Еще хотел сказать — думаю, вам будет интересно услышать об этом,— что я раздобыл денег и внес залог за мистера Перкинса. Он ведь не убивал Рамиреса... тот сам зарезался... об этом и на суде говорилось. Вы хворали тогда, потому и не знаете. Отлично выглядите сегодня, мистер Гемлин. Я очень рад, что Олли едет с вами. Грейс тоже, конечно, проводила бы вас, но она у нас стесняется малознакомых людей. Да еще она помолвлена — вот уже седьмой год — с одним молодым человеком по имени Пуанзет,— он был моим адвокатом на суде,— а сейчас вдруг взяла да повздорила с ним. Впрочем, милые бранятся — только тешатся; вы сами молодой человек, мистер Гемлин, и знаете об этом, наверное, не хуже моего...

— Пошел! — яростно крикнул вознице мистер Гемлин.— Какого дьявола ты стоишь?

Лошади рванули, стоявший с виноватым видом Гэбриель скрылся в облаке пыли, мистер Гемлин в изнеможении откинулся на подушки.

Когда Гнилая Лощина осталась позади, в его настроении наступил, впрочем, перелом к лучшему. В Сан-Антонио он въехал почти таким же дерзким и бесшабашным, как бывало; все готовы были поклясться, что ему на самом деле лучше; все, кроме лечащего врача. А этот джентльмен, тщательно выслушав больного, сказал вечером Питу, когда остался с ним наедине:

— Нервный подъем продлится три дня. Я уезжаю в Сан-Франциско и вернусь точно к сроку, если, конечно, вы не вызовете меня телеграммой раньше.

Он весело простился со своим пациентом и грустно со всеми остальными. Перед отъездом он разыскал отца Фелипе.

— У меня больной,— сказал доктор,— он в дурном состоянии; гостиница — неподходящее для него место. Нет ли здесь какого-нибудь семейного дома, куда его взяли бы на неделю по вашей рекомендации? Через неделю он окрепнет или же... не будет вообще нуждаться в людской помощи. Протестант? Нет, он — никто. Я слышал, вы имели дело с язычниками, отец Фелипе!

Отец Фелипе пристально поглядел на собеседника. Имя его как искусного врача было известно иезуиту; а проникательность и ум доктора были видны в каждом его слове.

— Странный случай, сын мой,— сказал священник,— печальный случай. Я сделаю, что смогу.

Он выполнил обещание. На завтра, под присмотром отца Фелипе, мистера Гемлина перевезли в Ранчо Блаженного Рыбаря; хотя хозяйка ранчо была в отъезде, Джеку было оказано полное гостеприимство. Когда миссис Сепульвида вернулась из Сан-Франциско, она сперва удивилась, потом проявила интерес к гостю, под конец же была весьма довольна.

В госте, привезенном отцом Фелипе, она распознала того самого таинственного незнакомца, которого всего несколько недель тому назад видела возле Ранчо Святой Троицы. Несмотря на болезнь, Джек все еще был хорошо собой; больше того, нездоровье сообщало ему то меланхолическое очарование, которое одни лишь женщины — хрупкие, болезненные существа — умеют ценить по достоинству. Она принялась баловать больного; на день уложила его в свой собственный гамак на веранде, на ночь отвела ему лучшую спальню в доме. Когда этот приятно проведенный день подошел к концу она сказала, лукаво улыбаясь:

— Мне кажется, я вас однажды уже видела, мистер Гемлин; это было у Ранчо Святой Троицы, в поместье донны Долорес.

Мистер Гемлин слишком хорошо знал женщин, чтобы проявлять пред лицом донны Марии излишний интерес к ее подруге. Он лишь вяло признал, что это было действительно так.

Д о н н а М а р и я (*теперь уже окончательно уверившись, что предметом внимания мистера Гемлина в тот памятный день была именно она, и начиная испытывать приятное подозрение, что и сейчас далеко не случайно он оказался в ее доме*). Бедная донна Долорес! Мы потеряли ее навеки!

М и с т е р Г е м л и н. Когда?

Д о н н а М а р и я. Восьмого числа, в день страшного землетрясения!

Подсчитав, что десятого числа Грейс появилась в Гнилой Лощине, мистер Гемлин что-то рассеянно пробормотал в ответ.

— Ах, как это печально! И все же, быть может, к лучшему. Бедняжка жестоко страдала от безответной страсти к своему юристу, знаменитому Артуру Пуанзету. Как, вы ничего не слышали об этом? Великое счастье, что она умерла, не зная, что его чувства к ней были притворными. Верите ли в перст провидения, мистер Гемлин?

М и с т е р Г е м л и н (*с сомнением в голосе*). Это когда вам карта идет?

Д о н н а М а р и я (*пропуская мимо ушей пример мистера Гемлина*). Только послушайте! Бедная донна Долорес! Мы ведь с ней были очень близки. И тем не менее находились сплетники,— вы даже не представляете, мистер Гемлин, как ужасны эти маленькие городишки! — находились сплетники, утверждавшие, что Пуанзет влюблен не в нее, а в меня.

Миссис Сепульвида метнула на собеседника лукавый взгляд, наступило молчание. Потом мистер Гемлин позвал слабым голосом:

— Пит!

— Да, масса Джек!

— Не пора ли мне принять лекарство?

Когда приехал доктор Дюшен, он ни с кем не захотел разговаривать и даже не стал отвечать на расспросы встревоженной Олли. Мистеру Гемлину он сказал:

— Вы не будете возражать, если я вызову доктора Макинтоша? Чертовски сообразительный парень.

У мистера Гемлина не было возражений. Без отлагательства послали телеграмму, и доктор Макинтош приехал. Три или четыре часа врачи толковали на своем тарбарском жаргоне о судьбе человека, который, по искреннему убеждению мистера Гемлина, уже не существовал. После того как доктор Макинтош отбыл, доктор Дюшен, имевший с ним по пути в контору почтовых дилижансов еще один, последний, самый серьезный разговор, пододвинул свой стул к ложу Джека.

— Джек!

— Да, сэр.

— Как дела у вас, в порядке?

— Да, сэр.

— Джек!

— Да, сэр.

— Вы очень порадовали Пита сегодня утром.

Джек удивленно поглядел на доктора. Тот продолжал:

— Вы сказали, что веруете в бога, как и он.

Глубоко запавшие глаза Джека заискрились смехом.

— Старик истерзал меня своим миссионерством, в особенности с той минуты, что вы вызвали доктора Макинтоша. Вот я и решил сделать ему поблажку, сказал, что во всем с ним согласен. Старик ведь любит меня, доктор, а я — между нами, конечно, — уже не успею ничем его отблагодарить. Получается нечестно.

— Вы думаете, что скоро умрете? — строго спросил доктор.

— Думаю, что так.

— Какие будут у вас распоряжения?

— Джим Бриггс из Сакраменто — экая, право, скотина! — взял у меня оправленный в серебро «дерринжер» и так и не вернул. А мне хотелось подарить его вам, доктор! Скажите ему, чтобы отдал без разговоров, не то...

— Джек, — прервал больного доктор Дюшен, с огромной нежностью беря его за руку, — пожалуйста, не заботьтесь обо мне.

Мистер Гемлин ответил крепким рукопожатием.

— Была еще у меня булавка с брильянтом, да она в закладной лавке в Уингдэме; деньги пошла юристу Максвеллу, чтобы добыть свидетелей для этого дурня Гэбриеля. А когда мы с Гэбриелем прятались, я познакомился с Перкинсом, главным его свидетелем; у Перкинса не было ни гроша, и я отдал ему свое кольцо, чтобы он смог поскорее уехать и потом вовремя явиться на суд. А самородок я отдал Олли, чтобы заказать золотую чашечку для детеныша этой бешеной тигрицы, Гэбриелевой жены, госпожи Деварджес. А часы... черт побери!.. кому же я отдал свои часы? — недоуменно промолвил мистер Гемлин.

— Не стоит раздумывать об этом, Джек! А нет ли у вас каких-либо поручений?

— Нет.

Наступило долгое молчание. Такая стояла тишина, что слышно было, как тикают часы на каминной полке. Потом из прихожей послышался смех. Там сидел собрат Джека по ремеслу, сильно подвыпивший и расстроенный профессиональными неудачами.

— Скотти совсем не умеет себя вести, шумит в порядоч-

ном доме,— прошептал Джек.— Пусть немедленно замолчит, а не то...

Ему трудно было говорить, и фраза осталась незаконченной.

— Доктор! — Он едва шевелил губами.

— Да, Джек!

— Не...говорите... Питу... что я... надул... его.

— Не скажу, Джек.

Несколько минут оба молчали, потом доктор Дюшен осторожно высвободил руку и положил исхудалую белую руку своего пациента поверх одеяла. Потом тихо встал и отворил дверь в прихожую. Двое или трое сидевших там мужчин выжидающе взглянули на него.

— Пит,— сказал он сурово,— пусть войдет только Пит.

Старый Пит вошел, еле переступая ногами от волнения. Увидев белое лицо на подушке, он издал вопль отчаяния, вопль, в который вместил всю горестную душу своей расы, и рухнул на колени возле ложа. Черная щека прильнула к белой; обе были залиты слезами.

Шагнув вперед, доктор Дюшен хотел было положить руку на плечо плачущему старику слуге, но не успел сделать этого. С неистовой силой негр вскинул вверх черные руки и обратил к потолку свое черное лицо, раскрыв глаза так, словно его взору вдруг открылась синяя небесная твердь. Впрочем, возможно, так оно и было.

— О всемогущий боже, искупающий равно своей праведной кровью и грехи черного человека, и грехи белого! О агнец божий! Спаси, спаси моего бедного мальчика. Ради меня, о боже! Вот уже двадцать лет старый Пит служит тебе, о боже, истинно служит тебе, не оступаясь на узкой стезе! О боже великий, если будет на то милость твоя, забудь об этом, обреки Пита на вечную гибель, но спаси его!

Глава 10

ОПЯТЬ В СТАРОЙ ХИЖИНЕ

Права Грейс, как наследницы доктора Деварджеса, были признаны без каких-либо затруднений; то, что она действительно Грейс Конрой, а не самозванка, было засвидетельствовано мистером Дамфи. Тот пошел на это тем более охотно, что избавлялся таким образом от призрака покойной миссис Дамфи, сохраняя в то же время привилегию на

разработку руды, откупленную им у Гэбриеля и его жены. Правда, с момента «ухода» жилы рудник был фактически заброшен и ценность его стала ничтожной. Однако мистер Дамфи не терял надежды, что жила когда-нибудь еще «прорежется».

Через несколько недель после смерти мистера Гемлина Гэбриель и Олли снова стояли вдвоем на холме Конроя и разглядывали голые стены и остов крыши своей старой хижины. На сей раз они явились сюда не размышлять на досуге и не объясняться между собой, а для того, чтобы решить строго практический вопрос: нельзя ли вновь отстроить и приспособить под жилье это раннее их обиталище; Гэбриель отверг предложение Грейс поселиться в новом доме, и миссис Конрой с младенцем пока что жила в гостинице.

— Если хочешь знать, Олли,— сказал Гэбриель,— все, что мне надобно, это воз тесу. Через несколько дней домик будет ничуть не хуже, чем когда мы играли с тобой здесь в куклы.

— Ты так думаешь? — рассеянно спросила Олли.

— А ведь мы славно здесь жили вдвоем, не так ли, Олли?

— Конечно,— сказала Олли, думая о чем-то своем.

Гэбриель поглядел на сестру с глубоким вниманием; потом взял ее за руку и, сев на приступок, привлек ее на колени, как когда-то.

— Ты совсем не слушаешь, голубка, что я тебе говорю.

В ответ мисс Олимпия вдруг разрыдалась, обхватив брата своими маленькими ручками. После смерти мистера Гемлина она стала грустной и раздражительной; сейчас, сжимая в объятиях Гэбриеля, она, быть может, обнимала того, кто ушел навеки. Но она представила брату иное объяснение:

— Грейси! Я думала о бедной Грейси!

— В таком случае,— сказал Гэбриель, отлично во всем разобравшись, но соблюдая требуемый от него в эту минуту такт,— ты вспомнила о ней как раз вовремя. Если глаза мне не изменяют, они вдвоем поднимаются прямо к нам.

По тропинке, вырисовываясь на красном закатном небе, шли двое: Артур Пуанзет и Грейс Конрой. Олли поднялась, горделиво вскинув головку. Вот они уже близко, совсем рядом. Сперва никто из четверых не мог вымолвить ни слова. А потом, вопреки доводам рассудка, повинувшись одной только логике чувства, сестры крепко обнялись. Мужчины сдержанно и свысока оглядывали друг друга.

А минуту спустя, когда сестры разомкнули объятия, мужчины, хоть и не имели к тому ни малейшего разумного повода, тоже обнялись. И лишь позже, когда Грейс, смеясь

и плача, отпустила от себя Гэбриеля, мистер Пуанзет смог внести в этот хаос чувств разумную мужскую ноту.

— Теперь, когда вы наконец обрели сестру, позвольте представить вас моей жене, — сказал он, обращаясь к Гэбриелю и беря Грейс за руку.

В ответ Олли бросилась на шею к Пуанзету и обменялась с ним родственным поцелуем, означавшим, что и их вражде пришел конец. Ура!

— Но ты совсем не похожа на новобрачную, — сообщила Олли по секрету миссис Пуанзет. — Где же твоя фата, где флердоранж?.. Ты в простом черном платье...

— Вы забываете, что мы уже семь лет как женаты, — возразил Артур, который всегда все слышал и на все имел готовый ответ.

Тут все вчетвером принялись болтать напропалую, словно всю жизнь были в самой тесной дружбе.

— Послушай, Гэбриель, — сказала Грейс брату, — мы с Артуром должны завтра ехать в восточные штаты, но он говорит, что не двинется с места, пока ты не согласишься взять себе этот дом, дом твоей жены. Если хочешь знать, мы (в это множественно число от личного местоимения я была вложена бездна довольства и счастья), мы уже переписали дом на твое имя.

— Прежде чем толковать о передаче собственности, я должен выполнить некоторые обязательства по отношению к Грейс, — сказал Гэбриель, важно и многозначительно поглядывая на Пуанзета. — Я должен вернуть ей случайно попавшие ко мне ее бумаги. Вот этот документ, — он вытащил из кармана помятый желтый конверт, — я получил с неделю назад; он лежал на почте с самого начала суда, адресованный на мое имя. Он принадлежит Грейси, и я вручаю его ей.

Грейс вскрыла конверт, быстро прочитала бумагу, вскрикнула удивленно, залилась румянцем и спрятала бумагу в карман.

— А этот документ, — столь же важно заявил Гэбриель, вытаскивая из кармана куртки еще одну бумагу, — я нашел в заброшенной штольне в ту ночь, когда прятался от линчевателей. Он прямо относится к Грейси, но и всем не мешает с ним познакомиться. Здесь удостоверено, что доктор Деварджес открыл первым серебряную руду на холме; тем самым, — тут голос Гэбриеля приобрел особую торжественность, — мои права на эту руду, права мистера Дамфи и всех держателей акций, можно сказать, отменяются.

Мистер Пуанзет с интересом взял бумагу и внимательно оглядел ее в тусклом свете гаснувшего дня.

— Вы правы,— сказал он.— Документ в полном порядке.

— А вот третий документ,— объявил Гэбриель, на сей раз вытаскивая из-за пазухи мешочек из оленьей кожи, в котором оказалась еще одна, сложенная в несколько раз бумага.— Это завещание доктора Деварджеса на имя Грейси; Рамирес — бедняга мексиканец, которого убили,— передал его Жюли, моей жене, а Жюли,— тут Гэбриель мучительно покраснел,— сохранила его для Грейси.

Он передал бумагу Артуру; тот взял ее и благодарно задержал в руках огромную ручищу Гэбриеля.

— Ну, а теперь,— заключил Гэбриель,— поскольку становится поздновато и все равно пора кончать этот разговор, не пойти ли нам всем вместе в гостиницу? И раз уж вы уезжаете, мистер Пуанзет, не зайдете ли вы с супругой помириться и попрощаться с миссис Конрой? Ребеночка, кстати, посмотрите — он такой крохотный! Вы просто ахнете, мистер Пуанзет, до чего он похож на меня!..

Но Олли и Грейс стояли в стороне, увлеченные каким-то разговором. Грейс заканчивала свой рассказ:

— Я вынула камень из огня, вот так... (она подняла с земли обломок от развалившейся печной трубы) в точности такой же закопченный и черный,— сильно потеряла одеяло, и он засверкал, как серебро. Тогда доктор Деварджес сказал мне...

— Пора, Грейс,— сказал ей муж,— мы идем проститься с женой Гэбриеля.

Грейс в первую минуту была в нерешительности, но муж, беря ее под руку, чуточку сжал ей локоть. В ответ на эту тайную супружескую просьбу она с живостью протянула руку Олли, и все трое весело зашагали вслед за ссутулившимся Гэбриелем, возглавившим шествие по вечернему лесу.

Глава 11

СНОВА СЛЕДЫ

Досадую, что у меня нет полных сведений об этой примирительной встрече Пуанзетов и миссис Конрой; приходится судить о ней лишь по некоторым беглым замечаниям участников. Когда прощание состоялось и Грейс с Артуром благополучно заняли свои места в уингдэмском дилижансе, Гэбриель склонился над лежавшей в постели миссис Конрой.

— Мне показалось, Жюли, что вы с мистером Пуанзетом уже где-то виделись? — сказал Гэбриель.

— Да, мне его представили однажды, но это бы то не здесь. Думаю, Гэбриель, что особой дружбы у нас с ним не будет,— ответила миссис Конрой, и в ее серых глазах холодным пламенем сверкнуло торжество.— Погляди лучше на нашего малыша. Как он смеется! По-моему, он узнал тебя!..

Изумленный и зачарованный столь стремительными интеллектуальными успехами сына, Гэбриель начисто позабыл начало своего разговора с женой.

— Послушай, где ты познакомился с миссис Конрой? — спросила Грейс своего мужа, когда они, доехав до Уингдэма, заняли номер в гостинице.

— Я не имел чести быть знакомым с миссис Конрой,— возразил Артур, как всегда стремясь к четкой юридической формулировке,— но несколько лет тому назад меня действительно познакомили в Сент-Луисе с дамой, которая носила тогда другое имя, а сейчас является женой твоего брата. Впрочем, Грейс, чем меньше мы будем видеться с ней, тем лучше.

— Почему?

— Кстати, дорогая, что это за бумагу дал тебе Гэбриель? — спросил Артур, забывая ответить на вопрос жены.

Грейс достала из кармашка бумагу, вспыхнула легким румянцем и поцеловала мужа; потом спрятала личико у него на груди. Артур прочитал вслух по-испански:

«Настоящим свидетельствую, что 18 мая 1848 года молодая девушка, назвавшаяся Грейс Конрой, обратилась за приютом и помощью в пресидио Сан-Джеронимо. Она не имела ни родных, ни покровителей — одну лишь пресвятую Деву и святых угодников на небесах,— и я принял ее как дочь и нарек Долорес Сальватьерра. Через шесть месяцев по прибытии, 12 ноября 1848 года, она родила мертвого ребенка, отцом которого назвала необвенчанного с нею супруга своего по имени Филип Эшли. Стремясь сохранить тайну от мира и не желая вернуться назад к своему народу и к своей семье, она решила изменить свою внешность и согласилась, по совету служившей в моем доме индианки Мануэлы, каждодневно умывать лицо и руки соком йокото, что должно было придать ее коже оттенок бронзы. Так, переменившись, она, с моего согласия и по моему желанию, была признана как моя дочь от принцессы-индианки Никаты. После чего в законном порядке я сделал ее наследницей всего моего состояния.

Дано в пресидио Сан-Джеронимо 1 декабря 1848 года.

Хуан Герменисильдо Сальватьерра».

— Но как же эта бумага попала к Гэбриелю? — спросил Артур.

— Просто... просто не знаю, — сказала Грейс.

— А кому ты ее отдала?

— Отцу Фелипе.

— Тогда все понятно, — сказал Артур. — Значит, ты пропавшая жена мистера Дамфи!

— Уж не знаю, что сделал с этой бумагой отец Фелипе, — сказала Грейс, встряхивая головкой. — Я ни во что не вмещивалась.

— Ты рассказала ему всю свою историю?

— Только не про тебя, дурачок ты мой!

Артур поцеловал жену, косвенно признавая тем, что заслужил подобную характеристику.

— Кому действительно я должна была поведать все, это миссис Марии Сепульвида, как только она сказала, что ты объяснился ей в любви. Ты уверен, что не сделал ей предложения?

— Твердо уверен, — ответил этот достойный молодой человек.

Глава 12

ИЗ ПИСЬМА ОЛИМПЦИИ КОНРОЙ К ГРЕЙС ПУАНЗЕТ

«...ребеночек растет. А Гэйб снова напал на эту жилу, подумать только! И все из-за тебя, дорогая. Он даже заявил, что следовало бы по справедливости опять отдать ее тебе, — ты ведь знаешь, он упрям, как мул! Помнишь, ты рассказывала, что доктор Деварджес велел тебе тереть камень, пока он не заблестит, как серебро; когда ты это говорила, ты подняла обломок нашей печной трубы и потерла его для примера. Наутро Гэйб поднял этот обломок, и он блестел в точности, как ты сказала. Он был из чистого серебра! А Гэйб и говорит: значит, мы опять наткнулись на жилу, потому что я складывал эту трубу из породы, которую добывал из самого первого своего шурфа метрах в ста отсюда. На другой день он спустился в старый шурф и нашел там нашу пропавшую жилу. Так что мы снова богаты и на будущий год приедем все вместе вас поведать. А Гэйб все такой же ужасный дурень! Твоя любящая сестра Олимпия Конрой».

ТЕНКОУД
БЛОССОМ

САДЛН
ДАУС

ТЕНКОУД БЛОССОМ

Часть I

Все это произошло в 1779 году; место действия — Морристауп, штат Нью-Джерси.

Стоял жестокий холод. Слякоть от утренней оттепели постепенно застыла под действием северо-восточного ветра в твердый сплав, на котором отпечатались, все движение этого дня по дороге в Баскингридж. Следы копыт кавалерийских лошадей, глубокие колеи от обозных фургонов и еще более глубокие борозды от артиллерии — все это лежало, застывшее и холодное, в бледном свете апрельского дня. На изгородях блистали сосульки, кора кленов с наветренной стороны была покрыта серебристыми узорами, а на скалистых выступах дороги под снежной пеленой кое-где виднелись голые камни, как будто у природы от долгого ожидания запоздавшей весны протрещала одежда на коленях и локтях.

Немногие листья, возвращенные к жизни утренней оттепелью, снова стали хрупкими и шуршали на ветру, и от этого казалось, что лето еще так далеко, что все человеческие надежды и стремления становятся бледными и бесплодными.

Кое-где по краям дороги виднелись разрушенные изгороди и стены, а за ними тянулись снежные поля, истоптанные и обесцвеченные, усеянные обрывками кожи, лагерного снаряжения, сбруи и брошенной одежды, — все говорило о том, что здесь недавно был лагерь и прошли огромные толпы людей. Кое-где еще сохранились остатки грубо сколоченных хижин или виднелось нечто похожее на укрепление, такое грубое и незаконченное. Лисица, крадущаяся

вдоль полузасыпанного рва, волк, притаившийся за земляным валом, как бы символизировали безлюдье и пустыньность этих мест.

Одна за другой бледные краски заката исчезали с неба, отдаленные вершины Оранжевых гор окутывались мраком, ближние склоны горы Уотнонг, поросшие соснами, слились в одну черную массу, и с наступлением ночи воцарилась холодная тишина, которая казалось, оледенила и остановила даже ветер: хрупкие листья перестали шуршать, раскачивающиеся ветви ольхи и ивы перестали хлестать в воздухе, ледяные плоды сосулек застыли на голых ветвях и сучьях, а придорожные деревья погрузились в каменное спокойствие. Было так тихо, что стук лошадиных копыт, врезавшихся в тусклый, бесцветный, тонкий слой льда, который покрывал изборорожденную землю, донесся бы до ближайшего пикета континентальной армии на расстоянии целой мили.

Эта тишина или, может быть, трудности дороги явно раздражали невидимого во тьме всадника. Задолго до того, как он сам возник из мрака, уже было слышно, как он сдавленным голосом проклинал дорогу, свою лошадь, своих соотечественников и всю страну: «Потише ты, кляча!», «Прыгай, дьявол, прыгай!», «Будь проклята эта дорога и нищие фермеры, которые не могут ее починить!» Затем движущаяся громада лошади и всадника внезапно обрисовалась на вершине холма, с трудом перевалила через него, шлепая по застывшим лужам, а затем так же неожиданно исчезла, и drobный стук копыт замер вдали.

Незнакомец повернул в пустынную аллею, покрытую девственным снегом. По одной стороне дороги тянулась каменная стена, сохранившаяся лучше, чем пограничные знаки на просторах полей. Она внушала мысль об уединении и надежной защите. Проехав больше половины аллеи, всадник остановил лошадь и, спрыгнув, привязал ее к молодому деревцу у дороги. Потом осторожно пошел вперед к небольшой ферме в конце аллеи, в слуховом окне которой мерцал огонек, прорезая лучами все сгущавшуюся ночь. Вдруг он в нерешительности остановился, и у него вырвалось нетерпеливое восклицание. Свет в окне исчез. Он резко повернулся на каблуках и пошел назад к сараю, который стоял напротив, в нескольких шагах от стены. Рядом огромный вяз бросал унылую тень своих голых ветвей на стену и на окружающий снег. Незнакомец вступил в эту тень и сразу как будто слился с ее дрожащим лабиринтом.

Сейчас это, конечно, было мрачное место для свидания. На стволе дерева еще цепко держался снег, а кору обволакивала ледяная пленка; прилегающая стена была скользкая от мороза и украшена сосульками.

Но все это напоминало о чем-то до смешного несвоевременном и ушедшем в прошлое; несколько камней, выломанных из стены, были расположены в виде скамьи и кресел, а под пленкой льда на коре вяза еще можно было различить вырезанное изображение сердца, различные инициалы и надпись: «Твой навеки».

Однако незнакомец пристально смотрел только на крышу сарая и на открытое поле, простиравшееся за ним. Пять минут прошли в бесплодном ожидании. Десять минут! А затем луна медленно поднялась над черной грядой Оранжевых гор и взглянула на него, слегка краснея, как будто у нее было назначено с ним свидание.

В этом освещении явственно вырисовались лицо и фигура крепкого, красивого человека лет тридцати, с таким воинственным видом, что и без эполет и нашивок легко можно было узнать в нем капитана континентальной армии. Однако в выражении его лица было нечто противоречащее его мужественной осанке, какое-то раздражение и недовольство, не соответствующие его росту и силе. По мере того как проходили минуты, это беспокойство все усиливалось; вдали на слабо освещенном поле не было заметно никакого движения. Наконец, в злобной ярости, он начал швырять лежащие вблизи камни ногой об стену.

— Му-у!

Офицер вздрогнул. Он не то чтобы испугался, не то чтобы не мог распознать в этих протяжных звуках полусонного мычания коровы, но это было так близко от него — должно быть, сразу за стеной! Если столь массивное существо могло незаметно подойти к нему на такое близкое расстояние, то, может быть, и она...

— Му-у!

Он осторожно приблизился к стене.

— Ну, ну, Куши, Мули! Иди сюда, Бесс! — ласково уговаривал он.

— Му-у! — но здесь мычание вдруг оборвалось и превратилось в человеческий и довольно мелодичный смех.

— Тэнкфул! — воскликнул офицер и тоже засмеялся несколько неловким и принужденным смехом, в то время как над стеной показалась маленькая головка в капюшоне.

— Ну-с! — произнесла девушка, спокойно облокотившись

о стену и подперши голову руками.— Ну-с, чего же вы ждали! Может быть, вы хотели, чтобы я сидела здесь всю ночь, а вы, как лунатик, будете торчать, притаившись под деревом? Может быть, вы думали, что я назову вас по имени? Может быть, вы ждали, что я закричу: капитан Аллан Брустер?

— Тэнкфул, тише!

— Капитан Аллан Брустер из коннектикутского отряда,— продолжала девушка, заметно возвышая свой тихий, проникновенный голос, которого однако, не было слышно за пределами дерева.— Капитан Брустер, вот и я! Ваша верная и покорная слуга и возлюбленная прибыла в ваше распоряжение.

После легкой борьбы у стены капитану Брустеру удалось завладеть рукой девушки. Все еще продолжая сопротивляться, она немного смягчилась.

— Не всякому юноше я позволила бы это,— сказала она, слегка надув губки.— Другие, может быть, и не имели бы ничего против. А вот многие знатные дамы на балах ассамблеи в Морристауне могли бы подумать, что это неприличная шалость для девушки.

— Это не пустяки, моя любимая,— сказал капитан, который в это время успел влезть на стену и обнял девушку за талию.— Пустяки! Вы меня только застали врасплох. Но,— добавил он, внезапно взяв ее за подбородок и поворачивая ее лицо к лунному свету с тревожным подозрением,— почему вы убрали свечу с окна? Что случилось?

— У нас нежданные гости, дорогой мой,— сказала Тэнкфул.— Только что приехал граф.

— Этот проклятый гессенец!

Он остановился и пытливо посмотрел ей в глаза. Луна в этот момент тоже глядела на Тэнкфул — ее лицо было так же нежно, спокойно и доверчиво, как лицо девушки. Видимо, эти две ветреницы хорошо понимали друг друга.

— Нет, Аллан, он не гессенец; это джентльмен, изгнанник из другой страны. Он знатный человек...

— Теперь нет знатных людей,— презрительно фыркнул капитан.— Так постановил конгресс. Все люди рождаются свободными и равными. Даже коровы не рождаются одинаковыми. Разве тот теленок, который родился вчера вечером у Бриндль, похож на мою рыжую телку от коровы, которую привезли сюда на корабле из Суррея? Разве они похожи друг на друга?

— Титулы — звук пустой,— упрямо заявил капитан Брустер.

Последовала зловещая пауза.

— Да, но еще остался один благородный человек,— сказала Тэнкфул,— и он принадлежит мне,— мой прирожденный аристократ.

Капитан Брустер ничего не ответил. Судя по некоторым лукавым жестам и хитрым улыбкам, которыми смелая девушка сопровождала свои слова, вероятно, надо было думать, что джентльмен, который стоял перед нею, и был вышеупомянутый благородный человек. По крайней мере он так и понял эти слова и крепко обнял ее, а ее руки и край плаща обвились вокруг его шеи. Так они безмолвно и замерли на несколько минут, слегка покачиваясь из стороны в сторону, как метроном,— движение, как я полагаю, типично буколическое, пасторальное и идиллическое; как таковое, оно, я знаю, отмечалось Феокритом и Вергилием.

В такие возвышенные моменты слабая женщина обычно сохраняет самообладание гораздо лучше, чем высшее разумное животное — мужчина, и в то время как доблестный капитан забылся, припав к ее очаровательным губкам, мисс Тэнкфул отчетливо расслышала скрип калитки на ферме и при этом заметила, что луна уже взошла высоко и стала, пожалуй, слишком назойливой. Она наполовину высвободилась из объятий капитана — задумчиво и нежно, но твердо.

— Мой дорогой Аллан, расскажите мне все о себе,— спокойно сказала она, подвигаясь, чтобы освободить ему рядом с собой место на стене,— все, все решительно!

Она обратила к нему свои прекрасные глаза, глаза с пытливым и даже серьезным выражением, но в их прекрасной темной глубине таились нежное, детское доверие и беспомощность, эти слегка прищуренные глаза с какой-то нежной, печальной мольбой, казалось, говорили каждому, кто глядел в них: «Я говорю правду, будь же и ты откровенен со мною!» Право же, я убежден, что среди всего нашего впечатлительного мужского пола не найдется ни одного человека, который, глядя в эти умоляющие глаза, не согласился бы скорее дать ложную клятву, чем разочаровать прекрасную обладательницу таких глаз.

На лице капитана Брустера появилось прежнее недовольное выражение.

— Положение становится все хуже и хуже, Тэнкфул, и дело наше проиграно. Конгресс бездействует, а Вашингтон не может спасти нас в этом критическом положении. Вместо того чтобы выступить в поход на Филадельфию и с по-

мощью штыков усмирить эту подлую банду Хэнкока и Адамса, он пишет письма.

— Напыщенный, чопорный старый дурак,— с негодованием прервала его мисс Тэнкфул,— а взгляните-ка на его жену! Разве мисс Форд и мисс Бэйли, да и другие аристократки графства Моррис не отправились к его превосходительству разодетые в пух и прах? И разве они не нашли миледи в переднике, занятую домашним хозяйством? Нечего сказать, вот так вежливый прием! Как будто весь свет не знает, что генерал был захвачен врасплох, когда миледи неожиданно явилась сюда из Виргинии верхом со всеми этими блестящими кавалерами только для того, чтобы посмотреть, чем его превосходительство занимается на балах ассамблеи. А уж, я думаю, там такие дела творятся!

— Это все праздные сплетни, Тэнкфул,— сказал капитан Брустер, принимая вид солидного человека,— эти балы на ассамблее придумал генерал, чтобы укрепить доверие городских жителей и смягчить тяготы зимней лагерной жизни. Я сам редко там бываю. Мне не очень-то приятно предаваться пикникам и танцам, когда моя страна находится в таком трудном положении. Нет, Тэнкфул! Настоящий вождь — вот кто нам нужен! И коннектикутцы это остро чувствуют. Если я заговорил об этом,— добавил капитан, несколько приосанившись,— это потому, что они знают, что я принес в жертву,— как фермеры Новой Англии, они знают мою преданность делу. Они знают о моих страданиях...

Ясное личико, обращенное к нему, внезапно вспыхнуло сочувствием, хорошенькие бровки сдвинулись, прелестные глазки были полны нежности.

— Простите меня, Аллан! Я совсем забыла... может быть, любимый мой, может быть, дорогой мой, вы голодны?

— Да нет, сейчас нет,— ответил капитан Брустер с мрачным стоицизмом,— однако,— добавил он,— я уже около недели не пробовал мяса.

— Я... я кой-чего захватила с собой,— продолжала девушка с некоторым колебанием и робостью.

Она нагнулась и откуда-то из укромного места в стене извлекла корзинку.

— Таких цыплят,— и она протянула пару жареных курочек,— не мог бы купить даже сам главнокомандующий. Я берегла их для моего командира! А вот банка с вареньем, которое, я знаю, любит мой Аллан,— она стоит у меня еще с прошлого лета. Я думала (это она сказала очень не-

ждно), что вам понравится этот кусочек свиной грудинки,— ведь раньше она вам нравилась, дорогой! Ах, милый мой, когда же мы сядем наконец за стол в своем собственном доме? Когда же мы дождемся конца этой ужасной войны? Не думаешь ли ты, дорогой (это она сказала умоляющим тоном), что лучше было бы прекратить ее? Король Георг не такой уж скверный человек, правда? Я думаю, любимый мой (это она сказала весьма доверительно), что, может быть, вы с ним могли бы уладить все дела без помощи этих Вашингтонов, которые только доводят людей до голодной смерти. Если бы только король знал тебя, Аллан,— увидел бы тебя вот так, как я, любимый мой,— он сделал бы так, как ты бы ему посоветовал.

Во время этой речи она передала ему съестные припасы, упомянутые выше, и он принял их и рассовал в самые удобные карманы. С одной только явственной разницей: с ее стороны поступок был изящным и красочным, а с его стороны в этом было что-то нескладное; его широкие плечи и мундир только усиливали это впечатление.

— Я думаю не о себе, моя девочка,— сказал он, засунув вареные яйца в карманы брюк и застегнув нагрудные карманы, в которых поместилось по целому цыпленку.— Я думаю не о себе и, может быть, часто воздерживаюсь от тех советов, на которые обращают мало внимания. Но у меня есть долг по отношению к моим солдатам — по отношению к Коннектикуту (тут он завязал банку с вареньем в носовой платок). По правде сказать, я иногда думал, что мог бы, если бы меня подтолкнули, дойти до того, чтобы принять решительные меры ради пользы дела. Я не претендую на руководство, но...

— Если бы ты стал во главе армии,— пылко воскликнула Тэнкфул,— мир был бы заключен в течение двух недель!

Если мужчина считает, что женщина его любит, он готов принять за чистую монету любую ее лесть, даже самую чудовищную. Может быть, он усомнится в ее влиянии на более хладнокровное суждение человечества, но будет считать, что эта бедняжка по крайней мере понимает его и в какой-то смутной форме высказывает вечные, но непризнанные истины. А когда эту лесть произносят юные, горячие уста, то она кажется такой же убедительной, как и холодный, отдаленный приговор потомства.

А посему кавалерист самодовольно запихнул этот комплимент вместе с цыплятами в свои нагрудные карманы и застегнул их.

— Я думаю, что теперь вам пора идти, Аллан,— сказал она, глядя на него тем как бы материнским взором, которым молодые женщины иногда глядят на своих возлюбленных, как будто с куклой внезапно произошла метаморфоза и она превратилась в мужчину.— Вы должны теперь идти, дорогой; вероятно, отец уже давно заметил мое отсутствие. Приезжайте в среду, любимый мой, но вы не должны посещать эти ассамблеи, и ездить в гости к миссис Джудит, и опять возить за спиной девушек верхом на вашей черной лошадке, и вы дадите мне знать, когда снова будете голодны?

Она с любовью взглянула на него своими карими глазами и слегка нахмурилась, но в ее взоре было столько страстного, умоляющего ожидания, что капитан не вытерпел и поцеловал ее. Затем последовало прощальное объятие, выполненное капитаном в полунебрежной, спокойной манере, с соответственным учетом хрупкости одной части его продовольственных запасов. Далее он исследовал содержимое своих карманов и убедился, что яйца не разбились. Тогда он свободной рукой отдал мисс Тэнкфул честь и исчез. Через несколько минут резкий стук копыт его коня послышался на обледенелой дороге, ведущей в гору.

Но когда он достиг вершины, из темноты у края дороги внезапно вынырнули два всадника и предложили ему остановиться.

— Капитан Брустер, если лунный свет меня не обманывает? — спросил незнакомец, ехавший впереди, с учтивостью, в которой таилось что-то угрожающее.

— Он самый. Майор Ван-Зандт, если не ошибаюсь,— ответил Брустер с некоторым раздражением.

— Совершенно точно. Я очень сожалею, капитан Брустер, но мой долг — сообщить вам, что вы арестованы.

— Чей это приказ?

— Главнокомандующего.

— За что?

— За подстрекательство к бунту и неуважение к старшим офицерам.

Шпага, которую капитан Брустер извлек из ножен при внезапном появлении незнакомцев, на минуту дрогнула в его крепкой руке. Затем, резко ударив ею о лук седла, он сломал ее надвое и бросил обломки к ногам своего собеседника.

— Продолжайте,— упрямо произнес он.

— Капитан Брустер,— сказал майор Ван-Зандт с бесконечной серьезностью,— не мне указывать вам на опасные

последствия такой искренней вспышки гнева. Я только хотел отметить, что она весьма неблагоприятно отразилась на запасах продовольствия в ваших карманах. Если я не ошибаюсь, они пострадали в равной мере со сталью вашей шпаги. Вперед, марш!

Капитан Брустер опустил глаза и затем отъехал немного назад, потому что вылившиеся из разбитой скорлупы желтки самого драгоценного дара мисс Тэнкфул медленно и задумчиво стекали вниз по бокам коня.

Часть II

Мисс Тэнкфул продолжала стоять у стены, пока ее возлюбленный не скрылся из виду. Затем она повернулась и, как тень, мелькнувшая в неверном свете, проскользнула под кровлей сарая, а оттуда побежала по фруктовому саду от дерева к дереву, замирая у каждого из них на мгновение, как форель останавливается в тени берега, проходя мель; наконец она добралась до фермы и, открыв дверь на кухню, вошла в дом. Потом по задней лестнице она проскользнула наверх в свою комнатку, с окна которой полчаса тому назад она убрала сигнальный огонек. Она снова зажгла свечу, поставила ее на комод и, сняв капюшон и сбросив с плеч накидку, подошла к зеркалу и начала поправлять высокую роговую гребенку, которая несколько сдвинулась в сторону от объятий капитана. Кроме того, она вообще, как настоящая женщина, приняла меры, чтобы уничтожить следы объятий своего возлюбленного. Здесь следует заметить, что мужчина часто возвращается с самого пустякового свидания со своей дульцинеей рассеянный, раздраженный или пристыженный и не замечает, что галстук у него сбился на сторону или длинный волос блондинки зацепился за пуговицу. Что же касается *mademoiselle*¹, то взгляните на гладенькие лапки и чистенькую мордочку кошечки — разве вам может прийти в голову, что она только что прикладывалась к молочнику со сливками?

Я полагаю, что Тэнкфул осталась вполне довольна своим внешним видом. Нет сомнения, что у нее были для этого некоторые основания. Ее платье было просто куском

¹ *Барышни (фр.)*

ситца, с узорами из цветов, схваченным на шее и ниспадающим под углом в пятнадцать градусов на короткую серую фланелевую юбку. Но все в ней представляло такую законченную гармонию, что, глядя на прямую посадку ее изящной головки с каштановыми волосами или вниз, на очертание ее стройной фигуры, или на маленькие ножки, которые прятались в туфельках с широкими пряжками, вы могли быть уверены, что и все остальное было так же неподдельно и прекрасно.

Немного погодя мисс Тэнкфул открыла дверь и прислушалась. Затем тихо скользнула вниз по задней лестнице в вестибюль. Там было темно, но из-под двери, ведущей в «кают-компанию», или гостиную, пробивался слабый луч света. Она на минуту остановилась в нерешительности — идти ли ей дальше, как вдруг почувствовала, что кто-то схватил ее за руку и не то повел, не то потащил в гостиную. Там было тоже темно. Слышно было, как кто-то торопливо рылся в карманах, отыскивая коробочку с трутом и кремь, затем, раза два наткнувшись на стол и стулья, пробормотал ругательство, и Тэнкфул рассмеялась.

Далее вспыхнул свет, и ее отец, седой, морщинистый старик лет шестидесяти, предстал перед ней, все еще держа ее за руку.

— Ты выходила гулять, мисс?

— Да,— сказал Тэнкфул.

— И не одна? — сердито проворчал старик.

— Да,— сказала мисс Тэнкфул с улыбкой, которая возникла в уголках ее карих глаз, сбежала вниз к губам и к ямочкам на щеках и в конце концов завершилась во внезапном ослепительном видении ее белых зубов.— Да, не одна!

— А с кем? — спросил старик, постепенно смягчаясь под ее стремительным и дерзким напором.

— Ну вот что, папа,— сказала Тэнкфул, садясь на стол перед отцом и демонстративно болтая своими маленькими ножками,— я была с капитаном Алланом Брустером из коннектикутского отряда.

— С этим человеком?

— С этим человеком!

— Я запрещаю тебе встречаться с ним!

Тэнкфул схватилась руками за стол с обеих сторон, как бы для того, чтобы подчеркнуть свои слова, и, болтая ножками, заявила:

— Отец, я буду встречаться с ним сколько захочу!

— Тэнкфул Блоссом!

— Эбнер Блоссом!

— Я вижу, ты не знаешь,— сказал мистер Блоссом, меня строгий родительский безапелляционный тон на дружески-доверительный,— я вижу, ты не знаешь, какая у него репутация. Он обвиняется в подстрекательстве солдат к бунту и в измене национальному делу.

— А с каких это пор, Эбнер Блоссом, вы стали так преданы национальному делу? С тех пор, как вы отказались поставлять припасы континентальному комиссару иначе, как за двойную цену? Или с тех пор, как вы сказали мне, что рады, что я не вмешиваюсь в политику, как миссис Форд...

— Шш! Тише! — перебил отец, указывая рукой на дверь в гостиную.

— Тише! — повторила с негодованием Тэнкфул. — Я не дам на себя шикать. Каждый говорит мне: тише! Граф говорит: тише! Аллан говорит: тише! Вы говорите: тише! Мне надоело это шиканье. Неужели нет на свете человека, который бы не шикал? — И мисс Тэнкфул подняла к потолку свои прелестные глаза.

— Ты неразумна, Тэнкфул; ты безрассудна и неосторожна. Вот почему тебя приходится предостерегать.

Несколько мгновений Тэнкфул молча болтала ножкой, а затем внезапно соскочила со стола и, схватив старика за отвороты сюртука, пристально взглянула на него и произнесла подозрительным тоном:

— Отчего вы не пускаете меня в гостиную? Зачем вы привели меня сюда?

Блоссом-старший на минуту был просто ошеломлен:

— Потому что ты знаешь, что граф...

— А вы боялись, что граф узнает о моем возлюбленном? Ну ладно, я пойду и сама скажу ему.— И она направилась к двери.

— Отчего же ты не сказала ему раньше, когда выскользнула отсюда час назад, глупая девчонка? — спросил старик, схватив ее за руку.— Но все равно, Тэнкфул, я остановил тебя не из-за него. С ним там сидит один франт. Да, он появился, как только ты исчезла, дочурка. Красивый молодой кавалер, и сейчас они с графом лопочут на своем собственном диалекте — как будто что-то вроде итальянского,—как ты думаешь, Тэнкфул?

— Не знаю,— ответила она задумчиво.— А откуда прибыл этот красавчик?

В нее вдруг начал закрадываться страх, что, может быть, этот юный незнакомец видел ее в объятиях капитана.
— Из города, моя девочка.

Тэнкфул повернулась к отцу с таким видом, как будто ожидала ответа на давным-давно заданный вопрос.

Ну и что же?

— Не лучше ли тебе немножко принарядиться и надеть кружевной воротничок? — спросил старик. — Это ведь блестящий молодой щеголь, не то что здешние неотесанные провинциалы.

— Нет, — ответила Тэнкфул с быстротой женщины, которая прекрасно выглядит и сознает это.

Старик взглянул на нее и согласился с ее мнением. Затем, не говоря ни слова, он повел ее к гостиной и, открыв дверь, коротко произнес:

— Моя дочь, мисс Тэнкфул Блоссом!

Когда дверь открылась, послышались горячо спорящие голоса, которые при появлении мисс Тэнкфул мгновенно утихли. Два джентльмена, в ленивой позе развалившиеся у камина, сразу поднялись, и один из них выступил вперед и обратился к ней непринужденно и вместе с тем почтительно.

— Вот это действительно большая радость, мисс Тэнкфул, — сказал он с ясно выраженным иностранным акцентом и с еще болсе ясно подчеркнутыми иностранными манерами. — Я был в отчаянии, и мой друг, барон Помпосо, тоже.

Едва заметная улыбка и мгновенный взгляд, в котором таился упрек, осветили смуглое лицо барона, когда он низко и цеременно поклонился Тэнкфул, по обычаю того времени, сделала реверанс, так называемую «уточку»: выдвинула правую ногу вперед и описала полукруг на полу. Ножка была так изящна, а маленькая фигурка так грациозна, что барон поднял глаза от ножки к лицу с нескрываемым восхищением. Ей было достаточно одного мгновенного женского взгляда, чтобы убедиться, что он хорош собой; второй взгляд, пока он еще продолжал молчать, убедил ее в том, что его красота заключалась в темных девичьих глазах, похожих на глаза лани.

— Барон, — появнил мистер Блоссом, потирая руки так, как будто пытался с помощью простого трения придать приему гостей ту теплоту, которая отсутствовала на его жестком лице, — барон посетил нас в трудный момент. Он прибыл из далеких стран. Аристократы европейского происхождения обычно путешествуют по чужим странам

для знакомства с нравами и обычаями их жителей. Он найдет в Джерси,— продолжал мистер Блоссом, обращаясь к Тэнкфул, но избегая ее презрительного взгляда,— трудолюбивых фермеров, всегда готовых приветствовать незнакомца и снабдить его по сходной цене всем необходимым для дороги. Для такой цели в это смутное время благоволите иметь при себе золото или другие деньги, на ценности которых не отражаются местные волнения.

— Он найдет, мой добрый друг Блоссом,— сказал барон быстро и несколько витиевато, что явно не шло к мягкой, спокойной серьезности его глаз,— красоту, изящество, изысканные манеры и э... э... святая Мария, что еще? — Он умоляюще повернулся к графу.

— Добродетель,— подсказал граф.

— Верно, Берти! И все слилось в здешних прелестных красавицах. Ах, поверьте мне, мой честный друг Блоссом, в любой стране самое главное — женщины!

Эта речь была в большой степени обращена непосредственно к мисс Тэнкфул, так что ей пришлось в ответ показать по меньшей мере одну ямочку на щеке, хотя брови у нее были слегка сдвинуты, и она устремила на барона свои ясные удивленные глаза.

— А кроме того, генерал Вашингтон был настолько любезен, что обещал нам свое покровительство,— добавил граф.

— Любой дурак, вообще любой человек,— поспешно подтвердила Тэнкфул, слегка покраснев,— может получить пропуск от генерала, да и вдобавок услышать от него несколько приветственных слов. Ну, а что слышно о миссис Пруденс Букстэйвер? Это та самая, у которой поклонник в бригаде Книпхаузена,— я уверена, что он гессенец, но благородного происхождения, как мне часто рассказывала миссис Пруденс; но, видите ли, все ее письма задерживает генерал, и я уверена, что их читает сама госпожа Вашингтон, как будто это вина Пруденс, что ее дружок с оружием в руках восстал против Конгресса. Объясните-ка мне эту загадочную историю, а?

— Этого требует благоразумие, девочка,— заметил Блоссом, хмурясь на поведение дочери,— она может проболтаться о передвижении армии, которая идет громить противника.

— А почему ей не попытаться спасти своего друга от плена или засады, как спасли, например гессенского комиссара, когда он с припасами, которые вы...

Мистер Блоссом, сделав вид, что заключает дочь в отеческие объятия, ухитрился довольно больно ущипнуть мисс Тэнкфул.

— Тише, девочка, — сказал он с притворной шутливостью, — язык у тебя трещит, как мельница на Уиппани. Моя дочь, как все женщины, плохо разбирается в политике, — объяснил он гостям. — Эти тревожные дни принесли ей тяжелые огорчения — разлучили с друзьями детства и с людьми, к которым она была очень привязана. Это ее как-то ожесточило.

Едва только мистер Блоссом произнес эти слова, как тут же пожалел, что они сорвались у него с уст, ибо он опасался, что правдивая мисс Тэнкфул поведаст о своих отношениях с континентальным капитаном. Но, к его изумлению и, надо сказать, к моему также, она больше не проявила такой строптивости, как несколько минут тому назад. Наоборот, она слегка покраснела и не промолвила ни слова.

Разговор переменился; мистер Блоссом стал беседовать с графом о погоде, о суровой зиме, о судьбах страны, о критике действий главнокомандующего, о позиции Конгресса, и т.д., и т.п., причем вряд ли надо упоминать, что этот разговор отличался той безапелляционностью суждений, которая характерна для непрофессионалов. В другом углу комнаты мисс Тэнкфул с бароном болтали о своих делах: о балах ассамблеи, о том, кто самая красивая женщина в Морристауне, и правда ли, что внимание, которое генерал Вашингтон оказывает мисс Пайн, — не более чем обычная любезность, или это что-то иное, и действительно ли у леди Вашингтон седые волосы, и верно ли, что молодой адъютант майор Ван-Зандт влюблен в леди Вашингтон или его внимание к ней — лишь усердие подчиненного. В разгаре беседы весь дом вдруг задрожал от сильного порыва ветра, и мистер Блоссом, подойдя к наружной двери, вернулся и объявил, что на дворе вьюга.

И действительно, за один час весь облик природы изменился перед их удивленными взорами. Луна исчезла, небо скрылось в ослепляющем, крутящемся потоке колючих хлопьев снега. Резкий и порывистый ветер уже украсил белыми, пушистыми слоями снега порог, крашенные скамейки на крыльце и дверные косяки.

Мисс Тэнкфул с бароном пошли к залней двери взглянуть на эту метеорологическую метаморфозу, причем барон, как уроженец юга, был охвачен легким ознобом. Мисс Тэнкфул глядела на картину вьюги, и ей показалось, что

все то, что с ней произошло, как будто было стерто с лица земли, что исчезли даже следы ее недавних шагов на земле,— серая стена, на которую она опиралась, была теперь белой и безупречно чистой — даже знакомый сарай казался каким-то смутным, странным и призрачным. Да и была ли она там, видела ли капитана, или все это существовало только в ее воображении? Она сама не могла этого понять. Внезапный порыв ветра с треском захлопнул за ними дверь и заставил мисс Тэнкфул слегка взвизгнуть и рвануться вперед, во тьму. Но барон поймал ее за талию и спас ее от бог весть какой воображаемой опасности, после чего вся сцена закончилась полуистерическим смехом. Но тогда ветер ринулся на них обоих с такой яростью, что барон, как я полагаю, должен был еще теснее прижать ее к себе.

Они были одни, если не считать присутствия двух коварных заговорщиков: Природы и Благоприятного случая. В полутьме вьюги она не удержалась и бросила на него лукавый взгляд. И даже как будто немного удивилась, заметив, что его лучистые глаза смотрят на нее нежно и, как ей показалось в это мгновение, более серьезно, чем это вызывалось обстоятельствами. Совершенно новое и необычное смущение охватило ее, когда он, как она одновременно и боялась и ожидала, наклонился к ней и прильнул к ее губам. Она на мгновение почувствовала себя бессильной, но в следующую минуту вlepила ему звонкую пощечину и исчезла во мраке. Когда мистер Блоссом открыл барону дверь, он с удивлением увидел, что вышеупомянутый джентльмен стоит в одиночестве; а когда они возвратились в комнату, он еще больше удивился, увидев мисс Тэнкфул, которая в этот момент скромно вошла в дом через парадную дверь.

Когда на следующее утро мистер Блоссом постучался в комнату дочери, он нашел ее совершенно одетой, но при этом слегка побледневшей и, говоря по правде, немного угрюмой.

— Если ты поднялась так рано, Тэнкфул,— сказал он,— то все-таки надо было хоть из вежливости пожелать доброго пути гостям, особенно барону, который, по-видимому, весьма сожалел о твоём отсутствии.

Мисс Тэнкфул слегка вспыхнула и ответила с дикой стремительностью:

— А с каких это пор я обязана плясать на задних лапах перед каждым назойливым иностранцем, которому вздумается остановиться в нашем доме?

— Он был очень любезен с тобою, голубушка, к тому же он джентльмен.

— Нечего сказать, любезен! — проворчала мисс Тэнкфул.

— Надеюсь, он не позволил себе ничего лишнего? — неожиданно спросил мистер Блоссом, устремляя на дочь свои холодные серые глаза.

— Нет, нет, — поспешно возразила Тэнкфул, залившись ярким румянцем, — но... ничего! А что это у тебя такое — письмо?

— Да, наверно от капитана, — сказал мистер Блоссом, подавая ей бумагу, сложенную треугольником, — его оставил один вольнонаемный служащий из лагеря. Тэнкфул, — продолжал он с многозначительным видом, — послушай моего совета, сейчас он будет кстати. Капитан тебе не пара!

Тэнкфул внезапно побледнела и с презрением вырвала у него письмо из рук.

Когда его шаги затихли на лестнице, на ее лице снова показался румянец. Она распечатала письмо. Оно было написано небрежно, с ужасными орфографическими ошибками. Она прочла следующее:

Любимая, вследствие Приказа тирана, порожденного Завистью и Ревностью, меня держат здесь в качестве пленника. Вчера вечером я был подло арестован Рабами и Наемниками за Свободу Мысли и Слова, ради которой я уже принес в Жертву многое — все, чем может пожертвовать Человек, кроме Любви и Чести. Но Конец близок. Когда, для утверждения Власти, Свобода Народа подчинена Военной Силе и Влиянию Честолюбия, то Государство погибло. Я нахожусь в Позорном Заточении здесь, в Морристауне, по обвинению в Ниувоженши — я, который год назад покинул родной дом и Уважаемых Друзей, чтобы служить Отчеству. Верьте в мою Любовь к Вам, хотя я нахожусь во власти Тиранов и, может быть, буду приговорен к казни на эшафоте.

Человек, который вручит Вам это Письмо, заслуживает полного Доверия, и Вы можете прислать мне с ним все, что хотите.

Провизия, освященная Вашими руками и ставшая неоценимой благодаря Вашей Любви, была отнята от меня Рабами и Наемниками, а яйца, моя Любимая, слегка испортились. Грудинка, думается мне, сейчас попала на Стол Глав-

ком-щего. Вот что значит Тирания и Самолюбие! Любимая, до скорого свидания!

Алан.

Мисс Тэнкфул прочла это сочинение, потом перечитала его еще раз и разорвала в клочки. Затем, сообразив, что это было первое в жизни письмо ее возлюбленного, которое она не сохранила, она попыталась снова собрать разорванные клочки, но безуспешно — и тогда, с новым для нее чувством раздражения, она выбросила их в окно. В продолжение всего дня она была весьма рассеянна и выходила из себя чаще чем обычно, а потом, когда ее отец отправился верхом в свою ежедневную поездку в Морристаун, она испытала странное облегчение. К полудню снег прекратился, или, скорее, превратился в изморозь, которая, в свою очередь, сменилась дождем. К этому времени мисс Тэнкфул погрузилась в хозяйственные хлопоты, в коих она была большой искусницей, и в свои собственные мысли, которые в этот день получили для нее какое-то новое значение. Среди этих забот, когда наступили сумерки, она, вероятно, не обратила внимания на топот копыт во дворе и на звуки голосов внизу, в передней, так как ее комната находилась в задней части дома. Впрочем, ни то, ни другое не могло тогда показаться необычным. Хотя ферма Блоссома была под защитой континентальной армии от опустошительных набегов или грубости солдат, она всегда служила местом остановки для проезжающих кавалеристов, интендантских погонщиков скота и офицеров разведывательной службы. Генерал Салливэн и полковник Гамильтон часто поили своих лошадей у широкого, массивного придорожного корыта и сидели в тени на крыльце. Мисс Тэнкфул пробудилась от забытья, только когда в комнату вошел негр Цезарь, работник на ферме.

— Клянусь богом, мисс Тэнкфул, там солдаты, наверно едут к себе в лагерь по нашей дороге; остановились на ферме, да и распоряжаются во всем доме, а офицер-то сидит в гостиной, шпоры махнул на самый стол и читает себе книжку.

Щеки Тэнкфул вспыхнули мгновенным румянцем, и ее изящные брови сдвинулись над потемневшими глазами. Она вскочила, бросив работу, — уже не прежняя капризная девушка, а разгневанная богиня, — и, оттолкнув негра, кинулась вниз по лестнице и распахнула дверь.

Офицер, сидевший у камина в весьма вольной и небреж-

ной позе, которая полностью оправдывала критическое замечание негра, мгновенно вскочил, явно смущенный и удивленный, но выдержка джентльмена позволила ему быстро подавить в себе эти чувства.

Прошу прощения, — сказал он, низко наклонив свою красивую голову, — но я не имел ни малейшего представления о том, что дома кто-нибудь из хозяев, а тем более дама. — На минуту он смутился, уловив во взлете ресниц, открывших карие глаза, ее красоту, как некое внезапное откровение, и отчасти потерял самообладание. — Я майор Ван-Зандт; я имею честь говорить с...

— Тэнкфул Блоссом, — сказала девушка с легким оттенком гордости, мгновенным женским инстинктом разгадав причину колебания майора.

Но ее торжество натолкнулось на новую волну смущения, которая вспыхнула на лице офицера при упоминании ее имени.

— Тэнкфул Блоссом, — быстро повторил офицер. — Значит, вы дочь Эбнера Блоссоба?

— Конечно, — сказала Тэнкфул, устремляя на него испытующий взгляд. — Он скоро вернется. Он только поехал ненадолго в Морристаун.

Она снова была охвачена страхом, и ее взгляд как бы спрашивал: «Разве нет?»

Офицер, отвечая скорее на ее взгляд, чем на слова, с серьезным видом подошел к ней.

— Он сегодня не вернется, мисс Тэнкфул, а может быть, не вернется и завтра. Он... арестован.

Тэнкфул метнула на майора враждебный взгляд своих карих глаз.

— Арестован? За что?

— За поддержку и помощь врагам и за укрывательство шпионов, — ответил майор с военной краткостью.

Щеки мисс Тэнкфул слегка вспыхнули при этой последней фразе; воспоминание о сцене на крыльце и о сорванном украдкой поцелуе барона блеснуло у нее в памяти, и на мгновение она почувствовала себя виноватой, как будто человек, стоявший перед нею, был свидетелем ее поступка. Он заметил это, но неправильно истолковал ее смущение.

— Если так, — сказала мисс Тэнкфул немного громче и подойдя к майору вплотную, — если так, тогда и меня надо арестовать: в этом доме гости, если даже они и шпионы, — это мои гости. И в доме отца я принимаю их как хозяйка. Да, сударь, и я была очень рада принять таких достойных

джентльменов. Джентльменов, которые, я уверена, слишком хорошо воспитаны, чтобы оскорбить беззащитную девушку,— и пусть они даже и шпионы, но они не кладут сапог на стол и не превращают дом честного фермера в кабак.

На лице майора появилось выражение не то страдания, не то затаенного веселья, но он ответствовал только изящным низким поклоном.

Это был поклон вежливый, но полный внутреннего протеста, и он явно привел мисс Тэнкфул в еще большее раздражение.

— А кто эти шпионы и кто доносчик? — спросила мисс Тэнкфул, смело глядя в глаза офицеру. Одной рукой она вызывающе уперлась в бок, а другую закинула назад.— Мне кажется, что мы имеем право узнать, когда и в каких условиях мы их принимали.

— Вашего отца, мисс Тэнкфул,— сказал серьезно майор Ван-Зандт,— давно уже подозревали в сочувствии врагам. Но политика главнокомандующего до сих пор состояла в том, чтобы не обращать внимания на политические симпатии мирных жителей, а стараться привлечь их на сторону нашего дела, предоставив им самые широкие права. Но когда недавно обнаружилось, что два иностранца, хотя и снабженные пропусками от главнокомандующего, часто посещали этот дом под вымышленными именами...

— Вы говорите о графе Фердинанде и бароне Помпосо,— перебила его Тэнкфул,— это два достойных аристократа, и если они избрали предметом своего внимания девушку, может быть и не знатного происхождения, но честную...

— Дорогая мисс Тэнкфул,— сказал майор с низким поклоном и такой улыбкой, которая, несмотря на всю ее любезность, довела Тэнкфул почти до истерики,— если вы докажете этот факт, а я, хоть я только что познакомился с вами, не сомневаюсь, что с вашим обаянием вы это сделаете,— ваш отец будет свободен от дальнейших допросов и от ареста. Главнокомандующий — джентльмен; он никогда не позволял себе недооценивать влияние вашего пола и никогда не оставался равнодушным к его чарам.

— Как зовут доносчика? — гневно прервала его мисс Тэнкфул.— Кто осмелился...

— Это, по-видимому, свидетельское показание о соучастнике преступления, мисс Тэнкфул, так как доносчик сам находится под арестом. Все это дело возникло на основа-

нии информации капитана Аллана Брустера из коннектикутского отряда.

Мисс Тэнкфул побледнела, потом вспыхнула, потом снова побледнела. Затем она подступила прямо к майору.

— Это ложь, низкая ложь!

Майор Ван-Зандт поклонился. Мисс Тэнкфул взбежала вверх по лестнице и через минуту снова влетела в команту в амазонке и шляпе.

— Я полагаю, что могу поехать повидать отца, — сказала она, не поднимая глаз на офицера.

— Вы свободны как птица, мисс Тэнкфул. В приказах и инструкциях, полученных мною, вы не только не являетесь соучастницей в преступлениях вашего отца, но там не упомянуто даже ваше имя. Позвольте мне помочь вам сесть на лошадь.

Девушка ничего не ответила. Однако за этот короткий промежуток времени Цезарь уже успел оседлать белую кобылу и подвел ее к дверям. Не обращая внимания на протянутую руку майора, мисс Тэнкфул вскочила в седло.

Майор все еще держал лошадь под уздцы.

— Одну минуту, мисс Тэнкфул...

— Пустите меня, — сказала она, сдерживая ярость.

— Одну минуту, прошу вас.

Его рука все еще держала уздечку. Лошадь рванулась назад, чуть не сбросив наездницу. Побагровев от ярости и досады, она подняла хлыст и резко ударила майора по лицу.

Он мгновенно выпустил из рук уздечку. Затем он поднял к ней лицо, спокойное и бледное, если не считать красной полосы от лба до подбородка, и невозмутимо произнес:

— Я не имел в виду задерживать вас. Я хотел сказать только одно: когда вы увидите генерала Вашингтона, вы, я уверен, скажете ему, что майор Ван-Зандт ничего не знал о ваших бедах и даже не знал, что вы здесь, пока вы сами не поведали обо всем, и что, начиная с этого момента, он обращался с вами как приличествует офицеру и джентльмену.

Но пока он говорил, она уже ускакала. В тот момент, когда ее шелестящая юбка бешеным галопом понеслась вниз по холму, майор повернулся и вошел в дом. Несколько праздных кавалеристов, которые были свидетелями этой сцены, благоразумно отвратили взоры от бледного лица и пылающих глаз своего офицера, когда он быстрыми шагами прошел мимо них. Тем не менее, когда дверь за ним закрылась, они позволили себе ряд весьма своевременных критических замечаний.

— Эта торийская ведьма разозлилась потому, что не сумела обвести майора вокруг пальца, как капитана,— пробормотал сержант Тиббитс.

— И теперь думает попытать счастья с генералом,— добавил рядовой Хикс.

Впрочем, оба критика могли и ошибаться. Ибо, пока мисс Тэнкфул вихрем неслась по морристаунской дороге, она думала о многом. Она думала о своем возлюбленном Аллане, пленнике, который горестно взывал к ее помощи и защите, и, однако,— как он осмелился! — если он действительно выдал или заподозрил ее. Затем она с горечью подумала о графе и о бароне, и ей неудержимо захотелось встретиться с бароном лицом к лицу и бросить ему обвинение в том, что украденный поцелуй стал причиной ее позора и унижения. Наконец она вспомнила об отце, и в ней зажглась ненависть ко всем сразу. Но над всем этим, врезываясь во все ее чувства, в ее смутный страх за отца, в ее страстное негодование на барона, в ее недовольство Алланом, властно и неотвратимо царил одна мысль — один образ, который она пыталась отшвырнуть от себя, но не могла,— красивое бледное лицо майора Ван-Зандта и красный шрам от хлыста, пересекавший эти холодные черты.

Часть III

Поднявшийся ветерок, который мчался гораздо быстрее, чем мисс Тэнкфул, перешел в свежий ветер к тому времени, как достиг Морристауна. Он проносился мимо голых кленов и с грохотом раскачивал сухие скелеты вязов. Он свистел на тихом пресвитерианском кладбище, как будто пытаясь пробудить мертвецов, знакомых ему еще издавна. Он сотрясал неосвященные окна ассамблеи над таверной Вольных Каменщиков и рисовал на колышущихся занавесках движущиеся тени дам в широких юбках и кавалеров в узких штанах, которые накануне вечером кружились под звуки «Сэра Роджера» или отплясывали джигу. Но мне сдается, что самым бурным неистовствам ветер предался вокруг уединенного «Замка Форд», более известного под названием «Главный штаб».

Он завывал под его узкими карнизами, он пел песни под его открытой террасой, он шатал самую верхушку его переднего шпиля и свистел в каждой щели и трещине четы-

рехугольного массивного и отнюдь не живописного здания.

Замок был расположен на холме, который круто спускался к реке Уиппани, и летний ветерок, шелестевший на крылечках морристаунских ферм, вихрем палетал на хлопающие двустворчатые двери и окна «Замка Форд», а зимний ветерок становился здесь ураганом, который угрожал всему зданию гибелью.

Часовой, расхаживавший вдоль передней террасы, знал по опыту, когда надо задержаться на подветренной стороне и поплотнее застегнуть свой потертый плащ, защищаясь от пронизывающего северного ветра.

Внутри дома царил атмосфера такой же угрюмости и уныния — аскетический мрак, которого не в силах были рассеять скудно мерцающий огонь камина в приемной и догорающие угли очага в столовой. Широкий главный вестибюль был скромно меблирован несколькими плетеными стульями, на одном из которых полудремал негр — телохранитель главнокомандующего. Два офицера в столовой, придвинувшись к камину, беседовали вполголоса, как бы сознавая, что дверь в гостиную открыта и их голоса могут ворваться и нарушить ее священную тишину. Дрожащий свет в зале тускло освещал или, скорее, неохотно скользил по черной полированной мебели, темным стульям, старомодному комоду, безмолвному спинету, стоявшему в центре стола с тонкими ножками и, наконец, по неподвижной фигуре человека, сидевшего у огня.

Это был человек, столь хорошо известный всему цивилизованному миру, столь прославленный в печати и на портретах, что здесь он не нуждается в описании. Это редкое сочетание мягкого достоинства с глубокой силой, неуклонного стремления к цели с философским терпением — так часто описывали людям, которые сами не очень-то отличаются подобными качествами, что боюсь, это заставляло их подтрунивать над ним, так что более глубокий и сокровенный смысл его качеств забывался.

Поэтому я добавлю, что своими манерами, гармонией физического облика и даже просто особенностями одежды этот человек воплощал в себе некую отчужденную замкнутость, свойственную аристократам. Это был облик короля — короля, который по иронии судьбы как раз в это время вел войну против королевской власти; повелителя людей, который как раз в это время боролся за право этих людей управлять собою, и над этими людьми он властвовал по

врожденному праву. От макушки своей напудренной головы до серебряных пряжек на башмаках он был полон царственного величия, и неудивительно, что его собрат, Георг Английский и Ганноверский, царствующий по чистой случайности, иначе нечестиво именуемой «милостью божьей», не мог найти лучшего способа противостоять его могуществу, чем называть его «мистер Вашингтон».

Топот лошадиных копыт, обычный оклик часового, внимательные вопросы дежурного офицера, затем шаги на террасе — все это, по-видимому, не нарушило его размышлений. Его спокойная задумчивость не была нарушена и тогда, когда открылась наружная дверь и ворвалась волна холодного воздуха, которая вторглась даже в тишину приемной, так что вспыхнули гаснущие огни в камине. Но мгновение спустя в приемной отчетливо раздались шелес женской юбки, торопливый шепот мужских голосов, а затем внезапно появился подтянутый, цветущий здоровьем молодой офицер и склонился над ним.

— Прошу прощения, генерал, — нерешительно сказал офицер, — но...

— Вы мне не помешали, полковник Гамильтон, — спокойно ответил генерал.

— Молодая дама просит приема у вашего превосходительства. Это мисс Тэнкфул Блоссом, дочь Эбнера Блоссомма, обвиняемого в изменнических действиях и в сообщничестве с врагом, — он сейчас арестован и находится на гауптвахте в Морристауне.

— Тэнкфул Блоссом? — повторил генерал вопросительно.

— Ваше превосходительство, вы, конечно, помните эту маленькую провинциальную красавицу, за здоровье которой было поднято столько бокалов, — Крессида нашего морристаунского эпоса, которая совратила с пути истинного нашего доблестного коннектикутского капитана...

— У вас в этом отношении все преимущества, полковник, не говоря уже о том, что у молодых людей лучше память, — сказал Вашингтон с веселой улыбкой, от которой адъютант слегка покраснел. — Однако мне кажется, что я слышал об этом феномене. Ну, конечно, пригласите ее сюда вместе с ее спутниками.

— Она одна, генерал, — возразил офицер.

— Тем более мы должны быть вежливы, — заметил Вашингтон, в первый раз меняя свою небрежную позу. Он встал и сложил перед собой руки в кружевных манжетах. —

Не заставляйте ее ждать. Немедленно впустите ее, дорогой полковник. Так, как она пришла, — одну!

Адъютант поклонился и вышел. В следующее мгновение полуоткрытая дверь широко распахнулась перед мисс Тэнкфул Блоссом. Она была так прелестна в своей простой амазонке, ее красота была так необычайна и своеобразна и, главное, она была так одухотворена важностью и серьезностью своего поступка, решительного и смелого, достойного этой красоты, что важный джентльмен не удовольствовался обычным формальным изъявлением любезности, но пошел к ней навстречу и, взяв ее холодную ручку в свою руку, заботливо подвел ее к креслу, с которого только что встал.

— Если бы я даже не знал вашего имени, мисс Тэнкфул, — сказал главнокомандующий, глядя на нее с торжественной учтивостью, — мне кажется, сама природа позаботилась бы о том, чтобы сделать вас достойной любезного внимания любого джентльмена. Однако чем я могу вам служить?

Увы! Снятие карих глаз мисс Тэнкфул несколько померкло в торжественном полумраке гостиной и перед еще более торжественным и спокойным достоинством статной военной фигуры человека, стоявшего перед ней. Яркий румянец, вспыхнувший от урагана, который бушевал в ее душе и в природе, почти совсем сошел с ее щек; вся злоба, которая родилась в ней, когда она хлестала свою лошадь во время бешеной скачки в течение последнего получаса, смирилась в присутствии человека, которому она готовилась наговорить дерзостей. Боюсь, что ей пришлось употребить всю силу воли, чтобы не захныкать и удержаться от слез, которые, как ни странно, выступили на ее прелестных глазах, когда она встретила спокойно-проницательный и в то же время безмятежно-невозмутимый взор своего собеседника.

— Я догадываюсь о цели вашего посещения, мисс Тэнкфул, — продолжал Вашингтон с добротой, исполненной достоинства, которая успокаивала гораздо больше, чем обычная в то время форма светского обращения с дамами, — и позвольте вам сказать, что она делает вам честь. Забота об отце — как бы ни заблуждался слабохарактерный отец — вполне приличествует молодой девушке.

Глаза Тэнкфул снова засверкали, и она быстро поднялась. Ее верхняя губка, которая за мгновение перед этим дрожала в милом детском смятении, теперь застыла и сжа-

лась, когда девушка оказалась лицом к лицу с этим человеком, полным чувства собственного достоинства.

— Я хочу говорить с вами не об отце,— дерзко сказала она.— Я приехала сюда одна, ночью, в бурю, не для того, чтобы говорить о нем; я уверена, что он сам может постоять за себя. Я приехала сюда, чтобы говорить о себе — о клевете, да, клевете, возведенной на меня, бедную девушку,— да, о *трусливых* сплетнях обо мне и моем возлюбленном, капитане Брустере,— он ныне заключен в тюрьму за то, что любит меня, девушку, которая не вмешивается в политику и не является сторонницей вашего дела. Как будто каждый влюбленный юноша должен докладывать об этом и спрашивать на это разрешения у вас или, скажем, у леди Вашингтон.

Она на минуту остановилась, чтобы перевести дух; с чисто женской мгновенной интуицией она заметила, что лицо Вашингтона изменилось — его омрачила какая-то холодная строгость. Но с чисто женской решительной настойчивостью (к которой — да будет мне позволено высказать свое скромное мнение — иногда не мешало бы с достоинством прибегать и нашему более дипломатическому полу) она продолжала выкладывать все, что у нее накопилось на душе, хотя, может быть, ей пришлось бы с чисто женской, весьма достойной непоследовательностью при случае (через час или два) взять эти слова назад — с непоследовательностью, которую, по моему скромному мнению, нам, мужчинам, не следует перенимать с таким же достоинством.

— Говорят, что мой отец,— быстро продолжала Тэнкфул Блоссом,— принимал у себя в доме двух заведомых шпионов — двух шпионов, которых, прошу прощения у вашего превосходительства и у Конгресса, я знаю как двух достойных джентльменов, столь же достойно оказавших мне любезное внимание. Говорят самую низкую ложь — что эти сведения исходят от моего возлюбленного, капитана Аллана Брустера. Я прискакала сюда верхом, чтобы опровергнуть эту ложь. Я прискакала сюда потребовать от вас, чтобы репутация честной женщины не приносилась в жертву интересам политики. Чтобы дом честного фермера не наводняли шайкой оборванцев — соглядатаев, которые только и занимаются тем, что шпионят да шпионят и заставляют бедную девушку бежать из дому, чтобы она не была им помехой. Это стыд — вот что это такое! Так и

знайте! Это величайший позор — вот что это такое! Вот и все! Да кто же они такие, как не шпионы?

При воспоминании о нанесенных ей обидах возмущение ее все больше нарастало; пока она говорила, она придвигалась к нему, и теперь ее лицо, раскрасневшееся от смелости и прекрасное в дерзкой отваге, было совсем близко к благородным очертаниям лица и спокойным серым глазам великого полководца. К ее величайшему изумлению, он наклонил голову и торжественно и доброжелательно поцеловал ее в самую середину ее дерзостного лба.

— Прошу вас, садитесь, мисс Блоссом,— сказал он, беря в свою руку ее холодную ручку и спокойно усаживая ее опять в свободное кресло.— Садитесь, пожалуйста, и, если можете, уделите мне несколько минут внимания. Офицер, которому я поручил неблагодарную задачу занять ферму вашего отца,— представитель моей армии и настоящий джентльмен. Если он до такой степени забылся, если он унизил себя и меня до того, что...

— Нет, нет! — влоскликнула Тэнкфул с лихорадочной живостью.— Этот джентльмен вел себя в высшей степени прилично. Наоборот, может быть, я...

Она запнулась и умолкла, вспыхнув при воспоминании о лице офицера со шрамом от удара хлыстом.

— Я хотел сказать, что майор Ван-Зандт как джентльмен должен был понять и извинить вполне естественную вспышку гнева дочери,— продолжал Вашингтон, и в глазах его ясно читалось, что он уже все понял.— Но позвольте мне теперь разъяснить вам другое обстоятельство, относительно которого мы, по-видимому, совершенно расходимся во взглядах.

Он подошел к двери, вызвал слугу и отдал ему какое-то приказание. Через несколько минут молодой офицер, который вначале впустил ее, снова появился со связкой служебных документов. Он с лукавой усмешкой взглянул в глаза Тэнкфул, как будто уже слышал ее разговор с начальником, и оценил по достоинству то, что не могли уловить сами действующие лица, а именно — несколько юмористический характер всей сцены.

Однако, очутившись перед ними, полковник Гамильтон стал с самым серьезным видом перелистывать бумаги. Тэнкфул в растерянности кусала губы. Смутное чувство страха и предчувствие чего-то позорного, вот-вот готового разразиться; новое и необычное сознание своего одиночества в присутствии двух высокопоставленных людей, не-

ловкое ощущение при виде двух женщин, которые таинственным образом появились в комнате из другой двери и, казалось, издали пристально наблюдали за нею с таким любопытством, как будто она была каким-то заморским зверем, наконец тревожное волнение при мысли о том, что вся ее будущая жизнь и счастье зависят от событий, которые произойдут в течение следующих мгновений,— все это так потрясло ее, что храбрая девушка вздрогнула от сознания своей отчужденности и одиночества. Тем временем Гамильтон, обращаясь к начальнику, но при этом бросая взгляды на одну из вошедших дам, передал Вашингтону какую-то бумагу и сказал:

— Вот обвинительное заключение!

— Прочтите сго,— холодно произнес генерал.

Полковник Гамильтон, явно отдавал себе отчет в том, что в комнате находятся и другие лица, кроме мисс Блоссом и генерала, прочел бумагу. Она была изложена в лаконических военных и юридических формулах; в ней кратко сообщалось, *что по определенным сведениям, лично известным писавшему*, Эбнер Блоссом, владелец фермы «Блоссом», часто принимал у себя двух джентльменов, а именно графа Фердинанда и барона Помпосо, подозреваемых в том, что они являются врагами нации и, возможно, предателями континентальной армии. Документ был подписан Алланом Брустером, бывшим капитаном коннектикутского отряда. Полковник Гамильтон показал Тэнкфул подпись, и она сразу же узнала знакомый скверный почерк и столь же знакомые орфографические ошибки своего возлюбленного.

Она встала. Ее глаза теперь так же откровенно выражали растерянность и смущение, как за минуту до этого пылали негодованием. Она поочередно встретила взгляды всех присутствующих, которые, казалось, все теснее окружали ее. Но я вынужден признать, что с чисто женским инстинктом она чувствовала больше недружелюбия в безмолвном присутствии двух женщин, чем в возможных открытых критических замечаниях представителей нашего пола, часто незаслуженно поносимого.

— Конечно,— произнес голос, который Тэнкфул с безошибочным инстинктом сразу же определила как голос старшей из двух дам, законно властвующей над совестью одного из двух мужчин,— конечно, мисс Тэнкфул сумеет выбрать того из своих поклонников, врагов ее родины, который сможет оказать ей поддержку в ее теперешнем кри-

тическом положении. По-видимому, она не очень разборчива в своем благоволении и оставляет возможность надеяться любому.

— Во всяком случае, дорогая леди Вашингтон, она не вручит его человеку, который оказался предателем по отношению к ней самой,— с жаром сказала женщина помоложе.— То есть... я прошу прощения у вашей милости,— и она остановилась в нерешительности, заметив в наступившей тишине, как двое мужчин переглянулись с видом высокомерного удивления.

— Тот, кто предал свою родину,— холодно сказала леди Вашингтон,— способен быть предателем в чем угодно.

— В таком случае можно сказать, что тот, кто изменяет своему королю, изменяет и своей стране,— возразила мисс Тэнкфул с внезапной дерзостью и, нахмурившись, взглянула на леди Вашингтон.

Но та с достоинством отвернулась, и мисс Тэнкфул снова взглянула на генерала.

— Прошу прощения,— сказала она гордо,— что я беспокою вас своими горестями. Но мне кажется, что если бы даже мой возлюбленный причинил мне из ревности еще большее зло, то и это не дало бы оснований обвинять меня, даже в том случае,— добавила она, метнув убийственный взгляд в сторону леди Вашингтон, которая спокойно стояла к ней спиной в своем парчовом платье,— если бы это обвинение исходило от лица, которое знает, что ревность столь же свойственна жене патриота, как и изменнику родины.

Произнеся эти слова, она вновь вернула себе все самообладание, хотя бледность еще покрывала ее лицо после удара, который она получила и возвратила сторицей.

Полковник Гамильтон прикрыл рукой рот и только кашлянул. Генерал Вашингтон стоял у камина. Лицо его было спокойно. Он повернулся к Тэнкфул и серьезно сказал:

— Вы забываете, мисс Тэнкфул, что вы еще не сказали мне, чем я могу вам служить. Я не допускаю мысли, что вы продолжаете интересоваться судьбой капитана Брустера, который сделал донос на ваших других... друзей и косвенно на *вас самое*. Дело и не в этих друзья, ибо я, к сожалению, должен сообщить вам, что они все еще находятся на свободе и неизвестны нам. Если вы можете доказать их невиновность, доказать, что они не шпионы и не враги национального дела, ваш отец будет немедленно освобожден.

Позвольте мне задать вам один вопрос. Почему вы полагаете, что они не враги?

— Потому что,— ответила Тэнкфул,— потому что они... они... джентльмены.

— Многие шпионы были людьми знатного происхождения, с прекрасными манерами и блестящими способностями,— заметил Вашингтон весьма серьезно.— Но у вас, может быть, есть другие основания?

— Потому что они говорили только со мной,— ответила мисс Тэнкфул, вся вспыхнув,— потому что они предпочитали быть со мной, а не с моим отцом, потому что... — тут она помедлила мгновение,— потому что они говорили не о политике, а о том... о чем обычно говорят молодые люди... и... и... — тут ее голос дрогнул,— и барона я видела только один раз, но он... — тут она окончательно пала духом,— и я знаю, что они не шпионы,— вот и все!

— Я должен спросить вас еще кое о чем,— произнес Вашингтон серьезно и доброжелательно.— Сообщите ли вы нам эти сведения или нет, вы должны иметь в виду, что, если вы окажетесь правы, ваше показание ни в коем случае не может повредить джентльменам, о которых идет речь, а с другой стороны, оно может снять подозрение с вашего отца. Не будете ли вы любезны дать полное описание их внешности моему секретарю, полковнику Гамильтону? Описание, которое капитан Брустер, по вполне понятным вам причинам, не мог нам дать.

Мисс Тэнкфул с минуту колебалась, но затем, бросив ясный и открытый взгляд на главнокомандующего, начала подробно описывать внешность графа. Не знаю, почему она начала с него; может быть, о нем ей было легче говорить, потому что, когда она приступила к описанию внешности барона, я с сожалением должен отметить, что она стала выражать свои мысли несколько туманно и иносказательно. Однако все же не настолько туманно, чтобы помешать полковнику Гамильтону внезапно вскочить и взглянуть на своего начальника, который сейчас же остановил его движением руки, облаченной в кружева.

— Благодарю вас, мисс Тэнкфул,— сказал он совершенно спокойно,— но этот второй джентльмен, барон...

— Помпосо,— гордо заявила Тэнкфул.

Среди дам, стоявших у окна, послышался смешок, на свежем лице полковника Гамильтона промелькнула улыбка, но полное достоинства лицо Вашингтона было по-прежнему невозмутимо.

— Могу я спросить вас, сделал ли вам барон багородное предложение, — продолжал он с почтительной серьезностью, — были ли его стремления известны вашему отцу и носили ли они такой характер, что мисс Блоссом могла их с честью принять?

— Отец представил его мне и выразил желание, чтобы я обращалась с ним любезно. Он... он поцеловал меня, а я дала ему пощечину, — быстро сказала Тэнкфул, и щеки ее запылали румянцем.

В тот момент, когда эти слова слетели с ее правдивых уст, она готова была даже ценой жизни вернуть их обратно. Однако, к ее изумлению, полковник Гамильтон громко засмеялся, а дамы обернулись и хотели подойти к ней, но генерал, продолжая хранить невозмутимое спокойствие, остановил их едва заметным жестом.

— Вообще возможно, мисс Тэнкфул, — продолжал он с непоколебимым хладнокровием, — что по крайней мере один из этих джентльменов может быть известен нам и что ваши предположения окажутся правильными. Во всяком случае, вы можете быть уверены, что мы полностью расследуем это дело, и надо надеяться, что для вашего отца все окончится благополучно.

— Благодарю вас, ваше превосходительство, — ответила Тэнкфул, все еще пунцовая при мысли о своей откровенности. Отступая к двери, она добавила: — Я думаю... что мне... пора ехать домой. Уже поздно, а мне предстоит далекий путь.

Однако, к ее удивлению, Вашингтон сделал шаг вперед и, снова взяв ее руку в свои, сказал с торжественной улыбкой:

— Именно по этой причине, раз уж нет других, вы должны сегодня вечером, мисс Тэнкфул Блоссом, воспользоваться нашим гостеприимством. Мы по-прежнему храним наши виргинские традиции гостеприимства и настолько деспотичны, что заставляем наших гостей подчиняться им, хотя мы вряд ли можем предоставить им возможность интересно провести время. Леди Вашингтон не позволит мисс Тэнкфул Блоссом покинуть сегодня ее дом, не оказав чести принять ее гостеприимство и дружеские советы.

— Мисс Тэнкфул Блоссом, удостоив принять скромное приглашение провести у нас эту ночь, докажет этим, что она по крайней мере верит нашему искреннему желанию быть ей полезной, — сказала леди Вашингтон с величественной любезностью.

Тэнкфул в нерешительности стояла у двери. Но в этот момент она почувствовала, что ее обняли женские руки, и младшая из дам, заглядывая ей прямо в карие глаза, ласково сказала с такой же честной откровенностью, с какой недавно говорила она сама:

— Дорогая мисс Тэнкфул, хотя я только гостья в доме леди Вашингтон, позвольте мне присоединиться к ее просьбе. Я мисс Скайлер из Олбени и рада быть вам полезной, мисс Тэнкфул; это может засвидетельствовать полковник Гамильтон, если на пути к вашему открытому сердцу мне нужен проводник. Поверьте мне, дорогая мисс Тэнкфул, я всей душой сочувствую вас и желала бы доказать сегодня на деле, что я готова сделать для вас все, что в моих силах. Вы останетесь, я в этом уверена, останетесь здесь со мной, и мы поговорим о вероломстве этого дикого ревнивца, капитана, — янки, который своим поведением, без сомнения, доказал, что он так же недостоин вас, как и своего отчества.

Как ни ненавистна была Тэнкфул мысль о том, что ее жалеют, она не могла устоять против тонкой любезности и благожелательного сочувствия мисс Скайлер. Кроме того, надо признаться, что впервые в жизни она усомнилась в могуществе собственной независимости, и какое-то необъяснимое чувство влекло ее к девушке, обнимавшей ее, к девушке, которая проявляла к ней такое сочувствие и в то же время позволяла леди Вашингтон обходиться с собой пренебрежительно.

— У вас, конечно, есть мать? — спросила Тэнкфул, вопросительно глядя на мисс Скайлер.

Хотя этот вопрос показался двум молодым джентльменам совершенно неуместным, мисс Скайлер ответила на него с чисто женским тактом:

— А у вас, дорогая мисс Тэнкфул?

— У меня нет, — ответила Тэнкфул; и здесь я, к сожалению, должен сказать, что она чуть не расплакалась.

Тогда мисс Скайлер, тоже со слезами в прекрасных глазах, внезапно склонила голову к уху Тэнкфул, обняла прелестную гостью за талию и затем, к величайшему изумлению полковника Гамильтона, тихо увела ее из комнаты, где находились столь высокопоставленные особы.

Когда дверь за ними закрылась, полковник Гамильтон полувопросительно, полуулыбаясь взглянул на своего начальника. Вашингтон ответил ему добродушным, но значительным взглядом и затем спокойно сказал:

— Если вы разделяете мои подозрения, полковник, то нет необходимости напоминать вам о том, что это вопрос очень деликатный, и вам лучше всего было бы пока хранить тайну в своем сердце. Во всяком случае, вы не будете говорить джентльмену, которого вы, может быть, подозреваете, о том, что сегодня произошло.

— Как угодно, генерал,— почтительно ответил офицер.— Но смею спросить,— тут он на мгновение запнулся,— неужели вы думаете, что более серьезное чувство, чем минутное увлечение хорошенькой девушкой...

— Если я просил вас, полковник, сохранить в тайне это дело,— прервал его Вашингтон, добродушно кладя руку ему на плечо,— то я считаю его достаточно важным, чтобы уделить ему особое внимание.

— Прошу извинения у вашего превосходительства,— сказал молодой человек, и его свежие щеки заалелись, как у девушки,— я только хотел сказать...

— Что вы просите освободить вас на сегодняшней вечер,— снова перебил его Вашингтон с добродушной улыбкой,— тем более что вы хотите провести время в обществе нашего дорогого друга мисс Скайлер и ее гости. Она девушка капризная и своенравная, но, кажется, честная. В обращении с нею, полковник, блесните своими лучшими качествами, но будьте благоразумны и не слишком любезны, а то нам придется возиться еще с одной девицей, оскорбленной в своих лучших чувствах,— с мисс Скайлер,— и веселым движением руки (оно было очень характерно для него и отнюдь не противоречило его достоинству) он не то повел к двери, не то вытолкнул своего юного секретаря из комнаты.

Когда дверь за полковником закрылась, леди Вашингтон, шелестя платьем, подошла к мужу, который неподвижно и молча стоял у камина.

— Вы находите, что за этой дерзкой выходкой скрывается политическая интрига или даже измена? — спросила она поспешно.

— Нет,— спокойно ответил Вашингтон.

— Вы думаете, что это только пустая любовная интрижка с глупой и самолюбивой деревенской девчонкой?

— Простите, миледи,— сказал Вашингтон серьезно.— Я не сомневаюсь в том, что мы ее недооцениваем. Обыкновенная провинциальная девушка не могла бы привести в волнение всю округу. Придерживаться такого мнения означало бы нанести оскорбление всему вашему полу. Нель-

зя поручиться, что она не поймала в свои сети такую важную персону, о которой она говорила. А если это действительно так, это придает новый интерес проблеме взаимопонимания и дружественных отношений между государствами.

— Эта пустая девчонка! — воскликнула леди Вашингтон. — Эта интрижка с коннектикутским капитаном, ее любовником! Простите, но это просто нелепо! — и она с чопорным поклоном удалилась из комнаты, оставив знаменитого исторического деятеля, как обычно оставляют знаменитых исторических деятелей, в одиночестве.

Но позже, вечером, мисс Скайлер так успешно утешала плачущую и взволнованную Тэнкфул, что у той вскоре высохли глаза, и перед затейливым зеркальцем в комнате мисс Скайлер она смогла привести в порядок свои каштановые волосы, а мисс Скайлер помогала ей советами, предлагая то подправить здесь, то подтянуть там, в полном соответствии с тайной конспирацией, объединяющей всех женщин.

— Вы дешево отделались от этого вероломного капитана, дорогая мисс Тэнкфул, и мне кажется, что к таким великолепным волосам, как у вас, больше всего подойдет новая модная прическа, хотя в ней есть что-то легкомысленное. Уверяю вас, что она пользуется большим успехом в Нью-Йорке и Филадельфии — вот так, посмотрите, прямо назад, со лба.

Дело кончилось тем, что через час мисс Скайлер и мисс Тэнкфул предстали в приемной перед полковником Гамильтоном, блистая изысканностью туалета, которая не только совершенно посрамила деловитую небрежность молодого офицера, но и заставила его широко раскрыть глаза от удивления.

— Может быть, она предпочла бы предаться горю в одиночестве, — неуверенно сказал он, отведя мисс Скайлер в сторону, — чем блистать в обществе.

— Чепуха, — отрезала мисс Скайлер. — Неужели молодая девушка должна убиваться и вздыхать только потому, что возлюбленный обманул ее доверие?

— Но ее отец в тюрьме, — сказал Гамильтон, несколько изумленный.

— Посмотрите мне прямо в глаза, — сказала мисс Скайлер с озорной усмешкой, — и попробуйте заявить, что вы не знаете, что в течение двадцати четырех часов с него будут сняты все обвинения. Чепуха! Неужели вы думаете,

что я ничего не вижу? Неужели вы думаете, что я не поняла выражения лица у обоих — у вас и у генерала?

— Однако, дорогая мисс Скайлер... — начал было смущенный офицер.

— О, я ей уж на это намекнула, хотя и не объяснила, почему, — возразила мисс Скайлер с лукавым огоньком в темных глазах, — хотя у меня было достаточно оснований поступать именно так, и это было бы вам хорошим уроком за то, что вы хотели сохранить все в тайне от меня!

Выпустив эту парфянскую стрелу, она вернулась к мисс Тэнкфул, которая, прижав лицо к стеклу, смотрела на освещенный луной крутой берег реки Уиппани.

И было на что посмотреть! Американская весна — очень капризное время, и погода опять, как бы по волшебству, внезапно изменилась. Дождь прекратился, и земля покрылась тонким слоем льда и снега, блестящим в лунном сиянии под ясным небом. Северо-восточный ветер, который рвал плохо закрепленные оконные рамы, превратил мокрые деревья и кусты в ледяные сталактиты, сверкавшие, как серебро, под холодными лучами луны.

— Великолепное зрелище, милые леди, — сказал грубовато-добродушный мужчина средних лет, подходя к дамам, стоявшим у окна. — Но дай бог, чтобы скорее наступила весна и больше не было таких ужасных перемен в погоде. Красавица луна прелестна, когда проливает свой блеск над вершинами леса, но я сомневаюсь, видит ли она с высоты множество несчастных, дрожащих от холода там, в лагере, под драными одеялами. Если бы вы видели, как эти оборванцы из Коннектикута маршировали вчера вечером с винтовками прикладом вверх и огрызались на его превосходительство, хотя и не осмеливались укусить! Если бы вы видели этих малодушных, этих людей, похожих на Фому Неверного, готовых восстать против его превосходительства, против дела нации, а главным образом, против плохой погоды, — вы стали бы молить бога о том, чтобы сердца этих людей растаяли так же, как растают вокруг нас эти неподатливые поля. Еще две недели такой погоды — и у нас появится не один Аллан Брустер, а целая дюжина таких недовольных щенков, которые вот-вот предстанут перед военно-полевым судом.

— И все-таки это прекрасная цель, генерал Салливэн, — сказал полковник Гамильтон, довольно сильно толкнув локтем в бок старшего офицера, — в такую ночь, я пола-

гаю, будет нетрудно выследить нашего гостя — этот призрак.

Обе дамы заинтересовались этими словами, и полковник Гамильтон, так ловко обойдя с фланга своего начальника, продолжал:

— Надо вам знать, что в нашем лагере, а говорят, и во всей округе, иногда появляется призрак в сером плаще, лицо у него закутано и спрятано в воротник; он всегда точно знает пароль, и часовым так и не удалось установить его личность. Говорят, что многие считают этот призрак, поскольку его неоднократно видели перед внезапным наступлением, или атаккой врага, или перед какими-нибудь другими неприятностями, грозящими армии, добрым гением или ангелом-хранителем нашего дела; как добрый гений, он побуждает часовых и охрану быть более бдительными. Некоторые считают его предвестником грозных бедствий. Перед последним мятежом коннектикутской милиции мистер Серый Плащ бродил повсюду в окрестностях лагеря, потрепанного бурями и утопающего в грязи, и я не сомневаюсь, что он наблюдал всю предварительную подготовку, которая привела к тому, что этот полк трусливых и слезливых сопляков стал жаловаться самому генералу на все свои горести и обиды.

Тут полковник Гамильтон, в свою очередь, получил легкий толчок в бок от мисс Скайлер и несколько неожиданно оборвал свою речь.

Мисс Тэнкфул не могла, конечно, не заметить этих двух намеков на ее неверного возлюбленного, но они возбудили в ней только горькое чувство обиды и оскорбленной гордости. Действительно, во время первой вспышки негодования при известии о его аресте, а затем позднее, когда она узнала об аресте отца и, наконец, когда она обнаружила измену капитана, она забыла о том, что он был ее возлюбленным; она забыла всю свою былую нежность к нему; и теперь, когда пламя негодования угасло, осталось только ощущение оцепенения и пустоты. Все, что было в прошлом, казалось ей теперь недостойным сожаления, как будто все это произошло не с нею, а с какой-то другой Тэнкфул Блоссом, которая в ту ночь навеки исчезла во вьюге. Она чувствовала, что за последние сутки она стала, пожалуй, не *другой* женщиной, а первый раз в жизни стала *женщиной*.

Однако странно то, что ее смятение еще больше усилилось, когда, несколько минут спустя, разговор перешел на

майора Ван-Зандта. Еще более странно было то, что она даже испугалась этого волнения. В конце концов она обнаружила, что со смешанным чувством раздражения, стыда и любопытства прислушивается к похвалам, расточаемым этому джентльмену за его храбрость, преданность долгу и высокие личные качества. На одно мгновение ей пришла в голову дикая мысль броситься на грудь мисс Скайлер и признаться, как грубо она обошлась с майором. Но мысль о том, что мисс Скайлер поделится этой тайной с полковником Гамильтоном и что майору Ван-Зандту может и не понравиться такая откровенность, а также чувство непреодолимого раздражения по отношению к этому красивому и любезному молодому офицеру заставили ее промолчать. «Кроме того,— сказала она себе,— если он такой замечательный человек, как о нем говорят, он должен был бы понять, что я тогда переживала и что я вовсе не хотела обойтись с ним грубо». И этой неопровержимой чисто женской логикой бедной Тэнкфул в какой-то мере удалось успокоить волнение своего честного, правдивого сердца.

Но боюсь, что не совсем; она провела беспокойную ночь. Как у всех впечатлительных натур, период размышления и, может быть, разочарования наступил у нее тогда, когда все поступки были уже совершены и когда разум, по видимому, озарял лишь путь к отчаянию. Она сознавала все безумие своего вторжения в штаб, когда, как ей казалось, уже ничего нельзя было исправить; она понимала теперь все неприличие и невежливость своего поведения по отношению к майору Ван-Зандту, теперь, когда из-за расстояния и времени любые извинения были слабыми и бесплодными. Я думаю, что она даже тихонько всплакнула про себя, лежа в незнакомой и мрачной комнате мисс Скайлер, безмятежно спавшей рядом. Она то завидовала спокойной уверенности, доброте и любезности этой девушки, то ненавидела ее и наконец, не в силах вынести все это дальше, бесшумно выскользнула из постели и, несчастная и безутешная, застыла у окна которое выходило на крутой склон берега реки Уиппани. Лунный свет ярко сиял на свежавыпавшем, холодном и девственном снегу. Немного дальше налево, он блестел на штыке часового, шагавшего по берегу реки, и этот свет успокаивал девушку и укреплял мысль, которая вдруг блеснула у нее в уме. Раз она не может уснуть, почему бы ей немножко не прогуляться, чтобы устать? Она привыкла бродить вокруг своей фермы в любую погоду, в любое время дня и ночи, в любое время го-

да. Она вспомнила одну бурную ночь, когда ей пришлось серьезно позаботиться о своей любимой олдернейской корове, которая как раз в эту ночь вздумала телиться, и как она спасла жизнь теленку-сосунку, который лежал у сарая, как будто только что свалился с облаков в эту страшную бурю. Вспомнив об этом, она живо накинула платье, набросила на плечи плащ мисс Скайлер и неслышно прокрадлась вниз по узкой лестнице, прошла мимо слуги, спавшего на диване и, открыв заднюю дверь, сразу вдохнула свежий воздух и побрела вниз по хрустящему снегу, устлавшему склон холма.

Но мисс Тэнкфул не приняла во внимание разницу между ее родной фермой и военным лагерем. Не успела она пройти и десяти ярдов, как несколько ниже, на склоне холма, выросла фигура человека и, преградив ей путь штыком, произнесла:

— Стой!

Горячая кровь хлынула к щекам девушки — она в первый раз в жизни услышала столь повелительный приказ; однако она невольно остановилась и молча, со своей обычной смелостью, встретила взгляд незнакомца.

— Кто идет? — сказал часовой, все еще держа штык на уровне ее груди.

— Тэнкфул Блоссом, — быстро ответила она.

Часовой сделал ружьем на караул.

— Проходи, Тэнкфул Блоссом, и да пошлет нам бог победу, а с нею и весну! Доброй ночи, — сказал он с сильным ирландским акцентом.

И, прежде чем изумленная девушка уловила смысл его отрывистого обращения и отдала себе отчет, почему он внезапно отошел в сторону, он уже снова начал шагать назад и вперед, озаренный лунным сиянием. А она стояла и смотрела ему вслед, и вся эта сцена, нереальная призрачность освещенного луной пейзажа, необычайность ее положения, меланхолическое течение ее мыслей, — все это казалось ей сном, который утренняя заря, может быть, и развеет, но никак не сможет полностью объяснить.

С этим чувством она стала спускаться дальше к реке. Берега все еще были окаймлены льдом, а посредине бесшумно катился темный поток воды. Она знала, что река протекает через лагерь, где заключен ее неверный возлюбленный, и на одно мгновение в ней загорелось желание пойти вдоль по течению и бросить ему обвинение прямо в глаза. Но даже и при этой мысли ее удержало какое-то но-

вос, внезапное сомнение в своих силах, и она продолжала стоять, мечтательно следя за мерцанием лунного света на ледяной кромке у берега, пока другое и, как показалось ей, столь же призрачное видение внезапно не заставило ее вздрогнуть. Ноги у нее подкосились, и кровь отхлынула от лихорадочно пылающих щек.

Со стороны спящего лагеря медленно приближалась человеческая фигура. Высокая, прямая, облаченная в серое пальто, в капюшоне, частично скрывающем лицо, она казалась тем призраком, рассказ о котором она сегодня слышала. Тэнкфул затаила дыхание. Храброе сердечко, которое за минуту до этого не дрогнуло перед штыком часового, теперь тревожно забилося и застыло, когда привидение двинулось к ней медленной и величественной походкой. Она едва успела спрятаться за дерево, как призрак, не заметив ее, торжественно проследовал мимо. Несмотря на испуг, Тэнкфул сохранила наблюдательность, свойственную практически сельским жителям, и заметила, что снег явственно хрустел под ногами призрака и на снегу оставались следы ботфортов. Румянец снова появился на щеках Тэнкфул, а вместе с ним вернулась и ее обычная смелость. В следующее мгновение она вышла из-за дерева и, крадучись как кошка, последовала за привидением, которое теперь едва виднелось во тьме на склоне холма. Перебегая от дерева к дереву, она шла за ним, пока призрак не остановился перед дверью низенькой хижины или сарая на полпути к вершине холма. Призрак вошел туда, и дверь за ним закрылась. С лихорадочной настороженностью Тэнкфул наблюдала за дверью хижины, надежно укрывшись за стволом огромного клена. Через несколько минут дверь открылась, и та же фигура вновь показалась на пороге, но уже без серого облачения. Забыв обо всем на свете, кроме желания уличить и разоблачить обманщика, бесстрашная девушка вышла из-за дерева и преградила ему дорогу. Тогда он в недоумении взглянул на нее, и лунный свет ярко озарил спокойные, невозмутимые черты генерала Вашингтона.

В полной растерянности Тэнкфул сделала неловкий реверанс, и на щеках ее запылала краска смущения. Лицо мнимого призрака оставалось неподвижным.

— Поздно вы гуляете, мисс Тэнкфул,— произнес он наконец с отеческой серьезностью,— боюсь, что формальные ограничения, существующие в военных условиях, уже до-

ставили вам неприятности. Например, вот тот часовой мог остановить вас.

— Он и остановил,— быстро подхватила Тэнкфул.— Но все обошлось хорошо, не беспокойтесь, ваше превосходительство. Он спросил меня: «Кто идет?», а я ему ответила, и он, уверяю вас, был со мной в высшей степени вежлив.

Серьезное лицо главнокомандующего осветилось улыбкой.

— Вы счастливее, чем большинство женщин,— вам удалось извлечь из любезности практическую пользу. Так знайте же, моя дорогая барышня, что в честь вашего приезда паролем на сегодняшнюю ночь по всему лагерю было ваше собственное милое имя: «Тэнкфул Блоссом».

В глазах у девушки блеснули слезы, и губы ее задрожали. И хотя обычно она всегда умела быстро ответить, сейчас она могла только прошептать:

— О, ваше превосходительство!

— Так, значит, вы все-таки прошли мимо часового? — продолжал Вашингтон, пристально глядя на нее, и глубокая наблюдательность светилась в его серых глазах.— И вы, конечно, отправились на берег реки. Хотя я и сам, соблазненный тишиной ночи, иногда прогуливаюсь вот до того сарая, но для девушки проходить за линию часовых — вещь опасная.

— О, я никого не встретила, ваше превосходительство,— поспешно сказала обычно правдивая Тэнкфул, первый раз в жизни прибегая ко лжи, с пылкостью, в которой ясно чувствовалась благодарность.

— И никого не видели? — спокойно спросил Вашингтон.

— Никого,— ответила Тэнкфул, поднимая карие глаза на генерала. Они смотрели друг на друга: она — самая правдивая молодая женщина в английских колониях, и он — аллегорическое воплощение *Правды* в Америке,— и оба знали, что каждый из них лжет, и, я думаю, уважали за это друг друга.

— Я рад это слышать, мисс Тэнкфул,— сказал Вашингтон спокойно,— ведь с вашей стороны было бы вполне естественно искать свидания с вашим неверным возлюбленным там, в лагере, хотя эта попытка была бы и неблагоразумной и неосуществимой.

— Я и не думала об этом, ваше превосходительство,— сказала Тэнкфул (она действительно совсем забыла о своем недавнем намерении),— но если бы я получила от вас

разрешение на короткий разговор с капитаном Брустером, это могло бы снять с моей души огромную тяжесть.

— Сейчас это было бы неудобно, — задумчиво промолвил Вашингтон. — Но через день или два капитан Брустер предстанет перед военно-полевым судом в Морристауне. Когда его отправят туда, будет отдано распоряжение, чтобы конвой сделал привал на ферме Блоссом. Я позабочусь о том, чтобы офицер, командующий конвоем, дал вам возможность повидать его. Думаю, что также могу обещать вам, мисс Тэнкфул, что ваш отец к тому времени вернется домой свободным человеком.

Они подошли к входу в здание и вошли в вестибюль. Тэнкфул вдруг пылко обернулась и поцеловала протянутую руку главнокомандующего.

— Вы так добры, а я такая глупая, такая нехорошая, такая нехорошая! — сказала она, и губы у нее слегка задрожали. — А вы, ваше превосходительство, значит, верите моему рассказу, и эти джентльмены оказались не шпионами, а именно теми, за кого они себя выдают.

— Этого я не говорил, — ответил Вашингтон с добродушной улыбкой. — Но не в этом дело. Скажите-ка лучше, мисс Тэнкфул, как далеко зашло ваше знакомство с этими джентльменами, или оно закончилось той пощечиной, которую вы дали барону?

— Он просил меня поехать с ним в Баскингридж, и я сказала.. «да», — смущенно пробормотала Тэнкфул.

— Если я правильно понимаю вас, мисс Тэнкфул, вы можете, не принося подобной жертвы, обещать мне, что не будете видеться с ним, пока я вам этого не разрешу, — сказал Вашингтон полусерьезно, полушутливо.

Правдивые глаза Тэнкфул блеснули ярким светом, когда она подняла их на Вашингтона.

— Обещаю, — тихо сказала она.

— Доброй ночи, — сказал главнокомандующий с учтивым поклоном.

— Доброй ночи, ваше превосходительство!

Часть IV

Солнце стояло уже высоко над Шорт-Хиллс, когда на следующее утро мисс Тэнкфул остановила свою взмыленную лошадь у ворот фермы Блоссом. Никогда еще она не выглядела такой хорошенькой, никогда еще она не чувствовала такого смущения, как в тот момент, когда вошла в свой собственный дом. Во время бешеной скачки она пригото-

вила для майора Ван-Зандта извинительную речь, которая, однако, совершенно улетучилась с ее уст, когда этот офицер с почтительным видом встретил ее на пороге. Однако она позволила ему взять на себя обязанности ухмыляющегося Цезаря и помочь ей сойти с лошади, котя сознавала, что ведет себя как застенчивая деревенская девушка, одержимая неуклюжей робостью. Наконец, пробормотав: «Благодарю вас!», она стремительно помчалась вверх по лестнице, чтобы скрыть свое пылающее лицо и застенчивые взоры.

В течение всего дня майор Ван-Зандт вел себя очень спокойно и старался не попадаться ей на глаза; впрочем, нельзя было сказать, что он демонстративно избегал ее. Однако, встречаясь с ним при исполнении обязанностей хозяйки, невинная мисс Тэнкфул, опуская унылые, виноватые глаза, замечала, что офицер не сводит с нее взора. И она невольно стала подражать ему, и они поглядывали друг на друга украдкой, по-кошачьи, и прижимались к стенкам комнат и коридоров, чтобы, чего доброго, другой не подумал, что с ним ищут встречи, и при встрече (конечно, случайно!) обменивались самыми церемонными и чопорными реверансами и поклонами. И только в конце второго дня, когда элегантный майор Ван-Зандт почувствовал, что он быстро превращается в слюнявого идиота и неуклюжего деревенского болвана, прибытие курьера из штаба помогло этому джентльмену навеки сохранить уважение к собственной особе.

Мисс Тэнкфул находилась в гостиной, когда он постучался к ней в дверь. Она открыла ее и ощутила внезапную дрожь.

— Прошу прощения за беспокойство, мисс Тэнкфул Блоссом, — сказал он серьезно, — но я получил, — и он протянул ей, по-видимому, очень важный документ, — письмо из штаба на ваше имя. Я надеюсь, что оно содержит приятную весть о возвращении вашего отца и что оно освобождает вас от моего присутствия здесь и от того шпионства, которое, поверьте, столь же неприятно мне, как и вам!

Как только он вошел в комнату, Тэнкфул вскочила с чистосердечным намерением произнести подготовленную заранее небольшую извинительную речь, но когда он кончил говорить, она с нежностью взглянула на него и разразилась слезами. Конечно, он в одно мгновение очутился рядом с нею и схватил ее маленькую ручку. Тогда ей сквозь

слезы удалось вымолвить, что она все время хотела извиниться перед ним; что уже со времени своего возвращения она хотела сказать, что поступила грубо, очень грубо, и знает, что он никогда не простит ее, что она хотела признаться, что никогда не забудет его милой снисходительности, «только,— добавила она, внезапно поднимая на удивленного молодого человека свои блистающие слезами карие глаза,— вы мне ни разу не дали возможности».

— Дорогая мисс Тэнкфул,— сказал майор, переживая ужасные угрызения совести,— если я избегал вас, то, поверьте мне, только потому, что боялся грубо вторгаться в ваше горе. Право же, я... дорогая мисс Тэнкфул... я...

— Когда вы всячески старались пройти через переднюю, минуя столовую, чтобы я не могла попросить у вас прощения,— всхлипывая, проговорила мисс Тэнкфул,— я думала... что вы... должно быть, ненавидите меня и предпочитаете...

— Может быть, это письмо вас успокоит, мисс Тэнкфул,— сказал офицер, указывая на конверт, который она все еще машинально держала в руках.

Покраснев при мысли о своей рассеянности, Тэнкфул распечатала письмо. Это был полуофициальный документ, которые гласил следующее:

Главнокомандующий рад сообщить мисс Тэнкфул Блоссом, что обвинения, выдвинутые против ее отца, оказались, после тщательного расследования, неосновательными и мелочными. Главнокомандующий далее извещает мисс Блоссом, что джентльмен, известный ей под именем барона Помпосо, не кто иной, как его превосходительство дон Хуан Моралес, чрезвычайный и полномочный посол испанского двора, и что джентльмен, известный ей в качестве «графа Фердинанда», на самом деле сеньор Годой, секретарь посольства. Главнокомандующий желал бы добавить, что мисс Тэнкфул Блоссом освобождается от дальнейших обязательств гостеприимства по отношению к этим почтенным джентльменам, так как главнокомандующий с глубоким сожалением должен сообщить о внезапной и прискорбной кончине его превосходительства, последовавшей сегодня утром от брюшного тифа, и о том, что весь состав посольства, по-видимому, вскоре отбудет на родину.

В заключение главнокомандующий хотел бы отдать должное правдивости, проницательности и благоразумию мисс Тэнкфул Блоссом.

По приказанию его превосходительства
генерала *Джорджа Вашингтона*

Александр Гамильтон, секретарь.

Адрес: Мисс Тэнкфул Блоссом, на ферме Блоссом.

В продолжение нескольких минут Тэнкфул Блоссом молчала, а потом подняла свои растерянные глаза на майора Ван-Зандта. Ей было достаточно одного взгляда, чтобы убедиться, что он ничего не знает об обмане, на который она попала, что он ничего не знает о ловушке, в которую завлекли ее собственное тщеславие и упрямство.

— Дорогая мисс Тэнкфул, — сказал майор, видя на ее лице смущение, — надеюсь, что новости не плохие. Я точно узнал от сержанта...

— Что? — спросила Тэнкфул, пристально глядя на него.

— Что самое большее в течение двадцати четырех часов ваш отец будет свободен и что с меня снимут обязанность...

— Я знаю, что вам надоели ваши обязанности, майор, — с горечью сказала Тэнкфул, — что ж, радуйтесь, ваши сведения верны, и мой отец оправдан... разве только... разве только это не подложное письмо и генерал Вашингтон — не генерал Вашингтон, и вы — не вы. — Здесь она вдруг умолкла и спрятала свои полные слез глаза в оконной занавеске.

«Бедная девушка! — сказал себе майор Ван-Зандт. — Она чуть не помешалась от горя. Ну и дурак же я был, что принял близко к сердцу оскорбление от девушки, которая от печали и волнения утратила разум и ответственность за свои слова. Пожалуй, мне сейчас лучше удалиться и оставить ее одну». И молодой человек медленно направился к двери.

Но в этот момент в оконной занавеске возникли тревожные признаки отчаяния и растерянности, и майор остановился, прислушиваясь. Из глубин кисеи раздался жалобный голос:

— И вы уходите, не простив меня!

— Простить вас, мисс Тэнкфул, — сказал майор, шагнув к занавеске и схватив маленькую ручку, которая старалась выпутаться из складок, — простить вас... Нет, скорее вы должны простить меня... за безумие... за жестокую ошибку... и...

Здесь майор, доселе прославленный своим искусством

не задумываясь говорить комплименты, совершенно смешался и умолк. Но ручка, которую он держал, была уже не холодная, а теплая и как бы озарена разумом. Утратив дар связной речи, он крепко держал ручку, как путеводную нить своих мыслей, пока мисс Тэнкфул потихоньку не высвободила ее, поблагодарила майора за то, что он простил ее, и вновь еще глубже зарылась в занавеску.

Когда он ушел, она бросилась на стул и опять дала волю неистовому потоку слез. В течение последних суток ее гордость была совершенно повергнута в прах; независимый дух этой своевольной красавицы впервые узнал горечь поражения. Когда она оправилась от страшного для женщины удара при известии о смерти мнимого барона, боюсь, что она испытала только эгоистическое сожаление о его исчезновении, считая, что если бы он остался в живых, он сумел бы тем или иным способом доказать всему свету (теперь это был для нее штаб и майор Ван-Зандт), что он действительно ухаживал за нею и, возможно, благородно любил ее, и у нее мог бы оказаться удобный случай отвергнуть его. А теперь он умер, и весь свет будет считать ее только занятой игрушкой на маскараде знатных джентльменов.

С чувством горечи в душе она нисколько не сомневалась в том, что алчность и тщеславие заставили ее отца согласиться на этот обман. Нет, подумать только! Любимый человек, друг, отец — все оказались изменниками, и доброе отношение она нашла лишь в тех, кого так совершенно равно обидела. Бедная маленькая Блоссом! Бедный маленький цветок! Право же, этот цветок распустился преждевременно. Я боюсь, что это был очень неблагодарный цветок — Блоссом¹. Она сидела здесь, дрожа от первого ледяного вихря враждебной судьбы, покачиваясь взад и вперед, край ее кисейной накидки трепетал у нее на плечах, а туфельки с пряжками и чулки со стрелками жалостно скрестились у нее перед глазами.

Но цветущая юность скоро забывает горести, и через час или два Тэнкфул уже стояла в хлеву, обвив руками шею своей любимой телки, которой она поведала большинство своих горестей и от которой добилась почти интеллектуального, хоть и несколько с юнявого сочувствия. Затем

¹ Игра слов. Blossom — по английски почка, распускающийся цветок.

она без всяких оснований резко разбранила Цезаря, а мгновенно спустя вернулась домой с видом глубоко оскорбленного ангела, который разочаровался в некоей божественной идее — направить мир на истинный путь, но не утратил способности прощать. Это зрелище погрузило майора Ван-Зандта в темные бездны угрызений совести, и в конце концов он отправился в лагерь выкурить со своими солдатами трубочку виргинского табаку. Видя это, Тэнкфул рано улеглась спать и плакала, пока не заснула. Природа, по-видимому, последовала ее примеру ибо на закате солнца наступила сильная оттепель; к полуночи освобожденные от льда реки и ручьи мелодично зажурчали, а деревья, кусты и изгороди стали влажными, и с них заструилась капель.

Румяная заря наконец пробилась через туманную дымку, которая скрывала пейзаж. Тогда произошла одна из магических перемен, свойственных американскому климату, но особенно заметных в ту историческую зиму и весну. К десяти часам утра 3 мая 1780 года знойное, как в июне, солнце прорезало эту туманную дымку и залило лучами мрачный зубчатый профиль Джерсийских гор. Промерзшая земля слабо отвечала на этот поцелуй; может быть, только ивы, желтевшие на берегу реки, заблестали более яркими красками. Но сельские жители были уверены, что весна наконец пришла, и даже корректный и выдержанный майор Ван-Зандт помчался в комнату мисс Тэнкфул и объявил ей, что один из его солдат нашел на лугу фиалку. Мисс Тэнкфул сейчас же накинула плащ, надела деревянные башмаки и побежала взглянуть на этого первенца запоздавшей весны. Вполне естественно, что майор Ван-Зандт сопровождал ее в этой прогулке, и, забыв о своих былых раздорах, они, как настоящие дети, сбежали вниз по влажному скалистому склону, который вел к болотистому лугу. Таково могущественное влияние весны.

Но фиалок не было видно. Мисс Тэнкфул, не обращая внимания на мокрые листья и свое новое платье, стала разгребать руками высохшую траву. Майор Ван-Зандт, опершись о большой камень, восхищенными глазами наблюдал за нею.

— Так вы цветов не найдете, — промолвила она наконец, нетерпеливо поглядывая на него. — Встаньте на колени, как честный человек. На свете есть вещи, ради которых стоит унизиться.

Майор мгновенно опустился на колени рядом с нею.

Но в этот момент мисс Тэнкфул нашла свои фиалки и вскочила на ноги.

— Оставайтесь в таком положении, — лукаво сказала она, наклоняясь и вдевая цветок в петлицу его мундира. — Это я хочу загладить свою грубость. А теперь вставайте!

Но майор не встал. Он поймал две маленькие ручки, которые, казалось, порхали, как птицы, у его груди, и, глядя в ее смеющееся лицо, воскликнул:

— Дорогая мисс Тэнкфул, осмелюсь напомнить вам ваши собственные слова, что «есть вещи, ради которых стоит унизиться». Представьте себе, мисс Тэнкфул, мою любовь в виде цветка — может быть, не такого прелестного, как ваши фиалки, но такого же искреннего и... и... и...

— Так же готового расцвести в одну ночь, — засмеялась Тэнкфул. — Но нет, майор, встаньте! Что скажут благовоспитанные дамы из Морристауна, если узнают, что вы стояли на коленях перед провинциальной девчонкой — игрушкой знатных джентльменов? Что если мисс Болтон увидит, как ее поклонник, блестящий майор Ван-Зандт, повергает свои чувства к ногам опозоренной девушки, покинутой низким изменником? Пустите мою руку, прошу вас, майор, если вы меня уважаете...

Он отпустил ее, но она еще мгновение задержалась около него, и слезы дрожали на ее длинных темных ресницах. Затем она сказала дрожащим голосом:

— Встаньте, майор. Забудем об этом. Прошу вас, простите меня, если я опять была груба с вами.

Майор пытался встать, но не мог. Здесь я, к сожалению, должен сообщить об одном обстоятельстве: оказалось, что одна из его стройных ног попала в трясину, и он заметно стал погружаться. По этому поводу мисс Тэнкфул разразилась вибрирующей трелью: «Ха-ха-ха!», потом приняла весьма скромный вид и горестно посочувствовала неприятности, которая с ним приключилась, а затем снова рассмеялась. Майор не мог не заразиться ее весельем, хотя его лицо побагровело. Но затем, с тревожным восклицанием, она подбежала к нему и обвила его шею руками.

— Отойдите прочь, ради бога отойдите прочь, мисс Блоссом, — поспешно сказал он, — или я потяну вас за собою, и вы попадете в такое же нелепое положение.

Но сообразительная девушка уже отскочила к ближайшему валуну.

— Снимите ремешок, — быстро скомандовала она, — обвяжите его вокруг пояса и бросьте мне другой конец.

Он повиновался.

Она уперлась о камень.

— Ну, теперь давайте тянуть вместе, — крикнула она, потянула за ремень, и хорошо натренированные мускулы вздулись на ее округлых руках.

И вот — сначала длительный рывок, потом сильный рывок, потом и тот и другой сразу, и наконец она вытянула майора на камень. И тогда она снова расхохоталась. А потом, как это ни странно, вдруг сделалась серьезной и стала отчищать и обтирать его сухими листьями, ветками папоротника, носовым платком и полкой своего плаща, как будто он был ребенком, пока он не покраснел от смешанного чувства стыда и тайного удовольствия.

Возвращаясь на ферму, они почти все время молчали; мисс Тэнкфул опять стала очень серьезной. А солнце весело сияло над ними; природа была полна радостью обновления и новой, пробуждающейся жизни; легкий ветерок нашептывал нежные обещания о надеждах, которые должны сбыться летом.

И они все шли и шли вперед, пока не дошли до дома, сознавая не то с блаженством, не то со страхом, что они уже не те, какими были полчаса тому назад.

Тем не менее у порога мисс Тэнкфул вновь обрела свою былую смелость. Они стояли в передней, и она подала ему ремень. И при этом не могла удержаться, чтобы не сказать:

— Есть вещи, ради которых стоит унизиться, майор Ван-Зандт!

Но она не рассчитывала на смелость молодого человека, и когда она уже повернулась и собиралась убежать, он схватил ее в объятия и привлек к себе. Я полагаю, что она честно сопротивлялась и, может быть, даже больше испугалась собственных чувств, чем его порыва. Но следует отметить, что, улучив момент сравнительно слабого сопротивления, он поцеловал ее, а затем, сам испугавшись, быстро выпустил, после чего она умчалась в свою комнату и бросилась на кровать, тяжело дыша и в полном смятении. В течение часа или двух она лежала с пылающими щеками, во власти противоречивых мыслей. «Он больше никогда не должен целовать меня, — тихо сказала она самой себе, — если только не...» Но в ее сознание ворвалась совсем иная мысль, и она продолжала: «Я умру, если он больше не будет меня целовать. Я никогда в жизни не смогу поцеловать другого человека». А затем она вздрогнула, услышав на

лестнице шаги, которые за это короткое время научилась узнавать и ожидать,— и стук в дверь. Она открыла ее майору Ван-Зандту — бледному, без кровинки в лице, так что на нем снова, как грозное обвинение, слабо проступила красная полоса от удара ее хлыста, нанесенного два дня тому назад. Кровь отхлынула от ее щек, и она молча смотрела на него.

— Только что,— сказал майор Ван-Зандт, медленно и с военной точностью,— сюда прибыл отряд драгун и привез некоего капитана Аллана Брустера из коннектикутского полка. Его отправляют в Морристаун для предания суду за мятеж и измену. В частной записке полковник Гамильтон предписывает мне разрешить вам личное свидание с ним, если вы сами этого пожелаете.

Со стремительной и, как часто бывает, безнадежной женской интуицией Тэнкфул догадалась, что в записке содержалось не только это и что ее отношение с капитаном Брустером были известны майору. Но она гордо выпрямилась и, обратив свои правдивые глаза к майору, сказала:

— Да, желаю.

— Ваше желание будет исполнено, мисс Блоссом,— произнес офицер с холодной вежливостью и повернулся кругом, чтобы уйти.

— Одну минуту, майор Ван-Зандт,— поспешно сказала Тэнкфул.

Майор быстро обернулся. Но взор Тэнкфул был задумчиво обращен вперед; его она едва замечала.

— Я предпочла бы,— сказала она робко и нерешительно,— чтобы это свидание произошло не под крышей, где... где... где живет мой отец. Невдалеке отсюда, на лугу, есть коровник, перед ним часть разрушенной стены, а напротив растет платан. Он знает это место. Скажите, что я приду туда через полчаса.

Улыбка, которую майор пытался сделать небрежной, саркастически искривила его губы, когда он поклонился в ответ.

— Я думаю, что в первый раз в жизни,— сказал он сухо,— мне доверили честь устроить свидание двух влюбленных, но поверьте мне, мисс Тэнкфул, я сделаю все, что от меня зависит. Через полчаса я препровожу к вам арестанта.

Через полчаса пунктуальная мисс Тэнкфул, накинув на бледное лицо капюшон, прошла в передней мимо офицера, отправляясь на свидание. А еще через час Цезарь явился к

нему с известием, что мисс Тэнкфул желала бы его повидать. Когда майор вошел в гостиную, он был изумлен, увидев, что она лежит на диване, бледная и неподвижная. Но как только дверь за ним затворилась, она вскочила и подошла к нему вплотную.

— Я не знаю, — медленно сказала она, — известно ли вам, что человек, с которым я только что рассталась, целый год был моим возлюбленным, и я думала, что люблю его, и знала, что была ему верна. Если вы об этом еще не слышали, то вот я и сообщаю вам, потому что придет время, когда вы услышите кое-что из чужих уст, а я предпочитаю, чтобы вы узнали всю правду от меня самой. Этот человек изменил мне. Он донес на двух моих гостей, заявив, что они шпионы. Я могла бы ему простить, если бы это была только глупая ревность, но я узнала из его собственных уст, что он стремился выместить свою злобу к главнокомандующему — добиться их ареста и тем самым создать серьезные трудности в американском лагере, — это помогло бы ему в достижении его личных целей. Все это он рассказал мне, — он думает, что я сочувствую его ненависти к главнокомандующему и его собственным обидам и страданиям. К стыду своему, майор Ван-Зандт, я должна признаться, что два дня назад я верила ему и вы казались мне просто прислужником или наемником тирана. Мне не нужно объяснять вам, майор, что, когда я познакомилась с главнокомандующим, которого вы так хорошо знаете, я поняла, как я была обманута. Мне незачем было объяснять этому человеку, что он обманул меня, так как я чувствовала, что... это... не единственная причина, по которой я больше не могу отвечать взаимностью на его любовь.

Она замолчала, когда майор с серьезным видом стал приближаться к ней, и знаком дала ему понять, чтобы он отошел.

— Он горько упрекал меня, что я безучастна к его несчастьям, — продолжала она, — он напомнил мне мои торжественные заверения, показал мои любовные письма и заявил, что если я еще люблю его, я должна ему помочь. Я сказала, что, если он больше никогда не будет называть меня своей любимой, если он откажется от всех притязаний на меня, если он больше никогда не будет говорить со мной, писать мне или видеться со мной, наконец, если он возвратит мне мои письма, я ему помогу.

Она умолкла, кровь хлынула на ее бледные щеки.

— Не забывайте, майор, когда я ответила взаимностью

на любовь этого человека, я была молодой, глупой, доверчивой девчонкой. Но когда я сделала ему это предложение, он... он... его принял!

— Негодяй! — воскликнул майор Ван-Зандт. — Но каким образом вы могли помочь этому двойному изменнику?

— Я помогла ему, — спокойно ответила Тэнкфул.

— Но как? — повторил майор Ван-Зандт.

— Сделавшись сама изменницей! — ответила она, обернувшись к нему почти с яростью. — Послушайте-ка меня! Пока вы спокойно прохаживались здесь в передней, пока ваши солдагы смеялись и болтали на дороге, Цезарь оседлал мою белую кобылу, самую быструю во всей округе. Он вывел ее на аллею. И теперь она уже мчится прочь в двух милях отсюда, а каштан Брустер сидит на ней верхом. Что же вы не вздрагиваете от изумления, майор? Взгляните на меня. Я изменница, и вот чем меня подкупили... — И она вытащила спрятанную на груди связку писем и швырнула их на стол.

Она была готова ко всему: к вспышке гнева или к грозным упрекам со стороны майора, но отнюдь не к его холодному молчанию.

— Да скажите же что-нибудь! — воскликнула она наконец в волнении. — Отвечайте! Да раскройте же рот, если даже вы будете проклинать меня! Позовите своих людей и прикажите меня арестовать. Я объявляю, что я виновата во всем, и спасу вашу воинскую честь. Да скажите же вы хоть одно слово!

— Позвольте спросить, — холодно сказал майор, — почему вы два раза изволили нанести мне такие удары?

— Потому что я люблю вас! Потому что, когда я впервые увидела вас, я поняла, что вы единственный человек, который может властвовать надо мною, и я восстала. Потому что, когда я увидела, что не могу бороться с любовью к вам, я поняла, что раньше никогда никого не любила, и решила одним ударом стереть все прошлое, которое собралось судить меня. Потому что я не хотела, чтобы вы когда-нибудь прочли хоть одно мое слово любви, предназначенное не вам.

Майор Ван-Зандт отвернулся от окна, куда он смотрел, и взглянул на девушку с грустной покорностью.

— Если я, по своей глупости, дал вам понять, мисс Тэнкфул, как велика ваша власть надо мной, когда вы снизошли до этой уловки, чтобы пощадить мои чувства, и первая признались в своей любви ко мне, вы должны были бы по-

думать о том, что совершаете такой поступок, который навеки лишает меня возможности бороться за вас и завоевать вашу любовь. Если бы вы действительно любили меня, ваше женское сердце должно было подсказать вам, что именно мое сердце, сердце джентльмена, считает законом чести. Скажу вам, чтобы облегчить вашу совесть и чтобы оправдать свою собственную, что, если бы этот человек, изменник, мой арестант и некогда ваш возлюбленный, бежал, перехитрив охрану, которой я командую, без вашей помощи, попустительства или даже ведома, я счел бы своим долгом покинуть вас и броситься за ним в погоню даже в том случае, если бы мы с вами стояли перед алтарем.

Тэнкфул слышала его голос как бы издали. Она стояла перед ним, устремив на него глаза и затаив дыхание. И боюсь, что даже теперь она чисто по-женски не понимала его возвышенных суждений о чести и лишь кое-где улавливала смутную ошеломляющую мысль, что он ее презирает и что, прилагая усилия, чтобы завоевать его любовь, она убила ее и погубила его навеки.

— Если вам кажется странным,— продолжал майор,— что я, с моими убеждениями, стою здесь и излагаю моральные аксиомы, в то время как долг призывает меня преследовать вашего возлюбленного, я прошу вас поверить, что делаю это только ради вас. Я хочу, чтобы между вашим свиданием и его бегством прошло достаточное время — это спасет вас от подозрения в сообщничестве. Не думайте,— добавил он с печальной улыбкой, в то время как девушка нетерпеливо шагнула к нему,— не думайте, что я чем-нибудь рискую. Этот человек не может убежать. У лагеря на много миль кругом расставлены военные пикеты. Он не знает пароля, а его внешность и преступление известны всем.

— Да,— сказала Тэнкфул с жаром,— но часть его собственного полка охраняет дорогу на Баскингридж.

— Откуда вы знаете? — спросил майор, схватив ее за руку.

— Он мне сам сказал.

И не успела она упасть на колени и молить у него прощения, как он помчался прочь из комнаты, отдал какое-то приказание и вернулся с пылающими щеками и сверкающими глазами.

— Послушайте,— стремительно заговорил он, схватив обе руки девушки,— вы сами не знаете, что вы наделали. Я

прощаю вас. Но теперь это уже не вопрос долга, а вопрос моей личной чести. Я буду преследовать этого человека в одиночку. Я вернусь с ним или не вернусь совсем. Прощайте! Да благословит вас бог!

Но, прежде чем он добежал до двери, она снова остановила его.

— Скажите еще раз, что вы меня простили!

— Конечно, простил.

— Герт!

В голосе девушки прозвучало нечто большее, чем первое обращение к нему по имени, и это заставило майора помедлить еще минуту.

— Я только что... солгала. В конюшне есть лошадь проворнее моей кобылы. Это — чалая кобылка во втором стойле.

— Да благословит вас бог!

Он исчез. Она не двигалась с места, пока не услышала топот лошадиных копыт на дороге. Когда несколько минут спустя Цезарь вошел, чтобы сообщить известие о побеге капитана Брустера, комната была пуста. Но вскоре в нее ворвался десяток буйных солдат.

— Конечно, ее нет! — воскликнул сержант Тиббитс. — Эта шельма удрала вместе со своим капитаном.

— Ну, теперь все ясно. Из конюшни исчезли две лошади, не считая майорской, — заметил рядовой Хикс.

Эта критика со стороны военных носила не совсем частный характер. Когда курьер на следующее утро прибыл в штаб, он сообщил, что мисс Тэнкфул Блоссом содействовала побегу своего любовника и бежала вместе с ним.

— Изменник ускользнул из наших рук, — сердито сказал генерал Салливэн. — Он избавил нас от позорного суда над офицером, но о майоре Ван-Зандте поступили неприятные известия.

— А что известно о майоре? — быстро спросил Вашингтон.

— Он преследовал негодя до Спрингфилда, лошадь его пала, а сам он упал без чувств перед штабом майора Мертона. Скоро начался бред, затем жар и лихорадка, и полковой врач, после тщательного осмотра, объявил, что у него оспа.

По комнате пронесся шепот ужаса и сожаления.

— Еще один доблестный воин, который мог бы умереть, ведя в атаку войска, пал жертвой отвратительного недуга нищеты, — проворчал Салливэн. — Когда это кончится?

— Одному богу известно, — ответил Гамильтон.

— Бедный Ван-Зандт! Но куда его отправили? В госпиталь?

— Нет. В этом случае было дано специальное разрешение, и говорят, что его перенесли на ферму Блоссом — поблизости нет никаких соседей, и в доме объявлен карантин. Эбнер Блоссом благоразумно удалился, чтобы не заразиться, а дочь бежала. За больным ухаживают только негр-слуга и какая-то старая карга, так что, если бедный майор выкарабкается и не будет обезображен, у хорошенькой мисс Болтон из Морристауна нет оснований быть шокированной или ревновать его.

Часть V

Старая карга, упомянутая в предыдущей главе, стояла у окна за занавеской в комнате, которая когда-то была спальней Тэнкфул Блоссом. Она стояла, не поворачивая головы, и скромно, как и полагается старым ведьмам, разглядывала летний пейзаж. Ибо лето наступило раньше, чем закончилась запоздавшая весна, и вязы перед окном уже не лепетали, а красноречиво шелестели в дуновении нежнейших зефиров. В кустах мелькали птицы, пчелы с жужжанием влетали и вылетали из окна, а от земли, как фимиам, подымалось благоухание цветов. Ферма облачилась в веселый наряд невесты и, глядя теперь на старый дом, окаймленный тенистой листвой, зеленый от вьющихся лоз винограда, трудно было представить себе, что еще недавно крыльцо было занесено снегом, а с мшистых карнизов свисали сосульки.

— Тэнкфул! — послышался слабый, дрожащий голос.

Старая ведьма обернулась, отдернула занавески, и в них показалось милое лицо Тэнкфул Блоссом, которому бледность придавала еще больше очарования.

— Подойди ко мне, дорогая, — повторил голос.

Тэнкфул подошла к дивану, на котором лежал выздоравливающий майор Ван-Зандт.

— Скажи мне, любимая, — продолжал майор, беря ее за руку, — ты объяснила пастору, что венчалась со мною для того, чтобы иметь право ухаживать за мной во время болезни. А тебе не приходило тогда в голову, что, если бы даже

смерть пощадила меня, я мог быть так обезображен, что даже ты, моя дорогая, отвернулась бы от меня с отвращением?

— Поэтому я это и сделала, дорогой,— лукаво ответила Тэнкфул.— Я знаю, что гордость и чувство мести и самопожертвования могли бы заставить кое-кого воздержаться от обещания, данного бедной девушке.

— Но, дорогая моя,— продолжал майор, поднося ее руку к губам,— предположим, что могло случиться обратное. Вообрази, что ты тоже могла заболеть, и я бы выздоровел и не превратился в уроды, а это прелестное личико...

— Об этом я тоже подумала,— перебила его Тэнкфул.

— Ну, и как бы ты поступила, дорогая? — спросил майор со своей обычной лукавой улыбкой.

— Я бы умерла,— серьезно отвечала Тэнкфул.

— Но каким образом?

— Ну как-нибудь. Но тебе надо заснуть, а не задавать дерзкие и легкомысленные вопросы, потому что завтра возвращается отец.

— Тэнкфул, дорогая, знаешь ли ты, о чем шептали мне деревья и пели птицы, когда я метался здесь в лихорадочном бреду?

— Нет, мой родной.

— Тэнкфул Блоссом! Тэнкфул Блоссом! Сейчас придет Тэнкфул Блоссом!

— А знаешь ли ты, любимый мой, что сказала я, подняв твою родную голову с земли, когда ты упал с лошади как раз в тот момент, когда я догнала тебя в Спрингфилде?

— Нет, дорогая.

— Есть на свете вещи, ради которых стоит унизиться!

И она вернула ему эту парфянскую стрелу вместе с поцелуем.

* * *

Они дожили до счастливой старости, но она пережила его. Моя мать встретила ее в 1833 году, и Тэнкфул вспомнила такие подробности своего свидания с генералом Вашингтоном, о которых я не решился здесь упомянуть.

Она рассказывала, что испанский посол преподнес ей приданное неслыханной ценности. Свадьба должна была состояться в штабе, но в назначенный день его превосходительство внезапно скончался. Иногда она даже намекала, что венчание было тайное. Но заметно было, что майор

Ван-Зандт с течением времени постепенно отходил на задний план, и поэтому я отвел ему столь значительное место на этих страницах. Достойный Аллан Брустер благополучно добрался до Хартфорда в Коннектикуте и после заключения мира был избран от этого округа в члены конгресса, где его разногласия с главнокомандующим истолковывались его земляками-патриотами как вполне честная, хотя и несколько преждевременная оппозиция федерализму.

Пролог

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ НА ЗМЕИНОЙ РЕКЕ

То, что в холодном сером полусвете летнего утра было росистым проселком, обозначенным только скупыми колесами телег, которые нигде не нарушали его травяную границу, и меченым только следами перебежавшей его лисы или енота, — сейчас, в предполуденный зной, уже было раздавлено, прибито и растоптано до потери всякого подобия недавней прелести. Тяжелая и быстрая, без прискока, поступь лафета и вагонетки с ядрами глубоко врезалась в срединную колею; копыта сгрудившейся кавалерии валяли и кромсали придорожные кусты и виноградники, чтобы затем схоронить их под облаком поднявшейся за нею пыли, а форсированный марш пехоты, короткий и стремительный, растоптал их изуродованные останки в сплошной пыльный и ровный хаос. По этому так грубо проложенному широкому большаку были разбросаны мушкеты, разорванное снаряжение, ранцы, каски, предметы одежды да здесь и там крупные обломки разбитых вагонеток, беспорядочно сброшенные в канаву, чтобы дать дорогу живому потоку. В течение двух часов большая половина армейского корпуса прошла туда и обратно по этому пути, но шла ли она вперед или назад, лица были неизменно в напряженном ожидании обращены к открытому склону с правой стороны, тянувшемуся параллельно проселку. Но ничего там не было видно. В течение двух часов их глаза неизмен-

но упирались в синевато-серое облако, сотрясаемое и разрываемое взрывами — взрыв за взрывом, — но всегда смыкавшееся вновь и густевшее после каждого разряда. Тем не менее, в этом зловещем облаке сплоченные движущиеся массы людей в сером и синем еще утром исчезли, как растаяв, а после, если и выныривали из него, то разве лишь разметанными клочьями, которые ползли и жались к земле и разбегались, или же сбивались в кучу, но только затем, чтобы вновь их настиг и накрыл накатившийся дым.

Последние полчаса истерзанная дорога тянулась пустынная и покинутая. Пока на роковом соседнем склоне шел непрерывный грохот, и треск, и раскаты, здесь было еще тихо. Изредка пронесется над ней опасно и торопливо птица, перебежит перепуганный легконогий зверек, а позже стали показываться дезертиры и отсталые из главной колонны, соблазнившиеся выйти из-под изгороди и кустов, куда они забились, прячась. Вдруг из грозной мглы, окутавшей склон, послышался — впервые так близко — протяжный, многоголосый рев и загнал их обратно в укрытие. И тут же на проселок влетели на бешеном галопе кони, и красивый в красной шапке офицер со своим ординарцем проскакал по дороге, круто развернулся, перемахнул через живую изгородь, вынесся на склон и стал. Мгновением позже облако пыли, клубясь, прокатилось за ним по проселку. Из облака выбились тяжелые плечи и натянутые цепи-постромки шести взъяренных лошадей, везущих пушку, которая в этой буре движения, казалось, одна была пассивна и беспомощна в страшном провидении своего могущества. Когда, послушны сигналу офицера, они вслед за ним проломались сквозь изгородь, одного пушкаря при неожиданном подскоке сбросило с передка на землю, перед колесом. Возница оглянулся в колебании на натянутую цепь. «Езжай!» — закричал упавший, и колесо прошло по нему. Еще и еще одна пушка выкатилась из облака — и так, пока вся батарея не развернулась по склону. Взвихренная пыль еще как следует не улеглась, когда над припавшими спинами возниц и хрипящих коней на мгновение возникло перед взором ближайшее орудие, уже занявшее позицию, и вставшие за нею четыре фигуры в рост. Рев, казалось, вызвавший это видение, раздался опять — совсем близко; в ответ ослепительная вспышка вырвалась из орудия, тотчас же заслоненного от глаз обступившей его прислугой, и оглушающий грохот с высоким звоном металла пробежал по проселку. Встала колонна белого косматого дыма — это

рядом зажглась другая вспышка. За нею быстро последовала еще и еще одна, и новый отклик из орудия, стрелявшего первым, пока весь склон не затрясся, громокая. Дым, уже не белый и косматый, а бурый и плотный, как будто с непрогоревшими зернами пороха, сгустился в сплошной зловещий туман и, стелясь по проселку, вовсе укрыл от взора склон.

Рев умолк, но скрежет и грохот, слышимые сквозь раскаты пушечной пальбы, еще приблизились, и вдруг пролился дождь листьев и сучков с нижних ветвей каштана у изломанной изгороди. Когда же дым снова поредел, глазам на мгновение явилось, вздымаясь и опадая, месиво трепыхающихся шляп, вскинутых конских голов и сверкающей стали, бурно надвигающееся вверх по склону. Но видение это так же мгновенно было расколото огнем из двух ближайших орудий и исчезло в дыму и вое. Так была точна наводка и так близка мишень, что казалось, вдруг расчистилось в промежутке пространство, в котором были явственно видны закрутившиеся вихрем разметанные остатки летеющей в атаку конницы, а крики и ругань из кучи бывших в неразберихе тел слышались внятно и отчетливо. Затем пушкарь, обслуживающий ближайшее орудие, вдруг выпустил свою метелку и схватил карабин, потому что из клубящегося перед ними дыма выделился одиночный всадник, бешено понесшийся прямо на пушку.

Молодой офицер в красной шапке выехал вперед и снизу вверх подбил шпагой ружье своего пушкаря. Потому что, как ни быстро взметнулось это перед взором, он успел разглядеть, что поводья у всадника свободно повисли на шее коня, который продолжал нестись вперед в неистовом скачке атаки, и что юношеская фигура всадника, носившего нашивки лейтенанта, хотя еще прямо сидела в седле, однако уже не управляла конем. Белокурые волосы, мальчишечье иссера-бледное лицо; глаза запавшие и остекленелые. Казалось, сама Смерть шла в атаку на пушку.

В нескольких футах от нее конь метнулся перед качнувшимся шомполом и, задев чеку лафета, сбросил своего безжизненного ездока поперек орудия. Еще теплая кровь мертвеца задымилась — с запахом мяса — на горячей меди и окропила руку пушкаря, который машинально продолжал хлопотать у жерла. Когда подняли труп, раздался приказ прекратить огонь. Потому что внизу рев тоже смолк; скрежет и гром отходили вместе с дымом дальше влево. Зловещее облако на короткий миг расступилось и открыло ис-

жданное солнце, блиставшее там, вниз по склону, над близкой и мирной рекой.

Молодой артиллерийский офицер спешился и тихо глядел на мертвого. Грудь его была разворочена осколками снаряда; он, конечно, умер мгновенно. Тем же осколком перебило цепочку ладанки, выскользнувшей наземь, когда на нем расстегнули мундир. Офицер ее поднял со странным чувством — может быть, вспомнив, что он и сам носил подобную же ладанку, а может быть, в надежде, что она даст ему ключ к опознанию убитого. В ней оказалась только фотография хорошенькой девушки, прядь светлых волос и одно лишь слово: «Салли». В нагрудном кармане было запечатанное письмо с надписью: «Для мисс Салли Даус. Передать, если я паду от руки этой мрази». Легкая улыбка пробежала по лицу офицера; он отдал было конверт и ладанку сержанту, но передумал и положил в свой карман.

Между тем и проселок, и перелески, и даже самый склон заполнялись подоспевшим подкреплением и отрядами, сидевшими в засаде. Его собственная батарея стояла все еще без упряжки в ожидании приказа. На проселке образовалась пробка, люди засуетились.

— Отличная работа, капитан. Смело взято и красиво проведено.

Это сказал командир, проезжая мимо со своим штабом. В его голосе звучала нота приятного облегчения, и его немолодое, в морщинах заботы лицо смягчила отеческая улыбка. Молодой капитан залился румянцем удовольствия.

— Вы, я вижу, поработали и сами, — добавил генерал, указав на мертвого.

Молодой офицер поспешил разъяснить. Генерал кивнул головой, отдал честь и проехал дальше. Но его молоденький адъютант беззаботно задержался.

— Старик в хорошем настроении, Кортленд, — сказал он. — Мы их опрокинули по всему фронту. Теперь им крышка. Честное слово, ты, я считаю, сделал последний выстрел в этом достославном сражении братоубийственной войны.

Последний выстрел! Кортленд молчал, растерянно глядя на лежавшего у его ног человека, убитого наповал этим выстрелом.

— И меня не удивит, если ты получишь за сегодняшнее

дело золотую тесьму. Но кто он, наш друг-южанин? — добавил он, проследив взгляд товарища.

Кортленд повторил свой рассказ, на этот раз более серьезно, но ему не удалось воздействовать на ветреного молодого адъютанта.

— Так он решил сделать здесь привал! — перебил тот весело. — Но... — продолжал он, взглянув на письмо и фотографию, — постойка-ка... знаешь?.. Салли Даус? Вчера подобрали еще одного с письмом к той же девушке! Оно у дока Мерфи. И, ей-богу, с такой же карточкой... Это что ж! Выходит, я сказал бы, Салли вербовала мальчиков и набрала их целый эскадрон! Послушай, Корти, ты должен взять у дока Мерфи то письмо и разыскать ее, как только кончится эта жестокая война. Так сказать, «исполняя священную волю покойного». Понимаешь? Недурная мысль, старик! Ну-ну!.. — И он быстро поскакал догонять начальство.

Кортленд стоял с письмом и фотографией в руке, глядя ему вслед невидящими глазами. Слева дым на полях совсем рассеялся, но еще клубился на юге тяжелой тучей, настигая летящую конницу. Снизу плыл протяжный и мелодичный призыв горна. Освобожденное солнце выхватило в роще белые флаги двух лазаретов и спокойно глядело на широкую, обрамленную кипарисами, ленивую и жестокую, но неизменно прекрасную южную реку, которая все утро, никем не замечаемая, медленно катилась, улыбаясь, в самом сердце боя.

Глава I

Двухчасовой экспресс Редлендз-Форествилл, Джорджия, катился так же мирно и лениво, как река, берегами которой он шел на протяжении двух часов. Но в отличие от реки он часто останавливался — когда на положенных станциях, у деревень и поселков, а когда и среди соснового бора, при появлении какого-нибудь местного жителя в соломенной шляпе; дав ему время весело поговорить с кондуктором и машинистом, он либо прихватывал чужака, либо же освобождал его от груза — от пакета, письма, корзинки или даже от устного извещения, доверенного ему для передачи. Часть пути лежала лесными заболоченными дебрями — сосновым бором, испокон веков не знавшим

расчистки или ухода; часть — заброшенными поселениями и разрушенными деревнями, сохранившими тот самый вид, в каком их оставила гражданская война, уже три года как миновавшая. Еще не изгладились жестокие следы недавней войны; о ней говорило почерневшее дерево железнодорожных мостов, до сих пор не восстановленных; а по маршруту некоего памятного похода еще можно было видеть стальные брусья рельсов и развороченных путей, которые докрасна калили на кострах и сгибали, пока горячи, вокруг древесных стволов. Эти памятники поражения не пробуждали, казалось, ни жажды отомстить, ни энергии, чтобы их устранить; еще длилась глухая апатия, наставшая вслед за днями истерического порыва и судорог агонии; даже те неспешные исправления, какие можно было обнаружить, как будто говорили о медленности выздоравливания. Во всем была видна беспомощность племени, зависевшего раньше от известных варварских установлений или предоставляемых ему государственных должностей и власти: людей, лишенных всякой изобретательности и вдруг поставленных перед необходимостью работать самим. Глаза, три коротких года назад с жаждой мести обращенные на Север, ныне жалобно смотрели в ту же сторону, ожидая помощи и руководства. Они жадно вглядывались в лица своих энергичных и процветающих соседей — и недавних врагов — на верандах южных отелей, на палубах южных пароходов и даже вот сейчас, из этой маленькой толпы в лесу, посматривали на окна остановившегося поезда, в которых показались лица двух мужчин, резко различных по типу, хотя оба по одежде, по складу, поговору были явно чужими в этом краю.

Два негра медленно грузили в тендер дрова из штабелей. Сгустки смолы давали обильный бурый дым, и вонь от него шла по всему поезду. Старший из двух пассажиров-северян, со скуластым лицом жителя Новой Англии, нетерпеливо посмотрел на часы.

— Много было бестолочи, но этот побивает все! Почему нельзя было нам взять на последней стоянке столько дров, чтобы хватило еще на десять миль? И почему, гром их разрази, при такой сумасшедшей топке мы не можем идти быстрее?

Пассажир помоложе, чье спокойное лицо позволяло распознать воспитанного человека, привычного к дисциплине, улыбнулся.

— Если вы в самом деле хотите это знать — и так как

ехать нам осталось только пять миль,— я покажу вам почему. Пойдемте со мной.

Он прошел через весь вагон на площадку и соскочил. Потом многозначительно указал на рельсы. Его спутника всего передернуло. Вдоль каждого рельса тянулись отслоившиеся от него тонкие ленты металла, и его толщина местами была доведена до четверти дюйма, местами же выступающие края были содраны или свисали железными лохмотьями, так что колесо, в сущности, бежало по узкой центральной ленте. Представлялось чудом, как еще поезд все-таки шел, держась своей колеи.

— Теперь вы знаете, почему мы не делаем больше пяти миль в час, и скажите спасибо, что не делаем,— спокойно проговорил молодой путешественник.

— Но это безобразие!.. Преступление! — разволновался старший.

— При такой скорости — нет,— возразил молодой.— Преступлением было бы идти быстрее. И теперь вам понятно, почему и по другим отраслям прогресс должен в этом штате подвигаться так же медленно при таком упадке во всем и прогнивших устоях. Здесь нельзя убыстрить ход вещей, как мы это делаем у себя на Севере.

Второй пассажир пожал плечами, они взошли опять на площадку, и поезд тронулся. Не впервой было двум попутчикам разойтись во взглядах, хотя они и ехали по общему делу. Старший, мистер Сайрес Драммонд, был вице-президентом большой северной земледельческой и мукомольной компании, скупившей обширные земли в Джорджии, а младший, полковник Кортленд, служил в той же компании инспектором и инженером-консультантом. В суждениях Драммонда сильно сказывались его северные предрассудки и самодовольное, праведное неведение условий жизни и ограниченных возможностей тех людей, с которыми ему предстояло вести дела; тогда как младший, послужив и отличившись на войне, сохранял уважение к своим бывшим противникам и накопил запас осознанных и продуманных наблюдений насчет их характера. Хоть он и бросил военную службу, то обстоятельство, что он получил диплом, да еще с отличием, в Вест-Пойнте, дало ему преимущество при назначении на должность инженера, а знакомство с краем и его народом позволило ценить его как консультанта. И в самом деле, местные жители предпочитали этого солдата, с которым недавно лично дрались в боях, какому-

то капиталисту, о котором они знать не знали во время войны.

Поезд медленно катил лесами, так медленно, что чадный сосновый дым из паровоза непрерывно клубился перед окнами вагонов. Постепенно вырубки делались шире; можно было видеть вдалеке белые деревянные колоннады какого-нибудь плантаторского дома, еще смотревшегося богатым и надменным, даром что его ограда зияла проломами, а створка ворот повисла на одной петле.

Мистер Драммонд фыркал при этом убийственном свидетельстве небрежения и нерадивости.

— Пусть даже они разорены, — сказал он, — могут же они все-таки потратить несколько центов на гвозди и планки, чтоб иметь приличный вид, а не щеголять перед соседями своей нищетой.

— Вот тут и видно, что вы их не понимаете, Драммонд, — улыбнулся Кортленд. — Им незачем напускать на себя важный вид перед соседями, для тех они как были, так и остались сквайром имярек, полковником таким-то и таким-то, или там судьей — владельцем обширных, но разоренных поместий. Они не стыдятся бедности, здесь она как несчастный случай.

— Но они уклоняются от труда и уклоняются нарочито, — перебил Драммонд. — Им, извольте видеть, стыдно починить своими руками забор — сейчас, когда у них не стало рабов, чтобы сделать это за них.

— Я думаю, немногие из них умеют забить гвоздь, если уж на то пошло, — сказал Кортленд, все еще добродушно. — Но виной тому система, которая старше их самих и установлена была еще основателями республики. Мы не можем в один день передать им все навыки, нужные в их новых условиях; и, право же, Драммонд, я боюсь, что нам в наших собственных интересах — и, как я надеюсь, ради их же блага, — что нам лучше оставить их пока в покое, такими, как есть.

— Вы, может быть, хотели бы, — сказал с усмешкой Драммонд, — восстановить у них рабство?

— Нет. Но я бы хотел восстановить хозяина. И не только ради него самого, но ради свободы и ради нас. Я поясню: за время своей работы в компании я по личным своим наблюдениям убедился, что негр еще меньше, чем его хозяин, умеет приспособиться к новым условиям. Он привык, что есть у него старый, наследственный работодатель, и я сомневаюсь, что он станет честно работать на других —

особенно на тех, кто его не понимает. Не истолкуйте меня ошибочно: я не предлагаю вернуться к бичу; к этому гнусному институту — безответственному надсмотрщику; к купле и продаже, и разлучению мужа с женой и матери с ребенком, — ни к одному из этих старых зол; я предлагаю сделать прежнего хозяина нашим надсмотрщиком, нами поставленным и ответственным перед нами. Он не дурак и сразу же сообразил, что выгодней платить жалованье своему прежнему рабу, имея при этом право, как каждый наниматель, уволить его, нежели, как при старой системе принудительного труда и пожизненного рабства, вести расходы по содержанию нетрудоспособных и ленивых. Старая обида рабовладельца отступила перед естественным здравым смыслом и простым расчетом. Я убедился, что, делая ставку на такое использование старого хозяина и новой свободы, мы сможем лучше обрабатывать наши земли, чем если мы, скупая поместья, пустим старых владельцев гулять по свету с небольшими деньгами в кармане и тем самым создадим целый класс, праздный и недовольный, который станет возрождать отжившие политические догмы и разжигать новые несогласия или сплачивать против нас опасную оппозицию.

— Уж не хотите ли вы сказать, что эти чертовы негры даже предпочтут своих старых притеснителей?

— Если они положат им тут же плату? Безусловно! А почему не предпочесть? Старые хозяева лучше понимают их, да и обращаются с ними, в общем-то, лучше. Негры знают, что мы взяли их сторону во имя отвлеченной идеи, а не в силу подлинной симпатии. Мы это показываем на каждом шагу. Однако мы подъезжаем к Редлендзу; и майор Рид, я уверен, подтвердит вам мои впечатления. Он настаивает, чтобы мы остановились в его доме, хотя ему, бедняге, конечно, не по средствам принимать гостей. Но отказом мы его обидим.

— Так вы с ним друзья? — спросил Драммонд.

— В деле у Каменного Яра я сражался против его полка, — печально ответил Кортленд. — Он не устает говорить со мной об этом, так что мы, пожалуй, друзья.

Через несколько минут поезд подкатил к платформе в Редлендзе. Едва путешественники сошли, на плечо Кортленда легла тяжелая рука, и толстый человек в самом черном и самом лоснящемся люстриновом сюртуке и в самой белой и самой широкополой панаме на голове обратился к нему с приветствием.

— Рад вас видеть, полковник. Я подумал и решил, пойду-ка я и прихвачу с собой мальчика (он указал на седого негра-слугу лет шестидесяти, низко поклонившегося им) — он понесет ваши вещи, чтобы не надо было нанимать коляску. После войны у нас тут не очень-то поездишь на колесах — ха-ха! Чего я сам не забрал, когда проводил ремонт лошадей, надо думать, подчистую выгреб ваш комиссар вместе с прочим живым инвентарем. — Он от души рассмеялся, как будто эти воспоминания были только забавны, и опять хлопнул Кортленда по спине.

— Позвольте вам представить, майор Рид, моего друга, мистера Драммонда, — сказал с улыбкой Кортленд.

— Были на войне, сэр?

— Нет... я... — начал Драммонд, замаявшись, сам не понимая почему, и злясь на себя за свое смущение.

— Мистер Драммонд, вице-президент нашей компании, — бойко ввернул Кортленд, — был занят пополнением нашей военной казны.

Майор Рид поклонился несколько официальной.

— Здесь у нас, сэр, большинство — кто недолго, а кто и подольше — сражались на войне, и если вы, джентльмены, окажете мне честь выпить стаканчик за нашим столом в гостинице через дорогу, то я вас познакомлю с капитаном Прендергастом, который лишился ноги у Красивых Дубков.

Драммонд хотел было отклонить приглашение, но Кортленд остерегающе сжал его руку над локтем, и он переменил свое намерение. Он пошел вместе с ним в гостиницу и предстал пред лицо одного воина (оказавшегося не кем иным, как ее хозяином и содержателем ресторана), к которому майор Рид с шумным весельем представил Кортленда как «человека, сэр, который три часа жарил по моему дивизиону у Каменного Яра!»

Дом майора Рида был в нескольких минутах ходу по немощеной дороге и вскоре возвестил о себе лаем трех-четырёх гончих, сам отступив за полуобвалившийся часток с белеными воротами. В глубине протянулась обычная для юга деревянная дорическая колоннада барского дома, еле видного сквозь широкие листья конских каштанов, укрывших его в своей тени. По веранде и по службам сновали, как обычно, бесстрастные черные тени — недавние рабы и все еще преданные домашние слуги, замершие, точно ящерицы, в неподвижности при приближении незнакомых шагов, кто с метлой, кто со щеткой в застывших своих ру-

ках, кто с пыльной тряпкой или иным предметом обихода, которым они лениво орудовали. С порога кухни, отдельного флигеля, связанного галереей с левым крылом дома, прижав к груди кастрюлю, смотрела во все глаза «тетушка Марта», кухарка, и ее рука с зажатой в ней мохнатой тряпкой остановилась в своем вращении на половине очередного круга.

Драммонду, которого воротило с души при этих свидетельствах безнадежной неспособности и неумелости, отнюдь не полегчало в обществе миссис Рид — унылой, разочарованной сорокалетней женщины, в чьих маленьких черных глазах и складке красивых тонких губ таилось что-то от враждебности и ожесточенности истой поборницы «южных прав»; ни двух ее дочек, Октавии и Августы, чья скучающая меланхолия казалась частью еще носимого ими траура. Оптимистическая любезность и радушие майора представлялись тем более примечательными по контрасту с кладбищенским унынием и скрытым схиством его семейства. Но, пожалуй, в его благодушии ощущался легкий привкус южной неискренности.

— Папа у нас, — сказала Кортленду мисс Октавия с угрюмой доверительностью и с наследственным милым изгибом губы, — чуть ли не один из всей семьи примкнул к «перестроившимся». Мы здесь не очень-то жалуем их. Но я посоветовала бы вашему другу, мистеру Драммонду, если он приехал сюда разводить агитацию в пользу Севера, не очень-то полагаться на папину «перестройку». Она у него до первой стирки.

Когда же Кортленд поспешил ее заверить, что Драммонд никакой не политик и не агитатор, а предприимчивый северянин с большими средствами, ищущий, как бы повыгодней поместить свой капитал, девица и тут же смягчилась.

— И он, полагаю, намерен уплатить папе за тех негров, которых вы у него украли? — сказала она с угрюмой иронией.

— Нет, — улыбнулся Кортленд. — Но что вы скажете, если он намерен платить неграм за то, чтоб они работали на вашего отца и на него?

— Если папа собирается заводить с ним дела, если майор Рид — джентльмен-южанин — собирается вступить в предприятие, то не такой он дурак и не поверит, что черные станут работать, когда не обязаны. Это уже попробовали сделать у Миранды Даус, в пяти милях отсюда, так

негры половину дня болтаются в городе — празднуют лентя. Она понастроила для них эти новомодные поселки, принуждает их есть за общим длинным столом, как это заведено у подлого народа там, на Севере, уничтожила их хижины и их огородики с дынями и вообразила, что отвадит лежебок от безделья и что они станут работать сверх положенного времени, если им больше платить. А получилось только то, что всю работу делает она сама с племянницей да нищий белый сброд — ирландцы и шотландцы, — которых она набирает бог ее знает где. А ведь Салли, ее племянница, во время войны стояла за Союз и разделила все эти северные выдумки и фокусы, распиналась за них; а вот все-таки дело не клеится.

— Но, может быть, в этом отчасти и причина? Не объясняется ли ее неудача в значительной мере отсутствием сочувствия со стороны соседей? Недовольство посеять так просто, тем более что негр все еще привержен всяческому суеверию; Пятнадцатая Поправка сбила с него не все око-вы.

— Да, но ей это нипочем. Потому что, если есть на свете женщина, воображающая, что ей от рождения назначено распорядиться по-своему всем и всеми, так это Салли Даус!

— Салли Даус! — Кортленд встрепенулся.

— Да, Салли Даус из Пайнвилла.

— Вы сказали, что она стояла за Союз, но не было ли у нее на войне родных или... или друзей... сражавшихся на вашей стороне? Кого-нибудь, кто... кто был убит в сражении?

— Они, скажу вам, были все убиты, — мрачно ответила мисс Рид. — На кладбище зарыты рядом ее жених и ее двоюродный брат Джул Джефкорт — тоже, говорят, Саллиного полка; и были еще Чет Брукс с Джойсом Мастертоном, оба ее верные поклонники — и тоже оба убиты; да и сам старый капитан Даус, — он все не мог оправиться после сдачи Ричмонда, стал пить и умер от запоя. Здесь издавна считалось гибельным состоять в родстве с мисс Салли — или хотя бы желать породниться с нею.

Полковник Кортленд ничего не ответил. Перед ним так же живо, как в тот памятный день, возникло лицо мертвого молодого офицера, несшегося прямо на него из синего дыма. Портрет и письмо, которое он взял с груди мертвеца и хранил до сего дня; романтические и напрасные поиски прекрасного оригинала, которые он долго вел в последую-

щие дни; и странный роковой интерес к незнакомке, все сильней завладевший его сердцем, интерес, который, как он понял вдруг, только дремал, заглушенный хлопотливymi делами шести последних месяцев,— все это сейчас снова навалилось на него с удвоенной силой. Его настоящая командировка сюда и ее практические цели, его честное усердие в их достижении, осмотрительность, умение, опыт, которые он вкладывал в свое дело,— все как будто вдруг оказалось оттеснено этой нереальной фантазией. Как ни странно, она представлялась теперь в его жизни единственной реальностью, прочее же все — бессвязным, бессмысленным сном.

— И она, эта мисс Салли... она замужем? — еле набрался он духу спросить.

— Замужем? Да, за хозяйством своей тетки! По-моему, это единственное, что ее заботит.

Кортленд поднял голову, и к нему вернулся его обычный веселый покой.

— Что ж, пожалуй, после завтрака отправлюсь выразить свое почтение ее семье. Судя по тому, что вы мне сейчас рассказали, их хозяйство представляет собой эксперимент, с которым стоит познакомиться. Полагаю, ваш отец не откажет мне в рекомендательном письме к мисс Даус?

Глава II

Все же, когда полковник Кортленд ехал на «Даусову Дурь», как прозвали по округе новое экспериментальное хозяйство, он, хоть и сохранил в полной силе свой романтический пыл, ничуть тем не менее не жалел, что может навестить его под деловым предлогом. Поздновато было разыскивать мисс Салли Даус нарочно ради того, чтобы доставить ей письмо от поклонника, которого уже три года как нет в живых, и память о котором она, быть может, давно похоронила. И совсем уже неделикатно было бы напоминать о прежнем чувстве, если теперь оно представлялось ей слабостью, которой она стыдилась. Однако, как ни трезв и логичен был Кортленд в своих повседневных делах, он все-таки не был свободен от того особенного суеверия, с каким смотрит на все романтическое обыкновенный человек. Он верил, что не простое лишь стечение обстоятельств так неожиданно открыло ему благоприятную возможность

познакомиться с девушкой. Во всем последующем — если что последует — он доверится судьбе. Итак, считая себя умным, холодным и рассудительным господином и будучи на деле — по меньшей мере в том, что касалось мисс Даус,— так же слеп, опрометчив и безрассуден, как любой из ее былых поклонников, он спокойно следовал своим путем, пока не доехал до проселка, ведущего на плантацию Даусов.

Здесь сравнительно хорошее состояние дороги и тщательно починенная изгородь, которые, наверно, умилили бы Драммонда, казалось, предвещали успех новому предприятию. Несколько дальше эта изгородь своим фасоном даже отступила от старозаветного местного образца — косоуго зигзага, сменив его на нечто более прямолинейное — столбы с перекладинами в северном вкусе. За изгородью вскоре появился длинный ряд низких новых строений, оказавшихся, к удивлению Кортленда, вполне современными по материалу и архитектуре. Здесь не было и в помине обычных южных портиков с фронтоном или веранд с колоннами. Но и не был их вид совсем северным. Фабричного стиля фасады до половины укрывали вьющаяся черокезская роза и кусты жасмина.

Длинная крытая галерея соединяла эти строения в одно целое и одному из них заменяла веранду. Широкая, хорошо укатанная подъездная дорога, усыпанная гравием, вела от открытых ворот к самому новому строению, — по-видимому, конторе; от нее отходила дорожка поуже, ведущая к угловому дому, при всей своей суровой простоте наиболее представительному. Здесь не видно было, как у Ридов, слоняющихся без дела слуг или полевых работников: они, должно быть, находились все при исполнении своих обязанностей. Спешившись, Кортленд привязал коня к столбу у входа в контору и пошел по узкой дорожке к угловому дому.

Дверь стояла раскрытая для дневного благоуханного ветра, веявшего сквозь заслон роз и жасмина. Раскрыта была и большая дверь из прихожей в длинную залу или гостиную, протянувшуюся во всю ширину дома. Кортленд вошел в нее. Она была довольно мило обставлена, но все в ней имело вид уж слишком новенький и было лишено своего особого характера. Здесь никого не оказалось, только слышался слабый стук молотка в заднюю стену дома, доносившийся в две распахнутые стеклянные двери в глубине комнаты, занавешенные вьющимся виноградом и выхо-

дившие на залитый солнцем двор. Кортленд подошел к одной из них. Прямо перед нею, упертая в землю, стояла легкая переносная лестница, которую он немножко отодвинул, чтобы она ему не загораживала вид во двор, когда, надев шляпу, он вышел было в эту открытую дверь.

И тут он вдруг почувствовал, что шляпу сшибли с его головы, вслед за шляпой почти мгновенно промелькнула падающая домашняя туфелька, и он отчетливо ощутил, как ему наступила на маковку чья-то очень маленькая ножка. Непередаваемое ощущение! Он поспешно отступил назад в комнату, и так же поспешно нога в полосатом чулке, свесившаяся было над раскрытой дверью, снова подтянулась вверх, и женский голос воскликнул: «Господи помилуй!»

Подождав полминуты, только чтобы убедиться, что прелестная обладательница голоса твердо стоит на ногах и ей не грозит опасность сорваться, Кортленд схватил свою шляпу, благо она упала в комнату, и бесславно отступил в другой конец гостиной.

А сверху в раскрытую дверь снова донесся тот же голос, и он показался ему очень приятным и звонким:

— Софи, это ты?

Кортленд скромно вышел в прихожую. К его великому облегчению, снаружи отозвался другой голос:

— Да, мисс Салли? Где вы?

— Зачем ты передвинула лестницу? Ты меня чуть не убила.

— Ей-богу, мисс Салли, не передвигала я никакую лестницу!

— Не болтай пустое. Ступай и подними мне туфлю. Да принеси-ка еще гвоздей.

Кортленд ждал молча в прихожей. Через несколько секунд слышались тяжелые шаги на заднем дворе за стеклянными дверями. Благоприятный момент! С напускной бойкостью войдя в гостиную, он увидел прямо перед собой высокую девушку-негритянку, которая шла ему наперерез, неся в руке крошечную комнатную туфельку.

— Извините,— сказал он учтиво,— но я никого не мог найти, кто доложил бы обо мне. Мисс Даус дома?

Девушка тотчас же закинула руку с туфелькой за спину

— Вам кого — мисс Мирэнди Даус,— спросила она с подчеркнутым достоинством,— или мисс Салли Даус, ее племянницу? Мисс Мирэнди, та уехала на неделю в Атланту

— У меня письмо к мисс Миранде, но я буду очень рад, если мисс Салли Даус не откажется меня принять,— ответил Кортленд, вручая девушке письмо и свою визитную карточку.

Она приняла их с еще более подчеркнутым достоинством и заметным колебанием.

— У меня совсем вылетело из головы, сэр, уж не знаю, как в этот час мисс Салли принимает ли посетителей? Дело в том, сэр,— продолжала она с возрастающей важностью и тем более глубокомысленным раздумьем, что стук молотка мисс Салли беззастенчиво доносился сверху.— Я, собственно, не знаю, чем она сейчас занята,— играет ли на арфе, упражняется ли по языкам или не пишет ли красками, масляными либо водяными, а может быть, как раз принимает разных чиновников господ из Суда. Не знаю, что у ней на этот час назначено. Но я пройду к ней, сэр, наверх, в ее будуар, и спрошу.— Ловко пятясь задом, чтобы не показать укрытой за спиной туфельки, но сохраняя все достоинство, она вышла в боковую дверь. В этот же миг стук молотка прекратился, сменившись быстрым перешептыванием во дворе; прошуршали, падая на землю, несколько мелких сучков и листьев, и наступила полная тишина. Он отважился подойти опять к роковой стеклянной двери.

Вскоре за тем он услышал легкий шелест в другом конце гостиной и обернулся. Сердце его вдруг заколотилось и тут же словно бы совсем перестало биться; он глубоко перевел дыхание, что было очень похоже на вздох, и застыл в неподвижности.

У него совсем не было предвзятой мысли, что он должен с первого взгляда влюбиться в мисс Салли, да он и не представлял себе, что такая вещь возможна. Даже девичье лицо в той ладанке, хотя и пробудило в нем странное волнение, не внушило все-таки подобной мысли. А тот идеальный образ, который он создал по фотографии, никогда не обладал действительностью чего-то реального, сущего. Но восхитительно прелестные личико и фигура, возникшие перед ним, хоть и могли быть написаны с его воображаемой Салли Даус, все же были чем-то еще — и чем-то неожиданным. Все, что происходило до сих пор, никак его не подготовило к встрече с красивою девушкой, стоявшей сейчас перед ним. Мало что объяснило бы, если сказать, что сейчас мисс Салли была лет на пять старше, чем на той фотографии, и что все пережитое в последующие годы, развив-

шийся ум, новые условия жизни и новые устремления наложили отпечаток на ее юное лицо, сообщив его чертам утонченную живость; и было бы дикой фантазией вообразить, что кровь погибших за нее каким-то сверхъестественным образом придала девушке новое очарование, и Кортленд сразу эту мысль отбросил. Но даже самый привычный наблюдатель, такой, как Софи, должен был видеть, что мисс Салли обладала самым нежным, розовым румянцем, самыми шелковистыми волосами — так могли бы выглядеть пасмы маиса, если бы завивались, или золотая паутина, если бы стала материальной; и светло-серыми глазами, гармонизировавшими с тем и другим; видеть, что ее кисейное платье, хоть и домодельное, безукоризненно сидело и удивительно шло ей — с этими голубыми бантами на плечах и лентами вокруг пояса; и что воланы ее юбки приоткрывали ножку, за которой утвердилась слава самой маленькой ножки к югу от линии Мэссон-Диксона. Но не это, что-то менее осязаемое перехватило Кортленду дыхание и лишило его языка.

— Я не мисс Миранда Даус, — с полудетской-полуделовой прямоотой сказало видение, протягивая маленькую ручку, — но я могу поговорить с вами о нашем хозяйстве не хуже тети; по тому, что пишет здесь майор Рид, — она взмахнула зажатым в пальчиках письмо, — вам я вижу, «важно финики сбить, а какою палкой, все равно»!

Эта тирада была сказана таким свежим, чистым и нежным голосом, что Кортленд, боюсь, и не подумал о том, что она была слишком напрямик, вразрез со всеми условностями. Зато она и ему развязала язык, позволив ответить спокойно, без дрожи:

— Я не заглядывал в эту записку, мисс Даус, но мне не верится, чтобы майор Рид таким именно образом говорил о выпавшем мне счастье.

Мисс Салли рассмеялась. Потом в милой игре повела своею детской ручкой, указывая на диван.

— Прошу! Вам, понятно, потребовалась некоторая подготовка, полковник, но теперь, когда вы справились с задачей, и очень элегантно, вам разрешается сесть.

Сказав, она и сама опустилась на один конец дивана, мило отвела белый кипень юбок, чтобы оставить Кортленду побольше места на другом, и, сцепив пальцы на коленях, приняла вид скромного ожидания.

— Но позвольте мне надеяться, что я не потревожил вас не вовремя, — сказал Кортленд, заметив выглянув-

шую из-под юбок предательскую туфельку и вспомнив дверь во двор.— Я слишком привык думать о вашей те-тушке как об управительнице большим земельным хозяйством и забыл, что она как дама может иметь свои приемные часы.

— У нас не установлено часов для гостей,— сказала мисс Салли,— и сейчас мы не держим прислуги для церемонных приемов, рабочих рук едва хватает в полях и на скотном дворе. Когда вы явились, я приколачивала снаружи шпалеры для винограда, потому что мы не можем забрать для этого плотников со стройки. Но вы приехали,— добавила она с чуть язвительной ноткой в голосе,— поговорить о нашем хозяйстве.

— Да,— сказал Кортленд,— но не прерывать в нем работу. Не разрешите ли вы мне помочь вам прибить к стене шпалеры? У меня есть в этом некоторый опыт, и мы сможем поговорить за работой. Вы меня очень обяжете!

Девушка весело посмотрела на него.

— Что же, это бы не худо. Но вы предлагаете всерьез?

— Вполне. Меня тогда не будет так смущать, что я наслаждаюсь вашим обществом под ложным предлогом.

— Тогда подождите меня здесь.

Она вскочила с дивана, выбежала из комнаты и быстро вернулась, на ходу завязывая за спиною пояс длинной полосатой блузы,— должно быть, запасной рабочей блузы Софи. Ворот был собран под ее округлым подбородком на тесемку, которая завязывалась тоже сзади, а свои золотистые волосы она подобрала под обычный красный в крапинку платок прислуги-негритянки. Едва ли нужно добавлять, что впечатление было волшебное.

— Но вы, чего доброго,— сказала мисс Салли, оглядев отлично сидевший на госте сюртук,— испортите ваш парадный костюм!.. Скиньте-ка сюртук, не стесняйтесь передо мной — и работайте в жилете.

Кортленд послушно снял сюртук и прошел за своей трудолюбивой хозяйкой через стеклянную дверь на задний двор. Над ними во всю длину дома проходил деревянный бордюр или карниз, выступавший на несколько дюймов. В этот карниз и упиралась, как видно, ногами мисс Салли, когда набивала шпалеры между ним и окнами второго этажа. Кортленд нашел лестницу, забрался на карниз, а следом за ним и мисс Салли, с улыбкой отклонившая его протянутую в помощь руку, и они сосредоточенно взялись вдвоем за работу. Но в промежутке между заколачиванием

гвоздей и подвязыванием лоз язычок мисс Салли не оставался праздным. Ее разговор был так же нов, так же занятен и своеобразен, как она сама, но при этом так делен и так отвечал целям гостя, что мы должны извинить Кортленду, если он с удовольствием слушал девушку и радовался ее пленительной близости. Замолкала ли она в разговоре с ним, чтобы зажать в хорошеньких губках гвоздь, держалась ли рискованно одной рукой за шпалерник, когда другой размахивала молотком, показывая со своей наблюдательной вышки на тот или иной раздел плантации, он думал каждый раз, что она так же побеждает его разум убедительной и ясной речью, как видом своим и голосом вносит тревогу в душу.

Она ему рассказала, как война разрушила их старый семейный очаг в Пайнвилле, услав ее отца в Ричмонд служить в Совете Конфедерации, и им с теткой пришлось самим хозяйничать в поместье; как оно было все разорено, а дом разрушен, и как у них времени было в обрез, чтобы только вывезти кое-что поценней, и как она, хотя была всегда противницей отложения и войны, все же не подалась на Север и предпочла остаться со своим народом и вместе с ним понести неизбежное — она это видела — наказание за безумство. Как после войны и смерти отца она с теткой решила «перестроиться» на свой особый лад на этом куске земли, который только потому и сохранился у них из бывших обширных владений, что раньше он ни во что не шел и при рабском труде считался недоходным. Как поначалу им приходилось очень трудно из-за невежества освобожденных негров, их плохой работы и из-за той же апатии и предубежденности соседей. Как постепенно они добились успеха, перейдя на новые методы и следуя новым идеям, до которых она дошла сама и сущность которых теперь излагала сжато и четко. Кортленд слушал, затаив дыхание, с новым и почти суеверным вниманием: это были его собственные теории, но усовершенствованные и подтвержденные опытом!

— Но ведь для начала вам нужен был капитал?

О да! Но тут им подвалило счастье. У нее нашлись во Франции родственники, у которых она когда-то гостила в Париже; они дали авансом немалую сумму на восстановление инвентаря. И в Англии нашлись друзья ее отца — бывшие нарушители блокады, они тоже вошли в долю, внесли дополнительный капитал да еще выслали партию умелых сельскохозяйственных работников и некоего как бы при-

казчика или агента в качестве своего представителя. Дело наладилось, и, возможно, их репутация среди соседей окрепла благодаря тому, что на них все же не смотрели как на северян. Увидев, что на лицо Кортленда набежало облако, девушка поспешила добавить с притворным вздохом, первым проявлением женского кокетства, нарушившим чисто товарищеский тон беседы:

— Если бы вы нас сыскали раньше, полковник!

Кортленда так и подмывало рассказать ей историю своих романтических поисков; его остановила мысль о том, что они стоят на узком выступе, где в прямом смысле слова нет места для эмоций, и что мисс Салли только что взяла гвоздик в рот, так что испуг для нее сейчас опасен. К этому можно прибавить неожиданную ревность к ее прежнему опыту, раньше ему незнакомую. Все же он отважился сказать, давая некоторый исход своим чувствам:

— Но я надеюсь, мы и теперь не опоздали. Думаю, мои принципалы и заходят и смогут откупить пай у любого вкладчика, настоящего и будущего, француза и англичанина.

— Можете попытать удачи хоть на нем,— сказала мисс Салли, показывая на молодого человека, только что вышедшего из конторы и пересекавшего двор.— Это как раз агент англичан.

Плечистый, головастый, свежий и чистенький в белой своей фланели, он казался чужим и резко отличным среди всего окружающего, умственно и нравственно к нему непримиримым. Проходя мимо, он робко взглянул на дом; его глаза просветлели при виде девушки, и сам он приосанился, но сразу как-то осел, заметив ее гостя. Кортленду тоже стало несколько не по себе: одно дело помогать мисс Салли, когда вы с ней наедине, и, разумеется, совсем другая материя делать это на глазах стороннего наблюдателя; и я боюсь, каменный взор англичанина он встретил таким же леденящим взором. Однако мисс Салли сохранила свой беспечный покой и самообладание.

— Минуточку, мистер Чэмпни! — кликнула она, легко соскользнула по лестнице, прислонилась к ней и, стоя одной ногой на нижней ступеньке, ждала его приближения.

— Я так и думала, что вы, наверное, пройдете здесь,— сказала она, когда он подошел.— Полковник Кортленд (пояснительный взмах молотка в сторону гостя, который оставался на карнизе, прямой и немного чопорный) отнюдь не сородич тех изваяний на фронтоне Редлендзского

Суда, а офицер-северянин, друг майора Рида, и приехал он сюда присмотреть для северных капиталистов южные имения. Мистер Чэмпни,— продолжала она, обернувшись и возведя глаза на Кортленда, тогда как ее молоток указывал, кто здесь Чэмпни,— когда он не говорит как англичанин, не глядит, как англичанин, не думает, как англичанин, не одевается, как англичанин, и не удивляется, почему господь не создал все английским, старается делать тоже самое для своих патронов. Знакомьтесь: мистер Чэмпни — Полковник Кортленд. полковник Кортленд — мистер Чэмпни! (Мужчины учтиво раскланялись.) А теперь, полковник, если вы сойдете вниз, мистер Чэмпни проведет вас по плантации. Когда вы кончите обход, вы найдете меня здесь за работой.

Кортленд предпочел бы — и весь его вид просил о том,— чтобы она пошла вместе с ним и сопровождала бы осмотр своими разъяснениями, однако он скрыл свое разочарование и спустился. Ему отнюдь не понравилось, что Чэмпни явно обрадовался и уже готов принять его и впрямь за человека совершенно постороннего, чье появление, конечно, не нарушит той дружеской близости, какая, возможно, существует между ним и Салли. Тем не менее он с учтивой благодарностью принял предложение англичанина пройтись с ним по плантации, и они вместе оставили дом.

Не прошло и часа, как они повернули назад. Для Кортленда и этого времени оказалось достаточно, чтобы убедиться, что все действительные усовершенствования и новые приемы вводились по почину мисс Салли; что на деле она все держала под своим действенным контролем и что старозаветный консерватизм компании, чьим приказчиком являлся Чэмпни, был ей, наверно, не в помощь, а в помеху. Впрочем, так же очевидно было и то, что молодой человек сам это смутно понимал и сейчас довольно откровенно распространялся об этом в разговоре.

— Видите ли, там у них работы ведутся по-другому, и они, ей-богу, не представляют себе, что возможен — понимаете? — иной какой-то способ. Я то и дело получаю от них нагоний, точно я могу что-нибудь с этим поделаться, и хотя и всячески стараюсь разъяснить им этот негритянский вопрос и все такое — ну, вы понимаете!.. Послушать их, так мисс Даус должна сообщать мне свои планы и дожидаться, пока я им не отпишу, а они потом доложат Правлению и будут ждать разрешения. Вообразите себе, чтобы

мисс Даус на это пошла! Но, ей же богу, уж в ней-то они вовсе ничего не понимают, меньше, знаете ли, чем во всем остальном.

— Вы которую мисс Даус имеете в виду? — спросил безразлично Кортленд.

— Мисс Салли, конечно, — сказал, оживившись, молодой человек. — Она тут всем верховодит, и теткой в том числе. Она вам заставит негров работать, когда ни у кого другого они не работают. Скажет слово и улыбнется — и готово дело! Она вам договорится и с купцом, и с подрядчиком, и, заметьте, на своих условиях... А когда я называю цену, они и слушать не хотят. Ей-богу! Она даже может, поверите ли, выбить выгоду из этих разъездных агентов и изобретателей, что слоняются по дорогам с патентами образцами. Одного молодчика из тех, что набиваются поставить вам громоотвод или колючую проволоку, она затащила к себе, чтоб он научил ее, как устроить беседку из вьющихся роз. Да что! Когда я вас только увидел на том карнизе, я сперва подумал, что и вы какой-нибудь парень, которого она, понимаете, зазвала... Конечно, только сначала!.. Ну, вы меня поняли... ха-ха, ей-богу!.. Перед тем, понимаете, как она нас друг другу представила.

— Простите, но я сам предложил мисс Даус свою помощь, — сказал Кортленд с живостью, о которой тут же пожалел.

— А тот парень, думаете вы, не сам? Мисс Даус никого ни о чем не просит. Человеку, видите ли, неудобно стоять и смотреть, как девушка, молодая леди, понимаете, делает сама такое дело. — Смутно осознав некоторую неуместность своего замечания, он неуклюже перешел на другой предмет. — Пожалуй, я и сам долго тут не просижу.

— Надумали вернуться в Англию? — спросил Кортленд.

— О нет! Но я хочу оставить службу в компании, попытать счастья самому. В трех милях отсюда назначена к продаже неплохая земелька, и, думается, я бы мог сделать с нею толк. Человек рано или поздно должен обосноваться и стать сам себе хозяином, — сказал он, как бы нащупывая почву. — Не согласны!

— А как же мисс Даус обойдется без вас? — сказал Кортленд и сам устыдился своего напускного равнодушия.

— Ох, ей от меня, знаете, не много пользы, во всяком случае, когда я здесь. А вот будь я плантатором и будь мы с ней соседями, тут бы я мог ей помочь. Я вам уже гово-

рил: она сама заправляет всем и не глядит, кто тут есть и чьи тут деньги вложены.

— Полагаю, сейчас вы говорите о молодой мисс Даус? — сказал Кортленд все так же безразлично.

— О мисс Салли... ну, конечно... все о ней, — просто-душно ответил Чэмпи.— Она здесь всему хозяйка.

— Есть как будто совладельцы — какие-то французы, родственники мисс Даус? Их тут никто не представляет? — сказал Кортленд веско.

Но он и сам не ждал, что его собеседник так изменится в лице.

— Нет. Правда, был какой-то французский кузен, вертелся тут, понимаете... Но что-то мне кажется, он приехал сюда не затем, чтобы приглядывать за именем, — ответил Чэмпи с коротким смешком.— Мне кажется, тетка написала его близким, и те его «отозвали», и я не думаю, чтобы мисс Салли очень по нем сокрушалась. Не из тех она девиц... а? Ведь она могла бы выбрать во всем штате кого захотела, будь у нее на уме что-нибудь такое... а?

Хотя Кортленд думал в точности так же, он предпочел небрежно бросить: «Конечно, я с вами согласен», — и напустил на себя вид человека, помышляющего только о делах.

— Я, пожалуй, заходить не стану, — продолжал Чэмпи, когда они опять подошли к дому.— Вам, я полагаю, нужно кое о чем поговорить с мисс Даус. Если вам что-нибудь понадобится от меня, загляните в контору. Но она вам и сама на все ответит. И... гм-гм... если вы... гм... погостите подольше в наших краях, подъехали б вы как-нибудь ко мне, а? Покурим и опрокинем по стаканчику. Один мой бой отлично умеет намешать всякой всячины, и есть у меня старый коньячок — прислали из Европы. До свидания.

В любезности своей еще более неловкий, чем в простоватой доверительности, с какою говорил он о делах, но, по-видимому, искренний и в том и в другом, он пожал Кортленду руку и ушел. Кортленд повернул к дому. Он осмотрел плантацию с ее усовершенствованиями; увидел некоторые свои идеи осуществленными на деле; было ясно, что ему больше нечего было тут делать, как только поблагодарить хозяйку и проститься. Но он испытывал еще большее смущение, чем сразу по приезде; и было странное чувство, точно что-то им упущено, но что, он не мог уяснить. Его беседа с Чэмпи осложнила — он сам не знал, почему — его прежнее представление о мисс Даус; и хотя он наполовину признавал, что это не связано с тем делом, которое

привело его сюда, он все-таки внушал себе, что связано. Если мисс Салли в самом деле... так... так кружит голову каждому, с кем соприкасается, то это, несомненно, не следует упускать из виду, вступая с ней в такие деловые отношения, при которых ей отводилась роль управительницы. Правда, Чэмпни сказал, что «не из тех она девиц», но это — свидетельство человека, явно подпавшего под ее влияние... Он вошел в дом со двора, в раскрытую стеклянную дверь. В гостиной никого не оказалось. Он вышел в прихожую и на крыльцо — и здесь никого. Он подождал минутку-другую, и к чувству неловкости уже примешивалось огорчение. Она, возможно, подстерегала его приход. Она или Софи должны были видеть, что он возвращается. Он вызовет Софи звонком и попросит передать хозяйке его извинения и благодарность. Он нашел звонок, позвонил, но, оказавшись лицом к лицу с Софи, изменил своему намерению и спросил, нельзя ли ему увидеться с мисс Даус. За время между ее уходом и появлением мисс Салли он решил сделать то самое дело, которое час тому назад он выбросил из мыслей как несвоевременное и опасное. В кармане у него лежат фотография и письмо; они ему послужат предлогом, чтобы попроситься с нею лично.

Она вошла, удивленно подняв свои золотисные брови.

— Боже мой, я думала, вы проехали к красному амбару и оттуда прямо домой. Я управлялась со шпалерником и своим виноградом быстрее, чем рассчитывала. К нам сюда заглянул один из племянников судьи Гаррета, и как раз вовремя, чтобы помочь мне с последним рядом. Вы напрасно утруждались, если послали за мной только чтоб откланяться, но Софи говорит, что вид у вас был, когда вы справлялись обо мне, «какой-то особенный и тревожный», так что, я полагаю, вы меня хотите видеть еще и по делу.

Мысленно выругав Софи и с неприятным беспокойством на душе из-за неведомого соседа, помогавшего мисс Салли вместо него самого, он все же постарался взять себя в руки и соблюсти учтивость.

— Не знаю, что внушило Софи выражение моего лица, — сказал он с улыбкой, — но я надеюсь, то сообщение, которое я должен сделать, будет достаточно интересно для вас, чтобы мне простилось это вторичное вторжение. — Он помолчал и все с той же улыбкой повел дальше: — Более трех лет, мисс Даус, вы в той или иной мере занимали мои мысли; и хотя на самом деле мы встретились сегодня в первый раз, я все это время носил в себе ваш образ. Даже и

этой встречи, осуществившейся только случайно, я искал три года. Я нахожу вас здесь, под мирной сенью вашего винограда и фиговых деревьев, а между тем назад три года вы мне явились из грозовой тучи сражения.

— Боже милостивый! — сказала мисс Салли.

Она сидела, обхватив одно колено переплетенными пальцами, но тут она развела ладони и откинулась на спинку дивана в притворном ужасе и с загоревшимся в ее ясных глазах насмешливым огоньком. Кортленд понял, что взял неверный тон, но уже было поздно его менять. Вручив ей ладанку и письмо, он коротко и, может быть, немного печально рассказал, какой случай передал их в его руки. Однако он начисто упустил наиболее драматические и страшные подробности и не упомянул о возникшем у него суеверном чувстве и странном предрасположении к ней.

Мисс Салли без всякого трепета взяла конверт и ладанку, и даже нежный, легкий румянец на ее щеках не стал ни сколько-нибудь гуще, ни бледней. Пробежав письмо, оказавшееся совсем коротким, она проговорила спокойно, с полужалостливой улыбкой:

— Да! Это был, конечно, он, бедный Чест Брукс! Я слышала, что он был убит на Змеиной реке. Так на него похоже: ринуться вперед и пасть при первом же выстреле! Да к тому же понапрасну, из чистого безумия.

Чувствуя и возмущение, и облегчение, и какую-то неловкость от обоих этих чувств, Кортленд продолжал вслепую:

— Но он был не единственным, мисс Даус. Найден был еще один убитый с вашей карточкой на груди.

— Да... Джойс Мастертон. Мне ее переслали. Но вы не убили также и его?

— Насколько мне известно, я и этого не убивал сам лично, — сказал он несколько холодно. Он замолчал и добавил с торжественностью, чувствуя сам, как она несообразна и даже смешна: — Они были храбрые люди, мисс Даус.

— В чем же их храбрость — в том, что они носили мой портрет? — весело сказал мисс Даус.

— В том, что им было ради чего жить и все-таки они добровольно отдали жизнь за то, что полагали справедливым.

— Но не гонялись же вы за мной три года только затем, чтобы сказать мне, девушке-южанке, что мужчины-южане умеют драться. Ведь нет же, полковник? — воз-

разила девица, чуть вскинув голову и с восхитительным высокомерием опустив белые в синих жилках веки. — Они всегда были готовы драться, даже между собой. Этим бедным мальчикам было куда легче решить дело дракой, чем поразмыслить над ним или потрудиться для него. Вы, северяне, умеете и драться, и думать, и трудиться; вот в чем вы берете над нами верх. Вы удивлены, полковник?

— Я не ожидал, что вы так на это посмотрите, — сказал, замявшись, Кортленд.

— Мне очень жаль, если я вас разочаровала после всех ваших трудов, — ответила девица с ошеломляющим напускным смирением и поднялась, одергивая юбки, — но я не могла знать, чего, собственно, вы ожидали спустя три года: если бы знала, я бы, может быть, надела траур. — Она остановилась и поправила выбившуюся прядь волос уголком письма от убитого. — Но я все равно благодарна вам, полковник. В самом деле, очень любезно с вашей стороны, что вы позаботились привезти сюда эти предметы. — И она чистосердечно протянула руку.

Кортленд принял ее с угнетающим сознанием, что последние пять минут был несусветным болваном. Продлить свидание он не мог, после того как она так недвусмысленно встала. Ну что бы ему просить попроситься и сохранить при себе письмо и ладанку до нового визита... Может быть, и вовсе до поры, когда они будут уже старыми друзьями!

А теперь поздно! Он склонился к ее руке, еще раз поблагодарил за любезность и ушел. Секундой позже она услышала удаляющийся по дороге стук копыт его лошади.

Она открыла, дернув за медную ручку, ящик секретера и, с полминуты посмотрев критическим взглядом на свою фотографию в ладанке погибшего, зашвырнула ладанку вместе с письмом в дальний угол ящика. Потом постояла, сбросила с ноги туфельку, посмотрела задумчиво на нее и крикнула:

— Софи!

— Да, мисс Салли? — отозвалась девушка, показавшись в дверях.

— Ты уверена, что не отодвигала лестницу?

— Как перед богом, мисс Салли, ну даже не коснулась!

Мисс Салли направила тот же критический взгляд на повязанную красной косынкой голову служанки.

— Нет,— тихо сказала она про себя,— на ощупь это было, во всяком случае, помягче шерсти!

Глава III

Несмотря на неловкое завершение визита — а может быть, и вследствие этого,— Кортленд на той же неделе еще раз навестил плантацию. Но на этот раз с ним поехал и Драммонд, и приняла их мисс Миранда Даус, высокая, горбоносая дева лет пятидесяти, чья старомодная учтивость казалось несколько нарочитой и чье былое кредо уступило место полудициническому принятию новой действительности. Мистер Драммонд, восхищенный плантацией и ее управлением, не менее пленился и мисс Салли, в то время как Кортленд осмотрительно делил теперь свое внимание между племянницей и теткой и в результате пришел к выводу, что Чэмпни не прав в своем утверждении, будто мисс Миранда играет незначительную роль. Для освобожденных невольников она и поныне оставалась старой непреклонной надсмотрщицей, и было очевидно, что они сохранили суеверный страх перед ней и считали, что и сейчас она властна сколько ей угодно преступать Четырнадцатую Поправку и ее удерживает только заступничество доброй и разумной мисс Салли. Кортленд быстро оценил благотворность этого влияния в переходный период, когда бывшие невольники еще только осваивались с новым своим положением, и указал на нее принципалу. Прежние сомнения Драммонда и его скептицизм, уже пошатнувшиеся перед чарами мисс Салли, окончательно рассеялись перед этим соблазном успешно использовать злые пережитки рабства. Он поддался убеждению, даже сделался энтузиастом. От пайщиков-иностранцев надо будет откупиться; компания, забрав плантацию, расширит ее, введет дальнейшие усовершенствования, а прекрасных владелиц оставит на месте, сохранив за ними управление и контроль. Как это бывает с большинством предубежденных, обращение Драммонда в новую веру оказалось внезапным и полным, и, как человек дела, он сразу принялся проводить свои новые принципы в жизнь. При втором и третьем свидании были согласованы все предварительные мероприятия, и через три недели после первого визита Кортленда плантация Даусов и часть владений майора Рида были

слиты в «Синдикат Драммонда» и полностью избавлены от финансовых затруднений. Кортленд остался с Редлендзе представителем компании с правами верховного надзора, а Чэмпни после выплаты английских вложений, как он и предполагал, бросил службу и завел свое собственное хозяйство на небольшой плантации в нескольких милях от Даусов, которую компания нашла невыгодным приобретать.

За это время Кортленд часто виделся с мисс Салли, имея к ней теперь постоянный и свободный доступ. Он больше никогда не забредал в область романтики и эмоций; никогда не упоминал о злополучном письме и фотографии, и, не будучи обязан ограничиваться строго деловыми рамками, принял с нею спокойный, ровный тон добрососедской дружественности. Это в значительной мере было обусловлено привычкой к самообладанию — его природному свойству, подкрепленной воинской дисциплиной, и никак не означало сознательной попытки подавить то затаенное влечение, которое, как он чувствовал, жило в нем под этой сдержанностью. Временами он перехватывал взгляд девушки, остановившийся на нем с шаловливым любопытством. И тогда его пронзал странный трепет. Немного найдется ситуаций более щекотливых и опасных, чем случайные вспышки взаимного доверия и понимания между двумя молодыми существами разного пола, даже если еще рано говорить о наличии чувства и подлинного тяготения друг к другу. Кортленд знал, что мисс Салли не забывает, с какой излишней серьезностью он отнесся к ее прошлому. Она может над этим смеяться, даже может досадовать, но она это знает, она это помнит — и знает, что и он это знает и что, кроме них двоих, не знает этого никто. Это было в их мыслях, когда наступала пауза в более деловом и ограниченном условностями разговоре, и даже приоткрывалось в чрезмерной заботе, с какою мисс Салли спешила затем в надлежащее мгновение отвести свой шаловливый, улыбающийся взгляд. Однажды она зашла дальше обычного. Кортленд только что кончил объяснять ей свой план — на месте обычных полувозделанных личных огородиков, столь дорогих сердцу работника-негра, поставить ряд мелких хозяйственных построек — и разложил чертежи на столе в конторе, когда девушка, заведя руки за спину и опершись ими о стол, остановила на его серьезном лице свои ясные серые глаза.

— Поистине, полковник, — заговорила она, прибегая к

тем особым старомодным оборотам речи, которые в ходу у южан,— после той нашей первой встречи я бы не подумала, что вы можете вот так, как сейчас, с головой уйти в дела.

— В самом деле? Каким же я вам в тот раз показался? — спросил он с живостью.

Мисс Салли, обладая талантом южанки к выразительному жесту, подняла из-за спины свою маленькую руку, покрутила кистью над головой с милым видом, будто отмахивается, якобы на мужской манер, от чего-то воздушного и несущественного, и проговорила:

— О, вот таким!

— Боюсь, я не произвел на вас тогда впечатления очень делового человека,— сказал он, слегка покраснев.

— Я подумала, что вы выбираете на ночь шесток повыше, полковник, чтоб утром побольше набрать червей. Однако,— добавила она с ослепительной улыбкой,— судя по тому, что вы сами рассказали насчет той фотографии, я так понимаю, что я тоже оказалась не совсем такой, какой мне следовало быть.

Его разбирало желание тут же сказать ей, что он был бы рад, если б эти светлые красивые глаза никогда не загорались ничем другим, как только любовью и чаянием женского счастья; если б этот мягкий, протяжный, ласковый голос никогда не раздавался бы за пределами домашнего очага и семейного круга; если б эти розовые ушки в сиянии золотых волос никогда бы не склонялись ни к чему другому, как только к словам восхищения; и если б эта изящная, гибкая, прямая фигурка, такая независимая и самоуверенная, удовольствовалась бы тем одним, чтобы опереться на его руку, ища в ней поддержки. Он признавал, что это желание живет в нем с той минуты, как он впервые увидел ее; и равно признавал, что она для него стала несравненно более очаровательной в ее настоящей неприступной рассудительности и деловитости.

— Признаться,— сказал он, глядя ей в глаза с растерянной улыбкой,— я не ожидал, что вы легко забудете человека, который, по-видимому, вас любил.

— Вы имеете в виду мистера Чета Брукса, или мистера Джойса Мастертона, или их обоих? Так вы, мужчины, и смотрите по большей части, полковник. По-вашему, если девушка вам нравится, то она должна быть вам за это благодарна по гроб своей жизни и вашей тоже! Ах! Теперь вы думаете иначе! Но тогда и держите себя соответственно.—

Она сделала маленький отклоняющий жест свободной рукой, как бы отводя всякую искупительную любезность.— Я хлопочу не за себя, полковник. Мы с вами и так добрые друзья. Но все девушки вокруг считают, что вы уж слишком заняты мыслью о рисе и о неграх. И если посмотреть даже вашими глазами, полковник, это же вредно для дела. Вы хотите сохранить мир с майором Ридом, так неплохо бы ублажить и майоровых дам. Право же, полковник, Тэви и Гасси Рид не такие уж язвы, почему бы вам в это воскресенье не проводить домой из церкви какую-нибудь из них? А в следующее воскресенье просто, чтобы показать, что вы не слишком привередливы и готовы стать записным кавалером, вы можете проводить из церкви меня. Не пугайтесь, у меня есть платье получше этого. Новое платье, только что присланное из Луисвилла, и я его, так и быть, надену для парада.

Он не посмел сказать ей, что ее милый утренний убор — простое платьице из клетчатого ситца, какой идет на детские фартуки, с такими же клетчатыми бантами на карманах широкой юбки — стал для него частью ее красоты, потому что он уже безнадежно сознавал, что она прелестна в любом наряде, и это просилось ему на язык. Он поблагодарил ее важно и серьезно, но без галантных излишней, и с удовлетворением увидел, что шаловливость, притаившаяся в ее глазах, возрастает прямо пропорционально росту его серьезности, и услышал, как она сказала с напускной печалью:

— Мужайтесь, полковник! Пусть это вас не тревожит, пока час не настал.— И попрощалась с ним.

В ближайшее воскресенье он направился в Редлендскую епископальную церковь и после службы с показным спокойствием, но некоторым скрытым раздражением остался стоять в толпе молодых людей, которые, по местному обычаю, выстроились на паперти. Его несколько удивило, когда он там увидел и мистера Чэмпни, который в этой толпе поджидавших кавалеров, казалось, чувствовал себя так же не на месте, как и он, только не был так замкнут. Хотя и уверенный, что молодой англичанин пришел лишь затем, чтобы увидеться с мисс Салли, он все же был рад разделить свое неловкое одиночество с другим чужаком и любезно с ним поздоровался. Скамья Даусов была расположена ближе к выходу, чем скамья Ридов, и дамы, занимавшие ее, вышли первыми. Полковник Кортленд снял шляпу перед мисс Мирандой и ее племянницей в то

самое мгновение, когда Чэмпни выступил вперед и пристроился за ними. Мисс Салли, поймав взгляд Кортленда, показала белки своих глаз, скосив их с шаловливой многозначительностью на шествующих следом Ридов. Когда те подошли, Кортленд присоединился к ним и, оказавшись рядом с мисс Октавией, вступил в разговор. Должно быть, подавленная страстность и язвительная меланхолия этой черноглазой девицы подстрекали его к более легкому, веселому настроению в той же мере, в какой добродушная легкость и радостная деловитость мисс Салли всегда склоняли его к серьезности. Поотстав, они замкнули тыл других пар и вскоре остались совсем одни.

Высокая, прямая, немного надменная, похожая в своем черном бережно сохраняемом шелковом платье на молодую, но неприступную вдову, мисс Рид объявила, что не видела полковника «целую вечность» и, конечно, не ожидала, что он окажет ей честь своим обществом, когда имеются негры, которых можно воспитывать или размалевывать до полного подобия белым. Она надеется, что он с ее папой и Салли Даус вполне счастливы! Пока еще, правда, не поставили негра проповедника на место мистера Симса, их ректора, до этого не дошло; но, как она понимает, уже идет разговор о том, чтобы на будущий год кандидатом в окружные судьи выставить Ганнибала Джонсона, кучера мисс Даус! Что и сам полковник думает выставить свою кандидатуру на этот пост — этого она еще не слышала, нет! Он может сколько угодно смеяться над нею. Кажется, он несколько лучше настроен, чем тогда, когда она впервые с ним увиделась, но она хотела бы знать, уж не их ли это северный обычай смеяться, идя домой из церкви! Если да, то и ей, конечно, придется его усвоить вместе с Четырнадцатой Поправкой. Однако, как она сейчас заметила, люди начинают на них посматривать, и мисс Салли Даус обернулась поглядеть. А все же на желтоватой щеке мисс Октавии, на щеке, обращенной к полковнику — и к солдату, — проступил легкий смуглый румянец, и уголки ее гордого рта чуть-чуть приподнялись.

— А сказать по-честному, мисс Рид, не думается вам, что уж лучше получить судьей старого Ганнибала, которого вы знаете, чем северянина вроде меня?

Темным скошенным глазом мисс Рид оглядела красивое лицо и стройную фигуру спутника. Что-то вроде насмешливой улыбки пробило себе доступ на ее тонкие губы.

— Выбор не слишком велик, полковник.

— Допускаю. Мы оба должны признавать свою владычицу и быть как воск в ее руках.

— Эти красивые слова преподнесли бы вы Салли Даус, она тут норовит хозяйничать по всей округе. Но как получилось,— добавила она, вдруг остановив на нем твердый взгляд,— что вы не пошли провожать ее вместо этого англичанина? Точно вы не знаете — это же ясно, как день,— что он купил имение здесь поблизости с единственной целью стать ее соседом, когда не будет больше управляющим?

Кортленд, однако, никогда не терял из-за мисс Салли спокойствия и самообладания, разве только в ее присутствии.

— Вы забываете,— сказал он, улыбнувшись,— что я еще здесь чужой и до меня не доходят местные пересуды; да если бы и доходили, мы не поставили б условием сделки, что вместе с *землей* откупаем и личный интерес мистера Чэмпни к *землевладелице*.

— Ох, тогда бы вам не обобратся хлопот, потому что в этом смысле ее имение, я сказала бы, заложено и перезаложено,— отпарировала мисс Рид, вложив в свой намек больше игривости, чем желанья уязвить. Мистеру Чэмпни не давал себя обскакать ее французский кузен, когда был здесь. Кстати, полковник, вы не дадите мне почитать каких-нибудь французских книг, у вас найдутся? Папа говорит, вы очень много читаете по-французски, а мне без практики становится все трудней владеть языком, с тех пор как я вышла из монастыря в Сан-Луисе, потому что папа не знает, какие книги выписывать, и боюсь, он иногда допускает страшные ошибки.

Разговор перешел на изящную словесность, и тут выяснилось, что мисс Октавия читала по-французски все подряд и по своей застенчивой гордой невинности и недостаточному знанию языка с его коварными тонкостями проглатывала и такое, чего благородной девице читать не полагается. Кортленд пообещал прислать кое-какие книги и даже осмелился порекомендовать ее вниманию некоторые американские и английские романы, не слишком «северные», или «философские», по понятиям южан. У него зародилось уважение и участие к этой угрюмой, одинокой девушке, стесненной традициями и не так просвещенной, как придавленной жизненным опытом. Он сам не заметил, как заговорил откровенно и доверительно, обращаясь к спутнице, к этой вскинутой голове, надменно выгнутым бровям и орлиному носу, и вдруг поймал себя на мысли, каким красивым, благород-

ным братом могла бы она стать для кого-нибудь. Когда дошли до дому, он, снисходя к традициям семьи, присел на одной из нижних ступенек веранды, тогда как мисс Октавия, колыхнув своими юбками, села двумя ступеньками выше. Это позволило ему на местный томный лад опереться на локоть и смотреть девице в глаза, в то время как она с той же томностью глядела на него сверху вниз. Но минутой позже мисс Рид вдруг наклонилась вперед и, метнув острый, быстрый взгляд в самую глубь его мыслей, сказала:

— И вы хотите уверить меня, полковник, что между вами и Салли Даус нет ничего?

Кортленд не покраснел, не вздрогнул, не смутился и, отвечая, не покривил душой.

— Мы с нею, думается мне, хорошие друзья,— сказал он спокойно, не уклоняясь и не поколебавшись.

Мисс Рид задумчиво глядела на него.

— Полагаю, так оно и есть... и больше ничего. Вот почему у вас все складывается так счастливо,— медленно проговорила она.

— Я вас как будто не совсем понял,— улыбнулся Кортленд.— Это парадокс или утешение?

— Это *правда*,— серьезно сказала мисс Рид.— Кто пробовал стать для Салли Даус чем-то большим, тех покидало счастье.

— То есть... она их отвергала. Она в самом деле так безжалостна? — продолжал Кортленд, повеселев.

— Я хочу сказать, что счастье покидало их во всем. С ними непременно что-нибудь приключалось. И тут она ничем не могла помочь.

— Это — предостережение сивиллы, мисс Рид?

— Нет. Это — негритянское суеверие. И пошло оно от матушки Джуди, старой кормилицы Салли. Понимаете, вся их вера, их знаменитое «ву-ду» — это сплошное колдовство. Когда мисс Салли была еще младенцем, Джуди ей наколдовала, что каждый будет у нее в подчинении, пока он ее любит, а она не будет в подчинении ни в каком и ни у кого. Все их счастье переходит к ней, как только они подпали под ее чары,— мрачно добавила девица.

— Кажется, остальное я сам знаю,— подхватил еще

торжественный Кортленд.— В апреле, в полнолуние, пойд и собери почки ведьминского ореха. Потом сорви три волоска из правой брови молодой девицы, когда она на тебя не глядит...

— Можете смеяться, полковник, ведь вы-то счастливы, потому что свободны.

— В этом я не совсем уверен,— сказал он галантно,— так как в данный момент я должен был бы ехать в лечебницу навестить ради воскресенья своих болящих. Если приятное забвение времени и долга есть признак действия на тебя неких чар, боюсь, колдовство матушки Джуди не ограничилось только одной южной барышней.

Звук быстрых шагов по гравию дорожки заставил их обоих поднять глаза. К ним приближался мрачный с виду молодой человек, обутый в щегольские сапоги со шпорами и помахивающий тяжелым сыромятным хлыстом. Нарочито и все же с неловким смущением не замечая Кортленда, он коротко кивнул мисс Рид, взбежал на крыльцо, пронесся, не задерживаясь, мимо них и вошел в дом.

— Где ваша учтивость, мистер Том? —крикнула ему вслед девица, и на ее желто-бледной щеке проступил румянец.

Молодой человек что-то буркнул из передней, чего Кортленд не расслышал.

— Это кузен Том Хигби,— объяснила она почти презрительно.— У него, наверно, вышло что-нибудь неладное с лошадью; но папа должен поучить его, как себя вести. И... он, я думаю, не любит северян,— добавила она значительно.

Кортленд не дал воли раздражению,отлично понимая, что хотел выразить своим поведением кузен Том, и с улыбкой пожал на прощание руку мисс Рид.

— Это вполне все объясняет и, я готов признать, даже извиняет.

Все же впечатление от инцидента, когда он медленно брел обратно в Редлендз, почти совсем изгладилось. Неизжитая ненависть побежденных не впервой давала себя почувствовать нелюбезностью, прямой невежливостью: но так как это редко исходило от его старых личных противников — военных, а все больше от желторотых юнцов, от героев тыла и от политиканов, он позволял себе проходить с пренебрежением мимо. Всю следующую неделю он не видел мисс Салли.

Воскресенье он явился в церковь пораньше. Но он, пожалуй, слишком подчеркнул праздничность события, приехав в кабриолете, запряженном сильной лошадью чистых кровей, скорей во вкусе офицера-кавалериста, чем сельскохозяйственного инспектора. Он уже сидел на боковой скамье, мечтательно уставив глаза в раскрытый перед ним молитвенник, когда в дверях церкви послышался шелест, и среди настороженной паствы прошел ропот восхищения и любопытства. Это вошли Даусы со своими, и впереди всех мисс Салли. Она была в своем новом платье последней лувисвилльской моды — предпоследней для Парижа и Нью-Йорка.

Это было двадцать с лишним лет тому назад. Я не стану портить впечатление от прелестного этого образа, воскрешая сегодня перед взором вчерашнюю моду. Достаточно сказать, что эта мода позволила девушке забрать свое милое личико в нимб золотых волос и полувенчик из нежных искусственных цветов и вздернуть свой овальный подбородок над умопомрачительной дымкой тюля. И что светлый, обшитый мехом казакин не скрывал линий ее чарующего стана. И даже те, кто стал перешептываться, что сейчас-де «мисс Салли подбирается к двадцати пяти», потому и заспешили с этим сообщением, что в ней еще чувствовалась хрупкая грация семнадцати лет. Грянул орган, как бы приветствуя ее; когда она села на своей скамье, луч солнца, который был бы слишком жесток и взыскателен для всякого другого румянца, скользнул по нежно-розовым ее щекам и, угнездившись в облаке ее волос, сам приобрел новую вещественность. Фигуры дев-добродетелей на расписном стекле не вышли так победно из этого озарения, и не удивительно, что верующие переводили свой набожный взор с их личиков на личико Салли Даус.

Когда служба кончилась и молящиеся медленно двинулись к проходу, Кортленд молча пристроился за ее спиной. Когда они вышли на паперть, он сказал вполголоса:

— Я приехал в кабриолете. Надеюсь, вы мне позволите вас подвезти? — Но она сдвинула золотистые брови, и он в отчаянии смолк.

— Нет, — сказала она быстро, но твердо, — вы не должны...нельзя. — И когда Кортленд замялся, ошеломленный, она мило ему улыбнулась: — Мы, если хотите, пойдем пешком через кладбище; на это уйдет не больше времени, чем на поездку.

Кортленд побежал, дал торопливое распоряжение и доллар слонявшемуся у паперти негру и вернулся к мисс Салли, а недавний невольник, довольный и гордый, укатил за ворота. Мисс Салли грустно вздохнула, когда изящный экипаж пронесся мимо.

— Выезд очень красивый, полковник, и я с удовольствием прокатилась бы в нем, но это было бы жестоко по отношению к другим. Риды, и Максвеллы, и Робертсоны слишком бедны, чтобы держать кровных рысаков, и слишком горды, чтобы ездить на каких-нибудь иных. Вышло бы некрасиво с нашей стороны промчаться вихрем мимо, обдавая их пылью.

Этот скрытый намек на их общую ответственность был так приятен, что Кортленд забыл резкость отказа и думал только о подсказавшем его такте. Тем не менее его всегда свободную речь точно что-то сковало. При этой их первой не деловой, а чисто светской встрече он, сам того не ожидая, оказался тупо, бессмысленно молчалив, довольный и тем, что идет бок о бок с этим прелестным солнечным созданием, задеваемый легкими его одеждами, овеваемый его свежестью. И вот оно заговорило:

— На то, чтобы залатать старые коровники за Мослеевым выгоном, пойдет свыше тысячи футов леса, а чтобы поставить новое строение с оборудованной сыроварней, понадобится добавочно еще каких-нибудь две тысячи. При этом материал старых построек тоже пойдет в дело — пригодится на заборы; старые доски будем набивать промеж новых столбов и переплетов. Вы не думаете, что выходит выгодней поставить совсем новое строение?

— Да, безусловно, — ответил Кортленд несколько растерянно. Он не рассчитывал на такого рода деловой разговор и был тем сильнее смущен, что мимо проходили другие пары и нарочно задерживались, чтобы их послушать.

— Да и вопрос транспортировки, — бойко продолжала девушка, — стоит довольно-таки серьезно. Тетя Миранда владеет кое-какими акциями Бригсвиллской ветки и полагает, что, если она хорошенько нажмет на директоров, можно будет добиться перевозки грузов по новому тарифу. Тайлер уверяет, что тариф как будто собираются снизить на одну шестнадцатую процента до того, как мы начнем вывозить новый урожай.

Кортленд бросил быстрый взгляд на лицо своей спутницы. Оно сохраняло серьезность, и только к уголку глаза набежали чуть заметные морщинки.

— Не отложить ли нам лучше на завтра эти хозяйственные вопросы? — сказал он с улыбкой.

Мисс Салли в скромном удивлении широко открыла глаза.

— Как! У вас был такой спокойный вид, я думала, вас сегодня могут занимать одни только дела. Но если вы будете расположены к светскому разговору, что ж, переменим предмет. Говорят, в прошлое воскресенье вы с мисс Рид нашли его без труда. Обычно она не очень-то разговорчива, ее сила в умении глубокомысленно молчать. Помоему,— добавила она, вдруг смерив его оценивающим взглядом,— у вас бы с нею нашлось много о чем поговорить между собой. Она вполне в вашем вкусе, полковник, она не склонна забывать, то... (чуть тише) но я не думаю, что это и впрямь самое для вас желательное!

Кортленд поднял на нее глаза в притворном ужасе.

— Если это опять мистическое предостережение, мисс Даус, я сам вас предостерегаю, что у меня от них уже пошатнулся рассудок. В прошлое воскресенье мисс Рид целый час повергала меня в трепет разговором о разных поверьях и прорицаниях в духе Кассандры. Неужели здесь ничто никогда не происходит само собой и без предвещаний?

— Я имела в виду только то,— возразила девушка со своей обычной деловой прямоотой,— что Тэви Рид хранит в памяти много ужасов войны, которые она должна была бы забыть, но не забывает. Тем не менее,— продолжала она, пытливо на него поглядев,— она признается, что просто возмущена поведением своего двоюродного брата.

— Боюсь, оно задело мисс Рид сильнее, чем меня,— сказал Контленд.— Мне очень жаль, если она придаст этому такое большое значение,— добавил он серьезно.

— А вы не придаете? — подхватила мисс Салли.

— Нет. С чего бы мне? — От нее, однако, не укрылось, что он весь как-то подтянулся, выпрямился, и она улыбнулась, когда он добавил: — Возможно, у меня на его месте были бы те же чувства, что и у него.

— Но вы-то ничего бы не делали исподтишка,— сказала она спокойно. Когда же он быстро глянул на нее, она продолжала рассудительно: — Не слишком верьте людям, которые всегда подлаживаются к вам, полковник. И не придавайте слишком много или слишком мало значения тому, что вам здесь говорят. Вы как раз такой человек, что можете нажать себе здесь множество глупых врагов и столько же безрассудных друзей. И я еще не знаю, кто вам

больше доставит хлопот, первые или вторые. Не надо голько недооценивать ни тех, ни других. И не надо слишком задирать голову, а то не увидишь, что там копошится вокруг на земле. Потому-то на болоте мокасиная змея чаще жалит коня, чем свинью.

Она улыбнулась, но при этом сдвинула брови в таком милом притворном страхе за своего собеседника, что тот сразу осмелел.

— Я бы рад иметь хотя бы одного друга, но по-настоящему близкого,— сказал он, глядя ей прямо в глаза.— Тогда мне бы не нужны другие друзья и не страшны враги.

— Вы правы, полковник,— сказала она и шаловливо наклонила зонтик, прелестно изображая, будто прячет мнимый румянец на щеке — совсем детской щеке неизменно нежно-розовой окраски.— Светский разговор куда приятней такого, какой мы сейчас вели. А... что касается меня,— полагаю, ваши слова не могли относиться к какой-либо иной девушке, кроме вашей спутницы,— разве я вам плохой друг?

Он не удержался от улыбки, хотя и был смущен.

— Мне — нет! Но другим вы принесли разочарование.

— И это вас огорчает?

— Я хотел сказать, что я был пока еще не вправе подвергать ваши чувства проверке, тогда как...

— Бедный Чет имел такое право, хотите вы сказать? прекрасно, мы с вами здесь, на кладбище! Я так и думала, что мы далеко не пройдем, как вы сочтете своим долгом опять обратиться к умершим, почему я и надумала избрать дорогу через кладбище. Оно, возможно, придает моим мыслям подходящий строй — такой, какой вам более понравится.

Он поднял глаза и, не сдержавшись, тихо ахнул. Раньше он не заметил, как они, пройдя через калитку, попали на боковую дорожку, и вдруг, никак к тому не подготовленный, он увидел, что оказался у начала пологого склона, ведущего в красную долину, а прямо перед ними протянулась длинная череда могильных холмиков, белых надгробных плит и низких крестов, с двух сторон огражденная кипарисами и плетением перистого винограда. Иные лозы падали к земле и, подхваченные, перекидывались с ветки на ветку длинной петлей наподобие похоронного венка, да здесь и там одинокая пальмочка поднимала свою крону, похожую на плюмаж катафалка. И все же, несмотря на господство тени, сумрачной, но благодатной, на эту никну-

щую прелесть темнокудрой листвы и лиственной бахромы и на редящие траурные вуали видимого сквозь них серого торфяного болота, — победное, живительное солнце юга улыбалось и блистало на всем, как сквозь слезы. Из длинной аллеи тянуло запахами лавра, полыни, сосны и бергамота; каждый порыв ветра дышал благоуханием роз, а более близкие ароматы жасмина, жимолости и апельсинового цвета грузно висели в ложбинах. Кортленду это все представилось похожим на траур красивого и юного вдовства, обольстительного даже в своем темном наряде, дразнящего в своем контрасте с его собственной мужественностью и силой. Трава росла повсюду, густая и обильная; почва буйно рожала, утучненная зарытыми под ней телами мертвецов.

Медленно шли они бок о бок, говоря только о том, какое это красивое место и как хорош этот летний день — такой, что лучше, кажется, и не бывает. Может быть, от жары, от одуряющего аромата или под действием какого-то чувства, которого она в себе не подозревала, девушка вдруг сделалась так же молчалива, так же отдалась своим мыслям, как ее спутник. Она стала все чаще задерживаться — вдруг замедлит шаг, отстанет, захлопотав, точно бабочка, над цветущим кустом или грядкой лилий, и, если бы вам она встретилась так в своей развевающейся вуали, вы могли бы принять ее за нечто вроде утреннего и слишком благосклонного призрака. Кортленду показалось к тому же, что ясные ее глаза чуть омрачились тенью тихого раздумья. В неодолимом порыве нежности он придвинулся к ней совсем близко, но она вдруг повернулась и, сказав «Идем!», зашагала быстрее по узкой тропке. Кортленд последовал за ней. Они отошли совсем недалеко, когда он заметил, что могилы начинают выстраиваться в правильные ряды, эмблемы становятся более дешевыми и обычными: надгробия из мрамора и резного песчаника уступили место деревянным плитам в изголовье и каменным в ногах, повторявшим один и тот же скучный образец, и он понял, что они пришли к участку кладбища, отведенному для павших на войне. Длинные ряды, построенные с военной четкостью, пересекали небольшую долину и снова поднимались по склону холма на противной стороне, выстроившись в странном подобии каре, шеренг и колонн. Смутное воспоминание о роковом склоне над Змеиной рекой всплыло перед ним. Оно стало отчетливей, когда мисс Салли, все еще шедшая впереди, вдруг остановилась у могильного холма,

стоявшего особняком и несшего на себе разбитую мраморную колонну¹ с надписью на цоколе: «Честер Брукс». Несколько засохших гирлянд и пучки иммортелей лежали на цоколе, но на разбитой колонне висел, обняв ее, свежий, несколько еще не увядший венок.

— Вы не говорили мне, что он похоронен здесь! — с живостью сказал Кортленд, пораженный этим неожиданным открытием. — Он был из вашего штата?

— Он — нет, а полк его — да, — сказала мисс Салли, придирчиво разглядывая венок.

— И этот венок от вас? — добавил Кортленд мягко.

— Да, я подумала, что вам будет приятно увидеть что-нибудь свежее и красивое вместо этих вялых цветов.

— А они были тоже от вас? — спросил он еще мягче.

— О нет! Их завезли сюда в прошлую годовщину какие-то ветераны. Я возложила только этот один... то есть... я попросила мистера Чэмпи, чтобы он занес его сюда по дороге домой. Он, вы знаете, живет тут неподалеку.

Невозможно было устоять перед этой неодолимой наивностью. Кортленд прикусил губу, живо представив себе картину, как еще более наивный англичанин, поклонник мисс Салли, по ее велению приносит сюда венок, который она пожелала возложить на могилу своего прежнего возлюбленного, чтобы сделать приятное третьему поклоннику. Она между тем заложила свои маленькие ручки за спину, всем своим видом изображая пай-девочку, и сказала с полуулыбкой — ему даже подумалось полупечально:

— Вы удовлетворены?

— Вполне.

— Тогда пойдем. Здесь очень жарко.

Они повернули назад и, снова спустившись по склону, вступили в более густую тень главной аллеи. Смерть, казалось, являла им здесь менее строгий облик. Они пошли медленней; воздух был отягчен знойным дыханием цветов; дорога, идя по склону, образовала с одной стороны дерновую скамью. Мисс Салли остановилась и, не раздумывая, села, кивком приглашая Кортленда сделать то же. Он с радостью повиновался. История с венком его смутила, вызвав в нем противоречивые чувства. Девушка возложила цветы на могилу в угоду ему; так зачем ему тревожиться о

¹ *Разбитая колонна* — принятая в Англии и Америке кладбищенская эмблема рано оборвавшейся жизни.

том, как она это сделала, или терзаться мыслями о прошлом? Он отдал бы все на свете, чтобы суметь принять это легко и галантно — это ему без труда удалось бы со всякой другой девицей; но он знал, что готов, как в пропасть, ринуться в пламенное объяснение, и в трепете медлил. Ставка была слишком велика, не мог он ею рисковать в легкой игре — искусстве, которым девушка владела лучше, чем он; и он знал, что его чувство она не ценила. Гордость не позволяла ему воззвать к ее практицизму, хотя он распознал эту странную сторону ее природы, и принимал ее, и даже начинал считать ее чуть ли не самым действенным ее очарованием. Но, не будучи ни трусом, ни слабым, мечущимся идеалистом, он, когда решительно сел рядом с нею, так же решительно приготовился принять свою судьбу, какова бы она ни была, и принять сейчас же!

Возможно, это как-то отразилось на его лице.

— Мне показалось, полковник, что вы немного побледнели, — сказала она спокойно, — вот я и подумала, что мы, пожалуй, посидим минутку и потом потихонечку пойдем домой. Вы не привыкли к южному солнцу, и воздух там внизу болотистый. — Он сделал слабый жест протеста, но она продолжала тоном чисто сестринского превосходства:

— Всегда вы так, северяне. Вы думаете, что вам здесь любое дело по плечу, как будто вас для него нарочно растили, и никогда не делаете поправки на разницу климата, разницу крови, разницу обычаев. Тут-то у вас и получается промашка.

Но он уже склонился к ней и так пытливо остановил на ней свой темный взгляд, что ошибаться дольше было невозможно.

— С риском опять допустить промашку, мисс Даус, — начал он тихо, в бессознательной лести перенимая ее местные обороты речи, — я вас прошу учить меня всему, чему вы только захотите, чтобы я во всем отвечал вашим требованиям и, значит, стал бы куда как лучше. Вы сказали, что мы с вами хорошие друзья; я хочу, чтобы вы мне подали надежду стать для вас больше, чем другом. Я хочу, чтобы вы мне извинили мои личные недостатки и особенности моего племени и позволили мне сойтись с вами на той единственной почве, на которой я могу стоять вровень с вашим собственным народом, — моей к вам любви. Дайте мне только тот шанс, какой вы давали другим: тому несчастному, что спит здесь в земле... и тому более счастливому человеку, который принес от вас венок возложить на его могилу.

Она слушала, чуть сдвинув брови, с легчайшей краской на щеках и полуснисходительным, полуусмешливым неодобрением. Когда он кончил, она огорченно вздохнула:

— Вам не следовало говорить мне это, полковник, но мы с вами такие хорошие друзья, что не дадим даже и этому встать между нами. И в доказательство я сейчас же все позабуду, и вы тоже.

— Но я не могу,— живо возразил он,— если б я мог, я был бы недостоин даже вашей дружбы. Если вы должны отклонить мое предложение, не заставляйте меня думать со стыдом, что вы меня считаете способным на пустую игру. Я понимаю, что это признание для вас неожиданность, но для меня это не так. Мы знакомы только три месяца, но эти три месяца явились для меня осуществлением трехлетней мечты!

Так как она продолжала смотреть на него ясными, любопытными глазами, по-прежнему печально качая белокурой головой, он подсел ближе и схватил ее руку в светло-сиреневой нитяной перчатке, маленькой, но все-таки слишком широкой для ее детских пальчиков, и сказал с мольбой:

— Но вам-то почему нужно это забыть! Почему это должно быть запретной темой? Что преградой? Вы уже не свободны? Отвечайте, мисс Даус... подайте мне хоть какую-то надежду. Мисс Даус!.. Салли!

Она отодвинулась, опечаленная, протестующая, отвернув белокурую голову; потом, чуть покрутив рукой, изловчилась выдернуть ее из перчатки, которую оставила стиснутой в его жадной руке.

— Так! Перчатку можете оставить у себя, полковник,— сказала она, часто дыша.— Садитесь! Ни место, ни погода не располагают к резвому веселью! Хорошо!.. Вы спрашиваете, почему вы не должны говорить со мной таким образом. Сидите смирно, и я вам скажу.

Она разглаживала складки на юбке, сидя на самом краешке дерновой скамьи и одною ножкой дотянувшись до песка дороги.

— Вы не должны так со мною говорить, — продолжала она медленно,— потому что это во вред вашей компании, во вред нашим имущественным интересам и во вред вам же самому — даже может стоить вам жизни! Не петушитесь, полковник: если вам она не дорога, она, возможно, дорога другим. Я вам сказала, сидите смирно! Так. Вы приезжаете сюда с Севера, чтобы за свои деньги получить

в собственность наши земли: это дела, коммерция; это здесь каждый дурак поймет: делать дела — это в духе северян; это не затрагивает семейных отношений наших дураков; не вносит в их жилы струю северной крови; не затрагивает их клановую обособленность; не разлучает отца с сыновьями, брата с сестрой; и даже если вы решите поселиться здесь, осесть, они знают, что на выборах у них всегда будет против вас пять голосов к одному! Но дайте только этим самым дуракам понять, что вы ухаживаете за девушкой-южанкой, которая в войну была сторонницей Союза, за девушкой, которая смеялась над их глупостью; дайте им только *подумать*, что северянин метит через эту девушку завязать родственные связи и зарится на ее владения, и все дурачье ополчится против вас, потому что все они от мала до велика убеждены, что спасение Юга в его изоляции. Они все до единого станут топить ваш Синдикат и ваш капитал; загубят благополучие Редлендза на четыре года вперед и будут считать, что делают правое дело! Они с самого начала взяли вас на подозрение! Они взяли вас на подозрение, когда вы никуда не стали ездить, а все вертелись вокруг вашей плантации и вокруг меня. Вот почему я вам посоветовала показываться иногда среди других девиц; никто не стал бы возражать, если бы вы принялись ухаживать за ними и Лимпи Моррис или Тэви Рид разбили бы вам сердце! Глупцы! Они по дурости своей воображают, что если девушка-южанка натянет нос северянину, то это вознаградит их за проигранное сражение или разоренную плантацию!

В первый раз мисс Салли увидела, как у Кортленда его спокойная кровь прилила к щекам и зажгла его глаза.

— Вы, конечно, не ждете от меня, что я потерплю их слепое и дерзкое вмешательство! — сказал он, вставая.

Она подняла в осуждение ту руку, что осталась без перчатки.

— Тише, полковник, сидите. Вы были солдатом и знаете, что такое долг. Так! В чем ваш долг перед компанией?

— Он не затрагивает моих частных дел и не управляет биением моего сердца. Я уволюсь.

— И бросите меня, и тетю Миранду, и плантацию?

— Нет! Компания подыщет другого управляющего, который будет присматривать за делами вашей тетушки и проводить наши планы. А вы, Салли... вы разрешите мне найти для вас и дом и средства на Севере? Там хватит для

меня работы; там, среди моего народа, хватит места для вас.

Она медленно покачала головой с нежной, но гордой улыбкой.

— Нет, полковник! Я не верила в войну, но не уклонилась от того немногого, что было в моих силах: оставаться со своим народом и разделить наказание, которое, я знала, постигнет его. Я не меньше, чем вы, презираю его дурь, его предрассудки, но я не могу бежать от него. Хорошо, полковник, я не прошу вас забыть. Более того: я верю, что вы мне это предложили от всего сердца, но вы должны пообещать, что больше никогда не заговорите об этом, пока вы еще не бросили компанию, и тетю Миранду, и меня! Между нами не должно быть больше ничего и не должно *казаться*, что есть.

— Значит, я все же могу надеяться? — сказал он, жадно схватив ее руку.

— Я ничего не обещаю, потому что у вас не должно быть даже и такого извинения, чтобы заговорить об этом вновь; и не ищите повода к тому, как бы я себя не повела — на деле или по видимости.— Она замолчала, высвободила свою руку, тогда как ее глаза вдруг остановились на чем-то вдалеке.— Сюда идет мистер Чэмпи. Верно, хочет посмотреть, цел ли венок.

Кортленд быстро поднял взгляд. Прямо над миртовыми кустами, вдоль дорожки, пересекающей главную аллею, плыла соломенная шляпа англичанина. Легкая тень набежала на его лицо.

— Позвольте мне выяснить еще одну вещь,— сказал он поспешно.— Я знаю, что не вправе задавать такой вопрос, но все же — мистер Чэмпи... имеет... имеет какое-нибудь касательство к вашему решению?

Она улыбнулась ясной улыбкой.

— Вы недавно спрашивали, могу ли я предоставить вам тот же шанс, что ему и Чету Бруксу. Так вот, бедный Чет погиб, а мистер Чэмпи... что ж! Подождите и вы увидите сами.— Повысив голос, она позвала: — Мистер Чэмпи!

Молодой человек живо подошел к ним; когда он узнал ее спутника, его лицо отразило некоторое удивление, но никак не беспокойство.

— Ах, мистер Чэмпи! — жалобно сказала мисс Салли.— Я обронила перчатку где-то около могилы бедного Брукса, там внизу. Не сходите ли вы за ней? А потом вер-

нетесь сюда и проводите меня домой. Полковнику нужно навестить в больнице своих негров.

Чэмпи приподнял шляпу, приветливо поклонился Кортленду и скрылся под кипарисами на склоне.

— Вы сердитесь,— сказала она, повернувшись к спутнику для объяснения,— но мы и так уже пробыли тут слишком долго, и пусть лучше видят, что я возвращаюсь домой не с вами, а с ним.

— Значит, южный запрет к нему не относится? — сказал Кортленд язвительно.

— Нет. Он англичанин; его отец был известен как друг Конфедерации и скупал хлопковые боны.

Она примолкла, глядя Кортленду в лицо с каким-то озорным нетерпением и чуть надув губы.

— Полковник!

— Мисс Салли.

— Вы сказали, что перед тем, как меня увидеть, вы знали меня три года. Так вот, перед тем, как нам впервые заговорить друг с другом, мы уже встретились однажды.

Кортленд с восхищенным изумлением посмотрел в ее смеющиеся глаза.

— Когда? — спросил он.

— В первый день, как вы приехали! Вы сдвинули лестницу, когда я стояла на карнизе, и я ступила прямо вам на голову. А вы как джентльмен ни разу ни полусловом не упомянули об этом. Я простояла у вас на голове, верно, пять минут.

— Да нет, не так долго,— рассмеялся Кортленд,— насколько я помню.

— Да,— сказала мисс Салли с искоркой в глазах.— Я, южная девчонка, держала под пятой голову презренного северного полковника! Под пятой!

— Пусть же это доставит удовлетворение вашим друзьям.

— Нет. Я хочу принести извинения. Садитесь, полковник.

— Но, мисс Салли...

— Садитесь, живо!

Он послушно присел на край скамьи. Мисс Салли стала рядом.

— Снимите шляпу, сэр.

Он с улыбкой повиновался. Мисс Салли вдруг проскользнула за его спину. Он почувствовал на плечах легкое прикосновение ее маленьких ручек; теплое дуновение про-

шло в корнях его волос, и потом что-то легонько нажало на темя — как будто бы губы ребенка.

Он вскочил на ноги, но еще не успел сделать полный оборот — затруднение, видно, заранее принятое девушкой в расчет, — как было уже поздно! Воздушные шелка хитрой и бессовестной мисс Салли уже вились среди могил и вскоре исчезли в ложбине.

Глава V

Дом, занимаемый управителем «Синдиката Драммонда» в Редлендзе — в прошлом резиденции местного законоведа и мирового судьи, — был невелик, но украшен импозантным портиком с деревянной дорической колоннадой под самую крышу; обращенный к главной улице, портик был сплошь затянут всепобеждающим вьющимся виноградом, а дорожка перед ним была затенена шеренгой широколиственных айлантусов. Переднюю комнату со стеклянными дверями в портик полковник Кортленд отвел под контору; за нею расположились гостиная и столовая, смотревшие окнами в старозаветный сад с отдельной кухней в нем и непременно негритянской хижинкой. Был душный вечер; темные облака тянулись в сторону большой дороги, но листья айлантусов висли тяжело и неподвижно в тишине надвигающейся грозы. Лениво реющие искры светляков мягко загорались и гасли во мраке черной листвы или с темной глубине конторы, где стеклянные двери стояли раскрытые настежь и где Кортленд погасил огни, когда, ища прохлады, вынес кресло в портик. Одна искра за забором, то загораясь, то бледнея, держалась все так же настойчиво и неизменно, что Кортленд наклонился вперед, желая присмотреться к ней поближе, после чего она исчезла, и голос с улицы произнес:

— Это вы, Кортленд?

— Я. Заходите, прошу.

Голос принадлежал Чэмпи, а огонек был от его сигары. Пока он открывал калитку и неторопливо поднимался по ступеням партика, его обычное, свойственное всей его манере колебание как будто еще возросло. Протяжный вздох всколыхнул вислые листья айлантусов и так же быстро унялся. Несколько тяжелых капель прямого дождя шумно сорвались и расплескались сквозь листву расплавленным свинцом.

— Вы как раз успели до ливня, — любезно сказал Корт-

ленд. Он не виделся с Чэмпни с того часа, как они простились на кладбище шесть недель назад.

— Да!.. Я... я хотел поговорить с вами кое о чем, Кортленд,— сказал Чэмпни. С минуту он колебался перед предложенным креслом, потом добавил, бросив осторожный взгляд на улицу: — Может, лучше пройдем в комнаты?

— Как вам угодно. Но там будет слишком душно. Мы здесь совершенно одни; в доме нет никого, а ливень живо прогонит с улицы всех зевак.— Он говорил с полной искренностью, хотя их взаимные отношения в связи с мисс Салли все еще не определились и едва ли могли располагать к доверию.

Как бы там ни было, Чэмпни сел в предложенное ему кресло и не отклонил стакан брэнди с мятой, принесенный ему Кортлендом.

— Помните, я вам рассказывал о Дюмоне? — начал он.— О кузене мисс Даус — из этих ее, понимаете, французских родичей. Так он... он приезжает сюда: у него есть здесь недвижимость — те три дома напротив суда. Как я слышал, он приезжает, набравшись новомодных французских идей по негритянскому вопросу... всякого вздора на счет, понимаете, равенства и братства, и высшего образования для них, и высших должностей. Вы знаете, какое здесь настроение уже и сейчас? Знаете, что происходило на последних выборах в Кулиджвилле — как белые не подпустили негров к урнам и какая там заварилась драка? Так вот, похоже на то, что такая же вещь может, понимаете, произойти и здесь, если мисс Даус примет те же взгляды.

— Но у меня есть основания думать,— возразил Кортленд,— то есть, я полагаю, каждый, кто знаком с образом мыслей мисс Даус, должен знать, что она далека от таких взглядов. С чего же она вдруг примет их?

— Потому что она примет его,— поспешил с ответом Чэмпни.— И если даже она сама не верит в них, ей придется разделить с ним ответственность в глазах каждого «неперестроившегося» буйла вроде Тома Хигби и прочих. Они все равно расправятся с ее неграми.

— Но я не вижу, почему она должна нести ответственность за воззрения своего кузена, и мне не совсем ясно, в каком смысле сказано ваше «она примет его»,— спокойно ответил Кортленд.

Чэмпни с нервным смешком смочил в коньяке свои пересохшие губы.

— Ну, скажем, в качестве супруга, потому что его возвращение не означает ничего другого. Это знают все; вы

тоже знали бы, если бы хоть раз поговорили с нею о чем-нибудь, кроме как о делах.

Яркая вспышка молнии, озарив лица двух мужчин, показала бы им, как у Чэмпни лицо залилось краской и как побелело у Кортленда, если бы они глядели друг на друга. Но они не глядели, а последовавший долгий с подхватами раскат грома помешал Кортленду дать внятный ответ и укрыл его волнение.

Потому что, хоть он и не вполне поверил новости, для него было жестоким ударом услышать ее из уст молодого человека. Он уважал желания мисс Салли и после того разговора на кладбище, честно — хотя не безнадежно — воздерживался от какого бы то ни было выявления своей любви. Но если его прирожденная правдивость и чувство чести не восставали против ее очевидного двуличия с Чэмпни, он не находил оправдания своему молчаливому соучастию в обмане и сокрытии от возможного соперника собственных притязаний. Правда, мисс Салли запретила ему выйти с поднятым забралом против всех искателей ее руки, но невинная уверенность Чэмпни в его безразличии к ней и, как следствие, его доверчивая полуютковенность делали сообщения англичанина вдвойне неприятными. Выпутаться он мог, по-видимому, лишь одним путем — путем ссоры. Верить ли рассказу Чэмпни или не верить, были ли здесь только ревнивые страхи соперника, или мисс Салли и впрямь обманывала их обоих, — терпеть такое положение Кортленд дальше не желал.

— Я должен вам напомнить, Чэмпни, — сказал он с ледяной вразумительностью, — что в настоящий момент мисс Миранда Даус и ее племянница представляют наравне со мною компанию Драммонда, и вы не можете ждать от меня, что я стану выслушивать какие-либо замечания насчет того, как им угодно, сейчас или в дальнейшем, вести дела компании на доверенной им плантации. Еще менее того я склонен обсуждать пустые слухи, которые могут иметь касательство только к частным интересам этих дам, в каковые ни вы, ни я не имеем права вмешиваться.

Но молодой англичанин обладал той же неодолимой наивностью, что и мисс Салли, и такой же обезоруживающей.

— Конечно, права я, понимаете ли, не имею, — сказал он, запросто отменяя строгую преамбулу собеседника, — но... ей-богу, провались оно все! Если человек и не надеется сам на успех, он все же не станет спокойно смотреть, как девушка отдает свою судьбу и свою собственность в руки такого человека.

— Минуту, Чэмпни! — сказал Кортленд, отбросил перед простотою гостя свой прежний тон превосходства. — Вы ска-

зали, что не надеетесь на успех. Не должен ли я понять это в том смысле, что вы открыто ищете руки мисс Даус?

— Д-да-а,— отвечал юноша с колебанием, но не уклончивым, а скорее совестливым.— То есть... я, вы знаете, *искал*. Но видите ли, это невозможно. Понимаете, никак нельзя было. Как только бы ее соседи с их клановыми понятиями — вся эта свора южан — заподозрили, что за мисс Салли ухаживает, понимаете ли, англичанин — браконьер в их заповеднике,— тут бы конец и ее положению и ее влиянию на них. Скажу вам прямо, это одна из причин, почему я бросил службу в компании и приобрел ту плантацию по соседству. Но и это не спасает; у них уже возникли подозрения.

— Мисс Даус выставила это основанием, отклоняя ваше искательство? — спросил с расстановкой Кортленд.

— Да. Вы знаете девушку, какая она прямая. Она не стала нести чепуху, что это-де для нее «так неожиданно!», что она-де «готова быть моей сестрой» и все такое. Она — ей-богу же! — всегда с вами больше, как сестра, чем как девица, за которой вы ухаживаете. Для меня, конечно, это было очень нелегко, но мне так думается, что в общем-то она права.— Он помолчал, потом добавил с какою-то мягкой настойчивостью: — А вы? Разве вы не считаете, что в общем она права?

Для Кортленда, при том, что творилось в его душе, этот вопрос прозвучал такой обидной насмешкой, что сперва он со злобой наклонился вперед, бессознательно пытаясь уловить в темноте выражение лица собеседника.

— Я не решился бы тут высказать свое мнение,— начал он, немного выждав.— Мисс Даус оказалась в очень необычных отношениях со своими соседями. И, судя по тому, что вы мне сообщили про этого кузена, едва ли можно полагаться на ее желание сохранять с ними мир.

— Я понимаю, ни в чем ее не виню,— заспешил Чэмпи,— не такой я низкий скотина; я бы и вовсе не стал говорить о своих делах, но вы, понимаете, сами спросили. Я только думал, если она готова наделать себе бед с этим французом, то хорошо бы вам поговорить с ней — вас она послушает, потому что будет знать, что вы руководитесь только деловыми соображениями. Да тут и в самом деле деловые, понимаете, соображения. Я не думаю, чтобы вы высоко ставили мои деловые способности, полковник, и вы, наверно, не слишком доверяете моему суду — особенно теперь; но я живу здесь дольше вашего и... — он слегка понизил голос и подтянул свое кресло поближе к Кортленду,— не нравится мне здесь положение вещей. Эти мерзав-

цы подготовили втихую какую-то чертовщину. Они только выжидают случая; довольно будет первой вспышки, и все они пойдут разжигать пожар — даром что огонь и без них давно уже тлеет, как искра в кипе хлопка. Я бы давно порвал тут со всем и уехал, когда б не думал, что мисс Даус будет еще труднее, если бросить ее тут совсем одну.

— Вы славный малый, Чэмпни,— сказал Кортленд, в неожиданном порыве положив руку на плечо молодому человеку,— и я вам прощаю, что вы не замечаете, как я сам озабочен. С вашей стороны,— продолжал он со странной серьезностью, чуть не со вздохом,— это только естественно. Все же я должен напомнить, что Даусы, строго говоря, остались здесь на положении приказчиков и арендаторов представляемой мною компании, и, пока я здесь, никто со стороны не может оспаривать их права или мешать им заводить свои порядки на арендованной ими земле. Однако я не вправе,— добавил он веско.— препятствовать мисс Даус, когда ей угодно ставить дело под угрозу из-за своих отношений с людьми...

Чэмпни поднялся и неловко пожал ему руку.

— Дождь как будто перестал,— сказал он,— и я поплечусь, пока он не зарядил опять. Спокойной ночи! Надеюсь... вы не ругаете меня, что я пришел к вам с этим... нет? Ей-богу! Мне показалось сперва, что вы предпочли бы остаться в стороне. Но вы поняли, о чем я беспокоюсь?

— Вполне. Я вам только благодарен.— Они снова пожали друг другу руки. Чэмпни вышел из портика и, пройдя до ворот, казалось, исчез во мраке, как перед тем возник из него.

Гроза, однако не миновала; в воздухе опять стало парко и душно. Кортленд сидел в своем кресле и раздумывал. Мог он или не мог принять новость Чэмпни как чистую правду, он чувствовал, что должен немедленно покончить с неизвестностью. Виноватое сознание, что он оценивает ее больше в плане своих чувств, нежели долга своего перед компанией, не придавало приятности его размышлениям. Однако, хоть и трудно было примирить уверения мисс Салли там, на кладбище, будто здешний народ спокойно смотрел бы на домогательство англичанина, с признанием самого англичанина о том, под каким предлогом она их отклонила,— Кортленда, боюсь, не очень возмущала эта своеобразная этика. Влюбленный редко ставит любимой в вину, что она обманула его соперника, и так же бывает не склонен делать отсюда логический вывод, что она не постесняется обмануть и его, как был не склонен Отелло принять предостережения Брабанцо. Мужское чувство чести,

которое, возможно, отвергло бы дружбу мужчины, способного на такое предательство, не колеблясь, примет при тех же условиях женскую любовь. Может быть, в этой нашей готовности снять с любимой нравственную ответственность перед всеми, кроме одного, скрыта тонкая лесть, на которую так падки женщины.

Поглощенный этими невеселыми мыслями, Кортленд вдруг поднял голову и прислушался.

— Ты, Катон?

— Да, сэр.

У заднего крыльца, а затем в прихожей послышались тяжелые шаги, и вскоре в темном проеме двери вырисовалась еще более темная фигура. Это был главный надсмотрщик — сильный и величественный негр, избранный в начальники своими же товарищами, освобожденными невольниками, из их собственной среды в согласии с кортлендовским новым режимом.

— Ты с плантации или из города?

— Из города, сэр.

— Я думаю, на ближайшее время вам не следует показываться в городе по вечерам,— сказал Кортленд тоном спокойного, но решительного приказания.

— А что, разве опять будут вводить «перетрули»¹, сэр? — спросил с усмешкой негр.

— Не знаю,— так же спокойно ответил Кортленд, не обращая внимания на задиристую манеру надсмотрщика.— Но если введут, вам придется подчиниться местным постановлениям, коль скоро они не идут вразрез с федеральными законами, в случае чего вам предоставляется возможность обратиться с протестом к федеральным властям. Я бы вам посоветовал самым избегать неприятностей, покуда ваше положение небезопасно.

— Полагаю, они не посмеют сыграть со мной какую-нибудь штуку,— сказал негр со смешком.

Кортленд внимательно посмотрел на него.

— Так я и думал! Ты прихватил оружие, Катон! Дай-ка сюда.

Надсмотрщик секунду поколебался, потом отстегнул от пояса револьвер и протянул Кортленду.

¹ То есть «патрули» — дозоры местной полиции, раньше, проводившие слежку за рабами. (Примеч. автора.)

— И многие из вас взяли привычку расхаживать по городу с оружием?

— Только те, кто уже терпел обиду, сэр.

— А ты какую обиду потерпел?

— Масса Том Хигби, там на рынке, сказал, что негры зазнались и самое время загнать их в болото, ну а я объяснил, что бездельникам и нищим лучше сидеть смиренно на своем шестке, когда кругом трудовой народ, а масса Том сказал, что вырежет мне сердце из груди.

— И ты думаешь, что, расхаживая с револьвером, ты помешаешь ему с друзьями совершить над тобой эту операцию, когда ты их раздразишь?

— Вы говорили, мы сами, сэр, должны себя защищать! — угрюмо возразил негр. — Для чего тогда вы обучаете нас в арсенале стрелять из винтовки?

— Для того, чтобы вы защищались все вместе, в строю, если на вас нападут, а не грозились бы оружием каждый порознь в уличной драке. Все вместе вы еще можете выстоять против этих людей, а поодиночке они вас всех съедят живьем, Катон.

— На иного из этих наших негров я бы и в строю не очень положился, сэр, — мрачно сказал Катон. — Они как увидят старых хозяев, так сразу наутек, если не перебегут прямо к ним. Уж это верно!

Такие опасения и раньше приходили Кортленду на ум, но сейчас он не стал о них распространяться.

— Я вчера в хижинах у наших людей нашел две учебные винтовки, — продолжал он спокойно. — Последни, чтобы этого больше не было! Нельзя выносить оружие из арсенала иначе, как для его обороны.

— Слушаю, сэр.

Была минута тишины. Потом ее нарушил вдруг налетевший вихрь, пронесшись сквозь строй колонн и разволновав виноград. Зашуршали широкие листья айлантуса; раздался сердитый дробный стук: опять полил дождь. А когда Кортленд встал и подошел к распахнутой двери, ее темные окна и всю контору, за ней озарила вспышка новой молнии.

Он вошел в контору, приглашая за собой Катона, и зажег лампу над письменным столом. Негр угрюмо, но почтительно стоял в дверях.

— Катон, ты что-нибудь знаешь о мистере Дюмоне, двоюродном брате мисс Даус?

Белые зубы негра сверкнули при свете лампы.

— Эге! Еще бы, сэр!

— Он вправду большой друг твоего народа?

— Про это, сэр, я ничего не знаю. Но он великий враг Ридам и Хигби.

— Из-за своих убеждений, конечно?

— Да нет! — сказал Катон с недоумением на лице. — Просто по вендетте.

— По вендетте?

— Да, сэр. По старой кровной ссоре между их семьями. Она тянется, сэр, пятьдесят лет. Деда, и отца, и братьев Хигби убили дед, и отец, и братья Дюмонов. Риды вмешались, когда перебили всех Хигби, потому что они им родственники; а тех пошли стрелять Даусы, которые близкая родня Дюмонам.

— Как, и Даусы втянулись в вендетту?

— Нет, сэр. Теперь уже нет. У них, когда умер отец мисс Салли, не осталось в семье ни одного мужчины — так что Даусы вышли из счета навсегда. Последний выстрел дал масса Джек Дюмон, — он пристрелил масса Джо Хигби, брата Тома Хигби, а потом удрал в Европу. Он, говорят воротился и прячется где-то в Атланте. Здесь пойдет веселое житье, если он приедет погостить к мисс Салли.

— Но он мог изменить свои взгляды, пожив за границей! Там на такие вещи смотрят, как на простое убийство.

Негр строго покачал головой.

— Тогда бы он не приехал, сэр. Нет, сэр. Он же знает, что Том Хигби должен непременно или выйти на него, или убратся вон. Да и сам он, масса Джек, верно, будет рад хлопнуть его, как раньше его брата, потому что Дюмоны еще не сравняли счет. А масса Джек не лентяй поиграть охотничьим ружьем.

Кортленд столько наслышался об этих пережитках варварского беззакония, что в другое время угроза столкновения с ними, наверно бы, и сама по себе произвела на него впечатление. Но сейчас она его взволновала только тем, что было непонятно, какую роль играла здесь мисс Салли. Сама ли она подготовила возвращение своего отчаянного сородича или должна была стать лишь безвинной жертвой обстоятельств?

Белая, слепящая, ошеломительная вспышка молнии вдруг зажгла комнату, портик, роняющие капель айлантусы и затопленную улицу за ними. Вслед за молнией сразу разразился гром, а за ним, как показалось, вспыхнула вторая, более слабая молния — или скорее как будто бы от первой молнии вдруг воспламенилось какое-то горючее вещество. Дом еще

трясло от долгого громового раската, когда Кортленд быстро проскользнул в стеклянную дверь и прошел к воротам.

— Ударило во что-нибудь, сэр? — сказал в испуге негр, когда Кортленд вернулся.

— Нет, насколько я вижу, — коротко ответил его наниматель. — Пройди в сад, позови из хижины Зою с дочкой и жди меня с ними в прихожей. Я сейчас к вам выйду. Иди! Двери я закрою сам.

— Все-таки, сэр, во что-то ударило! Сильно пахнет серой где-то рядом, — сказал негр, выходя из комнаты.

Кортленд подумал то же, но этот запах серы он слышал не раз и раньше — на поле боя. Как только за надсмотрщиком закрылась дверь, он подошел с лампой к противоположной стене и тщательно ее осмотрел.

Там было четкое отверстие, выбитое пулей, которая пролетела на дюйм от головы Катона, когда он стоял в дверях.

Глава VI

К Кортленду мгновенно вернулось все его самообладание. Всепоглощающей страсти — только сейчас он понял, насколько она поглощала его, — как не было! Вернулась ясность зрения, не помрачаемого больше чувством. Он видел все в надлежащих соотношениях: свой долг, плантацию, беспомощных освобожденных невольников, которым грозит незаконная расправа; двух женщин — не дразнящее видение, как раньше, а лишь одну из частных вставшей перед ним задачи. Он их видел не сквозь преломляющий туман нежности или пристрастия, а на их правильном месте — как должно видеть человеку действия.

Выстрел был нацелен, несомненно, в Катона. Если даже это было делом только личной мести, оно выдавало уверенность незадачливого убийцы в своей безопасности, а это говорило о наличии соучастников и разработанного плана. Стрелявший воспользовался грозой, вспышкой молнии и долгим громовым раскатом (прием, неизвестный стрелкам-партизанам), чтобы его трудно было немедленно распознать. Но нападение могло быть только одиночным актом, могло быть и началом большого налета на синдикатских негров-батраков. Если первое — он, Кортленд, может защитить Катона от нового покушения,

продержав его в своей конторе, покуда не представится возможность переправить его в безопасное место; если второе — он должен немедленно собрать негров в их новом поселке и взять с собой Катона. Поселок находится в полумиле от усадьбы Даусов, то есть в двух милях отсюда.

Он сел и написал несколько строк мисс Даус, сообщая, что ввиду грозящих беспорядков в городе он советует придержать негров в их поселке, куда вскоре прибудет и сам. Он отправляет к ней свою экономку с дочкой, так как им обоим лучше пересидеть в надежном укрытии, пока он не вернется в город. Записку он отдал Зое, наказав ей пройти напрямик — задним садом и полем. Потом повернулся к Катону.

— Я сегодня же ночью пойду с тобой в поселок, — сказал он невозмутимо, — и ты можешь сам отнести свой револьвер в арсенал. — Он вручил ему оружие. Негр принял его с благодарностью, но вдруг поднял на своего нанимателя пытливый взгляд. В лице Кортленда, однако, не заметно было перемены. Когда Зоя ушла, он спокойно добавил:

— Мы пойдем кружной дорогой, через лес. — И когда негр вздрогнул, он продолжал в том же тоне: — Запах серы, Катон, который ты слышал сейчас, был от дыма из ружья, стрелявшего в тебя с улицы. Я не хочу, чтобы выстрел повторился при тех же преимуществах для противника.

Негр сильно взволновался.

— Это он, подлая собака, Том Хигби! — прохрипел он. Кортленд посмотрел на него острым взглядом.

— Значит, между ним и тобой было кое-что, кроме слов, Катон. Что произошло? Говори!

— Он меня полоснул хлыстом, а я дал ему раз как следует по уху и сбил его с ног, — сказал Катон, расхрабрившись от злости при этом воспоминании. — Я был вправе защищаться, сэр.

— Да. И я надеюсь, что теперь ты сможешь защищаться, — спокойно сказал Кортленд, ничем не выдавая своей уверенности, что этой единственной справедливой пощечинной судьба Катона была неотвратимо решена, — но в поселке тебе будет безопасней. — Он прошел в спальню, взял с ночного столика револьвер и деринджер¹ из ящика комода, быстро спрятал то и другое под наглухо застегнутый сюртук и вернулся в контору.

— Когда мы выйдем в открытое поле, держись побли-

¹ *Крупного калибра пистолет американского образца.*

же ко мне, даже старайся идти со мной точно в ногу. Если хочешь что-нибудь сказать, говори сейчас; никаких разговоров в пути, чтобы нам не выдать, где мы; мы пойдем молча, и тебе хватит работы для глаз и ушей. Я тебя прикрою при любом нападении, но от тебя я жду одного: что ты будешь беспрекословно повиноваться приказам.— Он открыл дверь заднего подъезда, кивнул Катону выйти первым, запер за собою дверь и, взяв негра под руку, прошел с ним вдоль невысокой ограды в конец сада, где они перелезли через плетень и оказались среди открытого поля.

Стало, к несчастью, светлей, потому что тучи начинали расходиться и бледные отсветы месяца, пробиваясь, бегали по полю вперегонки или вдруг высекали блески в стоящих между буграми лужах. Самая близкая дорога к поселку вела через открытое поле прямо к опушке леса, но сейчас она была и самой небезопасной; пробираться живою изгородью до конца поля, а там свернуть под прямым углом и пойти вдоль межевого забора, все время держась в его тени, было бы вернее, но тогда они упустили бы драгоценное время. Полагая, что мстительный недруг Катона со своими товарищами еще караулит поблизости, Кортленд быстро обежал глазами тянущуюся рядом длинной тенью живую изгородь. Вдруг Катон дернул его за рукав и указал в ту же сторону, туда, где поле пересекал примеченный им самим межевой забор — простой частокол. Так как месяц стоял совсем низко по ту его сторону, он смотрелся сплошной черной тенью, прерываемой яркими серебряными прозорами, и эти серебряные полосы на черном фоне обозначили лежавшее за ним поле в лунном свете. Кортленд сперва ничего не увидел. Потом его поразило, что прозоры попеременно и равномерно затемняются, как если бы за ними передвигался какой-то непрозрачный предмет. С той стороны частокола проходила вдоль него вереница людей — хотели, видно, держась в его тени, пересечь поле и подобраться к дому. Грубый расчет — по мельканию затемнений — показал, что там их было человек двенадцать, если не пятнадцать.

Он больше не мог сомневаться в их намерениях и не раздумывал о том, как их должно встретить. Он немедленно пройдет с Катоном к негритянскому поселку, даже если для этого нужно пересечь это открытое поле. Он знал, что они поостерегутся затронуть лично его, страшась возможных неприятностей с федеральными властями, политических осложнений; и он решил, используя этот страх, обеспечить неприкосновенность Катону. Положив руки на пле-

чи негра, он, подталкивая, повел его перед собой, а сам шел вплотную за ним, так что даже самому меткому стрелку было невозможно стрелять в одного, не подвергая опасности жизнь другого. Когда они так дошли до середины поля, он заметил, что тени за прозорами в частоколе остановились. Наверно, люди из своей засады увидели двойной силуэт, поняли, что это такое, и, как он и ожидал, не решились стрелять. Он благополучно дошел с Катонем до первого края поля, успев, однако, углядеть, что роковые тени снова задвигались вдоль частокола, но теперь уже в одном направлении с ними. Очевидно, они намеревались их преследовать. Но здесь, в лесу, Кортленд знал, шансы были равны. Он вздохнул свободней. Катон, уже не такой напуганный, начал даже выказывать кое-что от прежней своей пылкой воинственности, что Кортленд, однако, сразу пресек. Хоть он и не слишком рассчитывал на доблесть своего товарища в случае крайности, он все же мог теперь надеяться, что приведет его в поселок живым и невредимым.

К тому же поневоле пришлось положиться на его знание местности и лесное чутье. Поэтому Кортленд, все еще держась между ним и преследователями и прикрывая его с тыла, предоставил ему выбирать дорогу. Она теперь повела их немного под уклон; поредевший подлесок вскоре и вовсе исчез, под ногами был только зыбкий мох. Деревья пошли другие, мрак словно бы сгустился от черных стволов кипарисов, вьющийся виноград и мошкара хлестали в лицо, струи сырого воздуха, казалось, текли над самой почвой, по которой их ноги хлюпали, как по лужам. Признаков преследования пока не наблюдалось. Но Кортленд чувствовал, что оно не прекратилось. В самом деле, он едва успел удержать негра от громкого возгласа, когда с открывшейся впереди прогалины до них обоим явственно донесся глухой стук подков. Это был второй отряд преследователей — конный, — высланный, очевидно, затем, чтобы перерезать им дорогу при самом выходе из лесу, тогда как тот, от которого они только что ушли, наверно, по-прежнему медленно и молча следовал за ними пешком. Их хотят зажать между двух огней!

— Что там у нас по левую руку? — быстро шепнул Кортленд.

— Болото.

Кортленд стиснул зубы. Его тупоумный проводник явно завел их обоих в ловушку! Тем не менее решение было

принято мгновенно. Сквозь поредевшие стволы он уже мог видеть в лунном свете фигуры всадников.

— Здесь, видимо, проходит граница плантаций? Это поле, что сразу за лесом, уже наше? — спросил он.

— Да, — подтвердил негр, — но наш поселок еще в миле отсюда.

— Хорошо! Стой здесь, пока я не вернусь и не кликну тебя; я пройду вперед и поговорю с этими людьми. Но если тебе дорога жизнь, молчи и сам не двигайся с места.

Он быстро прошел сквозь строй заслонявших их деревьев и выступил на лунный свет. Приглушенный возглас приветствовал его, и пять-шесть всадников в масках и с ружьями наизготовку поскакали прямо на него, но он спокойно стоял, поджидая, и когда передний приблизился, он шагнул ему навстречу и крикнул:

— Стой!

Тот резко и машинально осадил коня при звуке этого по-военному повелительного голоса.

— Что вам тут надо? — сказал Кортленд.

— Полагаем, это *наше* дело, полковник.

— Нет, мое, когда вы на земле, где я хозяин. Она входит в собственность, отданную под мой надзор.

Человек в нерешительности оглянулся на своих товарищей.

— Согласен, что вы нас тут застали, полковник, — сказал он наконец с наглой ленцов и сознанием силы, — но я вам прямо скажу, что нам нужен негр, вроде, скажем, вашего Катона. Лично против вас мы ничего не имеем, полковник; вашей собственности мы не касаемся, ни ваших порядков на вашей земле, но мы не привыкли, чтобы чужаки совались в *наши* порядки и *наши* обычаи. Подайте нам вашего негра — вы, северяне, не назовете его «собственностью», не так ли? — и мы уберемся с вашей земли.

— А могу я вас спросить, что вам нужно от Катона? — спокойно сказал Кортленд.

— Показать ему, что никакие федеральные законы — будь они прокляты! — не защитят его, когда он посмеет тронуть белого человека! — проревела одна из фигур под маской, выехав вперед.

— Тогда вы заставите меня показать вам, — сказал, не дрогнув, Кортленд, — что может сделать любой гражданин федерации в защиту федерального закона. Я пристрелю первого же, кто попытается наложить на этого негра руку на моей земле. Кое-кого из вас, кто пытался хладнокровно убить его,

я встречал и раньше в менее позорных сражениях, чем это, и они знают, способен ли я сдержать свое слово.

С полминуты длилось молчание; на стволе револьвера, который Кортленд держал, прижимая локоть к боку, сверкнул лунный блик, но сам он не двинулся с места. Двое всадников подъезжали к тому, что говорил первым, и они обменялись несколькими словами. Послышался тихий смешок, и говоривший первым опять обратился к нему с насмешливой учтивостью:

— Отлично, полковник, если вы такого мнения, что нам нельзя преследовать нашу дичь на вашей земле, что ж, мы, пожалуй, переложим на тех, *кому можно*. Извините, что мы вас потревожили. До свидания!

Он насмешливо снял перед ним шляпу, потом махнул ею своим спутникам, и секундой позже весь отряд уже бешено неся вскачь по направлению к большой дороге.

В первый раз за этот вечер предчувствие недоброго охватило Кортленда. Угроза неистовой опасности для храброго человека всегда страшней, чем любая схватка с противником, пусть при его подавляющем превосходстве. Он знал чутьем, что они это сказали не из простой бравады — чтобы как-то прикрыть поражение: у них что-то было в запасе, еще какое-то преимущество, дававшее им уверенность, но какое? Были тут просто намек на тот другой, пеший, отряд, который выслеживал их в лесу и на который противник только и рассчитывал теперь? Он поспешно вернулся к Катону; белые зубы безрассудно самонадеянного негра засверкали, торжествуя мнимую победу. У Кортленда сжалось сердце.

— Мы еще не вышли из лесу, Катон,— сказал он сдержанно,— не вышли и они. Будь начеку и держись подле меня. Долго мы еще можем, оставаясь в прикрытии леса, продвигаться к поселку?

— Есть кружная дорога краем болота, сэр, только чтобы ее найти, надо будет пройти немного назад.

— Пошли!

— И там кругом под ногами змеи-мокасинки и медные головки! На нас-то они не кидаются... а вот...— он замаялся,— белому человеку лучше от них подальше.

— Хорошо! Значит, для тех, кто за нами гонится, это будет так же опасно, как и для меня. Отлично. Веди.

Они осторожно пошли вспять по своему следу, потом негр свернул в сторону, туда, где было заметно светлей. От влажных листьев и мха, захлопавшего под ногами, потянуло, казалось, чем-то ядовитым. Несколько минут они

пробирались здесь молча; низкорослые ивы и кипарисы стояли все более разбросанно, и часто открывались перед глазами заросли осоки. Кортленд начал опасаться, не слишком ли на виду его спутник, и пошел с ним бок о бок, как вдруг негр схватил его за локоть и весь затрясся. Губы раздвинулись над зубами, белки глаз блестели, он, казалось, задыхался и онемел от страха.

— В чем дело, Катон? — сказал Кортленд, инстинктивно глянув под ноги. — Говори же!.. Укус?

Это слово как будто вырвало у несчастного крик смертельной муки.

— Укус? Нет. Но как же вы не слышите, они бегут, сэр! Боже всемогущий! Не слышите?

— Чего?

— Собаки! Собаки!.. Ищейки! Они их спустили на меня.

Так и было! Уже и Кортленд расслышал вдалеке слабый, но отчетливый лай. Теперь он ясно понял весь жестокий смысл сказанного вожаком: те, кому можно проходить везде, гнались за своею дичью!

Мужество окончательно покинуло негра, он весь съежился. Кортленд успокоительно положил руку ему на плечо, потом подтолкнул его и наконец яростно затряс.

— Перестань! Довольно! Я здесь и буду стоять за тебя, что бы ни случилось. Эти собаки не страшней других. Не унывай же, парень, и хоть мне-то помоги драться!

— Нет! Нет! — простонал тот в ужасе. — Пустите меня! Пустите меня назад, к хозяевам! Скажите им, что я иду! Скажите, пусть отзовут собак, и я сам смиренно приду! Пустите! — Он вырывался изо всех сил, но спутник держал его крепко.

В Кортленде под всем его самообладанием, привычным хладнокровием и самодисциплиной, боюсь, еще жило нечто от неистового нрава древних скандинавских воителей. Лицо его побелело, глаза пылали в темноте; только голос сохранил ровную четкость, от которой его слова прозвучали для негра еще страшней, чем лай и гон собак.

— Катон, — сказал он, — попробуй сейчас побежать, и, ей-богу, я избавлю собак от труда вцепиться в твое живое тело! Мигом! На это дерево! — Он указал на болотную магнолию. — Не двигайся, пока я стою на ногах, и когда я упаду, но не раньше того, спасайся... как только сможешь.

Не так подерживая, как волоча, он подвел совсем обмякшего африканца к одиночному дереву; когда лай одной из собак стал слышен ближе, негр в судороге с колена и плеча Кортленда взобрался на первые ветви в двенадцати

футах над землей. Кортленд выхватил револьвер и, отступив по поляне на несколько шагов, ждал нападения.

Оно произошло неожиданно сзади. Внезапный вой за его спиною, полный душащей злобы и яростного предвкушения, заставил Кортленда мгновенно переменить фронт, и мимо него пронеслись роняющие пену клыки и змеиная, удавоподобная шея серой ведьминской тени. Непостижимый, сверхъестественный инстинкт безошибочно влек ее прямо к роковому дереву. Но эта грозная прямота чутья сыграла на руку Кортленду. Его револьвер выпалил в цель так же безошибочно. Собака с простреленной шеей и черепом в своем наскоке взметнулась на дерево и, перевернувшись, скатилась по стволу содрогающимся клубком. Снова оттуда же доносится лай, показывая Кортленду, что преследователи зашли ему во фланг; и вот уже вся свора несется наперерез по болоту. Но он начеку; снова ведьминская тень, призрачная и чудовищная, как в кошмаре, выметнулась в четкий свет поляны, но на этот раз она была остановлена и покатила в судороге, не достигнув корней магнолии. Раскрасневшийся; с огнем борьбы в крови, Кортленд чуть не в злобе отвернулся от лежавших у его ног собак, чтобы встретить нападение более трусливых охотниц, которые, он знал, не оставят след. В это мгновение той, что вырвалась бы вперед, пришлось бы круто. Уже не прежний расчетливый экономист и дипломатичный управитель, не трезвый оценщик противоречивых интересов — он приготовился встретить их не только с бесстрашием привычного солдата, но и с пробужденной яростью борца за свое дело, равной ярости всей их своры. К его удивлению, больше ни одна не налетела; лай третьей собаки оборвался и смолк — наверно, по приказу, тишину нарушал только звук далеких спорящих голосов и неровный топот копыт. Затем раздались вдалеке два или три ружейных выстрела, но не со стороны негритянского поселка и не от усадьбы Даусов. Очевидно, погоня была чем-то пресечена — что-то отвлекло преследователей, какая-то диверсия, но какая, Кортленд не знал. Он не представлял себе, кто бы мог вмешаться, чтобы подать ему помощь, а крики и спор продолжались, но как будто были слышны голоса только одной из сторон. Он осторожно окликнул Катона. Негр не ответил. Он подошел к дереву, потряс его в нетерпении. В ветвях было пусто. Катон исчез! Злополучный негр, должно быть, воспользовался первым же благоприятным для него поворотом, чтобы сбежать. Но как и куда, неизвестно, следов не осталось.

Кортленд, когда они шли, не примечал дороги и сейчас совершенно не представлял себе, где он находится. Он знал, что должен вернуться к кипарисовой опушке и оттуда, пересекши открытое поле, добраться до поселка, куда, возможно, побежал Катон. Взяв приблизительное направление по немногим видимым над поляной звездам, он пошел обратно. Но теперь у него не было негра-проводника с его лесным чутьем. Временами ему опутывал ноги вьющийся виноград, казалось, со зловещим предостережением хватавший его за щиколотки; временами уходящая из-под ступни почва указывала на опасную близость трясины и вместе на то обстоятельство, что он, по беспомощному обычаю всех заблудившихся, начинает кружить на месте. К счастью, у болота было виднее, и, выходя к нему, он получил возможность снова выправлять потерянное направление по звездам. Но в таких бесплодных усилиях он озяб и устал; и наконец, сделав еще один более путаный и долгий круг, приведший его опять к болоту, он решил пойти в обход по самому краю его, пока не найдет другого пути. Вдали посветлело, как если бы там тянулась обширная поляна или вырубка, а в одном конце болота появилось на его поверхности какое-то свечение, как будто отблеск *ignis fatui*¹ или сверкание сплошной воды. Сделав еще с полусотни шагов, он подошел к тому месту, и перед ним открылся широкий простор. В одной стороне, далеко за болотом, поднимался, утопал в лунном свете, косогор, исчерченный правильными рядами маленьких белых квадратов, а ниже по склону его, где он спускается в ложбину,— мерцающие обелиски, пирамиды, плиты. Это было кладбище; белые квадраты по косогору — солдатские могилы. И среди них, видная даже на такую даль, торжественно высилась укоряющим призраком разбитая колонна над прахом Честера Брукса.

При виде этого рокового места, где он не был со своей последней встречи там с Салли Даус, поток воспоминаний нахлынул на него. Белый туман, низко нависший над дальним краем болота, представился его воображению тем артиллерийским дымом, откуда три года тому назад налетела на его оружие призрачная фигура мертвого всадника; дымчато-белые султаны траурных растений по кладбищенской длинной аллее напоминали о легкой фигурке мисс Салли, какой она явилась ему при их последней встрече.

¹ *Блуждающего огня (лат.)*

Еще мгновение, и в этом состоянии полузабытья он подпал бы вновь под ее белые чары — столько жизненности было в этом воспоминании; но он тут же злобно оттолкнул его с горькой мыслью о ее обмане и собственной слабости. В суеверном трепете он повернулся спиной к этому месту и попробовал еще раз углубиться в бездорожье чащи. Но он чувствовал, что у него все больше темнеет в глазах и что силы его слабеют. Время от времени он поневоле останавливался, чтобы собраться с ленивыми мыслями, отяжелевшими, казалось, от смертоносных паров, затопивших все вокруг. Он даже как будто слышал знакомые голоса, но должно быть, это только чудилось. Под конец он споткнулся в болотную грязь и, падая, ударил по какому-то дурацкому, точно резиновому, корню, который — должно быть, это тоже только чудилось — задвигался под ним и даже — так было смутно сейчас его сознание — злобно ударил в ответ по его протянутой руке. Острая боль пробежала от локтя к плечу и своим уколом на мгновение полностью привела его в чувство.

Голоса все же были — наверно, голоса их первых преследователей! Если они намерены выместить на нем исчезновение Катона, он готов их встретить. Он взвел курок и встал. За деревьями вспыхнул факел. Но в этот самый миг пелена застелила ему глаза; он пошатнулся и упал.

Наступила полоса беспомощного полусознания. Он почувствовал, как сильные руки подняли его и понесли, а его рука бездейственно свисла. Волглый запах леса вскоре сменился свежим дыханием открытого поля; смолистые чадные факелы погасли при ярком лунном свете. Вокруг толпились фигуры людей, но такие неотчетливые, что он не мог их распознать. Казалось, все его сознание сосредоточилось на жгучей, дергающей боли в руке. Он почувствовал, как его положили на гравий; как разрезали на нем рукав от плеча; ощутил холод ночного воздуха на обнаженной коже, горячий и нарывающий, затем мягкий, холодный и необъяснимый нажим на рану, которого раньше он не ощущал. Послышался голос — высокий, тягуче-раздраженный и знакомый ему, хотя он напрасно старался вспомнить, чей он:

— Го-осподи боже, спаси нас! Да что же делаете, мисс Салли? Деточка, деточка моя! Вы же убьете себя — непременно!

Нажим продолжался, странный и сильный, ощутимый даже сквозь боль, потом прекратился. И голос, пронизавший его трепетом, сказал:

— Это единственное, что его может спасти! Молчи ты,

черная сорока! Оброни только слово об этом хоть одной душе, и я велю тебя высечь! Теперь живо сюда бутылку виски и влить в него!

Глава VII

Когда Кортленд вновь открыл глаза, он лежал у себя в комнате в Редлендзе, и веселое утреннее солнце вдруг загоралось на стене всякий раз, как плотно сдвинутые гардины чуть отдувало вбок свежим ветром. Все случившееся ночью можно было бы принять за сон, если бы мысли не сковала неодолимая вялость и если бы не это онемение в руке, которая лежала перед ним, вспухшая и посеревшая, не под одеялом, а на особой подушке. Время от времени на ней сменяли выжатую в ледяной воде салфетку, и делала это Софи, домоправительница Даусов, которая сидела у него в головах и лениво махала на него веером. Их глаза встретились.

— Перелом? — спросил он, глядя на свою беспомощную руку, но в его голосе прозвучал только намек на былую твердость.

— Ни-ни, полковник! Змея ужалила, — ответила негр-тянка.

— Змея ужалила! — повторил Кортленд с вялым любопытством. — Какая змея?

— Мокасинка или медная головка, кому знать, если вы сами не знаете, какая, — ответила та. — Но теперь все хорошо, золотко мое! Яд отсосали, и его больше нет. А что вас мутит, так это от виски. Виски никуда не уходит, сэр. Оно всасывается в подкожный жир, сэр, и хочешь не хочешь, а приходится его усвоить.

В памяти какая-то струна слабо отозвалась на своеобразный разговор девушки.

— Ага, — с живостью сказал Кортленд, — ты, Софи, от Даусов! Тогда ты мне можешь сказать...

— Ничего, сэр! Абсолютно ничего! — перебила девушка, закачав головой с величавым достоинством представительницы начальства. — Доктор строго запретил! Вы должны лежать, золотко, и глазки закрыть, — добавила она, тотчас бессознательно возвращаясь к прирожденной материнской нежности своего народа, — и не тревожиться, что в школу идти. Доктор ясно сказал, сэр, — заключила она, снова сурово вспомнив долг, — никаких разговоров с пациентом.

Но Кортленд недаром умел покорить любого подчиненного.

— Ответьте мне только на один вопрос, Софи, и больше я вас ни о чем не спрошу. Наш... — он запнулся, все еще не уверенный, было ли действительно — и насколько — все пережиток, — наш... Катон... спасся?

— Если вы об этом вашем наглеце надсмотрщике, полковник, о чернокожем задире, он, будьте покойны, жив-здоров! — резко ответила Софи. — Он еще позавчера прибежал жив-здоров в поселок и нахвастал, что убил ищеек; а вчера утречком перебрался жив-здоров за границу штата, намоллов тут с три короба чуши. Если есть на свете наглый, заносчивый негр, которого я просто презираю, так это ваш черный бык Катон! А теперь (снова мягким тоном) смежите глазки, золотко мое, и не волнуйте себя из-за какой-то черной шкуры; спите себе спокойненько. Больше вы из Софи ни словечка не вытяните, ни-ни!

Как будто послушавшись, Кортленд закрыл глаза. Но как он ни был слаб, он почувствовал, что кровь прилила к его щекам при таком нелестном отзыве Софи о человеке, ради которого он только что рисковал жизнью и положением. В ее оценке, он признавал, было много верного; но так ли уж он оплошал со своей донкихотской защитой вздорного буяна и трусливого хвастуна? Как-никак, выстрел, бесспорно, был, была попытка хладнокровно убить Катона! И были ищейки, высланные по следу несчастного,! Это не сон, это гнусная, непростительная правда!

Практикующий в Редлендзе врач был, он припомнил, человеком старого закала — консерватором и дипломатом. Но он побывал на войне и это расширило круг его симпатий. Кортленд понадеялся, что он осветит ему положение вещей по-солдатски откровенно. Однако доктор Мейнард был прежде всего врачом и, как Софи, соблюдал профессиональную осторожность. Полковнику лучше не разговаривать сейчас об этом. Прошло уже два дня; полковник пролежал в постели без малого двое суток. История, что и говорить, печальная, но она естественное следствие долго накапливавшегося политического и расового раздражения и к тому же спровоцирована весьма существенным поводом! Убийство? Слишком сильно сказано; может ли полковник клятвенно утверждать, что стрелявший действительно метил в Катона? Не стрелял ли он скорее для виду, чтобы припугнуть задире негра? Его, вероятно, нужно было проучить, и, конечно, поживши здесь, полков-

ник успел узнать, что этих людей низшей расы можно учить только страхом. Ищейки? А, да... ищейки, разумеется, тоже входят составною частью в эту благотворную систему обучения. Такой рассудительный человек, как полковник Кортленд, не может, конечно, думать, что и в старые, рабовладельческие дни плантаторы насылали собак на беглых негров с целью покалечить или уничтожить свою же собственность? Тогда бы — чего проще — пусть их убегают! Нет, сэр! Собак применяли только, чтобы припугнуть черномазых и выгнать их из болота, зарослей и других укрытий, потому что ни один негр еще не выстоял против собаки. Катон может врать сколько ему угодно, каждому ясно, кто на самом деле убил собак майора Рида. Никто полковнику не ставит этого в вину — ни даже сам майор Рид, но если бы полковник дольше прожил на Юге, он бы знал, что стрелять их ради самообороны не было нужды, потому что собака никогда не нападает на белого. Но сейчас полковнику ни к чему беспокоиться об этой истории. Он поправляется; он проспал добрых тридцать часов; жара нет, он должен дремать и дальше, чтобы могучие укрепляющие средства не слишком его изнурили, а он, доктор, навестит его еще раз, попозже.

Потому ли, что в этой расслабленности он был не способен уловить весь смысл сказанного врачом, или потому, что физическая оцепенелость мозга была сильнее, чем умственное возбуждение, но он заснул и проспал до нового прихода врача.

— Дело идет на лад, полковник, — сказал доктор после беглого осмотра пациента. — Я думаю, мы разрешим себе прервать на время сон и даже позволим вам подвигать рукой. Вы отделались счастливей, чем бедный Том Хигби, тому добрых три недели нельзя будет ступить на ногу. Я не извлек из нее всю дробь, которую всадил в нее позавчера Джек Дюмон.

Кортленд вздрогнул. Джек Дюмон! Так ведь зовут двоюродного брата Салли Даус, о котором говорил тогда Сэмпи! А он все время так упорно гнал из своей оживающей памяти смутно звучащий в ней голос девушки — последнее, что слышал он в ту ночь, — и связанную с ним, казалось бы, загадку. Но этот кузен, он-то ему не причудился — он его соперник и соперник равно обманутого Чэмпи. Он взял себя в руки и безучастно повторил:

— Джек Дюмон?

— Да. Впрочем, вы, конечно, ничего не поняли, когда вы там вязли в болоте. Но, черт возьми, если бы Дюмон не

подстрелил Хигби, вы бы так легко не вызволили вашего негра: это вам помогло куда больше, чем то, что вы перестреляли собак.

— Не понимаю,— ответил Кортленд все так же безучастно.

— Видите ли, Дюмон (который набрался северных принципов, по-моему, больше в пику всяким Хигби и в угоду Салли Даус, а не по какому-то там убеждению) как раз в ту ночь воротился. Проведал ли он, что тут кое-что затевается, захотел ли покуражиться перед Хигби или заслужить расположение Салли,— никто не знает. Только он налетел прямо на Хигби с его людьми, крикнул: «Если вы вышли на охоту, Том, вот вам случай получить очко!» — по счету, значит, в их старинной ссоре — и берет ружье к плечу. Хигби был не так проворен. Дюмон нажимает курок, Хигби падает, а тот вскачь и наутек! Риды в погоню, чтобы отомстить за Хигби, а за ними целая толпа — посмотреть на потеху, что почище, чем травля негра. Это и позволило вам с Катоном уйти, полковник.

— А Дюмон?

— Примчался прямо в Фоксборо, на станцию, заработал свое очко и предоставив Хигби с Ридами выравнять счет, как сумеют. Вам, северянам, такие вещи не по душе, полковник, но если посмотреть, как он лихо это проделал — хлоп! и ускакал,— так двоюродный братец Салли Даус просто молодец!

Кортленд едва совладал с собой. Доктор прав. Героем этого злосчастного дела оказался ее двоюродный брат... его соперник! И ему — который, может быть, вмешался по просьбе мисс Салли, сжалившейся над обманутым ею человеком,— ему он, Кортленд, обязан жизнью! Он, сам того не заметив, быстро и резко перевел дыхание.

— Вам больно?

— Ничуть. Когда мне можно встать?

— Пожалуй, завтра.

— А как с рукой?

— Ею лучше не работать недельку-другую.— Он замолчал и, отечески посмотрел на молодого человека, добавил мягко, но веско:

— Если вы послушаете моего совета — не врачевного,— полковник Кортленд, вы дадите этой истории тихомирно заглохнуть. Для вас, да и для ваших здешних дел,

нисколько не во вред, что вы показали людям свою храбрость, а черномазый получил такой урок, какой его товарищи не скоро забудут.

— Благодарю вас,— холодно ответил Кортленд.— Но мне кажется, я все же знаю свой долг перед компанией, которую я представляю, и перед правительством, которому служу.

— Возможно, полковник,— спокойно сказал доктор.— Но позвольте человеку постарше напомнить вам и правительству, что вы не можете за несколько лет изменить все привычки и взаимные отношения двух различных рас. Этого и ваш друг мисс Салли Даус никогда не пыталась, хоть она и не во всем разделяет мой образ мыслей.

— Я отлично знаю, что мисс Даус обладает дипломатическим талантом и другими совершенствами, на которые я не могу притязать,— едко возразил Кортленд.

Доктор удивленно поднял брови и перевел разговор на другой предмет.

Когда он простился, Кортленд потребовал письменные принадлежности. Он уже принял решение, и теперь пред ним был только один достойный путь. В письме к президенту компании он дал подробный отчет о последних происшествиях, допуская, что его надсмотрщик сам подал «весьма существенный повод», но при том указывая, что террор со стороны незаконной черни лишает его, Кортленда, возможности внедрять у себя дисциплину. Он настоятельно просит известить о случившемся Вашингтон и добиться принятия мер для защиты освобожденных невольников. Одновременно он просит освободить его от должности, но намерен остаться на посту впредь до назначения ему преемника и обеспечения безопасности всем его служащим. До тех пор он будет действовать на свой страх и ответ. Он никого, в частности, не обвиняет, не называет ничьих имен, он не просит кого-либо преследовать в острастку другим или отдавать преступников под суд, а только требует мер охраны на случай повторения бесчинств. Второе письмо, хоть и не столь формальное и не служебное, написать было трудней. Он обращался в нем к коменданту ближайших федеральных казарм, своему старому другу и бывшему товарищу по оружию. Он напомнил один их прежний разговор, в котором обсуждалось, не следует ли прислать в Редлендз небольшой отряд войск для присутствия в городе во время выборов, против чего, однако, Кортленд тогда возражал из дипломатических соображений. Теперь же он предлагал эту меру в предотвращение общественных бес-

порядков. Запечатав оба письма, он, чтоб уберечь их от шпионского просмотра местным почтмейстером или его сослуживцами, вверил его одному из приверженцев мисс Салли для отправки через другую почтовую контору, в десяти милях от города, на станции Горький Ручей.

На его горе исполнение этого долга вызвало при его физической расслабленности такую реакцию, что он снова оказался во власти своих чувств и воспоминаний. Давно ли он решительно запретил себе думать о мисс Салли; он находил в себе силы воздерживаться от упоминаний о ней в присутствии ее служанки (считая Софи искусной сиделкой и знатоком лечебных трав, она прислала ее для ухода за ним) и на вопросы о здоровье отвечал вежливо-холодным выражением благодарности. Он решил, что и впредь будет по возможности избегать личного общения, если не снимет с него этого запрета деловая необходимость, какая может возникнуть в связи с последними событиями. Она поймет это так, что он только принимает те доводы, какие она выставила, отклоняя его прежнее искательство. Словом, он прибег к той беспомощной логике, посредством которой мужчина доказывает самому себе, что у него нет причин любить такую-то женщину, и при этом сам неоспоримо убеждается, что он ее любит. И среди всех этих рассуждений, он, ослабев, уснул, и ему снилось, что они с мисс Салли гуляют по кладбищу; что среди лилий, над которыми склонилась девушка, укрылась мерзкая змея и поднимает свою треугольную голову, готовая ужалить. Но он схватил змею за шею, и борется, и уже почти совсем изнемог, когда вдруг змея обмякла и съежилась, оставшись в его ладони маленькой скомканной и пахнущей тонкими духами нитяной перчаткой, той самой, которую он когда-то стянул с руки мисс Салли.

Когда он проснулся, запах, казалось, еще носился в воздухе, отличный от свежих, но более привычных ароматов сада, проникающих в окно. Ощущение приятной прохлады приходило с предвечерним ветерком, под которым косые планки шторы чуть подрагивали с сонным жужжанием, похожим на гудение пчелы. Южный закат в своем золотом великолепии разузори́л дешевые обои на стене силуэтами листьев и огненными арабесками. Но не это одно — что-то еще, некое властное воздействие или незримое чье-то присутствие наполняло его покоем, и он не смел пошевелиться, боясь рассеять чары. На кресле в но-

гах его кровати никто не сидел — Софи вышла. Он не поворачивал головы, чтоб поглядеть кругом; но его медленный взгляд бесцельно упал на коврик у кровати, и глаза вдруг широко раскрылись, потому что там, на коврике, покоилась «самая маленькая ножка в штате».

Он оперся на локоть, но легкая рука мягко и все же крепко легла ему на плечо, и с тихим шелестом кисейных юбок мисс Салли поднялась с невидимого кресла у его изголовья и стала рядом.

— Не двигайтесь, полковник, я нарочно села так, чтоб не смотреть вам в лицо,— боялась вас разбудить. Но я сейчас пересяду.— Она подошла к свободному креслу Софи, пододвинула его поближе к кровати и опустилась в него.

— Вы... очень любезны, что пришли,— замялся Кортленд, с усилием отводя глаза от пленительного видения и в какой-то мере вернув себе холодное спокойствие,— но кажется, мою болезнь сильно преувеличивают. Право, я уже настолько здоров, что, если бы доктор разрешил, я мог бы встать и приступить к делам. Завтра я, во всяком случае, вернусь к своим обязанностям и надеюсь быть к вашим услугам.

— Иначе говоря, сейчас, полковник, вы не хотите меня видеть,— сказала она шутливо, с легкой искоркой в умных и нежных глазах.— Я так и думала, но так как мое дело не терпит, я пришла с ним к вам.— Она достала из складок платья письмо. К его большому удивлению, это было одно из тех писем, которые он утром отдал своему агенту для отправки,— письмо коменданту, и, к еще большему его негодованию, оно было распечатано.

— Кто посмел? — спросил он, привстав.

Она с полуупреком выкинула вперед свою маленькую ручку.

— Никто, с кем вы могли бы подраться, полковник; всего лишь я. У меня вообще нет обыкновения вскрывать чужие письма, и для себя самой я бы этого делать не стала; я сделала это для вас.

— Для меня?

— Для вас. Я сообразила, что вы можете предпринять, и велела Сэму принести письма сперва мне. Для меня неважно было, что вы напишете своей компании, потому что

они вами дорожат и ставят на ту же карту, что и вы. То письмо я вскрывать не стала, но *это* вскрыла, когда прочла, кому оно адресовано. В нем оказалось то самое, чего я ждала, и вы себя им погубили бы! Потому что, если бы вам прислали сюда солдат, непременно дошло бы до драки! Тише, не шевелитесь, полковник. Вам это нипочем, это в вашем вкусе. Но люди будут говорить, что солдат прислали не в предупреждение бесчинств, а что полковник Кортленд использовал свои старые дружеские связи, чтобы за счет правительства поддержать порядок у себя в имении. Стойте! Стойте, полковник! — приказала, вставая, маленькая своевольница и замахала своими красивыми руками, шаловливо изображая испуг и укоризну.— Не стреляйте! Конечно, вы сами не это имели в виду, но в таком примерно свете южане представят дело нашему правительству. Потому что,— продолжала она более мягко, но с лукавым огоньком в серых глазах,— если вы в самом деле думали, что у негров может явиться нужда в федеральной защите, вам следовало попросить *меня* написать коменданту о присылке охраны... и не для вас, а для Катона, чтобы он мог безопасно вернуться домой. Вы получили бы своих солдат; я вернула бы своего негра, о чем, мне кажется (приняв смиренный вид), сами вы не очень беспокоитесь; и ни один южанин слова не сказал бы против. Но последнее время (с еще более смиренным видом и старательно разглаживая ручками свою несколько примятую юбку) вы не часто утруждали меня своими советами.

Быстрая и совсем новая мысль озарила Кортленда. Впервые за время их знакомства он вдруг ухватил, что составляло подлинную сущность ее природы. Глядя на нее теперь ясным взором, он понял смысл этой мягкой благосклонности, такой чистосердечной, но не всегда поверяемой рассудком, ее независимым интеллектом, этой искренней речи и правдивых этих-интонаций. Перед ним стояла истинная дочь своих отцов — племени исконных политиков! Все, что он слышал об их ловкости, такте, об умении все подчинять своим целям, стояло перед ним в живом воплощении и облаченное к тому же в прелесть женственности. Странное чувство облегчения охватило его — может быть, зародившаяся надежда.

— Но каким образом это обеспечит безопасность Катону на будущее? Или послужит защитой другим? — сказал он, подняв на нее глаза.

— Вам, полковник, о будущем можно и не беспокоиться, если, как вы тут сообщаете, вы уходите со службы и вам назначают преемника,— ответила она, принимая более горделивую осанку.

— Но вы же не думаете, что я оставлю вас при таком тревожном положении,— сказал он с жаром. Но вдруг осекся, его лицо омрачилось.— Я забыл,— добавил он,— вы будете под надежной защитой. Теперь ваш... двоюродный брат... всегда подаст вам совет одноплемянника и... и самого близкого человека.

К его несказанному удивлению, мисс Салли наклонилась вперед в своем кресле и зарылась смеющимся лицом в ладони. Когда снова стали видны ямочки на ее щеках, она сказала сквозь смех:

— А не кажется ли вам, полковник, что в роли миротворца мой двоюродный брат потерпел еще худший провал, чем вы?

— Н-не понимаю,— проговорил с запинкой Кортленд.

— Вам не кажется,— продолжала она, протирая глаза с сокрушенным видом,— что если молодая женщина вроде, скажем, меня, когда ей до смерти наскучил весь этот шум, что вы-де северянин, а туда же, управляете черномазыми,— если эта женщина захотела бы показать соседям, каким радикалом и аболиционистом может стать такой же, как они, южанин, то она могла бы взять да и послать для образца за Джеком Дюмоном? Нет? Только, видит бог, я никак не думала, что они с Хигби возобновят эту чушь с вендеттой и примутся опять стрелять друг в друга.

— И когда вы послали за вашим двоюродным братом, это была только уловка, чтоб оградить меня? — тихо сказал Кортленд.

— Может быть, за ним не пришлось *посылать*, полковник,— сказала она с оттенком кокетства.— Скажем, я разрешила ему приехать. Он околачивался рядом, потому что у него тут имеется собственность, и он хотел через меня передать ее компании. Я знала, каковы его новые взгляды и идеи, и я подумала, что лучше мне посоветоваться с Чэмпи: как иностранец и давний здешний житель — более давний, чем вы,— он мог бы рассудить беспристрастно. Он,

случайно, ничего вам об этом не говорил — нет, полковник? — прибавила она без улыбки на губах, но с непередаваемой искоркой в глазах.

Кортленд потемнел в лице.

— Говорил, и еще он сказал мне, мисс Даус, что он и сам искал вашей руки, но что вы его отклонили, потому что здешних народ был бы против.

Она быстро вскинула на него глаза и потупилась.

— Вы считаете, я должна была принять его предложение? — медленно проговорила она.

— Нет? Но... знаете... вы мне говорили... — заторопился он.

Но она уже встала и встряхивала складки платья.

— Мы говорим уже не о делах, полковник, а дела — мое единственное извинение, я только ради них позволила себе прийти к вам и занять место Софи. Сейчас я пришлю ее к вам.

— Но, мисс Даус!.. Мисс Салли!

Она остановилась, колеблясь — неожиданная слабость в такой независимой особе, — потом медленно вытянула из кармана второе письмо, то которое Кортленд отправлял в компанию.

— Это письмо, как я вам уже говорила, полковник, я читать не стала, потому что я и так знаю, что в нем написано, но я решила прихватить с собой и его на случай, если вы передумаете.

Он приподнялся в подушках, когда она живо повернулась к двери; но как ни быстро ее ясное лицо скрылось из глаз, он успел увидеть: лицо Салли Даус залилось краской!

— Мисс Салли! — Он едва не вскочил с постели, но она уже ушла. Снова шорох в дверях — входит Софи.

— Позови ее назад, Софи, живей! — сказал он.

Негритянка покачала своим тюрбаном.

— Эх, золотко, чего захотел! Когда мисс Салли говорит: «Я уйду», — то уж ее назад не повернешь!

— Но, Софи! — может быть, его подстрекнуло что-то в выразительном лице девушки; может быть, это был только порыв его забытой юности. — Софи!.. (умоляюще) — Скажи мне: мисс Салли помолвлена со своим двоюродным братом?

— Еще чего! — сказала Софи возмущенно и высоко-

мерно.— Мисс Салли — с этим Дюмоном! С чего бы? Вы с ума сошли! Нет, конечно!

— А с Чэмпи? Нет? Скажи мне, Софи, есть у нее возлюбленный?

Софи сверкнула белками, закатила глаза в безмолвном презрении.

— И вы еще спрашиваете! Когда вы тут лежите с ужаленной рукой! Вы тут лежите, и мисс Салли — когда ей довольно свистнуть, и к ней сбегутся первые люди штата — ходит тут вокруг вас и бегаёт по вашим поручениям, и вы еще спрашиваете! Да! Есть у нее возлюбленный, и, мало того, вам тоже с ним не сладить. Вы теперь никуда от этого не уйдете — оба вы! — никогда! Она теперь ваша, и вы — ее... Навсегда! Потому что она сосала вашу кровь.

— Что! — крикнул Кортленд в ужасе. Ему представилось, что негритянка потеряла рассудок.

— Да! Где ваши глаза? Где ваши уши? Кто вы, что вы ничего не увидели и не услышали? Когда вас ночью вытащили из болота... с ужаленной рукой... кто, как не она,— бедное дитя! — эта самая мисс Салли припала к вам, и приложилась к ране своим детским ротиком, и высосала яд, и спасла вам жизнь, рискуя собственной жизнью? Говорите! И если есть хоть какая-то правда в ву-ду, разве вы не стали от этого «одна кровь, одна душа»? Ну вас, белый человек! Мне тошно с вами! Ой, да что вы! Лежите тихонько! Вам нельзя, полковник, ради бога! Хорошо, хорошо... я ее позову.

И позвала.

* * *

— Смотрите-ка, для меня это... полная неожиданность,— несколько дней спустя сказал Чэмпи, крепко пожимая полковнику здоровую руку,— но я на вас не в обиде, старина, и, ей-богу, это для нее уж такой со всех сторон разумный выбор, такой дельный, что никому, разумеется, и в голову не приходило. Черт возьми, все были настолько уверены, что такую девушку может увлечь только что-нибудь из ряда вон... и понимаете... вредное,

вроде этого ее двоюродного брата, или Хигби, или даже меня, черт возьми, что мы и не подумали посмотреть у себя под носом... не подумали о пользе дела. Да и вы на этот счет всегда выказывали себя таким холодным, неразговорчивым, таким рассудительным! Но я вас поздравляю! Теперь у вас дело будет поставлено на прочной основе, и, что еще важнее, вы получаете единственную женщину, способную его вести.

Говорят, он оказался истинным пророком. Во всяком случае, синдикат процветал, и со временем даже Риды и Хигби сочли небезвыгодным вступить в него. Расовых бесчинств больше не происходило; только на следующих выборах по районам голосование прошло мирно и дало демократам не столь внушительное большинство. Не было недостатка в тех, кто утверждал, что полковник Кортленд сделался попросту управляющим делами у миссис Кортленд; что она его проглотила целиком, как всех, кто подпал под ее влияние, и что она не успокоится, пока не проведет его сенатором (представляющим от миссис Кортленд) в конгресс. Но когда я в последний раз — десять лет назад — обедал у них в Вашингтоне, я нашел их довольными и счастливыми, и мне запомнилось, что замечания миссис Кортленд об интересах федерации и штата, о постановке женского образования и о домоводстве были отменно умны и практичны.

Будущее

Труды

вечный

продолжается...

